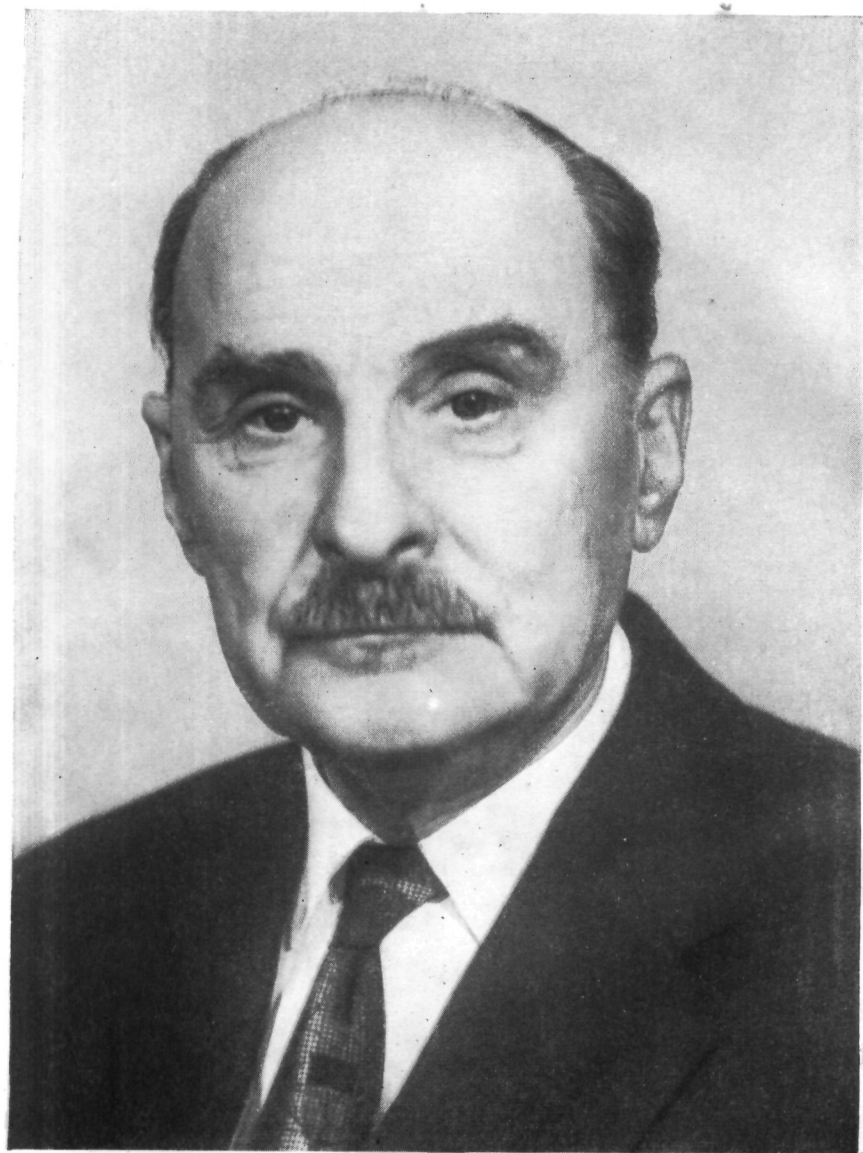

Н.И. К О Н Р А Д

избранные
труды

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Н. И. КОНРАД

Н.И. КОНРАД

избранные
труды

ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» • МОСКВА 1974

Редакционная коллегия:

М. Б. ХРАПЧЕНКО (ответственный редактор),
Е. М. ЖУКОВ, Б. Л. СУЧКОВ, В. Н. ЯРЦЕВА,
И. М. ОШАНИН, Н. И. ФЕЛЬДМАН-КОНРАД, И. С. БРАГИНСКИЙ

Ответственный редактор

Е. М. ЖУКОВ

Составитель

Н. И. ФЕЛЬДМАН-КОНРАД

10603—0475
К $\frac{042(02)-74}{78-73}$

© Издательство «Наука», 1974 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Николай Иосифович Конрад родился в г. Риге 13 марта 1891 г. в семье железнодорожного служащего. В 1908 г. он окончил Рижскую гимназию и в том же году поступил в Петербургский университет на китайско-японское отделение восточного факультета. Одновременно он состоял слушателем Практической восточной академии в Петербурге, где занимался японским языком.

В 1912 г. по окончании университета Н. И. Конрад был командирован в Японию для научной работы. В 1913 г. по возвращении из командировки он опубликовал первое исследование — о японской начальной школе.

Преподавательская деятельность Н. И. Конрада началась в 1913 г. в Киеве в Коммерческом институте, где он читал лекции по китайскому и японскому языкам, а также по этнографии Дальнего Востока.

В следующем, 1914 г. Н. И. Конрад начал подготовку к профессорскому званию при Петербургском университете. Во время новой поездки в Японию (1914—1917 гг.) он изучал японский язык, литературу и философию, а также китайскую философию в Токийском университете. В это же время совершил несколько поездок в Корею, где занимался корейским языком и этнографией Кореи. Вернувшись в июле 1917 г. в Петроград, Н. И. Конрад успешно сдал магистерские экзамены по японской, китайской и корейской филологии.

В 1919 г., находясь в г. Орле, Н. И. Конрад принял активное участие в организации Пролетарского (впоследствии — Государственного) университета. В 1920—1922 гг. Н. И. Конрад состоял ректором Орловского университета, где читал лекции по истории культуры и истории философии.

С 1922 по 1939 г. Н. И. Конрад работал в Ленинградском государственном университете, а также в Ленинградском институте живых восточных языков (позднее переименованном в Ленинградский восточный институт), возглавляя впервые созданную им кафедру японского языка и литературы. Одновременно с 1931 г. и до конца своей жизни Н. И. Конрад состоял научным сотрудником Института востоковедения Академии наук СССР.

В 1926 г. Н. И. Конрад получил звание профессора, в 1934 г. — ученую степень доктора филологических наук. В том же году он был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР, а в 1958 г. — ее действительным членом. Правительство СССР наградило Н. И. Конрада двумя орденами Ленина, двумя орденами Трудового Красного Знамени и медалями. За редактирование двухтомного «Большого японо-русского словаря» в 1972 г. он получил посмертно Государственную премию СССР.

Николай Иосифович Конрад был ученым исключительно широкого диапазона — востоковедом, историком, блестящим знатоком мировой культуры. В последние годы жизни он возглавлял в Академии наук СССР проблемный Научный совет по истории мировой культуры.

Наиболее значительный вклад, внесенный академиком Конрадом в советскую науку,—его востоковедная деятельность, отмеченная крупными достижениями в сфере филологии и истории Японии, Китая и Кореи. Будучи создателем и организатором советского японоведения, Н. И. Конрад оставил непревзойденные образцы тонкого и глубокого анализа произведений японской классической литературы, которая всегда рассматривалась им не изолированно, а в органической связи с историей, с социально-экономическими процессами, происходившими на Японских островах.

В 1921 г. он опубликовал два выдающихся памятника японской классической феодальной литературы — «Записки из кельи» и «Исэ-моногатари». В 1924 г. последовало издание третьего памятника — четырех глав из «Гэндзи-моногатари». Перевод и комментарии Н. И. Конрада представляют пример мастерства, раскрывающего неповторимые черты произведений, относящихся к отдаленному прошлому, но достойных быть включенными в общую сокровищницу мировой культуры. В 1927 г. Н. И. Конрад опубликовал первый том работы «Японская литература в образцах и очерках», где наряду с яркими литературоведческими характеристиками — «очерками» содержится много художественных переводов, принадлежащих самому Николаю Иосифовичу.

Не ограничиваясь исследованием и популяризацией японской старой классической литературы, Н. И. Конрад уделял большое внимание изучению более близких по времени и современным литературных процессов. В 1932 г. он опубликовал большую исследовательскую статью «Первый этап японской буржуазной литературы». В его лекциях по истории новой японской литературы, изданных стеклографическим способом Ленинградским университетом в 1936 г., а также в статьях, посвященных отдельным писателям и их произведениям, были поставлены многие принципиальные теоретические вопросы литературоведения. Параллельно с исследованием японской литературы Н. И. Конрад большое внимание уделил изучению японского театра. Театроведческая деятельность Н. И. Конрада была органически связана с его постоянным интересом к истории культуры. Начиная с 1924 г. в течение ряда лет он был действительным членом Института истории искусств в Ленинграде по разряду истории и теории театра.

Исключительно велики заслуги Николая Иосифовича в области исторической науки. В 1923 г. была опубликована его книга «Япония. Народ и государство», а также статья о проблемах японского феодализма. На протяжении всей своей научной деятельности Николай Иосифович неоднократно возвращался к исследованию феодальных отношений в Японии, рассматривая феодальную социально-экономическую формацию как неразрывный комплекс политических, экономических и идеологических процессов и явлений. Это имело положительное значение, поскольку в 20-е и 30-е годы нашего столетия в советской историографии было еще сильно распространено одностороннее истолкование сущности социально-экономических формаций, которое все сводило исключительно к экономической характеристике господствовавшего способа производства. Изучая на материалах японской истории базисные категории в их диалектическом единстве с надстроечными, Н. И. Конрад творчески воспри-

нял марксистско-ленинское понимание социально-экономической формации.

Николай Иосифович уделял особое внимание критическому сопоставлению текстов исторических документов и памятников культуры, раскрывая действительные социально-экономические процессы. Он постоянно и вполне обоснованно предостерегал против фетишизации многих официальных правительственных и законодательных актов, императорских указов и т. п., которые позволяют до известной степени судить о намерениях и тенденциях господствовавших классов, но не дают еще подлинной картины реальной исторической жизни, в особенности условий существования и деятельности широких народных масс.

Талант Н. И. Конрада как историка развернулся наиболее полно в 50-е годы, когда он принял руководящее участие в подготовке соответствующих томов и разделов «Всемирной истории». Помимо большой редакторской работы над третьим томом «Всемирной истории» Николай Иосифович сам написал в этом томе ряд глав, в том числе главы о развитии феодальных отношений в Китае, о возникновении и развитии феодализма в Тибете, Индокитае, Корее, Японии.

В качестве члена главной редакции «Всемирной истории» Н. И. Конрад разрабатывал общую концепцию истории феодальной социально-экономической формации; уточнил содержание и хронологические грани установившегося в исторической науке термина «средневековье». Н. И. Конрад со всей определенностью отметил, что все народы, из совокупной деятельности которых сложилась история средних веков, входили в сферу господства феодальных отношений. Он пояснил при этом, что феодальный этап исторического пути человечества народы проходили по-разному, нередко в разные исторические сроки, но при всех своих конкретно-исторических различиях они подчинялись действию общей закономерности — феодализм в средние века составлял «ведущее начало социально-экономического и культурного процесса в его общепристорическом масштабе»¹.

Стремясь глубоко проникнуть в законы движения общества, Николай Иосифович много работал над вопросами внутренней периодизации феодальной формации. Его особенно интересовали закономерности возникновения той суммы идеологических и общекультурных процессов на определенной ступени развития феодальных отношений, которые он объединял общим понятием «Ренессанс».

Исключительно важно в методологическом отношении, что Николай Иосифович связывал эти новые процессы с развитием городов, с появлением новых торгово-ремесленных и культурных центров в феодальном обществе. Ссылаясь на слова К. Маркса, что «начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию»², он указывал: третий и последний, по его определению, этап средневековья, связанный с явлениями Ренессанса, еще не был началом капитализма: «до этого было еще далеко; экономическим господствующим строем был все еще феодализм, но пришедший к тому этапу своей истории, не пройдя которого он не смог бы впоследствии подвести свои народы к порогу Нового времени, продолжившего дорогу к капитализму»³.

¹ Н. И. Конрад, *Запад и Восток*, М., 1972, стр. 432.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, *Сочинения*, т. 23, стр. 728.

³ Н. И. Конрад, *Указ. соч.*, стр. 437.

Крупномасштабный, «всемирно-исторический» подход Н. И. Конрада к разрешению многих проблем истории стран Дальнего Востока, и в частности истории Японии, придавал особую силу и убедительность его аргументации. Высоко оценивая достижения исторической науки в Японии, Николай Иосифович критически подходил к выводам многих японских историков. Так, в частности, Н. И. Конрад, как и его ученики, отрицательно относился к весьма распространенной в Японии концепции о существовании в этой стране в древности развитой рабовладельческой формации. Не ограничиваясь ссылками на конкретноп-исторический материал, Николай Иосифович развернул и чисто теоретическое обоснование своей точки зрения. Как он отметил, в VII в. н. э. в Восточной Азии, в частности в Китае, в Корее и во Вьетнаме, уже господствовали феодальные отношения. Могли ли в этих условиях рабовладельческие отношения, существовавшие в Японии, выходящей в это время из стадии родо-племенного строя, развиться до уровня господствующих производственных отношений? Утверждение феодализма во всем данном обширном регионе отнюдь не благоприятствовало возникновению рабовладельческого строя в одной из стран. «Поэтому в Японии, — писал Н. И. Конрад, — элементы рабовладельчества отошли на задний план и на первый выступили те элементы, которые выросли в обстановке родо-племенных отношений, но могли быть преобразованными в феодальные»⁴.

Показывая воздействие внешней среды на формирование социально-экономических отношений, отвергая представление об изолированности отдельных стран в ходе их исторического развития, Н. И. Конрад в то же время неоднократно обращал внимание на то, что островное положение Японии способствовало все же ее известному обособлению. Япония до середины XIX в. только однажды подверглась опасности внешнего вторжения — в период монгольских завоеваний в Восточной Азии. Япония не испытала прямого воздействия тех катастрофических перемен, которым оказались подвержены народы, населявшие азиатский континент, в результате опустошительных войн и переселений народов. Социально-экономические процессы, происходившие на Японских островах, не подвергались той степени насильственной деформации, которая была характерна для народов континентальных стран. Н. И. Конрад полагал, что по этой причине история Японии дает картину наиболее очищенного от внешних наслоений социально-экономического прогрессивного развития, обусловленного исключительно внутренними общественными закономерностями. Несомненно, это особенно справедливо относительно тех двух с половиною столетий, когда господствующие классы Японии сознательно проводили политику «закрытия страны». Вероятно, в этой связи можно рассматривать известное примечание К. Маркса в «Капитале», где он говорит, что именно японский феодализм дает возможность наилучшим образом понять сущность этой формации⁵. В то же время очевидно, что мирное воздействие внешней среды на Японию никогда не прекращалось. Островное население Японии обязано континентальной Азии самыми различными сторонами материальной и духовной культуры, письменностью, религиозно-философскими системами и многим другим.

Н. И. Конраду было свойственно подходить к истории каждой страны, рассматривая ее не изолированно, а в тесной связи с другими странами, принадлежащими к общему региону.

⁴ Н. И. Конрад, Указ. соч., стр. 18.

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 729.

Изучение японской истории неизбежно приводило Николая Иосифовича к исследованию проблем истории Китая и Кореи. Особенно велик вклад Н. И. Конрада в изучение Китая. В 1950 г. вышло в свет его исследование и перевод древнейшего китайского трактата о военном искусстве — «Сунь цзы». Этот капитальный труд Н. И. Конрада — свидетельство его глубокого проникновения в историю и историю культуры древнего Китая и одновременно пример тончайшего филологического анализа сложного литературного памятника. В 1958 г. он опубликовал со своими комментариями перевод другого древнего китайского трактата о военном искусстве — «У цзы».

В 1957 г. под редакцией Н. И. Конрада вышли фрагменты перевода «Ши цзин» — знаменитой древнейшей китайской «Книги песен» в переводе А. А. Штукина. А в 1959 г. в книге «Китайская литература. Хрестоматия» были опубликованы фрагменты переведенных им старинных китайских литературных памятников. В этой же книге Н. И. Конрад стал автором «Краткого очерка истории китайской литературы» и нескольких вступительных статей, характеризующих классиков — Конфуция, Мэн-цзы, Лао-цзы, Хань Юя, Лю Цзун-юаня, Ли Шан-ина и Оуян Сю. В последующие годы Н. И. Конрад неоднократно обращался к классическим образцам старой китайской литературы («Восемь стансов об осени Ду Фу», «Три танских поэта» — 1960 и др.). Под редакцией Н. И. Конрада, с его предисловием и комментариями, был опубликован труд видного советского синолога Ю. К. Шуцкого о китайской классической «Книге перемен».

В 1960 г. Н. И. Конрад завершил сложнейшую работу по редактированию двухтомного труда Н. А. Невского «Тангутская филология». Это уникальное исследование, принадлежащее к числу выдающихся достижений советской науки, могло быть опубликовано только в результате высококвалифицированного и бережного редактирования человеком, который был полностью в курсе занятий Н. А. Невского и хорошо понимал его научные интересы.

Огромное место в научной деятельности Н. И. Конрада принадлежит общепилологическим (особенно проблемам взаимодействия литератур) и специально лингвистическим проблемам.

Соединение научно-исследовательской теоретической деятельности с практической работой по реализации научных достижений — важная черта, характеризующая Н. И. Конрада. Поэтому большое место в его литературном наследии занимают лекции учебного характера по истории, литературоведению, языкознанию, истории искусства. Поразительный талант педагога и блестящего популяризатора научных достижений отличает деятельность Н. И. Конрада на всем ее протяжении. У Николая Иосифовича всегда было множество учеников, которые с величайшей благодарностью вспоминают его яркие лекции, творческую атмосферу, неизменно сопутствовавшую руководимым им семинарским занятиям, насыщенные идеями индивидуальные консультации по самым разнообразным сюжетам, связанным с жизнью восточных стран и в первую очередь Японии и Китая.

Главной отличительной чертой научно-педагогической деятельности Н. И. Конрада была исключительная широта подхода к изучаемому предмету. Если это был восточный язык, то он всегда рассматривался в неразрывной связи со всем комплексом национальных особенностей населения, говорящего на данном языке, его быта и культуры. Если речь шла об истории или истории литературы, то они всегда сопоставлялись

со всемирно-историческим процессом, с теми явлениями, которые были присущи мировой литературе.

В своих трудах Н. И. Конрад твердо и последовательно проводил идею культурного равноправия Востока и Запада. С полным основанием он считал, что существующие признаки известного отставания стран Востока от уровня высокоразвитых стран Европы и Америки носят временный характер. Всемирно-исторический процесс подтверждает общие закономерности для всех стран мира, как западных, так и восточных. Следовательно, в истории всех народов, независимо от их принадлежности к тому или иному ареалу, можно обнаружить как периоды подъема, обусловленного внутренними и внешними обстоятельствами, так и полосы известного упадка.

Решительно выступая против европоцентризма, Н. И. Конрад не менее категорически отвергал и азицентризм. Отмечая опасность азицентризма, Н. И. Конрад писал, что он возможен и на Западе и на Востоке. «На Западе своеобразный азицентризм может проявиться у тех востоковедов, которые все еще считают, что свет вообще идет с Востока, забывая о великом свете Запада; на Востоке — у тех ученых, которые, преисполненные вполне законной гордости многотысячелетней историей своих стран, огромным и всесторонним развитием в них культуры, перестают видеть то же, и ничуть не в меньших масштабах, и в других странах, прежде всего в Европе. Народов искони передовых и искони отсталых нет; все большие цивилизованные народы Востока и Запада имели в своей истории полосы и стремительного движения вперед, и движения замедленного, а то и вовсе приостанавливающегося, что приводило к временному отставанию. И ни у кого нет права считать себя народом особым, превосходящим всех других. Каждая нация должна обладать чувством собственного достоинства, но мания величия у нации столь же ложна, вредна и просто смешна, как и мания величия у отдельного человека»⁶. В книге «Запад и Восток», отличающейся исключительным богатством содержания, Н. И. Конрад как бы резюмировал свою общестороннюю концепцию и концепцию развития мировой культуры. Заключительная часть этой книги так и называется «О смысле истории».

Какова же в своих главных чертах общесторонняя концепция академика Конрада?

Прежде всего она включает в себя понимание единства всемирно-исторического процесса. История человечества рассматривается как целое. Революционные перевороты в истории носят глобальный характер. Н. И. Конрад говорит о трех крупнейших революционных переворотах во всемирной истории — крушении древнего общества, которое в социально-экономическом аспекте было преимущественно рабовладельческим, крушении средневекового общества, в котором господствовали феодальные отношения, и, наконец, начале крушения капиталистического строя, показавшем, что будущее принадлежит социалистическим отношениям, «считая при этом социализм первой фазой коммунизма»⁷. Н. И. Конрад подчеркивал, что третий революционный переворот принципиально отличен от двух предыдущих. «Социалистическая революция, — указывает он, — в корне меняет самый ход истории: она ведет не к замене одних классов другими, а к отмиранию классов вообще и соединенного с

⁶ Н. И. Конрад, Указ. соч., стр. 28.

⁷ Там же, стр. 450.

ними общественного антагонизма. Поэтому революционный поворот социалистического содержания не занимает очередного места в ряду бывших до этого, а противостоит им, вместе взятым»⁸.

Далее Н. И. Конрад отмечал, что именно современная эпоха перехода к социализму позволила лучше осознать прошлое человечества, понять содержание мирового исторического процесса.

Н. И. Конрад подчеркивает, что нельзя строить концепцию исторического процесса на материале, ограниченном рамками Европы или Азии. Сами понятия «Запад» и «Восток» — неисторичны и потому «ненадежны», необъективны для научного исторического анализа. «Европа», «Азия», «Африка» и другие аналогичные географические обозначения не могут служить основанием для конструирования исторического своеобразия или исторической общности народонаселения соответствующих территорий.

Н. И. Конрад уделяет большое внимание проблеме синхронизации крупных исторических процессов, протекавших в весьма удаленных друг от друга регионах. Сопоставляя, например, крупномасштабные крестьянские войны против феодалов, происходившие в средние века в Европе и в Китае, когда безусловно исключено какое-либо непосредственное взаимное влияние, Н. И. Конрад приходит к выводу, что эти массовые народные движения объясняются единством всемирно-исторического процесса, были порождены одинаковыми социальными причинами, свидетельствующими о действии общих для всех стран нашей планеты исторических закономерностей. Невозможно понять эти закономерности, говорит академик Конрад, «оставаясь в рамках истории одной какой-либо страны»⁹.

В то же время «каждый народ, большой или малый по своей численности, имеет свою индивидуальную историю, всегда обладающую своими оригинальными, неповторимыми чертами». История человечества, которая складывается из деятельности отдельных народов с их индивидуальными особенностями, отнюдь не обезличенный процесс. В то же время, как очень тонко замечает Н. И. Конрад, «часто смысл исторических событий, составляющих, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открывается лишь через общую историю человечества»¹⁰.

Н. И. Конрад развивал последовательно материалистическую, марксистскую теорию исторического прогресса. Он писал о поступательном ходе истории и рассматривал большие ступени развития общества как прогрессивные эпохи, сменявшие друг друга в соответствии с объективными изменениями в характере производительных сил. «Несомненно, все общественные формы, в основе которых лежит эксплуатация человека человеком, сопряжены со страданиями огромного большинства человечества, но все же они, эти формы, не были созданием чьей-то злой воли. Они были созданы самой историей — теми условиями, в которых происходило освоение человеком ресурсов природы и ее сил... Мы видим, что в процессе исторической жизни исчезло рабство в своей исторической форме, исчезло крепостничество; мы видим, что и капиталистическая эксплуатация начинает заменяться в социализме свободным трудом гармонически ассоциированных людей... В свете всего этого становятся осо-

⁸ Н. И. Конрад, Указ. соч., стр. 451.

⁹ Там же, стр. 453.

¹⁰ Там же, стр. 454.

бенно ясными не только направленность исторического процесса и в этой области, но и его поступательный характер»¹¹.

Николая Иосифовича Конрада как историка культуры особенно интересовала проблема соответствия изменений в интеллектуальной жизни общества общему его поступательному движению. В этой связи он решительно оспаривал «традиционную» точку зрения на средневековье как на историческую полосу культурной деградации, как на «эру темноты и упадка». «При определении значения всякой эпохи истории необходимо каждое время оценивать с точки зрения того, что оно, это время, принесло с собой нового в сравнении с предыдущим и каково это новое: содействовало ли дальнейшему продвижению или нет»¹². Н. И. Конрад подробно разбирает аргументацию тех, кто идеализировал античность и соответственно «принизал» культуру средневековья. Он доказывает, что обвинители средневековья не были достаточно объективны и совершенно произвольно выбирали из наследия античного мира только то, что казалось им совершенным. В действительности человечество ушло вперед по сравнению с тем, каким оно было в античную эпоху.

Столь занимавшая Н. И. Конрада проблема Ренессанса представляет, по его убеждению, веское доказательство поступательного движения человечества и в духовной сфере в условиях средних веков. Признание ценности человека, человеческой личности, которое лежало в основе эпохи Возрождения — составной части средневековья, хотя и бывшей новым явлением, — служит, по мысли Н. И. Конрада, подтверждением прогрессивности данной исторической эпохи, продолжающей поступательное движение человечества. «...Для определения подлинно прогрессивного, — говорит Н. И. Конрад, — есть критерий, выработанный самой историей. Критерий этот — гуманизм в двояком аспекте: как обо значение специфических свойств человеческой природы и как оценка этих свойств в смысле высшего разумного и вместе с тем этического начала человеческого поведения и всей общественной жизни»¹³.

Н. И. Конрад установил существование различных форм гуманизма, обусловленных конкретными историческими условиями. В Китае — это признание ценности человека, его способности к самосовершенствованию; в Иране и Средней Азии — высокая оценка моральных качеств, доступных человеку, таких, как великодушие, дружба; в Италии — признание ценности человеческой личности как носительницы разума. Средние века, которые на определенном этапе вписали в историю человечества яркие страницы Возрождения, предстают в изображении Н. И. Конрада не как мрачный период интеллектуального спада, засилья сковывающего человека религиозно-догматического мировоззрения, а как начальный этап духовного раскрепощения, завершенного последующими поколениями.

«Гуманизм, — пишет Н. И. Конрад, — является идеей по своему общественному содержанию, может быть, важнейшей из всех великих идей, выдвинутых человечеством на протяжении многих тысячелетий его истории. Идея гуманизма — результат огромного исторического опыта в его наиболее глубоком восприятии, результат осознания человеком в процессе такого опыта самого себя, своих общественных задач». Следует отметить, что идея гуманизма не представляет для Н. И. Конрада не-

¹¹ Н. И. Конрад, Указ. соч., стр. 468—469.

¹² Там же, стр. 479.

¹³ Там же, стр. 482.

кое абстрактное понятие, существующее вне времени и пространства. Об этом свидетельствуют следующие слова: «важнейший источник зла — эксплуатация человека человеком и обращение к войне как к способу разрешения конфликтов. Борьба за уничтожение такой эксплуатации, за устранение войн из практики истории и составляет сейчас главное содержание гуманизма нашего времени»¹⁴.

Таким образом, налицо исторический подход к понятию гуманизма. На различных этапах развития общества он носил различные формы, выполнял различные конкретные функции. Но последовательность поступательного движения общества обязывает отдавать должное не только борцам за коммунистические идеалы современности, но и далеким провозвестникам ценности человека.

Многогранная научная и научно-педагогическая деятельность академика Николая Иосифовича Конрада¹⁵ завоевала ему глубокое уважение всех, кто так или иначе соприкасался с его яркой индивидуальностью, с его творческой мыслью. Широта разносторонних интересов Н. И. Конрада обуславливала его активное участие во многих общественных мероприятиях, связанных с развитием литературы и искусства, с установлением культурных контактов нашей страны с зарубежными странами.

Многие работы Н. И. Конрада были переведены на иностранные языки и получили широкое распространение за пределами нашей страны. Исключительно высокую оценку получила его деятельность в Японии.

* * *

В настоящем томе публикуется комплекс исторических исследований Н. И. Конрада, посвященных по преимуществу странам Восточной Азии. Некоторые работы публикуются впервые, например «Древняя история Японии». Переиздается статья «Надельная система в Японии», опубликованная впервые в 1936 г. маленьким тиражом и ставшая библиографической редкостью.

Все эти труды в совокупности дают представление о творческой лаборатории ученого, об исключительной требовательности Н. И. Конрада к самому себе (он воздержался от издания почти завершенных исследований). Вместе с тем надо отметить, что основные, наиболее вышестоящие, по мнению автора, мысли были опубликованы им в форме кратких выводов¹⁶.

«Очерки по «Истории стран Восточной Азии в средние века»» дают возможность читателям познакомиться с неосуществленным грандиозным замыслом Н. И. Конрада. Так как рукопись оказалась наименее готовой для публикации, она публикуется в приложении частично, в наиболее завершенных фрагментах. Сопоставление этой ранней рукописи с последующими выступлениями Н. И. Конрада в печати показывает, что не все свои гипотезы он считал вполне доказанными. Однако заслуживают внимания многие его идеи, дающие возможность полнее понять и разви-

¹⁴ Н. И. Конрад, Указ. соч., стр. 484.

¹⁵ Библиографию работ Н. И. Конрада см. «Япония. Китай». М., 1961, стр. 324—330; «Историко-филологические исследования». М., 1967, стр. 9—20.

¹⁶ См. «История стран зарубежного Востока в средние века». М., 1967; «История стран Азии и Африки в средние века». М., 1968; «Всемирная история», т. II, III. М., 1956—1959; статья «Япония» («Большая Советская Энциклопедия», т. 49) и др.

тие авторской концепции, и его многолетний непрерывный труд над уточнениями разработанной им системы взглядов.

Посредством лекционных курсов, в результате личного общения идеи Н. И. Конрада стали доступны его многочисленным ученикам. Они оказали влияние на многих исследователей и содействовали формированию целостной концепции истории Востока.

Настоящая публикация позволяет полнее оценить тот солидный фундамент, на который опирались теоретические обобщения автора.

Обаятельный облик большого ученого академика Николая Иосифовича Конрада, которого можно с полным основанием назвать «гуманистом нашего времени», навсегда останется в памяти его друзей и учеников, а его научное литературное наследство прочно войдет в золотой фонд отечественного востоковедения.

* * *

В работе над рукописями автор в разное время использовал различные системы транслитерации восточных собственных имен и названий. Редакция сохранила транскрипцию автора.

Е. М. Жуков

ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ ЯПОНИИ

ДРЕВНЕЙШИЙ РОДОВОЙ СТРОЙ

Исследование содержания какого-нибудь периода истории должно опираться на изучение источников, относящихся к нему. Это положение остается верным для древней эпохи: и здесь мы должны найти такие источники и на них основывать наши труды. Древний период истории Японии заканчивается в середине VII в. н. э. Начало же его восходит к очень отдаленным временам. Какими же источниками мы обладаем для изучения древней истории Японии?

В самом начале своей исторической жизни народ еще не имеет письменности. Ожидать поэтому письменных источников, возникших в эпоху первобытного коммунизма и даже раннего родового строя, совершенно невозможно. Письменность появляется обычно сравнительно поздно, когда уже первые этапы исторического развития пройдены.

Как известно, японцы усвоили китайские иероглифы. Впоследствии на их основе была выработана в дополнение к ним слоговая азбука *кана* в двух графических вариантах — *катакана* и *хирагана*, — сведенных в две алфавитные системы — *годзюон* (для *катакана*) и *ироха* (для *хирагана*). До появления китайской иероглифической письменности своей письменности у японцев не существовало. Правда, археологи обнаружили в глубокой древности примитивное рисуночное письмо и условные значки, которые могут считаться первым шагом по пути к изобретению письменности. Первое обнаружено на древних металлических гонгах и на стенах пещер (в преф. Коти); вторые — на глиняных сосудах, найденных в древних пещерных жилищах (в преф. Саитама). Но это еще не письмо, а только его зародыши, не получившие к тому же на японской почве развития. Кроме того, кое-где обнаружены следы знаков, еще более похожих на письменные. Это дало повод некоторым японским исследователям еще в период феодализма (например, Хирата Ацутанэ) утверждать, будто в самую древнюю эпоху (так называемая «эра богов») существовало письмо, которое они так и назвали — письмо «эры богов». Однако исследования установили, что оно принадлежит к другим древним системам письменности (к древнекорейской, может быть, к древнетурецкой) и попало в Японию благодаря появлению на Японских островах групп, принадлежащих к другим народностям. К тому же и эти знаки не получили никакого развития.

Таким образом, письменность в Японии появилась благодаря Китаю и Корее, служившей проводником китайской культуры. Когда эта китайская письменность была занесена? Традиция, идущая от хроник VIII в. — «Кодзики» и «Нихонги», считает, что иероглифы впервые попали в Японию в 404—405 гг. Разумеется, это скорее указание на официаль-

ное признание китайской письменности в Японии. Проникновение же ее относится, по-видимому, к VI—VII вв., когда отмечаются оживленные сношения с Кореей и Китаем.

Появление письменности повлекло за собой появление письменных памятников. Наиболее древними — из числа дошедших до нас — являются надписи (стелы) в некоторых буддийских храмах, например Хорюдзи в Нара, «Закон» принца Сётоку-Тайси (604 г.), две исторические хроники — «Кодзики» (712 г.) и «Нихонги» (720 г.), географически-этнические описания различных местностей — «Фудоки» (VIII в.), хроника «Когосюи» (808 г.). Стелы и по своей малочисленности, и по содержанию не имеют значения для истории. «Закон» Сётоку-Тайси (всего 17 статей) известен только из позднейшего памятника. Поэтому историк древней Японии располагает только «Кодзики», «Нихонги», «Фудоки» и «Когосюи», т. е. памятниками, возникшими в VIII—IX вв.

Самыми важными из них являются «Кодзики» и «Нихонги». Но это произведения VIII в., и если они говорят о современных им событиях, то эти события относятся к периоду не позднее чем конец VII — начало VIII в. О более ранних эпохах — эпохах древнейших — они непосредственно не говорят. Поэтому с точки зрения задачи реконструкции древнейшей истории Японии хрониками «Кодзики» и «Нихонги» мы можем пользоваться только в том случае, если удастся отделить все позднейшее и вскрыть те сведения о ранних эпохах, которые, может быть, там есть. Приходится поэтому искать, нет ли каких-нибудь других письменных источников, которые непосредственно говорили бы о Японии более ранней эпохи и сами появились бы в эту эпоху. А такие есть: это китайские источники. Японской наукой произведена большая работа по выяснению, где, в каком китайском памятнике что-либо пишется о Японии. Сейчас можно точно перечислить китайские исторические памятники, в которых встречаются те или иные сведения о Японии.

Самый ранний материал встречается в «Цянь Хань шу» («Истории Ранней Ханьской династии»). В ней содержатся первые упоминания о Японии, причем данные относятся к Японии I в. до н. э. Некоторые сведения содержатся также и в «Хоу Хань шу» («Истории Поздней Ханьской династии»). Они относятся к Японии I—II вв. н. э. Третий китайский памятник — так называемое «Вэй чжи» («Описание царства Вэй») — часть известного памятника «Саньго чжи» (III в.). Здесь имеется специальная глава о так называемых важень — японцах. Это самое подробное описание Японии, которое существует в китайских источниках и отличается максимальной достоверностью. Далее идет «Сун шу» («История Сунского царства»). Она включает упоминания о Японии V в. Таким образом, китайские источники приводят сведения начиная с I в. до н. э.

Что дают китайские памятники? Из сообщений «Цянь Хань шу» наиболее важно следующее: «Они [важень] распадаются на более чем 100 государств. Они ежегодно приезжают к нам и приносят нам дань».

Из сообщений «Хоу Хань шу» важны упоминания о том, что из Японии приезжают послы к ханьскому двору. Одно из таких посольств, относимое ханьской хроникой к 57 г., имеет особое значение. Это было посольство из «страны Идо». Император Гуан У-ди пожаловал царю этой страны золотую печать. И вот в 1784 г. в Канодзаки, в уезде Нака, в пров. Тикудзэн, на о-ве Кюсю, одним крестьянином была найдена в земле старинная золотая печать с китайской надписью: «Хань — царю страны Идо». Известно, что «Идо» — старинное название того района

Кюсю, где была найдена печать. Очевидно, посольство 57 г. — действительный факт, а это, в свою очередь, заставляет относиться к показаниям китайских хроник с большим доверием.

В «Вэй чжи» сообщаются уже подробные сведения о стране Ямат, которую японские историки отождествляют с Ямато. Правда, о месте страны Ямато идет большой спор. Одни полагают, что она находилась на Кюсю, другие — в Кинай. Однако больше оснований считать, что Ямато находилось в Кинай. В описании «Вэй чжи» самое интересное для нас — некоторые указания на государственный и социальный строй, существовавший тогда в Японии. «Вэй чжи» рассказывает о государстве, во главе которого стояла царица Химико. Описывается ее двор, сообщается, что у нее более тысячи рабынь, описывается ее дворец; в этом дворце стоит многочисленная стража и т. д. Сообщается, что царица Химико завоевала окружающие государства и во главе завоеванных стран (*кун*) поставила своих наместников.

Основные сведения, дающиеся в «Сун шу», заключаются в перечислении походов, которые совершались царством Ямато по всем направлениям, и результатов этих походов — покорении многих стран. Другими словами, по данным «Сун шу», покорение страной Ямато всех прочих стран в V в. как будто закончилось и образовалось уже одно государство. Вот в самом кратком изложении те наиболее существенные данные, которые приводятся в китайских источниках. Ясно, что они говорят не о древнейшем прошлом японского народа, а о процессе образования раннего племенного государства, о появлении рабов, о появлении правителей, т. е. об эпохе гораздо более поздней. Это эпоха позднего родового строя и в дальнейшем — его распада.

Памятники древней корейской историографии могли бы пролить немалый свет на раннюю японскую историю. Сношения с Кореей существовали уже в глубокой древности, а Корея гораздо раньше усвоила китайскую письменность. К сожалению, эти памятники до нас не дошли. Наиболее ранний из них — хроника княжества Пэкче, возникшая во второй половине IV в. Она известна нам по тем выдержкам, которые помещены в «Нихонги». Сведения о Японии поэтому находятся только в корейских хрониках, которые появились гораздо позже. Первой такой хроникой является «Самгук саги» («История трех царств»), составленная в 1145 г. Она повествует о событиях приблизительно с начала нашей эры до 935 г. В ней содержатся извлечения из более ранних, тогда еще существовавших или сохранившихся во фрагментах памятников, до нас, однако, не дошедших.

Обратимся теперь к японским источникам. Как я уже указал, основными для нас являются хроники «Кодзики» и «Нихонги». «Кодзики» закончена в 712 г., «Нихонги» — в 720 г. Обе хроники в равной мере излагают всю историю Японии, начиная с сотворения мира вообще, т. е. «эры богов». «Кодзики» доводит свое повествование до 628 г., т. е. до конца царствования Суйко, иначе говоря, до регентства Сётоку-Тайси; «Нихонги» — до 697 г., т. е. до конца царствования Дзито. Фактически «Кодзики» повествует о событиях до конца V в., так как, начиная с царя Нинкэн, все изложение «Кодзики» не идет дальше простой генеалогии.

В связи с этим становится очень важной «Нихонги», доводящая свой рассказ до 697 г. Итак, отличие этих японских источников от китайских заключается прежде всего в том, что они гораздо более поздние. Кроме того, китайские памятники излагают те сведения о Японии,

которые накопились за ближайший к составлению самого памятника период, и в этом смысле они более или менее «современны» сообщаемым ими сведениям. Японские же хроники в этом смысле «современны» только самым последним частям своего повествования, т. е., если брать широко, VI—VII вв. Мы можем найти в «Кодзики» и «Нихонги» достоверный исторический материал об этих столетиях. С VI в. начинается более точная хронология: с 527 г. даты, содержащиеся в «Кодзики» и «Нихонги», начинают совпадать как между собою, так и с корейскими историографическими трудами. В известной мере исторически достоверными можно считать в «Кодзики» и «Нихонги» сведения о V в., поскольку уже тогда начинает наблюдаться частичное совпадение дат и событий, излагаемых в обеих хрониках и в корейских источниках. Все же повествование о более ранних временах представляет собой свод и обработку мифов и сказаний, возникших в разное и неопределенное историческое время.

Таким образом, при помощи «Кодзики» и «Нихонги» можно восстановить японскую историю главным образом V—VII вв., когда происходит распад родового строя, его разложение, но отнюдь не его расцвет. Иначе говоря, мы можем более или менее явственно представить историю Японии начиная с эпохи позднего родового строя, с эпохи появления рабов, междоусобной борьбы и образования японского государства. Историю родового строя в чистом виде, а тем более первобытного общества Японии построить невозможно. Кое-что можно установить только относительно эпохи родового строя.

К какому времени может относиться эпоха родового строя в Японии в более или менее чистом своем виде? Обычно считается, что эпоха родового строя связана с культурой неолита. Когда же в Японии была неолитическая эпоха? Оказывается, что неолит на Японских островах заканчивается приблизительно около I в. н. э. Позже I в. уже несомненно наступает эпоха металла — бронзы, железа. Культура же палеолита вообще не обнаружена. Правда, в конце 1935 г. на о-вах Рюкю будто бы найдена стоянка первобытного человека. Однако, во-первых, это пока еще единственный и непроверенный факт; во-вторых, касается не собственно Японии, а о-вов Рюкю, имевших в значительной мере особую историческую судьбу.

Но не только одни археологические данные могут пролить свет на родовой строй. При всем позднейшем происхождении «Кодзики» и «Нихонги» в них все же содержатся следы гораздо более ранних эпох. Если эти следы обнаружить и сопоставить с данными археологии и этнографии, то, пожалуй, кое-что о родовом строе сказать можно.

Раскопки обнаружили орудия каменные, костяные, деревянные. Они хорошо описаны, и их можно изучать. В числе их находятся, между прочим, глиняные фигурки (*ханива*), которые изображают людей. По ним можно судить не только о гончарной технике, но и об антропологическом облике людей того времени, об их одежде, вооружении и т. д. «Кодзики» объясняет появление *ханива* следующим образом. Когда-то в древние времена существовал обычай хоронить всех слуг вождя живыми вслед за вождем, и поэтому массу людей закапывали в землю. Но один из императоров, Суйнин, как-то раз услышал вопли зарываемых в землю людей. Это его так потрясло, что, несмотря на древность обычая, он нашел возможным его отменить и ввести более гуманный, предложенный одним из его министров, а именно: вместо живых людей «хоронить» их глиняные изображения.

Кое-какие данные можно получить и о жилищах. Древнейшие жилища: пещеры в горах и пещеры в земле, вероятно, с навесом сверху; кроме того, использовались соломенные шалаши, шалаши из ветвей дерева.

Официальная японская история упоминает о пещерных жилищах с некоторым презрением, считая, что эти пещерные жилища были якобы не для японцев, а для «низших» народностей. Но следы этих жилищ находятся и в тех самых местах, которые занимало племя ямато, т. е. то племя, которое должно считаться японским.

Есть и еще некоторая возможность судить об образе жизни той эпохи. При раскопках обнаружено много охотничьих орудий, рыболовных снастей. По-видимому, кроме охоты и рыболовства уже в древнейшие времена здесь было и земледелие. Однако рис, надо думать, появился сравнительно поздно. Считается, что даже само японское слово для понятия «рис» (*комэ*) — гибрид из японского элемента *ко* и китайского *мэ* (ср. совр. кит. *ми*). Есть основание предполагать, что рисовое земледелие было занесено в Японию китайскими переселенцами. Нужно попутно заметить, что во многих словах — названиях предметов, завезенных в Японию с материка, видно их китайское происхождение. Так, например, такое слово, как «лошадь» (*ума*), тоже содержит в себе китайские элементы (ср. кит. *ма* — «лошадь»).

Чтобы полнее восстановить родовую эпоху, нужно обратиться уже к письменным источникам. Китайские авторы писали о более позднем периоде. Поэтому приходится обратиться к «Кодзики» и «Нихонги» и установить, что в этих памятниках может относиться к эпохе родового строя. Они начинают свое повествование с «эры богов» — космогонических мифов, т. е. мифов о происхождении мира, которые, само собой разумеется, не слагались в такой определенной форме и не располагались в такой стройной последовательности, как в «Кодзики». Автор «Кодзики» — Ясумаро приложил свою руку не только к обработке каждого сказания, но и к их расположению, установлению внутренней связи, хронологической последовательности и пр. Эпос здесь носит все признаки позднейшего упорядочения и обработки.

Повествование начинается с обычного для таких произведений указания на недифференцированное состояние всех элементов мира, т. е. картину первичного хаоса. Затем описывается первый этап космогонического процесса, когда в этом первичном хаосе произошло отделение неба от земли, появились, с одной стороны, страна Неба — Такамагахара, с другой — острова Акицусима. Этот этап связан с первой троицей божеств — Амэ-но-минакануси, Такамимусуби и Камимусуби, обитавших в Такамагахара и пребывавших в «сокрытом состоянии».

Дальше рисуется второй этап космогонического процесса, который заключается в обособлении мужского и женского начала, в появлении первой божественной четы — Идзанаги и Идзанами. С этим мифом оказывается связанным и другое, крайне важное сказание — о стране мрака (Ёмо-но куни; или Ёми-но куни), куда уходят все те, кто умирает. Богиня Идзанами после смерти удалилась в эту страну. Вслед за ней отправился и ее муж, чтобы ее вернуть, но принужден был возвратиться, ибо это была не только «страна мрака», но и «страна скверны».

Последний, третий этап космогонического процесса рисуется как появление на небе новой триады божеств: это стихийные божества Аматэрасу — богиня солнца, Цукиёми — бог луны и Сусаноо — бог бури, ветра, воды и т. д. Любопытно, что в центре внимания сказителей два

божества — богиня солнца и бог бури, а образ бога луны отошел на задний план и развития не получил.

Дальше идут мифы по содержанию космологические, т. е. повествующие уже не о создании мира, а о его дальнейшем устройстве. Они начинаются со знаменитого сказания о борьбе Аматэрасу и Сусаноо. Положение Аматэрасу как главной богини и как богини-победительницы в дальнейшем служит основой для выводов относительно существа древнего японского родового строя. В частности, положение Аматэрасу дает повод, чтобы постулировать матриархат. Борьба Аматэрасу с Сусаноо разыгралась по разным причинам. По «Кодзики», начало вражды Аматэрасу с Сусаноо связано с той неудачей, которую потерпела Аматэрасу в состязании по рождению детей. Сусаноо должен был производить детей из ящмы, принадлежащей богине, а Аматэрасу — из меча, принадлежащего Сусаноо. Сусаноо произвел на свет пять мальчиков, а Аматэрасу — трех девочек. Поскольку целью состязания было установить, есть или нет злые помыслы у Сусаноо, рождение «чистых девушек» из предмета, принадлежащего ему, свидетельствовало о чистоте его намерений. А это означало, что он победил.

«Кодзики» рисует очень любопытную картину дальнейшего развития ссоры. Неудачное для Аматэрасу состязание было только началом. Сусаноо причинял ей целый ряд других неприятностей. Например, Аматэрасу засекает поле, а он засекает его вторично для себя; она устроит поле, а он разрушает ограждение полей, межи или засыпает канавы для орошения, и поле Аматэрасу оказывается без влаги; она занимается тканьем одежды, а он оскверняет ее дворец, бросая в то место, где она сидит, шкуру свежесобранной лошади. Из других источников мы узнаем, что подобные действия Сусаноо считались в древней Японии самыми тяжкими преступлениями.

Так называемые «Норито» — обращения к богам, зафиксированные в X в., по созданные гораздо раньше, — содержат в себе следы древней эпохи. Там мы найдем одно такое обращение — так называемое О-хараи, имеющее целью произвести всеобщее очищение японского племени от грехов. В «Норито» содержится поэтому перечисление грехов — «небесных» и «земных», и в числе «небесных», т. е. самых тяжких, грехов упоминаются: уничтожение межей на полях, засыпка канав, повторный засев и живодерство.

Борьба окончилась в конечном счете не в пользу Сусаноо. По решению «восьми мирадов» богов он был изгнан с Неба. Еще раньше бог Идзанаги, распределяя мир между своими детьми, отдал Аматэрасу Такамагахара, т. е. Небо, Цукиёми — Ёру-но осу (Ёми-но куми), «страпу мрака», а Сусаноо дал страну Унабара — море. Удаляясь в Унабара, изгнанный Сусаноо задержался в стране Идзумо, где усмирив злодеев, покорил страну Суга, убил восьмиглавого змея, добыл из его тела чудесный меч, освободил из-под власти змея девушку, женился на ней и построил себе дворец. От этого брака у него родился сын Окунинуси. Согласно другой версии, он в дальнейшем удалился в Корею.

Второй цикл мифов космологического содержания группируется вокруг Окунинуси и Такэмикадзути. Окунинуси, сын Сусаноо, выступает как правитель страны Идзумо. Такэмикадзути — посланец Неба, т. е. богини Аматэрасу. Такамагахара хочет установить власть над Идзумо, т. е. Аматэрасу — над Окунинуси, иными словами, небо — над землей. Это в конце концов и достигается, но покорение Идзумо осуществляется не в результате похода, завоевания, а в результате сговора, соглашения.

Аматэрасу троекратно посылает своих посланцев туда, на землю, с тем чтобы уговорить Окунинуси подчиниться. В первый раз посольство не осуществляется, ибо посланец, сын Аматэрасу, посмотрел с неба на землю. Увидав, что там все не устроено и скверно, он не пошел. Во второй раз сами посланцы попали под власть Окунинуси. И только в третий раз Такэмикадзути удалось убедить Окунинуси добровольно покориться назначенному богиней правителю, ее внуку — богу Ниниги. Затем Окунинуси удалился во дворец Кидзуки и там остался навсегда. Окунинуси вместе со своим отцом Сусаноо в дальнейшем стали главными божеествами Идзумо. Им посвящено второе по значению после храмов Исэ в честь Аматэрасу государственное святилище Японии — храм Идзумо.

В этом мифе имеется два важных момента. Первый — в рассказе о том, что, когда первое посольство не удалось, Аматэрасу созвала совет богов на берегу реки Ама-но Ясукава, наметивший дальнейшие действия. Второй — в том, что покорение Идзумо совершилось в результате соглашения.

Третий цикл космологических мифов группируется вокруг сошествия «Небесного внука» Ниниги на землю, отданную ему во владение. Он спустился на землю на о-в Кюсю, ступив на пик Такатихо. Здесь для нас особо интересен следующий момент: Ниниги отправился не один, а в сопровождении *ичу но томо-но о* («пяти спутников»), причем эти спутники были старейшинами (*томо-но о*) своих групп. Это значит, что на землю отправилась целая группа племени.

Для характеристики японского родового строя важно, что приведенные выше мифы имеют в виду отношения родов: Аматэрасу, ее сын, ее внук Ниниги составляют один род. «Спутники» Ниниги — тоже главы родов. К каждому из них возводится в дальнейшем тот или иной древний японский род. Само слово «томо», по-видимому, одно из древнейших обозначений понятия «род».

Родовой строй, запечатленный в «Кодзики» и «Нихонги», характеризуется патриархатом. Однако более пристальный анализ содержащегося в этих двух хрониках материала открывает совершенно бесспорно следы более раннего строя — матриархата. Они обнаруживаются прежде всего в том, что в некоторых случаях в роли родовых старейшин выступают женщины. Так, например, среди пяти «спутников» Ниниги, т. е. среди пяти родовых старейшин, сопровождающих его, согласно «Нихонги», двое, а может быть, даже трое были женщины: Амэ-но-удзумэ, Тама-ноя и Исикоридомэ. Упоминания о женщинах-старейшинах встречаются и в последующих частях «Нихонги»: в разделе «Кайка» — Касуга-но Татэкуни Кацутоба, в разделе «Судзин» — Аракава-тобэ. В некоторых случаях женщины выступают как прямые родоначальники. Так, например, сам царский род имеет родоначальницей Охирумэути, т. е. богиню Аматэрасу; род Сарумэ восходит к богине Амэ-но-удзумэ; род Кагамицукури — к богине Исикоридомэ; род Тамацукури — к богине Тама-но я. «Кодзики» отмечает, что одна линия правителей (*агатануси*) округа Сики восходит к женщине — Кавамата-химэ, другая — к женщине Футамавака-химэ. Согласно «Кодзики», род Овари-мурадзи имеет своей родоначальницей Самахимэ, род Овари куни-но мяяцуко — Миядзу-химэ. Даже в составе первоначальной «троицы божеств» одно выступает в облике женщины — Камимусуби. Это следует из того, что в одном месте «Кодзики», в мифе об Окунинуси, Камимусуби называется «мяоя», а это слово в своем начальном значении прилагалось только к женщине. Ряд особенностей мифа заставляет даже некоторых исследователей «Кодзики» считать, что Ка-

мимусуби является богом-родоначальником рода Идзумо. А если это так, то два главных древнейших японских рода — Тэнсон и Идзумо — оба возводят свою генеалогию к женщине-родоначальнице.

Следы прежнего матриархата можно выявить путем анализа собственных имен. В некоторых случаях родство обозначается не по мужской (отцовской), а по женской (материнской) линии. Так, например, положение в роде старшего сына царя Суйсэй, будущего царя Аннэй, обозначено по материнской линии. В «Нихонги» он назван «Сики-цу хико тамадэми», так как его мать, Каватама-химэ, была из рода Сики. То же обнаруживается и при анализе имени одного из принцев — Токирихико, в имени которого слово «то» является обычным украшающим эпитетом, слово «рихико» имеет смысл «приемный сын», слово же «ки» есть родовое имя матери принца Аракава-тобэ, происходившей из рода правителя (*кунь-но мяцую*) Ки. Вообще говоря, анализ имен может многое дать в смысле вскрытия следов матриархата. Возможно, многие из тех «богов» и «старейшин», которых сейчас принято считать мужчинами, окажутся женщинами. Слова «тама», «мими», «нуси» и им подобные служат только различным обозначением старейшин. Сами по себе они не говорят о том, мужчины ли это или женщины.

О матриархате в известной мере свидетельствует и то, что женщины в эту эпоху могли быть шаманками и выступать как старейшины-правительницы. Так, например, даже царица Химико в китайских хрониках и та была шаманкой. «Вэй чжи» говорит об этом кратко и выразительно: «Она занималась колдовством и обманывала народ».

Одним из наиболее характерных признаков родового строя в его чистом виде служит экзогамия. Здесь мы сталкиваемся с большими затруднениями. Как в «Кодзики», так и в «Нихонги» нет прямых указаний на запрет браков внутри одного и того же рода. Но если обратиться к китайским источникам, то картина получается несколько иная. Так, в «Вэй чжи» имеется следующее место: «Женщин у них [японцев] много, мужчин — мало. Вступающие в брак не берут себе супругов из того же рода. Мужчины и женщины вступают в брак по взаимной склонности. Жена, вступающая в дом мужа, обязательно сначала перепрыгивает через огонь и только тогда соединяется с мужем». Показание источника чрезвычайно подозрительно.

В этом свидетельстве слутаны различные стадии в развитии брака: с одной стороны, слова «мужчины и женщины вступают в брак по взаимной склонности» говорят как будто о ранних формах брака, может, даже о групповом браке; с другой стороны, слова о женщине, вступающей в дом мужа, свидетельствуют о более поздней форме брака. Указание на то, что женщина при вступлении в дом мужа должна перешагнуть через огонь, вполне соответствует японской действительности. Верно это сообщение целиком или только в некоторой своей части, все равно остается очень важным, что, по мнению китайцев тех времен, у японцев браки между членами одного и того же рода запрещены. А в том, что данные китайцев могли быть основаны на действительном знании, сомневаться не приходится. Некоторые сведения о Японии стали проникать в Китай еще, вероятно, во времена ханьского императора У-ди в связи с его походами в области нынешнего Ляодунского полуострова, Южной Маньчжурии и другие прилегающие районы Кореи. В дальнейшем они продолжали поступать и через Корею, и непосредственно. Ко всему, что говорят старинные китайские хроники, следует относиться с большим вниманием.

Независимо от китайских источников сами японские материалы дают немало свидетельств об очень ранних формах брака. В письменных источниках, в легендах и преданиях, в народных обычаях можно открыть следы существования группового брака. Наиболее ярким свидетельством являются так называемые *утагаки*, или *кагаи*, когда жители двух селений заключали брак во время совместных игрищ. Знаменитыми со времен глубокой древности являются игрища, устраивавшиеся около горы Цукуба. О них весьма краспоречно говорит, в частности, одна из песен антологии «Мангёсю».

Если можно с некоторой достоверностью допустить существование в древнейшей Японии группового брака, нет особых оснований сомневаться в наличии в дальнейшем и формы пуналуа. Но излагать все развитие форм брака в Японии в курсе истории излишне, тем более что нас интересует сейчас ближайшим образом эпоха родового строя. Поэтому для нас важно установить ту форму брака, которая характерна только для данной эпохи, а именно экзогамия, и важно найти в японских источниках подтверждения китайского сообщения о заключении браков только между членами различных родов.

Если взять древние японские генеалогии, то при первом взгляде на них картина получится как будто обратная. Самой подробной является, естественно, генеалогия царского рода. И вот при ознакомлении с ней бросаются в глаза факты заключения браков между близкими родственниками. Например, бог Угайфукиаэдзу был женат на своей тетке — богине Тамаёри-химэ, царь Кайка — на своей мачехе, другие члены императорского рода — на своих племянницах, двоюродных или сводных сестрах и т. д. Но если допустить (а это вполне вероятно), что тогда существовали еще отголоски матриархата, в частности установление родства по женской линии, то женитьба на мачехах, сводных сестрах и племянницах окажется в то время женитьбой на женщинах, принадлежащих к другому роду.

О браках с членами другого рода в «Кодзики» и «Нихонги» говорится очень часто. Более того, скорее именно такие браки должны быть признаны за правило; таково большинство браков царей. Таким образом, отсутствие прямо зафиксированного запрета на брак между членами одного и того же рода еще ничего не доказывает. Фактически такой запрет существовал, и основной формой брака был, по-видимому, экзогамный.

Следующий вопрос, связанный с родовым строем, — вопрос о тотемизме. Здесь мы снова сталкиваемся с большими трудностями, так как прямых упоминаний о тотемизме в «Кодзики» и «Нихонги» нет. Однако можно найти ряд мифов и сказаний, в которых как будто заложены элементы тотемизма. Некоторые материалы содержат сказания о браках людей с животными. Так, например, Тоётама-химэ, жена бога Хикоходэми (иначе Хоори), дочь морского царя (Ватацуми), оказывается на самом деле каким-то фантастическим морским животным, по одному толкованию, крокодилом, по другому (более правдоподобному) — кашалотом. Представ перед мужем в образе человека, она знала, что, если ее истинный облик откроется, брак их расстроится. Поэтому она запретила мужу смотреть на себя во время родов, когда должна была принять свой истинный вид. Конечно, супруг преступил запрет, и она ушла от него в подводное царство. Противоположная ситуация сложилась в рассказе о браке Икутамаёри-химэ, муж которой таинственно являлся к ней по ночам в образе прекрасного юноши. Ловушка, подстроенная ее родителями, пожелавшими узнать, кто муж их дочери,

открыла, что следы его ведут через дырку в подполье: он просто большой змей — бог Мива. Когда принц Хомудзи-вакэ, сын царя Суйнин, взяв в жены Хинага-химэ, девушку из племени, взглянул на нее, оказалось, что перед ним змея. Рассказов о таких браках с животными в различных сказаниях и легендах очень много. Среди животных кроме особенно частого случая — змеи, встречаются олени, лисицы, цапли, встречаются и растения — ива, сосна, криптомерия. Характерно: при обнаружении подлинного облика супруга или супруги брак распадается; обычно человек смертельно пугается и убегает.

Можно ли подобные упоминания о браках с животными (или растениями) считать следами тотемистических воззрений? Не просто ли тотем рода «морского царя» «большой крокодил» в рассказе о Хикоходэми и Тоётама-химэ? Не тотемное ли животное рода Мива «большой змей» в рассказе о Икутамаёри-химэ? А «восьмиглавый змей», убитый Сусаноо? Нельзя ли его рассматривать как тотем? Браки распались в силу запрета становиться мужем и женою лицам, имеющим один и тот же тотем, — запрета, выражающего общий закон экзогамии. Вообще рассказов о животных, находящихся в каких-то тесных взаимоотношениях с людьми, достаточно много и в «Кодзики» и в «Нихонги». Еще больше их становится, если обратиться к народным сказаниям и легендам в широком масштабе. Здесь мы натолкнемся и на следы табу — запрета употреблять в пищу мясо того или другого животного. Таков, например, запрет на фазанов, и сейчас еще существующий в провинции Этю для членов общины (*удзико*) храма Такасэ, или запрещение охотиться на уток (*осидори*) в Навагаикэ, в южной части той же провинции. Примеров можно подобрать множество.

Очень показательна с точки зрения поисков следов тотемизма легенда о птице с «птичьего моря». В ней рассказывается, как когда-то, в глубокой древности, в горы Ториума-яма откуда-то прилетела огромная птица; как из яйца этой птицы вышел принц Маруко, сделавшийся родоначальником жителей этих мест; как он потом снова обратился в птицу и исчез в пруду около Северных гор. С тех пор пруд зовется «птичьим морем» (*ториуми*), а горы — «горами птичьего моря» (Ториуми-яма). Члены же общины храма этого бога считают до сих пор птицу своим родоначальником, в родовом гербе изображают крылья и клюв и не едят птичьего мяса. Отзвуками тотемистических представлений можно считать и наличие в японских именах в большом числе названий животных: Уситаро (бык), Кумакичи (медведь), Цурудао (цапля), Комэдзи (черепаха), Итиро (кабан), Сиканоскэ (олень), Васносскэ (орел), Кидзихико (фазан) и ряд других. Исходя из всех этих данных, можно считать, что тотемизм в той или иной степени в древней Японии существовал.

К числу признаков родового строя обычно относят и так называемую родовую демократию. Во всех важнейших случаях, затрагивающих жизнь и судьбу всего народа в целом, решение действовать так или иначе выносится всем родом, принимается на родовом совете. Такой порядок нашел свое выражение в греческих «буле», римских «куриях», монгольских «курултаях». Соответствующие явления можно найти и в древнейшей Японии, в эпоху родового строя. «Кодзики» и «Нихонги» приводят немало случаев общеродовых советов, причем эти советы устраиваются тогда, когда происходит какое-нибудь важное событие или принимается особо важное решение. Так, например, «великий совет богов» был созван в долине «Небесной Тихой Реки», Ама-но Ясукава,

после удаления богини Аматэрасу из-за дерзостей Сусаноо в «Небесный грот». Тогда «во всей Равнине Высокого Неба стало темно, вся страна Асивара-но нака погрузилась во мрак; настала вечная ночь; шум злых божеств, заполнивших все, был схож с жужжанием во время посадки риса весной, и всевозможные беды явились». Пришлось «всем восьми мириадам божеств» собраться на «совет богов» и решить, что делать. В результате, как известно, им удалось придумать средство выманить Аматэрасу из грота. Крайне интересно, что все этапы «покорения земли» (походы против Окунинуси) соединены с рассказами о родовых советах. Именно на них принимались все основные решения, избирались вожди.

В первый раз «совет богов» был созван богиней Аматэрасу после отказа ее сына Амэ-но Осихомими отправиться на землю для покорения ее. Совет решил тогда продолжать попытки завоевания и направить бога Хохи. Во второй раз «совет богов» был созван после того, как выяснилось, что посылка Хохи ни к чему не привела, так как он был обольщен Окунинуси. Этот второй совет решил тогда послать Амэвака-хико. Любопытно отметить попутно: рассказ «Кодзики» сопровождается замечанием: «...и послали Амэвака-хико, дав ему превосходные лук и стрелы», т. е. оружие. В третий раз совет был созван, когда выяснилось, что этот второй посланец женился на дочери Окунинуси и забыл о «Равнине Высокого Неба». Совет решил послать бога-птицу (фазана) Кидзи-но накимэ к Амэвака-хико и допросить его о причинах невыполнения им поручения. Дело кончилось тем, что Амэвака-хико из того самого лука, который был ему дан для «усмирения злых божеств на земле», застрелил птицу-посланца. В четвертый раз совет был созван богом Такаги (иначе Такамимусуби), когда стало известно о ее гибели. Тогда было решено послать Такэмикадзути, снабженного уже мечом.

Советы были, по-видимому, не только собранием членов одного рода. Бывали случаи межродовых совещаний. Как известно, в эпоху родового строя покорение одного рода другим иногда происходило сравнительно мирным образом — путем слияния, принятия в союз. В таком свете в известной мере представлено и покорение Идзумо. Подчинение Окунинуси власти Аматэрасу произошло после совещания на «малом берегу Инаса», на котором принимали участие Такэмикадзути со своим спутником Амэ-но-торибуна, с одной стороны, и Окунинуси с двумя сыновьями — с другой. «Кодзики» рисует картину настоящего совещания: сначала было запрошено мнение самого Окунинуси, потом «высказывались» оба его сына и т. д.

Легенды воспроизводят обычную картину родовой демократии. В случаях когда весь род застигает какая-нибудь беда, созывается общеродовой совет. Когда нужно предпринять какое-нибудь большое дело, например поход, созывается совет. Значение этих советов было, по-видимому, настолько велико, что идея совета нашла свое персонифицированное выражение в лице особого «Бога совета» (Омоиганэ-но ками).

Несомненно, и воинская сила той эпохи имела форму общеродовой дружины. Особенно наглядно это представлено в рассказе о нисхождении Ниниги на землю. Как уже упоминалось, вместе с Ниниги на землю сошли «пять спутников — пять старейшин» (*ицу томо-но о*). «Кодзики» передает ряд боевых песен, посвященных завоеваниям, в которых говорится о «детях Кумэ», о «товарищах Угаи», иначе говоря, под началом старейшин — вождей рода Кумэ или рода Угаи были «дети

Кумэ» и «товарищи Угаи». Кто же эти «дети» и «товарищи», как не члены родов Кумэ и Угаи, сражающихся под командой вождей?

Мне думается, что даже приведенного материала достаточно, чтобы иметь некоторое представление о японском родовом строе. Если считать эпоху неолита эпохой родового строя в его чистом виде (а неолит в Японии позже I в. н. э. не развивается), придется сказать, что нарисованная картина относится к Японии до этого времени. С I в. н. э. родовой строй начинает постепенно переходить в свою более позднюю стадию.

Таким образом, «Кодзики» и «Нихонги», несмотря на позднее происхождение, могут пролить кое-какой свет на древнейший общественный строй. По ним же можно до некоторой степени проследить и «географическую» историю японского населения: процесс появления на Японских островах больших племенных групп, а также их передвижений. Согласно мифу об Идзанаги и Идзанами, Японские острова были порождены именно этими богами: от их брака родилась страна «Оясима» — страна «Восьми островов». Понятие «восемь» в древнем языке тождественно со словом, обозначающим понятие «множество». Название «Оясима» нужно понимать как «Страна множества островов». В древнейших мифах наибольшее значение придается О-Ямато, Тоё-Аки-цу сима — о-ву Хонсю. Особую роль играет его западный район — Идзумо, который упоминается уже в мифе о богах — создателях Японии, о первой чете — Идзанаги и Идзанами. Еще более связан с Идзумо миф о Сусаноо. Согласно «Кодзики», именно туда он был изгнан с Неба. По «Нихонги», Сусаноо из Идзумо отправился в Корею, но потом вернулся обратно. Сопоставление различных вариантов мифа о Сусаноо позволяет предполагать, что в этом мифе получило свое отражение какое-то крупное переселение из Кореи на западную часть Хонсю, а в образе Сусаноо дан облик вождя этой племенной группы. Предположение подкрепляется еще тем, что и сыну Сусаноо, Исотакаэру, в мифе приписывается переселение из Кореи в Японию. В дальнейшем, в мифе об Окунинуси, роль Идзумо как одного из самых ранних районов заселения Японии выступает с окончательной ясностью. Окунинуси представлен в образе настоящего вождя, распространяющего влияние своего племени далеко вокруг: не говоря уже о ближайших районах Санъиндо и Хокурикудо, он проникает в Харима. Там он борется с другой племенной группой (также выселавшейся из Кореи), возглавляемой предводителем Амэ-но-хибоко, и заставляет ее перейти в Тамба.

Как уже было сказано, миф об Окунинуси заканчивается его подчинением племени тэнсон и последующим удалением в «сокрытое состояние». По-видимому, это должно обозначать слияние племени идзумо с племенем тэнсон.

Второе племя связано с о-вом Кюсю. В мифе это представлено в форме рассказа о сошествии «Небесного внука» (Тэнсон), бога Ниниги, на пик горы Такатиго в пров. Хюга. Все дальнейшие сказания о потомках Ниниги соединены с Кюсю, точнее, с его провинциями Хюга и Осуми. Однако в более поздние времена эта племенная группа по какой-то причине предприняла большое передвижение на северо-восток, на о. Хонсю, и обосновалась в пров. Ямато и прилегающих местах. Переселение изображено в мифе как поход Каму-Ямато-Иварэбико (Дзимму) на восток.

Появление в Центральной Японии многочисленного и сильного племени приводит к столкновению с племенем, жившим в Идзумо, это

столкновение заканчивается их соединением в один племенной союз. С этого момента на первый план повествования, как в «Кодзики», так и в «Нихонги», выступает уже не Идзумо, а Ямато. Насколько можно предполагать, утверждение новых пришельцев в Ямато («поход Дзимму») имело место около начала или в начале нашей эры. С этого времени история принимает более явственные очертания.

ОБРАЗОВАНИЕ ОБЩЕПЛЕМЕННОГО СОЮЗА И СТАНОВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Поскольку следы неолита в Японии позже I в. н. э. уже не обнаруживаются, конец чистого родового строя приходится датировать I в. до н. э. — I в. н. э. Разумеется, отчетливой грани между периодом родового строя и началом его разложения провести нельзя, поэтому определение это чрезвычайно условно. Но, так или иначе, с I в. н. э. появляются признаки, позволяющие именно в это время обнаружить в картине японского родового строя те явления, которые свидетельствуют о начале длительного процесса распада прежней его формы.

Можно предположить, что и в I—II вв. н. э. Япония состояла из множества отдельных родов и племенных групп, которые вели независимое и часто обособленное друг от друга существование. В «Цянь Хань шу» упоминается о существовании в Японии «более чем 100 государств». Разумеется, понятие «государства» (*куни*) в этом случае чрезвычайно условно, поскольку словом «куни» обозначается и понятие территориального района, т. е. места, заселенного каким-нибудь племенем. Поэтому понимать указания «Цянь Хань шу» в том смысле, что в Японии в это время существовали государства, конечно, никоим образом нельзя. Эти указания свидетельствуют только о племенной раздробленности в Японии, не более.

Те раздробленные и обособленные группы, которые существовали в это время в Японии, возможно, принадлежали не только к разным родам, но и к разным племенам. «Кодзики» и «Нихонги» упоминают о целом ряде племен инородческих, с точки зрения господствующего племени ямато, которых жило, по-видимому, много в разных местах Японии. Главнейшими из этих племен были: во-первых, эбису, или, как их иначе называли древние хроники, эдао; во-вторых, кумасо, или, как их позже называют, хаято, и, наконец, два главных племени, наиболее крупных и сильных, — идзумо и тэнсон.

Антропологический облик и расовое происхождение этих племен не совсем ясны. Эбису (впоследствии айну) сохранились до сих пор в Японии на о-ве Хоккайдо в очень небольшом числе. Айну безусловно более раннее население Японии, чем так называемые японские племена. Они жили на Японских островах еще до прихода туда японцев. Это племя заселяло, по-видимому, в первое время почти все японские острова. По крайней мере по археологическим данным можно проследить существование айну не только на о-ве Хонсю, но и на о-ве Кюсю и даже на о-вах Рюкю. В дальнейшем они оттеснялись постепенно на северо-восток более сильными и стоящими на более высокой ступени культуры «японскими племенами» и в конце концов уже в I—II вв. н. э. заселяли главным образом северо-восточную половину о-ва Хонсю. Почти непрерывная борьба с этим многочисленным и довольно сильным племенем затянулась до конца XII в.

Происхождение айну вызывает до сих пор споры. Некоторые антропологи считают, что айну близки к кавказскому типу, предполагая наличие в древнейшую эпоху в Восточной Азии населения, принадлежащего к этому типу. Другие склонны усматривать в айну черты древних гималайских племен.

Второе крупное племя — кумасо, или хаято, — следует считать отраслью индонезийских племен. По крайней мере этнографические признаки, которые можно приписать этому племени, дают много свидетельств родства кумасо с народностями, населяющими островные территории Тихого океана. Кумасо сосредоточивались на о-ве Кюсю. Окончательное их покорение относится к первой половине VIII в.

Племя идзумо и племя тэнсон представляют собой две главные ветви одной и той же народности, которые в разное время перешли на Японские острова с материка. Японские историки и этнографы утверждают, что эти племена представляли какую-то отрасль многочисленных тунгусских племен, заселявших в то время как приморскую часть Дальневосточного края, так и территорию нынешней Маньчжурии и отчасти Северную Корею. Идзумо, по-видимому, представляли собой более раннюю волну переселенцев, а племя тэнсон, вероятно, самая поздняя волна, появившаяся на островах, возможно, даже около рубежа нашей эры.

Идзумо обитали сначала в Тюоку, Кинай и даже на о-ве Сикоку, но главным местом их расселения был район, впоследствии получивший название провинции Идзумо, т. е. западная часть о-ва Хонсю. Племя тэнсон заселяло сначала северную часть и отчасти центр о-ва Кюсю; затем часть его перешла на главный остров и заселила район, получивший впоследствии название Кинай (в дальнейшем пров. Ямато).

Не следует, однако, думать, что область Ямато до прихода туда тэнсон не была заселена. Здесь имелось многочисленное население еще в период каменного века. Из некоторых деталей сказания о «восточном походе» Дзимму, отражающего переселение в Ямато части тэнсон, явствует, что в Ямато с давних пор жили группы племен, родственные населению Идзумо. Поэтому неосторожно приписывать всю роль в Ямато только этим переселенцам. Роль Ямато в истории Японии, вернее, роль той части племени, которая здесь обитала, обусловлена быстрым экономическим и культурным развитием как новых, так и старых насельников района.

Все эти племена заселяли разные районы, часто не имевшие никакой связи друг с другом, жили обособленной жизнью и даже в пределах одного и того же заселенного района распадались на ряд родов, также большей частью живших обособленно. По-видимому, именно такие отдельные племенные группы и отдельные роды и являются теми «государствами», о которых говорит «Цянь Хань шу».

О занятиях жителей Японии в это время можно сказать немного. По-видимому, главным их занятием уже стало земледелие. По крайней мере им уже известны неполивные и поливные поля, т. е. так называемые *та* и *хатакэ*. Японцы научились строить примитивные оросительные сооружения — копать каналы, межи, проводить воду и т. д. Появились земледельческие орудия — *суки* и *кува* (мотыги и лопаты). Кроме того, взамен каменных и костяных или деревянных орудий появляются металлические — бронзовые и железные. Несомненно, что с I в. н. э. на Японских островах начинается уже бронзовый и железный век. Правда, распространение этих орудий ограничено пока лишь некоторыми райо-

нами, передовыми с точки зрения культурного развития. Таким районом был в первую очередь Кинай с центром в пров. Ямато. Возможно, преобладающая роль этого района и объясняется тем, что здесь раньше, чем в других местах Японии, начался бронзовый и железный век. О домашних животных пока еще говорить, пожалуй, трудно. По крайней мере даже «Вэй чжи» и то подтверждает, что японцы не знают ни волов, ни лошадей, ни других домашних животных.

По косвенным данным можно судить, что родовая община с общинной собственностью на землю и орудиями производства продолжала существовать еще в полной неприкосновенности. По крайней мере встречаются неоднократные указания на крупную охоту или на какую-либо особо трудную работу, производившуюся всем родом сообща. Только в гораздо более позднюю эпоху появляются те признаки, которые свидетельствуют о начавшемся ее разложении. Однако в общественном устройстве, сохраняющем еще все основные черты родового строя в его полном и законченном виде, наблюдаются уже элементы, которые в своем дальнейшем развитии послужили базой для новых явлений, приведших родовой строй к распаду.

К числу таких элементов можно отнести появление родовых союзов, заключаемых либо в случаях похода, либо в случаях каких-либо крупных передвижений. Намеки на такие союзы содержатся в мифе о «шестивий Ниниги», который «спустился на землю» во главе «пяти спутников», а также в сказании о Дзимму, предпринявшем свой «восточный поход» во главе целой группы родов. Затем становятся все более частыми упоминания о царях. По крайней мере по «Хоу Хань шу» можно заключить, что в I и в начале II в. в Японии в одном из государств уже был какой-то царь, в частности в «стране Идо», о которой была речь выше. Однако положение этого царя вряд ли выходило из рамок положения прежних родовых старейшин, ибо наряду с упоминанием о царях в одинаковой мере встречаются указания на совещания родов, на избрание военачальников, вождей, т. е. на типичные формы родового строя. К числу элементов, предваряющих в дальнейшем распад родового строя, можно отнести и намечающийся, правда в довольно ограниченных масштабах, переход к патриархату, главным образом в роде царей Ямато (да и то в неустойчивом виде). Еще в III в., по свидетельству «Вэй чжи», в одном из районов Японии правил не царь, а царица Химико.

Весьма спорным нужно считать мнение некоторых японских историков о возможности уже в эту эпоху найти какие-то следы формирующейся частной собственности. Их хотят видеть в обычае огораживания водяного поля соломенными веревками — *симэнава*. Это огораживание толкуется в том смысле, что на устройство поливного поля нужно было затратить гораздо больше усилий, чем на обработку суходольного, и поэтому лица, устраивающие такие поля, склонны были считать поле не столько общей собственностью родовой общины, сколько собственностью своей группы, непосредственно это поле устраивающей, в знак чего и огораживали поле соломенными веревками. Возможно, однако, и другое толкование этого огораживания (если оно было в действительности): позднейшее употребление *симэнава* свидетельствует, что такое огораживание имело магическое значение. Путем огораживания веревкой надеялись предотвратить порчу посевов, нашествие насекомых и т. д. Во всяком случае вопрос о сущности огораживания (если даже считать его фактом установленным) представляется неясным, и рассматривать

такое огораживание как первое появление зарождающейся частной собственности на землю вряд ли возможно.

Со II в. н. э. начинается уже более заметный процесс постепенного формирования общеплеменного союза. В основе его лежит в первую очередь развитие в Кинай, т. е. в месте основного сосредоточения племени ямато, бронзовой и железной культуры. Во II и III вв. производство металлов достигло уже сравнительно высокого уровня. Как следствие происходит дальнейшее развитие производительных сил и повышение общего культурного уровня населения. Известную роль в развитии производительных сил начинают играть домашние животные, уже привившиеся на японской почве. Отмечается и значительный численный рост родов. Роды из небольших групп превращаются в крупные общины со значительным числом людей. Усиливается и расширяется их хозяйственная и политическая деятельность. На этой почве обостряется и взаимная борьба родов, которая была, конечно, и раньше. И «Кодзики» и «Нихонги» дают достаточно красноречивую картину столкновений еще в эпоху родового строя, или, по терминологии «Кодзики», в «эру богов». Раньше противоборство племен заканчивалось либо уничтожением побежденных, либо оттеснением их и занятием их территории родами-победителями, либо же принятием в союз, т. е. включением побежденных родов или племен в тот племенной союз, который оказывался победителем. Со II—III вв. обнаруживается иной исход междоусобной борьбы. Помимо предыдущих форм намечается еще новая, а именно: род-победитель не уничтожал побежденных, не выгонял их с территории, не включал в свой союз, а ставил побежденные роды в положение данников, т. е. грабил побежденных либо одновременно (во время походов), либо периодически, устанавливая определенный порядок платежа. «Дань» была вместе с тем одной из форм обмена в эту раннюю эпоху.

По китайским источникам можно проследить довольно отчетливо процесс образования племенного союза, основанного на таком покорении. Хроника «Хоу Хань шу» говорит о многочисленных распрях среди японских родов. Но та же «Хоу Хань шу» упоминает уже о царях, существующих в Японии в I—II вв., вроде царя «страны Идо». К 107 г. относятся специальное упоминание о царе Ямато, будто бы принесшем китайскому императору в дар 160 рабов. В «Вэй чжи» сообщается о существовании в Японии, вероятно на о-ве Кюсю, на территории кумасо, сильного государства, управляемого царицей Химико. Ее государство покорило все окружающие районы и поставило там правителей, которые и правили якобы от имени царицы. «Сун шу» рисует очень широкий процесс покорения. Во второй половине V в. ямато покорили все главные части Японии: на востоке было будто бы покорено 55 стран, на западе — 66, на севере — 95, «после этого покорять было уже некого». Таким образом, свodka сведений из китайских исторических памятников дает приблизительно такую картину: в начале II в. в результате происходившей тогда ожесточенной борьбы отдельных родов друг с другом, по-видимому, происходит первоначальное зарождение племенного союза. Появляются цари, которые начинают объединять прилегающие районы. Процесс приводит в III в., по-видимому, уже к довольно крепкому объединению в единый племенной союз целого ряда племенных групп. И, наконец, в V в. процесс покорения заканчивается, и общеплеменной союз уже существует в сложившемся виде.

Переходя к японским источникам, процесс образования этого племенного союза можно обрисовать в следующих чертах: первым шагом сле-

дует, по-видимому, считать знаменитый «восточный поход» Дзимму, рисуемый официальной историей как «образование Японской империи». По официальной хронологии, это случилось будто бы в 660 г. до н. э. Речь идет о переселении союза родов, живших доселе на о-ве Кюсю, на о-в Хонсю, и закрепление этой группы в районе, впоследствии получившем название Ямато. Это случилось, вероятно, в I в. н. э. О завоевательных целях похода говорят слова самого Дзимму. «На востоке есть зеленые горы, всюду прекрасная земля. Почему же не устроить столицу там? С какого места можно покорить себе весь свет?» — обратился Дзимму к своему брату Ицусэ и добавил: «Я пойду на восток» (см. «Кодзики», гл. о Дзимму).

Как уже было сказано, не нужно думать, что о-в Хонсю, в частности область Ямато, был в те времена пустынным. По «Кодзики» и «Нихонги», там жили части того же японского племени, управляемые своими старейшинами, носившими наименование «тобэ», «такэру», «хафури». Наиболее могущественным из местных старейшин был Нагасунэ-хико, владевший местностью Томи. О том, что часть этих родов принадлежала к тому же племени, что и пришельцы, говорит, между прочим, и рассказ «Кодзики» о боге Нигихаяби, т. е. о каком-то вожде из племени тэнсон, поселившемся там и женившемся на сестре Нагасунэ-хико. С другой стороны, тут же, несомненно, обитала и часть племени идзумо. Это видно из упоминания «Кодзики» о проживании здесь части потомков Окунинуси.

Пришельцы-завоеватели наткнулись на сильное сопротивление со стороны местных старейшин, в первую очередь Нагасунэ-хико. Дзимму пришлось одно время даже уйти из Ямато. Однако в конечном результате Нагасунэ-хико был убит, а пришельцы остались в покоренной местности. Крайне интересно указание «Кодзики», что Дзимму после «восшествия на престол» взял себе новую супругу из рода родоначальника правителей Идзумо — Окунинуси. Это свидетельствует, вероятно, о том, что обе главные ветви японского племени — идзумо и ямато — в данном случае или же раньше входили в состав племенного союза, или образовали его. Часть побежденных родов превратилась в данников, как следует из сообщения хроник о появлении первых *куни-мияцук*о, т. е. подчиненных царям Ямато местных вождей-правителей.

Если считать, что сказание о «походе Дзимму» отражает закрепление племени тэнсон на главном острове и связано с окончанием эпохи раннего родового строя в строгом смысле этого слова; если считать, что он открывает собой эпоху постепенного и медленного образования общеплеменного союза, то те части «Кодзики» и «Нихонги», которые рассказывают о правлении последующих царей, как раз и должны передавать картину формирования этого союза. Из всех повествований о преемниках Дзимму наиболее интересны с точки зрения раскрытия процесса образования общеплеменного союза рассказы о царствовании царей Судзина, Кэйко, Сэйму, Тюайя, царицы Дзингу, царей Нинтоку и Юряку. В рассказе о царствовании Судзина особо следует отметить следующие моменты. В его царствование произошло отделение «дворца» (жилища царя) от «храма» (жилища бога). В прежние времена *мия* было одинаково и «дворцом» и храмом, т. е. понятия «культ» и «управление» полностью совпадали. Теперь, по-видимому, эти две функции получили самостоятельное значение, т. е. функции правителей отделялись от функции жреца. Вряд ли, конечно, произошло персональное разделение. Царь продолжал оставаться и главным жрецом. Но, так или иначе, прежде еди-

ная функция разделилась сейчас на две самостоятельные. Царю Судзину приписывается всяческое поощрение сельского хозяйства. По его приказу были вырыты пруды для орошения полей, проведены каналы. Наконец, в его царствование по всем «четырем дорогам» Японии, т. е. по четырем направлениям от Ямато, были посланы «военачальники», т. е. предпринимались завоевательные походы. Согласно «Нихонги», эти походы привели к следующим результатам. На север (в район Хокурукудо) был послан Охико, приведший к покорности всю «область Коси», т. е. территорию позднейших Этидзэн, Эттю, Этиго. На восток (в район Токайдо) был направлен Такэкунакава-какэ, покоривший двенадцать восточных стран. На запад (в район Санъёдо) отправился Кибичу-хико. На юг (в «страну Танива», т. е. район Санъиндо) направился Танива-но тинуси. О завоевательных целях походов говорят слова приказа Судзина, приводимого в «Нихонги»: «Если найдутся люди, не принимающие наших велений, взять войска и повергнуть этих людей наземь».

Несомненно, эти походы представляют картину передвижения части японского племени и постепенного расширения им занятой территории. Места назначения военачальников, очевидно, нужно понимать как указания на район расселения, которое не было всегда мирным и сопровождалось вытеснением других групп населения или их покорением, т. е. превращением в данников.

«Нихонги» и «Кодзики» приписывают Судзину первое в японской истории введение налогов двух типов. Мужчины должны были посылать царю добычу своих «лука и стрел», т. е. добычу охоты, а женщины должны были поставлять «изделия рук», т. е. ткани. Кстати сказать, и все дальнейшие переписи населения, упоминаемые в японской истории, обычно были связаны с налоговыми мероприятиями.

Крайне любопытно сообщение «Нихонги» об установлении подати добычей «лука и стрел» и «изделиями рук», а также о переписи населения. Отсюда исследователь может выявить и характер податей: ни о каком введении налоговой системы еще и речи быть не может; дело сводится к наложению дани, т. е. к периодическому грабежу, а то и к простому обмену, возникшему благодаря соприкосновению отдельных групп племени.

Как «Кодзики», так и «Нихонги» дают еще одно интересное указание. Они рассказывают, что в правление Судзина одно время свирепствовала морровая язва, много людей умерло, причем население отдельных районов разбегалось или восставало. Лишь с большим трудом удалось Судзину снова водворить порядок. По-видимому, сообщение можно толковать как сопротивление, оказываемое населением, подвергающимся грабежу.

Объединительный процесс, приводивший к образованию общеплеменного союза, охватывал понемногу все крупные японские роды. Хроники свидетельствуют о сопротивлении многих родовых старейшин, не желавших принимать гегемонию вождей союза родов Ямато. Так, против Судзина поднял «мятеж» Такэханияцу-хико, согласно хронике, его дядя. Это значит, что борьба происходила даже внутри союза родов Ямато.

К царствованию Судзина обычно приурочивается так называемое покорение Мимана — области на южной оконечности Корейского полуострова. На этом пункте следует несколько остановиться. Корея упоминается в японских хрониках часто и упорно. С ней связан не только миф о Сусаноо. Постоянны упоминания о приезде из Кореи различных переселенцев, селившихся в Идзумо. В эпоху Окунинуси в Идзумо прибыл

княжич из Силла Амэ-по Хибоко, потомки которого обнаруживаются впоследствии и в Тамба и в Цукуси. Во всяком случае, не подлежит никакому сомнению, что в III в. население о-ва Кюсю, вероятно в первую очередь племя кумасо, поддерживало довольно оживленные сношения с Силла и даже с Вэй. Эти сношения были иногда мирными, иногда нет. Так, из корейских источников мы видели, что японцы о-ва Кюсю (вернее всего, кумасо) неоднократно совершали набеги на Корею.

В III в. н. э. соотношение сил, установившееся на Корейском полуострове, стало меняться. Правители Силла сумели на севере обеспечить себе поддержку Вэйского государства; им удалось установить также дружественные отношения с кумасо. Весь напор Силла оказался направленным на соседнюю Мимана. «Нихонги» сообщает, что Мимана запросила помощи у царей Ямато: к Судзину будто бы явился посол и просил помощи, предложив компенсацию в виде части владений, принадлежавших Мимана. Результатом этого стала экспедиция принца Сионори в Корею. Так совершилась первая японская интервенция в Корею. Указать точные даты этого события нельзя. Мнения на этот счет расходятся. Во всяком случае, это могло иметь место в царствование Судзина или еще в конце предыдущего царствования Кайка. Так или иначе, интервенция привела к двояким последствиям: с одной стороны, японцы как-то закрепились на южном конце полуострова, скорее всего наложили дань; с другой стороны, они столкнулись лицом к лицу с Силла, а через нее и с ее союзниками: китайским царством Вэй на севере и племенем кумасо на о-ве Кюсю. Началась эпоха не только оживленных сношений с материком, но и «большой» политики. С точки зрения истории внешних событий особый интерес получает сообщение «Кодзики» и «Нихонги» о всяческом поощрении Судзином постройки судов для морских переходов. Он стремился установить более прочные и оживленные отношения между отдельными частями своего государства.

Эпоха Судзина несомненно имеет особое значение для древней истории Японии. Нужно сказать, что повествование «Кодзики» и «Нихонги», более или менее подробно останавливающееся на «восточном походе» Дзимму, после этого, в сущности, прерывается. О царях, следующих за Дзимму (а их насчитывается до Судзина восемь), не сообщается ничего, кроме простых упоминаний о «восшествии на престол» и смерти. Характерно, что обе хроники отмечают особое значение царствования Судзина, именуя его «Хацу-Куни-сирасу Сумэра-Микото», т. е. «первоправитель страны». «Нихонги» называет так еще и Дзимму, «Кодзики» же — только одного Судзина. Толковать это обстоятельство, по-видимому, следует в том смысле, что именно в III в. обозначилось укрепление союза родов Ямато, ставшего в дальнейшем основой общеплеменного объединения.

Судзину приписываются большие заботы о вооружении. Он подносил храмам (т. е. складывал в запас) луки, стрелы, копья; он повелел изготовить 1000 мечей. Для чего было нужно это оружие, показывает сообщение о восстании против Судзина брата его жены — Сахохино. Оно свидетельствует, что союз родов Ямато, образовавшийся при Судзине, все еще не был достаточно прочен.

В царствование Суйнина отмечаются те же самые мероприятия, направленные к развитию земледелия, что и в правление Судзина, только масштабы их достигают уже очень больших размеров: по приказу Суйнина будто бы было вырыто свыше 800 прудов. Одновременно велась и разработка новых земель. Такие сведения о прорытии канав, устрой-

стве прудов и других оросительных сооружений сообщаются и о последующих царствованиях. Развитие земледелия, по-видимому, совершенно несомненно, а приоритет земледелия перед другими видами хозяйственной деятельности точно так же вполне очевиден.

Царствование Кэйко ознаменовано не столько подвигами самого царя, сколько деятельностью его сына — принца Ямато-такэру. Те части «Кодзики», которые повествуют об этом принце и его походах, напоминают сказания о героях и богатырях. Ямато-такэру совершил несколько походов против эбису, живших на о-ве Хоккайдо. Он же предпринял поход и против кумасо, живших на территории провинций Сацума, Осума, Хюга на о-ве Кюсю. Его походы, по изложению «Кодзики», конечно, закончились победоносно: племена эбису и кумасо, поднимавшие мятежи против царей Ямато, были приведены к покорности. Завоевательные экспедиции предпринимались им также и впоследствии — либо на северо-восток, либо на юго-запад, т. е. против эбису или кумасо. Таким образом, эти повествования свидетельствуют о том же, о чем говорят китайские источники, — о постепенном распространении власти японского племени, которое сосредоточилось в Ямато.

Завоевательные походы, как сказано выше, заканчивались часто удачно. На побежденные роды накладывалась, очевидно, дань. Видимым признаком положения данников являлось некоторое подчиненное положение глав этих родов по отношению к царям (вождям) союза родов Ямато. «Кодзики» и «Нихонги», рассматривающие весь завоевательный процесс с точки зрения царского рода, представляют оформление зависимости родовых старейшин от царского рода, т. е. превращение их в данников, как назначение старейшин «правителями» своих районов. Так, еще Дзимму будто бы назначил нескольких таких «правителей», так называемых *куни-но мияцуюко*. При Кэйко было назначено целых семь правителей. Само слово «мияцуюко» показывает, что правители были не более чем данниками царского рода. Во всяком случае никак нельзя понимать назначение *куни-но мияцуюко* как действительно посылку правителей, уполномоченных царской властью, в отдаленные районы. Они не губернаторы, управляющие вновь созданными административными районами, а те же самые родовые старейшины, главы покоренных родов, которые становились в положение данников по отношению к царскому роду и в этом смысле назывались «мияцуюко», т. е. «царские рабы». Это подтверждается тем, что они постоянно «поднимали мятежи». Иными словами, покорение часто бывало чрезвычайно непрочным и временным. Такое положение отразилось в одном факте, также приурочиваемом к времени Кэйко. Чтобы держать данников в покорности, он будто бы расселил свой род на территориях, смежных с территориями родов данников, и даже на их собственных территориях. Таким образом, во всех районах (*куни*) появились отдельные части царского рода, управляемые «отдельными принцами» (*куни-но вакэ*). У Кэйко (по словам хроник) было 80 сыновей. Все они, за исключением трех, превратились в таких «отдельных принцев». Здесь отражен, по-видимому, факт действительного расселения частей царского рода, а может быть, и отдельных групп союза родов Ямато в разных местах Японии, в частности на покоренных территориях.

При следующем царе — Сэйму — назначение *куни-но мияцуюко* продолжалось в широком масштабе: такие правители были поставлены будто бы в 63 районах (*куни*), простиравшихся на севере до Ивасиро, на западе до Хиндзэн, на востоке до Хитати, на юге до Тоса. Сообще-

ния как будто намечают сложившиеся к тому времени границы племенного союза. Вне власти ямато оставались, таким образом, Иваки, Ивасиро, Этиго и все места далее на север, заселенные эбису, и южная часть Кюсю, заселенная кумасо. Если толковать появление *куни-но мяцуюко* как покорение остальных родов, превращение их в данников и рассматривать все это как отдельные этапы образования общеплеменного союза, то завоевательный процесс в этом направлении следует считать начавшимся с «походов Дзимму». Именно в результате его завоеваний и могли появиться первые *куни-но мяцуюко*.

Общее число всех поставленных правителей, подчиненных царям Ямато от Дзимму до Сэйму, — 91, а по другим данным — даже 144, если включить сюда и так называемых *эгатануси*, представляющих некоторую разновидность подчиненных правителей. Не нужно забывать, что между этими приведенными к покорности родами располагались и роды победителей — члены союза родов Ямато, а также отдельные члены царского рода. Это были роды, управляемые своими *кими* и *вакэ*.

О постепенном складывании общеплеменного союза говорит еще одно мероприятие Сэйму: при нем впервые появляется звание *о-оми* — ближайшего помощника царя по управлению государством. Титул был дан в первый раз ближайшему сподвижнику Сэйму — Такэноути-но сукунэ. Последующая история ярко говорит о том могуществе, которое было в руках этого Такэноути-но сукунэ. Это был глава одного из крупнейших родов, входивших в состав племенного союза Ямато, по-видимому, игравший большую роль в организации первоначального племенного союза.

Следующий исторический этап, особо отмеченный японскими хрониками, относится к правлению Тюайя и его жены, знаменитой героини официальной истории — царицы Дзингу. Поскольку с ее именем связан поход на Корею, получивший отражение и в корейских хрониках, ее правление можно с некоторой достоверностью датировать: по-видимому, оно относится к середине или второй половине IV в. Хроники рассказывают, что во время ее похода в Корею, в отсутствие Дзингу, был поднят мятеж принцами Кагосака и Осикума, подавленный ею с помощью Такэноути-но сукунэ. Важно, что этот мятеж ставится в связь с теми большими трудностями для населения, которые вызвал заморский поход: приходилось затрачивать много средств и трудов на постройку кораблей для переезда в Корею, в экспедицию бралось много народу и т. п. Пришлось подавлять восстание рода ямабэ и амабэ и преемнику Дзингу — Одзину. Из всего этого следует, что некоторые из родов-данников стремились при удобном случае освободиться от этой дани.

С именем Одзина, сына и преемника Дзингу, связаны главным образом рассказы о внешних сношениях и о прогрессе ремесел внутри страны. При Одзине произошло переселение из Кореи в Японию большой группы — будто бы населения целых 127 округов под предводительством Юдзуки-но кими, китайца по происхождению. Отмечается прибытие в Японию «родоначальника корейских кузнецов» Такусо, ткача из царства У в Китае Сайсо, винокура Нихо. Далее рассказывается о втором большом переселении из Кореи: в Японию прибыло будто бы население 17 округов под предводительством Ати-но оми с сыном Цуга-но оми, по происхождению тоже китайцев. Затем их посылают обратно в Китай за ткачихами и портнихами.

С царствованием следующего царя — Нинтоку — связывается целый ряд событий. Прежде всего знаменательна та распря, которая разыгралась среди детей Одзина из-за наследования. Междоусобие свидетель-

ствуем, во-первых, о продолжающейся внутренней борьбе в союзе родов Ямато, во-вторых, о настолько заманчивом положении главы союза, что из-за него велась борьба различных претендентов. Это значит, в частности, что положение главы союза было соединено с владением своим особым имуществом, отдельным от общего имущества рода. Далее, с именем Нинтоку связано установление *минасиро* и *микосиро*, т. е. групп подневольного населения, работающего на царя. В его царствование упоминаются налоги, повинности, которые он то отменяет, увидев обнищание народа, то снова вводит, заметив, что благосостояние к населению вернулось.

Сведения, приурочиваемые к последующему царствованию — царя Ритю, снова подтверждают характер формирующегося племенного объединения как союза родов. По сообщению «Нихонги», при Ритю правили вожди четырех родов: Хэгури Цуку, Сога Мати, Кацураги Цубура и Мононобэ Ирофуцу. Роды Хэгури, Сога и Кацураги считаются различными ветвями рода знаменитого «канцлера» Дзингу — Такэноути-но сукунэ. Это означает, что власть царей, т. е. вождей центрального рода Ямато, была во многом условна и временами очень неустойчива.

С царствованием Ритю связывается и еще одно важное сообщение о создании так называемой внутренней сокровищницы (*утикура*). Оно имеет следующее значение: при дворе царей Ямато с древности существовала «священная сокровищница» (*имикура*), главным образом для принадлежностей культа, бывших в распоряжении царей как главных жрецов, т. е. составлявших как бы их личное имущество. Теперь появилось имущество, уже не связанное с жреческими функциями, а обусловленное положением царей как глав союза родов. Именно для хранения личного имущества и была организована «внутренняя сокровищница» (*утикура*).

После кратковременного царствования Хансё, не ознаменованного ничем значительным, во главе племенного союза становится Инкё. С его именем связано, во-первых, упорядочение образовавшихся к тому времени фамильных обозначений (*кабанэ*), во-вторых, возникновение «судилища» (*кусагати*), имевшего целью установить тех, кто именно «обманно» присвоил себе эти фамильные обозначения. Как тот, так и другой факт свидетельствуют о складывающихся классах и о зарождении классово-борьбы. Поэтому они будут рассмотрены в другом контексте.

Краткое, ничем не ознаменованное царствование Анко сменяется царствованием Юряку, «вступившего на престол» также после жестокой борьбы с другим претендентом. При Юряку отмечается необычайное развитие ткацкого дела: за ткачихами снаряжаются посольства в царство У (Южный Китай). Юряку заботится и о шелководстве: он собирает в одно место расселившийся повсюду род Хати и заставляет его заниматься шелководством. В результате шелковые ткани начинают поступать в таком количестве, что Юряку принужден для хранения их устроить «большую сокровищницу» (*окура*) — уже третью по счету. Тем самым имущество, составляющее непосредственную собственность царского рода, было отделено от государственного достояния. Заведующим всеми тремя сокровищницами ставится глава рода Сога — Мати; непосредственным же хранителем «большой сокровищницы» становится глава рода Хэта. Это все означает, насколько еще условна была власть так называемых царей Ямато.

С царствованием Нинтоку связано устройство первого японского порта. Нинтоку построил такой порт в бухте Нанива, т. е. на месте нынеш-

ней Осака. Туда заходили не только японские суда, но и корейские и даже китайские. Нинтоку перенес в Нанива резиденцию и выстроил здесь дворец. Нинтоку приписываются и различные мероприятия по развитию земледелия, а также по проведению дорог.

С именем Юряку связано еще одно крайне важное установление. По вступлении на престол Юряку окончательно определились два звания — *о-оми* и *о-мурадзи*. Первое звание было присвоено главе рода Хэгури — Матори, второе — главе рода Мононобэ — Мория. Оба звания выступают в этом акте уже как общеплеменные, и появление их отражает формирование аппарата по управлению общеплеменным союзом. Мне кажется, что процесс образования общеплеменного союза может считаться законченным. Его базой был союз крупных родов, живших сначала в районе Ямато, а в дальнейшем расселившихся и по другим местам Японии. Опорой союза были наиболее крупные роды: род Тэкэноути-но сукунэ и его ветви — Хэгури, Сога, Кацураги и пр. Главой союза был род Сумэраги, вожди которого выступали в роли царей. Прямым свидетельством того, что общеплеменной союз был основан на союзе родов, служит указание на разделение власти вместе с царями старейшинами других наиболее сильных родов. Звания *о-оми* и *о-мурадзи* составляли прерогативу определенных родов: в качестве *о-оми* выступали главы родов Хэгури, Сога и Кацураги, в качестве *о-мурадзи* — Отомо и Мононобэ.

Таким образом, процесс, рисуемый, с одной стороны, китайскими, с другой стороны, японскими источниками, в общих чертах совпадает: факт окончательного образования во второй половине V в. общеплеменного союза, соединенного с завоеванием и превращением покоренных в данников, не подлежит сомнению.

СНОШЕНИЯ ЯПОНИИ С СОСЕДНИМИ СТРАНАМИ

Контакты японцев с соседями в разные исторические времена носили различный характер: то это были племенные миграции, т. е. передвижения племен, захватывающие отчасти Китай, отчасти Корейский полуостров, отчасти Японию; то это были мирные переселения отдельных групп из одной страны в другую; то это были обоюдные набеги; нередко то и другое соединялось воедино. В позднейшие времена возникли культурно-политические сношения — поездки в Китай и Корею с целью установления политических и культурных отношений; с другой стороны, предпринимались и более организованные военные экспедиции, не только для грабежа, но и с целью наложить дань на какую-нибудь часть чужой страны на более или менее продолжительный срок. Эти экспедиции имели место против Кореи.

При изучении древней истории Японии всегда следует помнить, что исторический процесс в Японии развивался не изолированно от событий в Восточной Азии и что история Кореи и Китая имеет очень большое значение для истории Японии. Очень многое в истории древней Японии можно понять, только познакомившись с историей ее ближайших соседей*.

* Далее в рукописи следовало изложение истории Китая, полностью совпадающее со статьей «Надельная система в Китае», помещаемой в настоящем томе (прим. ред.).

Второй сосед Японии — Корея. Ее история имеет еще большее, чем китайская, отношение к истории Японии. История Кореи тесно связана с историей Китая. Северная часть Корейского полуострова, прилегающая к Маньчжурии, с древних времен находилась в тесном соприкосновении с Китаем.

Корейские племена, обитавшие в южной части Корейского полуострова, не были подвержены влиянию китайской цивилизации в такой мере, как их северные сородичи, и вели независимое существование. В эпоху первой Ханьской империи эти племена распались на три племенных союза, фигурирующих в корейских хрониках под названием Махань (кор. Махан, яп. Бакан) — на западе, Чжэнь-Хань (кор. Чинхан, яп. Синкан) — на востоке и Бянь-Хань (кор. Пенхан, яп. Бэнкан) — на юге. В I в. до н. э. в независимых частях полуострова стали формироваться ранние государства: в 57 г. на юго-востоке, на территории племенного союза Чин-Хань, образовалось княжество Силла (яп. Сираги); в 37 г. на северо-востоке — княжество Когурё (яп. Кома); в 18 г. на юго-западе, на территории племенного союза Махан, — княжество Пэкче (яп. Кудара). Повидимому, одним из факторов, способствовавших образованию этих государств, явилось китайское влияние. С переселенцами из Китая заносилась китайская материальная культура — ремесла, проникали и китайские понятия об экономическом и социальном строе, о политической организации. Когурё, расположенное рядом с китайскими округами, вело непрерывную борьбу с Китаем. Оно сумело в 169 г. н. э. ликвидировать китайскую власть. Таким образом, княжество Когурё заняло весь север Кореи и часть южной Маньчжурии и превратилось в одно из сильнейших государств на полуострове.

История Кореи в I—VII вв. характеризуется, с одной стороны, борьбой трех княжеств друг с другом, с другой — постоянным давлением Китая, выражавшимся то в прямых военных экспедициях, предпринимаемых с целью завоевания Кореи, то в форме различных политических интриг. Как во внутренних распрях, так и во внешних войнах, а также в политических интригах принимала большое участие и Япония — сначала в лице отдельных крупных родов в Идзумо и на Кюсю, причем в последнем случае не только японских, но и племени кумасо, затем царей Ямато. В Корею развивается рабовладельчество, сыгравшее решающую роль в ликвидации прежнего родового строя. В дальнейшем в ней постепенно распространяется та же социально-экономическая форма, которая господствует в Китае — надельный строй. Утверждается иероглифическая письменность, китайская система образования а с нею и китайская юридическая, историческая, политико-философская и художественная литература. Из Китая приходит и буддизм, быстро пускающий корни на корейской почве.

Ранее других этот процесс развернулся, по-видимому, в Пэкче, отчасти благодаря большому количеству китайских переселенцев, игравших крупную экономическую и политическую роль в этом княжестве. Здесь раньше, чем в других местах, уже в IV в., утвердился и буддизм. На очень высоком уровне социально-экономического, политического и культурного развития стояло также княжество Силла, наиболее полно и организованно осуществившее на своей территории надельный строй. Таким образом, не только Китай, но и Корея находились на значительно более высокой ступени материально-технического, социально-экономического, политического и культурного развития, чем Япония.

Сношения Японии с этими соседями, в первую очередь, конечно,

с ближайшим — Кореей, начались, по-видимому, очень давно. Вернее, пожалуй, сказать, что в древнейшую эпоху движение племен захватило в равной мере как Корейский полуостров, в особенности его южную половину, так и Японские острова. Отражением древнейших племенных миграций должны быть признаны мифы о Сусаноо и Исо-Такэру, об Осихоми, Имимэси, Инахи. Один из вариантов мифа о Сусаноо, помещенный в «Нихонги» (кн. I, ч. I), рассказывает о том, как этот буйный бог, после ссоры со своей сестрой Аматаэрасу изгнанный с Неба, удалился вместе со своим сыном Исо-Такэру в страну Сираги (Силла) и поселился в месте, названном Сосимори. Не пожелав, однако, там жить, он направился обратно в Японию и прибыл в страну Идзумо. Его сын сначала собирался остаться в Корее, но, увидев, что привезенные им с собою семена деревьев в стране Кара не произрастают, также вернулся обратно и стал богом страны Кии. В легенде упоминается подлинное корейское географическое название — Сосимори (кор. «голова быка»). Позднейшие исследования обнаружили, что такой пункт в древнейшей Корее действительно существовал: вероятнее всего, это Сюнсэн в нынешней провинции Когэндо. Равным образом слово «Кара» — название одного из маленьких владений на юге полуострова.

Путешествия Сусаноо и Исо-Такэру туда и обратно могут считаться свидетельством сравнительной легкости и обычности поездок из Кореи в Японию и обратно. Кроме того, из того же мифа можно вывести заключение, что в Японии уже в древности имелись сравнительно хорошие сведения о Корее: Сусаноо в мифе рассказывает о золоте и серебре в Корее. Упоминания о путешествиях в Корею встречаются и в более поздних мифах. Так, например, в «Будзэн-фудоки» рассказывается о прибытии из страны Сираги сына Аматаэрасу — Осихоми.

Насколько тесно соприкасалось население Японских островов с населением полуострова, особенно его южной части, показывают мифы о происхождении родов некоторых богов и людей. В генеалогической хронике Сисэн Сёдзироку (815 г.) указано, что род бога Инамэси, сына Угайфукиаэдзу, происходит от правителей Сираги. Эта хроника возводит к корейским или китайским родоначальникам чуть ли не треть знатнейших японских родов. Существуют и обратные варианты: та же генеалогическая хроника говорит, что Инахи — старший брат «первого императора» Японии. Каму-Ямато Иварэбико (Дзимму) будто бы отправился в Корею и стал там правителем Сираги. Конечно, считать это хоть в какой-нибудь мере историческим фактом нельзя, однако само появление подобного рода сказаний бесспорно свидетельствует о переселениях из Кореи и в Корею. Так же следует относиться и к преданию о переселении в Японию со всем своим родом корейского князя Амэ-но-хибицо (по свидетельству «Харима-фудоки») тоже в «эру богов» («Нихонги» относит это переселение к гораздо более позднему времени — к году правления Суйнина, что, однако, не вяжется с другими данными об Амэ-но-хибицо и его потомках, расселившихся в областях Тамба и Цукусю).

В период формирования в Японии прочного союза родов в Ямато и дальнейшего образования на базе этого союза общеплеменного объединения, т. е. во II—V вв., связи Кореи и Японии принимают более конкретные очертания. Переселения из Кореи и отчасти Китая продолжают по-прежнему, но помимо них широко развиваются сношения культурные и политические. Развивается и обмен — то в мирной форме, то в форме дани. Предпринимаются и целые военные экспедиции. Цари Ямато

начинают активно вмешиваться в события, происходящие на полуострове. Коротко говоря, историческая жизнь Японии развивается не изолированно, а в тесном соприкосновении с жизнью Кореи и отчасти Китая.

Особенное значение для японской истории приобретает самая южная часть Корейского полуострова, наиболее близкая географически, откуда чрезвычайно легки и просты путешествия в Японию и обратно. По-видимому, этот район Кореи с древних пор был хорошо знаком японцам и частично ими же заселен. По крайней мере повествования «Кодзики» и «Нихонги» свидетельствуют об очень большом и постоянном интересе к этому району, а через него и к остальной Корее. В районе, расположенном на крайнем юге Силла, находился тогда чуть ли не десяток крохотных полунезависимых владений, наиболее крупным из которых, стоявшим, по-видимому, во главе всех прочих, было маленькое княжество, называемое китайскими хрониками Кара, японскими — Мимана (округа Синсю и Кинкай в нынешней провинции Южн. Кайседо).

Если учесть экономическое и политическое значение этой части Корейского полуострова (ворот из Японии в Корею и из Кореи в Японию, пункта оживленного обмена и культурных сношений), то станет понятной та борьба, которая велась вокруг Мимана между ее сильными соседями — Силла и Пэкче, с одной стороны, Японией и этими корейскими княжествами — с другой. Взаимная борьба и соперничество Силла и Пэкче позволили японцам в результате некоторое время держать Кара-Мимана в пределах своего непосредственного влияния. На Мимана налагалась определенная дань, поступление которой обеспечивалось присутствием на месте японских отрядов. Когда именно сложилось такое положение, сказать трудно. По официальной, т. е. совершенно недостоверной, хронологии установление японской власти в Мимана произошло в царствование Судзина — в начале I в. до н. э. По более вероятному подсчету, если это действительно случилось при Судзине, оно должно относиться к концу III в. н. э. В пользу именно этого времени говорит то, что III век характеризуется вообще очень оживленными сношениями японцев с материком, не только с Кореей, но и с Китаем.

«Вэй чжи» говорит о прямых соприкосновениях с японцами. Она упоминает о прибытии в 238 г. посланца от царицы Ямато, о поездке в 240 г. правителя северо-корейских округов Вэйского царства в Японию, о прибытии в 243 г. новых послов из Японии. Подобного рода сведения заставляют предполагать какие-то политические взаимоотношения Японии с Вэйским царством. Указанные посольства, возможно, направлялись отдельными японскими владетелями — главами больших родов или местных родовых союзов с целью получить от Вэй поддержку в борьбе с соседями и в завоевательных планах. Может быть, в связи с этим в источнике упоминается о войне в 247 г. царицы Химико с царем другого государства, в которой принимали какое-то участие и вэйские правители. При этом сношения с Вэй велись главным образом Южной Японией, старейшинами о-ва Кюсю, вероятнее всего, племенем кумасо.

Внутренняя борьба корейских княжеств в это время протекала в следующей обстановке: Силла находилось, с одной стороны, под влиянием сильного северного княжества — Когурё, с другой — на юго-западе имело также достаточно сильного противника — Пэкче. Отражая удары с двух сторон и само наступая на территорию своих врагов, княжество Силла старалось установить дружеские отношения с Вэйским царством, угро-

жавшим Когурё с севера, и с племенем кумасо на о-ве Кюсю в Японии, которое было в силах опустошительными набегами подорвать мощь Пэкче.

Связь с кумасо могла оказаться полезной и на случай опасности со стороны японцев, так как кумасо могли сильно беспокоить японцев и парализовать их попытки набегов на Корею.

В такой сложной обстановке, по-видимому, и произошло первое закрепление японцев на южной оконечности полуострова. Сначала произошел, вероятно, не более чем удачный набег, и только внутренние распри среди мелких владений, из которых слагалась Кара-Мимана, позволили японцам несколько упрочить свое влияние. Набег этот был произведен в царствование Судзина, причем во главе японских отрядов стоял принц Сионори. В чем конкретно выразался этот захват Мимана, достаточно ясно говорит повествование «Нихонги». Завоеватели после покорения страны устроили в разных местах *миякэ*, т. е. склады и амбары, иначе говоря, помещения, куда свозилась и где хранилась собранная с населения дань. Сионори устроил ставку, так называемую Мимана-Нихонху, откуда и держал в повиновении окружающее население. Часть дани оставалась на месте, часть направлялась ко двору царей Ямато. Об этом свидетельствует рассказ о прибытии в конце правления Судзина посла Соно-Касити (по другим источникам — Цунуга-Арахито) с данью из Мимана. В какой степени утверждение японской власти в Мимана оказалось возможным благодаря междоусобным распрям, царившим там, явствует из того, как представлено это событие в «Нихонги». «Нихонги» прямо говорит, что японские отряды отправились на полуостров по призыву Мимана, нуждавшегося в помощи в своей борьбе с расположенным в ее северо-восточной части владением Сахамон.

Второй крупный поход в Корею связан с именем прославленной царицы Дзингу, властной жены царя Тюая и долголетней регентши после его смерти, правившей от имени своего сына Одзина.

Согласно исчислениям японских ученых, поход Дзингу был в 346 г. Однако и эта дата только предположительна, так как корейские историографические памятники (например, «История Трех царств» — «Санкю-куси-ки») не содержат никаких специальных указаний именно на эту экспедицию. Они упоминают только о ряде набегов японцев, состоявшихся как до этого года, так и после. Дата 346 г. берется потому, что в «Истории Трех царств» именно к этому году приурочивается сообщение о нападении многочисленных японских отрядов. Возможно, что это и есть тот поход Дзингу, о котором так подробно рассказывает «Нихонги». Судя по хронике, поход был совершен в довольно сложной политической и военной обстановке. Прежде всего изменилось положение в Восточной Азии. После падения «Трех царств» — Вэй, Шу и У — династия Цзинь на некоторое время держит в своих руках весь Китай. Однако она никогда не была особенно сильной: она раздиралась внутренними неурядицами (так называемая междоусобная война восьми князей) и все время подвергалась нашествиям кочевников (гунны, сяньбийцы). Поэтому Корейский полуостров был предоставлен самому себе, и это сразу же отразилось на положении враждующих между собой корейских княжеств.

В этой изменившейся обстановке и произошли походы Тюая и Дзингу против кумасо, а затем одной Дзингу — против Силла. Оба похода, как повествует японская хроника, закончились успешно. Кумасо были приведены к покорности, царь Силла добился мира, поклявшись: «Пока

солнце не взойдет с запада, пока воды реки Ялу не потекут вспять, пока речные камешки не взлетят на небо и не превратятся в звезды, я буду весной и осенью представлять дань».

Вслед за Силла будто бы изъявило покорность и другое царство в Корею — Пэкче, также уплатившее дань. Эти события приурочиваются к 346 г. Однако насколько это завоевание было непрочным, показывает тот факт, что и самой Дзингу и ее преемнику Одзину пришлось не раз предпринимать повторные экспедиции: в 382, 385, 397, 399—400 гг. Две экспедиции предпринимались и при следующем царе — Нинтоку. Эти новые походы были связаны с продолжавшимися на полуострове распрями, главным образом с борьбой Силла и Пэкче. При этом японцы обычно выступали в союзе с Пэкче. Обращение Пэкче к помощи японцев в известной мере объяснялось опасностью не только со стороны Силла, но и со стороны еще другого противника — княжества Когурё.

Рассказы о походах на Корею имеют одно основное значение: они свидетельствуют о том же завоевательном процессе, который наблюдался и до сих пор. Набеги на Корею с целью наложения дани, т. е. грабежа, или же представлявшие одну из форм обмена, были и до этого; об этом красноречиво говорят корейские хроники. В периоды правления Тюай — Дзингу и Одзина эти набеги приняты, по-видимому, более крупные масштабы. Результатами же их было только одно, о чем неустанно говорят японские хроники, собирание дани. Характерно, что уже в мифе о Сусаноо есть упоминание о корейском золоте и серебре. Японские хроники с восторгом рассказывают, как Дзингу вывезла дань на 80 кораблях. Возможность же осуществления таких больших заморских походов была подготовлена предшествующим процессом завоеваний внутри страны: по-видимому, к эпохе Сэйму образовавшийся на базе союза родов ямато общеплеменной союз был уже достаточно сильным.

Нужно сказать, что Дзингу пришлось предпринимать не только внешние походы. Когурё, до сих пор бывшее под постоянной угрозой Вэйского царства, теперь оказалось свободным от нее. Наоборот, Силла, опиравшееся на Вэй, оказалось теперь под угрозой Когурё. Опасность со стороны Когурё стало ощущать и третье княжество — Пэкче. С другой стороны, кумасо на о-ве Кюсю, также имевшие поддержку в Вэй, теперь оказались один на один со своими давними врагами — японцами. В такой обстановке и был предпринят поход Дзингу. Как повествует «Нихонги», это второй этап большого завоевательного движения, начавшегося в правление мужа Дзингу — царя Тюая. Оно имело своим начальным направлением о. Кюсю, в первую очередь области, занятые кумасо. Движение за захват территорий, находящихся на юге, легко объясняется тем, что именно там были расположены наиболее плодородные, с давних пор богатые земледельческие районы; там было достаточно развито и крестьянское ремесло. Кроме того, понятно стремление нанести удар кумасо. Поход Тюая против кумасо не был доведен до конца, по-видимому, вследствие некоторых трудностей, а также внутренних распрей, ибо часть японских старейшин и вождей, в первую очередь могущественный Такэноути-но сукунэ, предпочитала обратиться к более богатой добыче — к Корею, а именно к Силла, обессиленному своей борьбой с Когурё. «Нихонги» изображает этот поворот как дело рук Дзингу, доказывавшей мужу необходимость разгромить главного противника — Силла. Неожиданная смерть (убийство?) Тюая положила конец внутренней борьбе. Японцы стали готовиться к походу против Силла.

Этот поход, если судить по японским источникам, закончился изъяс-

лением царем Силла — Хасамукин — покорности и готовности платить дань. Дзингу вернулась обратно, захватив с собою будто бы целых 80 кораблей с добычей. Для сбора добычи в дальнейшем в Силла были устроены *ути-миякэ*, т. е. склады-амбары, — такого же типа, как и те, о которых упоминается в повествовании о походе Сионори в Мимана. Были оставлены и японские отряды, вероятно, для того, чтобы следить за поступлением дани.

Развернувшийся полным ходом распад Цзиньской империи тем временем снова отразился на положении дел на полуострове. На этот раз разгорелась борьба между Когурё и Пэкче. Когурё при этом опиралось на помощь княжества Цинь, возникшего на севере Китая в 350 г. Пэкче же стремилось опереться на Восточно-Цзиньскую империю. Однако Восточная Цзинь, находившаяся в стадии распада, не могла оказать нужной помощи, и Пэкче, оказавшееся под ударами Когурё и Силла, принуждено было искать помощи у Японии. «Нихонги» представляет это событие как изъявление покорности и представление дани. Так или иначе, был предпринят новый поход, в первую очередь против Силла, в котором японцы действовали совместно со своим союзником — Пэкче. В результате некоторые районы Силла отошли к Пэкче. Японцы же расширили сферу влияния в Мимана, включив туда еще семь из десяти владений, составлявших этот район. Однако насколько это покорение было непрочным и сводилось, по-видимому, к более или менее удачным грабёжам, показывает дальнейшая история, даже в том виде, как она излагается «Нихонги». Неоднократно приводятся сообщения о прекращении поступления дани, что вызывает новые походы. В 382 г. был предпринят поход против Силла (поход Капураги-но Соцухико). В 391—392 гг. была принята экспедиция и против Силла, и против Пэкче, которые также отказались платить дань (поход Ки-но Цуну, Хата-но Ясиро, Сога-но Исикава, Хэгури-но Дзуку). В 397 г. состоялась новая экспедиция (совместно с Пэкче) против Силла, сумевшего привлечь к себе на помощь Когурё. Отдельные походы продолжают и в дальнейшем, причем соотношение сил обычно слагалось так, что на одной стороне были Силла с Когурё, на другой — Пэкче и Япония.

Сношения с корейскими княжествами имели огромное значение для внутренней истории Японии. Прежде всего они обогащали вождей походов, а также царей Ямато: награбленная добыча или дань распределялась в первую очередь между ними. С другой стороны, из Кореи — то в виде пленных, то заложников, то послов — в Японии появлялись представители народа, у которого было уже сравнительно высокоразвитое ремесло, хорошее знакомство с иероглифической письменностью, знание китайской политической и морально-философской литературы и т. д. Целью набегов было не только взятие добычи или наложение дани, но и захват ремесленников. Происходило в довольно значительном количестве и мирное переселение из Кореи и даже Китая. Ускорялся темп и хозяйственного, и политического, и культурного развития Японии.

Японская история особенно отмечает факт прибытия в 399 г. из Пэкче посланца Атики, поднесшего японскому царю от своего князя «добрых коней». Он остался в Японии и был поставлен «заведующим конским двором», а вместе с этим и учителем наследного принца Ваки-Ирацуко, которому он преподавал китайскую грамоту. По его совету в 400 г. из Кореи был выпущен более сведущий человек — Вани, которому было поручено обучение и воспитание царских детей. Вслед за ним появился и третий ученый — Синсон-о. Их потомки в дальнейшем полу-

чили официальное звание «людей грамоты» (*фухито*) и стали главными распространителями просвещения среди царского рода и верхних слоев тогдашнего общества.

Можно напомнить о крупных переселениях в начале V в.: из Пэкче прибыл многочисленный китайский род, названный в японских памятниках родом Хата (в дальнейшем — Уцумаса), глава этого рода Юдзуки-но кими будто бы привел с собою население целых 127 округов; другим крупным переселением был переход в Японию тоже китайского рода, возглавляемого Ати-но оми и его сыном Цуга-но оми, которые привели с собою население 17 округов. Японские хроники отмечают, что эти переселения дали сильный толчок развитию в Японии шелководства. Вместе с тем потомки Ати-но оми заняли наряду с потомками Вани положение «царских писцов» и историографов.

Все это приурочивается к царствованию Одзина. В царствование следующего царя — Ритю — «люди грамоты» были поставлены будто бы во всех провинциях. Ими были обычно либо корейцы, либо китайцы. При Кэйтай отмечается прибытие четырех ученых из Китая — толкователей классической конфуцианской политико-философской литературы.

Наряду с этими, добровольными переселениями идет принудительное — в форме дани. Так, например, при Одзине князь Пэкче будто бы поднес в виде дани ткачих и портных; в дальнейшем отмечается присылка кузнецов, корабельных мастеров. Японские цари стремились сами выписывать из-за моря нужных им мастеров. Так, например, тому же Одзину приписывается отправление в Китай, в царство У, недавно прибывших в Японию Ати-но оми с сыном с поручением вывезти оттуда ткачих и портных, так и вошедших в хроники под названием «ткачихи из У». Из этого же царства У выписывал портных и ткачих и Юряку («ткачихи из У» — *курэ-хатори* и «ткачихи из Хань» — *ая-хатори*). При Юряку из Пэкче прибыло много гончаров, седельных мастеров, живописцев, вышивальщиков. Еще до этого, при Одзине, из Кореи прибыли ткачи и винокуры. Есть упоминание о появлении китайских и корейских лекарей. С именем Юряку связываются особые заботы о развитии шелководства. Он будто бы собрал расселившийся в разных местах род Хата, насчитывавший к тому времени в своем составе 18 670 человек, и поселил вместе, приказав заниматься шелководством и тканьем шелковой материи и поставлять свои изделия двору. Очевидно, это мероприятие означало, что переселенцы, в первое время свободные, теперь превратились в несвободных и принуждены были обслуживать царский род.

В V в. обстановка в Корее снова несколько меняется. Продолжающееся усиление северного княжества Когурё, угрожающее княжествам Силла и Пэкче, вынуждает их на время прекратить борьбу между собой и объединиться против Когурё. Это сближение явственно обнаруживается в 433 г. В 454 г. Пэкче подвергается сильнейшему разгрому от Когурё, и если не гибнет окончательно, то только благодаря помощи Силла.

Как китайские, так и японские источники отмечают в 433—444 гг. очередные экспедиции японцев на полуостров. Предпринимаются они против Силла. С другой стороны, если верить «Сун шу», в течение всего V в. японцы поддерживают самые оживленные сношения с Южным Китаем. Прибытие японцев отмечается в 412, 425, 443, 451, 462, 478 гг., т. е. в периоды правления царей Ритю, Хансё, Инкё, Анко, Юряку. Сведения о посланцах, направляемых в Китай, встречаются в это время и в японских хрониках: таковы, например, оба посольства Юряку за ткачихами. Несомненно, V век — эпоха самых оживленных сношений не только с Кореей, но и с Китаем.

Однако во второй половине V в. положение на полуострове начинает складываться для японцев неблагоприятно. Сближение Пэкче с Силла означает угрозу потери Японией влияния. Правда, в 475 г. происходит новое нападение Когурё на Пэкче, ставящее последнее снова под угрозу гибели, чем и пользуются японцы, приходящие на «помощь» Пэкче в 477 г. Однако восстановление влияния Японии было непрочным. Дело в том, что к этому времени у Японии оказывается подорванной ее опорная база на полуострове — Мимана. В 463 г. японский правитель Мимана — Киби-но Таса поднимает мятеж против царей Ямато, т. е. отказывается пересылать дань. Снаряжается большая экспедиция против него, но она не достигает цели. «Нихонги» упоминает, что Киби-но Таса пользовался поддержкой Силла. Это обстоятельство заставляет предположить, особенно в свете дальнейших событий, что мятеж был скорее делом рук Силла.

С началом VI в. начинается уже окончательная ликвидация японской власти на полуострове: в 512 г. Пэкче присоединяет к себе четыре района Мимана, в 513 г. — еще два; тогда же к Силла отходят три района. В 527 г. японцы делают попытку вернуть утерянное: снаряжается экспедиция под начальством Оми-но Кэну, но в это же время разворачивается мятеж одного из местных правителей — Иваки на о-ве Кюсю. Правда, в 528 г. он был подавлен, но Кэну терпит в Мимана полное поражение от войск Пэкче и Силла. В 562 г. под ударами Силла падают последние остатки власти японцев, и японская Мимана на полуострове перестает существовать.

Сношения с Кореей, конечно, не прекращаются. Оттуда продолжают переходить в Японию целые группы переселенцев, среди которых много ремесленников, буддийских монахов, учителей грамоты. Путешествуют и японцы, как в Корею, так и в Китай. Иначе говоря, процесс взаимного общения продолжается. Последующие правители Японии предпринимают даже попытки восстановить на полуострове прежнее положение. Пускаются в ход различные дипломатические средства, ведутся политические переговоры, предпринимаются даже военные экспедиции. Однако восстановить японскую Мимана не удается.

РАСПАД РОДОВОГО СТРОЯ

История японского народа II—IV вв. характеризуется постепенным образованием и развитием племенного союза в изложенном смысле слова. Вместе с тем происходил медленный, но неуклонный процесс трансформации ранней формы родового строя. Прежде всего необходимо отметить численный рост родов. Наблюдается разветвление прежде единого рода на ряд «дочерних» родов. Так, например, род царей Ямато стал слагаться из более чем 10 ветвей, выступавших на положении самостоятельных родовых групп. От царского рода пошли роды Отикоти, Овари, Касуга, Киби, Абэ и ряд других. Род Мононобэ был настолько разветвлен, что за ним установилось даже прозвище: Хатаибэ-но Мононобэ, Ясо-Мононобэ, т. е. «25 Мононобэ, 80 Мононобэ». По многим признакам именно дочерние роды, малые роды (*коудзи*) становились главными действующими лицами истории. К такому заключению приводят не только общие экономические соображения, но и факты: когда рисуется какое-нибудь завоевание, поход, это — предприятие именно отдельной ветви какого-нибудь рода. Так, например, оседание рода Имубэ в Исэ рассматривает-

ся в «Исэ-фудоки» как покорение территории лишь одной частью большого рода Имубэ, с тех пор и получившей свое отличительное наименование Исэ-Имубэ. Покорение Кюсю, имевшее место уже после «восточного похода» Дзимму, т. е. после оседания главной массы племени в Ямато, приписывается опять-таки не старшей ветви царского рода, а одному из родов, ответвившихся от него, — роду Та. Покорение северных и восточных районов осуществлялось непосредственно также частью царского рода — родом Абэ. Район Тамба приведен в покорность родом Тамба и т. д.

Рост родов, ответвление от материнского рода дочерних родов, появление малых родов, отколовшихся от «больших родов», находят свое подтверждение и в данных языка. Мацуока Сидзуо пишет: «До того, как появились отдельные семьи, род представлял одну большую семью. Но в силу необходимости с точки зрения своего расселения он должен был распасться на некоторое количество небольших групп. Например, члены рода Сога по своему местожительству распадались на Сога из Исикава, Сога из Кавабэ, из Сакураи, из Танака, Кумэ, Охарида. В противоположность *укара* («большому роду») малые роды как будто назывались «якара». В Палау в Тихом океане такой малый род называют *ира* или *эра*. Не было ли и у нас в древности подобного же слова? Если толковать *иро* в словах «*иросэ*», «*иромо*», «*иронэ*», «*ирото*» в этом именно смысле, то все очень хорошо объясняется. Хотя и нельзя считать это вполне установленным, но все же слово «*иро*», по-видимому, являлось обозначением группы кровных родственников, занимающей среднее положение между родом и семьей. Для обозначения различия по полу к мужчинам прилагалось слово *иросэ*, к женщинам — *иромо*; для обозначения различия по возрасту к старшим прилагалось слово *иронэ*, к младшим — *ирото*»¹. Если Мацуока прав, наличие особого наименования для таких малых родов свидетельствует об их полной эмансипации от главного рода и фактически обособленном существовании.

Внутри японского рода за эти столетия также произошли значительные изменения. Прежде всего необходимо отметить закрепление патриархата. Патриархат становится безусловно ведущей формой общественного строя. Матриархат если и существует еще, то либо в виде остатков прежней системы, либо в виде ее пережитков. Старейшины родов — уже всюду мужчины, причем раньше всего такой порядок установился в родах, заселяющих Ямато, т. е. в наиболее передовой части племени. Однако порядок перехода старшинства от отца к старшему сыну еще не соблюдался. Один из лучших знатоков древнего общества в Японии, Ота Акира, ясно показывает, что за все время — начиная с Ниниги до самого Нинтоку — не было случая, чтобы из двух братьев старшинство переходило обязательно к старшему. То же самое усматривается и в родах Мононобэ, Кацураги и др.²

Чем это объясняется? Ито Дзоэхэй приводит следующие соображения: «Это означает, во-первых, что еще держались предания первоначального родового строя, когда отношения главы рода и членов рода были почти равноправными. Если бы уже зародилось положение, характерное для позднейших времен, когда отношения между главой рода и члена-

¹ См.: Мацуока Сидзуо, Ниппон кого дайджитен (Словарь древнего японского языка), Токио, 1929, стр. 235, 237.

² См.: Ота Акира, Ниппон кодай сидзоку сэйдо (Древнейший родовой строй Японии), Токио, 1924, стр. 242—246.

ми рода напоминали отношение хозяина к рабам, то трудно было бы допустить, чтобы старший в роде, старший сын, имевший большой опыт, чем прочие, с такой легкостью отказался от прав наследования и подчинился власти своего младшего брата. Это означает, во-вторых, что еще не существовало закрепленного частного имущества главы рода. Если бы глава рода таким частным имуществом владел, положение главы рода было бы чрезвычайно выгодным. Старший сын должен был бы тогда, чтобы добиться положения главы рода, не устраивать себе новую жизнь на земле, отделенной от места поселения рода, а оставаться на все время на той же земле, что и его отец»³. Действительно, в те времена было, по-видимому, правилом, что сыновья вообще селились отдельно от рода отца и часто превращались в дальнейшем в основателей своих собственных родов. Так, например, изображается появление родов Хата, Косэ, Сога, Хэгури, Ки, Кацураги, восходящих к шести сыновьям Такаэоути-но сукунэ — знаменитого «канцлера» царицы Дзингу. Косвенным свидетельством правильности положения Ито об отсутствии в этот период прочно закрепленного за старейшинами частного имущества служат ожесточенные распри именно на почве наследования тогда, когда частное имущество уже несомненно было. Убедительным примером может служить междоусобная борьба за престол, разразившаяся после смерти Тюая и рождения его женой Дзингу сына — будущего царя Одзина. Как известно, Дзингу предпочла сделать наследником Тюая именно этого своего сына. С ее решением не могли примириться два сына Тюая от другой жены — принцы Кагосака и Осикума, решившие защищать свои права оружием. Произошла междоусобная война, закончившаяся, как известно, победой Дзингу, вернее, победой Такаэоути-но сукунэ, выступившего защитником прав ее сына. Сходная борьба отмечается при воцарении Нинтоку и в особенности при воцарении Юряку.

Увеличение численного состава родов, распад их на отдельные ветви, иначе говоря, рост населения и освоение им новых территорий сопровождалось развитием земледелия. Об этом развитии говорят, между прочим, хроника «Кодзики» и «Нихонги», излагая события, конечно, своим языком: они неустанно повествуют о мероприятиях по поощрению земледелия, проводимых царями. В изложении хроник древние цари Ямато неустанно заботились о развитии земледелия. Они стремились вводить новые, улучшенные способы обработки земли, устраивали всякие оросительные сооружения: проводили оросительные каналы, копали пруды-водохранилища; всячески содействовали разработке нови и т. п. Подобные мероприятия приписываются царям Судзину, Суйнину, Нинтоку, Кэйтай, Юряку и др. Это означает, во-первых, что главной сельскохозяйственной культурой был рис, так как именно он требует особого орошения; во-вторых, что неиспользованных мест, где не нужно было искусственное орошение, становилось все меньше; в-третьих, что население уже прочно осело и поэтому вынуждено было не отыскивать новые земли с естественным орошением, а стараться интенсивнее обрабатывать те участки, которые были в его распоряжении. Наряду с земледелием развивалось, по-видимому, и скотоводство. В хронике «Кэнсо» (V в.) даже содержится фраза: «Воды и кони покрывали поля».

Завоевательный процесс постепенно стал принимать другую форму и приводить к иным результатам. До сих пор столкновение двух враж-

³ Ито Дзохэй, Ниппон кокка-но сэйрицу катэй (Процесс образования японского государства), Токио, 1934, стр. 118—119.

дующих групп населения приводило обычно к какому-либо одному из трех следствий: покоренный род либо уничтожался, либо оттеснялся в другие места, либо включался в союз родов-победителей. Так, например, завоевание Ямато царем Дзимму сопровождалось истреблением родов Эукаси и Томибики, оказавших сопротивление. Род же Мононобэ был принят в союз победителей. В результате борьбы родов Ямато и Идзумо род Идзумо слился с победителями. Примером оттеснения может служить судьба Исэ-цу хико — старейшины одного из родов, живших в Исэ; с появлением в этих местах одной из ветвей рода Имубэ он принужден был бежать в Хитати.

В изменившихся условиях трудно было уничтожить весь враждебный род или прогнать его с места, да это было и нецелесообразно, поскольку каждый такой род обрабатывал землю. Поэтому вместо истребления или оттеснения победители стали взимать дань с покоренных, т. е. грабить их, они делали это в зависимости от условий либо одновременно, либо периодически. Таким образом, появились роды-данники. С точки зрения победителей, они становились особыми группами данников, так называемыми *бэ*. Платившие дань царскому роду назывались *томобэ*, платившие дань другим родам — *какибэ*.

Вопрос о *бэ* представляется исключительно сложным. Его касались очень многие историки, и тем не менее полной ясности в нем еще нет до сих пор, несмотря на обилие работ, посвященных ему. Мне кажется, что путь к правильному решению идет через историю в точном смысле этого слова: при выяснении того, кто такие *бэ*, нужно учитывать разные исторические эпохи и учесть, что *бэ* на первых порах не то, что *бэ* в более позднюю, особенно в предтайковскую, эпоху.

Первоначальные *бэ* — это *томобэ*, т. е. группы (несомненно родовые), платившие дань другому (в данном случае царскому) роду. Кроме обязанности представлять дань, они ничем не отличались от рода-завоевателя. Конечно, зависимое положение в дальнейшем сказалось и на их внутренней структуре, но это обнаружилось значительно позже. Ота Акира удостоверяет: даже позднейшие *томобэ* долго сохраняли своего собственного *удзигами*, т. е. бога-родоначальника; более того, даже в позднейшие времена случалось, что назначаемые управляющие этими *томобэ* — так называемые *томо-но мияцуюко* — принимали бога-родоначальника, т. е. включались в родовую общину своих управляемых⁴. На первых порах наложение дани ничего не меняло во внутренней организации рода, о чем свидетельствуют и многие примеры, когда «управляющими» (*томо-но мияцуюко*) родами-данниками были собственные старейшины. Если весь род-данник был для покорителей *томобэ*, то глава его был *томо-но мияцуюко*. Только при такой точке зрения становится понятным, почему название «*бэ*» прилагалось к родам, весьма сильным и могущественным. Достаточно упомянуть такие роды, как Мононобэ, Имубэ, Тамацукурибэ, Кагамицукурибэ. Даже род Накатоми часто называется Накатомибэ. Также и род Сога — Согабэ. Они отнюдь не были рабами или крепостными царей, а совершенно самостоятельными родами, только исторически поставленными в особые отношения к царскому роду: либо с давних времен входили в союз родов, возглавляемых родом царей Ямато, либо были включены (на началах покорения) в этот союз впоследствии. Их особое, в известной мере служебное положение по отношению к царскому роду

⁴ См.: Ота Акира, Ниппон Кодайси синкэнкю (Новый подход к изучению древней истории Японии), Токио, 1900.

выражалось в том, что они либо несли известные функции по обслуживанию этого рода, либо представляли дань. Так, Мононобэ составляли ближайшую дружину царей; Накатомибэ и Имубэ ведали культом; Тамацукуруибэ и Кагамицукуруибэ представляли украшения и металлические зеркала. Конечно, не весь род занимался выделкой таких вещей. Это означало только то, что среди его членов было развито именно это ремесло и поэтому именно продукцией этого промысла весь род и платил дань. Во всем прочем такие роды были совершенно самостоятельны; нередко — как, например, Мононобэ и Имубэ — очень многочисленны и сами имели *какибэ* — данников.

Результаты войн между отдельными родами и союзами родов не исчерпывались только одним появлением родов-данников: одновременно появлялись и рабы. Судя по всем данным, рабами становились пленные, причем в подавляющем числе случаев из инородцев. Так, например, о множестве пленников, обращенных в рабство, упоминается в рассказах о походах Ямато-такэру; в данном случае пленниками-рабами стали эбису. Однако в эпоху формирования племенного государства, когда родовой строй составлял еще основу общества, эти рабы не играли заметной роли. Новое сводится к тому, что если раньше пленников не брали (вернее, их убивали), то теперь стали пользоваться их трудом, однако в очень ограниченных размерах: устойчивость родовой структуры мешала широкому развитию рабства.

Роды покорителей должны были во что бы то ни стало сохранять свою внутреннюю целостность и единство для успешной борьбы с другими родами, для самообороны в случае опасности. Поэтому род держался компактно, его члены не расселялись по частям среди других родов, а если и отделялись от основной группы, то опять-таки в виде компактной массы — дочернего рода. Это обусловило ограниченность и медленный рост потребностей, а следовательно, большой надобности в рабском труде не ощущалось. С другой стороны, было опасно и прямо невозможно поселять среди членов рода много рабов. Наконец, отсутствовал широко развитый обмен, торговля. Не было больших возможностей получать рабов: главным источником рабов были эбису, а борьба с ними приводила не к превращению их в пленников-рабов, а к их оттеснению все далее на север. Столкновения же между отдельными частями племени приводили к тому, что покоренные оставались на местах, продолжали заниматься своим делом и только время от времени платили дань. Таким образом, рабы использовались в качестве сравнительно немногочисленных домашних слуг (*яцуко*), главную же роль занимали томобэ и какибэ, т. е. роды-данники.

Обрисованная картина, характерная в основном для Японии II—V вв., в дальнейшем сильно изменилась. V—VII века составляют, по-видимому, новый этап в истории японского народа, чрезвычайно значительный по своему содержанию. Основное, что надлежит отметить, — это распад родовой общины. Он коснулся прежде всего экономической стороны общины. До сих пор земля находилась во владении и обработке всей родовой общины. В дальнейшем наряду с родовой земельной общиной стали возникать особые поля, находившиеся во владении старейшин. Царские поля назывались *мита*, в других случаях — *тадокуро* или *наридокуро*. Процесс создания старейшинами своих собственных полей начался, по-видимому, рано. Первое упоминание о них в хрониках встречается при повествовании о царствовании Суйнина, т. е. еще в период формирования племенного государства. Этому царю приписывается устройство в селе-

нии Кумэ так называемого *миякэ* — амбара для ссыпки и хранения поступающего с его полей зерна. То же приписывается и Кэйко. Очевидно, процесс развивался неуклонно. В дальнейшем число *миякэ* уже очень велико. В правление Анкана у царского дома *миякэ* были в 22 местах; в царствование Суйко они были учреждены во всех областях страны. К концу периода у принца Наканооэ были, как утверждает «Нихонги», эти *миякэ* в 181 пункте. Это все свидетельствует, с одной стороны, об интенсивном росте таких частных полей, с другой — о чрезвычайном усилении царского рода.

Владением царей становилась в первую очередь некоторая часть старинных земель царского рода, так называемые *миагата*, т. е. часть уже обработанных и возделанных полей. Но гораздо чаще во владение царей отходили новые поля, т. е. заново разрабатываемая новь. Большинство *мига* именно и были такими новыми полями. Впрочем, названия эти могли иметь разное значение. Мацуока Сидзуо свидетельствует: «В связи с ростом силы и власти родовых старейшин, естественно, родилась необходимость отдавать на общие нужды сбор, получаемый с некоторой части полей. Такие поля членами рода назывались *мига*, старейшины же называли их *ата* («мои поля»). Эти ата в царском роде назывались *миагата*»⁵.

Процесс, развертывающийся в царском роде, повторялся и в прочих родах. Тадокоро — владения различных родовых старейшин — устраивались иногда на новых землях, иногда на землях, отнятых у других родов, иногда же на землях своего рода. К концу этого периода, в VI—VII вв., такие роды, как Мононобэ, Отомо и Сога, владели, по-видимому, очень большим количеством таких полей.

Кто обрабатывал эти поля? Хроники дают ясный ответ — *табэ*. Словом «табэ» назывались те из числа *томобэ*, которые обрабатывали царские поля — *мига*. Упоминание об этих *табэ* начинается почти одновременно с упоминанием о *мига* и *миякэ*, точнее, с Кэйко. Однако одними *табэ* дело не ограничивалось. Кроме них, на полях работали так называемые *кува-ёборо*. Появление тех и других представляется событием чрезвычайной важности и свидетельствует о крупных переменах. Несомненно, родовые старейшины и члены их семей уже не работали сами на полях, а пользовались трудом своих сородичей. Равенство всех членов рода нарушилось. Внутри рода зародилась эксплуатация.

«Собственные» поля неуклонно росли. Их владельцы уже не могли удовлетворяться частичным использованием труда своих сородичей, в особенности когда приходилось возделывать новь. На месте прежних *бэ* — данников появились группы новых *бэ* — несвободных. Как создавались такие группы? Несомненно, в новых *бэ* превращалась часть прежних *томобэ*, из числа небольших и слабых. Но, с другой стороны, ясно, что в новое положение не могли перейти многочисленные и мощные роды, сами имевшие своих *какибэ*. По всей вероятности, цари заставляли старейшин этих родов выделять из числа их родичей или *какибэ* (что бывало чаще) определенные группы и предоставлять их в свое распоряжение. Мацуока писал: «В древности земли имелось в избытке, а людей, обрабатывающих ее, не хватало, и, кроме того, все они принадлежали разным родам. Поэтому в связи с разрастанием императорского рода появилась необходимость в распределении *бэ*, т. е. землепашцев. По этой причине в прав-

⁵ Мацуока Сидзуо, Ниппон кодзокуси (Описание древних нравов Японии), Токио, 1926, стр. 342.

ление Суйнина были созданы *микосиробэ* — из различных родов были взяты люди и из них образованы новые *бэ*, находившиеся под властью императорского рода»⁶. На упоминании о так называемых *микосиро* необходимо несколько остановиться.

Слово «микосиро» существует наряду со словом «минасиро». Обычные японские исторические труды представляют дело в следующем свете: «*Минасиро* — это заново организованные группы населения, которым, как и их местности, присвоено то имя, которое желают сохранить на будущие века. Группы, созданные для увековечения имени императоров, императриц или принцев, не имеющих потомства, называют *микосиро*. Вообще желание увековечить чье-нибудь имя свойственно человеческому чувству во все времена. В последующие века обычным способом такого увековечения было устройство еще при жизни могильного памятника с записью на нем всех подвигов данного лица». В Японии же, где письменность появилась очень поздно, единственным способом такого увековечения было создание групп *микосиро* или *минасиро*. Хагино отмечает факт создания особых групп населения — *микосиробэ* или *минасиробэ*. Вызывалось это, по его словам, желанием сохранить чье-либо имя для потомства (*минасиро*), особенно тогда, когда у кого-нибудь из членов царского рода не было наследников, могущих служить живым увековечением этого имени. Однако Хагино тут же рядом упоминает о факте, который, несомненно, лежит в основе формирования таких групп: «Все налоги и подати с населения данной местности, носящего чье-либо имя, поступали в распоряжение самого владельца этого имени или его потомков»⁷. Таким образом, и *микосиробэ* и *минасиробэ* следует считать теми же *табэ*. Способ их образования был таким же, как и в других случаях: цари либо формировали эти группы из числа своих родичей, либо отбирали часть родичей у других старейшин.

В приведенной цитате из словаря Мацуока указывается, что впервые *минасиро* появляются при Суйнине. Действительно, в той части «Кодзики», где повествуется об этом царе, говорится: Итоси-нака (имя одного из старейшин), не имея детей, сделал себе «заместителей детей» (*косиро*) и образовал *тосибэ*. Упоминания о подобных же действиях царей встречаются и в дальнейшем. Так, например, в «Нихонги», в хронике Кэйко, говорится: «Император, желая увековечить имя и подвиги (принца Ямато-такэру), образовал Такэрубэ». Насколько широко развернулся исследуемый процесс, можно усмотреть из той части «Кодзики», где повествуется о Нинтоку: «В правление этого императора были установлены «заместители имени» (*минасиро*) императрицы Ива-но химэ и образованы *кацураги-бэ*; затем установлены «заместители имени» принца Идзаховакэ и образованы *мибу-бэ*; затем установлены «заместители имени» принца Мидзухо-вакэ и образованы *тадзихи-бэ*; затем установлены «заместители имени» принца Окусака и образованы *окусака-бэ*; затем установлены «заместители имени» принца Вакакусака и образованы *вакакусака-бэ*, установлены «заместители имени» принцессы Ята-но вакаира-цу химэ и образованы *ята-бэ*».

Микосиро и *минасиро* — названия групп несвободных, обслуживавших царский род. Названием таких же групп, бывших во владении старейшин других родов, служило слово «*какибэ*». В указе о реформе Тайка, приведенном в «Нихонги», об этой принадлежности *какибэ* старейшинам гово-

⁶ Мацуока Сидзю, Ниппон кого дайджитен, стр. 1203.

⁷ Хагино Ёсуюки, Ниппонси коги (Лекции по истории Японии), Токио, 1924, стр. 44.

рится прямо: «*Какибэ*, находящиеся во владении Оми, Мурадзи, Томо-но мияцую, Куни-но мияцую и Суруги...» Это не значит, конечно, что *какибэ* в подобном же смысле не встречаются раньше. О них упоминается, например, в хронике Юряку и в «Нихонги». Иногда вместо слова «*какибэ*» с тем же значением (о чем говорят подставленные иероглифы) употребляется слово «*каки-но тами*» и даже «*утияцую*». Таким образом, в корне изменилось значение понятия «*бэ*». Если раньше *бэ* — *томобэ* были обычными родами, только платящими царскому роду дань, то теперь *бэ* — *томобэ*, *какибэ*, *микосиро*, *минасиро* — это уже особые группы несвободных, находившиеся во владении членов царского рода и родов старейшин.

Группы несвободных были в первую очередь *табэ*, т. е. безусловно земледельцами, ибо труд несвободных был нужен главным образом для обработки *мига* и *тадокоро*, в большинстве случаев новых полей. Однако этим роль *бэ* не исчерпывалась. В известной мере они же поставляли и изделия ремесла, о чем говорят названия многих *бэ*: Ябэ (от *я* «стрела»), Кадзибэ (от *кадзи* «кузнец»), Татибэ (от *тати* «меч»), Кагамицукурибэ (мастера зеркал), Тамацукурибэ (мастера украшений) и т. п.

Некоторые японские историки считают возможным даже говорить об образовании «ремесленных объединений». Так, например, Мацуока полагает, что такие *бэ* уже «не представляли кровных объединений в древнем обществе, а составляли профессиональные объединения в нем»⁸. С этим, однако, согласиться никак нельзя. Признать существование особых «профессиональных» (т. е. ремесленных в данном случае) объединений — это значит допустить существование в те времена чего-то вроде цехов. Но нам хорошо известно время, когда появились цехи (*дза*): это период Камакура; иначе говоря, цехи сформировались не раньше конца XII в. И это вполне понятно, так как условий для появления цехов в древнюю эпоху не было. Еще не произошло отделение ремесленного труда от земледельческого. Если в Японии VI—VII вв. кто-либо и походил на ремесленников, то только иноземцы — корейцы и китайцы. Они действительно могли выступать и выступали как ремесленники, так как в Корее и в Китае такие ремесленники уже были. О существовании таких групп свидетельствуют рассказы «Кодзики» и «Нихонги» о стараниях, которые прилагали японские правители той эпохи к получению ремесленников из-за границы. Для захвата ремесленников предпринимались набеги на Корею, ремесленниками взымалась «дань» с побежденных. Достаточно вспомнить о деятельности Юряку. Но этим дело и ограничивалось. Среди основного населения Японии самостоятельных ремесленников еще не было. Несомненно, наличие китайцев и корейцев способствовало развитию ремесел и среди японцев. С другой стороны, совершенно несомненно, что в земледельческих общинах Японии ремесло существовало, причем в одной местности, в одной общине в силу разных причин развивалось одно какое-нибудь ремесло, в другой местности, в другой общине — другое. По-видимому, дань, которую вначале взымали цари со своих данников, состояла не из продуктов земледелия, а из изделий ремесла. В сельскохозяйственных продуктах царский род не нуждался, в ремесленных же изделиях нуждался и старался получить то, что не изготовлялось в его собственном роде. В известной мере такой порядок сохранился и в дальнейшем — в эпоху новых *бэ*, *бэ* — несвободных.

⁸ Мацуока Сидзуо, Нишпон кого дайджитен, стр. 1119.

Вполне возможно, от некоторых групп брали изделиями ремесла, почему-либо развитого в этих группах. Но это не значит, во-первых, что подобные ремесленные *бэ* только ремеслом и занимались: они занимались в первую очередь земледелием, которое давало им пропитание; во-вторых, что именно такие *бэ* составляли основную массу несвободных: процесс интенсивного роста *мига* свидетельствует, что правящему классу были нужны в еще большей степени земледельческие *бэ* — *табэ*, «работники мотыги» (*кува-ёборо*). Ито Дзохэй считает: «Если *тамацукуруибэ* представляли дань именно *тама* (украшениями из камня), а не чем-нибудь другим, то потому, что у них было развито выделывание этих *тама*. Вряд ли данные *бэ* занимались выделыванием *тама* как особой специальной профессией. Также и *иму-бэ*: они служили при жертвоприношениях, но это не значит, что они не занимались производительным трудом. Как раз наоборот. Занятием всех *бэ* было прежде всего земледелие, и только в виде добавочного труда они выделывали *тама* или служили при жертвоприношениях»⁹. О том же говорит и Цуда Сокити: «Слово «бэ» употреблялось, по-видимому, в двух значениях: словом «бэ» назывались группы, находящиеся под управлением *томо-но мияцуюко* и исполняющие непосредственно для императорского двора какую-нибудь работу или что-нибудь для него изготавливающие, а также группы, принадлежащие самим *томо-но мияцуюко*, т. е. земледельцы, вносящие им налоги. Пример образования *бэ* во втором значении, т. е. *бэ-земледельцев*, легко усмотреть в подворных списках и налоговых книгах»¹⁰. Таким образом, ясно, что основную массу *бэ* составляли *табэ* — землепашцы.

Слово «табэ» впервые встречается в «Кодзики» в описании царствования Кэйко, но само явление возникло безусловно раньше. Если в царствование Суйнина впервые появляется *миякэ*, куда свозится зерно с «царских полей» (*мига*), то, значит, такие поля уже существуют, существуют и те, кто на них работает. Правда, это положение может быть принято с некоторыми оговорками, о которых я скажу дальше; во всяком случае, существование *миякэ* прежде всего связано с существованием *табэ*. Свидетельства «Кодзики» и «Нахонги» дают возможность представить положение *бэ* довольно скудно. Во-первых, *бэ*, по-видимому, были неотрывны от земли. Так, очевидно, нужно понять то место «Кодзики», где говорится о «поднесении» царю Юряку старейшиной *миякэ* в пяти местах. Что значило отдать (или быть вынужденным отдать) кому-либо свой амбар? Несомненно, отдать его вместе с теми полями, с которых собиралось зерно, и с теми людьми, которые это зерно добывали. Во-вторых, из хроники Юряку в «Нихонги» как будто следует, что в *бэ*, т. е. в несвободных, превращали за провинности: Юряку превратил в *бэ* весь род одного из «провинившихся» старейшин. В другом случае Юряку, разгневавшись на то, что собака, принадлежащая чужой родовой группе, загрызла птиц, принадлежащих царю, в наказание обратил весь виновный род в *торикаибэ* (птичников). В них же он превратил *бэ*, принадлежащих *куни-но мияцуюко* областей Синаво и Мусаси, причем последние были виноваты только в том, что они возмутились жестокостью царя. Кстати сказать, положение *торикаибэ* было, по-видимому, самым низким среди прочих; им на лицах даже ставились клейма. В-третьих,

⁹ Ито Дзохэй, Указ. соч., стр. 130.

¹⁰ Цуда Сокити, Нишпон дзэдайси кэнкю (Изучение древней истории Японии), Токио, 1930, стр. 485.

из той же хроники Юряку явствует, что бывали случаи отнятия *бэ* у одних и передачи их другим. Так, Юряку, будто бы разгневавшись на одного из старейшин, отнял принадлежавших этому последнему *инабэ* и передал их другому (Мононобэ). Это свидетельство интересно в том отношении, что характеризует положение *бэ* еще с одной стороны: они рассматривались как род имущества и могли, следовательно, быть объектом передачи другому, подарка и т. п. Иначе говоря, с ними можно было совершать те же действия, что и с *миякэ*, т. е. дарить, подносить и пр. Нечего и говорить, что в таких условиях *бэ* уже перестали быть кровной группой. Группы составлялись не в силу кровного родства, а волею их владельца. Поэтому даже в том случае, если ими управлял их же бывший старейшина, управление ими строилось на совершенно других началах, чем в роде.

Кем считать этих *бэ*? Рабами или крепостными? Мнения современных японских историков разделяются: Такэкоси считает, что *какибэ* — то же, что *саммин*, т. е. рабы. Так же думает Абэ Хирадзо¹¹. На такой же точке зрения стоят и некоторые из молодых историков: Иваи, Морисима и др. Один из виднейших исследователей экономической и правовой истории Японии, Такигава Масадзиро, придерживается взгляда, что *какибэ* скорее крепостные¹². Цитированный уже мною Ито Дзохэй также склоняется к аналогичному мнению: «Таково было явление, называемое *бэ*, и поскольку производство в те времена почти ограничивалось одним земледелием, постольку вряд ли можно сомневаться, что почти всех *бэ* можно считать крепостными»¹³. С позиции исторической точности более заслуживает внимания мнение Такигава и Ито, поскольку они, в особенности последний, пытаются понять исследуемое явление во всей полноте и в его истинном значении. Такэкоси же и Абэ — либерально-буржуазные историки с весьма путанными представлениями, что такое «рабовладение», «рабовладельческое хозяйство», «рабовладельческая формация», «рабовладельческий труд» и т. д. Тем не менее нельзя безоговорочно принять мнение Такигава и Ито. Для лучшего выяснения этого вопроса необходимо обратиться к изучению положения остальной массы японского населения — свободных родичей.

Японский язык сохранил слово «мицуги». Оно, как выяснил Утида Гиндзо, в старых письменных памятниках употребляется в двух значениях: в широком смысле оно означает дань вообще, в узком смысле дань изделиями ремесла, в первую очередь тканями¹⁴. Как я уже писал, первое упоминание о наложении дани встречается при Судзине, который ввел *юхадзуми-но мицуги* — дань «добычей лука и стрел» для мужчин, *танасуэ-но мицуги* — дань «изделиями рук» для женщин. Разумеется, свидетельство хроник следует понимать только в смысле наложения дани на покоренных, о котором шла речь уже раньше. Поэтому, строго говоря, слово «мицуги» имеет одинаковый смысл: оно означает в точном смысле этого слова «дань». Так как в эпоху образования племенного государ-

¹¹ Такэкоси *Есабуру*, Ниппон кэйдайси (Экономическая история Японии), т. 1, Токио, 1925, стр. 89; Абэ Хирадзо, Ниппон дорэйси (История рабства в Японии), Токио, 1926.

¹² Такигава Масадзиро, Дайбицу-ва дорэй рорёку-но кэссё-ни арадзу (Статуя Будды — не есть результат труда рабов), — «Хихан», т. 1, 1930, № 3.

¹³ Ито Дзохэй, Указ. соч., стр. 129.

¹⁴ Утида Гиндзо, Хомбо содзэй-но энкаку (История земельного обложения в Японии), Токио, 1921; *его же*, Ниппон кэйдайси-но кэнкю (Экономическая история Японии), т. 1, Токио, 1929, стр. 284—286.

ства дань бралась не зерном (в чем не было никакой необходимости, так как сам род-завоеватель прежде всего занимался земледелием), а результатами охоты или изделиями ремесла, это слово в дальнейшем, когда появился зерновой налог, стало означать налог тканями или изделиями.

Однако для нас сейчас важна не дань, а именно налог. И тот же Утида показывает, что еще задолго до Тайка (т. е. до надельной системы) в Японии уже существовали зерновой налог, подать изделиями и рабочая повинность. Зерновой налог носил название *тагикара*. Его происхождение очень древнее. Утида считает, что эмбриональной формой этого налога следует считать приношения богам в жертву риса нового урожая, которые делались уже в глубокой древности¹⁵. Первое же упоминание о *тагикара* как о налоге встречается в правление Сэйму (царствовал после Кэйко, т. е. после эпохи походов Ямато-такэру). С течением времени налог получал все большее распространение, причем собирался он, конечно, в пользу царей и старейшин. Утида, рассматривающий исторический процесс еще во многом в свете официальной истории, все же вынужден сказать: «Представлялся ли этот налог, собираемый со всей страны, императорскому двору или нет — неясно... Всюду были местные вожди — *куни-но мияцуюко*, *агата-нуси*; была аристократия — *оми*, *мурадзи*. Все они имели свои земли. Поэтому не подлежит сомнению, что налог, собираемый с земель, принадлежащих непосредственно императорскому двору, представлялся двору; что же касается налога, собираемого с земель, принадлежащих другим лицам, то вряд ли это было так. По всей вероятности, этот налог местные правители брали себе»¹⁶. Кроме зернового налога существовала и подать изделиями ремесла или добычей местных промыслов — *мицуги*. Те два значения этого термина, о которых говорит Утида, надо понимать в том смысле, что сначала он означал «дань», а потом «подать». В качестве подати представляли продукты питания — результаты охоты или рыбной ловли; известен рассказ «Кодзюки» о подношениях рыбаков царю Нинтоку; во многих случаях в качестве подати представляли изделия ремесла — утварь (род Имубэ), зеркала (род Кагамицукурибэ), украшения (род Тамацукурибэ) и т. д. С появлением в Японии больших групп корейцев и китайцев с них брали налог изделиями их ремесла, причем особое значение получили ткани, в частности шелковые. Эти ткани особенно ценились и составляли главную ценность в «сокровищнице» царей.

Помимо налога и подати практиковалось и привлечение к рабочей повинности — *эгати*. Первое упоминание о ней относится к эпохе Судзина, когда был собран народ для возведения могильного кургана Яматотото-химэ. Вполне возможно, что и те работы по проведению оросительных сооружений, о которых упоминают «Кодзюки» и «Нихонги», также производились населением, привлекаемым в порядке этой рабочей повинности. Иногда на работу собиралось население даже из отдаленных местностей. Так, например, в правление Бурэцу были будто бы собраны люди из Синаю; в правление Когёку — из Тотоми и Аки.

Таким образом, еще в эпоху складывания общеплеменного союза наряду с господствующей формой — данью — понемногу появлялись налог, подать и рабочая повинность. В рассматриваемую же эпоху, т. е. в VI—VII вв., все они существовали уже в достаточно оформленном виде.

¹⁵ Утида Гиндзо, Ниппон кэйдзайси..., т. 1, стр. 292.

¹⁶ Там же, стр. 292—293.

На кого же распространялись эти налоги и повинности? На *томобэ* и *какибэ*? Вряд ли. Понятие налога, подати и рабочей повинности никогда не прилагалось к *бэ*. Они работали на своих хозяев, и их труд (как и они сами) целиком принадлежал хозяевам. Поэтому приходится допустить, что налог собирался не с *бэ*, а с родичей. А это значит, что начиналась эксплуатация и основной массы японского населения. И по своему характеру эта эксплуатация носила все феодальные черты.

Какой же характер носила эксплуатация *томобэ* и *какибэ*? Эксплуатация родичей, т. е. основного населения, происходила путем взимания налога зерном, продуктами, изделиями ремесел и иногда путем привлечения к работе, но не земледельческой, а к какой-либо иной, главным образом для возведения могильных курганов и дворцов. Население сидело на земле, которая составляла владения данной земельной общины, владело орудиями производства и было лично свободно. Кроме того, эксплуатация не носила еще всеобщего и точно установленного характера.

Томобэ и *какибэ* сидели на земле, считающейся собственностью какого-нибудь старейшины, вождя, члена царского рода; они обрабатывали эту землю для хозяина земли и сами принадлежали владельцам этой земли. Их хозяева брали от них все, оставляя, очевидно, столько, сколько минимально нужно было для их существования. Поэтому *томобэ* и *какибэ* гораздо ближе к рабам, чем к крепостным.

Но есть один признак, который вносит некоторый оттенок в это японское рабство. *Томобэ* и *какибэ* (во всем рабы) были тесно связаны с землей: вне земли они не существовали. Как это видно из приведенного мною отрывка из «Кодзики», земля и люди были в этом случае неотделимы друг от друга. Хаякава Дзиро в «Книге для чтения по японской истории» высказывает мысль, что японских *бэ* «можно в известной мере сравнивать со спартанскими илотами. По форме они — крепостные, по содержанию — рабы»¹⁷. Это сравнение с илотами требует, конечно, большой проверки. Слишком много отличий в общественном устройстве древней Спарты и древней Японии. Однако, во всяком случае, как мне кажется, если *бэ* (имея в виду *бэ* в позднюю эпоху) действительно следует признать рабами, то все же не в том смысле, как мы понимаем античное рабство. Но все-таки это одна из форм рабства. Поскольку период V, VI и начала VII в. ознаменован развитием именно такого рабства, поскольку именно оно составляло новое, характерное для этих веков (чего нет ни до — в эпоху родового строя, ни после — в эпоху наделной системы), постольку этот период можно в известном смысле назвать эпохой рабовладения, не получившего ни значения единственной формы социально-экономического строя, ни развития в дальнейшем. Феодальные элементы, созревшие в этом строе, выступили в дальнейшем на первое место и не дали японскому рабовладению развиваться до степени особой рабовладельческой формации.

К сказанному необходимо добавить несколько слов о тех, к кому обычно применяется слово «рабы», — так называемых *яцуко*. Как показывает значение этого слова, *яцуко* — домашние слуги и служанки. Они составляли собственность своего владельца и находились всецело в его распоряжении. Никакого серьезного значения для производства они не

¹⁷ Хаякава Дзиро, Нишпон рэкиси токухон (Книга для чтения по японской истории), Токио, 1935, стр. 4.

имели. Это явствует, между прочим, и из правового положения, если о таком можно говорить. Различие в положении *яцуко* и *бэ* обычно определяют так: *яцуко* можно было распоряжаться как вещью, т. е. их можно было продавать, наказывать, дарить, а также убивать; *бэ* же нельзя было ни убивать, ни даже продавать и наказывать. Формулировка, принятая в большинстве работ, должна быть понята так: поскольку *бэ* были неотделимы от земли, их отдельно от земли действительно нельзя было продавать (но вместе с землей их можно было, как я показал выше, передавать другому). То, что *яцуко* можно было продавать, свидетельствует как раз о том, что они не имели касательства к земледелию, т. е. к основному производству той эпохи, о том же говорит и право их убивать при одновременном запрещении убивать *бэ*. Последние были слишком ценны, как занимавшиеся основным видом производительной деятельности.

БОРЬБА РОДОВ В V—VI вв.

Распад родового строя вызван появлением внутри него рабовладельческих отношений, разложивших родовую общину, но не развившихся до степени самостоятельной социально-экономической формации. Вместе с тем наряду с рабовладельческим укладом внутри родового строя созревали элементы феодальных производственных отношений. Рабовладельческие тенденции нашли свое выражение в системе *томобэ* и *какибэ*, феодальные — в установлении для некоторой части свободного населения, а именно родичей, налога и отработочной повинности. В итоге возобладали феодальные тенденции.

Эти столетия представляют, таким образом, исключительный интерес, именно тогда происходит и созревание рабовладельческих и феодальных тенденций, и их борьба, и окончательное оформление антагонистического общественного строя, и формирование государства (уже не того примитивного «государства», которое сводилось к союзу родов, державшему на положении данников другие роды, а государства в точном смысле этого слова).

Распад родового строя нашел свое выражение прежде всего в разложении родовой общины. Ее сменила соседская община. В основе это было вызвано ростом населения, увеличением потребностей, запашкой новых земель и тем переворотом, который был внесен в хозяйство новой, пришедшей из-за моря техникой. Огромную роль сыграли появившиеся и растущие по численности рабы: они окончательно подорвали прежнюю родовую общину как основную экономическую единицу общественного строя.

Об изменении характера общины можно судить и по истории японских поселений. Основной формой совместного поселения, идущей с глубокой древности, является *мура* («селение»). Первоначально это была группа совместно живущих кровных родственников, иначе говоря, понятие селения совпадало с понятием родовой общины. Первый шаг на пути к разрушению родовой общины составляло отделение и поселение части ее на новых местах из-за необходимости расширить площадь обрабатываемых земель. В дальнейшем при царских *миакэ* крупных родов стали зарождаться поселки нового типа, составленные из землепашцев, работающих на царских полях (*мита*) или на землях старейшин (*наридокоро* или *тадокоро*).

Отдельными поселками селились пришельцы из-за моря, отнюдь не обязательно составлявшие каждый раз кровные группы. Существовали и поселки, образованные группами подневольных мастеров-ремесленников, поставляющих свои изделия царям или другим членам родовой знати. Возможно, существовали, наконец, и особые поселки пленников из числа кумасо и эбису.

Насколько можно судить по «Кодзики» и «Нихонги», в селениях, превратившихся в соседскую общину, сформировались даже органы управления, построенные на началах, отличных от родовой общины. Там появились свои «старосты» (*мура-но обито* или *инаги*); в селениях, образованных переселенцами, они назывались *сугури*. Конечно, во многих случаях новые «старосты» происходили из тех же прежних старейшин, но, во-первых, не обязательно, а во-вторых (и это главное), их функции уже были несколько иными.

Изменение характера общины, появление в ней нового типа самоуправления повлекло за собою дальнейшие следствия: главы прежних крупных родов — родовые старейшины стремились подчинить своему влиянию уже не свою родовую общину, фактически распадавшуюся или распадающуюся, а соседскую. Они начали превращаться в своего рода правителей отдельных районов. Мы знаем их под именами *агатануси* и *куни-но мияцуюко*, выражавшими и их новое положение, и их отношение к царям: так их называли цари, которым они обязаны были представлять дань. Появление этих местных правителей также один из показателей изменения родовой общины.

Дальнейшее развитие процесса постепенно привело к дифференциации и внутри соседской общины. Рост населения, особенно в связи с включением в состав общины значительного числа рабов, часто делал невозможным совместную обработку земли и совместное ведение хозяйства. В результате община стала распадаться на семьи, ведущие отдельное хозяйство. Конечно, на первых порах эти семьи были очень многочисленны, насчитывая в своем составе до 100 и даже более человек.

Все вышеуказанные причины, в особенности появление *табэ* — земледельческих родов, трансформация родовой общины и внутренняя дифференциация в ней, привели к образованию собственности на землю, на рабов, на имущество вообще, а затем и классов. Уже явно существуют: родовая аристократия; свободное в своей массе, но частично уже эксплуатируемое налогами и повинностями земледельческое население; рабы — как земледельческие и частично ремесленные, так и в виде домашних слуг. Родовая аристократия — недавние родовые старейшины — усиленно создавала себе земельные владения (*мита*, *тадокоро*); они формировали кадры подневольных землепашцев (*табэ*), группы несвободных ремесленников (разные *бэ*), в последнем случае — почти всегда из иноземцев по происхождению. Используя свое прежнее влияние родовых старейшин и влияние, основанное на долгих и прочных традициях родового строя, они стремились эксплуатировать там, где могли, и своих прежних родичей, вводя налоги и отработку. Как было только что указано, по отношению к новой соседской общине их прежнее положение старейшин теперь сменилось другим: они превращались в «правителей» данного района. Владея группами *какибэ*, они становились их «хозяевами». В связи с этим прежние их обозначения, указывающие на их положение как родовых старейшин, — такие термины, как *кими*, *хико*, *вакэ*, *такэру*, *табэ*, *мурадзи*, *оми*, *оса*, *сугури*, *киси* и другие, — получают смысл сословных обозначений (*кабанэ*). «Нихонги» сообщает, что при Инкё, в 415 г., эти

кабанэ были приведены в систему, т. е. были установлены точно их наименования и утверждён их порядок: *кими, оми, мурадзи, мияцуюко, атаэ, обито* и др.

Установление классового общества сопровождалось классовой борьбой и порождало ее. Основные противоречия развивались во взаимоотношениях, с одной стороны, рабов и их хозяев — родовой знати, с другой — свободных родичей, начинающих чувствовать давление родовой аристократии.

Основная масса японского народа хотела беспрепятственно вести свое земельное хозяйство в формах, более удобных и не сковывающих инициативу отдельных хозяйствующих семей; прочно закрепить за собой определенные участки земли и орудия производства; обезопасить себя от угрозы обращения либо в подневольных землепашцев — *табэ*, либо в облагаемых по произволу местных властителей налогами и повинностями крестьян.

В «Кодзики» и «Нихонги», излагающих весь древний исторический процесс как «деяния богов» или «деяния царей», трудно найти прямое указание на эти стремления населения. Возможно, очень внимательный анализ междоусобных распри различных родовых старейшин (о чем так много говорят хроники) вскрыл бы, что за внешнею оболочкою во многих случаях таятся действия земледельческих масс населения. Но все равно об отдельных проявлениях этого движения говорить можно.

Для того чтобы понять в данном отношении повествование «Кодзики» и «Нихонги», необходимо учесть, что в этом земледельческом населении были разные слои: некоторые семьи, многочисленные по своему составу, сильные в хозяйственном отношении, могли не без успеха сопротивляться попыткам родовой знати наложить руку на их хозяйство и даже на них самих. Я считаю возможным предполагать, что случаи таких сопротивлений, а то и прямых оттеснений старой родовой знати не только были, но временами принимали даже широкий характер.

В какой форме об этом говорится в «Кодзики» и «Нихонги»? В хрониках неоднократно упоминается о случаях «обманного присвоения» себе тех или иных фамильных названий. Присвоение себе кем-нибудь того или иного фамильного названия не было безразличным для правителей того времени. Если в тех или иных случаях это присвоение определялось как «обманное», это значит, что такое фамильное название присваивал себе тот, кто не имел на него (с точки зрения правителей) права. Напомню, что фамильные названия в те времена были соединены с *кабанэ*, т. е. с тем или иным положением в среде родовой знати. Если же это так, то случаи попыток «обманного» присвоения себе фамильных названий являются не чем иным, как выступлением тех или иных рядовых земледельческих семей за изменение своего статуса.

Шли ли эти попытки вразрез с интересами родовой знати? Безусловно. Это явствует уже из того, что подобное присвоение считалось «обманным», т. е. незаконным. Но как нельзя лучше это подтверждается и тем, что с таким присвоением активно боролись. Виновные привлекались к суду: они подлежали испытанию, которое должно было удостоверить наличие или отсутствие у них действительных прав на название. Испытание это, носившее название *кузатаги*, заключалось в том, что обвиняемому предлагалось опустить руку в кипяток или приложить ладонь к раскаленному железному топору. Повреждение руки в этом случае или отказ от испытания рассматривались как доказательство виновности, и преступника наказывали. Были случаи таких присвоений, т. е. выступлений рядового населения, единичными или частыми? По-видимому, иног-

да такие выступления принимали угрожающие размеры. Так, например, по рассказу «Нихонги», в царствование Инкё будто бы обнаружилось массовое «обманное» присвоение фамилий, вследствие чего в 415 г. было проведено общее судилище в форме *кугатаги*, давшее возможность устранить преступников. Подобные суды производились и позже.

В этом широком движении земледельческого населения приняли самое активное участие натурализовавшиеся в Японии корейцы и китайцы. Из Китая и Кореи переселялись не только крестьяне, отсюда шли ремесленники, мастера-художники, лекари, учителя грамоты, мелкие чиновники, буддийские монахи, иными словами, культурные кадры населения. Они не только вышли во многом из другого мира, но и были носителями его идей. Пусть цифры, приведенные «Нихонги», о численности китайского по происхождению рода Хата в 18 670 человек и преувеличены, но несомненно этот род все же был очень многочисленным. А род Ати-но оми, который населял до своего прихода в Японию будто бы целых 17 уездов? Потомки Атики и Вани также во множестве встречались в Центральном и Западном Хонсю. Однако из этих слоев японского населения, безусловно наиболее передовых в культурном отношении, лишь в малой степени появлялась родовая знать. Случалось, что они оставались на положении рядового земледельческого населения, чаще же всего именно из них формировались группы несвободных — *томобэ* и *какибэ*. Этой участи не могли избежать, по-видимому, даже сильные роды. Так, например, даже такой многочисленный и сильный род, как Хата, и тот, надо думать, находился на положении *бэ*. По крайней мере, согласно «Нихонги», царь Юряку (вторая половина V в.) будто бы собрал весь род, до этого живший в различных местностях, в одно место, обязал поставлять шелковые ткани и назначил над ним управляющего — *хата-но мияцую*.

По-видимому, близким к рабскому было и положение даже таких потомков пришельцев, которые были учителями китайской грамоты при дворе или чем-то вроде чиновников, исполняющих разные службы. Таково было, например, положение «граммотеев» (*фухито*) — дворцовых писцов и историографов из рода Вани. Для царей они являлись также *бэ* (*ямато-но фухито-бэ*, жившие в Ямато, *кавати-но фухито-бэ*, жившие в Кавати). Таким образом, действия этого слоя японского населения, восходящего по своему происхождению к китайцам и корейцам, следует рассматривать в свете общего движения основной массы японского народа, как *удзибито* — земледельческого населения, так и *томобэ* и *какибэ*. Более близкое участие они принимают именно в борьбе последних, иначе говоря, в движении рабов, которое было, по-видимому, основным фактором исторического процесса в V—VII вв.— до самого переворота 645 г. Японские хроники прямо об этом движении, конечно, не говорят. Однако по целому ряду косвенных указаний можно составить себе достаточное представление о нем. Как «Кодзики», так и «Нихонги» нередко упоминают о гневе господ на своих рабов за их неповиновение или проступки. Это означает, несомненно, что были случаи сопротивления рабов произволу их хозяев. Однако они, как мне кажется, относятся главным образом к волнениям рабов типа *яцую*, т. е. домашних слуг, иначе говоря, рабов непроизводственных категорий. Поэтому крупного значения их волнения иметь не могли.

Гораздо более существенное значение имели волнения среди рабов высшей категории — *бэ*, на труде которых в значительной мере строилось хозяйство родовой знати: несвободные землепашцы (*табэ*) обрабаты-

вали их поля (*мита, тадокоро*); знакомые еще с каким-нибудь ремеслом кормили себя обработкой земли, а изделия своего ремесла отдавали хозяину. Таких рабов было больше, среди них — очень много людей, стоящих на высоком культурном уровне, к ним примыкали и наиболее образованные для того времени группы «учителей», «грамотеев», иногда буддийских монахов. Целью их было одно — освобождение. Они стремились к получению возможности существовать так же, как и прочее население, как *удзибито*. Те, кто служил при дворе «писцами» и т. д., иначе говоря, своего рода чиновники, стремились выйти из положения «чиновников-рабов» и занять полноправное положение уже в настоящем государственном аппарате. К этому их подталкивало знакомство с положением таких же чиновников, как они, в Китае и отчасти в Корее, где надельный феодализм был сопряжен с многочисленным государственным аппаратом. Таким образом, движение данного типа рабов, не противоречащее общему движению земледельческого населения, оказалось центральным. Оно привело в 645 г. к перевороту Тайка, а вместе с ним и к падению системы *бэ*. Движение должно было найти себе политическую опору; оно должно было отыскать ту силу, с помощью которой можно было бы осуществить изменение общественного строя. Она была найдена в лице царского дома.

Общее усиление власти вождей племенного союза несомненно. Однако при рассмотрении того, в каком именно направлении она была использована, необходимо учитывать то обстоятельство, что цари Ямато сами были обладателями наиболее многочисленных *томобэ*, что именно они в первую очередь налажали на свободное население налог и отработочную повинность. В связи с этим процесс, приведший к ликвидации рабства типа *томобэ* и *какибэ*, а также к ликвидации земельных владений типа *мита* и *тадокоро*, оказывается очень сложным.

Исходя из общей картины классовых взаимоотношений, следует ожидать выступлений рабов против своих владельцев. Цари Ямато были крупнейшими рабовладельцами (в смысле владения *томобэ*), и эти выступления должны были направляться против них. Кроме того, так как «Кодзики» и «Нихонги» рассказывают в первую очередь о царском доме, в хрониках выступления именно царских *бэ* и должны занимать первое место.

Есть ли в этих хрониках сообщения о выступлениях царских *томобэ* против царей? Как мне думается, такие сообщения есть; более того, они занимают основное место в тех частях «Кодзики» и «Нихонги», где рассказывается о событиях VI—VII вв. Нужно только уметь понимать язык этих хроник и манеру их рассказа.

Движение царских *томобэ* должно было иметь своих вождей. Кто мог быть этими вождями? Очевидно, те, кто стоял во главе их. А кто стоял во главе? На этот вопрос приходится давать двойной ответ.

Во главе *томобэ* стояли так называемые *томо-но мияцуюко* — царские управляющие. Ими могли быть действительно лица, поставленные царями для руководства теми или иными группами *бэ*. Они не могли выступать вместе со своими подчиненными против царей; наоборот, движение *томобэ* могло быть направлено против таких *томо-но мияцуюко*. Но могли быть и такие «управляющие» *томобэ*, интересы которых (в их отношении к царям) не противоречили интересам управляемого ими населения. К ним относятся те, которые в свое время были старейшинами своих групп, а затем вместе с ними в равной мере превратились в *томобэ* по отношению к царскому роду. Выше было сказано, что некоторые *томобэ* восхо-

дят к древним родам-данникам. Эти роды сначала были во всем самостоятельными, управлялись своими старейшинами и только поставляли время от времени царям Ямато полагающуюся дань. Наложение дани практиковалось обычно в тех случаях, когда в роде (в основе, конечно, земледельческом) по тем или иным причинам было развито какое-нибудь ремесло или промысел. В дальнейшем положение этих родов-данников изменяется: они стали постепенно переходить на положение *томобэ*, т. е. становились уже в полностью зависимое от царей положение. Но во главе их продолжали оставаться по традиции их прежние старейшины. Конечно, процесс превращения данников в рабов соединялся с распадом родовой общины, но и в этом случае, как сказано выше, очень часто функции старосты в соседской общине переходили к тем же бывшим старейшинам. Впрочем, это и не так существенно. Важно то, что во главе общины стояло лицо, выдвинутое самой соседской общиной, а не поставленное извне. В дальнейшем, когда соседские общины превратились уже в группы рабов, очень часто их «управляющими» оставались прежние старосты. В подобных условиях владельцу *бэ* — в данном случае царскому роду — противостояли все группы *бэ* целиком, т. е. вместе со своими «управляющими». Именно такие управляющие, в прошлом старосты соседской общины, может быть, даже в еще более отдаленном прошлом старейшины родовой общины, и становились вождями родов в их борьбе против хозяев, в данном случае вождями *томобэ* против царей Ямато.

Возможен, кроме того, и еще один тип таких вождей: не бывшие старосты и старейшины, а поставленные царями управляющие, *томо-но мияцуюко*, вернее, те из них, которые, опираясь на подчиненных им *томобэ*, пытались эмансипироваться от своих властителей и быть независимыми. Так бывало тогда, когда группы *томобэ* отдавались в управление представителям могущественных в прошлом родов. И, наконец, последнее: пользоваться движением рабов в своих интересах могли и владельцы *какибэ*, недавние главы родов, почему-либо борющиеся с царями Ямато.

Все эти «вожди» движения не принадлежат к подлинным вождям, действующим во имя интересов *томобэ* и *какибэ*, как таковых. Но были и такие — в лице наиболее активных членов групп *томобэ* и *какибэ*, сформированных из числа иноземцев.

«Кодзики» и «Нихонги», как правило, персонифицируют исторический процесс, ими обрисованный: если они говорят о борьбе, то это всегда бывает борьба вождей. Поэтому и надлежит борьбу *томобэ* отыскивать за их противоборством. Совершенно естественно отыскивать вождей движения *томобэ* среди ближайшего окружения царей. С другой стороны, естественно искать наиболее активных участников движения среди таких *томобэ*, которые почему-либо имели больше возможностей для борьбы. С этими предположениями попробуем обратиться теперь к материалам «Кодзики» и «Нихонги».

Выступления отдельных вождей, их борьба с царским домом, их взаимная борьба в V в. принимают особенно ожесточенный характер. В царствование Ритю, Хансё, Инкё с царским домом соперничает во власти дом Кацураги, глава которого Цубура сумел в конце концов занять первенствующее положение в союзе родов Ямато. После смерти Инкё вокруг его наследия разгорелась распря двух его сыновей — Анахо и Кару. Старший, Кару, был убит, и Анахо сделался царем (вошел в историю под именем Анко). В следующем году был убит и второй возможный

соперник — дядя Анко, принц Окусака, причем Анко взял себе в жены супругу последнего — принцессу Накаси. У той был сын от первого мужа — принц Маюва, которому также грозила опасность быть убитым царем. Однако Маюва предупредил события и сам убил (в 456 г.) Анко, чем отомстил за своего отца. В этом «перевороте принца Маюва», как именуется это событие в обычных изложениях японской истории, принимал, по-видимому, руководящее участие Кацураги Цубура. Однако у Маюва и Цубура нашелся сильный соперник — пятый сын царя Инкё, которому удалось убить и того и другого (456 г.). После ожесточенной борьбы с другими соперниками он захватил в свои руки власть в формирующемся государстве и вошел в историю под именем Юряку. Таким образом, власть дома Кацураги пала. Однако ему на смену выступил другой дом — Хэруги, помогавший Юряку в борьбе против Кацураги. Глава этого дома — Матори в качестве *о-ми* в течение двух царствований — Юряку и Сэйнэй — не уступал царям по своему значению в общеплеменном союзе, а после смерти Сэйнэй — в течение царствований Кэнсо и Нинкэн — фактически стоял во главе этого союза. Однако в 498 г. он вместе со своим сыном Сиби был убит главою другого сильного дома — Отомо Канамура, к которому (со званием *о-мурадзи*) перешло на некоторое время руководство в общеплеменном союзе. Насколько полным было руководство, видно из того, что Канамура всецело руководил даже корейской политикой. При нем в 512 г. княжеству Пэкче были уступлены четыре округа японской Мимана, что стало началом упадка японского влияния на полуострове. Потеря части Мимана ослабила и положение Канамура, принужденного вести борьбу с соперниками, среди которых наиболее сильным был Мононобэ Аракаи, тоже имевший звание *о-мурадзи*. С воцарением Киммэй могущество Канамура, а с ним и всего дома Отомо было окончательно подорвано и место Отомо занял дом Мононобэ.

Однако и Мононобэ имели сильных соперников в лице дома Сога. Усиление могущества Сога обнаруживается еще в царствование Ритю, когда глава этого рода — Сога Мати занимал место в союзе родов Ямато почти рядом с наиболее могущественным тогда Хэгури Цуку. При Юряку в руки дома Сога попало управление упомянутыми выше «тремя сокровищницами», что свидетельствует о чрезвычайном усилении его могущества. В связи с этим во второй половине VI в. наиболее могущественными в общеплеменном союзе оказались эти два дома — Мононобэ и Сога.

В обстановке того времени столкновение этих двух домов было неизбежно. Поводом к нему традиционная японская история выставляет спор из-за буддизма: Сога будто бы были за буддизм, Мононобэ — против. На этой почве между ними вспыхнула борьба, закончившаяся истреблением Мононобэ и полной победой Сога.

В Японию буддизм проникает из Кореи, бывшей тогда в самых тесных связях с Японией. Официально буддизм появился в Японии в 552 г., когда к царю Киммэй были присланы от имени князя Пэкче в дар буддийские изображения и сутры с увещанием принять новую веру. Однако фактически буддизм стал проникать гораздо раньше: он появился в Японии вместе с китайскими и корейскими переселенцами. Даже японские хроники это отмечают. В них рассказывается о прибытии в 522 г. из китайского царства Южное Лян некоего китайца, имя которого по-японски произносится Сиба Датто, со своим родом, которые будто бы построили первый в Японии буддийский храм (в пров. Ямато, где они поселились). Впрочем, те же хроники отмечают, что новое учение тогда успехом еще

не пользовалось: народ будто бы назвал новых богов «чужестранными богами» и оставался при своих прежних верованиях.

Если продолжать изложение событий так, как они рисуются в хрониках, дальнейший процесс распространения буддизма, очевидно, развернулся таким образом. Царь Киммэй, получив послание от князя Пэкче, собрал на совет наиболее могущественных вождей племенного союза и задал им, согласно изложению «Нихонги», следующий вопрос: «Все страны на западе почитают эту веру, неужели одна страна Тоё-аки-цу — Ямато будет идти против нее?» В ответ на это Мононобэ Окоси, носивший тогда звание *о-мурадзи*, ответил: «Цари нашей страны до сих пор всегда чтили 180 богов неба и земли и весной, летом, осенью и зимой приносили им моления. Если отныне изменить это и начать поклоняться чужеземным богам, боюсь, что это навлечет на нас гнев богов нашей страны». К мнению Мононобэ Окоси присоединился и глава другого сильного дома — Накатоми Камако. В противоположность им Инамэ, вождь Сога, бывший в то время *о-оми*, склонялся к принятию новой религии. В результате Киммэй отверг мнение сторонников старой религии, решил принять буддизм, отдал Сога Инамэ полученные изображения и сутры и велел ему построить храм и распространять буддизм. Тот и стал выполнять повеление. Однако в стране начался мор, масса людей умирала. Мононобэ Окоси и Накатоми Камако объявили, что это и есть гнев богов, о котором они предупреждали. Тогда уstraшенный царь будто бы повелел им бросить в реку буддийские изображения и сжечь построенные храмы.

Однако все последующие сведения отнюдь не говорят об уничтожении буддизма. Наоборот, буддизм несомненно завоевывает все большие и большие позиции в стране. Сам Киммэй остается ревностным буддистом; в его царствование из Пэкче приезжают девять буддийских монахов; Отомо Садэ-кико, возвращаясь из похода на Корейский полуостров, привозит с собой буддийские изображения. В царствование Бидацу из Пэкче приезжают буддийские проповедники, скульпторы, архитекторы, поступают буддийские изображения из Силла. Словом, все признаки говорят о дальнейшем распространении буддизма.

Покровителями нового учения по-прежнему выступают главы дома Сога. Сын Инамэ — Умако, действуя вместе с родом Сиба Датто, снова строит храмы, привозит монахов, устраивает богослужения. Вскоре после этого в стране опять начался мор, что дало повод сыну Мононобэ Окоси — Мория вместе с сыном Накатоми Камако — Кацуми снова приписать его гневу родных богов. В результате Мория и Кацуми сожгли построенные Умако храмы, побросали в реку статуи, избили и разогнали монахов и вынудили Бидацу запретить буддизм.

Борьба домов Мононобэ и Сога, происходившая до сих пор из-за буддизма, вскоре разгорелась уже по другой причине: вокруг вопроса о престолонаследии. После смерти Бидацу (585 г.) Сога Умако стремился поставить царем принца Оэ, сына своей сестры, бывшей супругой Бидацу. Мононобэ Мория противопоставил ему принца Анахобэ, сына Бидацу от другой жены. Победа оказалась на стороне Сога. Оэ занял престол под именем царя Емэй. Тут же был отменен запрет на буддизм, при дворе снова появились монахи. Однако Мононобэ не складывали оружия и после смерти Емэя (587 г.) вместе с Накатоми вновь выступили со своим кандидатом. Борьба окончилась на этот раз полной победой Сога. Они собрали большие отряды, напали на Мононобэ и в битве у горы Сити (587 г.) перебили их всех во главе с самим Мория. После победы, естественно, на царский престол был поставлен снова ставленник Сога —

Сусюн, сын сестры Умако. Царь Сусюн всячески стремился освободиться от опеки Умако и уговаривал другого члена царского рода — принца Умаядо — совместно выступить против Сога. Принц Умаядо считал, однако, такое выступление преждевременным и дал совет «некоторое время подождать». Ненависть Сусюна к Сога была настолько сильна, что однажды при поднесении ему в дар кабана у него даже вырвалось восклицание: «Когда же я смогу отрезать голову ненавистному мне человеку, как я отрезаю голову кабану!» Прослышавший про это Умако решил предупредить события и послал во дворец группу китайцев из рода Адзума-но Ая-но Кома якобы с данью. Эти китайцы напали на дворец и убили Сусюна (592 г.). После этого на престол под именем Суйкэ была поставлена жена Бидацу, происходившая по материнской линии из рода Сога. Наследным принцем был объявлен принц Умаядо, вошедший в историю под именем Сётоку-тайси. Таким образом, Сога фактически подчинили себе царский род и с титулом *о-оми* стали во главе общеплеменного союза. В конце концов они начали присваивать себе и внешние прерогативы царского дома. После смерти Умако его сын Эмиси поставил царем Дзёмэй, потом после его смерти — его жену Когёку. Сын Эмиси — Ирука подавил попытку одного из принцев царского дома, Ямасиро-оэ, поднять мятеж против Сога, убив его в 643 г. С этого времени Сога даже присваивают себе название «микадо», бывшее тогда по своему значению равным понятию и «царский дворец», и «царь», а членам своего дома присваивают титул *мико*, равный тогда понятию «принц». Иначе говоря, с 587 г., после битвы у горы Сиги и уничтожения Мононобэ, власть в общеплеменном союзе прочно переходит в руки Сога, занимающих сначала главенствующее положение под титулом *о-оми*, а затем, с 643 г., — и под титулом микадо. Такова картина событий, разгравшихся в V—VI вв., представленных в изложении «Нихонги». Попытаемся рассмотреть весь ход их при свете тех предпосылок, которые были установлены выше.

Первое, что с несомненностью явствует из изложения, это — факт междоусобной войны отдельных японских домов, сменявших друг друга на арене истории. «Нихонги» их перечисляет в такой последовательности: Кацураги (до 456 г.), Хэгури (до 498 г.), Отомо (до 539 г.), Мононобэ (до 587 г.) и Сога (до 645 г.). Главы домов выступают при этом то как *о-оми*, то как *о-мурадзи*. Необходимо поэтому несколько остановиться на значении этих названий.

О-мурадзи (букв. «великий мурадзи») — глава всех *мурадзи*; совершенно так же *о-оми* («великий оми») был главою всех *оми*. Кто такие эти *мурадзи* и *оми*? Согласно обычной версии, это две группы родов, занимавших еще в глубокой древности главенствующее положение среди японского племени. *Мурадзи* восходят, по традиционной версии, частично к тем родам, которые обитали еще в Ямато, а также к тем, которые издавна жили в Идзумо. Они считаются родами, восходящими к тому же родоначальнику, что и царский род, т. е. к богине Аматэрасу.

В связи с численным увеличением японских родов и их распадом на «малые роды» образовалось понятие «большого рода», иначе говоря, старшей ветви. Главы этой старшей ветви, занимавшие положение глав всего рода в целом, и стали называться великими *мурадзи* или великими *оми*. В дальнейшем в связи с объединением родов в один общеплеменной союз, естественно, получилось, что главы могущественных родов или даже групп родов заняли первые места в этом союзе. Наименования, которые они носили как главы родов, получили теперь общеплеменное значение,

т. е. превратились в обозначение носителей каких-то общеплеменных функций, иначе говоря, в некое подобие должностных обозначений. Вместе с тем в связи с развитием системы *кабанэ*, т. е. сословных обозначений, звания приобрели оттенок, близкий к понятию титула. Как видно из хроник, звание *о-оми* было в руках дома Хэгури, затем Сога; звание *о-мурадзи* — в руках Отомо и Мононобэ. Поэтому период V—VI вв., когда происходила борьба этих домов, часто даже и называют «периодом *о-оми* и *о-мурадзи*».

Присмотримся теперь ко всем «домам» несколько ближе. Очень часто японские историки говорят, что роды Отомо и Мононобэ «ведали военным делом» в «государстве царей Ямато»; род же Сога будто бы «ведал гражданским управлением». В самом деле, нет никаких сомнений, что роды Отомо и Мононобэ имели отношение к военному делу. Это значит, что этими именами назывались дружины, находившиеся в распоряжении царей Ямато. Еще в сказании о Дзимму упоминается, что он, организовав после завоевания Ямато основанное им государство, «поручил двум родам из пришедших вместе с ним — Мити-но оми и О-кумэ — охранять ворота своего дворца», а третьему роду — Умаси-модэ — «нести внутреннюю стражу». Род Отомо по традиционной генеалогии восходит именно к Мити-но оми, причем с ним вместе слился и род О-кумэ; род же Мононобэ восходит к Умаси-модэ. Таким образом, два главнейших дома из тех, кто действовал в изложенной борьбе домов, оказываются просто дружинами царей. Из кого состояли эти дружины? Один из авторитетных историков Японии (притом из самых лояльных к официальной исторической традиции), Кита, доказывает, что «Отомо, Мононобэ, Саэги и им подобные дружинники набирались из числа презираемых инородческих племен. Так, например, общеизвестно, что Саэги-бэ составлялись из эбису, Кумэ-бэ — из хаято, Отомо-бэ, управлявшие Кумэ-бэ, в своей большей части, подобно Кумэ-бэ, происходили из хаято. И в дальнейшем в большинстве случаев дружины формировались из эбису...»¹⁸

Итак, упомянутые «дома» — не более чем дружины, сформированные царями Ямато, да еще из инородцев — эбису и хаято. По мнению Кита, «варвары, живущие на окраинах, по своей природе храбры, как леопарды, и очень подходящи для военной службы». Возможно, древние эбису и хаято действительно были «храбры, как леопарды», но важнее то, что существование таких дружин знаменует появление отрядов, составленных из рабов. Иного положения в союзе родов Ямато инородцы никогда не занимали. На тот факт, что это были рабы (и притом обычного для того времени типа), указывает и само их обозначение словом *бэ* — Кумэ-бэ, Саэги-бэ, Отомо-бэ, Мононобэ. Иначе говоря, все они — *томобэ*, а их вожди, игравшие столь большую роль в событиях V—VI вв., присвоившие себе звания великих *оми*, великих *мурадзи*, *томо-но мияцукю*, — предводители рабов.

Кто такие были Сога? По обычной генеалогии они составляют одну из ветвей рода «канцлера» царицы Дзингу — Такэноути-но сукунэ. Своим возвышением (по данным хроник, с которыми согласны современные историки) Сога обязаны тому, что при Юряку они стали заведовать «тремя царскими сокровищницами» и сохранили свое положение и в дальнейшем до самого своего падения в 645 г. Каким образом появились эти «царские сокровищницы» и чем они были наполнены? Ответ на этот вопрос был уже дан в предыдущем изложении.

¹⁸ См. «Рэкиси тири», 1926, № 3.

Кем же были Сога? Ито Дзохэй пишет: «То, что Сога смогли победить Мононобэ и высоко вознести свое могущество, обуславливается тем, что они тесно слились с заведующими так называемыми тремя сокровищницами — «священной», «внутренней» и «большой», в особенности же с потомками Ати-но оми и Вани, в чьих руках находилось заведование «внутренней сокровищницей», где хранилась дань, поступающая из Кореи, и родом Хата, заведовавшим «большой сокровищницей», и смогли привлечь их под свои знамена»¹⁹. Важно полное признание Ито факта тесного слияния дома Сога с родами Ати-но оми, Вани и Хата, т. е. с главнейшими группами переселенцев китайского происхождения. Вспомним также указание «Нихонги», что Сога Умако при насаждении буддизма действовал совместно с родом Сиба Датто, т. е. также с группой переселенцев китайского происхождения; вспомним и сообщение «Нихонги» о том, что царь Сусюн был убит по наущению Умако отрядом потомков переселенца из Китая. Не проще ли сказать, что так называемый дом Сога был мощной группой потомков китайских переселенцев или их возглавлял? А если так, каково было их место в общественном строе V—VII вв.? Совершенно очевидно, что они не могли быть не кем иным, как *томобэ*, т. е. рабами. На это указывает и их название — Сога-бэ. Если так, то главными действующими лицами в V—VII вв. были группы рабов со своими вождями. Иными словами, основное социальное движение этих веков — движение *томобэ* и *какибэ*. При этом совершенно неважна личная генеалогия тех, кто стоял во главе этого движения. Пусть все эти Мононобэ Мория, Сога Умако, Сога Эмиси и Сога Ирука сами лично не были рабами, а, наоборот, принадлежали к родовой знати, важно, чье движение они возглавляли.

Движение *томобэ* и *какибэ* имело сначала одну цель — захват власти в общеплеменном союзе. Эта цель предопределялась в известной мере личностью их вождей, для которых захват власти означал и богатство и силу. С другой стороны, движение на первых порах тесно переплеталось с междоусобной борьбой японской родовой знати, бывших старейшин, теперь ставших владельцами и полей и рабов. Иначе говоря, самостоятельная и основная цель движения — освобождение рабов — пока не выступила на первый план.

Чем объясняется появление на арене именно этих домов а не других? Из изложенного явствует, что выступали те дома, которые либо обладали большой воинской силой, либо богатством. Воинская сила составляла преимущество Отомо, а затем Мононобэ; богатство составляло силу Сога. Кто же должен был из них победить? Тот, на чьей стороне была еще и культура. Дружины Мононобэ состояли из эбису и хаято, хотя и «храбрых, как леопарды», но все же (особенно эбису) варваров в сравнении с потомками Ати-но оми, Хата, Сиба Датто, из которых слагался лагерь Сога. На стороне Сога были и представители «просвещения» того времени — потомки Вани, царские «писцы» и «историографы». Кроме того, первые — представители старинной примитивной религии — синто, культа стихий природы и культа предков, соединенного с древним родовым строем; вторые — представители нового учения — буддизма, сопряженного в Китае с более высоким общественным строем — феодализмом. Все это вполне объясняет победу Сога, означавшую, что движение *томобэ* достигло своей первой цели: оно окончательно подорва-

¹⁹ Ито Дзохэй, Указ. соч., стр. 153—154.

ло последние остатки родового строя, нанесло решительный удар политической форме общеплеменного союза, подготовило формирование государства и поставило во главе этого формирующегося государства наиболее передовые слои тогдашнего общества.

ПЕРЕВОРОТ ТАЙКА

Привел ли политический переворот 643 г. (убийство Сусюн), произведенный Сога, к разрешению основного противоречия эпохи — взаимоотношения рабов и родовой знати? Как явствует из предыдущего, не привел. Он только передал власть в складывающемся государстве в руки вождей движения *томобэ* и *какибэ*. Но вожди не осуществили основной цели, к которой стремились те, кто эту борьбу реально вел, — самих *томобэ* и *какибэ*, в первую очередь их наиболее культурной и передовой в тогдашнем обществе части — потомков бывших китайских и корейских переселенцев. Кстати, не следует думать, что это все еще были китайцы или корейцы: они стали уже японцами, вполне натурализовавшимися слоями пришлого населения. Поэтому считать переворот Сога делом рук иноземцев совершенно неверно. Но оценивать его как дело рук тех слоев японского населения, которые были представителями и носителями китайской культуры, совершенно верно. Какова же была цель этих слоев? Прежде всего освобождение и такое переустройство государства, чтобы эти недавние рабы могли перейти на положение, равное положению массы населения Японии, — земледельцев, т. е. получить землю; а вместе с тем, чтобы их некоторая часть заняла в новом государстве положение, достойное их высокого культурного уровня и соответствующее их старинным, принесенным еще из Китая навыкам (положение чиновников в новом государстве). Вожди первого этапа движения — Сога — не удержались, ибо не осуществили этого стремления *томобэ* и *какибэ*. Они не удержались у власти и потому, что не осуществили и второй задачи эпохи, имеющей, пожалуй, даже еще большее значение, чем разрешение проблемы рабов: они ничего не предприняли, чтобы удовлетворить стихийное стремление основной массы населения к ведению отдельного для каждой семьи парцеллярного хозяйства, долженствующего окончательно ликвидировать последние остатки родовой общины и форму общины соседской сделать более гибкой и удобной. Семья твердо становилась основной хозяйственной единицей. Она нуждалась, во-первых, в прочном закреплении за нею земли, во-вторых, в таком переустройстве соседской общины, которое бы создавало наиболее удобные условия для ее хозяйственной деятельности. Кроме того, свободное население хотело иметь некоторые гарантии от возможности произвольных поборов со стороны местных представителей родовой знати. Другими словами, политический переворот Сога не осуществил желаний обоих слоев японского населения: основного — достаточно инертной массы — крестьянского населения (*удзубито*) и второго, меньшего по численности, — рабов (*томобэ* и *какибэ*). Поэтому окончательно во главе нового государства стали те, кто обе задачи осуществил. Это было сделано царским домом, конкретно — принцем Нака-но Оэ, поддержанным домом Накатоми, во главе которого стоял Каматари, а также наиболее передовыми и просвещенными представителями тогдашнего общества.

Убийство Сусюн и возведение на престол Суйко (592 г.) не привело царский дом к полному падению. Сога удовлетворились тем, что заняли

первенствующее положение в складывающемся государстве, не тронув тех принцев царского дома, которые не пытались выступить против них. Одним из таких принцев был уже названный ранее Умаядо, вошедший в историю под именем Сётоку-Тайси. Ему первому принадлежит окончательное оформление целей движения и выработка действенной программы политического переворота, способной эти цели осуществить. Программа была выработана им под сильнейшим влиянием новой идеологии, идеологии тех слоев *гомобэ* и *какибэ*, которые шли в первых рядах общего движения. Вместе с тем это была идеология и наиболее просвещенных слоев свободного населения, усвоивших китайскую культуру в Японии или даже успевших побывать за морем — в Корее и Китае. Их идеология слагалась из элементов конфуцианства и буддизма.

Что такое конфуцианство и буддизм (в пределах, нужных для понимания роли этих учений в истории первой революции в Японии)? Конфуцианство, будучи в целом философским учением, характерным для феодальной эпохи, в то же время далеко не однородно по своему содержанию; в нем отражаются как различные этапы китайского феодализма, так и умонастроения отдельных слоев феодального общества даже в пределах одного какого-либо периода. Первоначальное конфуцианство, т. е. именно то, которое имеет значение для рассматриваемого периода японской истории, представляет собой морально-политическое учение. Элементы религии, содержащиеся в нем, правда в слабой степени, представляют либо вторжение из внешней среды, либо неизбежную для умственного уровня и форм мышления той эпохи внешнюю оболочку отдельных положений и доктрин. Из различных сторон этого учения для целей настоящей работы важна главным образом одна — обращенность его к древности. В чем она заключается? Прежде всего в идеализации старины, в стремлении видеть в седой древности «золотой век» человечества. Весь «Лунь юй» (т. е. то, что связывается с именем самого Конфуция) преисполнен этим духом.

К какой древности были обращены взоры конфуцианцев? Сам Конфуций жил в так называемый период Чунь цю (VIII—V вв. до н. э.), т. е. в эпоху бурного распада остатков родового строя и складывания феодального государства. Если так, то «золотым веком» для него была эпоха родового строя. Идеализирование древности представляется всегда одним из способов выражения недовольства настоящим. Конфуций был недоволен своим временем из-за его бесконечных междоусобных распрей, произвола правителей, всеобщего упадка нравов — иначе говоря, отсутствия прочного социально-политического порядка. Такое недовольство не только выражало неудовлетворенность складывающегося феодального чиновничества, представителем которого был Конфуций, но в какой-то мере отражало и протест передовых масс. Конфуций звал назад, но силою вещей его призыв звал вперед. Это объясняется тем, что именно видел Конфуций в постулируемой им древности.

Разумеется, совершенно нелепо предполагать, что Конфуция в этой древности прельщала родовой строй. Его прельщала та предполагаемая устойчивость, стабильность всех общественных отношений, обеспеченная непререкаемой по своей внутренней правоте и истине, по своему авторитету для всего населения властью государя. Коротко говоря, Конфуций мечтал не о родовом строе, а о централизованном государстве с твердой верховной властью. Объективно его обращение к древности имело именно этот смысл. Идеал для Конфуция воплощался в облике мудрого монарха, твердо ведущего народ по пути мира и благополучия. Конфуций

затратил немало усилий, чтобы такой облик создать. Именно им созданы классические в Китае образы древних правителей-мудрецов — Яо, Шуня, Вэнь-вана, У-вана, Чжоу-гуна, правление которых якобы было «золотым веком» Китая. Конфуций стремился всячески обосновать именно такой образ монарха, прибегая для этого даже к авторитету неба: именно Небо (*тянь*) утверждает такой тип правителя, именно велению неба (*тянь мин*) обязан такой монарх своей властью. Таким образом, политическая доктрина оказалась подкрепленной религиозной догмой.

Доктрина абсолютного монарха определяла собой всю социально-политическую систему идеального конфуцианского государства — централизованной империи. Его воплощением был правитель-мудрец, а чиновники — реальные устроители и правители. Идея чиновничества чужда родовому строю; она — центральный пункт всей новой государственной идеологии. Конфуций и был в первую очередь представителем и выразителем этой идеи. Она проявляется в том огромном значении, которое Конфуций уделял двум принципам, ни в коем случае не могущим уместиться в сознании человека родового строя, но вполне естественным для представителя идеи централизованного государства, управляющегося феодальными чиновниками. Эти принципы — «образование» и «законы». Правитель государства, чиновник должен расширять [свой кругозор] «просвещением» (*бо вэнь*) и «сдерживать [себя] законами (*ли*)». Иначе говоря, декларируется необходимость особой подготовки чиновника и твердых законов для государства. Оба принципа служат основой государственного строя в целом, который должен базироваться на просвещении и законах.

Выставляя идеал централизованного государства, Конфуций предусматривал и конкретные методы управления им, осуществляемого чиновниками под руководством государя. Эти методы — закон, музыка, наказание и управление. Закон (*ли*) призван внешне и внутренне регулировать все действия людей; музыка (*ю*) призвана служить орудием нравственного воспитания; наказание (*син*) — это орудие борьбы с нарушением закона; управление (*чжэй*) есть конкретное руководство жизнью народа.

Разумеется, понятие «чиновник» в уме конфуцианца мыслится со всей доступной для того времени полнотой. Если монарх — не просто правитель, а «правитель-мудрец», то и чиновник — не просто управляющий той или иной областью государственного механизма, а «благородный муж». Иначе говоря, политический идеал становится и моральным идеалом, понятия «государь» и «чиновник» превращаются в понятия моральной личности. Идеальное государство воплощает не только высшие социально-политические ценности, но и ценности моральные. Таково было в основном содержание конфуцианства как морально-политической системы; оно особенно пришлось по вкусу тем слоям японского населения, которые были недовольны существующим порядком вещей.

Религиозной идеологией, распространившейся в указанных слоях японского населения, был, как сказано выше, буддизм. Возникновение буддизма в Индии также связано с борьбой против родового строя. Адепты нового учения выступали с проповедью религиозной реформы, должныствующей сломать брахманизм как систему господства высшей касты брахманов. Проповедники нового учения в большинстве случаев принадлежали к воинскому классу — касте кшатриев. Сам Шакьямуни был сыном князя, т. е. воина. Поэтому последователи буддизма в большинстве случаев были представителями этого класса и его социально-политической идеологии — феодального порядка, построенного на объединении и

централизации. Буддизм сыграл огромную роль в распаде родового строя в древней Индии. Он был могучим идеологическим орудием в руках тех, кто стремился построить централизованное государство. По этой причине в числе последователей буддизма было так много царей и князей. Это подтверждается не только историей Индии, но и историей Китая. Утверждению во власти танских императоров сильнейшим образом способствовал буддизм, который завершил ликвидацию последних остатков прежнего родового общинного строя, удержавшегося в Китае даже во времена диньского и ханьского феодализма. Поэтому танские императоры и были такими покровителями буддизма. Поэтому и в Японии горячими адептами нового учения были в первую очередь члены царского дома. Какие стороны буддизма были направлены против родового строя и раскрывали идею нового общества? Буддизм — учение о единой для всех религии. Идея такой религии противопоставлена различным местным культам, связанным с местными божествами, особыми для каждой группы. Буддизм воспитывал в человеке общенародное, общегосударственное, вселенское мироощущение и тем боролся с идейной замкнутостью мирка, ограниченного рамками рода. Он устанавливал затем всеобщее равенство всех перед Буддой, одинаковую возможность для всех достигнуть вечно-го спасения; способствуя действиям правителей, борющихся с местной знатью и стремившихся превратить всех в своих подданных, исповедующих одинаковую веру.

Известно, что уже в Индии буддизм подвергался той переработке, которая в дальнейшем заслонила для многих его первоначальную и основную социальную сущность. Буддизм, воспринятый в описанном смысле войнами-феодалами, в общественных низах был перетолкован по-своему, они стремились найти идеологию, объясняющую их поработненное существование и дающую веру и убежденность в возможность выхода из него.

Так родился буддизм как религия страдающих, сулящая им спасение. Однако безысходность положения поработненных масс в Индии, невозможность найти путь к освобождению заставили их превратить буддизм в точном смысле слова в религию отчаяния. Спасение стало рисоваться не в положительном свете, а в отрицательном, не в стремлении добиться жизни, а в стремлении отрешиться от жизни. Таким образом, горестному бытию было противопоставлено желанное небытие — нирвана. Разумеется, такой поворот мог быть только полезен другому слою буддистов — князьям и правителям, ибо отказ от действительных путей к освобождению от страданий и угнетения способствовал превращению народных масс в мирных и послушных исполнителей царской воли.

И еще одна сторона буддизма была исключительно удобна для правителей. Буддизм создал не только учение, но и великолепную церковную организацию. По своей сложности, сплоченности и дисциплине она во многом напоминает другую феодальную церковную организацию — средневековое папство. Буддийская церковная иерархия — монахи и прелаты разных степеней — представляла для Японии готовую модель феодального общества. Буддийские храмы и монастыри могли стать опорными пунктами для проведения централизованной системы управления. Недаром в дальнейшем в Японии церковное и административное районирование страны полностью совпадало: каждая провинция (*кун*) была одновременно и церковной провинцией; провинциальному управлению (*кокуфу*) каждой провинции соответствовал провинциальный монастырь (*кокубундзи*).

Принц Сётоку-Тайси известен в истории прежде всего как ревностный покровитель буддизма. Он построил такие крупные монастыри, как Ситэннодзи, Хокодзи, Хорюдзи, и заботился об их материальной базе. Так, например, храму Ситэннодзи была передана большая часть рабов и земель низвергнутого дома Мононобэ. Примеру Тайси следовали и другие представители знати. Через три года после смерти Тайси, т. е. в 624 г., в Японии насчитывалось уже 46 храмов, 816 монахов, 569 монахинь. Сётоку-Тайси выступал не только как строитель храмов, он был горячий адепт новой религии и ее проповедник. Догматам буддизма он учился у Эдзи — монаха из Когурё, штудировал сутры Хоккэкё и Юймакё и лично выступал с проповедью. В истории буддийской церкви он занял положение «апостола» — просветителя Японии. Под его влиянием в 594 г. был издан даже эдикт, предписывающий членам царского рода и всем сановникам принять буддизм. Это означало официальное введение новой религии. В качестве памятника его деятельности как буддиста сохранились не только храмы, но и комментарии к трем буддийским сутрам.

Изучение буддийского писания подразумевало полное владение китайским языком. Весь буддийский канон дошел до Японии в переводе на китайский. Тайси был одним из самых образованных людей своего времени. Сохранились сведения о том, как он изучал китайскую литературу — не только буддийскую, но и конфуцианскую. Его учителем называют ученого того времени — китайца Какука. В написанном им «Законе из 17 статей» (604 г.)²⁰ можно легко усмотреть знакомство с классическими книгами конфуцианства — «Шан шу», «Ши цзин», «Лунь юй», а также с памятником позднейшей китайской художественной литературы — сборником «Вэнь сюань».

В «Законе из 17 статей» сочелась вся буддийская и конфуцианская эрудиция автора, полностью отразился весь строй его мыслей и в то же время вся новая идеология века. Остановимся несколько подробнее на его содержании, тем более что это первый письменный документ такого рода в Японии.

Статья 1 этого Закона устанавливает необходимость для высших быть мягкими, для низших — дружелюбно настроенными; это есть залог всеобщего спокойствия.

Статья 2 призывает к почитанию трех драгоценностей — «Будды, священного закона и монахов», иначе говоря, к вере в буддийское учение, аргументируя этот призыв, во-первых, тем, что «в каком же свете, кто из людей не чтит этот закон?», во-вторых, тем, что, «если не чтить три драгоценности, чем же тогда исправить зло?»

Статья 3 достойна того, чтобы процитировать ее полностью: «Когда получаете повеление государя, обязательно соблюдайте его! Государь — это небо, подданные — это земля. Когда небо покрывает сверху, а земля простирается внизу, в порядке следуют друг за другом четыре времени года, развертывается движение всех сил. Если земля захочет покрыть собою небо, то этим только будет достигнуто разрушение. Поэтому, когда государь говорит, подданные слушают; когда наверху действуют, внизу склоняются. Поэтому, когда вы получаете повеление государя, обязательно соблюдайте его! Если не будете соблюдать, погубите сами себя».

Статья 4 также весьма знаменательна: «Все сановники и должностные лица, считайте самым главным закон (ми)! Основа всего управления

²⁰ Полный перевод см.: «Хрестоматия по истории средних веков», т. I, М., 1961, стр. 129—132.

народом заключается в законе. Если нет закона наверху, нет порядка и внизу. Если же нет закона внизу, обязательно появляются преступления. Поэтому, если у сановников и должностных лиц есть закон, их ранги и степени не перепутаются; если у народа есть закон, государство само собою управляется».

Статья 5 говорит о необходимости беспристрастия при отправлении правосудия.

Статья 6 призывает к немедленному исправлению всяких ошибок и проступков и отделению от себя льстецов и обманщиков.

Статья 7 призывает к надлежащему исполнению каждым его обязанностей.

Статья 8 устанавливает своего рода служебный регламент: «Сановники и чиновники! Рано приходите на службу и поздно уходите! Дел очень много. Даже за весь день их не переделаешь. Поэтому, если вы будете приходить на службу поздно, не поспеете со срочными делами, если будете уходить рано, обязательно останутся незавершенные дела».

Статья 9 говорит о необходимости взаимного доверия и для государя, и для его подданных.

Статья 10 указывает на относительность понятия добра и зла: «У каждого человека есть свое сердце. Сердце у каждого имеет то, к чему оно привязано. Он считает это хорошим, я — дурным. Я считаю это хорошим, он — дурным. Но я вовсе не обязательно мудрец. Он вовсе не обязательно глупец. Мы вместе — обыкновенные люди». Иными словами, статья призывает к терпимости и снисходительности.

Статья 11 призывает к справедливости при награждениях и наказаниях.

Статья 12 также достойна цитирования: «Правители и *кунь-но мяцукко!* Не угнетайте народ! В государстве нет двух государей. У народа нет двух господ. Весь народ в государстве почитает своим господином государя. Все должностные лица только слуги государя. Как же вы смеете, пользуясь властью, угнетать народ?»

Статья 13 говорит о необходимости для чиновников ясно представить себе, в чем заключаются их обязанности.

Статья 14 предостерегает чиновников от взаимной зависти и соперничества.

Статья 15 призывает забыть узкие, личные интересы и отдаться служению общественному делу.

Статья 16 устанавливает порядок привлечения населения к отработочной повинности: «В привлечении народа к работе надлежит соблюдать время — таков прекрасный закон древности. А именно: привлекать к работе можно зимой, когда люди свободны. С весны же и до осени — сезон земледельческих работ и привлекать народ к работе нельзя. Если они не смогут возделывать землю, что же они будут сеять? Если они не успеют собрать шелковичного червя, во что же они будут одеваться?»

Статья 17 вводит принцип своеобразной коллегиальности важнейших решений: «Важнейшие дела нельзя решать одному. Обязательно надлежит советоваться со всеми».

Само собою разумеется, что этот Закон Сётоку-Тайси ни в какой мере не может быть назван законом. Это декларация, манифест, программа — все что угодно, только не закон. Это впервые сформулированные тезисы того социально-политического строя, о котором мечтал автор, а с ним мечтали и все передовые люди его времени. Это квинтэссенция государственно-политических принципов конфуцианства и буддизма, взятых в

тех своих частях, которые могли совпадать с целями общего движения к реформе всего строя. Это программа управляемого чиновничеством централизованного государства с превращением всего населения в одинаковое для всех положение подданных единого монарха, власть которого абсолютна, так как она зиждется на естественном мировом порядке.

Конечно, Тайси не был в силах провести эту программу в жизнь. Власть в складывающемся государстве находилась не в его руках, а в руках Сога. Царский дом был сильнейшим образом ослаблен: Сога устранили наиболее активных его членов, убили даже своего ставленника Сусюн, как только он сделал попытку сопротивляться. Прочие сильные дома либо пали еще до этого во взаимной борьбе, либо были уничтожены Сога. В ближайшем окружении царского дома, в составе бывшего союза родов Ямато оставался неразгромленным только один сильный дом — Накатоми, который мог оказать поддержку царскому дому. Но подготовка выступления в обстановке самовластия Сога была затруднительна и требовала времени. Поэтому деятельность Тайси оказалась поневоле направлена в ту сторону, которая была для него доступна — в сторону идеологической, программной и только отчасти организационной подготовки нового строя. Своим возвышением Сога обязаны тому, что сумели стать во главе основного движения эпохи. Их падение объяснялось тем, что они не осуществили полностью задач этой эпохи. Но так или иначе, они до известных пределов были представителями идей нового, передового порядка. Поэтому они и покровительствовали буддизму.

Сётоку-Тайси имел возможность беспрепятственно насаждать буддизм. При этом он пошел дальше Сога, также покровительствовавших буддизму, и глубже. Он отчетливо соединил буддизм с новыми политическими установками — теорией нового государственного строя — и тем способствовал еще более полному превращению этого учения в орудие политической борьбы. Это соединение он выразил в своем законе. Насаждая буддизм, он строил монастыри, заботился об увеличении числа монахов, т. е. принимал меры к организации в Японии буддийской церкви. Таким образом, он понемногу создавал людские кадры, нужные для борьбы, и организационный аппарат, на который можно было бы опереться. Монастыри с их уже прочно сложившимся уставом и порядками, с их монахами — наиболее образованными людьми того времени, связанными с зарубежными передовыми странами и идейно и организационно, — могли служить могучей опорой в предстоящей борьбе.

Таково политическое значение деятельности Тайси как «апостола» буддизма в Японии.

Такой же идеологической подготовкой являлось для него и составление «Закона из 17 статей». Есть сведения, что Тайси занялся составлением и истории Японии, в частности составил «Хронику императоров» («Тэнноки»). Его сочинения до нас не дошли, они якобы сгорели во время пожара, сопровождавшего разгром Сога в 645 г. Судя по названию, «Хроника императоров» должна была положить начало концепции предшествующего исторического развития Японии, которая с такой полнотой и ясностью запечатлена в «Кодзики» и «Нихонги», — концепции верховного положения царского рода среди всех родов, основанного на его происхождении от богини Аматаэрасу, и развития всего исторического процесса как деяния этих царей. Иначе говоря, составление истории, по-видимому, было одним из звеньев всесторонней идейно-политической подготовки нового строя, характерное тем, что целям этой подготовки стал служить и родной синтоизм.

Одним из организационных мероприятий Тайси, предпринятым в целях, с одной стороны, создания нужных людских кадров, а с другой — заложения новых основ будущего государственного аппарата, было установление им «табели 12 рангов» (603 г.). Согласно этой табели, все высшие придворные чины были распределены по 12 рангам, каждому из которых был присвоен свой цвет одежды и своя форма головного убора. Это мероприятие, проведенное целиком по китайскому образцу, означало уже первую попытку создания высшей правительственной бюрократии, начавшей организацию двора. Вслед за этим (604 г.) был впервые введен придворный церемониал, по которому все сановники должны были prostираться ниц перед государем и переползать через порог того помещения, где он находился, на коленях, опираясь о пол руками.

Насколько серьезна была деятельность Тайси, свидетельствует тот факт, что он стремился найти себе политическую опору за рубежом. В Китае произошло объединение под властью династии Суй (589—618 гг.). Время жизни Сётоку-Тайси совпало как раз с эпохой торжества объединительного процесса в Китае и установления централизованной империи с крепкой верховной властью. Сётоку-Тайси сделал очень важный политический ход. Он вступил в прямые политические сношения с суйским двором: в 607 г. им было послано официальное посольство к императору Янь-ди. Послу Оно-но Имоко было вручено послание Тайси, начинающееся словами: «Сын Неба (Тэнси) Страны восходящего солнца шлет письмо Сыну Неба Страны заходящего солнца. Будь здоров». По сведениям китайских хроник, Янь-ди будто был недоволен таким равным титулованием могущественного императора Китая и правителя какой-то Японии. Тем не менее было снаряжено ответное посольство, которое было с великим почетом принято Сётоку-Тайси (608 г.). При возвращении суйского посла в Китай с ним снова был направлен Имоко (608 г.). Послание, которое он должен был передать суйскому императору, на этот раз начиналось словами: «Небесный Государь (*тэнно*) Востока почтительно обращается к Небесному Государю Запада». Иными словами, снова было подчеркнуто равенство титулов.

Целью посольств было установление прочных политических связей с суйским императором, стремление включить Японию в общую обстановку Восточной Азии. Наряду с этим Тайси стремился всячески развить и культурные связи; при нем посылаются для учения в Китай молодые люди.

К посольству Имоко в 607 г. причисляются восемь молодых людей, едущих учиться в Китай. Среди них находятся Такамуко Гэнри и монах Мин, сыгравшие впоследствии крупную роль в перевороте Тайка и бывшие, кстати, сами китайского происхождения.

Из описания деятельности Сётоку-Тайси можно явственно видеть, какого рода идеи, тенденции созревали в царском доме, какие люди там появлялись и какая велась подготовительная работа к созданию нового порядка.

Прежде чем описать события, составляющие непосредственное содержание переворота Тайка, вернемся снова к внешнеполитическому окружению Японии.

Падение японского влияния в Мимана (562 г.) не приостановило сношений с Кореей, продолжающих развиваться и в дальнейшем. Возьмем для примера хотя бы только то, что отмечается в «Нихонги» в одно лишь царствование Бидацу. «Нихонги» отмечает в 573 г. прибытие посланцев из Когурё; в 575 г. из Пэкче прибывают монахи, буддийские

скульпторы и архитекторы; в 579 г. из Силла доставляются буддийские статуи; в 580 г. происходит небольшое столкновение с Силла, «отказывающейся внести дань»; то же отмечается в 582 г.; в 583 г. начинают готовиться к походу на Силла, для чего царь Бидацу призывает из Пэкче некоего Нитира, члена семьи одного из японских посланцев, направленных в Пэкче еще в царствование Сэнка. Нитира приглашается, по-видимому, как советник, хорошо знающий положение дел на полуострове. Он дает советы одновременно и военно-организационные, и стратегические, и внутривосточные: указывает на необходимость построить побольше кораблей, обратиться сначала против Пэкче, но прежде всего дать возможность народу «накопить силу». Нитира был убит, а задуманная экспедиция не состоялась.

Об экспедициях против Силла думают и в царствование Сусюн. В 591 г. организуется войско с Ки-но Омаро во главе, которое располагается лагерем в Цукуси, к Силла же посылается требование вернуть Мимана. Убийство Сусюн в 592 г. расстраивает эти планы. При Суйко в 595 г. войско распускается. Однако в 600, 601, 602, 623 гг. отмечаются новые походы на полуостров. Наряду с этим все время идут оживленные мирные сношения: с обеих сторон направляются послы. Из Кореи все время едут монахи, мастера-скульпторы, строители храмов и зданий. Непосредственно в Корею или через Корею в Китай направляются и японцы, едущие учиться, знакомиться с порядками в заморских странах.

Продолжают развиваться и сношения с Китаем. Смерть Сётоку-Тайси не приостанавливает официальные посольства. Царский дом стремится продолжать политику Тайси и создавать себе политическую опору в Китае. Первое такое посольство относится к 630 г., когда в Китай был направлен Инуками Митасуки. Со своей стороны и танское правительство стремится поддерживать эти сношения. В 632 г. вместе с возвращающимся Митасуки приезжает танский посол. Посольство Митасуки открывает собою длинный ряд посольств к Тан (*кэнгоси*), прекращающихся только в 895 г., незадолго до падения самой Танской империи. Уже одно это свидетельствует, насколько прочна была культурно-политическая связь молодой Японии с Танской империей. Эта связь долго была опорой последующего политического режима в Японии. Она свидетельствует о правильности поисков Сётоку-Тайси поддержки за рубежом.

Первая попытка царского дома освободиться от Сога относится к 628—629 гг. Воспользовавшись наступившей после смерти Суйко (628 г.) распрей вокруг вопроса о ее преемнике, сын Сётоку-Тайси, принц Ямасиро-Оэ, сделал попытку поднять оружие против Эмиси (отца) и Ирука (сына), возглавивших тогда дом Сога. Принц Ямасиро-Оэ был поддержан другими домами, в том числе и одной из ветвей дома Сога — домом Сакаибэ. Попытка эта закончилась неудачей. Поднявшие оружие были разбиты, и на престол вступил кандидат Сога — царь Дзёмэй. Принц Ямасиро-Оэ в дальнейшем был убит. После смерти Дзёмэя на престол была возведена его супруга — царица Когёку. При ней могущество дома Сога, руководимого Ирука, достигло своего зенита. Сога заняли положение полновластных хозяев в складывающемся государстве. «Нихонги» с негодованием повествует, что оба Сога — Эмиси и Ирука — еще при жизни стали строить себе могильный курган-мавзолей, называя его *мисасаги*, т. е. названием, присвоенным только курганам царей; свой дворец называли *микадо*, своих детей — *мико*, т. е. словами, относящимися только к царскому дворцу, к прищам царского дома.

Во главе заговора, свергнувшего Сога, встали два лица: принц Нака-но-Оэ и Накатоми Каматари. Первый представлял собой царский дом, второй — старинный могущественный жреческий род Накатоми, в свое время боровшийся с Сога на стороне Мононобэ. Оба они получили превосходное для того времени образование. Их учителем был Минамбути Сэан, — один из «восьми молодых людей», посланных Сётоку-Тайси учиться в Китай. С ними были близко связаны и упомянутые выше Такамуко Гэнри и монах Мин (также из числа этих восьми человек), и вообще все наиболее передовые в то время слои, близкие ко двору.

Принц Нака-но-Оэ, получивший китайское образование и бывший под влиянием этих лиц, был горячим поклонником Китая и всего китайского. К заговору примкнули и все недовольные Сога. Удалось привлечь — и это было всего важнее для успеха заговора — и ряд домов, бывших в родстве или на стороне Сога, в том числе Сога Кураямада Исикава-маро, на дочери которого по совету Каматари женился принц Нака-но-Оэ.

Слухи о заговоре дошли до Сога, и они приняли меры предосторожности. Поэтому для выполнения плана нужен был особый случай. Такой случай скоро представился. 14 июля 645 г. был назначен при дворе прием корейских послов, на который Сога Ирука явился без оружия и охраны. Этим воспользовались заговорщики. Нака-но-Оэ и Каматари, спрятавшие оружие, убили Ирука. Вслед за этим отряды заговорщиков окружили дворец Эмиси. Старик Эмиси покончил с собой, все Сога были перебиты, а их дворец сожжен. Таким образом, державшаяся свыше ста лет (начиная с Инамэ) власть Сога пала. Это событие и составляет в узком смысле слова переворот Тайка.

После победы заговорщики сейчас же принялись за организацию своего правительства. Царица Когёку, ставленница Сога, была свергнута. На ее место поставлен (под именем Котоку) старейшина принц Кару — наряду с Нака-но-Оэ и Каматари один из главных руководителей заговора, вместе с ними подготовивший гибель Эмиси и Ирука. Год его воцарения получил наименование «1-й год Тайка». Этим вводилась в Японии китайская система обозначения годов правления императоров особыми названиями, так называемыми *нэнго*, по которым и велось летоисчисление. При императоре (как теперь будем переводить китайский титул *тэнно*) был сформирован и основной правительственный аппарат: пост «дворцового министра» занял Накатоми Каматари, принявший фамилию Фудзивара; пост «левого» (первого) министра занял Абэ-но Курахаси-маро, «правого» (второго) министра — Сога Кураямадо Исикава-маро. Такамуко Гэнри и монах Мин получили звание «учителей государства» (*куни-хакасэ*), т. е. политических советников государства. Сын принца Нака-но-Оэ был объявлен наследником престола.

Если бы этим все ограничилось, то переворот Тайка так и остался бы в истории Японии рядовым событием, сменой одних лиц другими. Однако он ознаменовал собой наступление новой эпохи.

С наступлением нового, 646 г., в торжественной обстановке был издан манифест, объявляющий о реформах. Его содержание красноречиво говорит о действительном перевороте.

Первое, с чего начинается манифест, это с декларации об освобождении рабов: «Звания *косиро* (т. е. *микосиро* и *минасиро*), присвоенные в прежнее время императорами; *миякэ* во всех местах; звания *какибэ*, принадлежащие *оми*, *мурадзи*, *томо-но мияцукэ*, *куни-но мияцукэ*, *мура-но обито*, а также *тадокоро* во всех местах отменяются».

Второе существенно важное в манифесте — это декларация о распределении земли среди населения: «Будут составлены подворные списки и счетные книги, и будут установлены правила наделения землей».

В этих двух пунктах — все содержание переворота. Когда в первом пункте говорилось о ликвидации *косиро* и *какибэ*, это значит, что отменялось рабство; когда говорилось о ликвидации *миякэ* и *тадокуро* (особых земель, находившихся в распоряжении царского рода или представителей родовой знати), это значит, что отменялись и рабовладельческие поместья. Когда во втором пункте говорится о наделении землей и о составлении подворных списков, это значит, что отныне основной единицей в земельном хозяйстве будет «двор», т. е. большая семья. Само же слово «вакатита», означающее «распределение», показывает, что наделение отдельных дворов землей было распределением среди них земель, составлявших до тех пор общинную собственность. Манифест означал ликвидацию общины в той форме, в какой она до сих пор существовала. Основная цель движения японского народа была достигнута. Все прочее имеет уже второстепенное значение.

Так манифест 646 г. ввел административное районирование страны и ликвидировал последние остатки старых родовых территорий, а также и прежние формы общины. Утверждается здесь институт чиновничества, живущего на жалованье государства: взамен рабов и земельных владений сановникам ранга *дайбу* и выше предоставляются «кормовые пожалования», а чиновникам и простым служащим — ткани.

Манифест предопределяет еще одно: если государство должно своих чиновников оплачивать, то оно должно откуда-то получать средства на эту оплату. Поэтому тот же манифест вводит и налоги: все прежние отработочные повинности отменяются, и устанавливаются земельный налог, земельная и подворная подать, дополнительные сборы и трудовая повинность. Размер земельного налога устанавливается в размере двух снопов, двух связок риса в зерне с одного тана. Земельная и подворная подать — это различные ткани; дополнительный сбор — это продукты местного промысла (например, сояного); трудовая повинность — это привлечение населения на общегосударственные работы.

Таким образом оказалась утвержденной знаменитая триада обложения: налог — подать — повинность. Эта триада давно уже существовала в Китае; ее формирование с ясностью обнаружилось и в Японии: вспомним упомянутые выше *татикара* — зерновой налог с земли, *мицуги* — подать изделиями крестьянского ремесла, в первую очередь тканями, и продукцией крестьянского промысла, *эати* — принудительное привлечение крестьян к работам по постройке зданий, проведению дорог, устройству оросительной системы и т. д. Реформа Тайка окончательно закрепила эти виды налогов и повинностей. Теперь они получили уже всеобщее значение, были распространены на все крестьянское и — в прошлом — рабское население, стали основной формой присвоения правящим классом прибавочного продукта — формой типично феодальной.

НАДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ЯПОНИИ

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Изучение надельной системы в Японии в VII—X вв. должно вестись по двум основным направлениям, взаимно дополняющим друг друга.

Во-первых, необходимо выяснить, что такое надельная система сама по себе, каково ее конкретное содержание и как она должна быть определена с точки зрения социально-экономической сущности.

Во-вторых, необходимо выяснить ее историческое место в двойном смысле: из чего и под влиянием каких факторов она исторически выросла и чем сменилась (опять-таки под влиянием каких исторических причин).

Изучение этой системы тем более важно для исторической науки, что результаты работы могут пролить свет:

- 1) на вопрос о генезисе японского феодализма;
- 2) на вопрос о рабовладельческом строе в Японии;
- 3) на вопрос о специфике процесса развития японского феодализма в целом.

Настоящая работа стремится разрешить первую из двух указанных задач: мне хотелось бы ответить на вопрос, что такое надельная система в своем конкретном содержании и в своей социально-экономической сущности. Ввиду известной законченности и законности этой темы я считаю себя вправе опубликовать часть своей общей работы.

Второй части должны предшествовать два подготовительных исследования:

- а) изучение дотайковского строя, обычно именуемого «эпохой разложения родового общества», и
- б) изучение надельной системы в Китае, в особенности в эпоху Суй — Тан, а также в Корее.

Обе предварительные работы, в значительной части уже законченные, в соединении с настоящей позволят в дальнейшем написать одну из самых важных и трудных глав японской истории. В свою очередь, они послужат первым материалом для суждения о чрезвычайно характерной и своеобразной форме восточноазиатского феодализма.

Я совершенно отклоняю изучение вопроса о том, существовала ли надельная система в действительности. Это вопрос абсолютно праздный: существование надельной системы не только в статьях закона, но и на практике достаточно прочно засвидетельствовано историческими источниками («Риккокуси», «Сандай дзицуроки», «Руйдзю сандайяку», «Энгисики», «Сёку-Нихонги», «Руйдзю кокуси») и археологическими данными (обнаружение во многих местах старинных межевых знаков и следов землеустроительных работ в плане надельной системы). Упоминания о на-

дельной системе, содержащиеся в исторических памятниках, уже давно добросовестно собраны такими авторитетными японскими учеными, как Утида¹ и Такигава². Подробное изложение археологических данных приводится в книге Хотта³. Кроме того, совершенно нелепо считать, что все обширное законодательство, которое относится к надельной системе, не имело под собой никакой конкретной почвы. И, наконец, позволю себе выдвинуть несколько других доводов: никто не сомневается в существовании Нарского и Хэйанского строя, но этот строй в целом мыслим только в связи с надельной системой, составляющей его неотъемлемую часть, более того — его базу; никто не сомневается в появлении в дальнейшем феодального поместья (*сээн*), но это поместье исторически выводится только из надельной системы; никто не сомневается в существовании надельной системы (система *цзюнь тянь*) в Китае. Так почему же институт, вполне закономерный для одной восточноазиатской страны на определенном этапе ее исторического развития, не может быть в той или иной мере естественным и для другой восточноазиатской страны — для Японии (тем более что он годился на известный период и для третьей из главных стран Восточной Азии — для Кореи)? Аналогия, конечно, не обязательна, но здесь дело не в аналогии, а в закономерности общего исторического процесса. Я утверждаю, что вопрос сводится не к самому факту существования в Японии надельной системы, а к особенностям ее существования, к некоторому своеобразию ее развития. Эти особенности есть, и их-то нужно объяснить.

СИСТЕМА СОБСТВЕННОСТИ И ПОВИННОСТЕЙ

Сведения о надельной системе в Японии мы находим прежде всего в известном указе от 1-й луны 2-го года Тайка (646 г.), изданном после переворота Тайка — заключительного звена длительной междоусобной борьбы сильнейших японских родов за землю, за людей, за общеплеменную политическую власть. Победителями оказалась группа родов во главе с родом Сумэраги. Глава последнего рода с этого времени начинал носить — в качестве верховного правителя государства — титул *тэнно*, сохраняющийся за японскими монархами и до настоящего времени (переводится на европейские языки словом «император»).

Указ от 1-й луны 2-го года Тайка установил основные положения нового государственного порядка. Если судить по букве закона и по его духу, его содержание сводится к следующему⁴:

1. Вся земля объявляется государственной, т. е. принадлежащей государству, представитель и глава которого — император.

2. Все население объявляется государственным, т. е. подчиняющимся государству в лице его главы — императора.

¹ Утида Гиндзо, *Ниппон кэйдайси-но кэнкю* (Исследование экономической истории Японии), т. II, Токио, 1921, стр. 107—276.

² Такигава Масадзиро, *Ниппон хосэйси* (Японская система законодательства), Токио, 1928, стр. 118—131.

³ Хотта Сёсаю, *Дай Нихон си кодза. Кодай си. Нара дэн дай си* (Лекции по истории великой Японии. История древнего периода. Эпоха Нара), Токио, 1928.

⁴ Иида Такэго, «Нихон сёки» цусяку (Комментарий к «Нихон сёки»), т. V, Токио, 1924. [Русский перевод см.: «Хрестоматия по истории средних веков», т. 1, М., 1961, стр. 133—135.— *Ред.*]

Эти два основных положения, имеющие общеправовое значение и составляющие, так сказать, принципиальную базу указа, обусловили ряд конкретных законодательных мероприятий. Одни из них носят, так сказать, негативный характер; в них объявляется отмененным все противоречащее общим положениям указа; так, объявляются подлежащими ликвидации все существовавшие до сих пор формы личного владения землей и людьми (в чьих бы руках земли и люди ни находились — членов императорского дома или представителей других домов — ст. 1). Вместе с тем отменяются и практиковавшиеся до сих пор различные виды податей и повинностей (ст. 4). Другие законодательные мероприятия носят конструктивный характер, намечая конкретные формы нового государственного устройства как необходимый вывод из тех же общепринципиальных положений. Поскольку ликвидировались прежние формы управления землей и людьми, должны были быть введены новые. Поэтому в указе намечается введение административного районирования страны на провинции (*кун*) и уезды (*гун*) с организацией в каждом таком районе особых органов общегосударственной власти: провинциальных управлений (*кокуси*) с губернатором (*кокусю*) во главе и уездных управлений (*гундзи*) с уездными начальниками (*тайрё*) во главе. С другой стороны, поскольку отменялись все прежние формы владения землей, необходимо было ввести отношение к земле в новые правовые рамки. Они и были созданы в виде системы надельного землепользования, т. е. предоставления населению для обработки государственной земли в порядке наделов (ст. 4). Так было положено юридическое начало надельной системе. Ее фактическому проведению кладет начало, надо думать, указ от 8-й луны того же, 2-го года Тайка (646 г.), где приводится уже распоряжение о разделе надельных участков.

Заключительный этап в развитии земельного законодательства после Тайка в духе принципов, провозглашенных указом 646 г., представляет земельный закон (*та-но рё*), составляющий IX раздел знаменитого кодекса Тайхорё (701 г.). Здесь надельная система получила свой вполне разработанный вид. Однако для суждения о надельной системе одного земельного закона мало. К рассмотрению должны быть привлечены еще другие части кодекса: закон о жалованьях (раздел XV) полностью, закон о податях и повинностях (раздел X) в своей большей части и частично закон о дворах (раздел VIII). Без анализа всех этих законов нельзя ни выяснить конкретного содержания надельной системы, ни определить ее социально-экономической сущности. В дальнейшем я и перехожу к изложению в систематическом порядке содержания надельной системы в рамках тех данных, которые можно извлечь из этих трех законов. Во избежание недоразумений должен предупредить, что характеристика всего послетайковского, т. е. Нарского и Хэйанского, строя, конечно, требует привлечения данных всего кодекса, но задача этой работы — дать картину не строя в целом, а лишь его базы — надельной системы.

По общему положению закона вся земля объявлялась государственной собственностью и образовывала государственный земельный фонд. Официальной единицей измерения земельной площади считается 1 тан — мера, введенная кодексом Тайхорё взамен прежней меры — сиро. При переводе на метрические меры величина 1 тан, по-видимому, равна около 0,12 га (см. ст. 1 земельного закона и примечание к ней). 10 тан составляют 1 тё, что равно, следовательно, около 1,2 га.

Государственный земельный фонд распределялся среди населения в порядке наделов, причем основным, наиболее массовым видом надела был

подушный (*кубундэн*). Этот подушный надел получило все население страны, но в различных размерах.

1) Размер надела зависел, во-первых, от социальной принадлежности наделяемого, от того, принадлежал ли он к полноправному населению (так называемому доброму народу — *рёмин*) или к неполноправному (так называемому подлому народу — *сэммин*). Разумеется, первые получили больше, вторые — меньше. При этом и для «подлых» размеры надела также были различны, находясь в зависимости от принадлежности к той или иной из внутренних категорий, на которые распадалось это неполноправное население: несвободные, принадлежащие государству, получали полный надел; несвободные, принадлежащие частным лицам, всего $\frac{1}{3}$ полного надела.

2) Размер надела зависел, во-вторых, от пола: мужчины получали полный надел, женщины — $\frac{2}{3}$ мужского надела.

3) Размер надела зависел, в-третьих, от качества земли: плохая земля давалась в двойном размере.

4) Размер надела зависел, в-четвертых, от количества пахотных земель в данном районе. Если земли было мало, надел мог быть по необходимости уменьшен. Это правило, однако, не имело обратного действия: при большом количестве пахотных земель давать надел сверх положенного размера не разрешалось.

Таким образом, земельный закон Тайхорё в части, касающейся подушных наделов, предусматривал две социальные категории — полноправное и неполноправное население, во-первых, и две категории неполноправных — рабов государственных и рабов частных. Закон, далее, проводил различие между мужской частью населения и женской, ставя женскую половину на низшее место (раздел IX, статьи 3 и 27). Закон устанавливал также понятие хорошей и плохой земли (ст. 3). И наконец, закон считался с наличием многоземельных районов (*хироки го*), где земли много, а жителей сравнительно мало, и малоземельных районов (*сэмаки го*), где, наоборот, земли мало, а население густое (ст. 13).

Сводя все эти признаки воедино, мы получаем следующую шкалу подушных наделов:

1. Стандартный размер наделов для полноправного населения:
 - на душу мужского пола — 2 тан (0,24 га),
 - на душу женского пола — $1\frac{1}{3}$ тан (0,16 га).
2. Стандартный размер наделов для неполноправного населения:
 - а) государственные рабы (всех категорий) — в размере полного надела свободных, т. е.
 - на душу мужского пола — 2 тан (0,24 га),
 - на душу женского пола — $1\frac{1}{3}$ тан (0,16 га);
 - б) частные рабы (всех категорий) — в размере $\frac{1}{3}$ надела свободных, т. е.
 - на душу мужского пола — $\frac{2}{3}$ тан (0,08 га),
 - на душу женского пола — $\frac{4}{9}$ тан (0,05 га).

Как было уже сказано, при плохой земле размеры надела удваивались (ст. 3). При общем недостатке земель в данной местности надел давался в размере, фактически допускаемом малоземельем (ст. 3). Впрочем, в последнем случае закон открывал возможность переселения в другие районы, где земли много, а жителей мало, и где можно было получить полагающийся надел полностью.

С точки зрения наделной системы основной единицей населения, с которой закон имел дело, был двор (*ко*). Наделы отводились, по существу,

на двор, а не на отдельных лиц. По закону надел получали все члены двора, достигшие пятилетнего возраста (ст. 3). Дети не могли, конечно, самостоятельно получать свой надел и отвечать за него; это делали за них взрослые члены семьи. Кроме пахотной земли, получаемой хотя и на двор в целом, но все же по числу душ, его составляющих, уже прямо на двор в целом отводились особые усадебные участки (раздел X, статьи 15 и 17), причем размеры этих участков определялись не числом душ, а наличием земель в данной местности (раздел IX, ст. 15). Наделы на рабов фактически получали их хозяева, т. е. опять-таки двор: по точному указанию закона частные рабы не имели права образовывать самостоятельный двор, а включались в состав двора своего хозяина (раздел VIII, ст. 35).

Таким образом, земельное хозяйство двора слагалось: 1) из пахотных угодий, получаемых соответственно числу душ — как свободных, так и несвободных, — начиная с шестилетнего возраста; 2) из садовых участков и усадебной земли, получаемых на двор в целом. Первые отходили в казну со смертью их владельца, вторые — лишь в случае исчезновения двора как такового. Периодическому пересмотру подлежала, следовательно, только первая категория земель — пахотные угодья, т. е. подушные наделы, и такой пересмотр по закону должен был производиться раз в шесть лет. В этот передельный год (*ханнэн*) проверялись подворные списки, вычеркивались умершие за этот срок, вносились вновь родившиеся; соответственно от каждого двора либо отрезали часть земли в казну, если число умерших оказывалось больше, чем число родившихся; либо, наоборот, прирезали новые участки, если родившихся оказывалось больше; либо же оставляли то же количество, если общий баланс смертности и рождаемости сходился (раздел IX, ст. 23).

В связи с наличием двух категорий угодий, получаемых двором, различалась и форма распоряжения ими. Пахотные земли, т. е. подушные наделы в точном смысле этого слова, по закону продавать было нельзя; садовые же участки, а также усадебные разрешалось и продавать, и отдавать в аренду. Правда, государство сохраняло за собою право контролировать и регулировать операции с землей: как при сдаче в аренду, так и при продаже участков необходимо было испрашивать разрешение местных властей. Есть основание предполагать, что право сдавать в аренду распространялось и на некоторые угодья, т. е. на наделные земли. Земельный закон Тайхорё, по существу, предусматривал две формы юридического отношения к земле: право пользования — относительно пахотных наделов и право распоряжения — относительно садовых и огородных участков. Возможно, что частично, в ограниченном виде — в форме краткосрочной (на один год) аренды, право распоряжения распространялось и на пахотные земли. Можно говорить о пожизненном пользовании пахотными угодьями и наследственном владении садовыми и усадебными участками, поскольку первые отбирались в казну только со смертью лица, имевшего надел, вторые же переходили к его наследникам, а если отходили в казну, то уже только в случае полного исчезновения всего двора в целом, т. е. как выморочное имущество. Строго говоря, принцип государственной собственности на землю фактически распространялся только на пахотные угодья.

Особое положение садовых и усадебных земель, несомненно, определялось самой их природой: если пахотные земли обрабатывались каждый год заново, то садовые участки, в особенности если на них разводились, как это полагалось по закону (раздел IX, ст. 16), тутовые и лаковые деревья, могли эксплуатироваться только при длительном пользовании

ими. Так же, естественно, недвижимым имуществом оставались и участки под постройками.

Если в какой-нибудь местности по удовлетворении всего населения требующимися наделами оставались еще свободные пахотные земли, они входили в государственный пахотный фонд (*кодэн*) и подлежали сдаче в аренду желающим из населения, как гласит закон, «по ценам, существующим в данной местности» (раздел IX, ст. 11), причем арендная плата шла непосредственно в *дадзёкан*, т. е. в высшее правительственное учреждение.

По-видимому, здесь были возможны две формы аренды: 1) с внесением платы вперед, т. е. покупали право обработки определенного участка и пользования всем полученным урожаем; 2) с последующим отчислением в качестве арендной платы части урожая. Срок аренды свободных государственных пахотных угодий в ст. 11 земельного закона Тайхорё особо не оговорен. Обычно считают, что этот срок указан в ст. 19, где дана цифра в один год, но, по моим предположениям, эту цифру нужно отнести в первую очередь к случаям аренды наделных участков (см. ниже, прим. к ст. 19 земельного закона). Равным образом при указании на репрессии, угрожавшие сдающим земли в аренду на срок свыше одного года, всегда оказывается, что речь идет о сдаче в аренду наделных участков. Ввиду этого возможно, что аренда государственной земли могла и не ограничиваться этим годичным сроком даже по букве закона.

Остающийся от аренды фонд пахотной земли обрабатывался, насколько это было возможно, казенной рабочей силой (*корики*), как гласит закон (раздел IX, ст. 34), т. е., по-видимому, государственными рабами или, если это оказывалось невозможным или недостаточным, привлекаемым в порядке рабочей повинности населением. Если же и это оказывалось почему-нибудь невозможным, и пахотные угодья, оставшиеся на руках у государства, не обрабатывались, и такое положение тянулось не менее трех лет, то заброшенные (*арэта*) земли могли просто передаваться желающим из населения, по-видимому, совершенно безвозмездно, только с обязательством через шесть лет вернуть их в казну (раздел IX, ст. 29).

Указанный фонд состоял из пахотных, т. е. уже обработанных, земель. Однако в некоторых местностях могли оставаться еще земли, совершенно не тронутые обработкой, иначе говоря, целина. Эта целина также могла отдаваться населению для возделывания (раздел IX, ст. 29), причем закон никак не оговаривал ни сроков, ни условий, на которых такие земли предоставлялись. О возврате их в казну говорится только в связи со случаями забрасывания целинных участков лицами, взявшими их; в таких случаях земли снова отходили к государству. Судя по последующей практике, такие участки вообще освобождались от всякого обложения; все дальнейшие уточнения касаются только сроков пользования ими. Так, в указе 7-го года Ёро (723 г.) говорится, что обработанных земель не хватает и поэтому необходимо стремиться к тому, чтобы население взялось за распашку целины. В целях поощрения такой распашки определялось, что, если кто-нибудь обработает новую землю, используя уже существующую оросительную сеть, он может пользоваться этими новыми полями пожизненно; если же ему придется при разработке полей соорудить заново всю оросительную систему, т. е. приложить значительно большие силы и средства, то новые поля сохраняются за его семьей в течение трех поколений. По-видимому, расширение обрабатываемой площади диктовалось настоятельной необходимостью, так как один за другим следуют указы, подтверждающие и развивающие закон 723 г.: таков указ 1-го

года Тэмпё (729 г.), указ 15-го года Тэмпё (743 г.), указ 1-го года Тэмпё — Дзинго (765 г.) и др. Из них указ 743 г. имел решающее значение: он отдавал разработанную новь, так называемые новые поля (*кондэн*), в вечное наследственное пользование лиц, их обработавших, иначе говоря, устанавливал в системе падельного землепользования участок, где уже законом явно признавалась частная земельная собственность, т. е. подрывался сам принцип государственной собственности на землю. Мотивировалось это постановление тем, что иначе обработка земли будет вестись хищническим способом, перед возвращением в казну земли окажутся опустошенными; кроме того, выдвигалось и то соображение, что при необходимости рано или поздно сдать земли в казну население неохотно берется за трудное дело — обработку целины. Однако основной причиной появления закона 743 г. следует считать стремление тех, кто получил новые поля, закрепить их прочно в своих руках.

Для обеспечения регулярности сбора налогов, податей и выполнения трудовой повинности были созданы подворные реестры, в которые вносились все сведения, нужные для наделения землей, налоговизмания и привлечения к рабочей повинности. В эти списки вносились все члены двора, распределявшиеся по возрасту следующим образом (раздел VIII, ст. 6): 1) до трех лет — младенцы; 2) от 4 до 16 лет — отроки; 3) от 17 до 20 лет — подростки; 4) от 21 года до 60 лет — совершеннолетние; 5) от 61 года до 65 лет — старики; 6) от 66 лет и выше — престарелые. Как сказано выше, трудоспособным считались три возраста — подростки, совершеннолетние и старики, но ввиду того, что трудоспособность каждого из этих трех возрастов была различна, основным возрастом, несшим все повинности, считались мужчины от 21 года до 60 лет, называвшиеся с этой точки зрения «совершеннолетними 1-го разряда» (*сэйтэй*); старики, т. е. мужчины в возрасте от 61 года до 65 лет, считались наполовину трудоспособными и назывались «совершеннолетними 2-го разряда» (*дзитэй*); подростки, т. е. мужчины в возрасте от 17 до 20 лет (*гюнан*), привлекались только к сдаче податей, и то в размере $\frac{1}{4}$ нормы, полагающейся на «совершеннолетних 1-го разряда». Отдельно в подворные реестры вносились слепые, глухие, калеки, неизлечимо больные и т. п., т. е. все нетрудоспособные. Из этих подворных списков очень хорошо видно, что правительство, т. е. правящий класс, подходило к населению преимущественно с одной стороны — с кого сколько и что можно было взять. Разумеется, эти списки были нужны и для раздачи наделов. Но обеспечение землей имело ту же цель — потребовать в дальнейшем от получивших наделы выполнения определенных обязательств. Коротко говоря, законодательство целиком оправдывало поговорку: «Есть земли — есть налог; есть двор — есть подать; есть человек — есть повинность».

Обладание надельными землями накладывало на их хозяев различные обязательства перед государством. Прежде всего они должны были их обрабатывать. Закон (раздел IX, ст. 19) гласит, что, если поле окажется заброшенным в течение трех лет и более, оно может быть передано другому лицу и только через три года может быть возвращено прежнему владельцу. Также в обязательном порядке должны были возделываться и садовые участки: на них полагалось разводить тутовые и лаковые деревья в числе, строго нормированном и зависящем от величины двора: наиболее многочисленные, так называемые большие дворы, должны были в течение пяти лет развести не менее 300 тутовых и 100 лаковых деревьев, средние дворы — не менее 200 тутовых и 70 лако-

вых, малые дворы — не менее 100 туговых и 40 лаковых деревьев (раздел IX, ст. 16), разумеется, там, где это было возможно по условиям климата, почвы и обработки. Эти обязательства имели конкретную цель: государственный земельный фонд раздавался населению в виде наделов, с тем чтобы он приносил государству определенный доход.

Пахотные угодья были обложены зерновым налогом. Он исчислялся не с урожая, а с площади. Стандартной единице площади — 1 таг — соответствовала стандартная цифра налога — 2 соку 2 ха риса. Цифры оставались постоянными во всех случаях, т. е. качество почвы и зависящие от этого размеры урожая в расчет не принимались. Законодатель исходил, по-видимому, из обычного урожая с земли высшего качества, каковой равнялся, как предполагают, 72 соку. Это означало, что налог в этом случае, может быть, и действительно равнялся 3% урожая (см. ниже, прим. к ст. 1 земельного закона), но в дальнейшем процентное отношение налога к урожаю значительно повышалось, поскольку абсолютная цифра урожая все время шла книзу, а налоговая ставка оставалась прежней. Одновременно с основным земельным налогом все население должно было вносить известное количество зерновых продуктов в государственный запасный зерновой фонд, долженствующий служить гарантией на случай всяких стихийных бедствий. Вносить полагалось просом по особой шкале, установленной для каждого из девяти разрядов дворов, а именно: дворы первого разряда должны были вносить 2 коку проса, второго разряда — 1 коку 6 то, третьего разряда — 1 коку 2 то, четвертого разряда — 1 коку, пятого — 8 то, шестого — 6 то, седьмого — 4 то, восьмого — 2 то, девятого — 1 то (разд. X, ст. 6). Если просо заменялось другими зерновыми продуктами, то 1 то проса соответствовал 2 то риса, 1 то 5 сё ячменя, 2 то пшеницы, 2 то «больших бобов», 1 то «малых бобов». Все должно было вноситься одновременно с основным налогом. Необходимо попутно отметить, что в данном случае разряды дворов устанавливались, по-видимому, не по признаку числа членов, как это делалось при определении требуемого числа туговых и лаковых деревьев, а по признаку достатка; так, например, двором первого разряда считался двор, собиравший 1000 коку риса, двором девятого, т. е. последнего, разряда считался двор, собиравший только 20 коку риса.

Земельный налог составлял всего лишь первый вид обязательств населения. Кроме него существовали подать и рабочая повинность.

Податям посвящен специальный закон о податях и повинностях (раздел X кодекса Тайхорё), дающий как их подробную номенклатуру, так и порядок взимания. Согласно этому закону, каждый двор должен был соответственно числу взрослых членов мужского пола в трудоспособном возрасте, т. е. от 17 до 65 лет, вносить в казну шелковые ткани различных сортов (*кину* и *арагину*), шелк-сырец, шелковую вату и холст. Основная ставка делалась на «совершеннолетних 1-го разряда», т. е. на основных рабочие кадры населения. Она равнялась: шелка-кину и шелка-арагину — 8 сяку 5 сун (миноского шелка-арагину — 6 сяку 5 сун); шелка-сырца — 8 рё, шелковой ваты — 1 кан, холста — 2 дзё 6 сяку (если холст сорта *мадануно* — 1 дзё 3 сяку). Старики вносили половину этих норм, «подростки» — одну четверть.

Этот перечень имел прежде всего в виду те случаи, когда подать действительно вносилась названными тканями или материалом для них. Но этим не ограничивалось его значение. Приведенные цифры играли роль основных ценностных норм при расчетах податей, если таковые вносились какими-нибудь другими предметами. Закон же предусматри-

вал не только возможность, но и прямую неизбежность внесения пода-тей другими предметами: во-первых, не везде можно разводить тутовые деревья, коноплю и другие волокнистые растения и не везде было раз-вито ткацкое ремесло; во-вторых, для государственного хозяйства (для хозяйства императорского двора в первую очередь) требовались и другие предметы. Закон, считаясь с местными условиями и потребностями пра-вильного класса, предлагает вносить в качестве основных видов податей, кроме перечисленных, железо, железные мотыги, соль, рыбу, съедобные раковины и водоросли, иначе говоря, основные земледельческие орудия, а также материалы для их изготовления и главнейшие пищевые про-дукты. В качестве дополнительных податей фигурируют: красильные ве-щества, растительное волокно, растительное масло, животные жиры, лак, материал для плетения, различные изделия — циновки, тростниковые по-крышки, сита, бочки и т. п. (раздел X, ст. 1). Все это, однако, ис-числялось применительно к первому виду податей, т. е. к тканям: нор-ма, установленная для тканей, служила мерилом для исчисления норм сдачи всех прочих предметов.

Кроме земельного налога и подати население было обязано и рабочей повинностью. Основные правила привлечения к этой повинности и усло-вия ее отбывания изложены также в законе о податях и повинностях (раздел X). Рабочей повинности подлежало мужское население в двух разрядах: «совершеннолетние 1-го разряда» и «совершеннолетние 2-го раз-ряда». Подростки от 17 до 20 лет, обложенные податью, к рабочей по-винности не привлекались. Срок ее — 10 дней в году для основной кате-гории и 5 дней для дополнительной категории. Разрешалось откупаться от нее внесением дополнительной подати в 2 дэё 6 сяку холстом за полные 10 дней (из расчета 2 сяку 6 сун за 1 день работы). Можно было, по-видимому, вносить и другими предметами, как при обычной по-дати, но так, чтобы это по стоимости соответствовало указанному коли-честву холста. Наряду с этим разрешалось и выставлять вместо себя за-местителя — своего раба или даже наемника — из числа жителей данного уезда, как гласит закон (раздел X, ст. 4). Правительство, очевидно, стремилось привлечь население к общественным работам; по крайней мере закон устанавливал, что за каждый лишний проработанный день делается соответствующее уменьшение налога и податей, а при работе в течение 30 дней сверх положенного срока целиком снимаются и земель-ный налог, и подати. Однако, с другой стороны, более 40 дней задер-живать на таких работах не разрешалось (раздел X, ст. 4).

Таков был основной вид рабочей повинности. Наряду с ним сущест-вовали и другие виды. Население могло привлекаться к так называе-мым разным работам (*дзайцэ*), главным образом для ремонта и прове-дения оросительных сооружений. Определенного нормирования не было: закон говорит только, что работу в таких случаях надлежит распреде-лять поровну и не задерживать на ней более 60 дней (раздел X, ст. 37), попытки к чему со стороны властей, надо полагать, были. Особо происхо-дил набор слуг на работу в правительственные учреждения. Для этой цели от каждых 50 дворов, т. е. от основной административной едини-цы — так называемых селений, брали двух мужчин. Срок службы их определялся в три года. Набирали и женскую прислугу: от одной до четырех женщин от каждой провинции, в зависимости от величины («разряда») этой провинции (раздел X, ст. 38). Наконец, производился набор на всякие строительные работы: на срок до 50 дней в свободный от сельскохозяйственных работ сезон и на срок не более 30 дней в пе-

риод сельскохозяйственных работ (раздел X, ст. 22). Широко привлекались к рабочей повинности ремесленники: они изготовляли для государства различные предметы кузнечного ремесла — топоры, мотыги, серпы, разные деревянные изделия и т. п. (раздел X, ст. 24).

Таким образом, десятидневная работа была лишь наиболее общей формой рабочей повинности, наряду с ней существовала другая, и притом гораздо более обременительная; наиболее тяжелым для населения было, по-видимому, привлечение к «разным работам». Их условия допускали больше произвола, поскольку в данном случае никаких особых регламентаций как по части набора, так и самой работы, по-видимому, не было. Закон говорит только о «распределении поровну» и о 60-дневном сроке. О том бремени, какое представляла для населения эта повинность, косвенно свидетельствуют некоторые правительственные указы, в которых вынужденно снижается ее срок до 30 дней; таковы указы 1-го года Тэмпё—Ходзи (757 г.) и 14-го года Энряку (795 г.), впрочем, их действие было весьма кратковременным, и очень скоро прежний срок снова восстанавливался.

От несения рабочей повинности из рядового населения освобождены были только фактически нетрудоспособные, а именно: мальчики до 16 лет, престарелые — от 66 лет, лица с физическими недостатками и больные неизлечимыми болезнями. Не привлекались к рабочей повинности и женщины, если не считать очень ограниченного набора прислужниц. Не привлекались и частные рабы (раздел VIII, ст. 5): эксплуатация рабов предоставлялась их владельцам непосредственно. Закон содержит указания на освобождение от повинности, от всех налогов и податей также и «почтительных сыновей», «послушных внуков», «справедливых мужей» и «верных жен» — словом, лиц, преуспевающих в стандартных добродетелях (раздел X, ст. 17). Но это освобождение, разумеется, ничего существенного в картину налогов и повинностей не вносило.

Приноровительно к этой системе налогов, податей и повинностей была построена и организация крестьянского двора и деревни. Она была создана так, чтобы наилучшим образом обеспечить поступление налогов и податей и отбытие повинностей. Согласно специальному закону о дворах (раздел VIII), все дворы делились на подлежащие податям и повинностям (*како*) и не подлежащие податям (*фукако*). Во главе двора стоял хозяин двора (*косу*), в каковой роли выступал обычно глава семьи (*катё*). Он был в первую очередь ответственным за выполнение всех налогов, податей и повинностей (раздел VIII, ст. 5). Большой единицей являлось пятидворье — объединение из пяти соседних дворов (*гохо*). Во главе его стоял старшина, и ему вменялось в обязанность следить за всем, что происходит в пределах пятидворья, в частности следить за тем, чтобы не совершалось никаких нарушений закона; он же должен был немедленно докладывать о вновь прибывших из других мест, о всех, остановившихся на ночлег; равным образом ему должны были сообщать и о всяком передвижении члена пятидворья куда-нибудь из пределов селения. Иными словами, роль старшины пятидворья сводилась к надзору за всяким движением населения, что имело своей основной целью борьбу с бегством с земли. Старшины должны были также следить и за выполнением дворами их обязательств перед государством (раздел VIII, ст. 9).

Высшее наблюдение за сбором налога, внесением подати и отбыванием рабочей повинности находилось в руках сельского старосты (*пигё*). Согласно кодексу (раздел VIII, ст. 1), каждые 50 дворов, или 10 пяти-

дворий, составляли селение (*пу*), во главе которого стоял староста. На его обязанности было: «вести перепись населения по каждому двору и содействовать развитию земледелия и шелководства», т. е. попросту следить, чтобы население обрабатывало предоставляемую ему казенную землю; борьба с преступностью и руководство сбором налога, податей и выполнением рабочей повинности (раздел VIII, ст. 1). Эти три лица — хозяин двора, старшина пятидворья и сельский староста — и составляли аппарат по наблюдению над выполнением населением обязанностей перед государством.

Правительственный аппарат, в ведении которого находилась надельная система со всеми примыкающими к ней институтами, состоял в основе из двух ведомств. Первое из них — *мимбусэ* (министерство по делам населения) — ведало переписью населения, составлением налоговых списков и всем, что относилось к земледелию. Второе — *окурасэ* (министерство сокровищ) — ведало сбором налогов.

* * *

Все изложенное выше касается рядового населения — крестьянства, а также отчасти неполноправного населения — рабов. Это, однако, только одна сторона надельной системы. Подушные надельные составляют лишь одно ее звено, ими она не исчерпывается; кроме них, она знает еще особые надельные: 1) ранговые, 2) должностные, 3) полученные за заслуги и 4) жалованные.

Ранговые надельные (раздел IX, ст. 4) были присвоены каждому рангу и давались, следовательно, лицам, состоящим в том или ином ранге, т. е. входящим в высшее сословие тогдашнего общества. Всего рангов было 48; из них 4 ранга старших принцев, 14 рангов младших принцев, 30 рангов для прочих. Кроме этих обычных рангов существовали особые ранги — за заслуги — всего 12 степеней. Величина ранговых надельных зависела от ранга и колебалась от 8 до 80 тэ (9,6—96 га).

Должностные надельные были двух видов: должностные надельные для высших чиновников центрального аппарата (раздел IX, ст. 5) и должностные надельные для чиновников местной, т. е. провинциальной и уездной, администрации (раздел IX, статьи 31, 32). Размеры этих надельных также зависели от должности и колебались от 6 тан до 40 тэ (0,7—48 га).

Размеры надельных за заслуги (раздел IX, ст. 6) законом предусмотрены не были; по-видимому, они определялись в каждом случае особо. Судя по тому надельному, который получил за заслуги один из руководителей переворота Тайка, Фудзивара Каматари, они могли достигать до 100 тэ (120 га).

Жалованные надельные (раздел IX, ст. 12) давались по особому императорскому указу, причем их размер также не был определен законом, теоретически завися только от воли императора. Судя по историческим примерам, такие надельные могли достигать до 250 тэ (300 га).

Юридическое положение надельных было различно. Право пользования ранговыми и должностными надельными было, естественно, связано с состоянием в ранге и нахождением на должности и присваивалось только одному лицу, иначе говоря, по наследству не переходило (раздел IX, ст. 9). Это право не было и пожизненным, поскольку с лишением должности и исключением из табели рангов надельные эти вовсе отнимались и бывший обладатель их должен был довольствоваться, как и рядовое население, обычным подушным надельным. Право пользования ранговыми и

должностным наделами не было постоянным и в смысле размеров, поскольку всякое передвижение в ту или иную сторону по табели рангов и лестнице чинов влекло за собой соответствующее увеличение или уменьшение наделов. Несколько иное положение занимали жалованные наделы. Закон не оговаривает специально, каковы были права пользования этими наделами, но из исторической практики можно предположить, что они были пожизненными (см. прим. к ст. 12, раздел IX).

Статут наделов за заслуги опять иной: право пользования ими было наследственным, только с разной продолжительностью — в зависимости от степени заслуг. Оно могло простираться на одно поколение, т. е. переходить только к сыну, могло простираться на два поколения, на три поколения и, наконец, в случае самых крупных заслуг могло быть вечным. Наследственный характер пользования подчеркивался специальным указанием на то, что, в случае если кто-нибудь умрет, не успев воспользоваться своим правом на надел за заслуги, этот надел получают его наследники (раздел IX, ст. 11). Статья о вечном наследственном пользовании показывает, что таким образом самим законом пробита брешь в принципе государственной собственности на землю: вечное наследственное пользование наделами за великие заслуги фактически совпадало с правом владения. Правда, закон оговаривал, что при особо тяжких государственных преступлениях (мятежи и т. п.) эти наделы подлежали конфискации (раздел IV, ст. 6), но такие оговорки не имели особого юридического значения: в случае мятежа мог быть отнят любой надел, любое имущество.

Все особые наделы подлежали обычному земельному обложению, т. е. с них должен был уплачиваться налог по общему принципу — с площади⁵. Однако два других обязательства — подать и рабочая повинность — распространялись не на всех владельцев этих наделов. Закон точно оговаривает, что податям и повинностям не подлежат следующие лица: 1) члены императорского рода, 2) лица первых восьми рангов, 3) отцы и сыновья лиц первых пяти рангов, 4) деды, отцы, братья, сыновья и внуки лиц первых трех рангов — иными словами, вся ранговая аристократия (раздел X, ст. 18; ср. также раздел VIII, ст. 5). Прочим же членам высшего сословия предоставлялась возможность либо послать за себя своих слуг или рабов, либо же нанять кого-нибудь со стороны, если вообще с них спрашивалась рабочая повинность.

Помимо четырех видов особых наделов, существовали еще земли монастырей — буддийских и синтоистских. Их земли были владениями в полном смысле слова, поскольку они не выдавались в качестве наделов, не отбирались на тех же основаниях, на каких отбирались в определенном случае наделы, и не подлежали раз в шесть лет пересмотру; наконец, они не были обложены налогами (раздел IX, ст. 21). Это означает, что сам кодекс Тайхорё пробивает новую брешь в системе государственной собственности на землю. Принцип государственной собственности неприкосновенен, когда речь идет об управляемых; когда же речь идет об управляющих, то этот принцип либо становится условным, либо просто отменяется. Так обстоит дело в двух случаях: в случае пожалования наделов за заслуги и в случае предоставления земель духовенству.

Такая юридическая природа монастырских владений обуславливала концентрацию земель в руках монастырей; с другой стороны, она создавала возможность скрывать под названием монастырской земли соб-

⁵ Утида Гиндзо, Указ. соч., т. I, стр. 313.

ственные наделы, т. е. превращать их фактически в личное владение, свободное от обложения и повинностей. В связи с этим двойным процессом, вероятно, и появилась в земельном законе Тайхорё статья, запрещающая населению продавать в пользование монастырей свои пахотные наделы, а также садовые или усадебные участки (раздел IX, ст. 26).

Кроме всех перечисленных земель, особую категорию представляли почтовые наделы, т. е. земли почтовых дворов (раздел IX, ст. 33). Доходы с этих земель предназначались на их содержание.

Особое место занимали так называемые правительственные участки, обслуживавшие хозяйство императорского двора. Все они были расположены в Кинае, причем для обработки их привлекалось население в порядке рабочей повинности (раздел IX, ст. 36).

Таким образом, земельное устройство по принципам наделной системы имеет в целом следующий вид.

Государство владеет всей землей, образующей государственный земельный фонд.

I. Обрабатываемая часть этого фонда, т. е. угодья, уже подвергшиеся распашке и имеющие оросительную систему, распределяются следующим образом.

A. Большая часть земель распределяется между населением в виде наделов:

1) рядовое население получает подушные наделы на двор — по числу душ двора, начиная с шестилетнего возраста; в число земель, составляющих надел двора, входят и подушные наделы, отводимые на рабов, имеющихся в распоряжении двора; пользование этими наделами пожизненное;

2) население, принадлежащее к ранговой аристократии или чиновничеству, получает особые наделы — ранговые и должностные — по особой норме, установленной для каждого ранга и должности; пользование этими наделами определяется сроком состояния в ранге или пребывания в должности; разумеется, это не исключало получения теми же лицами определенного количества земли в качестве подушного налога, а также участков на рабов;

3) та же самая часть населения, т. е. принадлежащие к управляющему классу, имела еще в своем распоряжении жалованные наделы разных размеров с пожизненным пользованием ими;

4) лица, принадлежащие к тому же классу, могли иметь еще за заслуги и особые наделы в наследственном пользовании разной продолжительности, а в некоторых случаях и бессрочном пользовании.

Б. Часть земель находится в бессрочном пользовании:

1) почтовых дворов — на предмет их содержания;

2) монастырей;

3) министерства двора — в качестве базы для снабжения его всем необходимым.

В. Свободная часть пахотной земли, т. е. оставшаяся после распределения наделов:

1) частично обрабатывается государственными рабами, получающими эту землю по норме обычных подушных наделов;

2) частично обрабатывается «казенной рабочей силой», в первую очередь теми же государственными рабами, привлекаемыми особо для работ и на этих участках, помимо тех, которые они обрабатывают как свои подушные наделы, а также, по-видимому, с помощью населения, привлекаемого в порядке рабочей повинности;

3) частично отдается в аренду;

4) и, наконец, частично предоставляется — если такая земля пустует уже более трех лет — населению без особых условий, только с обязательством возврата через шесть лет.

II. Необрабатанная часть земель государственного фонда, т. е. целина:

1) либо остается как запасной фонд целинных земель;

2) либо предоставляется населению на условиях длительного наследственного пользования, а с 743 г.— и на правах вечного владения.

Обработка всех этих земель производилась, по-видимому, следующим образом:

1) подушные наделы обрабатывались их владельцами, а также рабами последних;

2) особые наделы — ранговые, должностные, жалованные и за заслуги — обрабатывались частично самими владельцами, частично их рабами;

3) правительственные участки, а также, по-видимому, почтовые обрабатывались лицами, привлекаемыми в порядке рабочей повинности;

4) монастырские земли обрабатывались с помощью собственной рабочей силы — как низшего слоя духовенства, так и рабов, бывших в их владении; частично с помощью крестьянства, приписанного к монастырям;

5) часть казенной земли обрабатывалась государственными рабами, получавшими ее в порядке наделов;

6) земельные излишки, отходящие в аренду, обрабатывались арендаторами; если арендатором было лицо, обладавшее рабами, — то силами этих рабов;

7) земельные излишки, не отошедшие в аренду, обрабатывались либо лицами, привлекаемыми в порядке рабочей повинности, либо государственными рабами;

8) земельные излишки, не отошедшие в аренду и не обрабатываемые самим государством, а переданные на срок населению, обрабатывались взявшими эти участки;

9) целинные земли обрабатывались лицами, взявшимися за их разработку, с помощью той рабочей силы, которая у них была.

Все земли, как правило, подлежали обложению. Освобожденными от обложения на первых порах были только монастырские земли, но очень скоро к ним присоединились «новые поля», т. е. пахотные угодья, создаваемые на целинных участках.

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Земельное устройство не исчерпывает еще полностью всей надельной системы, если понимать ее в широком смысле слова — как основу всего социально-экономического строя послетайковского периода. К неотделимым от нее элементам принадлежат еще два исключительно важных института: а) институт кормовых пожалований (*сёкуфу*) и б) институт сезонных жалований (*кироку*).

Кормовые пожалования состояли в приписке к определенным лицам известного числа надельных, т. е. крестьянских, дворов, именующихся поэтому жалованными дворами (*фуно*), с которых половина следующего с них в общем порядке земельного налога взималась в казну, другая же половина — тому лицу, к которому они были приписаны. Два же других

вида обязательств — подать и рабочая повинность — целиком шли в пользу их приписного хозяина (раздел X, ст. 8).

Кормовые пожалования распадалась на пять различных категорий в зависимости от причин, по которым они предоставлялись:

1) первая категория — кормовые пожалования принцев; 2) вторая — ранговые пожалования; 3) третья — должностные пожалования; 4) кормовые пожалования за заслуги; 5) кормовые пожалования монастырям.

1. Кормовые пожалования для принцев были присвоены принцам всех степеней, как старшим (*винъо*), так и младшим (*сёо*). Размеры их варьировались в зависимости от звания и степени в пределах 300—800 дворов (раздел XV, ст. 10). Принцы, не имеющие степеней, получали 150 дворов.

2. Ранговые пожалования были присвоены первым трем рангам всех степеней. Их размеры колебались в пределах 100—300 дворов в зависимости от ранга и его степени (раздел XV, ст. 10).

3. Должностные пожалования по кодексу Тайхорё были присвоены только самым высшим постам в государстве: великому министру (*дадзёдайдзин*) и его двум коллегам — левому министру (*садайдзин*) и правому министру (*удайдзин*), а также старшему государственному секретарю (*дайнагон*). Размер этих пожалований был исключительно велик: *дадзёдайдзин* получал 3 тыс. приписных дворов, *садайдзин* и *удайдзин* — по 2 тыс., *дайнагон* — 800 дворов (раздел XV, ст. 10). Впоследствии к числу постов, коим полагались приписные дворы, были присоединены министр печати (*найдайдзин*), получавший 800 дворов, средние государственные секретари (*тюнагон*), получавшие по 300 дворов, и советники (*санги*), имевшие по 60 дворов. Другими словами, должностные пожалования распространялись на всю верхушку правительственного аппарата, а следовательно, и правящего сословия.

4. Кормовые пожалования за заслуги давались в особых случаях — при наличии так называемых заслуг. Эти заслуги могли быть, как и при распределении наделов, великими, большими, средними и малыми.

Степень этих заслуг определяла и число приписных дворов, и срок владения ими. Поскольку этот вид пожалования давался в качестве особой награды, закон оставлял всецело в руках верховной власти определение его размеров. Но сроки владения закон намечал точно: пожалования за великие заслуги после смерти владельца в половинном размере переходили в пользование его потомков на три поколения; пожалования за большие заслуги отходили к потомкам на четыре поколения, но в размере одной трети; пожалования за средние заслуги передавались в размере одной четверти на одно поколение; пожалования за малые заслуги в наследственное пользование вообще не переходили (раздел XV, ст. 13).

5. Пожалование приписных дворов монастырям могло иметь место лишь в особых случаях и только путем специального императорского указа, причем пользование ими было ограничено пятью годами (раздел XV, ст. 14).

Вообще, закон допускал возможность предоставления таких дворов кому угодно и в каком угодно размере только путем особого императорского указа (раздел XV, ст. 15). Таким образом, сам закон открывал широкий путь к этой чрезвычайно важной форме присвоения и земли и людей.

Второй институт, представлявший наряду с кормовыми пожалованиями неотъемлемую часть надельной системы в широком смысле этого

слова, есть, как сказано выше, институт сезонных жалований. Это означает, что правящие слои помимо особых наделов и приписных дворов получали еще два раза в год от казны жалованье — выдачи натурой. Они фактически производились всему правящему слою: членам императорского дома, чинам императорского двора, дворцовой страже, ранговой аристократии — от 1-го до 9-го ранга, гражданскому чиновничеству, военным чинам. Эти выдачи в известных случаях заменяли собою кормовые пожалования (раздел XV, статьи 1—12).

Выдачи производились: 1) шелковой материей, 2) шелковой ватой, 3) холстом, 4) мотыгами — иначе говоря, тем, что государство получало от населения в виде подати. Размеры этих выдач были, конечно, очень разнообразны, варьируясь в зависимости от положения, ранга, должности, чина и т. п. О том, что присваивал себе императорский дом, можно судить по приводимым законом нормам на наследного принца: 3000 хики шелковой материи, 500 дзюн шелковой ваты, 500 ку шелка-сырца, 1000 тан холста, 1000 железных мотыг, 500 тэ железа. Норма же прочих категорий колебалась между 1 — 30 хики шелка, 1 — 30 дзюн шелковой ваты, 100 тан холста, 10—140 штук мотыг.

Закон о жалованиях ничего об этом не говорит, но если учесть, что подать сдавалась не только материями, но и разными другими предметами соответственно стоимости материи, вполне возможно допустить, что указанной в законе номенклатурой определялась также и ценностная величина, в которую должны были укладываться всякие выдачи натурой.

Если исходить из описанного выше содержания надельной системы в целом, необходимо признать, что она предполагала три основные группы населения: 1) чиновническое и отчасти духовное сословие, 2) земледельческое население, 3) несвободные.

1. К первой группе принадлежали все, состоявшие в рангах, занимавшие должности в обширном и разветвленном государственном аппарате, существовавшем в то время, а наряду с ними — их братья, отцы и сыновья, числившиеся монахами буддийских монастырей или жрецами синтоистских храмов.

Все представители гражданской половины этой группы получали земельные наделы — ранговые и должностные; часть из них имела еще наделы за заслуги и особо пожалованные; некоторые группы имели, помимо всего этого, кормовые пожалования — ранговые, должностные и за заслуги — в виде приписных крестьянских дворов. Владея рабами, они получали, кроме того, подушные наделы на рабов, и, чем больше рабов у них было, тем больше земли могли они сосредоточить в своих руках. Они получали, далее, два раза в год жалованье натурой, в состав которого входили, между прочим, не только продукты потребления, но и орудия производства — железные мотыги, отбираемые государством в виде подати от населения и поступавшие теперь от государства в руки правящего класса.

Духовная половина этого класса сидела на монастырских землях, представлявших фактически собственность монастырей, и владела всем монастырским имуществом, в том числе и рабочей силой — рабами. Во многих случаях к монастырям было приписано и определенное число крестьянских дворов. Духовенство было вообще свободно от всяких обязательств перед государством, поскольку монастырские земли не были обложены налогом, а живущие на них — податью и рабочей повинностью. Гражданская же часть правящего класса несла некоторые обязательства, сводившиеся главным образом к земельному налогу: ранговые,

должностные и прочие наделы, находившиеся в ее руках, подлежали земельному обложению. От податей и рабочей повинности большая часть этого класса была освобождена законом; те же, кто этой повинности подлежал, могли посылать вместо себя своего раба или же наемника.

2. Вторая группа населения, основная по численности и роли в производстве, так называемый добрый народ (*рёмин*), представляла собой крестьян, издавна сидевших на земле и получавших ее теперь от государства по числу душ на двор в виде подушных наделов. Если в составе крестьянского двора оказывались рабы, то в земельное хозяйство двора входили и участки, получаемые на рабов.

Эта часть населения платила государству земельный налог со своих подушных наделов и вносила различными предметами подать, исчисляемую по числу наиболее трудоспособных членов двора мужского пола; кроме того, она подлежала и рабочей повинности. Иначе говоря, эта группа населения в первую очередь содержала государство и правящий класс.

3. Третья часть населения — так называемый подлый народ (*сэммин*) — состояла из рабов разных категорий. Кодекс Тайхорё предусматривает две основные категории рабов: государственные рабы и частные рабы, причем каждая из этих двух категорий, в свою очередь, делилась на группы.

Государственные рабы делились на три группы: 1) прислужники при императорских могилах (*рёко*); 2) слуги в правительственных учреждениях (*канко*); 3) государственные рабы (*конухи*, или *кодохи*).

Частные рабы распадались на две группы: 1) домашние слуги (*кэнин*); 2) частные рабы (*синухи*, или *сидохи*).

Кодекс предусматривает строгое отграничение этих групп друг от друга, что находит свое выражение в особых правовых признаках.

Различное правовое положение этих групп усматривается хотя бы из того, что рабам, принадлежащим к разным группам, запрещалось вступать друг с другом в брак; браки разрешались только внутри своей группы (раздел VIII, ст. 35). Строго регламентировались все случаи перехода из одной группы в другую; так, например, владелец раба мог перевести своего раба низшего разряда (*синухи*) в высший разряд (*кэнин*), а рабу высшего разряда вообще предоставить свободу (раздел VIII, ст. 39); государственные рабы низшего разряда (*конухи*) по достижении 66-летнего возраста автоматически переходили в разряд правительственных слуг (*канко*), а по достижении 77-летнего возраста вообще переходили в разряд свободных (раздел VIII, ст. 38).

Особое положение каждой из этих групп рабов сопряжено и с характером принадлежности раба: государственные рабы в целом сравнительно с частными пользуются известными привилегиями; так, например, для государственных рабов (*канко* и *конухи*) существовал автоматический переход в свободное состояние; они получали подушный надел, равный свободному, в то время как на частного раба выделялась только одна треть надела свободного (раздел IX, ст. 27). Государственным рабам ведется отдельный учет, ими заведует особое ведомство (раздел VIII, ст. 36). При привлечении к работам им предоставлялся раз в десять дней один выходной день, в случае смерти отца или матери они получали отпуск на 30 дней; женщинам после родов предоставлялся отпуск на 15 дней; во время беременности, а также кормления женщинам полагалось поручать только самые легкие работы (раздел XXX, ст. 32); каждому рабу должны были выдаваться пища и одежда по росту (раздел XXX, ст. 34).

Ничего подобного не предусматривалось по отношению к рабам, находящимся в частном владении. Закон оговаривал только некоторые преимущества *кэнин* перед низшими рабами: *кэнин* нельзя было посылать на работу всей семьей сразу, равным образом нельзя было их и продавать (раздел VIII, ст. 40).

Закон устанавливал также способы комплектования всех категорий рабов. Большой интерес проявляется по отношению к государственным рабам; однако очень мало говорится о путях комплектования частных рабов. В государственные рабы обращают за преступления против государства и против социального порядка. Таким образом, в *рёко* (прислужников при императорских могилах) обращают повинных в тяжких государственных преступлениях; в *канко* (слуг в правительственных учреждениях) обращают отцов и детей тяжких государственных преступников, а также детей, родившихся от связи господ с их рабами (*кэнин* и *синухи*); в *конухи* (государственных рабов низшего разряда) обращают рабов лиц, повинных в тяжких преступлениях. Рабами, находящимися в частном владении, являются в наследственном порядке *кэнин* и, конечно, *синухи* (раздел VIII, ст. 40); в рабов могут быть обращены и неисправные должники.

Сведения о комплектовании рабов говорят в первую очередь о стремлении правительства сохранить в своем распоряжении определенное число рабов двух важнейших категорий — *кэнин* и *конухи*. С этой точки зрения особенно характерны постановления кодекса об обращении в государственных рабов (*канко*) детей, рожденных от связи свободных с их рабами (раздел VIII, ст. 43). О стремлении сохранить рабскую силу для их владельцев говорят подробные постановления о поимке и приводе беглых рабов — как государственных, так и частных (раздел XXVIII, статьи 7—13). В те времена стремились увеличить число рабов и с помощью самоуправства. Поэтому в кодексе появились статьи, карающие за насильственное обращение в рабство, причем предусматриваются акты двойного рода — насильственное похищение и соблазнение. Есть статья, запрещающая самопродажу или продажу детей в рабство. Иначе говоря, и из положительных и из отрицательных постановлений кодекса явствует, что рабам в VII—VIII вв. придается большое значение, а число их достаточно велико. Комплектование рабов производится как легальным путем, так и нелегальными средствами (преследуемыми законом, но, по-видимому, широко распространенными).

Для чего рабы были нужны? Во-первых, владение рабами для частных лиц означало возможность получения дополнительных земельных участков, а также возможность пользоваться ими как рабочей силой; во-вторых, владение рабами для государства, т. е. для правящего класса в целом, обуславливало возможность обработки рабским трудом некоторой части государственных земель, иными словами, возможность непосредственной эксплуатации части государственного фонда; кроме того, владение рабами открывало возможность пользоваться их рабочей силой для строительных и прочих работ.

Из кодекса нелегко получить полную картину применения труда рабов. Из него можно уяснить себе, чем занимались прислужники при императорских могилах (*рёко*), слуги в правительственных учреждениях (*канко*), отчасти домашние слуги у частных лиц (*кэнин*). Но уже менее можно судить о роли двух наиболее многочисленных категорий рабов — *конухи* и *синухи*. Государственные рабы (*конухи*), по-видимому, обрабатывали государственные земли, поскольку они получали подушные наде-

лы; они же составляли резерв рабочей силы для всяких строительных работ — для проведения дорог, сооружения причалов, постройки дворцов, зданий, храмов и т. д. Частные рабы (*синуги*) иногда также обрабатывали землю — как полагающуюся на них, так и землю хозяина. Для отдельных лиц рабы служили источником земельного присвоения и орудием производства; частные рабы выделяли иногда предметы подати, и их посылали для несения рабочей повинности.

Число рабов в VII—VIII вв. установить трудно: по ряду данных, привлекаемых японскими историками, это число не превышало 15% всего населения⁶. Новейшие данные говорят даже о 5—10%⁷. Естественно, что рабы сосредоточивались преимущественно в руках государства и в руках чиновничества, т. е. в руках правящего класса. Это явствует из материалов переписей. Так, например, по переписи 702 г., в одном селеении пров. Мино у рядового населения число рабов составляло около 3% (по списку Тодайдзи несколько более: 3,9%), у представителей же местной власти число рабов составляло 25—30% по отношению к числу свободных⁸.

Несколько особое положение среди несвободного населения занимали так называемые *дзацую* (иначе *дзосики*) — группа ремесленников, обслуживавших непосредственно верхушку правящего класса, двор и правительство; они входили в состав дворцового ведомства. Они не были полноправным населением, но не были вполне и рабами, занимая промежуточное положение. В общем, их роль была очень невелика и ограничивалась узкими сферами дворцового хозяйства.

Подводя итоги всему изложенному, приходится сказать, что все законодательство, связанное с надельной системой, имеет совершенно определенную направленность.

1. Все постановления, касающиеся правящего класса, обозначаемого в кодексе Тайхорё как чиновничество и ранговая аристократия, имеют своей целью предоставить в распоряжение этого класса все экономические ресурсы страны: землю — наделы, людей — рабов как источник присвоения земель и как орудие производства; землю вместе с людьми — кормовые пожалования с их приписными крестьянскими дворами, работающими на хозяина; орудия производства — мотыги; предметы потребления — подати. Доступ к этим ресурсам обеспечивался участием в государственном аппарате, а также принадлежностью к высшему сословию, обладанием рангами и титулами (*кабанэ*). Система рангов и титулов безусловно должна быть признана как двуединая форма организации правящего класса в определенное сословие.

2. Все постановления, касающиеся частных рабов, имеют целью предоставить в распоряжение отдельных лиц, в первую очередь, конечно, представителей правящих классов (поскольку большинство рабов было в их руках), дополнительный источник присвоения земли и орудий производства. Постановления же, касающиеся государственных рабов (в том числе и дворцовых ремесленников), имеют целью предоставление госу-

⁶ *Такэкоси Ёсабуру*, Ниппон кэйдзайси (Экономическая история Японии), Токио, 1925, стр. 134. Такигава Масациро исчисляет количество рабов в 10—20% (см.: *Такигава Масациро*, Хомбо кодай дорэй-но дзинко-то соно бумпу (Рабы в древней Японии и их размещение), — «Варера», т. V, № 8). Эту цифру принимает и Хондзё Эйциро (см.: *Хондзё Эйциро*, Социально-экономическая история Японии, М., 1927).

⁷ «Рэкиси кагаку», 1935, № 8, стр. 98.

⁸ Исчисления произведены по данным Такэкоси Ёсабуру.

дарственному аппарату, т. е. тому же правящему классу в целом, возможности использовать даровую рабочую силу для государственной обработки земли, для получения добавочного продукта в виде изделий ремесла или добычи промысла, а также для производства строительных и прочих работ.

3. Все постановления, касающиеся так называемых *рёмин*, имеют целью заставить основную, наиболее многочисленную категорию населения, занятую земледельческим трудом, т. е. крестьян, работать в известной мере на тот же правящий класс. Крестьяне должны были работать на правящий класс либо непосредственно, будучи в качестве приписных дворов отданы в личное, почти полное его распоряжение, либо косвенно, сдавая государству в виде налога и подати продукт труда на полях, ремесла или промысла.

4. Соответственно этой системе господства и подчинения был построен и весь государственный аппарат, представляя собою сложную, разветвленную, но очень стройную и строго централизованную организацию⁹. Во главе всего гражданского управления стоял великий совет (*дадзёкан*), состоящий из великого министра (*дадзёдайdzина*) и его двух товарищей — левого министра (*садайdzина*) и правого министра (*удайdzина*). Главным исполнительным органом был государственный секретариат (*дайнагонкёку*), состоящий из старшего государственного секретаря (*дайнагона*), нескольких средних государственных секретарей (*гюнагонов*) и младших государственных секретарей (*сёнагонов*). Органами государственного секретариата служили два главных управления (*бэнкан*) — левое и правое (*сабэнкёку* и *убэнкёку*) со старшим левым главноуправляющим (*садайбэном*) и старшим правым главноуправляющим (*удайбэном*) во главе. Непосредственно им подчинялись восемь ведомств, так сказать, министерств: к левому главному управлению принадлежали военное министерство (*хёбусё*), министерство наказаний (*гёбусё*), министерство сокровищ (*окурасё*), министерство двора (*кунайсё*); к правому главному управлению принадлежали министерство центральных дел (*гюмусё*), министерство чинов (*сикибусё*), министерство управления (*дзибусё*), министерство по народным делам (*мимбусё*). Каждое министерство имело своего управляющего и делилось на департаменты, бюро и отделы.

Совершенно отдельно — по положению — наряду с *дадзёканом* стоял верховный орган по управлению делами культа (*дзингикан*). Кроме того, особое место в центральном аппарате занимала полиция, совмещавшая функции обычной полиции и полиции нравов. Ее главным органом было главное полицейское управление (*дандзёдай*).

Провинциальный аппарат был построен следующим образом. В двух наиболее крупных населенных пунктах страны — в столице и в Сэтцу — были введены городские управления; на окраинах были организованы генерал-губернаторства: на о-ве Кюсю — *дадзайфу*, на севере Хонсю — *гиндзюфу*; вся прочая территория была поделена на провинции с провинциальными управлениями (*кокуси*), во главе которых стояли губернаторы (*кокусю*); каждая провинция, в свою очередь, была разделена на уезды (*гун*) с уездными управлениями (*гундзи*), во главе которых стояли уездные начальники (*гайрё*). Административные функции имели

⁹ Тайхорё, разд. II. См. также любой университетский курс истории Японии, как, например: *Хагино Есиюки*, Ниппонси кова (Лекции по истории Японии), Токио, 1924.

и представители сельской власти: староста селения (*ригё*), старшина пятидворья (*гохотё*) и хозяин двора (*косю*). Так государственный аппарат, начинаясь наверху, от императора, своими последними звеньями вклинивался в деревню. Он имел, по существу говоря, одну цель: обеспечить поступление налогов, податей и отбывание рабочей повинности.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СУЩНОСТЬ НАДЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

В ней, естественно, выступают две тенденции — рабовладельческая и феодальная. Элементы рабовладельчества сказываются в наличии рабов, выступающих как орудие производства, отраслей хозяйства, частично построенных на рабском труде, и института государственного и частного рабовладения. Отраслями хозяйства, в которых применялся рабский труд, были, во-первых, частично земледелие, поскольку часть особых наделов, возможно, обрабатывалась руками рабов, равным образом рабы обрабатывали и часть государственного земельного фонда; во-вторых, ремесло, что наблюдалось при обслуживании двора; наконец, в-третьих, всякие строительные, дорожные, земляные и прочие подобные работы.

Элементы феодализма проступают в организации основной отрасли экономики того времени — земледелия. Обработка земли составляла обязанность основной массы населения — крестьян, работающих на наделах, не имеющих собственной земли, не имеющих полностью собственных орудий производства и обязанных отдавать тем, кто этой землей и орудиями владел, часть продуктов своего труда в виде натурального земельного налога. Кроме того, они должны были отдавать часть изделий ремесла или промысловой добычи, и вдобавок их привлекали к отработочной повинности. Правда, они сохраняли при этом личную свободу: эксплуатация крестьян велась через государство, которое было собственником и земли, и орудий производства. Свобода крестьянина была, по существу, фикцией, поскольку, во-первых, он должен был в обязательном порядке обрабатывать данный ему государством надел (государство рассчитывало получить с него все, что было установлено, для этого оно и произвело экспроприацию земель и орудий производства); во-вторых, он принужден был сидеть на своем наделе, хотя бы потому, что в другом месте он надела бы не получил; в-третьих, если бы он бросил свой надел и убежал, его как беглого водворили бы обратно. Единственное своеобразие положения заключалось в том, что зависимость крестьянина была в основном государственной, а не частновладельческой. Те же элементы феодализма (уже несколько в другой форме) проступают в организации приписных дворов: здесь место государства почти полностью занимал владелец, а зависимость крестьянина превращалась уже в значительной мере в зависимость личную.

Из двух тенденций — рабовладельческой и феодальной — ведущее значение, безусловно, имела феодальная. Это с совершенной очевидностью усматривается из того, как отражаются обе они в законодательстве того времени, и в первую очередь в кодексе Тайхорё. Законодательство Тайхорё есть прежде всего законодательство, касающееся крестьян. С одной стороны, оно лишает их права владения землей, а с другой — фактически прикрепляет их к земле и обязывает отдавать часть земледельческого продукта, ремесла и промысла, часть своего личного труда пра-

вящему классу. Важнейшая часть кодекса — земельный закон (раздел IX). К нему непосредственно примыкают дополняющие его части: закон о повинностях (раздел X) и закон о жаловании (раздел XV). Они рисуют экономическую сторону всего режима. На этой основе построен закон о крестьянских дворах (раздел VIII), предусматривающий административную организацию крестьянского двора в соответствии с экономической системой. Далее идут части, касающиеся правящего сословия и определяющие его права, сословную организацию, условия службы, образования и т. д. Главнейший из этих разделов — закон о рангах и чинах (раздел I), устанавливающий права господствующего сословия на землю, на продукт крестьянского труда, на сам крестьянский труд. Затем идут части, излагающие устройство государственного аппарата (разделы II, III, IV и др.) — опять-таки либо с точки зрения того, как наилучшим образом обеспечить эксплуатацию крестьян, либо с точки зрения закрепления за правящим сословием определенных привилегий.

Наряду с этими, широко развернутыми разделами во всем кодексе нет ни одного специального раздела, касающегося рабов. Их положения касаются только редкие отдельные статьи, вкрапленные в разные части кодекса. Эти статьи обычно появляются лишь в связи с теми статьями, которые касаются двух главных объектов законодательства — правящего сословия и крестьянства. Поэтому кодекс Тайхорё есть свод постановлений, устанавливающий взаимоотношения правящего сословия и крестьянства, а не правящего сословия и рабов. Рабы в нем занимают только второстепенное место, как и в действительной жизни. Иначе быть и не могло. Кодекс не мог ориентироваться на рабов, как не могло ориентироваться на них на практике и правящее сословие: рабов было слишком мало, чтобы на их труде можно было построить хозяйство и обеспечить существование и благоденствие правящего класса. Выше уже говорилось, что число рабов, по новейшим данным, составляло не более 5—10% населения. Если учесть, что в это число входили непроизводительные категории, а также старики, женщины и дети, то число рабов, играющих серьезную роль в хозяйстве, должно было составлять еще меньший процент.

О том, как незначительно было вообще число рабов, находившихся в государственном владении, говорят привлеченные в последние годы источники. По данным налоговых реестров 2-го года Тэмпё (730 г.), во всей провинции Ямато казенных рабов было не более 200—300 человек. Когда во 2-м году Тэмпё — Сёхо (750 г.) было дано распоряжение предоставить монастырю Тодайдзи 200 казенных рабов, их смогли набрать лишь с большим трудом, и то включив туда двухлетнего младенца и шестидесятисемилетнего старика. Такигава полагает, что казенных рабов было в эти годы не более нескольких тысяч¹⁰, таким образом, участие их в обработке государственного земельного фонда не могло быть значительным. Столь же мало было и их участие в строительных работах, т. е. в занятиях, которые до последнего времени считались в науке чуть ли не исключительно рабскими. Считалось, что монастыри того времени, дворцы, сам город Нара построены трудами рабов. Хондзё называет знаменитую статую Будды в Нара «кристаллизацией пота и крови рабов»¹¹. Новейшие исследования обнаружили, что все это неверно. Из

¹⁰ См.: Такигава Масидзиро, Дайбицу-ва дорэй рорёку-но кэссё-ни арадзу (Статуя Будды — не есть результат труда рабов), — «Хихан», т. I, 1930, № 3.

¹¹ Хондзё Эйджиро, Социальная история Японии, М., 1927, стр. 41.

документов Сёсоина явствует: монастырь Тодайдзи, например, т. е. одно из крупнейших сооружений эпохи, был построен прежде всего руками привлеченного в порядке рабочей повинности надельного крестьянства.

Частных рабов, по-видимому, было несколько больше, но скольконбудь заметное число их сосредоточивалось в руках немногочисленной верхушки правящего сословия¹², у большинства же рабы играли роль домашней челяди. Поэтому о рабовладельчестве можно говорить только лишь как об укладе внутри феодального строя. При этом нужно особо подчеркнуть те стороны этого строя, на которые в науке до сих пор обращали мало внимания: наличие наряду с государственным надельным крестьянством приписных крестьян, большее, чем обычно полагают, значение крестьянской трудовой повинности, главным образом привлечение их на разные работы¹³, а также факт частичной экспроприации орудий крестьянского производства — мотыг и материала для их изготовления — железа. Внутри этой надельной системы были заложены элементы, которые укрепляли феодальные тенденции и намечали те пути, по которым феодализм должен был развиваться. Сама надельная система открывала возможность присвоения земель, превращения их из государственных в частновладельческие.

Если даже не считать официального признания права собственности на «новые поля», что случилось несколько позже (а именно, ~ в 743 г.) и поэтому не укладывается непосредственно в рамки кодекса Тайхорё, в самом кодексе есть достаточно элементов, открывающих возможность частновладельческого присвоения. Совершенно определенно частная собственность на землю признается за монастырскими землями, причем они оказываются настолько привилегированными, что освобождены от всяких налогов и повинностей. Фактически правом собственности можно считать владение наделами за великие заслуги, где декретировано вечное наследственное пользование. Наконец, фактически собственностью становились, даже до указа 743 г., пустопорожные земли, отдаваемые населению на неопределенный срок и в сущности без налоговых обязательств.

Пути к частновладельческому присвоению земель открывали и другие легальные возможности: была разрешена аренда, сильно ограниченная относительно надельной земли, но по всем признакам не так жестко регламентированная сроком относительно государственной пахотной земли. Можно было брать для разработки заброшенные поля, причем и здесь срок в шесть лет играл, по-видимому, очень условную роль.

Необходимость развития производительных сил, ощущаемая страной с растущим населением, усложняющимся хозяйством и с увеличивающимися потребностями, обусловила интенсивную разработку целины. С другой стороны, если одна часть правящего класса продолжала довольствоваться эксплуатацией крестьян посредством государственного аппарата и находила возможность существования в рамках надельной системы, то другая предпочла более выгодные формы непосредственной эксплуатации и быстро перекинулась на создание частновладельческих поместий

¹² *Омари Кингоро*, Тайка кайсин дзэнго-но тоти сэйдо мондай (Вопрос о земельной реформе до и после реформы Тайка), — «Рэкиси тири», 1932, т. 60, № 1, стр. 25—26.

¹³ Обращаю внимание на то, что эта рабочая повинность как тяжелое бремя упоминается в народной поэзии той эпохи. См., например, некоторые песни Сайбара (одна из них приведена в «Рэкиси кагаку», 1935, № 7, стр. 98), а также «Манъёсю» (см. «Манъёсю», т. I—II. М., 1973. Пер. А. Е. Глускиной).

там, где крестьянство поставлено в личную зависимость. Иначе говоря, эта часть правящего класса, главным образом провинциальная аристократия и провинциальное чиновничество, быстро захватила в свои руки процесс мобилизации земель и вынудила правительство закрепить эти земли за нею и юридически. Отсюда указы 723 и 743 гг. После этого «новые поля» стали захватываться всеми, кто только мог. В чем сначала испытывалось некоторое затруднение — это, естественно, рабочие руки: своих сил было недостаточно, рабов для этих целей было мало. Пришлось надельных крестьян и чужих рабов: первым обещали более льготное обложение, больше земли и защиту от всяких посягательств и произвола со стороны правительственных чиновников; вторым обещали личную свободу, т. е. те же условия, что и крестьянам. Таким образом в поместьях происходило слияние крестьян и рабов, что привело в конечном счете к исчезновению рабства как элемента, образующего особый уклад, а с другой стороны, превратило крестьян в фактических крепостных хозяина поместья. Конечно, отдельные пережитки и остатки рабства можно наблюдать и в последующей истории, но именно как остатки. Подобный же процесс развивался и на монастырских землях, на надельных за заслуги землях, в кормовых пожалованиях; из этих форм всюду вырастали частновладельческие поместья.

Таким образом, следующей социально-экономической формой, которой суждено было заменить собою надельную систему, стали феодальные поместья (*сеэн*). К середине X в. они превращаются в основную социально-экономическую форму, а надельной системе настает фактический конец.

КОДЕКС ТАЙХОРЕ

РАЗДЕЛ IX

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ЗАКОН

Ст. 1. Поле длиною 30 бу и шириною 12 бу составляет 1 тан. 10 тан составляют 1 тё.

[Налог с 1 тан составляет 2 соку 2 ха; налог с 1 тё составляет 22 соку.]

Ст. 2. Земельный налог вносится в сроки в зависимости от сбора урожая в данной провинции. Внесение земельного налога начинается со средней декады 9-й луны и заканчивается к 30-му дню 11-й луны. Неочищенный рис доставляется в столицу, причем эта доставка начинается с 1-й луны и заканчивается к 30-му дню 8-й луны.

Ст. 3. Подушный надел (*кубундэн*) отводится в размере: на мужчину — 2 тан [на женщину — на $\frac{1}{3}$ меньше]; не достигшим пятилетнего возраста подушный надел не отводится. В районах малоземельных или многоземельных при распределении наделов руководствуются местными установлениями. Если поле может давать урожай только через год (*экидэн*), подушный надел отводится в двойном размере. По окончании распределения наделов делается запись числа распределенных тё и тан, а также границы участков.

Ст. 4. Ранговые наделы (*идэн*) предоставляются в размере:

Принцам 1-го ранга	—	80	тё
» 2-го »	—	60	»
» 3-го »	—	50	»
» 4-го »	—	40	»

Сановникам 1-го ранга старшей степени — 80 тё

»	»	»	младшей	»	— 74	»
»	2-го	»	старшей	»	— 60	»
»	»	»	младшей	»	— 54	»
»	3-го	»	старшей	»	— 40	»
»	»	»	младшей	»	— 34	»
»	4-го	»	старшей	»	— 24	»
»	»	»	младшей	»	— 20	»
»	5-го	»	старшей	»	— 12	»
»	»	»	младшей	»	— 8	»

[Женщины получают на $\frac{1}{3}$ меньше.]

Ст. 5. Должностные наделы (*сикидэн*) предоставляются в размере: *дадзэдайдзин* (великий министр) — 40 тэ *садайдзин* (левый министр) и *удайдзин* (правый министр) — по 30 тэ *дайнагон* (старший государственный секретарь) — 20 тэ.

Ст. 6. Надел за заслуги (*кодэн*) предоставляется при: великих заслугах — в вечное наследственное пользование
больших заслугах — на три поколения
средних заслугах — на два поколения
малых заслугах — на одно поколение (сыну).

[Наделы за великие заслуги отнимаются только при совершении преступлений не ниже мятежа, прочие — при совершении преступлений не ниже «восьми преступлений».]

Ст. 7. При распределении наделов лицо, не являющееся жителем данной местности, не может получить надел, если данная местность относится к разряду малоземельных. Однако при наличии высочайшего указа этот закон не имеет силы.

Ст. 8. Если лицо, имеющее должностной или ранговый надел, во время своего нахождения на посту или состояния в ранге будет уволено или разжаловано, с ним поступают соответственно этому увольнению или разжалованию. Если такое лицо исключается из списков вообще, к нему применяют положение о подушных наделах. Если окажется, что у него есть жалованные наделы (*сидэн*), с ним поступают так же. Если в составе данной семьи окажется лицо, находившееся на посту и состоявшее в ранге, а затем пониженное до обычного состояния и имеющее право получить подушный надел, оно должно ждать срока очередного распределения наделов. Если тогда у него окажется излишки, они в дальнейшем отбираются.

Ст. 9. Если лицо, коему надлежит получить ранговый надел, не получив этого надела вовсе или не получив его в полном размере, умрет, его сыновья и внуки не получают после него присвоенный ему надел.

Ст. 10. Если лицо, имеющее сыновей или внуков, коему надлежит получить надел за заслуги, не получив следуемого ему надела вовсе или не получив его в полном размере, умрет, надел предоставляется его сыновьям или внукам.

Ст. 11. Казенные поля (*кодэн*) во всех провинциях отдаются правителями провинций в аренду по ценам, существующим в данной местности. Арендная плата препровождается в *дадзэкан* и обращается на разные расходы.

Ст. 12. Поля, жалуемые по особому высочайшему указу, именуются «жалованными наделами» (*сидэн*).

Ст. 13. Те провинции и уезды, в пределах которых земель для раздачи наделов вполне достаточно, считаются многоземельными (*хироки го*); те, где этих земель недостаточно, считаются малоземельными (*сэмаки го*).

Ст. 14. Если в малоземельных районах земель не хватает, разрешается получать надел в районах многоземельных.

Ст. 15. Садовые участки (*онги*) отводятся в зависимости от наличия земель в данной местности. В случае прекращения семьи эти участки возвращаются в казну (*ко*).

Ст. 16. Большие дворы (*дзэко*) должны в течение пятилетнего срока вырастить туговых деревьев не менее 300 корней, лаковых — не менее 100 корней; средние дворы (*тюко*) должны вырастить туговых деревьев не менее 200 корней, лаковых — не менее 70; малые дворы (*гэко*) долж-

ны вырастить тутовых деревьев 100 корней, лаковых — 40. Эти количества не обязательны в тех случаях, когда земля в данной местности малопригодна, а также когда местность является «малоземельной».

Ст. 17. При купле-продаже усадебных участков (*такуги*) необходимо подавать заявление местным властям и получать на это разрешение.

Ст. 18. Если кто-либо по государеву делу отправится в чужие страны и не вернется и у него окажутся проживающие с ним родственники, все полагающиеся ему наделы отбираются лишь по истечении 10 лет. В случае его возвращения (после этого срока) ему предоставляют надел по возможности в первую же очередь. Если же он погибнет на государственной службе, его земля передается сыну.

Ст. 19. Поля, сдаваемые в аренду, сдаются на срок в 1 год. При отдаче в аренду или продаже садовых участков необходимо подавать заявление местным властям и получать на это разрешение.

Ст. 20. При раздаче подушных наделов нужно стараться давать их поблизости [от жилья] и нельзя давать в отдалении. Если с изменением границ провинций или уездов какие-либо участки отойдут к другому административному району, а также если какие-либо участки окажутся заходящими друг на друга, надлежит запрещать пользоваться прежними участками. Если земли не будет хватать, разрешается давать участки в другом районе.

Ст. 21. Поля (наделы) распределяются раз в 6 лет. На поля синтоистских и буддийских храмов это правило не распространяется. В случае если за смертью владельца наделный участок освобождается, отобрание его в казну производится только по наступлении переделного года (*ханнэн*).

Ст. 22. При возврате надела в казну соответствующий обмер производит глава семьи самолично и возвращает участками в 1 тан. Возвращать надел дробными участками (меньше 1 тан) нельзя. Это допускается лишь в том случае, если участки были дробными с самого начала.

Ст. 23. Распределение наделов надлежит производить каждый наделный год, причем до 30-го дня 1-й луны должны быть сделаны заявки в *дадзёкан*. Начиная с 1-го дня 10-й луны (предшествующего года) столичные и местные власти заблаговременно проверяют реестры и составляют [новые] списки [наделов, подлежащих отобранию или раздаче]. С 1-го дня 11-й луны собирают всех, кому надлежит получить наделы, и отводят им наделы непосредственно. До 30-го дня 2-й луны распределение заканчивается.

Ст. 24. Наделы отводятся в первую очередь тем, кто несет трудовую повинность (*эки*), во вторую — тем, кто ее не несет; из них в первую очередь — тем, кто еще не имеет надела, во вторую — тем, кто имеет неполный надел; из них в первую очередь — тем, кто беден, во вторую — тем, кто богат.

Ст. 25. Если в случае чересплосицы владельцы наделов захотят обменяться своими участками, они обращаются к местным властям. Местные власти должны рассмотреть эти заявления и отметить [в реестрах] участки, взятые от одного и переданные другому.

Ст. 26. Как должностные лица (*канкин*), так и население (*хякусё*) не имеют права жертвовать или продавать свои пахотные земли, садовые и усадебные участки буддийским монастырям.

Ст. 27. Рабы правительственных учреждений (*канко*), а также казенные рабы (*нухи*) получают подушный надел наравне со свободными. Домашняя челядь (*кэнин*), а также [частные] рабы получают наделы в

зависимости от наличия свободных земель — в размере $\frac{1}{3}$ надела свободного.

Ст. 28. Если поля окажутся поврежденными наводнениями и при этом на новом месте (не по старому руслу) образуются годные для обработки участки, их нужно в первую же очередь отвести потерпевшим бедствие.

Ст. 29. Если казенные или частные поля (*комидэн*) окажутся заброшенными в течение трех лет и более и найдутся лица, могущие их взять для обработки, им надлежит обращаться к властям, и те разрешают. Это допускается и в том случае, если поля находятся в другом административном районе. При этом частные поля возвращаются их владельцу через 3 года, казенные же возвращаются властям через 6 лет. Если по истечении срока взявший поля не будет иметь полный подушный надел, разрешается полученные таким образом казенные поля обрабатывать в подушный надел. С частными полями этого делать нельзя.

Если в пределах какого-нибудь административного района окажутся пустующие земли (*куканги*) и кто-нибудь из чиновников или из населения захочет их взять для разработки, им предоставляется право их обработать и засеять. В случае если взявший такой участок бросит его, этот участок возвращается в казну.

Ст. 30. В случае тяжбы урожай со спорного участка поступает к тому лицу, которое получило этот участок по решению суда и его обработало, хотя бы в дальнейшем решение суда и изменилось. Однако тому лицу, которое успело в таком случае только вспахать этот участок, но еще не засеяло его, возмещается только стоимость затраченного труда. Если кто-нибудь, не дождавшись судебного решения, насильственно вспашет и засеет участок, с урожаем поступают согласно решению местного суда.

Ст. 31. Должностные наделы для чиновников высших провинциальных учреждений (*сикибундэн*) устанавливаются в следующих размерах:

<i>дадзай-но соцу</i>	10	тё
<i>дайни</i>	6	тё
<i>сёни</i>	4	тё
<i>дайкан, сёкан, дайхандзи</i>	2	тё
<i>дайку, сёхандзи, тайтэн, сэкимори-сё, каму-пукаса, хакасэ</i>	1	тё 6 тан
<i>сёгэн, инъёси, иси, сёку, санси, фунэ-но цукаса, сэкимори-сукэ</i>	1	тё 4 тан
<i>рэйси</i>	1	тё
<i>сисэй</i>		6 тан
<i>дайкокусю</i>	2	тё 6 тан
<i>дзёкокусю, дайкоку-сукэ</i>	2	тё 2 тан
<i>тюкокусю, дзёкоку-сукэ</i>	2	тё
<i>гэкокусю, дайкокудзё, дзёкокудзё</i>	1	тё 6 тан
<i>тюкокудзё, дайкокумоку, дзёкокумоку</i>	1	тё 2 тан
<i>тюкокумоку, гэкокумоку</i>	1	тё
<i>сисэй</i>		как и выше (т. е. 6 тан)

Ст. 32. Должностные наделы (*сикибундэн*) для администрации уездов устанавливаются в следующих размерах: *тайре* — 6 тё, *сёрё* — 4 тё, *сюсэй*, *сютё* — по 2 тё каждый.

В районах малоземельных придерживаться этих размеров не обязательно.

Ст. 33. Почтовые наделы при почтовых дворах (*экидэн*) отводятся поблизости от почтового двора в следующих размерах:

на больших дорогах	— 4 тѣ
на средних дорогах	— 3 тѣ
на малых дорогах	— 2 тѣ

Ст. 34. При смене администрации урожай со служебных наделов чинов высших местных учреждений поступает в распоряжение прежнего чиновника, если он успел засеять поле. Если прежний чиновник успел только вспахать поле, но еще не засеял его, новый чиновник возмещает только стоимость его труда. Если на данный надел нет чиновника, этот надел обрабатывается казенной рабочей силой (*корики*) местных учреждений. По прибытии на место нового чиновника урожай с этого надела выдается ему.

Ст. 35. Внѣ назначенным чинам местной администрации вознаграждение до осеннего сбора выдается натурой, согласно правилам.

Ст. 36. В Кинай устанавливаются правительственные поля (*кандэн*), в Ямато и Сэцу — по 30 тѣ, в Коти и Ямасиро — по 20 тѣ. На этих полях полагается разводить скот из расчета: 1 вол на каждые 2 тѣ. Разведение скота возлагается на отдельные дворы из расчета: 1 вол на 1 двор. [Для этого берутся, однако, дворы не ниже среднего разряда.]

Ст. 37. При назначении работников на правительственные участки устанавливается следующий порядок: министерство двора ежегодно наперед определяет, согласно правилам, потребное количество рабочей силы на предстоящий год соответственно видам засеваемых культур и количеству тан, доводит об этом до сведения властей и ведает этой рабочей силой. При посылке на работу правители провинций сообразуются с тем, свободный ли данный месяц для населения или занятый, и соответственно с этим направляют на работу. Заведующие правительственными участками подлежат ежегодной смене. По окончании года министерство проверяет количество собранного урожая и соответственно награждает или наказывает.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 1. 1) Дать точное представление о величине 1 тан — этой основной единицы измерения земли в то время — в современных мерах в точных цифрах затруднительно, поскольку очень спорна величина этого тан в разное историческое время. Наиболее часто встречаемый расчет таков: 1 линейный бу принимается равным 1 кэн; 1 кв. кэн составляет 1 дубо; таким образом, 360 кв. кэн (30 × 12) составляют 360 дубо, что дает — при 1 дубо, равном 3,3 кв. м, — 1188 кв. м, или почти 12 ар. 1 тѣ в таком случае в то время составляло почти 1,2 га.

2) При исчислении налога применяются особые меры соку и ха, причем 1 соку считается равным 10 ха. Сколько зерна дают 2,2 соку, сдаваемые в виде налога, сказать трудно; по предположительному подсчету в переводе на современные меры они могут дать до 1 то 1 сѣ (1,1 то) зерна, т. е. около 19,8 л. По старинному исчислению 1 ха составляет 3 полных пригоршни зерна¹.

Еще труднее определить, какой процент составлял 2 соку 2 ха налога по отношению к урожаю. Это зависит от того, что считать средним урожаем в то время. Утида Гиндзо предполагает, что средний урожай с 1 тан равняется 72 соку². Если

¹ *Хотта Сёсаю*, Коку си син дзитэн (Новый словарь отечественной истории), Токио, 1931.

² *Утида Гиндзо*, Указ. соч., стр. 309.

так, что 2,2 соку налога составляют несколько меньше 3% урожая. Однако если это и верно вообще, то исключительно в приложении к самой лучшей земле, к так называемой *дзёдан* — земле 1-го разряда. Все же пахотные угодья подразделяются на три основных разряда — высший (*дзё*), средний (*гю*) и низший (*гэ*), причем каждый из этих разрядов, в свою очередь, распадался на три категории — первую, вторую и третью. Таким образом, получалось уже не три разряда, а девять. Деление на разряды обуславливалось качеством почвы и размерами предполагаемого урожая, поэтому если 2,2 соку составляли 3% по отношению к урожаю с поля самого высшего разряда, то этот процент в дальнейшем повышался соответственно понижению разряда земли.

В 3-м году Кэйун (706 г.) размеры налога были изменены: с 1 тан полагалось сдавать 1,5 соку. Однако, по мнению Утида, будто бы снижение ставки налога было лишь видимым: цифра 1,5 появилась в результате изменения размера соку, и в абсолютных цифрах 1,5 нового соку равнялось 2,2 прежнего³. Отсутствие фактических изменений усматривается и из того, что средний урожай с лучшего поля стал исчисляться не в 72 соку, как раньше, а в 50 соку. Вряд ли за несколько лет (между 701 и 706 гг.) могло произойти такое устойчивое падение урожайности, чтобы закон должен был его зафиксировать. Скорее всего произошли изменения в системе мер, и новые 50 соку, вероятно, есть те же прежние 72 соку. Но даже независимо от этого процент налога — и при этих цифрах — остается прежним: 1,5 соку составляют только 3% от 50.

Ст. 3. 1) Размер подушного надела согласно этой статье устанавливается, следовательно, в 2 тан, т. е. в 720 цубо (или, иначе, 2,24 га) для мужчин и в 480 цубо (или, иначе, в 1,56 га) для женщин. Однако этот размер был лишь общей нормой; на практике он мог меняться в зависимости от двух условий:

а) если при наличии густого населения земель для раздачи наделов в требуемом размере не хватало, разрешалось давать меньше установленной нормы;

б) если земля была настолько плохого качества, что могла давать жатву только через год, т. е. была так называемая *экидан*, размер надела увеличивался вдвое.

О том, что эти правила соблюдались, свидетельствуют многочисленные примеры получения увеличенных наделов, приводимые в «Руйдзю сандайкаку» (кн. XV) для провинций Харима, Коти и Идзумо.

2) В позднейшие времена бывали случаи частичного изменения установленной земельным законом Тайхорё нормы подушных наделов. Так, например, в правление Сэйва в 15-м году Дзёкан (873 г.) при раздаче наделов в пров. Тикудзэн были введены дифференциальные нормы: для мужчин, подлежащих рабочей повинности, — 3 тан 29 бу, для не подлежащих этой повинности — 2 тан, для женщин — 1 тан⁴. В правление Коко в 1-м году Нинна (885 г.) при распределении наделов в пров. Тоса мужчинам в возрасте от 21 года до 60 лет, т. е. подлежащим рабочей повинности в полном объеме, давали 4 тан; мужчинам в возрасте от 61 года до 65 лет, т. е. подлежащим рабочей повинности в половинном объеме, давали 2 тан; столько же получали и не достигшие полного совершеннолетия, т. е. мужчины от 17 до 20 лет, также не подлежащие рабочей повинности в полном объеме; мужчинам, вообще не несущим рабочей повинности, т. е. до 17 лет и престарелым от 66 лет, а также нетрудоспособным по болезни или в связи с физическим недостатком давали 1 тан; женщинам же — только 50 бу («Сандай дзицуроку». ст. от 27-го дня 12-луны 1-го года Нинна — 885 г.). Из этих мероприятий видно, что правительство в политике наделов стремилось пойти по другому пути: оно хотело исходить из принципа трудоспособности и отношения к рабочей повинности, а не из принципа простого наличия «душ»; полностью от прежнего принципа оно, конечно, не могло отказаться. Наделы

³ Утида Гиндзо, Указ. соч., стр. 309—310.

⁴ «Сандай дзицуроку», кн. XXIV, ст. от 17-го дня 3-й луны 15-го года Дзёкан — 874 г.

получали и не подлежащие рабочей повинности, но особая ориентация на привлекаемых к этой повинности сказывается в введении для них увеличенных наделов. Надо сказать, что и сам земельный закон Тайхорё также частично стоит на точке зрения предпочтений, отдаваемых тем, кто привлекается к рабочей повинности, но проявляет это только в том, что обязывает давать таким лицам наделы в первую очередь (ст. 24). Возможно, что в таких тенденциях сказывается отчасти влияние наделной системы Танской империи, которая была построена на принципе трудоспособности. Однако все случаи изменения норм наделов сравнительно с постановлениями кодекса Тайхорё представляют собой явление времени и вводились только для некоторых районов. В основном нормы, указанные в земельном законе Тайхорё, оставались без изменения⁵.

3) Закон не указывает, какие поля предоставлялись в качестве наделов — поливные или сухие. Однако, по косвенным данным, можно с уверенностью сказать, что наделы состояли из первых. Это видно хотя бы из того, что случаи наделения сухими полями особо отмечаются. Так, например, в «Энгисики» (кн. XXII) говорится: «В провинциях Ямасито и Ава при распределении полей давали и сухие и поливные поля». Это объяснялось, видимо, тем, что орошаемой земли там не хватало.

Ст. 5. 1) В этой статье речь идет о должностных наделах только высших должностных лиц центрального правительства. О должностных наделах чинов провинциальной администрации говорят статьи 31 и 32. Эти две категории наделов различаются и по названию: *сикидэн* — для первых, *сикибундэн* — для вторых.

2) Большинство комментаторов дополняют эту статью указанием на то, что при лишении чина или увольнении от должности должностной надел у этих высших категорий чинов отбирается не полностью, а лишь наполовину.

Ст. 6. 1) Поколения исчисляются начиная от сына, т. е. сам владелец надела в счет не идет.

2) Статья не дает указаний на размеры этих наделов. Однако исторические примеры дают некоторое представление о возможных размерах таких наделов.

3) Согласно комментарию, дополняющему этот закон, при наличии у владельца надела нескольких наследников они делили между собой отцовский надел поровну.

Ст. 7. Статья имеет в виду обеспечение землей прежде всего постоянных жителей данной местности, и в частности запрещает предоставление земли иммигрантам, а также раздачу ранговых и должностных наделов в тех районах, где и так земли даже для местного населения не хватает. Впрочем, оговорка относительно императорского указа открывает полную возможность это общее правило нарушать.

Ст. 8. 1) В случае увольнения с должности или разжалования в ранге наделы окончательно не отбирали: через три года надел выдавался снова, только в уменьшенном на две ступени по табели рангов размере. Например, лицо, бывшее раньше в старшей степени 3-го ранга и имевшее тогда надел 40 тё, теперь получало надел соответственно первому классу старшей ступени 4-го ранга, т. е. 24 тё.

2) Очередное распределение наделов производилось раз в 6 лет.

Ст. 11. Термин «казенная (или государственная) земля» (*кодэн*) имеет двойное значение. В общем смысле это название применяется ко всему земельному фонду страны, поскольку, согласно основному принципу всей наделной системы, вся земля считалась собственностью государства. В узком же смысле этот термин прилагался к казенным землям в точном смысле этого слова, т. е. к землям, остающимся в руках государства после удовлетворения наделами всех, кому их надлежало выдать. Иначе говоря, в последнем случае этот термин означал свободный государственный фонд пахотной земли, так называемые земельные излишки (*амарида*). В данной статье имеются в виду именно такие земельные излишки, которые, как она гласит, можно было сдавать в аренду. Однако условия аренды из статьи полностью не явствуют.

⁵ Угидо Гиндзо, Указ. соч., стр. 141—142.

Первый вопрос — о формах аренды. По-видимому, их было две: одна — с платой наперед, весной, до посева, и вторая — с платой осенью, после сбора урожая. Таким образом, можно было покупать право обработки земли, не ставя эту покупку в связь с урожаем, и можно было получить землю с отдачей части урожая. К тому понятию аренды, которое установилось впоследствии, ближе подходит, конечно, вторая форма. Вторым вопросом — об арендной плате. Сама статья ограничивается указанием, что нужно сдавать «по ценам, существующим в данной местности». Утида по этому поводу говорит, что арендная плата в таких случаях значительно превосходила обычный земельный налог⁶. Исторический словарь Хотта дает справку относительно второго вида аренды и указывает, что основная ее ставка была равна 20% урожая. Для земель высшей категории (*дзэдэн*) это составляло 100 соку, для земель средней категории (*тюдэн*) — 80 соку, для низшей категории (*гэдэн*) — 60 соку, для самой низшей (*сэгэдэн*) — 30 соку⁷. Третий вопрос — о сроках аренды. Общее мнение таково, что срок был тот же, что и при аренде частных земель, т. е. один год⁸.

Ст. 12. Примеры таких пожалований: в 798 г. принцу 3-го ранга Асахара было пожаловано 250 тэ в пров. Этиго⁹. В 878 г. принцу Моси было пожаловано 100 тэ заброшенных земель (*арэга*) в у. Харима пров. Микава¹⁰. По-видимому, эти земли жаловались на правах пожизненного надела (*иссиндэн*).

Ст. 15. Садовые участки отводились специально для разведения тутовых и лаковых деревьев. Правило о возвращении в казну не применялось, если из состава семьи сохранялось хотя бы одно лицо. Вместе с тем, согласно ст. 19, эти участки можно было передавать в аренду или даже продавать другим лицам.

Ст. 18. Под понятием «государева служба» (*одзи*) в эту эпоху обычно понимается либо дипломатическое поручение, либо участие в походе. В случае отсутствия сына надел предоставлялся совместно живущим родственникам — не ниже пятой степени родства.

Ст. 19. В «Тайхорэ синкай» в примечании к этой статье¹¹ предполагается, что под полями, сдаваемыми в аренду, надо понимать свободные земли, т. е. те излишки, оставшиеся после распределения наделов, о которых говорится в ст. 11. При таком толковании ст. 19 необходимо считать непосредственным дополнением ст. 11. Появление же этой темы во второй раз нужно, видимо, объяснить в таком случае тем, что в первый раз в ст. 11 не был указан срок аренды; теперь же он дается — один год.

Согласиться с таким толкованием, как мне кажется, совершенно невозможно. Если бы срок в один год, указываемый в данной статье, относился только к аренде казенной земли, естественно было бы ожидать приведения его в той статье, где об этой аренде говорится, т. е. в ст. 11. С другой стороны, общий контекст статей, примыкающих к данной ст. 19, не дает никаких поводов сблизить ее со статьей 11, так сказать, через голову всех промежуточных статей: все статьи, начиная с 12, говорят о наделах и других угодьях, предоставляемых населению; таковы же и ближайшие следующие статьи. Таким образом, общая композиция текста закона не оправдывает сближение ст. 11 со ст. 19. Кроме того, сближение это совершенно исключается при простейшем юридическом анализе обеих статей. Ст. 11 говорит о правах правителей провинций и их действиях; ст. 19 говорит о правах населения и основанных на этих правах действиях. Толкование «Тайхорэ синкай» основано, очевидно, на априорном недопущении возможности для населения сдавать свои пахотные участки в аренду.

На прямо противоположной позиции стоит Утида. Он утверждает, что пахотные

⁶ Утида Гиндзо, Указ. соч., стр. 314.

⁷ Хотта Сёсаю, Указ. соч., стр. 957.

⁸ Там же.

⁹ См. «Нихонги», 17-й год Энряку.

¹⁰ См. «Сандай-дзицуруку».

¹¹ «Тайхорэ синкай», стр. 251—252.

земли могли быть не только сданы в аренду, но и проданы. Об этом говорит, по его мнению, ряд источников. Так, например, в указе *дадзёкана* от 2-го дня 4-й луны 8-го года Камгё (896 г.), приводимом в «Руйдзю сандайкаку», прямо сказано: «Если кто-нибудь из населения продает или покупает подушные наделы или же кто-нибудь из лиц первых пяти рангов сдает в аренду свои ранговые или должностные наделы, то должно обращаться в провинциальное или уездное управление и, согласно закону, получать билет, удостоверяющий срок аренды»¹². Форма реестров, приводимая в «Энгисики» (кн. XXVII), также предусматривает как продажу-покупку, так и сдачу наделных земель в аренду. Земельный закон Тайхорё, однако, нигде ни одним словом не упоминает о продаже наделных земель. Более того, именно там, где об этом могло быть сказано, в той самой статье, которая перечисляет права населения относительно наделов, о продаже говорится только применительно к садовым участкам. Выше ст. 17 устанавливает это право и относительно усадебной земли. Кроме того, сам дух кодекса не может допустить продажи наделной земли. Пока существовала наделная система, продажа не была возможна и фактически, так как в известных случаях наделную землю нужно было сдавать в казну, о чем свидетельствуют специальные указания о порядке этой сдачи в ст. 22. Исходя из всего этого, согласиться с Утидой, что продажа допускалась самим законом Тайхорё, никак нельзя. Указания на факт продажи в цитируемых им источниках необходимо объяснить совершенно иначе. Утида делает чисто историческую ошибку: он не принимает в расчет то, к какому времени относятся его материалы: указ *дадзёкана* относится к 896 г., «Энгисики» относится к 901—922 гг. Иначе говоря, факты, приводимые этими источниками, свидетельствуют только, что в самом конце IX и в начале X в., т. е. через 250—300 лет после введения наделной системы, если считать годом ее введения год указа 2-го года Тайка (646 г.), через 200—250 лет после земельного закона Тайхорё (701 г.), существовали факты продажи. Но, как нам хорошо известно, к началу X в. наделная система фактически уже не существует. Последнее упоминание о ней мы встречаем в годы Энги (901—922). Наделная система тогда не начала расшатываться, а уже фактически заканчивала свое существование. Поэтому официальные документы той эпохи должны отражать и отражают факты, характерные для распада системы, а не для ее нормального существования. Поэтому мнение, что продажа наделных участков разрешена самим законом Тайхорё, должно быть отвергнуто по всем и юридическим и историческим основаниям.

Продажа же садовых участков была разрешена, и это вполне оправдывается юридически. Право на эти участки отличалось от права на пахотные участки: право на садовые участки было наследственным и бессрочным, кончаясь вместе с исчезновением всего двора в целом, т. е. с превращением этих участков в выморочное имущество; иначе говоря, фактически оно совпадало с правом владения. Поэтому, естественно, закон должен был допустить право их продажи. На пахотные же угодья было распространено только право сдачи в аренду, и притом на самый ограниченный срок — на один год. Решительная оговорка закона относительно срока как раз показывает, насколько отличалась аренда этих земель от обычной аренды. Не допустить ее вовсе было невозможно, так как приходилось считаться с тем, что в известных случаях владелец пахотного надела мог оказаться не в состоянии сам обрабатывать всю землю, хотя бы в силу временной утраты трудоспособности. Разрешить же аренду на неопределенный срок означало открыть путь ко всем сделкам на землю, открыть возможность скопления земель в одних руках, против чего по своему юридическому замыслу и был направлен земельный закон Тайхорё. О том, насколько строго закон хотел бороться с долгосрочной арендой, свидетельствует постановление «Уложения о наказаниях», которое налагает кару за сдачу в аренду сверх годичного срока. В «Рё-но сюкай» есть место¹³, где говорится, что всякому, кто сдает в аренду

¹² Утида Гиндзо, Указ. соч., стр. 148.

¹³ В тексте «Коконрицу», помещенном в «Рё-но сюкай».

свою наделную землю на срок свыше года, полагается 10 ударов бича за каждый сданный тап. Исходя из всего этого, следует признать: фраза «Поля, сдаваемые в аренду, сдаются на срок в один год» говорит, во-первых, что закон предоставляет владельцам пахотных наделов право сдачи их в аренду; во-вторых, что срок этой аренды был ограничен незначительным временем. Поскольку сейчас же вслед за этим говорится, что садовые участки можно было не только сдавать в аренду, но и продавать, следует, что пахотные наделные участки продавать было нельзя.

Ст. 21. 1) Согласно комментарию «Рё-но гигэ», а также «Рё-но сюкай», распределение наделов раз в 6 лет отнюдь не означало всеобщего передела. Дело сводилось лишь к отобранию наделов умерших и предоставлению наделов на детей, достигших шестилетнего возраста, равно как и к возмещению всяких земельных потерь, могущих возникнуть по стихийным причинам — в результате обвалов, размывов и т. п. Свидетельство комментариев подкрепляется тем обстоятельством, что когда по каким-нибудь причинам случалось прибегать ко всеобщему переделу, то это отмечается особо, как исключение. Так, например, особо отмечен в истории один такой передел, произведенный в правление Сёму в 1-м году Тэмпё (729 г.). С другой стороны, хорошо известен факт несоблюдения шестилетнего срока вообще. В некоторых местностях отобрание наделов умерших и прирезка наделов на долю детей не производилась по несколько десятков лет: по 30, 40, 50 и даже 60¹⁴. Иногда это запаздывание с пересмотром наделов даже узаконивалось. Так, например, в 20-м году Энряку (801 г.) срок передела был установлен раз в 12 лет; в 3-м году Дайдо (808 г.) опять вернулись к шестилетнему сроку. Однако практически в течение 19 лет — с 810 по 828 г. — пересмотр наделов не производился ни разу. В 1-м году Сёва (834 г.) снова вернулись для области Кинай к указу 801 г., т. е. к 17-летнему сроку, но и этот срок также не соблюдался: в течение 37 лет, с 844 по 881 г., в Кинае ни разу пересмотра наделов не было. Та же картина наблюдалась и в других частях страны. В «Сандай дзидуроку» в записи от 16-го дня 3-й луны 4-го года Гэнкэй (880 г.) указывается, что в Тикуго уже более 30 лет переделов не производилось; в записи от 14-го дня 3-й луны 5-го года Гэнкэй (881 г.) упоминается, что в Хидзэн пересмотра наделов не было уже 40 лет. В годы Энги (901—922) пересмотр кое-где производился, но после Энги никаких свидетельств о производимых переделах уже нет. По мнению автора XIV в. Китабатакэ Тикафуса, максимальное развитие наделной системы относится к правлению Ниммё¹⁵, но вернее думать, что первые признаки упадка этой системы начали обнаруживаться уже в конце VIII в., через несколько десятков лет после указа 743 г., декретировавшего право собственности на «новые поля», а указ 801 г. должен считаться юридическим отражением начала этого упадка. К началу же X в. эта система уже почти окончательно умирает, сохраняясь кое-где в качестве остатков отмирающей формы. По свидетельству одного источника¹⁶, «составление подворных реестров и распределение земель прекратилось со времен мятежа годов Сёхай — Тэнкэй (935—940)». С этим придется, вероятно, согласиться, потому что мятеж Тайра Масакадо, который имеет в виду этот источник, действительно свидетельствует, что страна уже начала переходить на другие пути социально-экономического развития.

2) Пункт этой статьи, говорящий о землях синтоистских и буддийских храмов, имеет очень важное значение, поскольку устанавливает еще одну категорию земель — монастырских. Эти земли находятся на особом положении: они не подлежат пересмотру через каждые 6 лет или в какие-нибудь иные сроки. Объясняется это, по всей вероятности, тем, что они не были облагаемы налогом и поэтому не входили в общий распорядок наделной системы. Единственное, что закон делал, это ставил препятствия росту этих земель за счет наделных участков: к этому направлена

¹⁴ Утида Гиндзо, Указ. соч., стр. 143—144.

¹⁵ Китабатакэ Тикафуса, Дзинно сётоки, гл. IV.

¹⁶ См.: Такигава Масадзиро, Указ. соч., стр. 128 и сл.

статья 26, запрещающая должностным лицам и простому населению продавать или жертвовать свои наделные земли монастырям.

Ст. 24. По кодексу Тайхорё каждый совершеннолетний мужчина обязан был отработать государству 10 дней в году. Разрешалось взамен этой отработки вносить дополнительный налог (так называемый заменный налог) тканями — шелковыми или льняными (см. раздел X, закон о повинностях, ст. 4).

Ст. 26. Ср. указ 18-го года Тэмпё (746 г.), запрещающий монастырям скупать и обращать в свою собственность земли населения — «новые поля» (*кондэн*) и садовые участки. На продажу рабов и рабочего скота это запрещение не распространялось.

Ст. 27. По «Тайхорё синкай», наделы государственных рабов всех категорий не подлежали обложению налогом, наделы же частных рабов облагались на общих основаниях. Это различие вызывается, по всей вероятности, тем, что, поскольку государственные рабы составляли собственность государства, постольку и все, что они производили, также принадлежало государству, и никакого особого обложения для них поэтому быть не могло. Поскольку частные рабы принадлежали частным лицам и их наделы входили в общую сумму наделной земли двора в целом, постольку и все, что они производили, принадлежало их владельцу, составляя часть его дохода, постольку, естественно, с наделов этих рабов их хозяева должны были вносить обычный налог.

Ст. 28. Комментарий дополняет эту статью указанием на то, что это возможно было только в том случае, если вновь образованные участки (благодаря перемене русла) находятся в пределах того же административного района.

Ст. 29. 1) Эту статью надлежит, без сомнения, поставить в связь со ст. 11. В ст. 11 впервые поставлен вопрос о казенных землях (*кодэн*), под чем в данном случае должен разумеаться свободный, оставшийся после распределения наделов фонд пахотной земли, уже находившейся под обработкой. В ст. 11 указывается, что правители провинций могут эту землю отдавать в аренду. Таким образом, часть ее отходила к населению и обрабатывалась им. Оставшиеся земли обрабатывались казенной рабочей силой (см. ст. 34), составляя так называемые поля, обрабатываемые государством (*коэйдэн*). Однако, по-видимому, это не всегда оказывалось возможным, и некоторая часть этих земель оставалась необработанной — заброшенной (*арэга*). Об условиях, на которых это можно было делать, здесь ничего не говорится, кроме указания на срок: через 6 лет взятые участки нужно было возвращать в казну. Возможно, что никакой арендной платы в таких случаях не взималось. И это допустимо по той причине, что рядом — во второй половине этой статьи — говорится о пустующих землях, которые, как мы знаем из других источников, в конечном счете оказались свободными от всякого обложения, так что сама юридическая специфика этой статьи как будто предопределяет известную аналогию между отдачей населению заброшенных земель и пустующих, т. е. безвозмездно. Разница между ними все же сохранялась: первые земли нужно было через 6 лет возвращать, вторые — нет. Это обстоятельство находит свое естественное объяснение в том, что усилия, необходимые для обработки хоть и заброшенных, но все же уже поднятых земель, были значительно меньшими, чем те, какие нужно было затрачивать для подъема целины. Поэтому целину закон предоставлял желающим для обработки без указания срока, говоря об ее отходе в казну лишь в том случае, если обрабатывающий ее сам бросит.

2) Второй пункт, касающийся незанятых земель (*жукангги*, или *акити*), имеет особо серьезное значение, поскольку именно это место закона открывает путь к фактическому присвоению земли: получение земли в бессрочное пользование по существу, приближалось к владению, что и пришлось в дальнейшем признать официально (указы 723 и 743 г.); наметившееся же при этом освобождение таких участков от всех налогов делало данный способ присвоения земли наиболее выгодным, что и сказалось во всеобщем стремлении захватить себе эти «новые поля», как они назывались (*кондэн*).

Ст. 34. Речь идет о системе распределения доходов при смене администрации, практикуемой по закону периодически (через 4 и 6 лет).

Ст. 36. Правительственные поля — это земли, сбор с которых идет на содержание двора в Киото. Этим объясняется и то, что все такие участки организуются в районах, ближайших к столице, — в Киное. Находятся они в ведении министерства двора (*кунайсе*). Обрабатываются эти земли призываемыми к рабочей повинности в порядке разных работ (*дзацуё*).

Ст. 37. Свободные (от сельскохозяйственных работ) месяцы: январь, февраль, октябрь, ноябрь, декабрь.

ПРИЛОЖЕНИЕ II

Кодекс Тайхорё

РАЗДЕЛ XV

ЗАКОН О ЖАЛОВАНИЯХ

Ст. 1. Военные и гражданские чины в столице, а также чиновники Дадзайфу, Ики и Цусима получают жалование соответственно своему посту и рангу. Лицам, прослужившим с 8-й луны до 1-й луны не менее 120 дней, выдается весенне-летнее жалованье.

Состоящие в 1-м ранге старшей или младшей степени получают: 30 хики шелковой материи, 30 дзюн шелковой ваты, 100 тан холста, 140 штук мотыг (*кува, суки*); состоящие во 2-м ранге старшей и младшей степени получают: 20 хики шелковой материи, 20 дзюн шелковой ваты, 60 тан холста, 100 мотыг; состоящие в 3-м ранге старшей степени получают: 14 хики шелковой материи, 14 дзюн шелковой ваты, 42 тан холста, 80 мотыг; состоящие в 3-м ранге младшей степени получают: 12 хики шелковой материи, 12 дзюн шелковой ваты, 36 тан холста, 60 мотыг; состоящие в 4-м ранге старшей степени получают: 8 хики шелковой материи, 8 дзюн шелковой ваты, 22 тан холста, 30 мотыг; состоящие в 4-м ранге младшей степени получают: 7 хики шелковой материи, 7 дзюн шелковой ваты, 18 тан холста, 30 мотыг; состоящие в 5-м ранге старшей степени получают: 5 хики шелковой материи, 5 дзюн шелковой ваты, 12 тан холста, 20 мотыг; состоящие в 5-м ранге младшей степени получают: 4 хики шелковой материи, 4 дзюн шелковой ваты, 12 тан холста, 20 мотыг; состоящие в 6-м ранге старшей степени получают: 3 хики шелковой материи, 3 дзюн шелковой ваты, 5 тан холста, 15 мотыг; состоящие в 6-м ранге младшей степени получают: 3 хики шелковой материи, 3 дзюн шелковой ваты, 4 тан холста, 15 мотыг; состоящие в 7-м ранге старшей степени получают: 2 хики шелковой материи, 2 дзюн шелковой ваты, 4 тан холста, 15 мотыг; состоящие в 7-м ранге младшей степени получают: 2 хики шелковой материи, 2 дзюн шелковой ваты, 3 тан холста, 15 мотыг; состоящие в 8-м ранге старшей степени получают: 1 хики шелковой материи, 1 дзюн шелковой ваты, 3 тан холста, 15 мотыг; состоящие в 8-м ранге младшей степени получают: 1 хики шелковой материи, 1 дзюн шелковой ваты, 3 тан холста, 10 мотыг; состоящие в 9-м ранге старшей степени получают: 1 хики шелковой материи, 1 дзюн шелковой ваты, 2 тан холста, 10 мотыг; состоящие в 9-м ранге младшей степени получают: 1 хики шелковой материи, 1 дзюн шелковой ваты, 2 тан холста, 5 мотыг.

Домоуправители (принцев и сановников первых трех рангов) получают на одну степень меньше. Заведующие обучением сюда не относятся. Осенне-зимнее жалование выдается в том же порядке.

Ст. 2. Жалование на весну-лето выдается в первой декаде 2-й луны. Взамен 1 дзюн шелковой ваты выдается 1 ку шелка-сырца. Жалование на осень-зиму выдается в первой декаде 8-й луны. Взамен 5 мотыг выдается 2 тэ железа.

Ст. 3. Чины дворцовой стражи, а также служащие по особому назначению императора в правительственных учреждениях особо талантливые лица получают сезонное жалование соответственно нормам, установленным в этих учреждениях для чинов 4-го ранга и ниже. Чины 4-го ранга и выше получают по 3-му рангу; прочие — по 4-му рангу.

Ст. 4. Лица, состоящие в должностях *гэ* и *сю*, получают сезонное жалование соответственно своей должности. Если одно лицо совмещает несколько чинов, оно получает жалование соответственно высшему из его чинов.

Ст. 5. Если лицо, коему надлежит произвести выдачу жалования, окажется привлеченным к судебной ответственности за проступок, наказуемый лишением чина, выдача жалования ему задерживается вплоть до окончания разбирательства, хотя бы дело его еще не было рассмотрено. Жалование выдается лишь по рассмотрении дела (в случае если данное лицо окажется невиновным). При совершении проступков, относящихся к категории «высшей степени низшего разряда частных преступлений», а также относящихся к категории «средней степени низшего разряда государственных преступлений», отбирается полугодовое жалование.

Ст. 6. Вновь назначенным должностным лицам выдается начальное жалование, даже если и не прошло полного числа дней.

Ст. 7. При отобрании (за проступки) жалования, в случае если отобранию подлежит полугодовое жалование, оно должно быть внесено в течение 60-дневного срока; если отобранию подлежит годовое жалование, оно должно быть внесено в 120-дневный срок. Если в течение этих сроков последует помилование или же провинившийся особым указом будет восстановлен в своей должности, обязательство вернуть жалование с него снимается. При выдаче жалования таким восстановленным надлежит исходить из расчета со дня восстановления в должности.

Ст. 8. Если военные чины в течение 6 месяцев будут иметь не менее 80 суток круглосуточной службы, им выдается жалование. При этом состоящие в ранге в отношении жалования приравниваются к высшему классу 9-го ранга, не состоящие в ранге приравниваются к низшему классу 9-го ранга.

Ст. 9. При выдаче жалования дворцовым чином *сэдзо* приравниваются к 3-му рангу старшей степени, *сэдзэн* и *сёхо* — к 4-му рангу старшей степени, *тэндзо* — к 4-му рангу младшей степени, *сёси* (*найси-наками*), *тэндзэн*, *тэнхо* — к 5-му рангу младшей степени, *сёсю* — к 6-му рангу старшей степени, *сёсё*, *сёяку* (*кисури-но ками*), *сёдэн*, *тэндзи* — к 6-му рангу младшей степени, *сёхэ*, *сёи* — к 7-му рангу старшей степени, *сёсо*, *сёсуй*, *сэдзо*, *сэдзи* — к 7-му рангу младшей степени, *сёдзэн*, *сёхо* — к 8-му рангу старшей степени, *тэнсё*, *тэнъяку*, *тэнхэ*, *тэнъи*, *тэндэн*, *тэнсо*, *тэнсуй*, *тэнсю* — к 8-му рангу младшей степени; прочие лица, выполняющие разные службы (но не состоящие в чине), а также лица, состоящие в ранге (но не имеющие должности), приравниваются к младшей степени; лицам, не состоящим в ранге, жалование уменьшается на один тан холста. Все правила выдачи и отобрания имеют в виду мужчин.

Ст. 10. Кормовые пожалования (*джикифу*) получают: старшие принцы 1-го ранга — 800 дворов, старшие принцы 2-го ранга — 600 дворов, старшие принцы 3-го ранга — 400 дворов, старшие принцы 4-го ранга — 300 дворов. Младшие принцы получают в половинном размере.

Состоящие в 1-м ранге старшей степени получают 300 дворов, в 1-м ранге младшей степени — 260 дворов; состоящие во 2-м ранге старшей степени — 200 дворов, во 2-м ранге младшей степени — 170 дворов; состоящие в 3-м ранге старшей степени — 130 дворов, в 3-м ранге младшей степени — 100 дворов. Состоящие в 4-м и 5-м рангах кормовых пожалований не получают. Вместо них они получают: состоящие в 4-м ранге старшей степени — 10 хики шелковой материи, 10 дзюн шелковой ваты, 50 тан тонкого холста, 360 дзё грубого холста; состоящие в 4-м ранге младшей степени — 8 хики шелковой материи, 8 дзюн шелковой ваты, 43 тан тонкого холста, 300 дзё грубого холста; состоящие в 5-м ранге старшей степени — 6 хики шелковой материи, 6 дзюн шелковой ваты, 36 тан тонкого холста, 240 дзё грубого холста; состоящие в 5-м ранге младшей степени — 4 хики шелковой материи, 4 дзюн шелковой ваты, 29 тан тонкого холста, 180 дзё грубого холста (женщины получают половину). Лицам, без достаточных оснований не приступающим к исполнению обязанностей в течение двух лет, эти выдачи приостанавливаются. На личные расходы (расходы по туалету) императрицы отводится 2000 дворов. На разные нужды наследного принца в год выдается 300 хики шелковой материи, 500 дзюн шелковой ваты, 500 ку шелка-сырца, 1000 тан холста, 1000 мотыг, 500 тё железа.

Ст. 11. Члены императорского дома, начиная с 13 лет, все получают материал для одежды по сезону: весной — 3 хики шелковой материи, 2 ку шелка-сырца, 4 тан полотна, 10 мотыг; осенью — 2 хики шелковой материи, 2 дзюн шелковой ваты, 6 тан полотна, 4 тё железа. Принцы, имеющие кормилиц, получают 4 хики шелковой материи, 6 ку шелка-сырца, 12 тан холста.

Ст. 12. Придворные дамы, начиная с камер-фрейлины императора, получают сезонные выдачи соответственно своему рангу. В качестве выдачи за весну-лето получают: вторая императрица (*хи*) — 20 хики шелковой материи, 40 ку шелка-сырца, 60 тан полотна; третья императрица (*фудзин*) — 18 хики шелковой материи, 36 ку шелка-сырца, 54 тан холста; камер-фрейлина императора (*хин*) — 12 хики шелковой материи, 24 ку шелка-сырца, 36 тан холста. Если данное лицо совмещает несколько должностей, оно получает по совокупности. Осенне-зимние выдачи производятся в том же порядке. Шелк-сырец можно заменять шелковой ватой.

Ст. 13. Если лицо, состоящее в 5-м ранге и выше и получившее за заслуги кормовые пожалования, умрет, эти пожалования в случае великих заслуг в уменьшенном наполовину количестве передаются его потомкам на три поколения; в случае больших заслуг — в уменьшенном на $\frac{2}{3}$ количестве передаются на два поколения; в случае средних заслуг — в уменьшенном на $\frac{3}{4}$ количестве передаются сыну; в случае малых заслуг эти жалования потомкам не передаются.

Ст. 14. Буддийские храмы не получают кормовых пожалований. Однако при наличии особого императорского указа настоящего закона не придерживаются. В этих случаях кормовые пожалования даются на срок не свыше 5 лет.

Ст. 15. Всякое предоставление особых кормовых пожалований или предоставление их в увеличенном количестве — не по нормам данного закона — производится путем особого императорского указа.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ст. 1. 1) Слово «арагину», переводимое здесь широким понятием «шелковая материя», означает в действительности лишь определенный сорт шелковой материи, близкий к современной *цумуги*. По своему качеству и стоимости этот сорт идет сейчас же вслед за *кину*, под чем разумеется, по-видимому, белый *хабугаэ* (атлас?).

2) Слово «мэн» соответствует современному *мавата*, что в настоящее время означает «шелковая вата».

3) Слово «нуно» означает ткань, выделяваемую из пеньки, поэтому для перевода взято русское слово «холст».

4) Иероглиф, передаваемый здесь русским «мотыга», может в действительности употребляться в значении и мотыга (с чтением *кува*) и кирка (с чтением *оуки*). По сути дела, различие между той и другой заключается не в разнице функций, а в способе употребления: мотыгой работают «к себе», киркой — «от себя»¹⁷.

5) *Хики* — мера длины для измерения шелковых тканей — 5 дзэ 2 сяку [19,66 м.— *Ред.*].

6) *Дзюн* — мера веса для взвешивания шелковой ваты — 2 кин (320 моммэ) [1,2 кг.— *Ред.*].

7) *Тан* — мера длины для измерения холста [0,5 хики.— *Ред.*].

Ст. 2. 1) *Ку* — единица веса для взвешивания шелка-сырца — 1 кан (1000 моммэ) [3,75 кг.— *Ред.*].

2) *Тэ* — единица веса = 10 кин (1 кан 600 моммэ) [около 6 кг.— *Ред.*].

Ст. 3. 1) Русскими словами «чины дворцовой стражи» передано японское *удонэри*, поскольку они несли охрану дворцовых помещений.

2) «Чины 3-го ранга» собственно — в тексте стоит обозначение должности — *ханган*. Ввиду того что должность *ханган* имела во многих ведомствах с несколько различными функциями (в основе судебные функции, функции контрольно-административные, полицейские), а также ввиду того, что здесь она берется с точки зрения своего ранга, каковым был 4-й ранг, в переводе она так и передана: «чины 4-го ранга».

3) По тем же соображениям взяты как ранги обозначения должности: *сютэн* и *дайсютэн* — чины 4-го ранга; *сёханган* — чины 3-го ранга.

Ст. 4. В этой статье речь идет о тех случаях, когда ранг и должность не совпадают, т. е. когда ранг высокий, а должность сравнительно незначительна (как, например, в случае *гэ*) или когда ранг небольшой, а пост крупный (как, например, в случае *сю*). Об этих служебных званиях см. закон о должностях.

Ст. 5. О различных видах преступлений см. кодекс Тахорё, раздел XIV, ст. 56, а также раздел XXIX, ст. 27.

Ст. 9. Номенклатура чинов и должностей в Тайхорё отличается исключительной сложностью, ввиду чего дать здесь объяснение их не представляется возможным, а для целей данной работы и не нужно.

Ст. 10. Статья исключительной важности, поскольку она устанавливает по существу новый вид надела — землю вместе с крестьянским двором. Такое предоставление двора носит название «*фуко*». Само же предоставление именуется «*дзикифу*». Соответственно положению тех лиц, коим такие дворы придаются, такое предоставление делится на следующие виды:

1) *хомпу* — пожалования принцам;

2) *ифу* — ранговые пожалования (особам трех высших рангов);

3) *сикифу* — должностные пожалования.

Как выясняется из статей 13 и 14, к этим трем видам необходимо добавить еще два:

4) *кофу* — пожалования за заслуги;

5) *гонфу* — храмовые пожалования.

¹⁷ См. статью Танака Сакудзиро в «Кокугаку-дзасси», т. IV, № 5.

НАДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА В КИТАЕ

ВВЕДЕНИЕ

Один из самых важных и, как нам кажется, поворотных моментов в истории Китая — это период, наступивший вслед за падением Ханьской империи (220 г.) и продолжавшийся вплоть до образования Суйской (589 г.), а точнее — Танской империи (618 г.), поскольку действительно прочное установление государственного единства Китая после длительной полосы распада его на отдельные части произошло только при основателях Танской империи — Ли Юане и его сыне — Ли Шимине. Иначе говоря, это период как бы промежуточного характера: между падением великой империи древнего Китая — Ханьской — и возникновением первой великой империи средневекового Китая — Тан. В течение четырех столетий образовались те экономические, социальные и политические установления, а также идеологические концепции, которые затем легли в основу танского строя, а вместе с тем и в основу всей танской культуры. Как нам представляется, по своей природе они глубоко отличны от тех, на которых зиждился строй Ханьской империи.

Новая форма аграрного строя впервые сложилась в конце V в. в Северовэйском царстве и со времен Суйской империи, т. е. с конца VI в., распространилась на весь Китай. Как известно, в устах его законодателей, а в дальнейшем и историографов она получила наименование «равных полей» (*цзюнь тянь*), т. е. равных земельных наделов. Для краткости мы будем называть этот порядок уравнительного землепользования просто наделной системой. Возможность именно такого словоупотребления обуславливается не только правовым положением земельных участков, находящихся у населения в качестве наделов государства, но и самой терминологией: в период Тан участки так и назывались наделами. Такая же система была с середины VII в. введена в Японии, а со второй половины того же века — и в Сицзян, государстве, объединившем под своей властью почти весь Корейский полуостров. Надельный строй установился в этих странах также в поворотные эпохи их исторической жизни: на переходе от древнего общества к средневековому. Таким образом, с VII в. во всех трех странах Восточной Азии установился — с некоторыми местными различиями — в общем один и тот же социально-экономический и государственно-политический строй.

В работе «Надельная система в Японии» я писал: «Во-первых, необходимо выяснить, что такое надельная система сама по себе, каково ее конкретное содержание и как она должна быть определена с точки зрения социально-экономической сущности; во-вторых, необходимо выяснить ее историческое место в двойном смысле: из чего и под влиянием каких факторов она исторически выросла и чем сменилась (опять-таки

под влиянием каких исторических причин)»¹. Там же я указывал, что по моему мнению, решению второй задачи должны предшествовать два подготовительных исследования: а) изучение дотайковского строя, обычно именуемого «эпохой разложения родового общества»; б) изучение наделной системы в Китае, в особенности в эпоху Суй и Тан, а также в Корее.

В настоящей статье мне и хотелось бы дать некоторый материал по последнему вопросу. Само собой разумеется, я ни в коей мере не претендую на исчерпывающее освещение темы: это дело историка — специалиста по Китаю. Однако, как мне думается, сравнение с этим материалом не будет бесполезно для изучения истории Китая, поскольку дает некоторое дополнительное освещение одного из важнейших периодов его истории. Меня побуждает и давнишнее, все более и более крепнущее убеждение, что наделная система представляет собой одну из характерных форм восточноазиатского феодализма, которую на определенном этапе своей истории проходили и Китай, и Корея, и Япония. Именно с данной точки зрения я и рассматриваю все известные мне данные о наделной системе в Китае, и она представляет собой то новое, что хотелось бы ввести в научный оборот. Окончательному разъяснению вопроса будет посвящена особая работа после того, как мне удастся изучить материал по наделной системе в третьей стране Восточной Азии — Корее.

* * *

Выбор хронологических рамок обусловлен следующими историческими данными. Известно, что уже основатель Цзиньской империи — У-ди декретировал так называемую систему *чжань тянь*. О ней говорят иногда, что это была попытка восстановить тот земельный строй, который существовал в древнем Китае под названием «колодезная система» (*цзинь тянь*) и который был отменен знаменитым Шан Яном. Однако даже независимо от того, признавать ли существование этой системы или нет, такой взгляд, как мне кажется, сугубо антиисторичен. Если тут и может быть проведена какая-нибудь аналогия, то исключительно формальная. Само же содержание цзиньского аграрного строя обладает, по моему, признаками, отличными от колодезной системы по существу. Именно от аграрного законодательства Цзиньской империи тянется та нить, которая в дальнейшем привела к системе уравнительного землепользования Северовэйского государства, к так называемой системе *цзюнь тянь*, в свою очередь послужившей источником аграрного законодательства и Северного Ци, и Северного Чжоу, и Суй, и Тан.

По поводу цзиньской системы иногда высказывается сомнение в том смысле, что она якобы была только намечена, но никогда не была осуществлена на деле. Согласиться с этим, однако, никак нельзя по двум причинам. Если бы законодательство У-ди было пустым юридическим упражнением, не было бы никаких оснований, чтобы оно в дальнейшем развивалось. А об его совершенствовании говорят постановления, касающиеся системы *чжань тянь*, изданные в правление восточноцзиньских императоров Чэн-ди, Ай-ди, Сясу-ди. Характерно, что их указы не начинают всего дела заново, а вносят лишь отдельные коррективы в общую картину земельного строя. И странно было бы предположить, будто могли исправляться и изменяться подробности и детали того, что не существует вообще. Кроме того, как будет видно из дальнейшего,

¹ См. настоящий том, стр. 75.

само содержание цзиньской системы (как она была декретирована) в своей основе близко к тому, что было установлено юридически и что существовало в действительности в дальнейшем — при Северном Вэй, Суй и Тан. Странно сомневаться в возможности фактического осуществления подобного порядка и раньше, тем более что реальные исторические условия это вполне допускали. Итак, я считаю вполне возможным начинать рассмотрение надельной системы в Китае с периода Цзинь (III в. н. э.), точнее, с правления У-ди.

Концом надельной системы приходится считать VIII век. Принято думать, что именно мятеж Ань Лу-шаня в 755 г. знаменует собой конец системы *цзюнь тянь*. Действительно, после этого мятежа, потрясшего всю Танскую империю, можно наблюдать полный упадок надельной системы. Однако, если отыскивать в истории ее юридический конец, то таковым придется признать 780 год — год издания закона о «двух налогах» (*лян шуй*), окончательно ликвидировавшего последние, даже формальные остатки системы *цзюнь тянь*. Таким образом, устанавливаются две юридические даты надельной системы: дата начала — декреты цзиньского У-ди и дата конца — декрет о «двух налогах» танского дэ-цзуна в 780 г. Все это и заставляет считать началом системы конец III в., концом же — середину VIII в.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА ВВЕДЕНИЯ НАДЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Распад Поздней Ханьской империи происходил в обстановке непрерывных крестьянских мятежей, бывших ответом крестьян на усиление феодального гнета; усилившихся междоусобиц феодалов, стремившихся укрепиться за счет друг друга; непрекращающихся набегов кочевых племен, окружавших китайскую территорию с севера и запада и пользовавшихся каждым случаем ослабления Китая для своих опустошительных вторжений; наконец, частых стихийных бедствий, приносивших с собой голод и мор. Политические потрясения сопровождались уничтожением материальных ценностей, разрушением хозяйства, гибелью людей, сгоном значительных масс крестьянства и — как следствие этого — уменьшением трудового земледельческого населения и опустением земель.

Насколько велико было уменьшение населения, свидетельствуют дошедшие до нас статистические данные. В 156 г., в период еще относительного благополучия, общее число дворов на контролируемой ханьским правительством территории составляло 16 070 906 с населением 50 066 856 человек. По переписи же 280 г., т. е. к моменту образования Цзиньской империи, число дворов составляло 1 473 433 с населением 7 672 881 человек. Не подлежит сомнению, что такое падение цифры населения с 50 млн. до 7,5 млн. человек отнюдь не означает реального уменьшения населения. В обстановке того времени проведение переписи было делом далеко не легким: значительное число жителей могло быть не учтено. Но все же даже при самой серьезной поправке на недостатки учета нельзя не видеть в этих цифрах отражение сильного сокращения численности населения. «Страна обширна, а населения — мало», — пишет один современник — Чжун Цан-гун (179—219 гг.)

Время между падением в 220 г. империи Хань и образованием в 589 г. империи Суй, а затем в 618 г. империи Тан носит в китайской историографии общее наименование «Лю чао», т. е. «Шесть дворов» или «Шесть правительств». Название

это возникло в кругах тех средневековых китайских историографов, которые, изучая историю этого четырехсотлетнего периода, заполненного междоусобной борьбой, вторжением инородных племен и захватом ими отдельных частей территории Китая, со сложнейшей картиной возникновения и распада на этой территории различных государств, стремились найти в этом сложном процессе какую-то единую линию истории китайского народа — как они ее понимали. Понимали же они ее в духе идеи о непрерывной преемственности государств, создаваемых на своей территории китайским народом, преемственности правивших династий. Отправным пунктом этой преемственности в данном случае служила Ханьская империя, которая в глазах таких историографов как бы олицетворяла все китайское. Недаром наименование *хань жэнь*, т. е. ханьский человек, «ханец», очень долго служило обозначением китайца. Недаром китайская письменность именуется до сих пор *хань цзы*, т. е. «ханьские знаки», «ханьское письмо». Недаром китайская литература — художественная, историческая, философская и всякая иная — и в Японии и в Корее всегда именовалась и именуется до сих пор «ханьской». Иероглифическая письменность — *камбун* — японское произношение китайского выражения *хань вэнь* («ханьское письмо»), слово «ханмун» в корейском произношении означает то же самое. Именно ввиду авторитета древней империи Хань подлинно китайским считалось лишь то, что шло от нее. Продолжением истории китайского народа после Хань признавалась история лишь тех государств и династий, которые принимались за преемников Хань, как бы передававших друг другу это историческое наследство.

Естественно, что при таком подходе эти историографы-легитимисты, как их можно назвать, исключали из истории китайского народа все «варварские» царства, возникавшие в рассматриваемый период в северной половине Китая. Не получили признания и три небольших государства, созданные в эпоху «варварских» завоеваний в Северном Китае даже самими китайцами: Цянь-Лян (302—376 гг.), Си-Лян (400—421 гг.) и Бэй-Янь (409—435 гг.). Признанию их мешала, по-видимому, не их историческая эфемерность, а их оторванность от главной линии государственной жизни китайского народа. Эту линию находили в другом месте. Самую большую трудность в определении такой искомой преемственности представляла обстановка, создавшаяся в стране сейчас же вслед за падением Хань. Ханьская империя распалась на три государства: Вэй — на севере, У — на юго-востоке, Шу-Хань — на юго-западе. Какое же из этих трех государств было «законным» преемником Хань? Именно этот вопрос и представил для историков-легитимистов наибольшую трудность.

Первый ответ — в то время еще не осложненный всякими легитимистическими соображениями — дал первый историк «Троецарствия», Чань Шоу, бывший в молодых годах сам свидетелем событий этой бурной эпохи. В своем знаменитом сочинении «Сань го чжи» («Описание Трех царств») он явно считает Вэйское царство преемником Хань, основываясь, вероятно, на том, что оно как бы непосредственно продолжило собой павшую империю; оно возникло в самом центре этой империи, сохраняло ту же столицу, весь аппарат управления. Вся перемена свелась в сущности к одному — к перемене правителей; вместо представителей хоу-ханьского дома на престол вступил представитель одного из знатных домов империи — дома Цао. Смена правящих домов произошла без борьбы; последний император хоу-ханьской династии — Сянь-ди, давно уже потерявший всякую фактическую власть, был легко устранен с престола, формально с предоставлением подходящего титула и имущественных благ.

Не так посмотрели на этот факт последующие историки. Знаменитый философ и историк времен Сунской империи Чжу Си, этот подлинный основатель китайского легитимизма, в своей исторической работе «Цзы чжи тунцзянь ганму» оценил захват власти домом Цао как узурпацию, а законного преемника ханьских императоров он видел в Лю Бэе, основателе другого из «Трех царств» этого периода — Шу-Ханьского. Основанием для этого послужило, вероятно, его отдаленное родство с ханьским домом. Нашлись сторонники и третьего государства — юго-восточного царства У.

Следует сказать, что среди последующих историков-легитимистов получила преобладание точка зрения Чжу Си. Основная линия китайской истории у них чаще всего проводится от Хань именно к Шу-Хань.

Законность империи Цзинь, на короткое время — всего на полстолетия (264—317 гг.) — снова объединившей весь Китай, т. е. как бы восстановившей Ханьскую империю, не подвергалась сомнению. Ореол «законной наследницы» Хань сохранился за Цзинь, и, когда эта, сначала всекитайская, империя в 317 г. превратилась в южно-китайское государство Дун-Цзинь, потеряв весь север, завоеванный иноподчиненными племенами, этот ореол распространился и на преемников Цзиньской империи — на те правящие дома, которые последовательно сменяли друг друга на престоле Восточно-цзиньского царства. Новые династии каждый раз давали новое наименование всему государству, и поэтому история отмечает последовательно смену на юге пяти государств, считая Дун-Цзинь, а именно: Дун-Цзинь (317—419 гг.), Сун (420—478 гг.), Ци, или Нань-Ци (479—501 гг.), Лян (502—556 гг.) и Чэнь (557—589 гг.). Если прибавить к этим пяти одно из двух южных государств времен Троецарствия — Шу-Хань или У, то и получится «Лю чао», т. е. «Шесть правительств», которые последовательно передавали друг другу ханьское наследство. История этих «Шести дворов» и стала в глазах историков-легитимистов продолжением истории Хань в течение четырех столетий — от падения империи в 220 г. до объединения Китая под властью суйского дома в 589 г., а по отношению к быстро исчезнувшей империи Суй только как к начальному этапу этого объединения до появления империи Тан, т. е. до 618 г.

Это не означает, однако, что из поля зрения историографов совершенно выпала история Северного Китая. Об этой истории повествуется столь же подробно, как и об истории государства юга. Только история северных государств периода «Лю чао» рассматривается как бы за пределами истории собственно китайского народа, а сами эти государства признаются как бы «ненастоящими».

Очень ярко такая концепция проявилась, например, у Лю Яня, издавшего в мянскую эпоху в своей обработке известный «Краткий свод восемнадцати историй» («Ши ба ши люэ») — работу Цзэн Сянь-чжи, появившуюся в начале юаньской эпохи, т. е. в конце XIII в. Третий том этого «Краткого свода» Лю Янь озаглавливает «Хань», приложение — «Два лжегосударства — Вэй и У». Термин «Лю чао» стал общепринятым для обозначения периода от падения Хань до возникновения Суй.

Перед всякой властью, желающей устоять в междоусобной борьбе и в борьбе с внешними врагами, стояла прежде всего экономическая проблема: необходимо было укрепить сельское хозяйство — основной в условиях того времени источник богатства страны. Понятно, что усилия правителей трех новых царств, возникших на территории империи Хань, — Вэй, У и Шу, особенно Вэйского, были направлены именно в эту сторону. Одно из мероприятий по стимулированию развития сельского хозяйства следует видеть в стремлении запретить уплату налогов и сборов деньгами (оно частично практиковалось в Ханьской империи); все налоги должны были вноситься продуктами сельского хозяйства. В Вэйском государстве пошли довольно далеко: в 221 г., т. е. сразу после образования самого царства (220 г.), был издан указ, прямо запрещающий всякое обращение денежных знаков и приказывающий даже всю торговлю вести на зерно и ткани.

Таким образом, была сделана попытка установить натуральный характер товарообмена и вообще укрепить натуральное хозяйство. Поэтому, хотя временами кое-где и продолжала чеканиться монета, развитие денежного хозяйства в общей экономической системе феодализма прекратилось, и в течение почти четырех столетий, начиная с «Трех царств» до Суй включительно, т. е. с первой половины III в. по начало VII в.,

в так называемый период «Лю чао», в тогдашнем Китае почти полностью господствовало чисто натуральное хозяйство и единицей ценности при обмене служили зерно и ткани, т. е. продукты земледелия и деревенского промысла. Однако одно это мероприятие — запрещение денег — оказалось недостаточным. Разрушенное сельское хозяйство не могло поставлять правящему классу те блага, которых он домогался. Поэтому приходилось думать прежде всего об обеспечении самой возможности их получать, иначе говоря — о мерах по укреплению сельского хозяйства, прежде всего увеличению обрабатываемой площади. Для этого же необходимо было вернуть разбежавшуюся часть земледельцев на землю и как можно надежнее привязать их к ней, равно как и тех, которые продолжали на ней сидеть. Вместе с тем для гарантии действительной обработки земли необходимо было поставить земледельческое население под самый строгий контроль государственной власти. Надо думать, что государственная надельная система и была сочтена наилучшим способом разрешения насущной задачи.

Сажая земледельцев на государственные наделы, правящий класс сразу достигал нескольких целей: во-первых, происходило фактическое прикрепление крестьян к земле, так как бросать предоставленные участки и уходить куда-либо, как правило, не разрешалось; во-вторых, организация работ под контролем государственной власти с обязательством уплаты налога практически означала введение принудительного труда; в-третьих, системой эксплуатации охватывались все массы трудового населения, поскольку наделение землей носило (по крайней мере в принципе) всеобщий характер; в-четвертых, эксплуатация оказывалась весьма эффективной благодаря своей (в доступной для феодального строя мере) организованности. Кроме того, установлением тех или иных видов налога — важнейшей для феодальных эксплуататоров стороны надельной системы — можно было заставить население производить именно то, в чем нуждалась правящая верхушка, в чью пользу налоги поступали. Именно этим были вызваны требования разведения тутовых деревьев и других промышленных культур, а также развития ткацкого промысла. С помощью надельной системы можно было регулировать сельское хозяйство и развивать его в нужном для правящего класса направлении.

Необходимо отметить еще одну сторону надельной системы. Получение земельных участков и необходимость в связи с обложением и контролем со стороны власти старательно обрабатывать их, а также заниматься ремеслом создавали предпосылки для известной устойчивости материального положения крестьян. Их наделы были весьма ограничены в своих размерах, но все же этот минимум как-то гарантировался властями. Тяжкое, но в какой-то мере определенное законом бремя государственных налогов было все же менее разорительным для крестьян, чем никак не регулируемый произвол отдельных феодалов. Это обстоятельство и обеспечило на известное время терпимость крестьян по отношению к надельной системе и ее экономический успех. Если судить по одному признаку — численности населения, то проявления подъема экономического благосостояния были налицо: по переписи 280 г., т. е. в период расцвета Цзиньской империи, впервые в какой-то мере осуществившей аграрную реформу, число дворов составляло 2 459 840, населения — 16 103 863 человек. Если сравнить эту последнюю цифру с 7,5 млн. начала III в., то даже при самом осторожном отношении к этой, безусловно значительно занижающей действительное число населения, цифре рост его все же несомненен.

Первые следы озабоченности правителей состоянием сельского хозяйства проявились, как и следовало ожидать, сейчас же после образования на развалинах Ханьской империи трех упомянутых царств. В одном из них — Вэй, занимавшем центральную, наиболее богатую и культурную часть китайской территории, по-видимому, много думали, как справиться с хозяйственной разрухой. «История Вэй» («Вэй шу») сохранила свидетельство о том, как один из сподвижников Цао Цао, основателя Вэйского государства, Сыма Лан, поднял вопрос о восстановлении «колодезной системы», т. е. той системы организации крестьянской общины с отработочной повинностью в пользу государства, которая, как всегда считалось в Китае, существовала в древности, в период Чжоуского царства. В глазах Сыма Лана ценность этой древней системы заключалась главным образом в том, что при ней у каждого человека было наследственное занятие и оторвать его от этого занятия было трудно. Иначе говоря, существовала известная устойчивость сельского хозяйства, обеспеченная устойчивостью земледельческого населения. Это соответствовало мечтаниям правителей Вэй и фактически в те времена было необходимо для упрочения хозяйства. Временам Чжоуского царства Сыма Лан противопоставлял свое время и с горестью констатировал: «В настоящее время после всех беспорядков население рассеялось, и у земли нет более хозяина». Его слова подтверждают упомянутое выше: крайнее уменьшение постоянного земледельческого населения и запустение земель. У Сыма Лана проскальзывает одно замечание, которое указывает, на что рассчитывали тогда, думая «восстанавливать» государственно-обязанную и находящуюся под контролем государства общину. Этой общине необходимо было предоставить землю. Государство должно было иметь в своем распоряжении какой-то земельный фонд. Но откуда он мог образоваться? На этот вопрос и дает ответ Сыма Лан. После слов «у земли нет более хозяина», он пишет: «Таким образом, вся земля обратилась в государственную». И далее: «Поэтому и надлежит воспользоваться этим случаем и восстановить колодезную систему». Становится ясным, из каких источников собирались давать землю — из фонда бесхозной, заброшенной земли; ясной становится и та правовая база, на которой должна быть построена проектируемая община: ей предоставлялась «государственная земля».

Организация крестьянской общины в том виде, в каком она изображена в «Мэн цзы», в III в. н. э., как показал ход истории, оказалась невозможной. При Цао Цао все дело ограничилось введением зернового налога с му земли и налога тканями с каждого двора. Вместо колодезной системы была введена система государственного прикрепления всей массы крестьян к земле путем предоставления им определенных участков государственной земли с обязательством ее обработки и внесения налогов. Однако для такой операции, имеющей своим объектом, в сущности, всю основную массу населения, нужна была и особая организация правящего класса, обеспечивающая саму возможность создания такой системы массовой эксплуатации и — особенно на первых порах — наличие крупной военной силы.

Вэйское государство не справилось с этой задачей. Для проведения подобной реформы необходимо было создать сильную центральную власть; вместо этого оба первых вэйских государя, У-ди (Цао Цао) и Вэнь-ди, насаждали отдельные крупные феодальные владения, раздав земли членам правящего дома и главнейшим вассалам. Фактическая власть была в руках местных феодальных магнатов, и об организованном проведении

такого мероприятия, как наделная система, на всем пространстве государства нечего было и думать. Также не удалось этого сделать и в двух других государствах периода Троецарствия. И только с образованием в 265 г. на месте этих трех распавшихся государств империи Цзинь, объединившей в 280 г. под своей властью всю территорию тогдашнего Китая, была сделана первая попытка проведения мероприятий в духе наделной системы.

НАДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРИ ЦЗИНЬ ²

Если проанализировать весь комплекс законоположений, из которых сложилась наделная система в период Цзинь, то в основе ее можно обнаружить следующие принципы. Порядок раздачи государством земельных наделов населению подразумевает раздачу земли, считающейся государственной, даже в том случае, если бы и не было специального провозглашения этого принципа. Поскольку же наделению землей подлежало — по крайней мере, согласно общему положению — все население, постольку выходило, что не какие-нибудь отдельные участки, а вся земля рассматривалась как принадлежащая государству. Несомненно, официально или молчаливо установленный принцип государственной собственности на землю служит основной и необходимой правовой базой всей и всякой наделной системы, где бы она ни появлялась — в Китае, в Японии или в Корее. Этим самым создается одна из предпосылок для рассмотрения цзиньского земельного строя в свете общей концепции наделной системы. Но, конечно, факт государственной собственности не является единственно решающим и даже не характерным единственно для нее: он получает значение только в соединении с остальными признаками.

Второй общей чертой земельного строя Цзинь следует считать принцип раздачи населению земельных участков для обработки. На продукцию, получаемую с них, население должно было существовать. Раздача наделов, таким образом, служит основным специфическим признаком наделной системы.

Третий общий принцип — это выплата населением государству части дохода за полученные наделы. Эта оплата, судя по историческим примерам, вообще могла осуществляться различными способами: отработкой в пользу государства определенного участка земли или отдачей части продукции, получаемой с предоставленного поля. При Цзинь было выбрано первое: каждый, получавший надел для себя, должен был наряду с этим обрабатывать соответствующий, предоставленный ему для этого участок для государства и отдавать всю получаемую продукцию государству. Это обязательство отплаты — также необходимый признак наделной системы. Таковы три основных общеправовых принципа цзиньской наделной системы. Из них вытекают все остальные.

Поскольку землю для обработки можно было и имело смысл — с точки зрения государственной — давать только тем, кто мог ее обработать, постольку государство и предоставляло наделы только трудоспособным и в меру трудоспособности каждого. Это же, в свою очередь, приводило

² Сведения о наделной системе при Цзинь заимствованы в основном из «Цзинь шу», главным образом из раздела «Шихо чжи». См. «Цзинь шу» в издании «Эр ши ши» («История 25 династий»), т. II, стр. 80/1154.

к необходимости установить признаки трудоспособности вообще и ее градации. Естественно, что таким признаком в первую очередь оказывался возраст.

Согласно цзиньской системе трудоспособными считались мужчины и женщины в возрасте от 13 до 65 лет. Дети и подростки до 12 лет включительно и старики в возрасте от 66 лет и старше считались нетрудоспособными. В то же время государство принуждено было признать, что трудоспособность людей в возрасте от 13 до 65 лет бывает в разные годы различна: с одной стороны, менее работоспособными должны быть признаны еще подростки, с другой — уже приближающиеся к старческим годам. Поэтому закон в общее понятие трудоспособности вносил особые дополнительные признаки: понятие полной трудоспособности и неполной. Таким образом, трудоспособный возраст оказывался расчлененным на три части: полностью трудоспособными считались мужчины и женщины в возрасте от 16 до 60 лет, не полностью трудоспособными — в возрасте от 13 до 15 лет включительно и от 61 до 65 лет.

Презнавая зависимость трудоспособности от возраста, государство не могло не признать ее зависимость и от пола. Естественно, что более трудоспособными считались мужчины. Таким образом, если попробовать выразить соотношение трудоспособности мужчины и женщины так, как это представлялось законодателю периода Цзинь, то получаются следующие цифры: если степень трудоспособности мужчины принимать за 100%, то степень трудоспособности женщины будет равняться 40—43%.

Законодатель принципиально различал предоставление надела для пользования населения и предоставление участка для обработки в пользу государства. В первом случае государство как бы допускало возможность плохой обработки предоставленного поля, может быть, даже временного оставления его без всякой обработки. Поскольку такое поле предоставлялось населению для него самого, оно само и должно было быть заинтересованным в его обработке. Но допускать такую возможность по отношению к казенному полю государство не могло, ибо она угрожала основному источнику государственных доходов. Поэтому, заставляя население обрабатывать в пользу государства казенное поле, государство желало иметь максимальную гарантию его обработки. Такую гарантию оно видело прежде всего в том, чтобы эти поля обрабатывались людьми максимально трудоспособными. Поэтому оценка трудоспособности была одной (более мягкой) при раздаче наделов для населения и другой (более жесткой) при раздаче полей для обработки в пользу государства.

Таким образом, общими принципами наделной системы при Цзинь были:

- государственная собственность на землю;
- предоставление населению земли в порядке временных наделов;
- требование выплаты или отработки государству за предоставленные наделы.

Этими общими принципами определялись другие, представляющие собой дальнейшее развитие первых:

установление понятия трудоспособности вообще и степени этой трудоспособности в зависимости от пола и возраста;

установление зависимости размеров предоставленных наделов от трудоспособности вообще и степени трудоспособности в частности;

установление различного отношения к наделам, предоставляемым для покрытия потребностей самого населения, и к наделам, предоставляемым для покрытия потребностей государства.

На основе этих положений сложилась конкретная картина цзиньского земельного законодательства:

нетрудоспособное население, т. е. мужчины и женщины в возрасте моложе 12 лет и старше 66 лет, не получали ни земельных наделов для себя, ни участков для обработки в пользу государства;

трудоспособное население, т. е. мужчины и женщины в возрасте от 13 до 65 лет, получали: 1) наделы для собственного пользования в размерах, соответствующих степени своей трудоспособности в зависимости только от пола, а именно: мужчины участок в 70 му, женщины — участок в 30 му; 2) участки для обработки в пользу государства в размерах, соответствующих степени трудоспособности в зависимости от пола и от возраста, а именно полностью трудоспособные, т. е. мужчины и женщины в возрасте от 16 до 60 лет, получали: мужчины 50 му, женщины 20 му; из не полностью трудоспособных, т. е. лиц в возрасте от 13 до 15 и от 61 до 65 лет, такие участки получали только мужчины — в размере 25 му, женщины же не получали вовсе.

Предоставляя населению для его нужд земельные участки, государство не ограничивалось, однако, только тем, что заставляло население обрабатывать заодно и участки для казны. Помимо этого, оно требовало и подать — продуктами сельскохозяйственного промысла, в первую очередь тканями. Объектом обложения при этом было не отдельное лицо, а двор, по той причине, что разведение тутовых деревьев предполагало длительную совместную работу целой группы, было связано прежде всего с семьей, крестьянским двором в целом. Однако и здесь государство считалось со степенью трудовых возможностей двора и в зависимости от них определяло и размер подати. Считалось, что для хозяйства, во главе которого стоит хозяин в полном трудоспособном возрасте, податная ставка может быть большей; для хозяйства же, во главе которого стоит мужчина в возрасте не полностью трудоспособном, или женщина-хозяйка, ставка должна быть меньшей. Поэтому в первом случае полагалось вносить в казну 3 пи шелковой материи *цзюань* и 3 цзинь шелковой пряжи, во втором случае — половину этого количества.

Помимо обязательства отработки казенного поля и обязательства вносить подать тканями, население несло еще трудовую повинность: оно привлекалось к общественным работам. Такими работами считались всякого рода строительные работы, а также проведение, ремонт и содержание оросительных сооружений, мероприятия по осушению почвы, по борьбе с разливами рек и т. п. Закон должен был, конечно, как-нибудь регулировать привлечение к такой повинности. В Восточноцзиньском царстве, в которое превратилась с 316 г. империя Цзинь после отхода от нее всей северной части страны, был установлен срок, на который население призывалось к несению этой трудовой повинности, — 20 дней в год. Однако на деле этот срок, по-видимому, не соблюдался, как не ограничивался только перечисленными работами список повинностей поданных. Нечего и говорить, что к их числу должна быть отнесена и воинская служба.

Цзиньская система подвергалась в дальнейшем различным изменениям и при этом кардинальным, меняющим в значительной мере самое ее лицо. Таким изменением должна считаться реформа, проведенная в правление восточноцзиньского Чэн-ди. При нем был введен земельный налог в размере 3 шэн зерна с 1 му. При Ай-ди этот размер был понижен до 2 шэн с 1 му. По сути дела, этот закон вводил совершенно новый порядок уплаты — земной налог вместо отработки, и, как мы видим

из последующей истории, именно этот порядок в дальнейшем стал одним из краеугольных звеньев надельной системы.

Реформа Чэн-ди и Ай-ди устанавливала исчисление налога с земельной площади. При Сясу-ди это положение было изменено в том смысле, что налог стал исчисляться не с площади, а с человека: стали взимать 3 ху зерна с человека; в дальнейшем эта ставка была повышена до 5 дань.

Земельный строй при Цзинь еще не совсем ясен. Наиболее понятна та его часть, которая касается земельных наделов. Но и здесь источники не полны; неизвестно решение вопроса об остальном, нераспределенном земельном фонде; наделах чиновников; участках, прикрепленных к правительственным учреждениям; специальных пожалованиях земель и т. д. Еще более туманно положение с податями. Впоследствии, как мы знаем, взимание податей тканями было соединено с предоставлением особых земель для разведения тутовых и других деревьев. Непонятно, как (по крайней мере юридически) решалась эта проблема при Цзинь. И вообще нет четкости в самом порядке взимания податей. В дальнейшем мы видим, что не только шелк был предметом податей, но и холст. Нет определенности и в вопросе о повинностях.

Все это заставляет считать цзиньскую систему лишь первым шагом на пути к установлению надельной системы в том ее законченном виде, который она получила в V—VI вв. в Северовэйском царстве. В цзиньской системе, по-видимому, присутствуют элементы, идущие еще с прежних времен; многое, вероятно, не подвергалось регламентации законом. Но все же основные юридические предпосылки, отличающие надельную систему, уже были созданы: государственная собственность на землю, соединенная с раздачей этой земли населению в порядке подушных наделов и со взиманием за это с населения натуральной оплаты. Цзиньская система обнаружила колебания в установлении форм этой оплаты: от отработки казенного поля она перешла к простому земельному налогу. Последняя форма стала потом классической. Далее: цзиньская система если и не разработала во всей полноте, то во всяком случае четко наметила ту триаду повинностей, которая стала классической для надельной системы вообще: зерновой земельный налог *цзу*, подать продуктами сельскохозяйственного промысла, в первую очередь тканями, *цзяо* и трудовая повинность *юн*. Все это и заставляет начинать рассмотрение истории надельной системы именно с Цзинь.

Историческая обстановка не позволила новым земельным порядкам укрепиться и развиваться в период Цзиньской империи. Этому мешала феодальная раздробленность. Она не только не ослабла после объединения страны под властью одного правящего дома, но даже усилилась из-за политики предоставления отдельным членам этого дома целых областей в управление. Серьезных попыток создать крепкую централизованную власть не делалось. Очень скоро страна оказалась ареной всяческих междоусобиц. Известный «мятеж восьми князей», разыгравшийся в 300 г., свидетельствовал о слабости единства Цзиньской империи.

Могущество Цзиньской империи подрывалось и с внешней стороны: борьбой с кочевниками, особенно усилившими свои опустошительные набеги именно в это время, пользуясь ослаблением государства. Ареной таких вторжений был Северный Китай, который в 316 г. полностью выпал из-под власти цзиньских императоров. Там возникали различные «варварские» государства, обычно существовавшие весьма недолго и быстро сменявшиеся другими. Цзиньская империя была отеснена на

восток и затем на юг и просуществовала под наименованием Восточной Цзинь в качестве южнокитайского государства до 420 г., продолжая в дальнейшем существовать под другими названиями — по имени сменявших друг друга династий. На севере же после длительной полосы варварских вторжений и взаимной борьбы одному из крупных маньчжуротунгусских племен — сяньбийцам, предводимым энергичным вождем Тобагуем, удалось в 386 г. образовать устойчивое государство — царство Северное Вэй, просуществовавшее до 556 г. На территории этого «варварского» королевства и была проведена «система уравнительного землепользования».

НАДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРИ СЕВЕРНОМ ВЭЙ³

Условия, создавшиеся на этой территории, напоминают обстановку, при которой — после падения империи Хань — стала ощущаться необходимость в проведении значительных аграрных мероприятий. Весь край был разорен опустошительными набегами кочевников, постоянными войнами с ними, частыми засухами. Часть населения погибла, часть перебралась в другие, более спокойные районы, главным образом в южную часть страны — на территорию, оставшуюся под властью империи Цзинь, часть разбежалась по окраинам. В результате образовалась масса пустующих земель. С другой стороны, сяньбийцы на первых порах обладали обычной для кочевников в период их завоевательных походов крепкой военной организацией, делавшей их грозной силой. Кроме того, кочевники в своих действиях мало считались с местной знатью и уничтожали ее так же легко, как и всех других. Таким образом, они обладали и достаточной силой, и достаточной решительностью для проведения в широком масштабе надельной системы.

Соображения, которыми руководствовались завоеватели в своей аграрной политике, высказаны Ли Ань-ши в его докладе, рекомендуя вводить систему наделов. Он считал, что нужно добиться, «чтобы у людей не оставались свободными их силы, чтобы у земли не оставалась неиспользованной ее выгода». Эти слова свидетельствуют о стремлении взять все что можно от каждого человека и от каждой пяди земли. Правда, в том же докладе говорится, что надельная система вводится и для того, «чтобы богатствами плодородной земли владели не одни сильные, но чтобы и бедные имели свои участки». Но эти слова, с одной стороны, представляют обычную фразеологию указов верховной власти, стремившейся представить себя в свете «защитника» народа, а с

³ Данные о земельном строе при Северном Вэй заимствованы из следующих источников. Первым источником послужила «Биография Ли Ань-ши» («Ли Ань-ши чжуань»), приложенная к «Биографии Ли Сяо-бо» («Ли Сяо-бо чжуань»), помещенной в «Вэй шу». Здесь приведена докладная записка Ли Ань-ши, поданная войскому императору Сяовэнь-ди, в которой рекомендуется введение надельного строя. О следующем шаге в проведении земельной реформы говорит указ Сяовэнь-ди о введении надельной системы, помеченный 10-й лунной 9 г. Тайхэ (485 г.). Указ этот помещен в хронике «Гао-цзю Сяовэнь-ди», содержащейся в первой части VII раздела «Вэй шу».

Подробности земельной реформы, введенной указом 485 г., даны в «Вэй шу» в разделе «Шихо чжи». Именно из этого раздела и взято большинство тех конкретных данных, которые приведены в данной части настоящей работы. Разумеется, взято лишь самое важное; все детали, которых очень много, опущены. См. «Вэй шу» в издании «Эр ши у ши», т. III, стр. 281/2172 и 282/2180.

другой — имеют и вполне реальный смысл, так как в интересах завоевателей было раздать как можно больше участков мелким держателям и тем самым иметь возможно большее число объектов обложения налогами; допускать образование крупных земельных владений было отнюдь не в интересах новых хозяев страны. Как известно, доклад Ли Ань-ши был провозвестником реформы: указом 485 г. во всем Северовэйском царстве вводилась система *цзюнь тянь* — уравнительного землепользования, фактически прикрепившая крестьян к государственной земле и введшая, по существу, принудительный труд. О двух ее сторонах красноречиво говорят слова закона: «Не разрешается уклоняться от работы и предаваться безделью. Там, где земли достаточно, переходить в другое место без достаточных оснований не разрешается».

Самые общие, основные положения наделного строя, установленного в Северовэйском государстве, образовавшемся на территории Северного Китая в конце IV в. (формально в 386 г.) и просуществовавшем в качестве Западного Вэй до середины VI в. (формально до 556 г.), были те же, на которых зиждился земельный строй в империи Цзинь.

Северовэйская система окончательно отвергла отработку как основную форму выплаты за предоставленный надел и твердо остановилась на форме земельного налога, т. е. на том, к чему в конце концов пришла и цзиньская система. В этом заключается то новое, что внес в становление наделной системы вэйский аграрный режим.

Однако во всем прочем вэйская система являет исключительно много нового и своеобразного — не только в области конкретных законоположений, но и в области общеправовой базы всего строя. Прежде всего необходимо признать, что произошло изменение в отношении государства к населению: при Цзинь объектом наделения была трудоспособная личность; в Северовэйском государстве таким объектом стал налогоплательщик (ибо различались некоторые основные положения цзиньской и северовэйской систем в целом). Цзиньская — ориентировалась в первую очередь на отработочную ренту, и для нее, следовательно, была важна прежде всего фактическая трудоспособность личности. Северовэйская — ориентировалась прежде всего на земельную ренту, и для нее, следовательно, личность существовала в аспекте налоговоспособности. Это обстоятельство и представляется тем принципиально новым, что ввела северовэйская система в правовом оформлении наделной системы. Население, с точки зрения северовэйского законодательства, разделялось на две категории: платящих налог и не платящих налог. Конечно, если идти далее в анализе этого установления и выяснять, на чем основывалось это разделение, то придется снова вернуться к принципу трудоспособности: несомненно, что платить налог мог тот, кто мог работать; работать же мог тот, кто трудоспособен. Поэтому в конечном счете и вторая система исходила из принципа трудоспособности. Путь же ее установления был в общем один: если исключить лиц, фактически нетрудоспособных по особым причинам, т. е. калек, больных и т. п., то нормально нетрудоспособными оказывались, конечно, дети до 15 лет, с одной стороны, и старики с 70 лет — с другой. Северовэйская система при установлении понятия налогоплательщика в конечном счете руководствовалась признаком возраста.

И северовэйское законодательство не могло пройти мимо вопроса о степени трудоспособности. Если государство подходило к личности как к налогоплательщику, то все, что давалось такому налогоплательщику (чтобы с него потом можно было брать), должно было даваться в размере,

соответствующем его силам. С этой точки зрения законодательство делало различие между мужчинами и женщинами, считая, что первые могут сделать больше, чем вторые. Таким образом, при Цзинь для определения степени трудоспособности существовали два критерия — пол и возраст, а в Северовэйском государстве был всего один критерий — пол. И здесь сказались новые черты, внесенные в наделную систему вэйским режимом.

Стремление видеть в каждом прежде всего налогоплательщика заставляло государство учитывать и все условия, которые обеспечивали бы надлежащее поступление налогов. Приходилось учитывать и качество предоставленного участка: качество самой почвы, необходимость годового отдыха (пара) для почвы, расположение участка, степень трудности его обработки и т. п. Отсюда понятие «нормального падела» (*чжэн тянь*) и различного типа увеличенных наделов: двойного, если землю можно было обрабатывать через год, и тройного и даже четверного, если для отдыха земли требовался еще больший срок. Это — также новый элемент в режиме наделной системы. Тот же основной принцип — получение с населения налогов — заставлял государство принимать меры к созданию такой обстановки, чтобы могли поступать все виды налогов вообще. Раздача пахотных наделов обеспечивала получение зернового налога; нужно было обеспечить и поступление подати продукцией ткацкого промысла. Ввиду этого северовэйское законодательство наряду с пахотным наделом (*лу тянь*) установило и тутовый надел (*сан тянь*), как это официально называлось, т. е. участок, на котором полагалось разводить в первую очередь, конечно, тутовые деревья, поскольку шелк был не только главным предметом подати, но, по-видимому, и основной расчетной единицей для определения стоимости других видов подати. Однако помимо тутовых деревьев полагалось разводить и другие растения, имеющие промысловое значение: *юй* — вяз и *цзао* — жужуб. Так как разводить тутовые деревья было возможно не везде, то подать бралась поэтому и холстом. Населению, когда это было нужно, давались конопляные наделы (*ма тянь*) для разведения конопли, для выработки пеньки и затем холста.

Как и в цзиньском законодательстве, объектом обложения податью по-прежнему оставался двор, но уже с полным уточнением этого понятия: под двором с точки зрения взимания податей подразумевалась семья, состоящая из мужа и жены и из не имеющих еще своей собственной семьи детей. Кроме того, приходилось учитывать и потребности двора как такового, т. е. жилой постройки со служебными помещениями и огородной землей. Таким образом, был установлен еще новый вид участков — усадебная земля (*чжай ди*).

Новшества, внесенные северовэйским законодательством в общую систему наделного землепользования, как мне кажется, диктовались одним общим подходом феодального государства, т. е. феодальной бюрократии, к основной массе населения — крестьянству: крестьянина рассматривали прежде всего как налогоплательщика, и все было направлено к тому, чтобы обеспечить возможность получать налоги.

В вэйском законодательстве можно явственно обнаружить еще одну установку, имеющую также принципиальное значение. Ее можно усмотреть в существовании правила, по которому пахотные участки выдавались на двор не только по числу душ свободных, но и по числу душ несвободных, т. е. по числу рабов, имевшихся в распоряжении хозяев двора, а также по числу голов имеющегося рабочего скота, в последнем

случае, правда, с известным ограничением: не более чем на четыре головы. Это установление вводило новую черту в надельную систему, поскольку владение имуществом, каким в то время были рабы и рабочий скот, превращалось в источник получения земли. Государство, с одной стороны, признавало необходимость кормить рабов и рабочий скот и отпускало их владельцам дополнительные наделы, а с другой — стремилось получить налог не только с населения, считавшегося свободным, но и с рабов — конечно, через посредство их хозяев, — поскольку участки, выделяемые на рабов, также облагались налогом. Более того, в стремлении получить как можно больше государство облагало налогом и участки, выдаваемые на рабочий скот. Однако поскольку налоговые ставки в обоих случаях были значительно ниже обычных, постольку получалось, что государство относилось особо покровительственно к владельцам рабов и рабочего скота. А так как и то и другое было в те времена (если не считать землю) основным видом имущества, надельное законодательство в первую очередь стало выгодно тем, кто мог называться по условиям того времени богатым. Сочетание двух установок — отношения к жителям как к налогоплательщикам, с одной стороны, и одновременно создания фактических преимуществ для богатых — с другой, характерно для всей северовэйской надельной системы.

Переходя теперь от характеристики общеправовой стороны северовэйской надельной системы к изложению конкретных ее установлений, можно представить всю картину в следующем сжатом, но охватывающем все главные ее элементы виде.

I. Общие положения.

1. Вся земля в государстве представляет собственность государства и образует государственный земельный фонд, находящийся в ведении и распоряжении правительственных органов.

2. Государство предоставляет в потребном количестве землю в пользование населения в виде наделов. Их размеры соответствуют реальным возможностям обработки для каждого наделяемого и его имущественному положению. Учитывается также качество наделов, которое обеспечивало бы развитие всех основных видов сельского хозяйства, т. е. зернового, садово-огородного и промыслового.

3. Государство признает только ту часть населения, которая может быть подвергнута обложению, и не считается с теми, кто такому обложению подлежать не может. Соответственно этому наделы предоставляются только первым.

II. Категории населения.

1. Население делится на две категории:

а) плательщики налога и подати, облагаемые трудовой повинностью и получающие наделы;

б) неплательщики налога и подати, не облагаемые повинностью и не получающие наделов.

Первыми считаются мужчины и женщины в возрасте от 15 до 70 лет, вторыми — дети до 15 лет и старики от 70 лет.

2. Население, платящее налоги и вносящее подати, отбывающее повинности и получающее вследствие этого наделы, распадается на два ряда соответственно своей трудоспособности и налогоспособности:

а) мужчин, признаваемых обладающими 100-процентной трудо- и налогоспособностью;

б) женщин, признаваемых обладающими 50-процентной трудо- и налогоспособностью.

III. Виды наделов.

Соответственно хозяйственным потребностям государства наделы делятся на следующие категории:

1. Наделы пахотные (*лу тянь*).

2. Наделы промысловые (тутовые — *сан тянь* и конопляные — *ма-тянь*).

3. Наделы усадебные (*чжай ди*).

Соответственно характеру объекта, которому предоставляется надел, наделы делились на следующие категории:

1. Подушные наделы — на каждую душу свободного населения; к ним относились наделы пахотные.

2. Дворовые наделы — на двор в целом; к ним относились наделы для промышленных культур и усадебные.

3. Имущественные наделы — на рабов (рассматриваемых как вид имущества) и на рабочий скот; к ним относились наделы как пахотные, так и промысловые.

Примечание. При исчислении размеров наделов, выдаваемых на двор или на имущество, исходили также из числа свободных лиц, рабов и голов рабочего скота в каждом хозяйстве. Женщинам полагалось 50% наделов мужчин.

IV. Размеры наделов.

1. Подушные наделы:

пахотные: на душу мужского пола 40 му, на душу женского пола 20 му.

2. Дворовые наделы:

а) промысловые: 1) тутовые наделы — по числу душ: на каждую душу мужского пола 20 му, на каждую душу женского пола 10 му; 2) конопляные наделы — по числу душ: на душу мужского пола 10 му; на душу женского пола 5 му;

б) усадебные — по числу душ: на каждых трех человек по 1 му.

3. Имущественные наделы:

а) пахотные: 1) на рабов — по числу имеющих душ, в размере 40 му на душу мужского пола и 20 му на душу женского пола; 2) на рабочий скот — по числу голов, в размере 30 му на каждого вола (в пределах четырех голов);

б) промысловые (конопляные): на рабов — по числу имеющих душ, в размере 10 му на душу мужского пола и 5 му на душу женского пола.

V. Порядок раздачи наделов и возврата их в казну.

1. Подушные пахотные наделы получал каждый из свободного населения по достижении им 15-летнего возраста; возврату в казну такие наделы подлежали либо при достижении владельцем 70-летнего возраста, либо в случае его смерти.

2. Дворовые промысловые наделы получал каждый по достижении им 15-летнего возраста. Они оставались за получившим до самой его смерти, а затем — в распоряжении его семьи. Отчуждению в казну земля подлежала только в том случае, если исчезал сам двор.

3. Дворовые усадебные наделы получали только те семьи, которые заново устраивали свое хозяйство; передаче в казну они подлежали также лишь при исчезновении самого двора.

4. Наделы на имущество, т. е. на рабов и рабочий скот, выдавались соответственно числу рабов, по установленным нормам, и числу голов скота; возврату в казну эти наделы подлежали в случае утраты рабов или скота.

VI. Порядок распоряжения наделами.

1. Пахотные подушные наделы нельзя было ни продавать, ни покупать, ни сдавать в аренду, ни передавать другим лицам.

2. Установленная для промысловых участков норма считалась минимальной. Если при закреплении этих участков за двором в его распоряжении оказывалась площадь, превышающая положенное число му, эти излишки могли продаваться, или сдаваться в аренду, или передаваться другим лицам. Если двор по каким-либо причинам не имел полной нормы, можно было до нормы докупить. Категорически запрещалась только продажа из нормы, а также покупка сверх нормы.

3. Передел происходил ежегодно в первом месяце каждого года. В первую очередь надел предоставлялся беднякам, во вторую — богатым.

Такова была конкретная картина северовэйского земельного законодательства. Однако это всего лишь одна сторона наделной системы; вторая неотъемлемая ее сторона — система обложения. Сущность наделной системы вскрывается полностью только из совместного рассмотрения этих двух сторон.

Система обложения в Северовэйском царстве слагалась из трех видов обязательств населения: 1) из обязательства платить зерновой налог с пахотных наделов; 2) из обязательства вносить промысловую подать, в первую очередь тканями, получаемыми с тутовых плантаций или конопляных полей; 3) из обязательства отработки на государство определенного числа дней. Иными словами, северовэйская система прочно утверждает классическую для Восточной Азии в эпоху наделной системы триаду повинностей: натуральный земельный налог, промысловую подать и рабочую повинность.

VII. Земельный налог.

1. Принцип исчисления палого.

Земельный налог исчислялся не с площади, а с души. При этом основной единицей для всего налогового исчисления служил не отдельный человек, а чета супругов — муж и жена. Уплачиваемый ими совместно налог рассматривался как единая нормальная ставка. По этой ставке устанавливался размер налога для прочих, т. е. для неженатых членов семьи, имеющих надел, для рабов и для рабочего скота. Таким образом, получался следующий налоговый тариф:

- а) чета супругов — 1 ставка земельного налога;
- б) один неженатый член семьи (из имеющих наделы) — $\frac{1}{4}$ ставки;
- в) один раб (на которого выдан надел) — $\frac{1}{8}$ ставки;
- г) один вол (на которого выдан надел) — $\frac{1}{10}$ ставки.

Другими словами, с точки зрения налогового обложения к чете супругов приравнивались: четверо неженатых членов семьи, восемь человек рабов и десять голов рабочего скота.

2. Размеры налоговых ставок.

Размеры налоговых ставок в Северовэйском царстве не всегда были одинаковы. В основном обычно устанавливают два периода: первый — до 485 г., т. е. года окончательного законодательного закрепления северовэйской наделной системы, второй — после 485 г. Основная ставка в первый период составляла 2 ши, во второй период — 2 ши 2 доу проса.

VIII. Промысловая подать.

1. Принципы исчисления размеров подати.

Так же как и при исчислении земельного налога, основной ставкой считалась подать, вносимая четой супругов. Все прочие ставки исчисля-

лись приноровительно к этой основной. Таким образом, получался следующий тариф:

- а) чета супругов вносила 1 ставку;
- б) каждый неженатый член семьи (из числа получающих наделы) вносил $\frac{1}{4}$ ставки;
- в) с каждого раба взималась $\frac{1}{8}$ ставки;
- г) с каждого вола — $\frac{1}{10}$ ставки.

2. Размеры подати.

До 485 г. основную ставку подати составляли: 2 пи простой шелковой материи сорта *бо*, 2 цзинь шелкового хлопка сорта *сюй* и 1 цзинь шелковой пряжи *сы*. Эта подать вся целиком вносилась в общегосударственные склады. Кроме нее, полагалось вносить в хранилища, контролируемые местной администрацией (*чжоу ку*), 1 пи 2 чжан шелковой материи *бо*. После 485 г. основная ставка была увеличена до 3 пи шелковой материи *бо*. Одновременно была увеличена и местная подать — до 2 пи. Там, где тутовые деревья разводить было нельзя, вместо тутовых полей предоставлялись конопляные. В таких случаях подать вносилась холстом по норме 1 пи с четы супругов.

IX. Повинности.

Население привлекалось государством к выполнению работ, имеющих общее значение. Такими работами считались те же, что и в период Цзинь, т. е. всякого рода строительные работы, проведение и ремонт оросительных сооружений, а также осушение. Несомненно, одной из форм повинностей была и воинская служба.

* * *

Таков был в общих чертах земельный строй Северовэйского государства. Как уже было выше сказано, в нем нашли свое окончательное выражение все основные черты наделной системы. Дальнейшее законодательство царств Северного Ци, Северного Чжоу, Суйской и Танской империй только детализирует эти основные положения, дает их в еще более разработанном виде. Правда, как это будет видно из последующего, некоторые новые институты, введенные впоследствии, приводят в конце концов к совершенному изменению всего порядка и его самоотрицанию, но это обстоятельство представляется совершенно закономерным результатом конкретного исторического процесса.

Северовэйский аграрный строй вызвал к жизни институт, который, как показала история Китая, Кореи и Японии, оказался совершенно неотделимым от наделной системы как таковой и совершенно обязательным для ее существования. Этот институт — специальная административная организация деревни. Она должна была возникнуть в силу объективной необходимости. Раздача наделов, отобрание наделов в казну, сбор налогов и необходимое ведение подворных и подушных списков со всякого рода сведениями и отметками — все это требовало наличия строго определенного в административно-правовом отношении объекта, требовало точного аппарата управления. Поэтому государство не могло мириться ни с исторически сложившимися, приспособленными к иному строю формами организации деревни, ни со всякими формами «самочинной» ее организации. Ввиду этого в деревне и был введен новый административный порядок, так называемая система трех старост (*сань чжан*). Насколько тесно она была связана с вновь установленным зе-

мельным строем, насколько необходима для него, показывает тот факт, что эту новую административную организацию деревни ввели на следующий же год после декретирования наделной системы: новый земельный порядок был декретирован в 485 г., новый административный порядок — в 486 г.

Новая административная организация деревни вкратце состоит в следующем:

- 1) каждые пять соседних дворов образуют первичную административную единицу — соседскую общину *линь*;
- 2) каждые пять соседских общин образуют среднюю административную единицу — деревенскую общину *ли*;
- 3) каждые пять деревенских общин образуют самую крупную крестьянскую административную единицу — сельскую общину *дан*.

Во главе каждой из этих трех административных единиц был поставлен староста (*чжан*), на обязанности которого лежало не только общее управление делами своей общины, но и наделение земель, а также собиранье налогов и податей, наблюдение за «добрыми правами» и т. д. Иными словами, одновременно этот аппарат выполнял и контрольно-полицейские функции. Без него режим наделной системы вряд ли мог быть осуществлен.

Само собой разумеется, наделный строй должен был приспособить к себе не только низовой административный аппарат, но и весь государственный аппарат сверху донизу, поскольку земельный строй при феодализме в конечном счете предопределяет все государственное устройство в целом. Иначе говоря, при наделном строе должен быть свой собственный тип феодального государства. Такой тип, конечно, и создан. Но в данной работе не излагается в точном смысле слова история Китая, и поэтому рассмотрение государственного строя — надстройки над наделным режимом — будет произведено на примере танского государственного строя, который представляет, как мне кажется, такой же классический тип государственного строя наделной системы в Китае, каким в Японии был государственный режим периода Нара и отчасти Хэйан, в Корее — Силла.

НАДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРИ СЕВЕРНОМ ЦИ ⁴

Падение в 534 г. Северовэйского царства и быстрое исчезновение его осколков — Восточновэйского царства, просуществовавшего с 534 по 549 г., и Западновэйского царства, просуществовавшего немногим дольше, с 535 по 556 г., — не повлекло за собой ликвидацию наделной системы. Наоборот, все последующие государственные образования на территории быв-

⁴ Сведения о земельном строе в Северном Ци содержатся в «Бэй Ци шу». В седьмом цзюане этого сочинения приведен указ Учэнь-ди (564 г.), предписывающий произвести распределение наделов. Из этого указа мы узнаем об основных положениях наделной системы в то время. Однако гораздо больше сведений содержится в «Суй шу» («Истории Суй») в разделе «Шихо чжи». Данные, приведенные в этой части настоящей работы, заимствованы большей частью оттуда. Для характеристики положения с наделной системой в Северном Ци важен доклад Сун Ши-ляна, относящийся к годам правления под девизом Тяньбао Вэньсюань-ди (550—559 гг.). С этой же точки зрения имеет большое значение «Гуаньдун фынсу чжуань», помещенная в энциклопедии «Тундянь». Именно в этом источнике имеются сведения о захвате земель «сильными и богатыми».

шего Вэйского царства — Северное Ци (550—577 гг.), Северное Чжоу (557—581 гг.) — не только полностью приняли земельный строй Вэй, но и продолжали его развивать далее.

Надельная система в Североциском царстве строилась на тех же основаниях, которые наметились при Цзинь и приняли точную форму при Вэй. Однако введены были некоторые новшества, которые не только развивали ее отдельные стороны, но и привели в результате к важнейшим последствиям для всего общественного порядка в целом. Такие новшества составляли: 1) объявление промысловых (тутовых и конопляных) наделов находящимися в вечном пользовании, так называемыми вечными наделами (*юнъетянь*); 2) объявление находящимися в вечном пользовании так называемых новых полей (*кань тянь*), т. е. подвнятой нови.

Конечно, то, что устанавливалось первым законом, фактически не представлялось чем-то абсолютно новым. Безусловно, и до сих пор тутовые поля фактически были вечными наделами, если под словом «вечность» понимать срок действительного существования на данном месте двора, которому отведены эти поля. Именно этот смысл имел, по сути дела, и прежний закон, гласивший, что тутовые поля отходят в казну только в случае распада двора. Новый закон, таким образом, только давал иную юридическую формулировку существующему явлению, т. е. приводил его название в соответствие с его содержанием. Однако не нужно забывать, что понятие «вечное пользование» в правовом сознании феодализма и для всей правовой системы феодализма вообще было равносильно тому, что в другом историческом типе правосознания передается словом «собственность». При анализе правовой системы феодализма совершенно необходимо, как мне кажется, учитывать, с одной стороны, несомненное отсутствие в правосознании элементов, которые оформились в мышлении только позже — при переходе к другому социально-экономическому строю, а с другой стороны, иную словесную формулировку многих понятий, обозначающихся определенным термином, в последующие, более близкие к нам эпохи. К примеру, таких понятий, как нынешние «политика» и «экономика» в том смысле, как их создала капиталистическая эпоха, в мышлении людей феодального общества не было. Не было поэтому и таких терминов, как современные «политика» (*чжэнчжи*) и «экономика» (*цзинцзи*). Использовались только их эквиваленты, выражающие эти понятия в том смысле, в каком их могло создать и принять феодальное общество. Эквивалентом капиталистической категории «частной собственности» в эпоху наделной системы стало понятие «вечное пользование». Если принять такое толкование термина «юнъетянь», нововведение правительства Северного Ци, имеющее как будто значение чисто формальной юридической формулировки, должно рассматриваться как исключительно важный законодательный акт. Закон, по существу, официально признал частную собственность на землю. Правда, он касался только одного вида земель — тутовых наделов. Собственность на пахотные угодья оставалась за государством. Но для первого шага и того было достаточно. Допущение частной собственности на землю, хотя и чрезвычайно ограниченное и находящееся под всемерным контролем государства, все же открывало путь к присвоению земли, что и не замедлило обнаружиться со всей очевидностью.

Если первый закон (в предложенном толковании) получал очень большое значение, то исключительно важную роль имел также и второй закон, отдающий в вечное пользование новые поля. Установлено второе исклю-

чение из системы государственной собственности на землю, гораздо более существенное, чем первое. Первое коснулось участков, которые были предоставлены промысловым сельскохозяйственным культурам, второе — основы всех основ земельного строя — пахотной земли. Не будем сейчас касаться вопроса о мотивах действий администрации, о них будет речь ниже. Здесь важно отметить только, что в общей системе наделного землепользования появился участок, открывающий дорогу индивидуальному присвоению.

Наряду с этими двумя законами серьезное значение приобретает и третий закон, имеющий как будто противоположное направление. Это закон о лимитах на число рабов. Содержание его сводилось к тому, что наделы на рабов выдавались не в безграничном количестве, а только на число рабов, не превышающее определенного лимита. Лимит же этот был разным в зависимости от социального положения владельца рабов. Таким образом, были выработаны следующие лимиты:

1) принцы в звании *цин-ван* могли получать землю не свыше чем на 300 душ рабов, независимо от того, сколько они их имели в действительности;

2) принцы в звании *сы-ван* получали не более чем на 200 душ рабов;

3) принцы в звании *сы-ван* 1-го и 2-го рангов и *пинь*, *эр пинь*, а также принцы в звании *шусин-ван* — не более чем на 150 рабов;

4) лица, состоящие в рангах от 3-го до 6-го, — не более чем на 100 рабов;

5) лица, состоящие в 7-м ранге, — не более чем на 80 рабов;

6) лица, состоящие в 8-м и 9-м рангах, и прочие — не более чем на 60 рабов.

Эти ограничения представляют нечто совершенно новое по сравнению с северовэйской системой. Подобных мер она не знала. Единственное ограничение, предусмотренное северовэйским законодательством, касалось рабочего скота. Относительно наделов, выдаваемых на него, существовал лимит: не свыше чем на 4 волов, сколько бы их фактически в хозяйстве ни было. Лимита же относительно числа рабов не существовало.

Новое законодательство свидетельствует, разумеется, о стремлении государства не допускать слишком большого скопления земли — хотя бы и в виде наделов — в одних руках. Оно было безусловно направлено не столько против возможного «излишнего» — с точки зрения государства — «обогащения» крестьян, сколько против «богатых», т. е. лиц, имеющих много рабов. Коль скоро к ним принадлежали верхи феодального общества, правовые нормы оказались направленными именно против них. Предваряя более подробное освещение этого вопроса, можно сейчас сказать, что здесь проявилась, очевидно, обычная борьба центральной феодальной власти, верховного феодального сюзерена и окружающей его феодальной бюрократии против местных феодальных магнатов. Не в интересах сюзерена было чрезмерное усиление даже членов его собственного рода. История владетельных домов в Китае дает множество убедительных примеров того, как добившиеся самостоятельности сыновья, племянники и вообще родственники правителей при первом подходящем случае свергали с престола, а то и просто убивали своих отцов и прочих старших родственников, несмотря на столь пропагандированную конфуцианцами патриархальную обязанность сыновней покорности (*сяо*) или не менее неизбежную феодальную обязанность вассального долга (*чэнь*). Если изучать историю Китая как историю династий, т. е. историю правителей, то в таком случае она предстанет как хаотическая картина воз-

никновения и падения царств и империй, калейдоскоп предательств, измен и т. п., а действительная история китайского народа совершенно исчезнет из виду. Поэтому прежде всего следует учитывать не междоусобицы внутри правящего дома, а общий факт борьбы центральной феодальной власти и окружающего ее чиновничества с местными феодалами — иначе говоря, противодействие центробежным силам феодализма во имя единства государственной системы.

Законы о вечных наделах, с одной стороны, и о лимитах на наделы для рабов — с другой, представляются по своей внутренней сущности противоречащими друг другу. Они наилучшим образом свидетельствуют о наличии двух тенденций, борющихся внутри режима наделной системы: центристской, действующей за сохранение централизованного феодального государства, и центробежной, влекущей к феодальному раздроблению; идеи государственной собственности на основное богатство страны — землю и идеи частновладельческого ее присвоения; стремления — в интересах господствующего класса в целом и правящего дома в особенности — сохранять общегосударственный характер эксплуатации крестьянства и стремления представителей господствующего класса взять эксплуатацию в свои руки непосредственно; борьбы за основное богатство страны и источники доходов между двумя слоями этого класса: феодального чиновничества против местных помещиков, феодальной бюрократии против местной владетельной аристократии. Законодательство Северного Ци балансирует между противоречиями этих сил.

Прочие новшества правителей Северного Ци не имеют принципиального значения. Из этих новшеств необходимо отметить только следующие.

1. Изменение облагаемого возраста: обязанность платить налоги, а следовательно, право иметь наделы получали мужчины с 18 лет, женщины — с момента выхода замуж, а не с 15 лет, как было установлено северовэйскими законами; эта обязанность, а вместе с ней и право кончались с наступлением 66 лет, а не 70, как это было раньше.

2. Изменение размера пахотных наделов: на одну душу мужского пола выдавалось 80 му, на душу женского пола — 40 му; то же число му отводилось соответственно и на рабов; на одного вола выдавалось 60 му вместо 30 му при Северном Вэй, лимит в 4 вола оставался неизменным. Норма тутового надела или конопляного надела также оставалась прежней — по 20 му.

3. Пересмотр наделов происходил в десятом месяце каждого года, а не в первом, как при Северном Вэй.

Некоторые новшества были введены и в систему налогов и повинностей, причем все они представляют не больше чем дальнейшую разработку того, что сложилось ранее.

1. Таким дальнейшим развитием и уточнением этой системы должно быть признано установление возрастных норм для обложения налогами и привлечения к трудовой повинности. Если раньше оба момента совпадали, то теперь обложению земельным налогом и промысловой податью стали подлежать с момента наступления «надельного совершеннолетия», т. е. с 18 лет, привлечение же к трудовой повинности стало производиться только с достижением 20-летнего возраста. Изменены были и сроки снятия налогов и повинностей: от налога и подати освобождались в 66 лет, от повинности — в 60 лет. Не внося ничего принципиально нового во всю систему, новый закон, по-видимому, исходил из учета фактической целесообразности привлечения к работе лиц моложе 20 лет

и старше 60, причем, вероятно, не с точки зрения интересов населения, а с точки зрения малой эффективности труда этих лиц для государства.

2. Дальнейшей разработке подвергался закон о налоге и подати. Было введено фактически два вида земельного налога: центральный, вносимый в общегосударственное казначейство, и местный, вносимый в местные склады. Первый налог, *кэнь цзу*, считался государственным обложением и шел на общегосударственные нужды, т. е. на удовлетворение потребностей правящего дома и армии чиновничества; второй налог, *и цзу*, рассматривался как своего рода добровольный взнос на нужды самого населения, так как получаемые от этих взносов запасы зерна, по мысли законодателя, должны были образовывать фонд на случай неурожая и всяких других стихийных бедствий, последствием которых мог стать голод. Размер первого налога составлял 2 ши, размер второго — 5 доу. Таким образом, в общей сложности с каждой семьи из двух человек — мужа и жены — взималось 2 ши 2 доу зерна. Подать вносилась в размере 2 ши шелковой материи *цзюань* и 8 лян шелковой ваты *ми*, с одной семьи. С рабов взималось соответственно в половинном размере. С каждого вола собиралось государственного налога 1 доу зерна, местного налога — 5 шэн зерна и, кроме того, 2 чжан ткани.

Такова была в основных чертах надельная система в Северном Ци. Для довершения общей картины необходимо упомянуть только о некоторых изменениях, внесенных в административную организацию деревни.

Как было сказано выше, в период Северовэйского царства деревня была организована по принципу трех административных единиц, в виде так называемой системы *сань чжан*, т. е. соседской общины, состоящей из пяти дворов, деревенской общины — из пяти соседских общин и сельской общины — из пяти деревенских общин. В Североциском царстве этот порядок частично изменился: три основные административные единицы были укрупнены: первичной административной ячейкой — соседской общиной — стало объединение из 10 дворов; средней административной единицей — деревенской общиной — стало объединение из 50 дворов, т. е. из пяти соседских общин; наивысшей административной единицей в деревне — сельской общиной — стало объединение из 100 дворов, т. е. из двух деревенских общин. Соответственно этому несколько изменились и названия этих единиц: *миньби* вместо *минь* для обозначения соседской общины, *люй* вместо *ли* — для обозначения деревенской общины, *цзу дан* вместо *дан*.

Во главе каждой из этих укрупненных общин стояло уже не одно лицо — старшина (*чжан*), как было раньше, а несколько лиц и с иными наименованиями: соседской общиной управляли 10 дворовых старшин (*минь чжан*); что означало, что во главе каждого двора стоял свой собственный старшина; деревенской общиной управляло двое деревенских старост (*люй чжан*), сельской общиной управлял сельский староста (*дан цзу*) со своим помощником (*фу дан*). Таким образом, административный аппарат каждой единицы деревенской организации в целом состоял из 14 должностных лиц.

НАДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРИ СЕВЕРНОМ ЧЖОУ

В 557 г. рядом с Североциским царством, занимавшим наиболее плодородные и густонаселенные равнины Северного Китая, на западном плато Северного Китая на короткое время возникло другое государственное образование — царство Северное Чжоу. Некоторое время оба они

существовали рядом друг с другом. В 577 г. Северное Чжоу поглотило развалившееся Северное Ци, с тем чтобы очень скоро, завершив свою долю работы по объединению Китая, уступить в 580 г. место более мощной организации — империи Суй. Последняя сумела в 589 г. создать на территории Китая единое государство и тем окончательно подготовить длительное и прочное существование империи Тан (с 618 по 919 г.), организация которой представляется завершающим этапом описываемой полосы китайской истории и одновременно началом нового этапа.

При всей кратковременности своего существования Северочжоуское царство все же успело ввести некоторые изменения в надельный строй сравнительно с Северным Ци. Наиболее крупным из изменений, с точки зрения принципиального значения, была отмена лимита на надель, выдаваемые на рабов: надель выдавались хозяевам рабов в числе, соответствующем числу рабов, находившихся в их распоряжении, без всяких ограничений для кого бы то ни было. Это постановление наряду с ограничениями Северного Ци превосходно отражает, как мне кажется, реальную историческую подоплеку всех постановлений этого рода: борьбу центральной феодальной власти против местных феодалов или, точнее, борьбу двух слоев господствующего класса феодалов: феодалов-чиновников, эксплуатирующих крестьянство в основном через посредство общегосударственного аппарата, и феодалов-помещиков, предпочитавших сконцентрировать как можно больше возможностей эксплуатации в своих собственных руках. Колебания законодательства в этом пункте — то введение ограничений, то отмена их — показывают различные фазы этой борьбы: на чьей стороне в данный исторический момент находился перевес. Отмена лимита на рабов, проведенная в Северном Чжоу, свидетельствует только, что центральная власть и поддерживающие ее силы феодального чиновничества должны были уступить. Такого рода уступка была чревата огромной опасностью для всей надельной системы, которая задумана — с одной своей стороны — как орудие борьбы против местных феодалов, как препятствие сосредоточению в их руках большого количества земель. Эта уступка, открывая возможности такого сосредоточения, тем самым подрывала устои существования надельной системы. Поэтому к этому изменению нужно отнестись как к факту, имеющему принципиально важное значение.

Из прочих нововведений, происшедших при Северном Чжоу, необходимо выделить одно, имеющее большое значение как свидетельство продолжающейся разработки отдельных институтов надельной системы. Это — постановление, устанавливавшее зависимость ставок как земельного налога, так и подати от урожая. Согласно этому постановлению, эти ставки делились на три разряда: ставки первого разряда — для урожайных лет, ставки второго разряда — для малоурожайных лет и ставки третьего разряда — для неурожайных лет. Основной ставкой считалась ставка первого разряда; ставка второго разряда составляла половину первой; ставка третьего разряда — треть первой. Насколько важен был этот новый принцип, показывает дальнейшее развитие законодательства, приведшее в Японии, например, к закону, придающему уже совершенно иной характер всей земельной системе, а именно: к сбору земельного налога не с души, не с площади, не в зависимости от общей урожайности, а с фактического количества собранной продукции. Тот же принцип был проведен и в законе о трудовой повинности. Северочжоуский закон устанавливал точное число дней, которые каждый, получающий надел, должен был отработать на государство, и ставил число этих дней

в зависимость от того, урожайный год или нет. Ввиду этого были введены три срока отбывания рабочей повинности: 30 дней в урожайные годы, 20 дней — в малоурожайные, 10 дней — в неурожайные.

Все остальные особенности северочжоуской надельной системы не имеют особого значения и идут по линии изменений отдельных частных общего порядка, иногда чисто формальных. Так, например, наделы выдавались не на душу, а на семью — чету супругов, причем за один надел считалось, по-видимому, все в совокупности, т. е. и пахотная земля, и участки для промысловых культур. Таким образом, размер основного, семейного надела равнялся 140 му, слагаясь, по-видимому, из 80 му на мужа, 40 му на жену пахотной земли и 20 му тутового надела. Несемейным членам семьи (достигшим 18 лет) выдавалось 100 му — 80 му пахотной земли и 20 му тутового надела. Иными словами, размеры наделов оставались теми же, что и в Северном Ци, но их юридическая поменклатура была другая. Усадебные участки предоставлялись в следующих размерах: на 5—6 человек — 3 му, на 7—9 человек — 4 му, на 10 и больше — 5 му. Налоговым, а следовательно, и надельным возрастом считался по-прежнему возраст с 18 до 65 лет; до 18 лет надел не выдавался вовсе и обложение налогом также не производилось; наделы лиц, коим пошел 66-й год, отбирались в казну, причем одновременно снимались и налоговые тяготы. Возраст лиц, привлекаемых к отработочной повинности, был несколько изменен сравнительно с североциским законом в сторону его расширения: к работе привлекались не с 20 лет, а с 18. С 60 лет от этой повинности освобождались.

Размеры обложения были следующие.

1. Земельный налог взимался в размере 4 ху проса *су* с семейных и половины этого количества с холостых.

2. Подать взималась с семейных 1 ши шелковой материи *цзюань* и 8 лян шелковой пряжи *мань* или при наличии конопляных полей — 1 ши ткани из конопли *ма бу* и 10 цзинь конопли; с холостых — в половинном размере.

НАДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРИ СУЙ⁵

Несмотря на кратковременность существования Суйской империи, продержавшейся всего только с 581 до 618 г., деятельность ее администрации занимает в истории надельной системы очень важное место. Самое главное, что с ней связано, — распространение надельной системы на весь Китай; надельная система перестает быть уделом государств, возникавших на севере Китая, и превращается в общекитайское явление. Суйский период служит подготовительной ступенью к полному утверждению надельной системы по всему Китаю, наступившему с появлением могущественной империи Тан. Однако значение суйского периода этим не ограничивается. Хотя суйская надельная система почти во всем следует тому порядку, который был установлен в Северочжоуском царстве, тем не менее оказались введенными и кое-какие законодательные новшества и просто изменения существовавших ранее установлений.

⁵ Данные о земельном строе в империи Суй содержатся в «Суй шу». В частности, особое значение имеют данные обследования положения на местах, предпринятого в 592 г. К этому же году относятся и важнейшие законодательные акты, касающиеся надельной системы. См. «Суй шу» в издании «Эр ши у ши», т. III, стр. 76/2418, 77/2419, 78/2420.

Наиболее важным из этих новшеств, и притом новшеством, имеющим большое принципиальное значение, должно быть признано юридическое закрепление института должностных наделов (*чжи фэн тянь*) и жалованных наделов (*сы тянь*). Согласно всему духу наделной системы — ее первоначальных форм, зародившихся в период империи Цзинь, ее первого развития в Северовэйском царстве и всей ее последующей истории — она преследовала своего рода «уравнительные цели». В основе ее лежало стремление установить полное равенство в землепользовании. Недаром официальное название, которое закрепила за этой системой история, выражается термином «цзюньтянь», что означает именно «равные для всех поля», т. е. имеет смысл системы всеобщего уравнительного землепользования. Для законодателя формально существовали два контрагента этой системы: государство, владеющее землей, предоставляющее ее населению в наделное пользование и собирающее за это с населения налоги, и народ, получающий от государства землю в виде надела, пользующийся им для своих нужд и платящий за него государству налоги. Аграрная система должна была обеспечить условия социальной справедливости и всеобщего равенства. В дальнейшем будет показано, чем на деле были эта справедливость и это равенство. Пока же необходимо отметить, что государство, которое являлось собственником земли, при феодализме отнюдь не выступало в виде какой-то отвлеченной категории. Оно персонафицировалось в определенном лице — главе государства. Именно государь считался верховным собственником земли, он был носителем всех прав, и поэтому всюду, где говорится «государственная собственность», следовало бы говорить «собственность государя»: для феодального права это будет наиболее точно.

Однако, если государь был верховным собственником и распорядителем земли, то ему принадлежало право предоставлять землю кому угодно — в порядке персонального пожалования. Таким образом, феодальное право даже в рамках наделной системы допускало акты особого пожалования землей, т. е. существование жалованных полей (*сы тянь*). Тем самым была предопределена, строго говоря, и юридическая природа этих полей. Предоставляемые в порядке ином, чем обычные наделы, жалованные поля не подчинялись никаким правилам о пользовании, установленным для подушных наделов. Если относительно последних существовали объективные условия, вызывающие автоматический отход их в казну, то относительно первых таких объективных условий не существовало: предоставленные в порядке проявления личной воли жалующего, они могли быть отняты также в порядке акта той же личной воли. Поэтому жалованные земли давались фактически в бессрочное пользование, которое превращалось не только в пожизненное, но и в наследственное. Право наследственного пользования при известной длительности его реализации осознавалось фактически как право вечного пользования. Для феодального правосознания оно эквивалентно понятию владения. Таким образом, узаконение жалованных полей означало пробитие новой брешы в принципе государственной собственности на землю и создавало за рамками наделной системы элементы новых отношений, покоящихся на иной правовой базе.

Второй важнейший акт — узаконение должностных или служебных наделов — может рассматриваться в другом аспекте, уже намеченном выше. Как было уже сказано, наделная система — это не один только земельный строй. Это — и весь экономический строй, а вместе с тем и социальный, в конечном счете и политический строй. Считаю возможным

утверждать, что всему режиму наделной системы свойственны и свой тип правосознания, и свое представление о миропорядке, следовательно — своя философия. Сейчас не место уделять внимание этому вопросу, важно только не упускать из виду, что наделная система есть определенная форма государственной организации.

Необходимость создания государственного аппарата, приспособленного к проведению этой системы, ясна сама по себе. Уже отмечалось выше, что наряду с установлением всяких правил, касающихся наделов и налогов, оказалось совершенно необходимым ввести и соответствующую административную организацию, прежде всего деревни. Но ее организация была сопряжена со всей системой управления. Вообще должен был создаться особый государственный аппарат, построенный соответственно основе всех основ народнохозяйственной жизни эпохи — наделной системе. Иными словами, земельный строй предопределял государственный строй в целом, предопределял и конкретные формы государственного аппарата, о существовании которого известно из всех исторических источников. В своем наиболее законченном виде он предстал в виде государственного строя империи Тан.

Сейчас важно остановиться на том, что этот строй должен был опираться на многочисленное чиновничество, которое было совершенно необходимо, чтобы пустить в ход сложнейшую машину по учету, описанию, обмеру государственного земельного фонда, по учету населения, составлению наделных списков, раздаче наделов, выявлению налогоплательщиков, сбору налогов и податей, привлечению к государственной работе повинности, организации государственных работ и т. д. Поэтому наделная система предопределяет существование большого штата чиновников, разветвленной сети государственных учреждений. А коль скоро такой аппарат существовал, он предъявлял к государству свои собственные требования — в первую очередь экономические, а потом и политические. Чиновничество предъявляло требования и на материальные блага — на свою долю государственных богатств, и на социальные права: на особое оформление своего положения в общественной структуре страны и на политическую власть — на право участия в эксплуатации крестьянства. Государство должно было удовлетворить их уже по той причине, что оно было в первую очередь организацией этих самых чиновников, органом феодальной бюрократии. Политические требования феодального чиновничества удовлетворялись предоставлением ему всех служебных постов в государственном аппарате. Иначе говоря, вся законодательная, административная и судебная власть, а также власть военная находилась в руках этих кадров. Социальные требования чиновничества удовлетворялись оформлением их в особое сословие, что выразилось в создании особой таблицы феодальных рангов, а также специальной перархии титулов. Наконец, его экономические интересы удовлетворялись предоставлением особых наделов. Излишне объяснять, что все три института — институт должностей, институт рангов и титулов и институт наделов — были теснейшим образом связаны друг с другом и представляли три стороны одного и того же явления. Состояние в ранге давало право на занятие должности; нахождение на должности обеспечивало получение надела, закрепленного за данной должностью, и т. д.

В этом или ином виде такой порядок существовал с самого начала наделной системы. Вопрос заключается только в том, в какой мере он принял законченную юридическую форму, стал законом, а не только практикой. В этом отношении не все было сделано с самого начала.

Для полного оформления надельной системы понадобилось время. Земельный строй, т. е. то, что в первую очередь касалось крестьянства, уточнялся постепенно, так же постепенно шло и оформление положения чиновничества. Утверждать, что династия Суй впервые ввела служебные наделы, было бы неправильным, но считать, что именно она упорядочила их, по-видимому, вполне правильно.

Должностные наделы полагались всем тем, кто занимал какую-нибудь правительственную должность. По-видимому, этот должностной надел совпадал с тем, что в других случаях называлось ранговым наделом (*вэй тянь*). Если это так, надо признать, что система особых наделов не была еще достаточно разработана. Так или иначе величина должностного надела колебалась в зависимости от ранга получающего надел лица. Всех рангов было десять, и каждому рангу полагалось следующее количество земли:

1-му рангу — 5 цин	6-му рангу — 2,5 цин
2-му — 4,5 »	7-му — 2 »
3-му — 4 »	8-му — 1,5 »
4-му — 3,5 »	9-му — 1 цин (6,25 га)
5-му — 3 »	

Иначе говоря, с понижением на один ранг надел уменьшался на 50 му.

Наряду с должностными или ранговыми наделями высшие слои господствующего класса имели еще специальные наделы, присвоенные им по званию или титулу. Эти титулы — отнюдь не новость, введенная в Суйской империи: они образовались еще в чжоуском Китае. Точно так же уже давно образовалась и иерархия титулов. Суйская империя вначале даже оставила в полной неприкосновенности прежнюю иерархию, состоящую из девяти титулов.

Титулы, принятые в империи Суй, приблизительно соответствовали западноевропейским: *го-ван* — принц 1-й степени, *цзюнь-ван* — принц 2-й степени; *го-гун* — князь 1-й степени, *цзюнь-гун* — князь 2-й степени, *сянь-гун* — князь 3-й степени, *хоу* — маркиз, *бо* — граф, *цзы* — виконт, *нань* — барон.

Очевидно, сохранение прежнего порядка объяснялось тем, что суйские правители не рискнули сразу же посягнуть на исторически унаследованные местными владетелями звания. Однако окончательное завоевание всей территории Китая настолько укрепило их положение, что в правление первого же императора династии, Вэнь-ди, была произведена реформа: титул *ван* был присвоен только членам императорского дома, для всех же прочих князей оставлены только титулы ниже *вана*. При втором императоре, Янь-ди, было произведено сокращение числа титулов: вместо девяти было установлено только три: *ван*, *гун* и *хоу*.

Все эти мероприятия свидетельствуют о стремлении суйских императоров ослабить значение своих возможных соперников — местных магнатов и владетельных князей. Это стремление сказывается и в том, что наделы для них были невелики: высшие наделы — наделы принцев — и те не превышали 100 цин. Но так или иначе, династия Суй не только юридически закрепила за правящим классом земли, но и перевела владение этой землей на новую правовую почву — на базу надельной системы. И в этом — историческое значение ее мероприятий.

Во всем прочем суйский режим не отличается чем-либо существенным от сложившегося раньше, в частности в Северном Ци. В налоговом возрасте считались лица от 18 до 65 лет включительно. Пахотные наделы выдавались в размере 80 му на мужчину и 40 му на женщину; столько же отводилось и на рабов; в положенных пределах на каждого вола давалось по 60 му. Тутовые или конопляные наделы отводились в размере 20 му в качестве *юнъетян*, т. е. в наследственное пользование. Усадебная земля давалась из нормы 1 му на каждых трех свободных и 1 му на каждых пятерых рабов. Земельный налог слагался из государственного налога, вносимого в правительственные склады, и добровольного взноса, вносимого в местные добровольческие склады (*и цан*), установленные в царствование Вэнь-ди в 585 г. Государственный налог вносился в размере 3 ши проса с супружеской четы; с неженатых членов семьи и рабов налог взимался в половинном размере. В качестве добровольного взноса в местные склады вносилось по 1 ши с семьи. Промысловая подать исчислялась в размере 1 пи шелковой материи *цзюань* и 3 лян шелковой пряжи; лица, имеющие вместо тутовых наделов конопляные, вносили 1 дуань ткани из конопли и 3 цзинь конопли. Для рабочей повинности было отведено 30 дней в год. В числе государственных работ, к выполнению которых привлекалось население, в этот период особое место занимало сооружение знаменитого императорского канала в царствование Янь-ди. Это было, кстати сказать, не только огромного значения и масштаба оросительное сооружение, не только важнейшее транспортное средство, открывшее новые пути развития хозяйства, но и одно из серьезнейших орудий объединения Китая. Оно имело поэтому очень большое политическое значение.

Административная организация деревни подверглась некоторым изменениям, снова приблизившись к порядку, установленному в свое время в Северовэйском царстве. Первичной административной единицей было объединение из пяти дворов — пятидворье, соседская община; среднюю единицу составляло объединение из пяти пятидворий — деревенская община; наиболее крупной административной организацией было объединение из четырех деревенских общин — сельская община. Пятидворье, соседская община, стало называться *бао*, деревенская община — *люй*, сельская община — *цзу*. В управлении этими общинами была возобновлена северовэйская система трех старшин (*сань чжан*), т. е. во главе каждой общины был поставлен свой старшина под названием «чжан». Все эти названия были, по-видимому, установлены для столичной области. Для провинции названием деревенской общины продолжало оставаться слово «ли», названием сельской общины — слово «дан». Деревенский старшина назывался «ли чжан», сельский старшина — «дан чжан».

* * *

При всяком изучении материала, относящегося к наделной системе, неизбежно встает вопрос: в какой мере она, эта система, фактически проводилась в жизнь? В том, что она вообще проводилась, сомнений быть не может; об этом вполне убедительно говорит большое и развитое законодательство, имеющее в виду наделную систему; свидетельствуют различного рода хозяйственные документы; существуют, наконец, многочисленные упоминания о ней в соответствующих династийных историях и таких сводах, как «Тундянь» и «Вэньсянь тункао». Но вопрос о масштабах ее распространения, о степени ее соответствия законодатель-

ным постановлениям — вполне законный, и дать ответ на него необходимо.

Прежде всего несомненно одно: в проведении надельной системы были известные колебания. Обуславливались они, с одной стороны, конкретными историческими условиями, делавшими иногда возможным, иногда очень трудным проведение в жизнь надельной системы; с другой — в разные времена обнаруживались колебания в самой политике, иногда весьма решительной, иногда слабой и готовой к уступкам. Так, например, уже было упомянуто, что при династии Цзинь историческая обстановка не позволила осуществить задуманную аграрную реформу в ее полном объеме и на всем пространстве Цзиньской империи, ибо в ней еще продолжали в общем сохраняться ханьские порядки. Точно так же из предыдущего явствует, что в период Нань бэй чао о надельной системе вообще можно говорить только применительно к Северному Китаю, в южной же половине его продолжал существовать в общем тот же порядок, который был при Цзинь. Лишь с объединением Севера и Юга под властью суйского дома становится возможным говорить о распространении надельного строя и на южные районы. Именно с этого времени надельная система принимает всеобщий характер, до этого же она представляет собою местное явление. Но как в первом случае, так и во втором вопрос о степени ее реального проведения в жизнь остается открытым. Есть целый ряд свидетельств того, что в определенные времена она фактически не существовала. Так, например, энциклопедия «Тундянь» приводит свидетельство, утверждающее, что в Северном Ци одно время (в 550—559 гг.) вся земля перешла в руки «сильных и богатых», «бедняки же не имели земли, достаточной даже для того, чтобы воткнуть шило». Переход земли в руки этих «сильных и богатых» происходил главным образом путем прямого захвата, но нередко наблюдались и случаи покупки участков, законом запрещенной, но фактически производившейся.

Подобного рода положение было вполне возможным в условиях, когда надельной системе приходилось завоевывать себе место, утверждаясь на пустующих землях рядом с владениями земельных магнатов, а то и вступая с этими владениями в прямую борьбу. Поэтому, когда центральная власть была достаточно сильна, надельная система поддерживалась и развивалась; когда она ослабевала — местные магнаты захватывали земли себе. Именно об этом свидетельствует «Тундянь». Центральная власть, конечно, стремилась бороться с подобными явлениями, подрывающими основы задуманного аграрного строя. При этом борьба велась различными методами. С этой точки зрения заслуживает внимания докладная записка Сун Ши-ляна, относящаяся к тем же годам, в которой он рекомендует отбирать у богатых участки, выданные на рогатый скот, и раздавать их бедным. Иначе говоря, предлагалась прямая экспроприация части имущества богачей.

Несомненно, возможность наиболее широкого распространения надельной системы наступила тогда, когда было достигнуто известное равновесие двух форм землепользования: государственного надельного и частного. Примирение обеих форм было достигнуто введением поместий в общую систему наделов — под видом жалованных наделов, вечных наделов. Само собой разумеется, что появление подобных наделов подрывало основы надельной системы и в конце концов — вместе с другими факторами — привело эту систему к распаду, но на определенном промежуток времени, и достаточно долгом, обе формы могли совместно развиваться.

Подобное сосуществование двух форм землепользования установилось, как видно из вышеизложенного, в эпоху Суй. Именно это то время, когда надельная система в своем внутренне противоречивом содержании получила всеобщее распространение, достигнув своего максимального развития при династии Тан, и тогда же и распалась прежде всего под действием этого внутреннего противоречия.

Особую тему в изучении истории надельной системы составляет проблема ее хозяйственной эффективности. Поскольку само появление надельной системы было связано с проблемой производительности сельского хозяйства, естественно, сама судьба ее зависела от того, в какой мере ее проведение сопровождалось подъемом этой производительности. Многие данные свидетельствуют, что в период Нань бэй чао наблюдался рост производительных сил в сельском хозяйстве. Получили широкое распространение железные плуги; так же широко распространилась пахота этими плугами на волах. Улучшилась поливная система: помимо ремонта старых сооружений, строилось много новых. Появились новые сельскохозяйственные культуры: чай — сначала в Шу, в западной части Южного Китая, а затем всюду к югу от Янцзы; батат — в Цзянсу, Чжэцзяне и Цзянси; хлопок — в Фуцзяни. Непрерывно росло количество обрабатываемой земли. Так, например, в 589 г. количество обработанной земли составляло 19 409 267 цин, в 615/616 г. — 55 854 040 цин. Нужно помнить, что это относится к периоду империи Суй, когда было достигнуто объединение Китая и надельная система получила всеобщее распространение. Одновременно росло и население. Так, в том же 589 г. насчитывалось около 9 млн. дворов, в 615/616 г. — около 11 млн. Таким образом, хозяйственный эффект надельной системы на определенном промежутке времени не подлежит сомнению.

НАДЕЛЬНАЯ СИСТЕМА ПРИ ДИНАСТИИ ТАН ⁶

Возникнув в 618 г., империя Тан продержалась до 919 г., но единство государства нарушилось уже в 907 г., когда, с одной стороны, отделилась территория, где образовалось на короткое время (с 907 по 922 г.) царство Позднее Лян, а с другой — появились кидане. В истории надельной системы период Тан — время окончательного завершения и одновременно распада. Как было упомянуто вначале, VIII век представляет уже явственную картину этого распада, завершившегося в 780 г. юридическим актом — проведением земельной реформы, известной под именем закона о «двух налогах» (*лян шу*).

Надельная система империи Тан представляет собой наиболее систематическое выражение тех общих принципов, которые создавались в предшествующее время. В ней нашли наиболее полное развитие те институты, которые возникали в различных сменявших друг друга государственных образованиях до этого. Наконец, в танской системе наиболее отчетливо выявились и те внутренние противоречия, которые привели весь строй к самоотрицанию и которые вместе с другими, в том числе и внешними, факторами послужили причиной гибели всего порядка уравни-

⁶ Сведения о надельной системе в империи Тан приведены из «Цзю Тан шу» и «Синь Тан шу». В «Цзю Тан шу» к 7 г. Удэ танского Гао-цзю (624 г.) относится главный закон, касающийся надельной системы. См. «Цзю Тан шу» в издании «Эр ши у ши», т. IV, стр. 214/3720. В «Синь Тан шу» много сведений о земельном строе содержится в разделе «Шихо чжи».

тельного землепользования и перехода к поместному хозяйству. Система наделного землепользования при династии Тан также исходила из верховного первопринципа государственной собственности на землю. Соответственно вся земля составляла единый государственный земельный фонд, который был основным богатством страны. Империя была заинтересована, во-первых, в том, чтобы это богатство держать в своих руках, т. е. сохранить за собою владение и распоряжение землей, и, во-вторых, в том, чтобы это богатство действительно было богатством, т. е. приносило доход. Иначе говоря, земля не должна была лежать втуне, а должна была обрабатываться. Земледельческие работы государство могло или брать непосредственно на себя (в лице своих учреждений), или поручать населению, или как бы передоверять свои права на владение и распоряжение землей тем лицам, которым оно находило почему-либо возможным и нужным. Таким образом, создались два типа земель: земли казенные (*гун тянь*), т. е. приписанные к различным правительственным учреждениям (*гун цзе тянь*) и ими обрабатываемые, и земли наделные (*чжуан тянь*), предоставленные населению. Поскольку основная масса земель распределялась среди населения в виде наделов, институт наделов и стал основной, ведущей формой всего земельного, а следовательно, и вообще экономического строя страны.

Население с точки зрения отношения к государству в первую очередь разделялось на управляющих и управляемых. С точки зрения правовых понятий периода наделной системы единственным правителем был, конечно, император, но он осуществлял свои права, во-первых, через тех, коим он их передоверял, а во-вторых, через тех, кто оказывался непосредственным исполнителем его распоряжений. Лицами, которым он частично передоверял свои права, были члены его собственного дома, наследственные владельцы отдельных районов, исконные местные правители. Лицами, выполнявшими распоряжения императора и составлявшими, таким образом, государственный аппарат, были чиновники, иначе говоря — бюрократия (так называемые *бай гуань*). Они, в свою очередь, слагались из разных слоев — высшего, главным образом придворного, чиновничества, пребывание в рядах которого, фактически или номинально, обозначалось состоянием в определенном ранге (*минь*), — и служилого чиновничества, т. е. также распределенных по рангам должностных лиц в столичных и провинциальных правительственных учреждениях; сюда входили, конечно, и гражданские и военные чины.

Управляющим слоям населения противостояли управляемые — народ, который с точки зрения государства распадался на две части: свободных — так называемый добрый народ (*лянь минь*) и несвободных — так называемый подлый народ (*цзянь минь*). Под первым названием выступала основная масса — земледельческое население, под вторым — рабы. Танское законодательство должно было считаться с существованием и еще одного общественного слоя — купцов и ремесленников.

Соответственно такому составу населения наделы, предоставляемые ему государством, естественно, распались на наделы для управляющих и управляемых. Управляющие получали наделы за то, что они управляли, т. е. обслуживали государство; управляемые получали землю для собственного прокормления. Поэтому первым государство как бы выплачивало, вторые же сами выплачивали государству. Соответственно этому первые наделы не были сопряжены с обязательствами их владельцев перед государством в виде выплаты, вторые были с такими обязательствами соединены.

Итак, наделы разбивались на две категории: наделы общие — крестьянские и наделы специальные — знати и чиновничества, что влекло за собой различное юридическое отношение к земле лиц, получающих наделы. Часть привилегированных наделов предоставлялась в вечное пользование, т. е. составляла *юньетянь*. Такими были наделы титулованной знати, придворной ранговой аристократии, заслуженных гражданских и военных чинов и должностных лиц. Другая часть этих наделов, так называемые *служобные наделы* (*чжи фэн тянь*), предоставлялась на все время пребывания в данной должности и в соответствующем ранге. Наделами первого типа, т. е. предоставляемыми в наследственное пользование, их владельцы могли даже свободно распоряжаться: продавать, закладывать и отдавать в аренду. Нечего и говорить, что владельцы этих земель не несли никаких обязанностей (кроме службы — для одной категории) перед государством.

Общие наделы предоставлялись только во временное пользование, на определенный срок, соответственно физической возможности их владельцев обрабатывать эти поля, т. е. на срок фактической трудоспособности, определяемой возрастом. Владельцы наделов несли перед государством различные обязательства: выплаты государству части продукции, получаемой с поля, части продукции своего промысла и части личного труда. Иначе говоря, они должны были уплачивать зерновой налог, вносить промысловую подать и отбывать рабочую повинность.

Наделы общие и специальные — при всех своих взаимных отличиях — с юридической точки зрения все же составляли одну группу земель; и те и другие отводились на основании закона, согласно действующим постановлениям. С этой точки зрения совершенно иными представлялись другие земли, так называемые жалованные (*сы тянь*). Они предоставлялись в порядке персонального пожалования императором. Поскольку как самый акт пожалования, так и его размеры целиком зависели от воли жалующего, постольку и не могло быть никакого правового нормирования дарений. Но пожалование само по себе, конечно, было определенным юридическим актом, а обладание пожалованными участками, естественно, сопровождалось присвоением обладателю известных прав, которые в общем сводились именно к полному распоряжению этими землями, что фактически означало владение. Конечно, владение могло в любой момент быть прервано — посредством такого же акта лица, от которого исходило и пожалование. Но это уже носило характер конфискации, было сопряжено с преступными — с точки зрения жалующего — действиями лица, которому была пожалована земля, и имело, следовательно, значение наказания.

Таким образом, земельное право империи Тан было основано на следующих положениях.

1. Вся земля считалась принадлежащей государству (в лице императора) и составляла государственный земельный фонд.

2. Государственный земельный фонд находился в распоряжении императора, который распоряжался им: а) в порядке личного волеизъявления, б) согласно установленным им же самим законам.

3. В порядке личного волеизъявления император мог предоставить любому лицу любое количество земель в полное его распоряжение. Такой акт считался пожалованием, а такие земли становились жалованными (*сы тянь*). Император мог в любое время в порядке такого же личного волеизъявления жалованные земли отнять.

4. Согласно установленным законам император: а) закреплял одни

участки за правительственными учреждениями, б) другие предоставлял населению. Первые составляли участки учреждений, вторые — паделы.

5. Участки, закрепляемые за правительственными учреждениями, были предназначены на покрытие их нужд и находились в полном их распоряжении.

6. Участки, предоставляемые населению в виде наделов, распадалась на два типа. Одни из них отводились лицам, принимавшим участие в управлении страной, т. е. членам императорского дома или местным правителям, а также лицам, обслуживавшим государство, т. е. служилому чиновничеству. Другие отводились прочему населению, т. е. крестьянству, купцам и ремесленникам. Наделы первого типа предоставлялись в порядке вознаграждения наделяемого лица за его службу государству, наделы второго типа оформлялись как «вспомоществование». Первые наделы могут быть названы наделами специальными, вторые — общими.

7. Устанавливались юридически различные отношения держателей к их наделам. Допускалось иногда полное распоряжение, сводящееся фактически к владению: такими были участки членов императорского дома, высших правительственных лиц и местных правителей. Это отношение могло носить характер и временного пользования: право распоряжения землей чиновников ограничивалось сроком их пребывания на службе, право пользования землей крестьян ограничивалось определенным возрастом.

8. В связи с различным характером наделов пользование землей в одних случаях не было соединено ни с какими особыми обязательствами наделяемых лиц перед государством, в других же случаях было соединено с обязательством вносить различного типа налоги и с несением различных повинностей. Наделами, не связанными с обязательствами, были наделы специальные, остальные — общими. Первые поэтому могут быть названы наделами необлагаемыми, вторые — облагаемыми.

9. Обязательства лиц, получающих облагаемые наделы, сводились, согласно особым узаконениям, к: а) уплате зернового налога, б) внесению промышленной подати и в) отбыванию рабочей повинности.

В дополнение к этой общей картине необходимо отметить следующее. Распределяя землю среди населения, государство стремилось таким путем обеспечить все свои хозяйственные потребности. Оно активно вмешивалось в сельскохозяйственный режим и брало на себя регулирование сельского хозяйства. Это регулирование касалось в первую очередь тех отраслей сельского хозяйства, которые государство считало необходимым поощрять. Это были: зерновые культуры, в первую очередь просо, промышленные культуры, в первую очередь тутовые деревья, и садово-огородные культуры. Поощрением именно этих отраслей государство стремилось обеспечить две потребности населения из состава классической (в смысле постоянства формулы) для народов Дальнего Востока триады материальных потребностей: «одежда — пища — жилище». Администрация предоставляла населению два вида наделов: пахотные — для разведения зерновых культур и промысловые (тутовые) — для разведения тутовых деревьев, ильма и жужуба, а также участки под постройки — так называемую усадебную землю. Таким путем создавалась предпосылка обеспечения удовлетворения и третьей из основных потребностей: потребности в жилище.

Однако различный с точки зрения хозяйственного предназначения характер наделов вызывал и различие в их юридическом положении. Пахотные наделы отводились во временное пользование на срок, опре-

деляемый возрастом; промысловые и усадебные — в бессрочное пользование: до тех пор, пока существует двор. Это объясняется тем, что зерновые культуры однолетние, тогда как тутовые деревья можно было разводить только в условиях длительного периода; земля же под постройками, естественно, должна была числиться за владельцем постройки до тех пор, пока эта постройка обитаема. Таковы общие положения наделной системы в период Тан. От этого общего описания можно перейти к изложению конкретных установлений.

Общие наделы

1. Общие наделы предоставлялись всему земледельческому населению.
2. Наделы выдавались на семью, состоящую из мужа и жены.
3. Наделы выдавались только трудоспособным, каковыми считались лица, достигшие 18-летнего возраста.
4. Размер надела устанавливался в зависимости от степени трудоспособности наделяемого, определяемой его возрастом, а также физическим состоянием.
5. Полностью трудоспособными считались лица в возрасте от 18 до 60 лет. Лица старше 60 лет, а также лица с физическими недостатками или неизлечимо больные считались трудоспособными наполовину.
6. Полный надел на семью из мужа и жены слагался из:
 - а) пахотной земли в размере 80 му,
 - б) промыслового участка в размере 20 му,
 - в) усадебной земли в размере 1 му на каждого из трех членов двора.
7. Уменьшенный надел касался только пахотной земли и составлял половину полного, т. е. 40 му.
8. В случае смерти мужа за вдовой надел сохранялся в следующем размере:
 - а) если ко вдове переходило старшинство в семье и она делалась хозяйкой двора (*ху чжу*), за ней сохранялось 50 му из прежнего общего надела в 80 му;
 - б) если старшинство в семье переходило к совершеннолетнему сыну, за вдовой сохранялось только 30 му.
9. Надел мог получить и несовершеннолетний, т. е. лицо, не достигшее 18-летнего возраста, если такое лицо занимало положение хозяина двора. В таком случае ему отводилось 50 му пахотной земли.
10. Из неземледельческого населения наделы отводились: а) купцам и ремесленникам, б) духовенству. Первые получали и пахотные и промысловые участки в половинном размере, т. е. 40 му пахотной земли и 10 му для промышленных культур; вторые получали только пашню в размере 20 му. Однако участки тем и другим предоставлялись только при наличии в данной местности свободных земель, оставшихся от распределения земледельческому населению.
11. Размеры наделов могли изменяться в зависимости от: а) количества пригодных для обработки земель, б) качества почвы. Ввиду этого в так называемых тесных округах (*ся сянь*), т. е. там, где население было густое, а земель, годных для обработки, мало, наделы выдавались в уменьшенном размере — вплоть до половины. Там же, где почва не позволяла собирать жатву ежегодно, наделы выдавались в удвоенном размере (так называемые *бэй тянь*).
12. Пахотные наделы находились с момента их получения в пожизненном пользовании лиц, получивших их; промысловые и усадебные получались на правах наследственного пользования. В связи с этим в слу-

чае смерти владельца надела пахотные участки отбирались в казну, прочие же сохранялись за семьей. Однако, если владелец надела умер на «государевой службе» (*ван ши*), за его семьей сохранялись и пахотные земли.

13. Различное правовое отношение владельца надела к пахотным и промысловым участкам вызывало и различие в формах распоряжения ими: всякие сделки на пахотные земли были запрещены, промысловые же участки в известных случаях можно было продавать или отдавать в аренду. По закону это разрешалось только в том случае, если владелец надела переезжал на жительство в другой район или ему были нужны средства на похороны, которые он был обязан по традиции устраивать.

14. В одном случае закон допускал заклад и сдачу в аренду и пахотных участков. Это было возможно, если владелец надела отправлялся в поход или в дальнее назначение и если в его семье при этом некому было взять на себя обработку его участка.

15. Наделы предоставлялись и государственным рабам в размере, зависящем от категории этих рабов, а именно: а) рабы категории *цзасу* получали наделы в тех же размерах, что и крестьяне; б) рабы категории *гуаньху* получали наделы в половинном размере.

16. О предоставлении наделов рабам, находящимся в частном владении, особых постановлений нет. Однако из указания, что купцам и ремесленникам подобные наделы на рабов не давались, можно заключить, что в общем сохранился прежний порядок. Известно только, что усадебные участки отводились и для них из нормы 1 му на каждые пять человек.

17. Нет ясности и в вопросе о предоставлении дополнительных участков на рабочий скот.

18. Передел производился ежегодно в десятом месяце.

19. Отведение участков при переделе должно было по закону протекать в следующем порядке: сначала отводились наделы беднякам, подлежащим повинностям, и многосемейным, потом — богатым, не подлежащим повинностям, и малосемейным.

Обложение

1. Объектами обложения были: а) земля, б) промысел, в) человеческая сила. Соответственно этому виды обложения составляли: а) зерновой налог, б) промысловая подать, в) рабочая повинность.

2. Зерновой налог взимался с лиц, имеющих пахотные наделы, в размере 2 ши проса в год. В южных районах налог вносился рисом. В 617 г. размеры налога были поставлены в зависимость от общей хозяйственной мощности двора, ввиду чего все дворы были подразделены на три разряда: высший (*шанху*), средний (*циху*) и низший (*сяху*). Высший разряд вносил 1 ши 2 доу, средний — 8 доу, низший — 6 доу. В 737 г. этот порядок был распространен и на все виды зернового налога.

3. Промысловая подать вносилась с участка либо различными видами шелковых тканей, либо холстом — в зависимости от района. Размер ее составляли: а) либо 2 ши материи *цзюань* или *лин*, либо 1 ши с добавлением 2 лян шелковой пряжи, б) либо 2 чжан 5 чи холста с добавлением 3 цзинь конопли. Эти нормы, установленные в 619 г., подверглись изменению только в 737 г., когда было постановлено вносить не 2 лян шелковой пряжи, а 3 лян и когда были введены новые меры: материи *цзюань* и *ши* предложено было считать на ши, холст — на дуань, шелковую пряжу — на тунь, пеньку — на ли.

4. Рабочая повинность отбывалась в течение 20 дней в году, в високосные годы — в течение 22 дней. В случаях необходимости лица, привлеченные к этой повинности, могли задерживаться на работе и на более продолжительный срок — вплоть до 50 дней. Если срок обязательной отработки увеличивался на 15 дней, снималась промысловая подать. Если срок увеличивался на 20 дней, снимались и подать и налог.

Специальные наделы

1. Специальные наделы отводились аристократии и должностным лицам — чиновникам.

2. Аристократия с точки зрения наделения землей разделялась на три слоя: а) наследственная титулованная знать, б) придворная ранговая аристократия, в) особо заслуженные военные и гражданские чины.

3. Наследственная титулованная знать получала наделы в следующих размерах:

1) <i>цинъ-ван (го-ван)</i> — 100 цин	6) <i>хоу</i> — 20 цин
2) <i>цзюнь-ван</i> — 50 »	7) <i>бо</i> — 15 »
3) <i>го-гун</i> — 40 »	8) <i>цзы</i> — 10 »
4) <i>цзюнь-гун</i> — 30 »	9) <i>нань</i> — 5 »
5) <i>сянь-гун</i> — 25 »	

4. Ранговая придворная аристократия получала наделы в размере от 5 до 60 цин — соответственно своему рангу.

5. Особо заслуженные военные и гражданские чины получали наделы в размере от 60 му до 30 цин — соответственно своему чину.

6. Все наделы, отводимые титулованной знати, придворной аристократии и особо заслуженным военным и гражданским чинам, предоставлялись в наследственное пользование и могли продаваться и сдаваться в аренду.

7. Должностные лица получали должностные наделы (*чжи фэн тянь*), причем с точки зрения наделения землей они распались на четыре группы: 1) столичные чиновники, 2) местные чиновники, 3) чиновники особой службы (контрольно-инспекционной и заграничной) и 4) военно-служащие.

8. Должностные наделы столичных чиновников выдавались в размере от 2 до 12 цин — соответственно рангу, в котором состоит данное лицо по служебно-должностной иерархии (от 9-го по 1-й ранг).

9. Местные (провинциальные) чиновники получали наделы в размере от 2 цин 50 му до 12 цин — соответственно своему служебному рангу (от 9-го по 2-й ранг).

10. Чиновники особой службы получали наделы в размере от 1 цин 50 му до 5 цин — соответственно своему служебному рангу (от 9-го по 5-й ранг).

11. Воинские чины получали наделы в размере от 80 му до 6 цин — соответственно своим должностям.

Государственный аппарат

Как уже было неоднократно указано, наделная система, т. е. земельный строй государства, была теснейшим образом соединена со всем государственным устройством. Как в Китае, так в Корее и Японии в период наделной системы существует по-своему вполне законченный тип государственного строя, имеющий ярко выраженную специфику. В Китае он вырабатывался в течение всех предшествующих столетий, пока, наконец, не принял в период империи Тан наиболее разработанную форму. И по-

сколькx этот строй неотделим от наделной системы, постолькx его рассмотрение, хотя бы самое краткое, должно входить в сферу ее общего изучения.

Основной чертой государственного строя в период наделной системы следует признать принцип централизации, который пронизывал весь государственный аппарат сверху донизу. Государство управлялось аппаратом, все звенья которого были либо подчинены одно другому в порядке восходящей иерархии учреждений, либо соподчинены друг другу в порядке обоюдного подчинения третьему, вышестоящему органу. Начальное, низшее звено этого аппарата находилось в деревне — в первичной административной ячейке, каковой являлось пятидворье (*бао*); конечное, высшее звено представлял император, верховный правитель государства и основной «собственник» страны. Между этими двумя звеньями располагалась вся система органов власти и правительственных учреждений.

Второй особенностью этого строя был его бюрократический характер. Весь централизованный государственный аппарат был построен как система управления, изолированная от всяких «местных» связей, юридически вполне обособленная и самостоятельная. Этим самым обуславливалось то обстоятельство, что должностные лица, обслуживавшие государственный аппарат, имели свою собственную юрисдикцию; их правовое положение было отлично от правового положения прочих слоев населения. Таким образом, они составляли особый слой — чиновничество, бюрократию, имевшую свою собственную иерархию. Само собой разумеется, что она была иерархией служебной, т. е. бюрократической. И если на ее низших ступенях находились мелкие чиновники, то на высшей в конечном счете находился император как глава государства.

Высшими правительственными органами были так называемые три главные палаты — *сань шэн*: 1) главная административная палата; 2) главная палата императорских эдиктов; 3) главная палата императорских указов.

В первой палате была сосредоточена вся исполнительная власть, вторая и третья представляли собой законодательные учреждения разной компетенции: высшей — вторая и низшей — третья. Из трех палат наибольшее значение имела, конечно, первая: ей был подчинен весь остальной государственный аппарат во всех своих звеньях. Таким образом, практически во главе государственного управления стоял управляющий административной палатой (*шаншулин*), т. е. верховный канцлер. Ему были приданы два товарища — заместители левого (старшего) канцлера и правого (младшего) канцлера. Эта верховная коллегия пополнялась двумя вице-канцлерами; левым вице-канцлером и правым вице-канцлером. Два вице-канцлера непосредственно управляли двумя группами приказов, каждый по три. Шесть приказов и были главными административными органами, распределившими между собой отдельные отрасли управления.

В первую группу приказов, находившихся в ведении левого вице-канцлера, входили: 1) приказ чинов, ведавший назначениями, перемещениями, жалованиями и наградами, а также обложением должностных лиц; 2) дворовой приказ, ведавший всем, что касалось двора, т. е. выдачей и отобранием земельных наделов, налогами, податями и повинностями; 3) приказ церемоний, ведавший всеми установлениями, касавшимися общественной нравственности и быта, культов и обрядов.

Во вторую группу приказов, находившихся в ведении правого вице-канцлера, входили: 4) военный приказ; 5) приказ наказаний; 6) приказ общественных работ, ведавший всякого рода строительными сооружениями.

ми, оросительными и осушительными работами. Внутри каждый приказ распадался на четыре управления, и именно эти двадцать четыре управления непосредственно осуществляли все исполнительные функции.

Ими, конечно, не исчерпывается весь правительственный аппарат. Кроме трех палат, существовали еще тайная палата — дворцовая (внутренняя) палата — и девять особых управлений, полицейское управление и так называемые пять инспекций (*у цзянь*).

Вышеперечисленные учреждения составляли центральный правительственный аппарат. На местах имелись его органы. Для удобства управления было проведено административное районирование страны. Она была разделена на области, округа, уезды, волости, деревни. В каждом из этих районов было свое местное управление, имеющее свои органы и состоящее из должностных лиц. Волость состояла из пяти деревень, т. е. из 500 дворов; каждые 100 дворов составляли деревню. Внутри деревни каждые пять дворов составляли пятидворье, во главе которого стоял старшина; во главе деревни стоял староста. Старшина пятидворья следил за членами пятидворья, был ответствен за беглых, за преступников, наблюдал за своевременным и неукоснительным выполнением всех сельскохозяйственных работ, собирал налоги и подати, направлял на отбывание рабочей повинности. То же самое делал в масштабе 100 дворов деревенский староста, а в масштабе 500 дворов — сельский староста, и таким путем нить, начавшаяся в пятидворье, протягивалась от села к уезду, от уезда к провинции, оттуда в область и доходила до соответствующего приказа центрального правительственного аппарата.

СОДЕРЖАНИЕ НАДЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Производственные отношения, правовое оформление этих отношений при надельной системе типично феодальные. Сельское хозяйство, в первую очередь земледелие, лежит в основе всей экономики, огромное значение имеет также и крестьянский промысел. Те, кто обрабатывает землю, лишены прав на нее. Она принадлежит не им, а тому, кто ими управляет, — государю. Ему они вносят натуральный налог зерном, платят подать продуктами своего промысла; они обязаны государю и отработкой. Однако отработка — рабочая повинность — не играет первостепенной роли: основное богатство страны — хлеб — поставляется в виде налога; отработка существует для иных надобностей. В крестьянском же хозяйстве основную роль играют рабочие руки самих крестьян; труд рабов не имеет серьезного значения (вряд ли в крестьянском хозяйстве могло быть столько рабов, чтобы именно их руками производилась сельскохозяйственная работа).

Основным производительным слоем населения следует признать крестьянство, занятое сельскохозяйственным трудом и сельскохозяйственным промыслом. Это явствует и из того, что все законодательство надельной системы ориентируется именно на него. Центральная фигура надельного законодательства — крестьянин.

Надельное крестьянство представляет собой основной класс населения. Но из содержания надельной системы вытекало существование и другого класса. К нему принадлежат те, кто имеет не общие — крестьянские, а специальные — должностные и прочие надельные участки. Правовое отношение этих лиц к земле иное, чем у крестьян: они фактически владеют землей. Кроме того, поскольку они занимают служебные посты, в их

пользу поступают налоги и подати, отдаваемые крестьянством государству. Этот слой населения, играющий роль правящего класса, имел ясно выраженное положение особого сословия. Признаком сословного положения я считаю состояние в ранге. Табель о рангах играла роль, как мне кажется, организационной формы для господствующего сословия. Это не только бюрократическая иерархия, но и сословный признак.

В составе правящего слоя были по крайней мере три слоя: 1) потомки наследственных местных владетелей — крупных и мелких, лишенных своих владений, но получавших особые надель, а точнее сказать, управлявшие, видимо, частью своих бывших владений на правах надель; 2) высшие представители местной администрации, хотя и назначаемые центральной властью, но получавшие большую самостоятельность и имевшие сравнительно большие надель, превращавшиеся по существу в их владения; 3) чиновники, обслуживавшие весь огромный, широко разветвленный государственный аппарат. Разумеется, глухой стены между тремя слоями не было. Из третьего слоя — слоя чиновников — всегда существовала возможность перехода во второй — местных правителей, закреплявшихся на местах в качестве владетелей. Второй слой мог во многих случаях сливаться с первым, поскольку нередко местные правители были из числа местной же земельной знати. Однако различие между тремя прослойками все же существовало. Наибольшая относительная противоположность интересов была у первого и третьего слоев. Строго говоря, одна из задач надельного законодательства состояла именно в борьбе с местными владетелями, в ослаблении их экономического могущества. Для этого и была проведена попытка экспроприации всей земли, в том числе и их владений. Она стала одним из средств борьбы центральной власти — императоров, т. е. крупнейших феодалов, с местными владетелями, т. е. другими феодалами. И поскольку третий слой, чиновничество, опирался прежде всего на центральную власть — иначе говоря, на получение благ через государственный аппарат, постольку он был против всякого увеличения надель наследственной земельной знати и против всякого закрепления за ней земли на каких-либо основаниях, выпадающих из принципов надельного землепользования. Однако противоречие интересов было не абсолютным: для того же чиновника могли наступить условия, в которых ему выгоднее становилось владеть своим участком земли, а не пользоваться казенным надель и получать из государственного казначейства свою часть собираемых государством налогов и податей. Иными словами, могли наступить условия, когда прямая, непосредственная эксплуатация крестьянства становилась выгоднее, чем эксплуатация через государство. В таких случаях обнаруживалось уже не расхождение интересов первого и третьего слоев правящего класса, а их совпадение. Представителями такой промежуточной прослойки оказались лица, составившие второй слой правящего класса.

Из трех слоев правящего класса Танской империи первое место по своему политическому значению занимал третий слой — правительственная бюрократия, чиновничество (по крайней мере до тех пор, пока держалась надельная система). Оно и составляло механизм государственной власти. И в этом — политическая специфика того типа феодализма, который представлен в истории стран Дальнего Востока надельной системой. Первоосновой отмеченной специфики служит форма взаимоотношений правящего класса и класса эксплуатируемого, т. е. феодалов в широком смысле этого слова и крестьянства. Всякий феодализм держится на внеэкономическом принуждении, на осуществляемой прямыми сред-

ствами эксплуатации крестьянства. Но формы эксплуатации могут быть различны: эксплуатация может быть непосредственной, когда феодал понуждает крестьянина к труду и берет с него прибавочный продукт непосредственно; эксплуатация может быть и косвенной, когда феодал не сам принуждает и не берет прямо, а действует через государство, вводя государственное принуждение и государственные налоги и подати, сам пользуется уже получаемыми таким путем государственными богатствами. Надельная система представляет именно эту вторую форму эксплуатации.

При каких обстоятельствах такая форма возникает? Для полного ответа на этот вопрос необходимо проследить конкретную историю возникновения надельной системы, выяснить ее исторические предпосылки как экономического порядка, так и общеисторического. Сделать это можно в специальной исторической работе, которая, по моему мнению, должна стать на очереди в нашей востоковедной науке как одна из первостепенной важности задач. Сейчас же я могу только высказать предварительные предположения об историческом содержании надельной системы как одной из форм феодализма на Востоке.

Во-первых, надельная система представляет одно из самых могучих средств для придания эксплуатации крестьянства всеобщего характера. Всеобщая раздача наделов, сопряженная с обязательством обработки и уплаты налога и подати, с несением рабочей повинности, т. е. фактическое прикрепление крестьян к земле и введение принудительного труда, были лучшими средствами распространения эксплуатации на все крестьянство. Поэтому надельная система складывается тогда, когда правящий класс нуждается в нем. Когда это бывает? Очевидно, тогда, когда раньше не было такого всеобщего охвата крестьянства эксплуатацией по какому-либо конкретным историческим причинам. Это могло случиться либо при переходе от общинного строя к феодализму, когда нужно было превратить в эксплуатируемых всю массу свободных родичей, либо при внешнем завоевании, когда завоеватели рассматривали всю завоеванную страну и ее население как объект эксплуатации и стремились сделать эту эксплуатацию всеобщей, либо после полосы длительных междоусобиц или восстаний, вызвавших распад привычных форм эксплуатации.

Во-вторых, надельная система представляет собой одну из наиболее организованных — для феодализма — форм эксплуатации. С такой планованностью и систематичностью эксплуатации не может, пожалуй, сравниться ни одна из других форм феодализма. И так как такая организованность в известных условиях могла обеспечить наибольшее поступление прибавочного продукта, к надельной системе и мог временами обращаться класс феодалов. При каких обстоятельствах это могло быть? Очевидно, тогда, когда почему-либо требовалось усилить эксплуатацию крестьянства.

В-третьих, надельная система может представлять одно из мощных орудий для общего поднятия производительных сил сельского хозяйства. Государство берет на учет все трудоспособное население, закрепляет за каждым трудоспособным определенный участок земли, заставляет его обрабатывать, понуждает возделывать все первостепенно нужные сельскохозяйственные культуры и следит за тем, чтобы эта обработка фактически производилась. В своем стремлении использовать все ресурсы страны для развития производительных сил администрация берет на учет не только рабов как физическую силу, но и рабочий скот. Когда это бывает нужным? Когда до этого наблюдался упадок производительных сил, когда страна была разорена, когда поля забрасывались земледельцами и

воцарялась нищета. Это опять-таки могло получиться в результате восстаний, длительных междоусобиц и вражеских нашествий.

В том же направлении, т. е. при оценке значения надельной системы для развития производительных сил, необходимо отметить еще одно ее свойство: она служит одним из лучших средств для прекращения всяких передвижений населения, для закрепления населения в определенных местах. При надельной системе фактически лишаются возможности иметь более или менее обеспеченное существование те, кто не имеет надела. Таким образом, она создает предпосылки резкого уменьшения числа так называемых бродяг, бездомных, упоминанием о которых всегда полна всякая феодальная история. Оседание или закрепление обеспечивало указанную выше всеобщность эксплуатации, ее организованность и, следовательно, ее усиление. Оно обеспечивало также и наилучшие возможности контроля. Поэтому оно принимало самые широкие размеры.

В-четвертых, надельная система вводит свою собственную политическую форму эксплуатации крестьянства. Если весь класс феодалов в целом пользуется трудом всего крестьянства тоже в целом, то орудием для получения прибавочного продукта служит государство, органом для непосредственного привлечения продукции — правительственный аппарат, а непосредственным исполнителем — чиновничество. Но в то же время исполнители одновременно суть и организаторы производства, и потребители продукта. Все государство есть государство тех, для кого берется крестьянский продукт. Надельная система представляет наиболее четко выраженную форму организованной и проводимой под полным контролем государства эксплуатации крестьянства в интересах правящего класса феодалов, выступавшего в облике «государства». При каких исторических условиях это бывало нужно? Надо думать, тогда, когда прямая форма эксплуатации крестьянства оказывалась для феодалов либо затруднительной, либо невыгодной; когда феодалам было выгоднее подменить себя государством.

В качестве специфического признака надельной системы, не играющего самостоятельной роли, а органически связанного с только что указанным, но в то же время политически чрезвычайно важного, выступает особая роль чиновничества, феодальной бюрократии, выдвигаемой общей исторической обстановкой на первый план. В обстановке надельной системы центральное место в правящем классе занимает именно чиновничество. Оно занимает доминирующие позиции и политически и экономически: распоряжается и землей, и земельным продуктом; держит в своих руках весь правительственный аппарат; составляет все органы власти; монополизировать в своих руках всю культуру, руководит и просвещением. Конечно, исторически, а часто и фактически чиновники были теми же феодалами, имевшими свои собственные земли и эксплуатировавшими крестьян непосредственно, а иногда даже под видом наделов продолжавшими бы то же самое делать и в новых условиях. Но бесспорно, они должны были пойти на форму наделов и в своей массе все же перейти на другие пути организации своего собственного бытия. Так что, если экономически такой феодализм может быть назван «надельным» (в противоположность «поместному» и всякому другому), то с социально-политической точки зрения его можно назвать «бюрократическим».

В качестве специфического признака всего режима надельной системы, признака, производного от предыдущего, но также имеющего серьезнейшее значение, выступает и централизованный характер всего режима. Этот централизованный характер, естественно, проявляется и в организа-

ции производства, и в построении правительственного аппарата, и в строгой централизации всех функций управления в руках государства, и в абсолютизме верховной власти. Ближайшим исполнителем ее велений становится чиновничество — правительственная бюрократия. Таким образом, с этой стороны феодализм надельной системы может быть назван централизованным.

Когда наступает надобность в таком централизованном феодализме и когда он оказывается возможным? Тогда, когда постоянная борьба между центральной властью и местными феодалами (борьба двух тенденций в феодализме — центробежной и центростремительной) на время завершается победой центростремительных сил.

Это бывает — в определенных исторических условиях — необходимо с точки зрения положения правящего класса; но это же бывает в известные моменты допустимо и с точки зрения управляемых, т. е. крестьянства. Крестьянство может встретить государственную организацию эксплуатации как освобождение от насилий и поборов местных феодалов. Ничем не сдерживаемому произволу «своих» феодалов оно может предпочесть эксплуатацию в определенных, законом установленных рамках. Крестьянство может, наконец, в известных условиях приветствовать надельную систему как режим, когда клочок земли, предоставленный крестьянину, охраняется законом, когда во всем государстве утверждается какой-то правопорядок, когда, наконец, устанавливается более или менее прочный мир, дающий возможность относительно спокойно заниматься своим делом.

Таким образом, исторические причины, приводящие феодализм к тому режиму, который называется надельной системой, могут быть очень различны и очень сложны. Поэтому совершенно не обязательно, чтобы и в Китае, и в Японии, и в Корее надельная система устанавливалась по одним и тем же причинам. В каждом случае находятся особые причины. Но, как мне кажется, в целом эта обстановка укладывается в рамки того, что мною здесь написано, а причины могут быть по преимуществу те, которые здесь перечисляются. Конечно, окончательное решение этого вопроса последует только после обзора содержания надельной системы в Корее, после изучения конкретных исторических причин, вызвавших ее появление в трех странах Дальнего Востока, и после сравнительного анализа как причин возникновения, так и содержания надельной системы в каждом случае.

* * *

Надельная система в конце концов распадается. Ее крах обуславливается прежде всего внутренними причинами, в первую очередь теми противоречиями, которые заложены в ней самой. Основное внутреннее противоречие надельной системы заключается в том, что она, с одной стороны, способствует развитию производительных сил, а с другой — сама ставит пределы этому развитию. С ее помощью мобилизуются все ресурсы страны: земля, человеческий труд, даже тягловая сила рабочего скота; вводится определенный сельскохозяйственный режим, обеспечивающий основные потребности страны; пускаются в ход все средства, чтобы этот режим соблюдался. Но надельная система ограничивает использование земельных ресурсов и применение труда рамками надела и установленного сельскохозяйственного режима. Эти рамки дают возможность роста производительных сил, когда поля пустуют (и не только оттого,

что некому их обрабатывать, но и оттого, что их трудно и беспечно обрабатывать при существующих «нормах» произвола и грабежа); когда добрая часть населения бродит по стране в качестве «бродяг» или «разбойников» и когда нужно заставить ее применить свой труд к земле. Но эти же рамки становятся тесными для дальнейшего роста производительных сил, когда все уже сделано, когда население крепко сидит на земле, когда поля обработаны и с них уже получается все, что они могут дать. После введения наделной системы в первое время всегда обнаруживается явственный подъем хозяйства, рост населения и рост потребностей. Но наделная система может удовлетворить рост населения и потребностей только до поры до времени, до известных пределов. Рост потребностей особенно заметен среди правящего класса. Его существование требует уже совершенно иных, чем раньше, материальных ресурсов — как в количественном, так и в качественном отношении. Недаром в эти времена появляются роскошные дворцы, величественные монастыри, большие правительственные здания, богатые и разнообразные утварь, одежда, украшения и т. д. Наблюдается огромный расцвет культуры в целом, образованности, литературы. Достаточно вспомнить, что для Китая значит танская литература, чтобы понять тот уровень, которого достиг в этих условиях правящий класс.

Но на определенном этапе наделное землепользование перестает давать продукт в таком размере, который нужен для увеличивающегося населения и выросших потребностей, в первую очередь, конечно, потребностей правящих слоев. Становится необходимым получать этот продукт в большем количестве. Известного увеличения доходов можно достигнуть улучшением обработки земли, т. е. повышением сельскохозяйственной техники. Но в условиях феодализма технический прогресс обыкновенно бывает чрезвычайно медленным и ограниченным. Поэтому, хотя прогресс при наделном режиме и несомненен, все же он не может дать окончательного эффекта. Остается одно средство — увеличение количества обрабатываемых земель. Но добиться этого увеличения можно двояким путем: либо увеличить размеры наделов, либо предоставить право свободной распахки. Государство шло на увеличение наделов, но это было возможно опять-таки до определенной степени: в густонаселенных местностях, где почти все земли были уже давно распределены и обработаны, не было той нови, которую можно было раздать. Да и там, где она была, увеличение надела как общая мера должно было повлечь за собою новый перемер участков, почти поголовное перемещение населения — дворов, деревень, что нарушало всю сложившуюся картину и весь административный порядок. Оставалось, следовательно, допустить свободное освоение пустыющих земель, где бы они ни находились. Нужно было не только допустить, но и поощрить, а это возможно сделать только одним способом: предоставить обрабатывающим новь какие-нибудь льготы. Наилучшей же льготой было освобождение от обложения, а в дальнейшем и предоставление вновь обработанной земли в наследственное пользование. Таким путем внутри наделной системы зародился институт новых полей (*кэнь тянь*), построенный на иной правовой базе.

Допущение этого института, по существу частных владений, да еще освобожденных от налогов, имело огромные и далеко идущие последствия для всей наделной системы. За обработку новых полей могли взяться далеко не все — в первую очередь наиболее имущие лица, главным образом бывшие земельные собственники, сидевшие часто на своих прежних местах и пользовавшиеся своей же землей в качестве надела; далее, все

владельцы специальных, т. е. более крупных и привилегированных, наделов. Иначе говоря, это мероприятие открывало широкий путь прежде всего для правящего класса. Оно открывало известные возможности и для крестьянства, но крестьяне принуждены были в поисках свободной земли переходить на окраины, в места слабозаселенные, следовательно, всегда жить под угрозой разбоя, насилия и т. п. Поэтому естественно, что крестьяне-новоселы должны были мириться с тем, что кое-кто более сильный предложит им военную защиту, но потребует с них работу на него. Так внутри наделного режима зарождались частновладельческие поместья с закрепощенными крестьянами.

Таково основное внутреннее противоречие наделной системы: способствуя развитию производительных сил, она на определенном этапе становится тормозом на его пути. Не следует только упускать из виду, что если это противоречие как таковое вскрывается в общем ходе развития системы, то обостряется оно благодаря классовым противоречиям. Рост потребностей происходит непропорционально: у правящего класса он идет быстрее, чем у класса эксплуатируемого. Правящий класс начинает требовать большего, обгоняя фактические возможности для этого. Отсюда — сначала усиление эксплуатации, увеличение обложения, в дальнейшем — открытый произвол, присвоение и грабеж. А это, в свою очередь, вызывает ухудшение положения крестьянства, его разорение и разрушение самого сельского хозяйства. Тут возникает стремление как-либо избавиться от тяжелой эксплуатации: создать для себя иные производственные условия, например перейти на новые поля, или просто бежать и выражать свой протест борьбой с угнетателями, организуя «разбойничьи», как их называли, отряды, а то и подымаясь открыто всеми деревнями. Начинается полоса крестьянских восстаний. Возникшее на базе расхождения производительных сил и производственных отношений внутреннее экономическое противоречие наделной системы сильнейшим образом обостряется благодаря сопряженным со всем этим классовым противоречиям и перерастает в открытое столкновение классов — феодалов и крестьянства, в распад экономической, социальной и политической системы в целом.

Разумеется, вокруг основной причины распада наделной системы группируются и другие, частью прямо вытекающие из основной, частью с нею связанные. К этим вторичным причинам нужно отнести обострение противоречий между чиновничеством и местными земельными магнатами. В то время как первые строили свое благополучие в основном на эксплуатации крестьянства через государство, вторые очень скоро стали стремиться к непосредственной эксплуатации. Отсюда — временами очень яростная борьба «центра» и «мест», столицы и провинции, правительственной бюрократии и местного земельного дворянства, императора и земельной знати — старой и новой, потомков старинной земельной аристократии и осевших на земле чиновников. Исход борьбы был предрешен общим ходом исторического процесса, продиктованного вышеописанными экономическими условиями и характером борьбы двух основных классов феодального общества — феодалов и крестьянства. Победить должна была провинция, феодалы-помещики, тем более что этой победы требовали на данном этапе интересы всего класса феодалов в целом, т. е. в конечном счете и интересы его чиновно-бюрократического слоя.

Фактический конец наделной системы в Китае наступил тогда, когда вся страна от наделов перешла к поместью. Этот переход наглядно рисуется всей историей империи Тан. На первых порах танское правительство всячески старалось не допускать присвоения земли. Как известно, продажа пахотных наделов была строго запрещена. За такую продажу виновный подвергался наказанию: ему давали 10 ударов плетью за каждое проданное му. Проданный участок возвращался его прежнему владельцу, а полученная плата конфисковалась. Правительство стремилось бороться с присвоением и другим путем: в случае выявления излишков сверх положенного надела полагалось также 10 ударов плетью за каждое обнаруженное му. Но тут уже существовала оговорка: если эти излишки возникали за счет освоения пустующих земель, наказание отменялось. Она означала допущение свободной записки пустующих земель и открывала путь к присвоению. Этим путем воспользовались, как и следовало ожидать, больше всего не крестьяне, а представители правящего класса. Владельцы специальных наделов, собственники жалованных земель, обладая правом совершать всякие сделки со своей землей, имели несравненно больше возможностей для освоения земель, чем рядовое крестьянство. Правительство пыталось помешать этому. Было введено наказание, по которому чиновник, находящийся на государственной службе, подвергался 60 ударам батогами за каждое присвоенное му земли. Но уже тогда для всей титулованной знати было сделано исключение. Таким образом, для высших слоев правящего класса возможность создания личных поместий была открыта раньше, чем для других. За ними последовали и другие. Одновременно обнаруживаются и факты прямого захвата крестьянских земель. Крестьяне из «свободных» государственных землепашцев превращались в землепашцев — работников феодала (*дянь кэ*). Захват крестьянских земель производится иногда под флагом «покупки земли» или «передачи» ее прежним владельцем новому. Закон пытался помешать этому: в 735 г. был издан указ, запрещающий такую продажу и передачу, но он, видимо, не действовал. Таким образом, в первой половине VIII в. наделная система находилась в состоянии упадка. Об этом говорит и автор «Тундянь»: «Хотя эта система (т. е. система *цзюнь тянь*. — Н. К.) и существовала, но со времени правления императоров под девизом Кайюань (713—741 гг. — Н. К.) и Тяньбао (742—755 гг. — Н. К.) этот закон ослабел, и зло присвоения земель превысило даже то, что наблюдалось при императорах Чэн-ди (37—7 гг. до н. э. — Н. К.) и Ай-ди (6—1 гг. до н. э. — Н. К.)». Судя по эдикту 752 г., земельные магнаты и чиновники заставляли крестьян разрабатывать новь и потом обращали эту землю в свое владение, скупали, а то и прямо захватывали крестьянские наделы, присваивая себе земли под видом аренды, частично разрешенной законами, подделывали подворные реестры, стремясь скрыть фактическое число хозяйств, т. е. присвоить утаенную таким образом землю. Таким путем росло число поместий *чжуан тянь* и *чжуан юань*. История особо выделяет в этом процессе роль так называемых *цзедуши*, т. е. правительственных наместников, превращавшихся из агентов правительства в полновластных местных владетелей, с далеко идущими честолюбивыми стремлениями. Страна была подразделена на 400 областей (*чжоу*) и во главе каждой области поставлен наместник.

Сначала эта должность не была наследственной, но скоро наместники превратили ее в наследственную, и, таким образом, в провинции поя-

вились свои правители, делавшие что хотели с землей и населением. Нельзя оспаривать, конечно, значение роли *цзедуши* в процессе краха надельной системы, но нельзя ее и преувеличивать. Наместники сыграли гораздо большую роль в ускорении развала политической стороны надельного режима, чем его экономической стороны. Экономический распад надельного режима происходил вследствие широкого движения всего правящего класса, а не только его верхушки; его ускорили и те изменения, которые происходили в крестьянстве. Мятеж Ань Лу-шаня, одного из этих *цзедуши* (755—760 гг.), был только внешним выражением обострившихся противоречий между старой, отмирающей социально-экономической формой и новой, восходящей, последствием наступившего кризиса первой. Как велик был кризис, можно усмотреть из некоторых цифр.

Через 20 лет после мятежа Ань Лу-шаня, в 780 г., во все провинции были посланы особые уполномоченные для производства переписи населения — *чубуши* с целью установить число дворов, подлежащих надельной землей и обложению налогами. По этой переписи оказалось, что в 169 округах насчитывалось всего 1 933 174 двора с населением 16 990 388 человек против 8 914 709 дворов и 52 907 309 человек в 755 г. Другими словами, зарегистрированное население уменьшилось за 25 лет почти на 7 млн. дворов (почти на 36 млн. человек). Конечно, нужно принять в расчет, что данные 780 г. относятся только в 169 округам. Необходимо часть убыли отнести также за счет междоусобной борьбы, событий, связанных с восстанием Ань Лу-шаня. Но все же главная причина появления таких цифр в государственных реестрах состоит не в том, что так сильно уменьшилось население в целом, а в том, что уменьшилось население, подлежащее правительственной регистрации, т. е. население, живущее еще на надельных землях и платящее государству налоги. Основная масса крестьянства, а следовательно, и земель отошла к частновладельческим поместьям, т. е. оказалась за пределами надельной системы.

Это явление, несомненно расширявшееся с каждым годом, привело к постепенной перестройке и государственной системы. Государству пришлось прежде всего изменить систему обложения. При существовавшей системе обложению подлежал владелец надела. Поэтому, когда владельцами наделов были все крестьяне, система давала государству реальный доход. Когда же число живущих на наделах стало с каждым годом уменьшаться, стал падать и государственный доход. Поэтому государству пришлось изменить объект обложения, т. е. облагать то, что продолжало сохранять постоянное значение. Этот новый объект был найден: земля. Таким образом, через несколько лет после восстания Ань Лу-шаня, в 763 г., был сделан исторический шаг: государство перешло от обложения человека к обложению земли; налог стал взиматься с земельной площади в размере 2 шэн с 1 му.

Историческое значение реформы несомненно: вводя обложение земли, государство тем самым как бы отказалось от прав собственности на эту землю, т. е. отказалось от основного правового принципа надельной системы. Таким образом, признавались частновладельческие поместья и вообще закрепление земли за ее владельцем, т. е. фактическая передача всей земли местным феодалам.

Процесс окончательного перехода к новому земельному строю пошел с еще большей интенсивностью, и законодательству пришлось всячески поспевать за ним. Дальнейшее развитие налоговой реформы — в 765 и

в 769 г.— явственно обнаруживает происходящий в стране процесс. Закон 769 г. устанавливал, что обложению подлежат не только исконные жители этой местности, но и все «бродяги» (*люкэ*), «временно поселившиеся» (*ци чжу ху*), «поселившиеся в поместьях» (*ци чжуан ху*). С точки зрения порядков наделной системы оседлым жителем признавался только тот, кто из поколения в поколение проживал на наделной земле. Понятно, почему все, не жившие ранее на данном месте, получали название либо «бродяг», либо «временных поселенцев». Это узаконение свидетельствует, что государство признало новое положение данной части земледельцев и постаралось наложить налоговые обязательства и на них. Обложению подлежала земля, в чьем бы владении она ни находилась. Таким образом, были обложены земельным налогом и все представители правящего класса, земли которых обрабатывались крестьянами. Так перестраивалось государство, стремясь приспособиться к новому положению вещей.

Эволюция правовых норм завершилась в 780 г. известным актом, вводящим систему «двух налогов» (*лян шуй*). Закон окончательно установил, что обложению подлежит земля, а не человек. Поэтому налог взимался со всякого, кто пользовался землей, независимо от того, коренной он житель данной местности или пришелец. Заодно была проведена децентрализация налоговой системы: административный район вычислял свои нужды и соответственно им устанавливал ставки налога, исходя из числа проживающих в данном районе лиц и количества земель, а также и степени их имущественного благосостояния (в зависимости от нее все дворы были поделены на девять разрядов). Налог полагалось вносить два раза в год — летом и осенью; отсюда и его название — «два налога». Введение нового закона означало конец системы трех повинностей — зернового налога, промысловой подати и рабочей повинности, конец не только фактический, наступивший гораздо раньше, но и юридический — того строя, которому история дала название «системы уравнительного землепользования» (*цзюнь тянь фа*), или наделной системы⁷.

⁷ Много сведений, касающихся наделной системы в Китае, содержится в японских работах: *Моригани Кокки*, Сина сякай кэйдзай си (Социально-экономическая история Китая), Токио, 1934, и работах Утида Гиндзо.

КУЛЬТУРА КИТАЯ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVII И XVIII В.

Культура китайского народа в условиях маньчжурского господства не изменила направления своего исторического развития. Этого и не могло произойти, так как завоеватели не принесли с собой своей, особой культуры такого содержания и такой высоты, которая могла бы оказать влияние на столь древнюю и непрерывно развивавшуюся культуру великого народа. Не следует забывать, что маньчжуры не в первый раз вплотную соприкоснулись с китайцами. Маньчжуры XVII в. были потомками маньчжуров XII—XIII вв., называвшихся тогда чжурчжэнями. Они вышли из той же Маньчжурии, из которой пять столетий назад вышли чжурчжэни. Основатель маньчжурского могущества — Нурхади, ставший в 1616 г. великим ханом, назвал свое государство Хоу-Цзинь, т. е. Поздней Цзиньской империей, демонстративно подчеркивая этим, что он всего-навсего восстанавливает старую Цзиньскую империю, провозглашенную в 1115 г. его далеким предшественником — чжурчжэньским ханом Агудой. Монголы в 1234 г. свалили первую маньчжурскую империю, утвердившуюся на территории Маньчжурии и Северного Китая, но более чем столетнее пребывание среди китайцев, постоянное соприкосновение с ними и в самой Маньчжурии ввели маньчжуров в орбиту китайской культуры. Они сохранили элементы этой культуры и после падения их власти в Северном Китае и отступления за пределы Великой стены. Поэтому, когда в 1636 г., уже при преемнике Нурхади, Абахая, при котором наименование Хоу-Цзинь было изменено на Цин, маньчжурские армии через Шаньхайгуаньский проход ворвались в Китай, это отнюдь не были дикие кочевники, далекие от культуры той страны, на завоевание которой они опять, во второй раз в истории маньчжурских племен, устремились.

В силу необходимости, для сохранения власти над обширной страной, маньчжуры должны были опереться на давно сложившийся аппарат управления, на китайское чиновничество. Маньчжурские правители поступили обратно тому, что делали в свое время монголы, полностью отстранившие китайцев от управления. Использование китайского аппарата управления было одной из причин, позволивших маньчжурским правителям сохранить власть над Китаем в течение двух с половиной столетий, тогда как власть монгольских ханов продолжалась в Китае всего около девяноста лет, если считать с 1279 г. — с момента ликвидации последних сил сопротивления Сунской империи в морском сражении при Яйшань.

Однако маньчжурское завоевание, не прервав общего развития китайской культуры, все же повлияло на его ход. Маньчжурское завоевание сильно задержало рост тех сил, которые подтачивали феодальный строй уже со второй половины минской эпохи, во всяком случае с XVI в. Культура же второй половины XVII и всего XVIII в. была все еще ха-

рактерной для страны, проходящей затянувшийся этап феодального абсолютизма. Это общее направление сказалось и в ходе развития материальной культуры, и в явлениях культуры духовной.

В области материальной культуры в указанное время замечается прежде всего развитие архитектуры, вызванное обширным строительством, предпринятым маньчжурскими правителями. Были сооружены пекинские дворцы как в пределах бывшего «Запрещенного города», так и загородные — знаменитые императорские мавзолеи в Мукдене (ныне г. Шэньян), колыбели династии. Восстанавливались и перестраивались городские стены с монументальными воротами в них. Всюду возводились правительственные здания. Строились конфуцианские мавзолеи, буддийские и даосские храмы. Шло, наконец, обширное строительство жилых зданий — дворцов маньчжурской и китайской знати, высших сановников, богатых купцов. Строительство дворцов и домов знати сочеталось с устройством парков, так что необходимо говорить о развитии и паркового искусства.

В целом архитектура оставалась в своем прежнем русле. Продолжались традиции строительного искусства времен Минской империи. Китайские архитекторы в маньчжурскую эпоху с чрезвычайной полнотой развили то, что в постройках XV—XVI вв. начинало проступать, — грандиозность размеров, обилие декоративности. Изогнутые линии, всевозможные завитки получили преобладание над прямыми линиями и спокойными поверхностями при сохранении, однако, общей геометрической стройности основной схемы постройки. Архитектура Китая XVII—XVIII вв. представляет как бы тип китайского барокко, т. е. стиль, характерный для эпохи позднего феодализма. Интересно, что сохранившиеся остатки европейской постройки того времени — постройки дворцового типа, возведенной европейскими мастерами, — также представляют собой чистое барокко.

Устройство и украшение дворцов, правительственных зданий и богатых домов вызвало усиление спроса на изделия прикладного искусства, обусловило его развитие. Об искусстве художественного литья свидетельствуют сохранившиеся до нашего времени в пекинских дворцах, а также попавшие в музеи Европы и Америки бронзовые фигуры львов, черепах, цапель, драконов, фениксов. Среди подобных предметов особое место занимает находящийся во дворце Ваньшоушань «Бронзовый дворец» — сооружение, воспроизводящее в бронзе постройку дворцового типа.

Это замечательное искусство литья также развивалось в исконных традициях китайского художественного ремесла. Крайне характерным для этой эпохи явлением было усиленное изучение сохранившихся образцов древнего литейного искусства — времен Ханьской империи и даже Чжоуского царства. Изучение предметов старины, а также литературы по вопросам ремесла позволило мастерам XVII—XVIII вв. ввести в художественное литье многие забытые приемы. Это привело даже к образованию особой отрасли литейного искусства — отливке изделий, воспроизводящих образцы чжоуской и ханьской бронзы. Сами китайцы не придавали особого значения исторической подлинности подобных изделий, считаясь только с художественной стороной и с точностью воспроизведения старинного образца; европейцы же впоследствии приняли предметы, сделанные в правление Канси или Цянь-луна, за реликвии времен Чжоу и Хань, что привело к заполнению такими «древностями» коллекций европейских и американских любителей китайского искусства.

Поистине огромное развитие получило искусство резьбы из камня (особенно из нефрита и белой яшмы), а также из кости, особенно сло-

новой. В искусстве такой резьбы китайские мастера достигли подлинной виртуозности и художественного совершенства. Резьбой украшались различные предметы домашнего обихода — столики, ширмы, курильницы, вазы для цветов, шандалы, кувшины, музыкальные инструменты; из яшмы и кости вырезались фигуры людей, птиц, животных.

Столь же большое развитие получили изделия из лака: столики, этажерки, ширмы, подставки для цветов, шкатулки, чашки, блюда. Особую отрасль художественного ремесла составляли вышивки. Они украшали одежды, головные уборы, подушки и использовались в интерьере. Особенно славились вышивки из пров. Хунань. Производство вышивок, как и парчи, поощрялось большим спросом богатой части населения, а также иностранцев.

Производство перечисленных видов художественных изделий и им подобных носило еще характер ремесла. Лишь в художественном литье, а также в изделиях из дерева существовали мастерские типа мануфактур. Наиболее развитый вид приняло производство фарфора. Правительственное предприятие в Цзиндэчжэне (пров. Цзянси), радикально перестроенное еще в 1369 г., было уже настоящим заводом. Оно было оснащено техническим оборудованием заводского типа; само производство велось на основе очень далеко зашедшей дифференциации труда. В сущности почти все трудоспособное население городка, т. е. и члены семей рабочих, так или иначе было занято в производстве. По описаниям того времени, пламя, вырывавшееся из более чем 3 тыс. печей завода, было видно издали, создавая впечатление зарева огромного пожара. Подобные заводы, только меньших размеров, были и в других местах. Одни из них принадлежали правительству, другие находились в частных руках. Наибольшей известностью пользовался фарфор зеленого цвета, цвета «бычьей крови» и цвета «персиковой кожицы», как называли его европейцы. С конца XVII в. главная масса изделий была разных оттенков зеленого и розового цветов.

Спрос на фарфор был огромный, причем не только внутренний, но и внешний: китайский фарфор массами стал вывозиться в соседние страны Азии, особенно туда, где, как, например, в Индокитае, было многочисленное китайское население. Все в возрастающем количестве фарфоровые изделия стали проникать и в Европу, где становились лучшим украшением дворцов.

Для того подъема и роста, которые отмечаются в прикладном искусстве XVII—XVIII вв., характерно, что этот рост был основан на развитии традиции. Желая продвинуть свое мастерство вперед, китайские мастера не искали новых путей, а возобновляли старые, уже забытые. Об этом свидетельствует появление различных описаний всякого рода ремесел и производств древности и средних веков. К известным произведениям такого рода относятся «Тяньгун кайу» Сун Ин-сина — своего рода пособие по технике производства, «Юань чжи» Цзи Чэна — пособие по устройству парков. Китайское прикладное искусство дошло до максимума того, чего могло достигнуть прикладное искусство в условиях феодального типа производства. Дальше шел либо застой, а следовательно, и упадок, либо переход к иным формам производства, к другим задачам, к другим масштабам и другому отношению к подобного рода изделиям.

По такому же пути пошла в маньчжурскую эпоху и живопись. Она продолжала развивать традиции, сложившиеся еще во времена Минской империи. Культивировались традиционные жанры: декоративный жанр «цветов и птиц», пейзаж «гор и воды». К ним присоединилось искусство

портрета. Маньчжурские правители сохранили «Сад живописи» («Хуа юань») — придворную Академию живописи, однако сами богдыханы в своих личных вкусах не особенно придерживались традиции и охотно привлекали художников из среды европейских миссионеров. Некоторые из них, как, например, итальянец Джузеппе Кастилионе и австриец Игнатий Зикерпарт, даже стали придворными живописцами. Они работали в своеобразной манере, сочетавшей приемы живописи европейской и традиционной китайской. Образцом такой живописи может служить картина Кастилионе — изображение гончей собаки, которую одинаково трудно признать по приемам чисто европейской или чисто китайской. Иногда европейские художники работали даже вместе с китайскими. Такова, например, картина, изображающая всадника и стоящего рядом человека: фигуры людей и лошадей на ней принадлежат Кастилионе, весь фон — неизвестному китайскому художнику. Европейские художники познакомили своих китайских коллег со светотенью, с воздушной перспективой. Однако это не произвело переворота в китайской живописи: новые элементы не получили в ней тогда особого развития.

На традиции была основана и живопись, развивавшаяся за пределами дворца. Некоторые новые явления можно открыть в пейзаже, в жанре «гор и воды»: прежние художники стремились изображать дикие, глубокие ущелья с прихотливо извивающейся линией водных потоков, нагромождения горных круч; новые художники брали уже более спокойные модели. И сама манера стала более индивидуальной, более свободной. Но все же в существе самой манеры перемены не произошло.

В области общественной мысли наблюдался тот же традиционализм, который был характерным признаком всей китайской культуры XVII—XVIII вв. Очень явственно он проявился в тех отраслях общественной мысли, которые ближайшим образом касаются идеологии, — в философии и истории. Традиционализм в области философии выразился в стремлении уложить мысль в привычные схемы, оперировать давно сложившимися понятиями, опираться на старые письменные памятники. Поскольку на этой почве столкнулись интересы маньчжурских властителей Китая и пришедшей к ним на службу значительной части китайских феодалов со стремлениями и чаяниями представителей национальной сознания, мечтавших о свержении власти чужеземцев и о восстановлении национальной власти, постольку традиционная философия и история были обращены на две прямо противоположные цели — на охрану режима, установившегося при маньчжурах, и на свержение его.

Маньчжурские правители быстро оценили пригодность для охранительных целей конфуцианской философии сунского времени, особенно учения Чжу Си, в котором эта философия получила законченное выражение. Система Чжу Си сложилась в условиях отставания китайским народом своей независимости от натиска чжурчженей и тангутов, в условиях борьбы за свою цивилизацию и государственность. Философия сунской школы развивалась в обстановке борьбы за крепкую центральную власть, за пресечение центробежных тенденций крупных феодалов, за законность власти. Тогда эта система была прогрессивной, служила продвижению страны по исторически необходимому пути. Теперь же, на последнем этапе феодализма, учение Чжу Си было использовано для поддержки режима феодального абсолютизма — во всем, что в нем касалось интересов феодалов, глубоко реакционного. Сунская философия стала официальной доктриной режима. Для ее закрепления прибегли даже к прокламированию ее от имени верховной власти: император Кан-

си опубликовал «Священный эдикт» («Шэн юй») — свод положений, определяющих государственную идеологию; этот эдикт в распространенном виде был повторен от имени императора Цянь-луна. В нем были зафиксированы феодально-патриархальные начала общественных отношений, политической системы, верховной власти.

На этой почве среди оппозиционной части китайского общества образовалось течение, враждебное философии сунской школы. Уже в начале цинской эпохи Хуан Цзун-си, один из крупнейших мыслителей Китая XVII в., принимавший самое активное участие в борьбе с маньчжурскими завоевателями, даже ездивший в Японию с целью призвать японцев к борьбе против маньчжуров, выступил против важнейшего тезиса сунской политической теории — против абсолютной власти правителя. Хуан Цзун-си говорил, что отношения правителя и народа не абсолютны, а условны, что «права и обязанности правителя определяются интересами народа».

Другие стали бороться с сунской философией, упрекая ее в абстрактности, в отходе от жизненной практики. Положение о необходимости для всякой философии исходить из жизненной практики и на эту практику опираться стало основным для многих оппозиционных направлений общественной мысли XVII—XVIII вв. Одним из первых, кто со всей силой это положение провозгласил, был Гу Янь-у. Он призывал черпать из двух источников — из действительности и из документальных материалов. Последнее сделало его основоположником филологии, широко развившейся в Китае именно в XVII—XVIII вв. Вместе с тем, Гу Янь-у в вопросах антологии и гносеологии испытал влияние учения идеалиста Ван Ян-мина о «прирожденном знании».

Цинская филология, как и всякая другая старая филология, состояла в критике древних письменных памятников, в установке их подлинности. Однако задачи этой филологии тогда были отнюдь не чисто научными: критикуя древние памятники, цинские филологи стремились подорвать сами основы сунской философии, именно на эти памятники и опиравшейся. Так, например, Ян Жо-цзюй утверждал, что «Шу цзин» («Книга истории»), одна из самых важных книг конфуцианского канона, высоко ценяемая сунскими мыслителями, возникла не во времена древнего Чжоуского царства, как считалось, а в IV—III вв. до н. э., т. е. представляет позднейшую подделку под якобы древний текст. Ху Вэй, второй создатель цинской филологии, объявил, что целиком из даосского источника идет «И цзин» («Книга перемен»), важнейшая часть конфуцианского канона, основа всей философии природы у сунцев.

Главными представителями филологии в дальнейшем стали Хуэй Дун и Дай Чжэнь. Первый отвергал подлинность всех древних памятников, кроме тех, которые возникли во времена Ханьской империи. Это было у него связано со стремлением противопоставить сунским философам, подвергавшим сомнению ханьское конфуцианство, именно ханьских мыслителей как носителей подлинной традиции. На этой почве выросла целая школа, поставившая своей целью изучение источников времен Хань.

Дай Чжэнь шел по другому пути. Он отвергал безоговорочно признание подлинными только одни ханьские памятники и утверждал, что содержание всех древних памятников — «путь» (*дао*), т. е. определенное учение; излагается же этот «путь» посредством «слова» (*ци*), слово же передается через «письменный знак» (*цзы*). Поэтому первое, что должен делать исследователь, — изучать саму письменность. На этой почве широкое развитие получили такие отрасли филологии, как палеография, эпи-

графика, историческая фонетика. Дай Чжэнь, кроме того, считал, что для понимания древних памятников необходимы данные истории, исторической географии, хронологии. Все эти отрасли получили в цинскую эпоху большое развитие.

История оказалась другим полем, на котором развернулась борьба оппозиционных течений общественной мысли с охранительными. Главной ареной борьбы была история минской династии. Маньчжурские правители, подражая всем предшествовавшим династиям, приходящим к власти, образовали особый комитет для составления истории династии Мин. Политической целью такой истории было доказательство исторической неизбежности падения прежней династии и замены ее новой.

Разумеется, оппозиция не смогла примириться с такой трактовкой истории павшей династии, олицетворявшей в глазах населения национальную и исторически законную власть. Поэтому появились «частные» истории минской династии.

Такое положение привело к большим научным результатам: была критически исследована подлинность почти всех старых исторических источников, и многое было справедливо отвергнуто. Во всяком случае, ни одно серьезное исследование памятников китайской древности не может пройти мимо работ цинских филологов и историков, при критическом отношении и к этим работам.

Маньчжурские власти ответили на эту работу оппозиционных философов, филологов и историков решительными мерами: на них были обрушены репрессии — казни, заключения в тюрьмы, ссылки. Эти репрессии производились неоднократно: в 1663, 1667, 1682, 1720, 1726 гг., т. е. во времена правления Канси, Юн-чжэна и Цянь-луна, прославившихся как самые «просвещенные» императоры Китая. Неудобные книги изымались, и за их сокрытие следовало наказание. Так, при Цянь-луне, в промежуток между 1774 и 1782 гг., изъятие производилось 34 раза. Изъятые книги были внесены в «Список запрещенных книг».

Однако все эти меры отступают перед одним, поистине грандиозным мероприятием в правление Цянь-луна. С 1772 г. был предпринят сбор всех печатных книг, когда-либо вышедших в Китае. Сбор продолжался целых 20 лет. Собрали все, что могли. Это составило огромную для тех времен библиотеку из 172 626 томов (10 223 названия), размещенную в нескольких книгохранилищах в Пекине и в других городах. Для разбора и обработки собранного материала было привлечено 360 человек. Все книги были разделены на четыре раздела, отчего вся библиотека получила название «Сы ку цюаньшу», т. е. «Полное собрание книг четырех хранилищ». Через несколько лет 3457 названий были выпущены в новом издании, а остальные 6766 названий были описаны в подробно аннотированном каталоге.

Европейская синология превознесла это мероприятие Цянь-луна, видя в нем акт просвещенного правителя. И действительно, ни один синолог не может обойтись без «Сы ку цюаньшу» — как изданных книг, так и каталога, в котором можно найти хорошую справку о любом нужном сочинении. Исключительную ценность представляют и составленные еще в правление Канси толковый словарь «Канси цзыдянь» и словарь цитат и выражений «Пэйвэнь юньфу».

Однако нужно видеть и другую сторону дела: это была, во-первых, грандиозная операция по изъятию книг, могущих служить опорой для всяких «опасных мыслей», во-вторых, не менее грандиозная операция по фальсификации текстов. В вышедших новых изданиях были изъяты все

нежелательные места; менялись даже названия книг. Позднейшая китайская и японская филологическая наука хорошо поняла эту сторону дела, и одна из задач современной филологии — восстановление «отредактированных» текстов в их подлинном виде.

Оставалась, однако, одна область, на которую контроль маньчжурского правительства особенно не распространялся. Эта область — литература.

Речь идет не о литературе правящего класса — как той группы его, которая служила маньчжурской власти, так и той, которая была ей оппозиционна. В этой среде продолжали культивироваться только те виды литературы, которые считались единственно достойными образованного общества, — «высокая» поэзия и бессюжетная эссеистическая проза. И ту и другую поддерживала давняя традиция, восходящая еще к танским и сунским писателям. Ее сохранению способствовала система правительственных экзаменов, состоявшая в написании сочинения на тему из классиков с помощью цитат из этих классиков, причем ход рассуждения определен особой логико-стилистической схемой, называвшейся *багу* («восьмичленная композиция»). Этому трафарету должны были следовать все экзаменуемые, сама же схема *багу* была выработана на основе композиционных приемов танских и сунских прозаиков. Таким образом, явление, бывшее при своем возникновении свидетельством развития литературного мастерства, превратилось в мертвый шаблон, исключавший всякую живую мысль.

Подлинная жизнь сосредоточилась в другой литературе — литературе, развившейся в больших городах среди городского населения. Эта литература состояла из театральных пьес и повествовательной прозы. Корни и того и другого уходят в устное творчество народных рассказчиков, в представления уличных комедиантов. В XIII—XVI вв. устный сказ и уличные представления привели к созданию романа и драмы. В эпоху Минской империи драма получила большое развитие: усложнился сюжет, увеличилось число вводимых в действие персонажей, представление стало разбиваться на несколько актов (иногда до 10). В XVII—XVIII вв. именно эта драма и продолжала развиваться дальше. Появилось много замечательных пьес, как, например, пьеса Кун Шан-жэня «Веер с цветами персика» («Тао хуа шань»).

Продолжал свое развитие также роман. В XVIII в. возникли те два романа, которые принадлежат к числу наиболее значительных произведений всей повествовательной литературы феодального Китая: «Сон в красном тереме» («Хун лоу мэн») и «Неофициальная история конфуцианцев» («Жулинь вайши»).

В драме и романе цинского времени проявилось действительно поступательное движение китайской литературы. В этих двух областях видны те новые общественные силы, развитие которых задерживалось реакционным режимом маньчжурского абсолютизма, чувствуется протест против нравов и морали класса феодалов. «Сон в красном тереме» — роман из жизни знатного маньчжурского семейства. Герой — молодой человек из этой семьи. Содержание — любовные истории и переживания. Однако направление романа особое: свободное чувство с его чисто человеческими законами противопоставляется принудительным нормам феодальной морали, не поддерживавшим нравственный уровень человеческой личности, а грубо его подавлявшим.

«Неофициальная история конфуцианцев» — большое полотно социальной сатиры, направленной на самые косные элементы в обществе того

времени — бюрократию, чиновничество. Сатира касается основных черт механизма создания такой бюрократии — системы правительственных экзаменов как орудия подбора чиновников; системы, превращающей людей в манекены. В конце цинского периода этот роман сыграл большую роль в антиправительственной пропаганде.

Интенсивно развивалась и наука. В самом конце XVI в. (в 1596 г.) вышел труд ботаника и фармаколога Ли Ши-чжэня «Основы фармакологии», в котором детально описаны 1892 лекарственных вещества, главным образом растительного происхождения; попутно автор дал и свою классификацию растений. В 1592—1593 гг. вышло знаменитое математическое исследование «Основы правил вычисления». В XVII в. крупный филолог Гу Янь-у выпустил труд по фонетике китайского языка — исторической и современной. Вышеупомянутый труд Сун Ин-сина описывал виды ремесленного производства, а Сюй Гуан-ци — развитие земледелия и сельскохозяйственной техники.

Таково было состояние китайской культуры в XVII—XVIII вв., т. е. тогда, когда власть маньчжурских правителей Китая была крепка и когда экономическое, социальное и политическое развитие страны еще не создавало почвы для подъема национального и антифеодального движения. Признаки такого подъема стали обнаруживаться в XIX в.

О РАБОТЕ М. Н. ПАКА «О ХАРАКТЕРЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СИЛЛА В ПЕРИОД ТРЕХ ГОСУДАРСТВ»

М. Н. Пак оспаривает широко распространенную оценку социально-экономического строя царства Силла в эпоху существования на Корейском полуострове трех отдельных царств как рабовладельческого. Этой оценке М. Н. Пак противопоставляет свою: он считает, что о рабовладельчестве можно говорить лишь как об укладе, а не как об основе всего социально-экономического строя; что основное направление социально-экономического развития Силла в те века было в сторону феодализма. Позиция М. Н. Пака имеет очень серьезное значение. Его взгляды создают коллизию с концепцией, наиболее распространенной в настоящее время в исторической науке Корейской Народно-Демократической Республики, науке, развивающейся на основе марксистского понимания исторического процесса.

Как известно, мнение, что строй Силла в период «Трех царств», как и строй двух других царств — Когурё и Пэкче, был рабовладельческим, наиболее подробно развитое в работе Пэк Нам Уна (ныне член Академии наук КНДР), разделяется видными историками, работающими в КНДР. С этой точки зрения излагается история эпохи Трех царств в известной работе «Древняя история Кореи», изданной в 1951 г. специальной комиссией по составлению истории Кореи. Данная концепция вошла и во все школьные учебники. Таким образом, оспаривание правильности этой концепции и выдвижение другой является делом научно чрезвычайно ответственным.

Внимательно ознакомившись с работой М. Н. Пака, я считаю, что он имел основание выступить с другим взглядом на социально-экономический строй Силла в указанный период; его сомнения в правильности оценки этого строя как рабовладельческого законны; выдвинутое им положение о феодализме как главной линии развития социально-экономических отношений в Силла в указанную пору основано на внимательном изучении источников. Разумеется, ни рецензируемой работой М. Н. Пака, ни изданными ранее трудами корейских историков вопрос о характере социально-экономического строя трех древних корейских царств не может считаться окончательно решенным. Выступление М. Н. Пака может вызвать дальнейшее движение научного исследования в этой области как у нас, так и в Корейской Народно-Демократической Республике. Позволю себе попутно заметить, что мои небольшие занятия историей Кореи привели и меня к выводам, в общих линиях совпадающим со взглядами М. Н. Пака.

Перехожу к разбору самой работы. В мотивировочной части (стр. 1—4) Пак выдвигает правильное положение, что, несмотря на работы корейских историков-марксистов, материалы, характеризующие социально-экономический строй Силла в указанный период, еще не могут

считаться достаточно разработанными (я бы добавил: даже полностью учтенными), а вопрос о природе этого строя еще никак не может считаться окончательно решенным. В дополнение я посоветовал бы автору отметить, что исторически правильное раскрытие социально-экономического строя древних корейских царств, и в особенности определение главной линии его развития, имеет огромное значение для понимания той основы, на которой сложилось впоследствии, во второй половине VII в., на Корейском полуострове единое корейское государство. Ведь было бы весьма поверхностным считать образование такого единого государства только результатом одностороннего усиления царства Силла, усиления, обусловленного разгромом войсками китайской империи двух других корейских царств — Когурё и Пэкче, давнишних противников Силла и претендентов (особенно Когурё) на роль объединителей всей Кореи в одном государственном целом. Появление единого государства, несомненно, подготавливалось образованием единообразных социально-экономических условий на всем полуострове или по крайней мере в его важнейших районах, при племенной и языковой близости населения трех древних царств, которая стала предпосылкой для сформирования (с наступлением соответствующих социально-экономических и политических условий) корейской народности.

Социально-экономическая основа образования единого корейского государства может быть с надлежащей полнотой раскрыта только путем анализа исторического процесса во всех трех древних корейских царствах. Мне кажется даже, что с этой стороны большее значение имеет история не Силла, а Когурё и Пэкче. Наиболее передовым государственным образованием в те века было Когурё. Об этом красноречиво свидетельствуют дошедшие до нас памятники материальной культуры этого царства; более передовым, чем Силла, долгое время было и царство Пэкче, что подтверждается громкой славой, которой пользовались и в Китае и в Японии изделия ремесленников этого царства — гончаров, ткачей, кузнецов, ювелиров. Силла, расположенная в юго-восточной части полуострова, долгое время была страной отсталой по сравнению с Когурё и Пэкче. Но все же и в Силла (пусть и несколько замедленно) шли те же процессы, что и в остальных царствах на полуострове. Изучение ранней истории Силла важно с той стороны, что все же именно этому царству выпала роль объединителя всей Кореи, с чего, собственно, и начинается история Кореи как единого государства, начинается история корейской народности. Если бы М. Н. Пак усилил мотивировочную часть работы чем-либо из высказанных соображений, важность его научного замысла стала бы для читателя гораздо более ясной. Получило бы также необходимую оговорку и то, что он остановился только на истории Силла.

Перехожу к конкретной части работы. Сначала М. Н. Пак стремится на основании различных источников установить время, когда образовалось государство Силла. Это составляет первую часть работы (стр. 5—30). Затем он переходит к выяснению того, на основе какого социально-экономического строя это государство образовалось и развивалось. Это вторая часть работы (стр. 30—54).

Начиная с исследования вопроса о времени возникновения государства Силла, М. Н. Пак указывает, что «вся старая феодальная, а также иностранная буржуазная историография, слепо следовавшая за авторами «Самгук саги» и «Самгук юса» (наиболее ранние из корейских историографических памятников.— *Н. К.*), возникновение трех государств отно-

сила к I в. до н. э., причем самым древним считали государство Силла» (стр. 5). Это верно.

Автор считает далее: «несостоятельность этой доктрины... полностью доказана трудами корейских историков»; они доказали, как говорит М. Н. Пак, и то, что «государственность в Когурё и Пэкче сложилась раньше, чем в Силла» (стр. 5). Под корейскими историками М. Н. Пак разумеет, видимо, позже упоминаемых им в этой же связи (стр. 14) Пэк Нам Уна и других. Одни из них относят образование государства Силла к концу III в., другие — к самому началу VI в. (502 г.), а третьи — к периоду с конца IV по конец V в. (стр. 25). Сам М. Н. Пак относит сложение государственности в Силла к III—V вв. (стр. 25), особо выделяя при этом вторую половину IV в. (стр. 23).

В приведенных высказываниях М. Н. Пака сквозит, как мне кажется, излишне пренебрежительное отношение к свидетельству старых корейских историографических памятников. Они, как мне представляется, рисуют исторический процесс в общем правильно, но только по-своему, говоря о нем своим языком, который исследователь-марксист должен понимать. И как раз эту сторону старых историографических памятников, по-моему, и следовало бы автору подчеркнуть, тем более, что он сам во многих случаях видит в показаниях этих памятников стражение подлинной исторической действительности. К тому же путь к правильному пониманию языка этих памятников указал один из перечисленных автором корейских историков — Пэк Нам Ун. Мне кажется, что М. Н. Паку следовало бы договорить то, чего не договорил этот историк.

Свидетельство хроники «Самгук саги» о возникновении трех древних корейских царств в I в. до н. э., вообще говоря, правильно. Нужно только понять, о чем тут идет речь. Хроника «Самгук саги» написана на китайском языке. Она пользуется терминами старой китайской историографии в том смысле, в каком они употребляются в этой историографии. Китайское слово, звучащее в современном китайском (северном) произношении *го* (в южном китайском — *кок*; в древности в северо-восточных диалектах также, вероятно, *кок*), в корейском произношении *кук* употребляется и как географический и как политический термин (т. е. и «страна» и «государство»). При этом такое обозначение может прилагаться одинаково и к действительно целой стране, занятой каким-нибудь племенем, и к любой, даже самой незначительной по размерам территории, если она выделяется как обособленный район, например — к территории даже одной небольшой племенной группы. Хорошим примером именно такого применения термина *кук* в корейской историографии может служить наименование «государствами» крохотных владений отдельных племенных групп на юге Корейского полуострова, составлявших все вместе взятые также «государство», называемое «Кая». Слово «го» («кок», «кук»), таким образом, относится в китайских и корейских, написанных по-китайски, хрониках к любой форме социально-политического объединения: к отдельной племенной самоуправляющейся группе, к союзу племен и к государству в марксистском понимании. Поэтому, когда «Самгук саги» говорит о возникновении *кук*, следует помнить, что под *кук* могут подразумеваться различные явления.

Термин «кук», который употреблен в данном случае хроникой «Самгук саги», следует понимать не как «государство», а как «племенной союз». Это явствует из всего описания эпохи «Трех царств», что видит хорошо и сам Пак (стр. 7). До него это отметил Пэк Нам Ун. Поскольку же образование на территории полуострова трех больших племенных союзов

представляет собою первостепенной важности факт, постольку следует говорить не о несостоятельности датировки этого старого корейского памятника, а, наоборот, о большом историческом значении этой датировки. Между прочим, автор, правильно толкуя (на стр. 14) смысл употребленных Пэк Нам Уном выражений 部族國家 и 征服國家, как «военная демократия» и как «государство» в общепринятом понимании этого термина, напрасно называет эти выражения не совсем удачными (стр. 3). Они становятся неудачными, если не знать, в каком смысле употребляет эти термины социально-политической истории современная японская марксистская историческая наука, к которой по образованию принадлежит Пэк Нам Ун, написавший свою работу по-японски. Первым термином обозначается то, что мы обычно называем «племенным союзом», вторым — то, что мы называем «государством» в его первоначальной форме, т. е. когда его возникновение связано не только с образованием классов, но и с завоеванием. Поэтому переводы «клановое государство» и «воинственное государство», которые дает этим терминам М. Н. Пак, следует вообще снять, как порождающие недоразумение и вызывающие незаслуженные упреки по адресу корейского историка.

Недоразумение с пониманием того, о чем в действительности идет речь в рассказе «Самгук саги», т. е. о возникновении в I в. до н. э. «Трех царств», вызывает неправильную оценку сообщений данного памятника: «...несостоятельность этой датировки ... полностью доказана трудами корейских историков». Да, если думать, что тут речь идет о возникновении государства в марксистском понимании этого термина, датировка «Самгук саги» действительно неверна. Но дело в том-то и заключается, что она относится, как правильно подметил еще Пэк Нам Ун, не к государству, а к племенному союзу. А по отношению к племенному союзу такая датировка, видимо, правильна.

Таким образом, отпадает необходимость критики рассказа «Самгук саги» о рождении основателя царства Силла, необходимость указания на фантастичность этого рассказа и в связи с этим на его несостоятельность. Историческое предание чуть ли не всех народов обязательно повествует об «основателях» государства, причем (почти как правило) окружает их ореолом чудесного происхождения. Рассказ «Самгук саги» о чудесном появлении основателя государства Силла только повторяет обычную схему, и заниматься ее критикой совершенно излишне. В приведенной легенде важно только одно — как раз то самое, на что обратил внимание М. Н. Пак: слово «косоган», которым легенда обозначила этого первого правителя. М. Н. Пак правильно обратил внимание на это слово, а также и на другие слова, которыми обозначали правителей в более поздние времена, — на слова «исагым» и «марипкан». Следует быть благодарным М. Н. Паку, что он провел в своей работе расшифровку этих терминов, данную корейскими историками-филологами (по-видимому, Ли Бён До). Убедительно доказано, что эти наименования представляют собою корейские слова, обозначавшие именно племенных вождей. Крайне интересно предположение, что элемент *кым* (*гым*) в названии «исагым» есть тот же *кан* (*ган*), который присутствует в названиях «марипкан» и «косоган», а *кан* в этом случае тот же *кан* или *хан*, который соединяется с именами племенных вождей у тюркоязычных племен (стр. 11). Филологические наблюдения, сделанные Ли Бён До и скрытые в его «примечаниях» к современному изданию «Самгук саги», настолько важны, что имя Ли Бён До заслуживает внесения в текст рецензируемой работы, тем более что М. Н. Пак широко пользуется толкованием этих

слов Ли Бён До для понимания исторического процесса в древнем царстве (племенном союзе) Силла. Использование других данных старых корейских хроник (особенно сообщений о появлении особых наименований для шести древних племенных групп, заселявших территорию древнего царства Силла, о родственных связях между ними — стр. 8) позволило М. Н. Паку, как мне кажется, правильно вслед за Пэк Нам Уном охарактеризовать социально-экономическую природу царства Силла на раннем этапе как общеплеменной союз. В нем объединились шесть исконных племенных групп. Из них состояло древнее племя «чинхан», как называет его старая китайская историография.

Главная задача М. Н. Пака в этой части работы состоит, однако, не столько в этом, сколько в определении исторического момента, когда в Силла появилось государство в нашем понимании этого термина или, по приведенному автором удачному выражению Пэк Нам Уна, когда общеплеменной союз Силла «перерастает» в государство Силла (стр. 14).

М. Н. Пак стремится отыскать в материале старых хроник такие признаки, которые с позиций марксистского понимания истории свидетельствуют именно о формировании государства. Таких признаков два: разделение подданных государства по территориальным делениям и учреждение публичной власти (стр. 15).

Подобранные М. Н. Паком исторические факты (стр. 16—18), извлеченные из «Самгук саги», факты, говорящие о военных столкновениях, особенно с южнокорейскими племенами, рассматриваются как свидетельства «вступления Силла на путь захвата соседних территорий» (стр. 18), т. е. того самого процесса завоеваний, который Пэк Нам Ун считает основной возникновением государства. В отличие от Пэк Нам Уна М. Н. Пак считает главным здесь не завоевания, не покорение других племенных групп, а результат завоеваний, выразившийся в «распаде старых родовых связей, смешении населения, независимо от прежней принадлежности к тем или иным родам» (стр. 18). Однако он не показывает конкретно-исторически «разделения подданных государства по территориальным делениям» — первого признака образования государства. Ничего, кроме перечня военных столкновений и предположения о распаде старых родовых связей как следствия завоеваний, в работе нет. Вряд ли можно для данного времени (I—III вв. н. э.) установить разделение подданных государства по территориальным делениям, под чем следует понимать административно-политическое деление страны. Поэтому также не случайно, что вместо того, что найти затруднительно, автор выявляет возможное — признаки возникновения имущественного неравенства (стр. 18—19).

Мне кажется, что именно так должен был сказать М. Н. Пак. Приводимые им крайне скудные сведения говорят только о бедных и богатых. Правда, сообщения о бедности в «Самгук саги» всегда связываются со стихийными бедствиями, так что сами по себе эти сообщения еще не могут свидетельствовать о возникновении имущественного неравенства как явления социального, и слова М. Н. Пака, что описываемые «бедствия... были и следствием социальных изменений», являются чистым предположением.

Свою мысль, что в этих сообщениях следует видеть свидетельство возникновения бедности и богатства, М. Н. Пак мог бы, как мне кажется, более убедительно подкрепить им же приводимым фактом — появлением в сообщении «Самгук саги» обозначения, которое автор толкует как «богатое население» (стр. 19).

Термин «хао минь» хорошо известен всем, занимающимся историей Китая. В исторических памятниках Китая словом «хао минь» обозначались не только «богатые», но и «сильные», «могущественные». Именно на появление этого термина М. Н. Пак и должен был направить основное внимание. Использование категории «богатых и могущественных» естественно предполагает противопоставление их «бедным и слабым». Понятия могущества и богатства соотносительны с понятиями слабости и бедности. Поэтому появление именно категории «богатых и могущественных» и может служить гораздо более убедительным доказательством существования на другом полюсе бедности и зависимости как явления социального, а не как результата стихийных бедствий. Только при таком пути рассуждения делается сколько-нибудь возможным весьма категорическое заявление М. Н. Пака: «...после установления фактов возникновения классового деления силланского общества...». Мне все же кажется, что даже при таком внимательном отношении к появлению категории «хао минь» пока правильнее говорить не об образовании классов, а только о возникновении имущественного неравенства. Без сопоставления с другими чертами общественного развития социальная природа богатства и бедности не может быть ясной. Большее имущество у одних и меньшее у других может наблюдаться и в условиях родового строя.

Таким образом, я посоветовал бы М. Н. Паку поиски признаков «разделения подданных государства по территориальным делениям» в эту раннюю эпоху вообще оставить. О таком разделении можно говорить только применительно к государству Силла в начале VI в., когда были введены области, округа и уезды (стр. 27). Вместо этого лучше остановиться на том, что дает собранный материал, — на развернувшихся в I—III вв. н. э. завоевательных походах вождей племенного союза Силла и подчинении этому союзу других племенных групп и вместе с тем — на факте появления в это же время имущественного неравенства.

В отыскании признака формирования государства (учреждения публичной власти) М. Н. Паку удалось сделать гораздо больше. Он извлекает из «Самгук саги» действительно явные признаки появления особого аппарата управления (стр. 20—25). Очень значительно приведенное сообщение «Самгук саги» об учреждении в 231 г. должности главного военачальника. Как М. Н. Пак отмечает, этот факт совпадает по времени с периодом завоевательных походов. Столь же важно свидетельство об учреждении в 261 г. должности заведующего казной. Вождь Силла стал называться *марипкан* («верховный правитель») и начал выслушивать государственные дела в особом помещении. Как мы знаем из истории многих других народов, в частности японского, именно эти три должности — верховного правителя, военачальника и заведующего казной — и были первыми органами публичной власти в формирующемся государстве. Все это относится к III—IV вв., и именно этими веками можно датировать образование государства Силла. М. Н. Пак, как было указано выше, дает несколько другую дату — III—V вв. Но приводимые им далее факты относятся к более позднему времени, и их правильнее считать признаками дальнейшего развития государственности. Поэтому автор более прав, как мне кажется, не там, где он говорит о III—V вв. (стр. 25) как о времени зарождения в Силла классового общества и государства, а там, где он говорит о второй половине IV в. как о переломном моменте в процессе формирования публичной власти (стр. 23). Следует сказать, что выделение им факта появления термина «марип-

кан» как титула верховного правителя Силла, по-видимому, оправдывается существом дела: Пак подметил явление, имеющее серьезное значение для суждения о процессе формирования государства в Силла. И тут снова в чрезвычайно выгодном свете предстает перед нами корейский филолог Ли Бён До, давший ту этимологию титула (стр. 23), которая позволила М. Н. Паку сделать выводы.

Попутно я должен еще раз указать на несправедливое отношение М. Н. Пака к «Самгук саги». Этот исторический памятник сообщает, что в I в. н. э. было «установлено деление чиновников на 17 рангов». По мнению М. Н. Пака, в ту эпоху так еще не могло быть; вообще тогда не могло быть и речи о каком-либо чиновничестве; автор «Самгук саги» попросту «смешивал общественные должности эпохи родового строя с государственными чинами, возникшими позже» (стр. 20).

М. Н. Пак совершенно прав. Ни о каком чиновничестве, да еще разделенном на 17 рангов, говорить применительно к тому времени нельзя; речь могла идти только о каких-то общественных должностях в общеплеменном союзе. Но неужели он не видит, что источник говорит именно о таких должностях? Все китайские термины хроники относятся к развитому феодальному государству. Корейский историограф других терминов не знал и не мог знать. Поэтому наименованием, относящимся к определенному явлению китайского государственного устройства, в корейской историографии, возникшей, как та же хроника «Самгук саги», уже в эпоху развитого феодализма, может обозначаться явление совсем не феодальное по своей природе. Сообщение «Самгук саги» следует понимать только как указание на существование какой-то иерархии, не более. Сами же наименования рангов свидетельствуют, что речь шла об иерархии в общеплеменном союзе: ведь эти наименования — корейские. А мог ли корейский феодальный историограф назвать действительно «ранги» действительно «чиновников» иначе, как только китайскими наименованиями? Поэтому, если автор «Самгук саги» приводит корейское наименование, это само по себе свидетельствует о том, что его сообщение не «анахронизм», как пишет М. Н. Пак, а точное историческое свидетельство. Повторяю, М. Н. Пак верно толкует сообщение «Самгук саги» и не прав только в характеристике данного источника. Во всей остальной части первого раздела работы правильно излагается дальнейшее развитие органов публичной власти в государстве Силла.

Предмет второго раздела, как было указано выше, — определение той социально-экономической основы, на которой выросло государство в Силла. Тут М. Н. Пак оспаривает прочно утвердившееся в современной корейской исторической науке мнение, что такой основой был рабовладельческий строй, и утверждает, что рабовладительство занимало в этом государстве место одного из укладов, ведущими же были элементы феодальных отношений.

Первой задачей М. Н. Пака в этом разделе является, следовательно, опровержение мнения историков, утверждающих, что Силла в эпоху «Трех царств», т. е. с III—IV и по VII в., было государством рабовладельческим. Эту концепцию первым выдвинул Пэк Нам Ун, и поэтому критика направлена прежде всего на его работу. Для решения вопроса о роли рабства очень важно определение числа рабов. Поэтому М. Н. Пак сначала рассматривает те источники пополнения рабов, о которых говорит Пэк Нам Ун. Тут критика Пака мне кажется убедительной. По-моему, он прав, когда на основании разбора источников утверждает, что захват пленных во время столкновений с другими племенными группами вовсе

не означал обязательного превращения пленных в рабов. М. Н. Пак очень удачно указывает на китайский термин «ляп минь», которым определялось, по свидетельству «Самгук саги», положение пленных после войны (стр. 33). Этот термин представляет наименование определенной социальной категории населения и именно свободных. Об этом с полной ясностью говорит все китайское и японское феодальное законодательство.

Убедительно высказывание М. Н. Пака, что продажа в голодные годы родителями детей и обращение в рабов должников и преступников также не могли служить серьезными источниками пополнения числа рабов (стр. 33—34). История рабовладельческих государств ясно показывает, что рабовладельческий строй в них основывался не на рабах, добываемых из таких источников, весьма ограниченных по самой своей природе. Более серьезное значение имеет указание Пэк Нам Уна на то, что в рабов обращалось пришлое население — переселенцы из других корейских царств. Кстати сказать, лучше именно так передавать по-русски термин «гуй хуа минь», который Пак передает словами «обращенное население» (стр. 34). В современной действительности этот термин имеет значение «натурализовавшегося населения», т. е. населения, пришедшего извне и получившего права гражданства страны. В те же времена им обозначали пришлое и осевшее на территории данного государства население. Миграция населения наблюдалась в древней истории и Китая и Японии; она наблюдалась и в Корее. С этой точки зрения сообщения «Самгук саги» о случаях перехода на территорию Силла больших племенных групп имеют очень важное значение.

М. Н. Пак оспаривает утверждение Пэк Нам Уна, что это пришлое население обращалось в рабов. Пэк Нам Ун основывается на словах хроники, что эти пришельцы покорились и были поселены в таких-то местах. Пак удачно противопоставляет этому аргументу ссылку на другое место хроники, где говорится о братских отношениях, устанавливавшихся между коренным населением и пришельцами, о полной свободе их передвижений (стр. 35). Я добавил бы к этому указанию Пака еще следующее: откуда могли появляться эти пришельцы? Вероятно, ответ на этот вопрос следует видеть в многочисленных сообщениях о том, что население Пэкче большими группами уходило на территорию соседнего царства Силла, спасаясь и от угнетателей, и от внутренних междоусобиц, столь частых в истории царства Пэкче. Между Силла и Пэкче в V—VI вв. велась почти не прекращавшаяся борьба, и правители Силла стремились использовать всякую возможность для ослабления Пэкче. Могли ли они поэтому не стремиться привлекать к себе труженников-земледельцев царства Пэкче, охотно предоставляя им места для поселения? Могли ли они при этом обращать таких переселенцев в рабов, т. е. создавать для них условия, худшие по сравнению с теми, которые существовали в Пэкче? В таком случае не могло бы создаться и такой очень явственной тяги земледельческого населения к переходу в Силла. Мне кажется, что М. Н. Пак мог бы аргументировать и этим отрицание предположения Пэк Нам Уна об обращении в рабов всех пришельцев.

Вместе с тем я сказал бы, что одинаково неправильно считать, будто никто из пришлых не превращался в рабов. Из древней истории Китая и Японии известно, что некоторые группы мигрантов — более слабые и малочисленные — обращались в рабство, многочисленные же и сильные ставились в положение, одинаковое с массой коренного населения, а предводители и старейшины пришельцев даже входили в состав господствующей

щего класса. К стати сказать, последнее вполне правильно отмечает сам М. Н. Пак (стр. 18—19 и 45). Нужно учитывать, однако, что даже в том случае, когда пришельцы превращались в рабов, их положение было иным, чем положение рабов, получаемых из другого источника, например из пленных: оно было гораздо лучше. О том же свидетельствует история древней Японии, где образовалась довольно многочисленная категория таких полурабов-полусвободных. Преимущество их положения состояло в том, что владелец не мог их ни убить, ни продать; они сохраняли и свою семью, и свое хозяйство. Поэтому в решении вопроса, какова была судьба пришельцев, следует быть весьма осторожным. Но очень много этих полурабов быть не могло. Как это явствует из тех же корейских источников, они использовались главным образом как ремесленники. В земледелии полурабы из пришельцев никакой сколько-нибудь серьезной роли не играли. Мне кажется, что М. Н. Пак мог бы оперировать и этим доводом.

М. Н. Пак рассматривает далее одно сообщение источников, обнаруженное Пэк Нам Уном, как доказательство массового применения рабского труда. Это — сообщение «Синь Тан шу» («Новой истории Танской династии») (стр. 38—40). Предлагаемое автором новое толкование китайского слова *но дон* 奴僮, содержащегося в приведенном тексте этого памятника, заслуживает внимания. Пэк Нам Ун считает, что это слово означает «юноши-невольники», М. Н. Пак думает, что тут спутаны иероглифы, что должны быть знаки *но дан* 弩中僮, которыми пишется омонимичное слово со значением «арбалетчики». Речь идет, следовательно, не о рабах-прислужниках, а о воинах. Тогда, по мнению М. Н. Пака, становится вполне естественной указываемая источниками цифра — 3 тыс. человек. Представить себе три тысячи «пажей» (как переводит это слово И. Бичурин), даже у очень знатного лица, — трудно. Но если мы и допустим возможность наличия у знатного лица трех тысяч пажей-невольников, этот факт не может служить доказательством существования рабов как основной производительной силы. Ведь пажи-невольники не более чем слуги, т. е. принадлежат к категории домашних рабов, а эта категория была и в родо-племенных общинах древности, и в хозяйстве феодалов в средние века, никогда не составляя основу социально-экономического строя.

М. Н. Пак все же не прав, полностью отрицая участие рабов в земледелии. Он категорически не согласен с мнением Пэк Нам Уна о рабах, обрабатывавших землю (стр. 40). Такие рабы могли существовать. Так было в Японии, где рабство играло роль только уклада. Дело не в отрицании вообще факта возможности участия рабов в земледелии, а в определении удельного веса этого участия в экономической жизни страны. Мне кажется, что именно на эту сторону М. Н. Паку следует обратить внимание, тем более что историческая действительность, насколько она отражена в исторических памятниках, явственно показывает, что основой экономической жизни государства было земледелие, а оно находилось прежде всего в руках массы населения — земледельцев. Другой вопрос, каково было положение этих земледельцев. Хан Гир Эн, как пишет М. Н. Пак, пытается доказать существование рабовладельческой формации в Силла, объявляя все земледельческое население страны рабами (стр. 41). Это означает, что в Силла существовали две социальные категории — рабовладельцев и рабов, причем рабами была вся масса населения, т. е. в сущности весь народ. М. Н. Пак хорошо критикует такое утверждение. Можно было бы только добавить, что самой существенной

особенностью восточного общества в прошлом было наличие земледельческого населения, обложенного всякими податями и повинностями, но лично свободного даже в своей хозяйственной деятельности. Именно оно и составляло основную массу населения страны. Даже в период развитого феодализма ничего похожего на личное закрепощение крестьянства и полное ограничение его хозяйственной инициативы в странах Востока не было. Не было его и в Корее.

Однако убедительно, по-моему, отведав аргументы историков, утверждающих о рабовладельческой природе социально-экономического строя Силла в эпоху «Трех царств», М. Н. Пак оказывается перед необходимостью сказать, чем же был строй Силла в эти века, и не только сказать, но и доказать справедливость своих утверждений.

В рецензируемой работе правильно отмечается, что в то время основное производственное значение получили не рабы, а зависимые крестьяне-земледельцы. В качестве одного из доказательств Пак приводит слова указа, переданного «Самгук саги» и относимого этой хроникой к 144 г. н. э.: «...земледельцы — основа государственного управления». Действительно, эти слова могут служить доказательством первостепенной важности в жизни государства крестьян-земледельцев. Только слова эти следует рассматривать под несколько другим углом зрения, чем это делает Пак. Как известно из истории Китая, это формула, выработанная китайскими феодалами, выработанная на базе развитых феодальных отношений. Она, с одной стороны, выражала действительное положение дел в стране, с другой же — служила целям «подкрашивания» феодальной эксплуатации крестьянства возвеличением роли крестьян. Поэтому появление такой формулы в Корее само по себе служит хорошим доказательством существования в стране феодальных производственных отношений, причем именно как основных.

Убедительным аргументом развития феодальных отношений служит и приводимое М. Н. Паком сообщение о возникновении крупных земельных владений. Он называет их «земельными угодьями» и «кормлеными владениями» (стр. 46). Однако соответствующие китайские термины следовало бы понять в свете тех китайских земельных институтов, которые этими терминами обозначались. *Тяньчжуан* (кор. *чончжан*) есть типичное для Китая обозначение феодального поместья, и именно с таким значением этот термин перешел затем в законодательные документы и исторические хроники Японии и Кореи. Мы не знаем случая, чтобы этим термином обозначали что-либо иное, чем феодальное поместье. Термином «шии» в Китае обозначались не владения, как передает Пак, а предоставляемые правителями должностным лицам государства крестьянские селения-общины для прокормления, т. е. с передачей налогов с общин, подлежащих сдаче государству, должностным лицам в качестве их жалованья. Таким образом, феодальная природа этих институтов совершенно очевидна.

Очень справедлив упрек, сделанный М. Н. Паком Пэк Нам Уну, что тот почти не касается налоговой системы в Силла (стр. 48). Приводимые в рецензируемой работе доказательства существования уже тогда налога, взимаемого зерном, налога, взимаемого продуктами крестьянского ремесла, главным образом тканями, или продуктами подсобных промыслов — овощеводства, рыболовства и т. д., а также рабочей повинности — в виде отбывания положенного числа дней на правительственных работах — убедительно подтверждают феодальные отношения. Ведь это типичнейшая для всех стран Восточной Азии знаменитая «триада повинно-

стей». Между прочим, лучше передать по-русски соответствующие китайские термины именно так, как это я сделал выше. М. Н. Пак хорошо это знает, это видно из его дальнейших объяснений (стр. 49), но передача словами «поземельный налог» и «подворный налог» не точна. Зерновой налог иногда взимали с участка, иногда — с души. Перевод «подворный налог» не передает содержания самого налога, а это последнее очень важно.

Есть одно обстоятельство, которое могло бы несколько нарушить в общем ясную картину. Как-никак, а эти налоговые термины китайские, и всегда может закрасться мысль, что эти термины не передают существа обозначаемых ими явлений в Корею. Правда, чрезвычайная устойчивость этих терминов говорит сама за себя, но все же я посоветовал бы М. Н. Паку поискать, нет ли корейских (по языку) обозначений этих видов налогов и повинностей. В Японию, например, эти термины также были перенесены и прочно там установились, но в древних памятниках на японском языке встречаются упоминания об этих налогах уже в японских обозначениях. Так вполне устраняется всякое сомнение в соответствии позднейшего их китайского обозначения реальному содержанию явления. Нет ли подобных обозначений в корейской народно-повествовательной литературе?

Заканчивая разбор работы М. Н. Пака, я могу только повторить сказанное в начале. Работа эта важная и нужная. Отраднo, что у нас началось изучение древней истории Кореи. Я, вероятно, не ошибусь, если скажу, что работа М. Н. Пака — вообще первая у нас в этой области. Хотелось бы также просить М. Н. Пака свою работу по изучению древней истории Кореи продолжить. Это нужно и для нашей науки, и для исторической науки в Корейской Народно-Демократической Республике.

О РАБОТЕ И. Я. ЗЛАТКИНА «ИСТОРИЯ ДЖУНГАРСКОГО ХАНСТВА»

По своему жанру работа И. Я. Златкина — историческая монография. Ее непосредственная задача — изложение истории Джунгарского ханства со времени его возникновения до гибели, т. е. с 30-х годов XVII в. по конец 50-х годов XVIII в. Однако автор счел необходимым (и поступил, как мне кажется, правильно) затронуть и историческое развитие Западной Монголии в XV—XVI вв., т. е. рассказать о жизни ойратов до создания ими своего, отдельного государства. Тем самым его книга превратилась в исследование исторического пути и судеб одной из монгольских народностей. Об истории монголов вообще и истории ойратов в частности существует обширная научная литература, но монографических работ подобного рода до сих пор не было. Необходимость же именно в монографическом изложении прошлого ойратов прямо вытекает из общего хода наших работ в области истории народов Азии. Таким образом, И. Я. Златкин выполнил необходимое для исторической науки дело.

И. Я. Златкин, естественно, учитывал сделанное до него. Однако в интерпретации уже известных фактов он во многих случаях расходится со своими предшественниками, особенно когда дело идет об исторических оценках различных стадий истории монголов. Эта сторона его работы имеет особое значение, так как научная примитивность, а нередко прямая ошибочность некоторых исторических концепций, принадлежащих прежним авторам, писавшим о монголах, в частности Иакинфу Бичурину, мешает беспрепятственному продолжению проделанной ими большой работы. Но чтобы это наследие в нужных областях пересмотреть, И. Я. Златкин должен был снова обратиться к известным источникам и документам и как бы заново их прочитать. Современное состояние исторической науки в нашей стране позволило ему такое новое прочтение произвести вполне успешно.

* * *

История Джунгарского ханства, несомненно, часть общей истории монголов, и не только тогда, когда жизнь и судьба ойратов сливались с жизнью и судьбами других монгольских племен. История ойратов есть часть истории монголов и после обособления ойратов от других групп монголов, после образования ими своего, отдельного ханства. Ведь ойратская держава была последним по исторической последовательности независимым государством, созданным монголами за время их истории (последним, конечно, до возрождения монгольской государственности уже в нашу эпоху). Ойраты — особая народность, но столь же монгольская, сколь и халхасцы (по старому китайскому обозначению — татары). Эти две важ-

нейшие народности, действовавшие на исторической арене в послеюаньское время (после XIV в.), находились в разных отношениях друг с другом — то дружественных, то враждебных. Они существовали то в рамках одного государства, то как отдельные ханства, но вместе входили в орбиту общей истории монголов, без которой нельзя понять прошлого ни восточных, ни западных монголов. И. Я. Златкин настойчиво проводит эту концепцию; она — одно из важнейших положений его книги. Мне кажется, что он тут полностью прав.

Китайские источники, говорящие о монголах в послеюаньское время, различают две группы монголов: одну, восточную, они именуют татарами; другую, западную, — ойратами. Это очень важное обстоятельство: оно свидетельствует о совершившемся расчленении племенной массы монголов. Возникает вопрос: когда оформилось это расчленение? И. Я. Златкин, естественно, рассматривает этот вопрос. Он протестует против утверждения, что расчленение произошло сразу же или очень скоро после возвращения монголов в степь, т. е. во второй половине XIV в., и полагает, что оно оформилось в первой четверти XV в. Один из симптомов расчленения он видит в начавшейся тогда внутренней борьбе этих двух частей монгольского племени. Однако сама борьба как таковая, весьма обычная для всякого феодального общества на определенном этапе феодализма, не есть еще признак обособления. И. Я. Златкин сам неоднократно это подчеркивает. Поэтому мне кажется, что ему следовало бы обратить внимание на другую сторону этой борьбы: не сопутствовала ли она оформлению в общеплеменной массе монголов двух крупных народностей — татар (как их называли китайцы, или халхасцев, как чаще их называют у нас) и ойратов (как называли их китайцы и как называем их мы). Факт образования на одной племенной основе разных народностей, создающих собственную историю, в определенных исторических условиях — процесс вполне закономерный и наблюдавшийся в истории всех крупных племен — германских, романских, славянских. Если бы это было так, многое встало бы, как мне кажется, на свои места и помогло бы лучше понять последующую историю и халхасцев и ойратов. Пролился бы свет и на существо так называемого Союза четырех ойратов: он предстал бы перед нами не как чуть ли не особое государство ойратов, против чего И. Я. Златкин справедливо, как мне думается, возражает, а как социальное образование типа внутриплеменных объединений. Вероятно, именно оно послужило основой для образования будущей ойратской народности.

Излагая последующую историю монгольских народностей, И. Я. Златкин отклоняет мысль, встречающуюся у некоторых исследователей, о том, что многие действия монгольских правителей имели целью восстановление мировой монгольской империи. Думается, что здесь он не совсем прав. Тень великой империи долго реяла перед умственным взором монгольских ханов. Да и не только их. Она долго витала еще над всей историей. Вспомним Тимура: созданную им державу некоторые историки, а отнюдь не монгольские ханы, так и именуют «второй монгольской империей». И некоторые основания к тому есть: свои завоевания Тимур рассматривал как воссоздание бывшей империи. Последним и важнейшим этапом его завоевательской деятельности был задуманный им поход на Китай. Как известно, за подготовкой именно такого похода его и застигла смерть. Но с этой же идеей в родную степь явился Беньяшири, сыгравший большую роль в событиях начала XV в., смысл которых заключался в попытке восстановить распавшееся после возвраще-

вия в степь политическое единство монголов, в данном случае в рамках Восточной Монголии.

Призрак великой империи витал и перед ойратским ханом Эсеном, объединившим Западную и Восточную Монголию, т. е. восстановившим монгольскую державу в ее племенных пределах. Главной своей задачей Эсен все же считал покорение Китая, и, как известно, в 1449 г. он разгромил отправленную против него китайскую армию, причем взял в плен самого императора Ин-цзуна. Об огромном потрясении, которое испытала минская держава, свидетельствует хотя бы очень показательный для китайской историографии факт: этот разгром получил в ней особое наименование: *туму чжи бянь* («катастрофа у земельно-деревянных укреплений»). О том, как расценивал свою победу сам Эсен, сообщает та же китайская историография: он провозгласил себя «Да-Юань Тяньшэн Да-Кэхань» («Небесно-процветающим Великим ханом Великой Юаньской империи»).

Так было в 50-х годах XV в. А через несколько десятилетий, в 1488 г., другой монгольский правитель, Даян-хан, на этот раз из татар, вновь объединивший под своею властью восточных и западных монголов, т. е. бывший последним из всемонгольских ханов, в свою очередь провозгласил себя «Да-Юань Да-Кэхань» — «Великим ханом Великой Юаньской империи». Мне хотелось бы, чтобы И. Я. Златкин обратил внимание на эти факты. Они знаменательны хотя бы как показатель живучести иллюзий, порожденных существованием прежних империй, иллюзий, соблазнявших некоторых правителей не только у монголов и не только в средние века. Тут можно вспомнить еще и империю Бабура, которую также иногда называют «третьей (после «первой», Чингисовой, и «второй», Тимуровой) империей монгольской нации». Тень империи не покидала историю до начала XVI в. Только после этого она ушла туда, куда полагается уходить теням, — в небытие. Все это, как мне кажется, может служить хотя и косвенным, но все же подтверждением тезиса И. Я. Златкина, что история ойратов входит в каком-то смысле в общую историю монголов.

* * *

Но столь же несомненно, что с середины XVII в., т. е. с момента образования Джунгарского ханства, начинается новый этап истории монголов, глубоко отличный от предыдущего. Дело не только в том, что это ханство было единственной частью Монголии, сохранившей свою независимость от Китая (как известно, в 1636 г. в состав Цинской империи под названием «Внутренней Монголии» была включена южная часть монгольской территории, в 1688 г. под названием «Внешней Монголии» — ее северная часть). Главное не в этом. Одна из заслуг И. Я. Златкина в том, что он дал возможность понять, в чем историческая новизна этого этапа.

И. Я. Златкин многократно говорит о переходе главного направления ойратской активности на запад — в сторону Восточного Туркестана. Симптомы такого перехода он видит еще в XV—XVI вв.; когда же касается деятельности Батур-хунтайджи, основателя Джунгарского ханства, и его первых преемников, то он считает возможным говорить об установлении новых форм связи и сотрудничества между центром ойратских владений в Джунгарии и новыми ханствами, образовавшимися в Кукуноре и даже на Волге. И. Я. Златкин правильно отмечает, что в середине XVII в., после маньчжурского завоевания Китая, владетельные князья Джунгарии

были единственными среди монгольских феодалов, упорно уклонявшимися от контакта с правительством Цинской империи.

Все это вполне справедливо, но не следует ли из этого сделать генеральный вывод. Ведь XVI — начало XVIII в. — время больших событий в обширном районе: в Мавераннахре возникло Бухарское ханство, в Хорезме — Хивинское; появились казахские ханства; особое значение приобрело Восточноагагайское ханство; в XVII в. в Кашгарии сложилось «Святое царство» ходжей; в начале XVIII в. в Фергане возникло Кокандское ханство. Все это образовало единый огромный регион со своей собственной исторической активностью. И ойратское ханство, естественно, тяготело к нему. После отхода Восточной Монголии к Цинской империи оно окончательно включилось в эту сферу. Как были тут переплетены истории тюрков и монголов, свидетельствует хотя бы такой факт: во второй половине XVII в. джунгарский хан Галдан подчинил Восточный Туркестан, причем весь род восточноагагайских ханов был переведен в Или. Для того времени это была единая тюрко-монгольская историческая сфера, о чем красноречиво говорит ее название, данное китайцами, — территория Хуэйбу и Чжуньбу. Под первыми они подразумевали тюрков-мусульман, под вторыми — джунгар, т. е. монголов.

Именно о таком включении ойратов во вновь сложившуюся тюрко-монгольскую сферу и говорят все факты, приведенные И. Я. Златкиным. Сама же концепция такого исторического переключения поможет лучше понять, что история Джунгарского ханства представляет новый и самостоятельный этап истории монголов, отличный от предыдущих. Идя по этому пути, может быть, можно будет понять действия Галдана и других ойратских правителей лучше, чем в свете тибето-ойратской концепции, предложенной И. Я. Златкиным. Особые взаимоотношения джунгарских ханов с правителями Тибета, о которых справедливо говорит И. Я. Златкин, — факт, вытекающий из общего противопоставления тюрко-монгольского мира в XVII—XVIII вв. Цинской империи.

И. Я. Златкин приводит данные о земледелии, о ремесленном производстве, он считает возможным говорить даже о зачатках мануфактуры; указывает на развитие очагов оседлости — на появление стационарных монастырских поселений и даже поселений городского типа. Он учитывает и значение создания ойратами «Цааджин бичик» — своего кодекса. Это действительно явление примечательное, говорящее о прогрессе в области государственного устройства. И. Я. Златкин не проходит мимо и новых явлений в культурной жизни страны, в частности распространения ламаизма и установления связи с центром ламаистской образованности — Тибетом. К сожалению, обстоятельно излагая деятельность знаменитого Зая-пандита, И. Я. Златкин не проявляет достаточного внимания к повелению, отданному Зая-пандиту ханом Батуром, — создать особую ойратскую письменность, — которое можно рассматривать как символы сложения того, что мы назвали бы ойратским письменнолитературным языком того времени. Из всей совокупности этих данных, приводимых И. Я. Златкиным, явственно вырисовываются, как мне кажется, особенности этого периода истории ойратов: это новый и большой по значению этап, соединяющий историю одной из монгольских народностей с историей тюркских народностей Туркестана. Таков один общеисторический аспект, в котором предстает в работе И. Я. Златкина история Джунгарского ханства.

Другой аспект — история этого ханства в свете общей истории борьбы за мировые торговые пути. И. Я. Златкин (вслед за своими предше-

ственниками) уделяет много внимания торговым связям с Китаем монголов вообще и ойратов в частности. Но то, что он говорит применительно к истории джунгар, позволяет, как мне кажется, считать, что во времена Джунгарского ханства борьба за торговые пути и тут вступила в новую фазу, как она вступила в новую фазу в других районах мира. Думается, что особенности именно этого этапа мировой истории распространяются и на историю джунгар, определяя в конечном счете и ее трагический конец. И тут мне кажется вполне убедительной выдвинутая И. Я. Златкиным концепция, что главная линия внешней политики джунгарских правителей, особенно Галдана, проходила в области не взаимоотношений с Халхой, а взаимоотношений с Цинской империей.

Думаю, что И. Я. Златкин тут безусловно прав. Что такое территория Джунгарии? Это северная трасса великого трансконтинентального пути, Великого шелкового пути, как его называют, и притом на важнейшем, так сказать критическом, его участке — тяньшаньском. Этот участок с давних пор находился под контролем ойратов. И. Я. Златкин приводит также данные, указывающие на упорное стремление джунгарских правителей установить свое господство и на южной трассе тяньшаньского участка этого пути, находившегося под контролем тюркского населения Туркестана. Во времена Галдана джунгарам это удалось. И, право, именно этот факт имеет основное значение для определения внешнеполитической линии Галдана, а не его отношение к татарам, т. е. халхасцам. Хорошо известно, что правители Цинской империи прилагали огромные усилия, чтобы вырвать этот путь из рук джунгар и тюрков. Насколько это было Цинской империи важно, свидетельствует, как мне кажется, реакция Цянь-луна на известие об установлении господства Цинской империи в этом районе: Цянь-лун был так обрадован этой вестью, что тут же приказал создать «Чжуньхуэй лянбу пиндин дэшэн ту» [«Картина усмирения и обретения процветания двух народностей — чжунь (т. е. монголов-ойратов) и хуэй (т. е. тюрков)»]. Конечно, о мирной жизни и процветании джунгар говорить трудно: в Джунгарии вообще некому было процветать, так как «усмирение» (*пиндин*) выразилось тогда в поголовном истреблении населения этой злосчастной страны.

Думаю, однако, что И. Я. Златкину следовало бы учесть, что борьба за контроль на Великом шелковом пути, которая велась на протяжении чуть ли не всей истории Китая, во всяком случае со времен Ханьской империи, в XVII—XVIII вв. имела другое историческое содержание, велась на других основаниях, чем раньше — в древности и средние века. Как известно, в XV в. открывается новый этап мировой истории. Одним из его проявлений было вступление в борьбу за влияние на мировые торговые пути новых сил. Главных мировых торговых путей тогда было два. Первый — трансокеанский, от гаваней Персидского залива до портов Малаккского полуострова. Это так называемый Великий муссонный путь. Второй — трансконтинентальный, соединяющий восточноазиатский конец евразийского континента с Передним Востоком, а через него — с Европой. На трансокеанском пути ранее действовали малайцы, индийцы, персы, арабы; теперь в борьбу вступили португальцы, голландцы, англичане, с одной стороны, китайцы — с другой. Еще за 90 лет до появления у берегов Индостана Васко да Гамы там побывали огромные китайские флотилии. Это означало, что Китай в эпоху Минской империи был уже иной, чем в средние века. Это был Китай, вступивший в полосу интенсивного экономического развития, приходящий к режиму, характерному для того этапа феодализма, который мы называем фео-

дальным абсолютизмом. Представителями иного времени были и голландцы и англичане со своими ост-индскими компаниями. И Россия в XVIII в. также была уже новым, отнюдь не средневековым государством. Таким образом, если взглянуть на события, предшествовавшие гибели Джунгарского ханства, со стороны борьбы за трансконтинентальный азиатско-европейский путь, это поможет, как мне думается, лучше понять и всю историю Джунгарского ханства, вовлеченного в игру крупнейших мировых сил, будучи исторически совершенно недостаточно к этому подготовленным, а также подкрепит концепцию И. Я. Златкина в определении главного направления внешнеполитической активности джунгарских правителей. Монголо-тюркский мир пытался сохранить под контролем в то время те участки одного из важнейших путей мировой торговли, которые проходили по его исконной территории. Историческое отставание тюрков и монголов от общего процесса мировой истории было важнейшей причиной того, что им не удалось не только это, но и отстоять свою независимость.

* * *

Есть еще один аспект, открывающийся при чтении работы И. Я. Златкина. В кратком изложении он состоит в следующем. История Джунгарского ханства и вообще вся история ойратов есть часть одной — еще большей по масштабу — истории, истории народов Северо-Восточной, Центральной Азии и Туркестана, в которой можно наблюдать, как мне кажется, пять больших эпох.

Первая — IV—V вв., время, наступившее после краха на Востоке великой древней империи — Ханьской. В изменившейся обстановке одно за другим стали возникать государства, образованные народами указанной периферии, своего рода «варварские» королевства этой части мира: гуннское, тибето-тангутское, сяньбийское, жужаньское.

Вторая эпоха — VII—VIII вв., время перестройки феодализма в Танской империи: переход от экономических порядков, установившихся при господстве надельной системы, к порядкам, вызванным развитием помещичьего хозяйства. Это было время известного ослабления внутренней прочности империи, во всяком случае ее военной мощи. В такой изменившейся обстановке на исторической арене появилась как бы вторая очередь «варварских» королевств, конечно, уже другого масштаба и других судеб. Создателями этих королевств были тунгусо-маньчжуры, тюрки, уйгуры, тибетцы.

Третья эпоха — XI—XII вв., время возникновения новых мощных «варварских» королевств, создавших развитую государственность и ставших уже грозными соперниками Китая: тангутов, киданей, чжурчженей, монголов.

Четвертая эпоха — XIII—XIV вв., время кристаллизации исторической активности бывшего «варварского» мира вокруг монголов и грозного утверждения ими своего существования в качестве особой силы уже мирового значения. Как известно, так называемые монгольские завоевания были произведены отнюдь не силами одних монголов. Плано Карпини, побывавший в 1246 г. в стане Батые на Волге, указывает, что из общего числа 600 тыс. воинов, бывших под командованием этого хана, монголов было только 150 тыс., а все остальные, т. е. три четверти, принадлежали к другим племенам. Неверно, что так называемая монгольская империя была государством монголов: это была империя всего «вар-

варского» мира, объединившегося на некоторое время под руководством монгольских ханов. И управлялась эта империя отнюдь не одними монголами. Монгольские ханы были во главе, но аппарат управления находился почти полностью в руках немонголов: уйгуров, среднеазиатских тюрков, иранцев. Ремесленное производство находилось в руках мастеров самых различных народностей; торговлю вели купцы китайские, хорезмийские, иракские и всякие иные, но не монгольские. Когда при Хубилае появилась необходимость в идеологических средствах укрепления власти, главным советником императора по делам религии стал ученый тибетский монах Пагба.

В XVI—XVII вв. наступила новая, пятая по счету, эпоха в истории этих народов. Она связана с общим изменением обстановки во всем мире, с превращением Китая (с переходом к феодальному абсолютизму) в сильнейшую тогда военную державу Азии и с появлением на северо-западных границах бывшей варварской периферии новой мощной исторической силы — России. Это знаменовало начало конца особой истории народов Северо-Восточной и Центральной Азии. Джунгарское ханство было последним в цепи государств, в различное время созданных этими народами. И его трагический конец был поистине трагическим концом всего этого «варварского» мира. Только в XX в. наступила новая, шестая по счету, эпоха в истории этих народов. Она связана с новым, решительным изменением всей обстановки не только в этой части света, но и вообще во всем мире. Это — эпоха возрождения этих народов на новых исторических основах и с новым многообещающим и обеспеченным будущим.

* * *

Вот то, что я извлек из работы И. Я. Златкина. Мне кажется, что изложенное хоть в какой-то степени свидетельствует, насколько эта работа серьезна, глубока и важна для нашей исторической науки.

СТОЛЕТИЕ ЯПОНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

1

В 1968 г. Япония отмечает столетие Мэйдзи-исин («Мэйдзийского обновления»), как обозначается это событие в японской историографии и в общественном обиходе, или буржуазной революции, как определяет его историческая наука.

В XVI—XIX вв. в мировой истории протянулся ряд буржуазных революций, шаг за шагом продвигавших вперед экономическое, социальное и культурное развитие человечества, означавших смену общественного способа производства. Эти революции произошли в передовых тогда странах Европы, в которых уже со времен Ренессанса созревали предпосылки перехода к критической, а это значит — последней, фазе феодализма. Такими странами оказались Нидерланды, Англия (как сама, так и ее колонии в Северной Америке) и Франция. Поэтому первые буржуазные революции и совершились именно в них: нидерландская — в 70-х годах XVI в., английская — в 40-х—50-х годах XVII в., американская — в 70-х годах XVIII в., французская — в 1789—1794 гг. За ними последовали: революция 1848—1849 гг. в Германии; в те же годы — в Австрии, Венгрии, Чехии; в 40-е—50-е годы — в Италии, Испании. В 1861 г. в России созревшая революционная ситуация завершилась падением крепостничества с последующими преобразованиями. Так постепенно складывалась мировая система капитализма. Колониальные захваты Голландии, Англии и Франции втягивали в нее одну часть мира за другой. Первым реальным проявлением этого процесса было возникновение мирового капиталистического рынка.

Открытие для иностранной торговли первых портов в Китае произошло в 1842 г., в Японии — в 1854 г. Обе эти страны, тогда феодальные, были втянуты в мировой рынок насильственно: Китай — в результате поражения в первой «опиумной» войне с Англией, Япония — под дулами орудий американской эскадры. Тем самым для них тогда создавалась перспектива включения в мировую систему капитализма если и не в качестве колоний или полуколоний, то, во всяком случае, зависимых стран. С Китаем так и произошло. Единственным в тех условиях эффективным средством завоевать себе независимое место в этой системе был быстрый переход на тот же — тогда передовой — уровень социально-экономического культурного развития, а это означало — произвести у себя революционный переворот. Китай пытался это сделать, что своеобразно преломилось в тайпинском восстании в 50-е—60-е годы XIX в., но его успеху помешала весьма сложная внутренняя и внешняя обстановка, а еще более — противоречивость сил, действовавших в самом движении тайпинов. Япония успела это сделать, почему она и вошла в мировую капитали-

стическую систему не как объект, а как субъект. В этом смысле она оказалась последней такой страной: революция в ней замкнула цепь тех буржуазных революций, которые превратили капитализм в систему, охватившую весь мир. Все последующие революции — 1905—1911 гг. в Иране, младотурецкая в 1908 г. в Турции, синхайская в 1911 г. в Китае — произошли уже при сложившемся капиталистическом способе производства.

* * *

Что же помогло Японии сто лет назад совершить эту, столь необходимую для дальнейшего экономического и социального развития революцию?

Разумеется, прежде всего условия внутри страны, наличие в самом японском обществе сил, созревших для революционных действий. Но на мобилизацию этих сил свое влияние оказывала и внешняя обстановка — ситуация, сложившаяся в середине XIX в. в ближайшем к Японии внешнем мире — на азиатском континенте, притом в тех странах, с которыми Япония была издревле связана всей своей культурой, — в Китае и Индии.

В 50-х годах в Индии одно за другим вспыхивали восстания, вызванные тяжелыми для народных масс условиями существования, но вместе с тем направленные и против английских колонизаторов, чья власть и эксплуатация усиливала тяжесть этих условий; индийское народное восстание 1857—1859 гг., которым завершилась цепь этих местных вспышек, потрясло всю систему английского господства и было подавлено с большим трудом. В те же, 50-е годы произошел ряд восстаний и в Китае: в них выразилась борьба народных масс против наиболее жестоких форм феодальной эксплуатации, охраняемой режимом маньчжурской власти; отдельные ручьи этих местных восстаний в дальнейшем слились в один мощный поток тайпинского восстания — движения, по своему политическому и социальному уровню далеко превосходившего восстание в Индии. Вести об этих событиях доходили до Японии, настораживали одних, воодушевляли других, т. е. способствовали развитию революционной атмосферы и в этой, третьей крупной азиатской державе.

События на континенте сыграли, однако, и другую роль, благоприятную не только для проведения революционного переворота, но — что было тогда крайне важно — и для его упрочения: они в значительной мере предотвратили вмешательство Англии, со стороны которой тогда могла предстать наибольшая угроза для суверенности этой новой, выходящей на арену мировой истории державы. Лишь с большим трудом английским колонизаторам удалось справиться с индийским народным восстанием. В 1856—1860 гг. потребовались их новые усилия в Китае: там произошло новое столкновение с Цинской империей, известное под названием второй «опиумной» войны; для сохранения вырванных у цинского правительства привилегий англичанам пришлось принять участие и в подавлении тайпинского восстания. Большое значение имел весь комплекс событий на Ближнем и Среднем Востоке, а также Крымская кампания 1854—1856 гг. Все это ослабило силу натиска Англии на Японию. Не могла тогда пойти на крупные операции в Японии и Америка: там в течение 60-х годов шла борьба Севера с Югом, сначала в виде открытой войны, в дальнейшем — после военной победы Севера — в форме

так называемой реконструкции Юга. Таким образом, Япония в этот критический момент своей истории многим была обязана именно революционной стихии мирового исторического процесса, стихии, проявившейся в Индии в борьбе против своих и чужеземных угнетателей, за освобождение своей страны от колониального гнета, в Китае — в борьбе против реакционного богдыханского режима, за обновление своей родины, в Америке — в борьбе за ликвидацию невольничества негров. Поэтому им, этим революционным силам, а не коммодору Перри с его пушками следовало бы воздвигнуть памятник благодарности за помощь в «Мэйдзийском обновлении».

Но, разумеется, эти внешние обстоятельства только помогли японскому народу устоять от натиска извне, обрести же силы для революционного переворота в собственном доме он мог только в самом себе. И таковые силы нашлись. Для того чтобы увидеть источники, их питавшие, следует не только противопоставить «Мэйдзийское обновление» тому, что было в Японии до этого, но и соединить с ним.

* * *

Крупнейшим событием новой истории Японии, открывшим в ней новую эру, было восстание 1637 г., по месту, где оно началось, получившее название «восстание в Симабара». Оно произошло в стране, где в XV—XVI вв. развилась городская жизнь, окрепли и развернули интенсивнейшую деятельность городские сословия; произошло в Японии, торговые и пиратские корабли которой уже более столетия бороздили воды Тихого океана — от Кореи до Индокитая; произошло в стране, где купеческие дома, разбогатевшие на заморской торговле, финансировали в 90-х годах XVI в. завоевательный поход в Корею, нацеленный в дальнейшем и на Китай, поход, закончившийся, однако, полной неудачей. На гребне потрясения, причиненного этой неудачей, и вспыхнуло восстание. В нем соединились и крестьяне, и низшее дворянство; к нему примкнула часть офицеров и военачальников отступившей правительственной армии; его поддержали купцы и ремесленники юго-западной части страны, тогда наиболее развитой. Восставшие черпали воодушевление также и в религии, но не в старой — буддийской, а в проникшей в то время в Японию христианской религии, хотя и не столь им понятной, но все-таки иной, новой, а тогда это прежде всего и требовалось.

Это был пролог к далекой еще буржуазной революции, такой же пролог, какой — восстание Ли Цзы-чэна — был разыгран в 1631—1644 гг. в Китае, какие были в своих собственных формах и в своих социально-экономических условиях и в истории некоторых западноевропейских государств, например в Германии и Франции. Но подобно тому как восстания во всех этих странах были подавлены, было подавлено и восстание в Японии.

Как и в Европе, с конца XVI в. в Японии после этого наступила полоса реакции, как и в Европе, она продолжалась сравнительно недолго: уже в конце XVII — начале XVIII в., в «годы Гэнроку» (1638—1704 гг.), взлет городской, т. е. не старой, дворянской, а новой, буржуазной, культуры — литературы, театра, искусства, общественной мысли, не говоря уже о расцвете ремесла и торговли, — возвестил начало переворота. Он произошел, как и в Европе, в обстановке режима, которому историки Запада присвоили наименование абсолютизма.

Порядки, сложившиеся в Японии в эту эпоху, хорошо раскрывают существо этого режима. По западноевропейским образцам, прежде всего по французскому, политический абсолютизм последней поры феодального этапа истории этих стран возник как результат неустойчивости экономического и социального положения двух классов: старого, уходящего — дворянства — и нового, развивающегося — буржуазии. Дворянство тогда уже не было достаточно сильно, чтобы рассчитывать на собственную мощь, и для сохранения своих прерогатив, т. е. фактически для поддержания своего существования как привилегированного слоя общества, нуждалось в поддержке со стороны; буржуазия же тогда еще не была настолько крепка, чтобы создавать свои собственные органы власти, и для обеспечения возможности своего развития также нуждалась в помощи со стороны. Именно в таких условиях и возникла абсолютная по положению и значению королевская власть, балансировавшая между этими двумя классами и стремившаяся стать над ними, стать общегосударственной силой. В Японии подобная ситуация приняла свою собственную форму — Бакуфу. Правительство, возглавляемое сёгунами из дома Токугава, гарантировало феодалам их земельные владения — их основную экономическую силу, предоставив таким образом возможность продолжения эксплуатации крестьян, издавна сидевших на этих землях и их обрабатывавших; но одновременно оно поставило всю деятельность феодалов даже в их собственных владениях под свой неусыпный и жесткий контроль, устранявший опасность проявлений с их стороны какой-либо самостоятельности; купечество же и ремесленное население главных промышленных и торговых районов страны были вообще изъяты из под власти местных феодалов и подчинены непосредственно центральному правительству, что открывало для еще не окрепшей тогда молодой буржуазии широкое поле предпринимательской и торговой деятельности, и правительство получало обильный источник средств, извлекаемых посредством торговых пошлин, единовременных налогов и принудительных займов. Порядок этот, начало которому было положено еще при Иэмицу, третьем сёгуне из дома Токугава, утвердился при Цунаёси, пятом сёгуне, своей культурной, просветительной политикой придавшем политическому абсолютизму тот же «просвещенный» облик, какой утвердился за абсолютизмом этой поры и в Европе.

Правительство, однако, продолжало поддерживать те меры, которые были пущены в ход в годы подавления симабарского восстания, прежде всего меры устрашения. Иэмицу, при котором восстание было разгромлено, усеял весь район восстания крестами, на которых висели тела инсургентов; такая же участь была уготована всем, кого, независимо от причастности к восстанию, подозревали в приверженности к христианству. Физические меры устрашения сопровождались психологическими: христианству были противопоставлены буддизм, всяким вольным мыслям — официальная идеология конфуцианства школы Чжу Си. Были приняты и меры предупредительные: запрещены поездки за рубежи страны, закрыт въезд в страну для европейцев. Одним голландцам в отплату за помощь их пушек в подавлении восстания разрешалось один раз в год посылать в Нагасаки одно торговое судно. Но и там они оставались заключенными в тесных пределах маленького островка в Нагасакской бухте, где была их фактория, и общались они только со специально назначенными для этого лицами.

Все это, однако, не помешало мобилизации внутренних сил для борьбы за будущее, и она повелась на всех участках.

Конфуцианство сунской школы (XI—XII вв.), главным образом в его завершающем синтезе Чжу Си, разработало всеобъемлющую систему миропонимания и определило точные и ясные нормы мышления и поведения человека, признанного реальным деятелем общественного процесса. В пору своего становления, происходившего в борьбе с буддизмом, даосизмом, а более всего — с правоверием средневекового конфуцианства, превратившегося в чисто схоластическую догму, сунская школа играла выдающуюся роль, став одной из самых мощных философских школ ренессансного типа в китайской истории. В дальнейшем же — после краха ренессансных начал в жизни общества, после полосы реакции, а позднее — с приходом Китая к своей форме политического абсолютизма — эта философская система была использована правительством и тем самым сама стала догмой, т. е. из двигателя интеллектуального и общественного прогресса превратилась в его тормоз. Естественно, что и народившийся абсолютизм в Японии сделал конфуцианство школы Чжу Си своей идеологической опорой.

Однако знаменем века стала не столько эта философская школа, сколько те течения общественной мысли, которые повели борьбу с нею. Ито Дзинсай и его сын Ито Тогай противопоставили конфуцианству школы Чжу Си «древнее учение», т. е. конфуцианство начальной поры его истории, поры, связанной с деятельностью самого Конфуция и его крупнейшего последователя — Мэн-цзы. Накаэ Годзю противопоставил учению Чжу Си принципы школы Ван Ян-мина, провозгласившего автономную человеческую личность единственным началом, направляющим и познающим и поведение.

Одна из важнейших формул этого учения — «знание и действие едины», — воспринятая как призыв «знать — значит действовать», стала впоследствии даже своего рода лозунгом некоторых антиправительственных движений, как, например, мятежа Осие Хэйхатири, разразившегося в 1837 г. в Осаке — одном из трех крупнейших торгово-промышленных и культурных городов Японии — на фоне огромного движения среди крестьянства (в 1834—1837 гг. в разных частях страны вспыхивало по 20—30 крестьянских бунтов в год).

От идеи самодовлеющей ценности человека как такового отправлялось и другое течение общественной мысли, получившее наименование *сингаку* («учение о душе»), причудливо сочетавшее в себе элементы конфуцианства, буддизма, синтоизма и даже даосизма. Оно провозгласило равенство четырех сословий, на которые официально разделялось общество той эпохи: «дворяне, крестьяне, ремесленники, купцы» — гласила формула этого учения — «у них всех природа — одна, и все они равны; они — вассалы Поднебесной», т. е. граждане одного большого, целого государства. Именно это учение, главную роль в оформлении которого сыграл Исидэ Байгэн, пользовалось особым успехом в городской среде, где формировалась ранняя буржуазия. Позднее эта же мысль о равенстве всех людей получила новое развитие в другом общественном лагере — среди тех японцев, которые имели возможность знакомиться с идеями, идущими с Запада. Так, например, Сиба Кюкан, переведший в 1808 г. на японский язык работу Коперника о движении небесных тел, в 1812 г. писал: «Все, начиная с Сына Неба (императора. — Н. К.) и сёгуна и кончая дворянами, крестьянами, ремесленниками, купцами, париями и нищими, все они в равной мере — люди».

Буддизму был противопоставлен синтоизм — комплекс старых народных верований, отраженных в древних письменных памятниках («Код-

зики», «Нихонги», «Норито»), приведенных с помощью этих памятников в систему и истолкованных как национальная религия, противопоставляемая чужеземной. Главным содержанием синтоизма Мотоори Норинага сделал учение о «естественном состоянии» человека, определяемом действием в нем *магокоро* («чистого сердца»). «Все люди,— писал в 1787 г. Мотоори в «Тамакусигэ», книге своих заметок,— имеют в себе *магокоро*. *Магокоро* — что оно? Существуют разные степени разумности и неразумия, добра и зла, искусности и неискусности; у каждого человека все это — по-своему. Но природа человека в своей большей части склонна к добру, и, если этой склонности дать развиваться естественным порядком, зло никогда не одержит верх над добром. Поэтому человек без всякого руководства сам приходит к добру». В так называемом секретном издании этих заметок («Хиппон Тамакусигэ») Мотоори соединил свое учение о полноценности «естественного человека» с резкой критикой общественного зла своего времени, проявлениями которого он считал роскошь, господствующую как в верхах, так и в низах, подразумевая под верхами дворянство, под низами — главным образом купечество. Этой роскоши он противопоставил нищету низших слоев городского населения и крестьянства; источник же этого зла он видел в существующей неравномерности в распределении богатств, в пропасти, лежащей между верхами и низами; обрушился он и на взяточничество, процветавшее в правительственном аппарате. Все это привело его к заключению, что «зло в общественных низах исходит от зла в общественных верхах».

Норинага этим ограничился, но другие делали из этого вывод: «Коль скоро кто-нибудь причиняет вред обществу, его нужно покарать, будь он хоть сам правитель государства. Если его не удастся свергнуть, надо взяться за оружие и его убить. Ведь он злодей! Если это делается для блага простого народа, прогнать его и даже убить будет гуманным поступком. И никак иначе!», — заявлял Ямагата Дайни.

Он же вполне конкретно представлял себе и кто будет тот «народ», который вооруженной рукой свергнет существующую власть: нужно дать способным и зажиточным крестьянам образование и научить их владеть оружием, писал он в 1764 г., во время так называемых событий годов Мэйва («Мэйва дзикэн») — огромного крестьянского восстания, охватившего более 400 тыс. человек и жестоко подавленного силами правительства и местных феодалов. Одной из причин поражения восставших было несомненно отсутствие у них надлежащего оружия: «копье из бамбука и знамя из рогожи» — эти слова, бывшие в Японии тех времен символом крестьянских восстаний, имели и вполне реальный смысл, так как правительство и феодалы строго следили за тем, чтобы у крестьян не завелось оружие, монопольное право владеть которым было только у самураев, у дворянского сословия. Остается сказать, что оружие все же проникало и в другие слои общества того времени. Так, через сто с небольшим лет после «событий годов Мэйва», т. е. в годы революции Мэйдзи, против правительственных войск действовали вооруженные силы, составленные не только из самураев, но и из крестьян и даже горожан, как, например, прославленный *кихэтай* («отряд необычных солдат»).

Идея «естественного состояния» как надежной гарантии достойного существования человека и общества, невольно вызывающая в памяти взгляды автора «Новой Элоизы» и «Эмиля», требовала какого-то подкрепления реальным примером. Во Франции XVIII в. такой пример видели в жизни североамериканских индейцев, этих «детей природы», в Японии XVIII в.— в древности. Такую древность находили и в исто-

рип Китая — в окутанной легендами и идеализированной конфуцианцами патриархальной эпохе правителей-мудрецов, и в истории Японии — в идеализированной противниками сёгуната «эпохе царей» (*Орё-дзидай*), т. е. в те века (VII—XI вв.), когда еще не было ни особого воинского сословия, ни сёгунов, его вождей, присвоивших себе власть над всей страной. Историография пришла на помощь этой концепции. Рай Сантё всю историю своей страны с XII в., т. е. с того века, когда утвердился порядок управления страной сёгунами — через голову «царей», наследственных монархов, формально остававшихся на троне, объявил «внешней» (*гайси*). Это должно было означать, что порядок, установившийся тогда и сохранявшийся и в годы жизни Рай Сантё, не образовался «естественно», а был создан искусственно — насильственно, оружием. Именно в такой исторической концепции и кроются корни того политического легитимизма, который вошел существенной частью в сложный и противоречивый комплекс идей революции Мэйдзи: «незаконной» власти сёгунов была противопоставлена «законная» власть старших наследственных монархов (императоров), что и придало происшедшей революции внешнюю форму политической реставрации. В этом, кстати сказать, и заключается одна из особенностей буржуазной революции в Японии, вызвавшая весьма различные толкования в исторической науке.

Описанное составляет лишь одну сторону тех процессов, которые привели к революционному перевороту. Была и другая сторона, имевшая, может быть, даже большее историческое значение. На нее историки обращали меньшее внимание, почему она и менее — в аспекте подготовки революции — изучена. Укажем лишь на некоторые наиболее заметные факты.

Иномия Сэнтoku разработал и пытался осуществить план ведения сельского хозяйства на основе рационального следования законам, заложенным в самой природе, т. е. говорил о том же, о чем в XVIII в. говорили европейские физикократы, в частности Ф. Кенэ. Хонда Тосиаки указывал на настоятельную необходимость всемерно развивать добывающую промышленность, колонизировать пустующие или слабонаселенные территории, чтобы получать оттуда добавочное продовольствие и сырье; призывал к строительству крупных морских судов для развития мореплавания в дальних водах. Отдельным пунктом его программы была модернизация вооружения.

В том же направлении, что у экономистов, пошла работа и многих естествоиспытателей. Ино Дзякусуй начал, а его ученики закончили фундаментальное — в 1000 книгах! — описание природных ресурсов страны — флоры, фауны, минералов, руд. Свидетельством высокого уровня достигнутого научной мыслью того времени, служат работы японских математиков. Сэки Кова написал «Эри» («Законы круга»). Н. И. Вавилов, познакомившийся с этой работой во время своей поездки в Японию, подтвердил сложившееся у специалистов мнение, что по своему значению эта работа японского математика второй половины XVII — первой половины XVIII в. может быть приравнена к анализу бесконечных И. Ньютона и Г. Лейбница. К этому добавим, что через нагасакскую форточку все время дул свежий ветер, заносивший в Японию семена учений Дж. Бруно, Г. Галилея, И. Кеплера, Н. Коперника. С трудами этих корифеев европейской науки знакомили своих соотечественников представленные к голландцам люди — именно те, кто по роду службы должен был знать голландский язык, т. е. переводчики и информаторы.

Если учесть надлежащим образом все эти факты, станет вполне ясным, что буржуазная революция в Японии не была ни случайностью, ни историческим парадоксом. Страна подошла к ней вполне подготовленной: она имела развитую экономику, национальный рынок в отношении многих видов товаров, хорошие пути сообщения, развитую банковскую систему; в ней была многочисленная высокообразованная и весьма активная интеллигенция; в ней действовали различные течения общественной мысли, образовавшие идеологическую почву для революционных преобразований. Наконец, к тому времени японское общество уже сложилось в то целое, которое на этом этапе социального развития истории называют нацией.

2

О чем приходится думать, наблюдая Японию в год столетия революции — на нынешнем этапе ее истории?

Этап этот начался совсем недавно — в 1945 г. И начался трагедией.

Утром 15 августа японский народ был по радио предупрежден, что ровно в полдень он услышит *гёкюон* («яшмовые звуки»). Точно в этот час в радиорепродукторах зазвучал голос императора: *тазгатаки-о таз, синобигатаки-о синоби...* («перенося непереносимое, претерпевая нестерпимое...») — такими трагическими словами открывалось обращение к народу, возвещавшее о безоговорочной капитуляции. Утром 28 августа принц Хигасикуни, глава правительства, сформированного для того, чтобы эту капитуляцию провести, сказал журналистам: настало время *итиоку содзангэ* («всеобщего покаяния всех ста миллионов»). Сто миллионов — число тогда не столько реальное, сколько символическое; оно означало: вся нация. Теперь, через 23 года, оно более чем реально.

Не сразу эти два акта государственной власти были поняты во всей их исторической серьезности. Они вызвали разные отклики, в их числе и иронические. Сегоднешний день с его «злойбой» нередко мешает оценить подлинный смысл событий. Для истории заявление императора было актом, свидетельствовавшим, что верховная власть приняла на себя всю ответственность за бедствие, в которое повержена страна. В словах премьер-министра прозвучал суровый голос истории: пусть основными виновниками бедствия были те, кто управлял страной в то время, но где же был народ? Как он допустил это? И, пожалуй, не будь этого голоса исторической совести, не пройдя через катарсис, к чему — не только по античным представлениям — приводит подлинная трагедия, японский народ не смог бы так быстро найти в себе силы, чтобы восстановить свою родину.

Прошло 23 года. Прочтите всевозможные писания, на которые так щедры иностранцы, побывавшие в Японии: эти писания испещрены восклицательными знаками. «Какие ультрасовременные отели! Таких нет и в Париже! Навесные автострады, построенные над городом, над уличным движением! Суперэкспресс Токио — Осака, мчащийся со скоростью 250 км в час, да так плавно, что вода в стакане не шелохнется! А небоскребы универмагов! А товары в них!» — восторгаются туристы.

«Смотрите! По берегу моря тянутся самоновейшие сооружения сталеплавильных комбинатов с их доменными печами и прокатными станами. И тут же — пристани глубиной до 17 м, что позволяет причаливать гигантским рудовозам. Грузоподъемность одного из недавно построенных — 100 тыс. т! Каково?» — удивляются деловые люди. А француз еще

добавляет: «Мы во Франции только строим Дюнкеркский комбинат, а у японцев таких комбинатов уже с полдюжины, да еще строятся новые, где доменные печи уже побили различные мировые рекорды». А вот и быт: предприниматели объявили, что начинают «революцию трех С». Три «С» — это *cooker* («кухонная электронная печь»), *central heating* («центральное отопление»), *cottage* («дешевые загородные домики для уикэнда»)!» «Революция» в этом случае означает, видимо, резкое улучшение качества этих «трех С» и удешевление их стоимости.

Все это так и есть и может быть пополнено многими другими, столь же выразительными фактами. Но есть и кое-что, о чем пишут редко, но что не менее, если не более, существенно.

Японские вузы... Их много, и они очень различны не только по областям науки и искусства, в них представленным, но и по типу, программам, приемам преподавания, уровню. Но какой факультет встречается чаще всего? Кэйэйбу — факультет управления. На каком факультете больше всего студентов? На нем. Японцы, видимо, сочли, что в наше время главная для государственной жизни наука — наука управления производством.

Что это такое? Позволю себе ответить так, как отвечают японские справочные издания. Наука управления производством — это I. E., O. R., M. P., P. R., Design. Не удивляйтесь! В современном японском языке много слов и выражений, перенесенных в него из английского, в деловом же обиходе многие выражения даются в буквенной аббревиатуре.

I. E.— Industrial Engineering («индустриальная инженерия»). Она занимается вопросами комплексного использования людей, материалов, оборудования и решает эти вопросы на основе специальных знаний, идущих из наук математических, естественных и общественных с применением принципов и методов, употребляемых в технологическом анализе и проектировании. Коротко говоря, это — технология управления.

O. R.— Operations Research («оперативное изучение»). Это выражение возникло в годы второй мировой войны, и тогда под ним разумелось изучение материалов, позволяющих судить о противнике — его ресурсах, его действиях, его планах, изучение новейшими научными методами с применением специальных приборов. В дальнейшем было понято, что те же методы изучения можно прилагать и к деятельности предприятий и строить на его результатах соответствующие планы. Это — стратегия управления.

M. P.— Management Psychology («психология ведения дела»). Заводы, компании, банки... все в них, в сущности, состоит из того, что люди управляют людьми через людей. Поэтому управляющие должны изучать, как обращаться с работающими, считаясь с их интеллектуальным и моральным состоянием, их психическим складом, их настроениями; должны изучать, как следует организовать цех, рабочую группу, какое настроение должно там царить, как способствовать созданию такого настроения. Это — психология на службе науки управления.

P. R.— Public Relations («общественные отношения»). Эта отрасль управления исходит из мысли, что отношения между различными группами, участвующими в производственной жизни, носят общественный характер. Таков, например, характер отношений производителей и потребителей, управляющих и работающих, хозяев предприятия и профессиональных союзов на этих предприятиях; таковы отношения между отдельными группами держателей акций, между предприятиями и государственной властью. Учет всех этих отношений в организации предприятия

тия, в самом производственном процессе и составляет содержание Р. Р. Это — социология на службе науки управления.

Наконец, Design («дизайн»). Это слово можно оставить без перевода, так как оно в настоящее время применяется в специальном значении и в таком своем значении вошло в технический язык высокоиндустриальных стран. Дизайн — проектирование форм, внешнего облика вещей, участвующих в производстве и создаваемых производством; проектирование на основе учета функции этих вещей, их материала, способов их изготовления и использования. Дизайн применим к созданию музыкального произведения, к строительству космических ракет, к изготовлению холодильников и к планированию городов, к оформлению журнала и к конструированию рекламы. Это — эстетика на службе науки управления.

Поскольку совокупность перечисленных явлений сложилась в условиях капиталистического производства, то ее можно было бы определить как всеобъемлющую научную систему повышения производительности предприятий и извлечения максимальных прибылей из производства. При этом рациональный научный расчет распространяется одновременно на использование механизмов и эксплуатацию людей. В тех же справочниках можно прочитать, что коммерческий успех известной компании Сони, наводняющей мировой рынок транзисторными радиоприемниками, зиждется на двух китах: тщательно разработанной индустрии транзисторов и дешевом женском труде. Однако сказать только это означало бы создать неверное представление о науке управления как таковой. Появление этой науки — неизбежный, необходимый, всеобщий по значению результат двух важнейших в наше время исторических процессов: с одной стороны, научно-технической революции, с другой — роста демократических стремлений. Научно-техническая революция получила свое реальное воплощение в переоборудовании и переустройстве производства, т. е. вызвала новый промышленный переворот; но она же потребовала других людей, занятых в производстве: не только с гораздо более высоким, чем раньше, образованием и общим интеллектуальным уровнем, но и с гораздо более высокими специальными знаниями, со стремлением к собственной инициативе и самоуправлению, т. е. предпосылками демократии.

Эти два обстоятельства потребовали и решительного изменения всей системы управления производством прежде всего в аспекте самой, так сказать, технологии управления.

Рост и усиление демократического движения — процесс, наблюдаемый в нашу эпоху во многих капиталистических странах, крайне повысил роль трудящихся на предприятиях и заставил предпринимателей в самом управлении производством гораздо более, чем прежде, считаться с интересами и нуждами рабочих и служащих, с их общественными запросами, да и просто с человеческими настроениями. Японские предприниматели поняли эту истину, а поняв ее, возможно, вспомнили старую формулу Ван Ян-мина: «знание и действие едины». Так или иначе, с разрухой, порожденной войной, было покончено. Правда, нельзя забывать и про другое — про те оборотные средства, которые японская промышленность получила в связи с конъюнктурой. Но все же в первую очередь можно воздать должное инициативе и энергии этих предпринимателей, но еще больше, конечно, уму и труду народа.

Так что же? Остается только восхищаться тем, что достигнуто? Да, восхищаться есть чем. Но тех, кто знает Японию, чтит ее удивительный

народ, любит его культуру, его страну, их все это не только восхищает, но и ставит перед вопросом: не произошла ли гипертрофия производственного роста? А рост этот неуклонно продолжается. Бульдозеры срезают холмы, чтобы получить клочок драгоценного пространства для возведения все новых и новых заводов. Расширяющиеся города поглощают деревни. Уже сейчас в Японии восемь огромных экономических центров, в сущности — гигантских городов. Недавно еще *Кита Кюсю* означало просто «Север о. Кюсю», а сейчас это — Китакою, название города. Частично уже построены, частично строятся под морем тоннели, над морем подвесные мосты, которые соединят Хонсю, главный остров, с тремя его окружающими — Кюсю, Сикоку, Хоккайдо. История знает, что города-государства существовали: древнегреческие полисы. К ХХI в. Япония станет «сверхгородом-государством», мегаполисом. Но аналогии тут нет. В VI в. до н. э. греческие полисы могли существовать более или менее изолированно друг от друга; недаром именно тогда родилась концепция хозяйственной автаркии; во второй половине XX в. никакой полис, будь он даже мегаполисом, сам по себе существовать не может. Куда денется нескончаемый поток транзисторов, телевизоров, фотоаппаратов, синтетических тканей и т. д., если их будет нельзя сбывать по всему свету? Конечно, улучшение благосостояния народных масс вызовет новый спрос и внутри страны, но он никогда не станет соразмерным масштабам производства. Для чего будут существовать ультрасовременные верфи, если упадет спрос на морские суда? Как будет поддерживаться производство синтетических материалов, если не будет непрерывно поступать сырье, и притом именно извне? Поэтому и сейчас, как и сто лет назад, будущее Японии зависит от того, как она сумеет обеспечить себе прочные связи с остальным миром, какое место в нем она себе создаст. А в наше время это труднее, чем прежде. Тогда мир был проще: в нем господствовала одна система — капиталистическая. Теперь в нем действуют и соревнуются две — капиталистическая и социалистическая. В современном мире действуют при этом разные тенденции — реалистические, считающиеся с общим благом человечества, т. е. гуманистические по своей природе и интернационалистические по своей устремленности, и авантюристические, с общим благом не считающиеся, тем самым антигуманистические и могущие привести к националистическому противопоставлению себя другим частям человечества; действуют силы, стремящиеся обеспечить человеку — его мысли, его творчеству, его энергии — максимальную свободу и простор для блага общества, и силы, противодействующие этому.

Япония не только окружена этим сложным миром, те же противоречия в своей форме и в своем масштабе действуют и в ней самой. Поэтому для того, чтобы сохранить приобретенное, чтобы открыть путь для дальнейшего прогресса, а без этого имеющееся достояние мертвым грузом придавит страну, Японии нужно найти свое место, соответствующее ходу своей истории, с полным сохранением своего культурного облика, созданного многовековой деятельностью творческого, инициативного, энергичного народа.

Возможности у японского народа огромны. Его страна находится сейчас на высоком уровне экономического развития, и в ней сложился многочисленный высокоорганизованный рабочий класс. Если и то новое, что в наше время становится все более и более значимым явлением современной истории, — рост удельного веса и активности трудового населения, трудящихся. Каждая техническая революция имеет и свои социальные

последствия: первая, прошедшая на заре капиталистической эры, вызвала к жизни пролетариат, т. е. рабочий класс в его классическом для капитализма XIX в. виде, ликвидировав тем самым облик старого «мастерового»; вторая, нынешняя научно-техническая революция решительно меняет облик старого рабочего, превращает его в образованного специалиста, чрезвычайно расширяя состав и масштаб этого слоя общества.

Масса трудящихся, организованная в профсоюзы, сплоченная и высоко сознательная, представляет в нынешней Японии главную действующую силу. Именно она ведет свои знаменитые «весенние» и «осенние» наступления, наступления на капитал; она ведет борьбу за ликвидацию угрозы превращения своей страны в атомную базу. Вероятно, именно эта трудовая Япония и поможет своей стране создать такое место в нынешнем сложном мире, которое позволит сохранить подлинную национальную, культурную, политическую суверенность и иметь действительно прочные и достойные связи со всем остальным миром.

* * *

Остается сказать последнее. Выше я отметил, что революция Мэйдзи была событием не только одной японской истории, она была событием и мировой истории. Активная роль народных масс Японии в развитии исторических судеб своей родины может вновь сделать Японию страной, в которой решаются вопросы, имеющие мировое значение. Потому-то к столетию революции Мэйдзи и правомерно спросить: не станет ли именно то, что произошло со страной в 1945 г., с чего начался нынешний этап ее истории, таким событием всемирно-исторической значимости?

В 1945 г. на Японию были сброшены первые атомные бомбы. Конечно, атомная бомба сама по себе есть, как сказал один из ее создателей, «хорошая физика», но то, что она была сброшена на головы людей, было вызовом уходящего старого мира совести человечества. Известно, как реагировали на этот вызов все честные люди на Земле. Не привела ли эта всемирно-историческая трагедия также к катарсису, переживаемому уже всем человечеством? Не напоминает ли он об анахронизме социальных отношений мира наживы и эксплуатации человека человеком? Организованное движение народных масс свидетельствует также и о том, что к Японии как одной из самых передовых стран капиталистической системы относятся слова В. И. Ленина, что между высшей стадией монополистического капитала и социалистическим способом производства нет больше новой стадии капиталистического развития: назрели материальные и социальные предпосылки нового строя, подлинно человеческого.

А если так, не останутся ли бомбы, сброшенные на Японию, не только первыми, но и последними? В таком случае 1945 год и именно в Японии станет исторической вехой всемирной значимости, вехой отсчета времени на указанном направлении пути всего человечества к новому миру. Пусть так и будет!

О РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЙ ФОРМАЦИИ

Существование рабовладельческой формации, т. е. общества, экономическая деятельность которого была основана на рабстве и рабовладельчестве,— непреложный факт истории человечества. История открывает нам и различные стороны этой формации; ее хозяйственную организацию, социальный строй, политические формы, ее правовые нормы, мировоззренческие системы, состав и содержание связанной с ней культуры. История открывает нам и процесс возникновения, складывания, развития и распада этой формации. В сопоставлении же с тем, что было у народов до сложения этой формации, что наступило у них после того, как она распалась, история позволяет нам увидеть место рабовладельческой формации на общем пути человечества и тем самым понять ее философско-исторический смысл.

История показывает нам, что отнюдь не рабство как таковое является определяющим признаком рабовладельческой формации. Рабство, т. е. труд одних людей на других, соединенный с личной, так сказать, вещественной принадлежностью трудящегося тому, кто присваивает продукт его труда,— явление, существовавшее в разных исторических условиях, не говоря уже о разных степенях личной принадлежности раба его хозяину, о разных масштабах и уровнях общественно-экономического значения рабского труда в общей структуре производства данного общества. Рабовладельческая формация характеризуется не рабством как таковым, а общественным строем, в котором рабский труд играет роль способа производства, определяющего экономическую основу общественного бытия на данном этапе истории народа. Поэтому рабство, например, в древнем Египте — факт, характеризующий саму природу общественного строя Египта того времени, рабство же, например, в плантационном хозяйстве европейских поселенцев в Северной Америке в XVII—XVIII вв.— не основа установившегося у них тогда социально-экономического строя, бывшего капиталистическим, а всего лишь локальная особенность этого строя, образовавшаяся в нем в силу специфических в те времена условий капиталистического хозяйства на некоторых вновь осваиваемых далеких территориях (колониях).

Странами, в истории которых ученые открывают рабовладельческий строй, являются государства так называемого Древнего Востока, т. е. Египет, Вавилония, Ассирия, Персия, древняя Индия и древний Китай, государства Крита и Микен, древней Греции и Италии. Этот перечень свидетельствует, что рабовладельческая формация существовала в те времена, которые люди уже давно называют «древностью», что она соединена с первыми в истории человеческого общества формами государственной организации, что она складывалась у народов, вышедших тогда на первое место в культурно-историческом процессе, что она имела значение миро-

вой системы, занимавшей тогда господствующее положение во всем мире. Отсюда вывод: возникновение рабовладельческой формации — не историческая случайность, а историческая закономерность.

Но так — только в рамках общемирового исторического процесса, а отнюдь не процесса, развертывавшегося в рамках истории отдельных народов или стран. Иначе говоря, человечество в своем целом, в своей общей истории прошло через этап рабовладельческой формации, и этот этап был для него неизбежен, но отдельные части человечества не проходили через него и не были исторически обязаны через него проходить. В Африке и Южной Америке наших дней, например, есть народы, живущие еще племенным бытом, т. е. находящиеся на уровне какой-то ступени первобытнообщинной формации, но это не значит, что они должны перейти у себя к формации рабовладельческой, затем — к феодальной и т. д. В современных условиях международной общности, когда жизнь каждого народа так или иначе связана с жизнью других народов, когда исторический процесс в целом направляется народами, вышедшими на передний край общественного развития и цивилизации, для всякого народа, отставшего на этом общем пути, но желающего сохранить свою историческую самостоятельность, возможно лишь то или иное по степени и силе, по темпам и длительности подтягивание к уровню высшей ступени общественного развития и цивилизации своего времени. Возникновение у какого-нибудь народа рабовладельческой формации тогда, когда у других народов уже сложилась феодальная система, было возможно лишь при полной исторической изоляции этого народа от других. Именно такая изоляция сделала возможным существование рабовладельческих государств в Центральной и Южной Америке в то время, когда большие культурные народы Европы, Азии и Северной Африки уже проходили этап феодализма. И эти рабовладельческие государства сразу же распались, как только соприкоснулись с Испанией — страной в то время уже давно феодальной. Государство в Японии в полной мере сформировалось в VII в. н. э., и оно было построено не на рабовладельческой, а на феодальной основе, хотя рабство в предшествующей истории японского народа существовало и рабский труд занимал даже важное место в хозяйственной жизни. В VII в. в Восточной Азии, когда ведущее место занимал Китай, находившийся на высокой ступени феодального развития, народу, входившему в орбиту стран, связанных в этой части Азии друг с другом известной общностью исторической жизни, переходить к рабовладению было просто невозможно. Было бы настоящим историческим анахронизмом для Руси IX в. н. э. создавать у себя государство на рабовладельческой основе, когда ведущей страной в этом районе Европы была феодальная Византия.

Коротко говоря, в условиях международной общности отстающие народы либо утрачивают самостоятельное место в мировой исторической жизни, а то и вовсе исчезают, либо стремятся подтянуться к уровню того передового, что образовалось в орбите этой общности, орбите в предшествующие эпохи жизни человечества региональной, в новую же эпоху — общемировой. Имеет место при этом как бы «равнение» отстающих на передовых, а не механическое перенесение общественных форм передового государства в отстающее. Создание государства на феодальной, а не на рабовладельческой основе, т. е., с точки зрения историко-социологических норм, ускорение общественного процесса происходило либо путем более интенсивного, чем в других случаях, развития элементов феодализма, уже в какой-то мере зарождавшихся в предшествую-

щей истории данного народа, либо путем направления в феодальную сторону развития тех элементов рабовладельческого общества, которые могли перестроиться на феодальный лад. Так, например, феодальная эксплуатация в ставшей в VII в. на феодальный путь Японии основывалась на системе «трех обязанностей»: земельном налоге, промысловой подати и трудовой повинности — обязательстве определенное число дней в году обрабатывать на работах общественного значения. Нетрудно видеть в этих трех повинностях в преобразованном виде явления, характерные для патриархально-родовых отношений, когда общинники отдавали в порядке подношения своим старейшинам и вождям часть продукции своих полей и своих промыслов, главным образом охотничьего и ткацкого, и выходили, когда это оказывалось нужным, на общую работу в интересах всей данной группы племени.

Таким образом, изучение рабовладельческой формации должно вестись только на основе истории рабовладельческих государств. Такими государствами были перечисленные выше государства древности. Однако если для истории как таковой одинаково важно изучение рабовладельческого строя, например, в древнем Египте и в древней Греции, то для выяснения общеисторического содержания рабовладельческой формации, ее места и роли в общеисторическом процессе, для раскрытия ее философско-исторического смысла необходимо изучение тех древних рабовладельческих государств, где ее история развернулась во всей полноте и где нам известны предыдущие и последующие этапы истории создавших ее народов. Ввиду этого наибольшее, как бы моделирующее значение имеет история рабовладельческой формации у тех народов, которые пережили полно выраженную эпоху первобытнообщинного строя, перешли потом к большой, длительной, богатой содержанием эпохе рабовладельческого строя, а затем вступили на путь феодализма — иначе говоря, у тех народов, которые прошли курс истории полностью и последовательно, не перескакивая через ступени. Такие народы — греки, италийцы, персы, индийцы, китайцы. Народы Древнего Востока создали рабовладельческие государства раньше всех, но эти государства, кроме Персии, исчезли еще в той же древности, и история создавших их народов слилась с историей других. Разумеется, созданное этими древними народами бесследно не исчезло. Древняя Эллада и через нее древний Рим — наследники еще более древней цивилизации. Но поскольку эта цивилизация вместе с создавшими ее государствами сама по себе не имела продолжения, постольку в указанной необходимой полноте рабовладельческая формация оказывается представленной только в истории названных выше пяти народов. Поэтому в аспекте философско-историческом эту формацию следует изучать по данным истории именно этих народов.

Возможно, однако, и дальнейшее ограничение материала. Для исторического моделирования рабовладельческой формации важно взять такие ярко выраженные и богатые содержанием ее проявления, которые возникли и развивались вполне независимо друг от друга. Такими случаями мы считаем рабовладельческую формацию, представленную в двух районах Старого Света, географически очень отдаленных друг от друга и не связанных никакой непосредственной общностью: у народов Китая — в одном районе, у народов Греции и Италии — в другом. Несомненно, рабовладельческий строй в каждом из них имел свои особенности. Так, например, масштаб и уровень эксплуатации рабов в Китае были менее высоки, чем в Греции и Риме, но эта разница не меняла существа самих производственных отношений.

Для всякого суждения о рабовладельческой формации в целом необходимо обозреть ее историю. Такое обозрение открывает нам прежде всего то, что эта история есть движение и что в этом движении есть свои этапы.

Их три: первый — время складывания рабовладельческой системы, второй — время ее утверждения и развития, третий — время ее зенита и вместе с тем распада. Историческую характеристику первого этапа можно построить на материале истории Китая времен Западного Чжоуского царства, бывшего совокушностью большого числа отдельных полупатриархальных, полурабовладельческих царств разных масштабов (XI—VIII вв. до н. э.), истории Греции — древних греческих царств «гомеровской эпохи» (VIII—VI вв. до н. э.) и истории Италии — древних государств Апеннинского полуострова (VIII—VI вв. до н. э.). Характеристику второго этапа можно построить на материале истории Китая — времен Лего, рабовладельческих царств так называемого периода Чуньцю-Чжаньго (VIII—III вв. до н. э.) и Италии — времени Римской республики поздней поры (V—II вв. до н. э.). Характеристику третьего этапа можно построить на материале истории двух империй: Ханьской — на Востоке (II в. до н. э.— III в. н. э.), Римской — на Западе (I в. до н. э.— V в. н. э.).

Первый этап — время сложения рабовладельческого строя. Для него характерны четыре процесса. Первый: постепенное, но все более устойчивое превращение рабского труда, бытовавшего до этого лишь на уровне домашнего рабства, в средство интенсификации сельского хозяйства и отчасти ремесленного производства, интенсификации, ставшей необходимой ввиду роста потребностей — количественного, связанного с увеличением состава семьи и рода, и качественного, обусловленного повышением требований к материальной стороне жизни. Второй процесс: рост производства путем расширяющегося применения труда рабов, появление в связи с этим возможности накопления и отчуждения производимого продукта и возникновение на этой почве частной собственности. Третий: возникновение имущественного неравенства внутри общины, обусловленного возможностью для некоторых членов общины в силу наследственного присвоения ими общественных должностей частнособственнического присвоения продукта, захвата в свою собственность рабов, а затем и земли. Четвертый: сложение в составе общины первых классов — рабов и рабовладельцев, — антагонистических по своему отношению к производству, и вместе с тем зарождение антагонистических отношений между крупными рабовладельцами-землевладельцами, с одной стороны, и мелкими производителями — с другой. Эти процессы разворачивались в обстановке противоречий: рабского труда и труда мелких свободных производителей; этих последних и крупных рабовладельцев-землевладельцев; этих последних и родовой знати общинно-родовой эпохи. В итоге борьбы, вызванной этими противоречиями, и распада в ней институтов родо-племенного строя или превращения их в органы управления возникает государство как стабилизатор и регулятор отношений между антагонистическими классами в интересах господствующего. Признаком сложения такой обстановки являются: в истории Китая — реформы, проведенные в царстве Ци (VII в. до н. э.) и в царствах Лу, Чу, Чжэн (VI в. до н. э.); в истории Греции — реформы Солона и Клисфена (VI в. до н. э.); в истории Италии — реформы Сервия Туллия.

Второй этап является временем расцвета той формы государственности, что в истории Греции получила название *полисов*, в истории Ита-

лии — *civitas*, в истории Китая — *го*. Под этими наименованиями скрывается в общем одно и то же: государство, сведенное к одному центру — городу, господствующему над всей подвластной ему территорией, причем такой город-государство был не только политическим, но и экономическим целым. Именно в этом смысле город-государство и был базисом собственности в том ее масштабе, который она тогда приняла: ее объектом были, во-первых, рабы, во-вторых, земля. Преобладающая форма собственности на рабов была частная: общественная форма собственности на рабов (государственные рабы) появляется на более позднем этапе истории рабовладельческой формации, да и тогда эта форма относилась к непроизводственным категориям рабов — подсобному персоналу государственных учреждений. Форма собственности на землю была двойная — общинная и частная, причем последняя была опосредствована первой: условием частной собственности на землю была принадлежность к гражданской общине, чем и были *полис* в Греции, *civitas* в Италии, *го* в Китае. Следует, однако, учитывать, что рабский труд тогда еще далеко не имел того значения в хозяйстве, которое он получил позднее.

Именно к этому этапу античности относятся известные слова К. Маркса: экономической основой «классического общества в наиболее цветущую пору его существования», когда общинные формы собственности уже разложились, а «рабство еще не успело овладеть производством в сколько-нибудь значительной степени», было «как мелкое крестьянское хозяйство, так и независимое ремесленное производство»¹. Эта характеристика относится к Греции и Риму классической эпохи, но она приложима к среднему этапу истории рабовладельческой формации и в Китае, в котором эпоха «Лего» — отдельных городов-государств (VIII — III вв. до н. э.) — с полным правом может быть названа классической.

Основным фактором перехода к третьему этапу, т. е. к эпохе больших рабовладельческих держав, был кризис города-государства классической эпохи. Развившиеся производительные силы, улучшившаяся техника производства, увеличившиеся его количественные возможности требовали других масштабов самого производства и его цели — потребления. Замкнутые сферы городов-государств, обособленных политически и в известной степени экономически, не открывали необходимых перспектив.

Сложилась альтернатива: либо сохранение замкнутости и, следовательно, застой, а это означало и деградацию, либо ликвидация замкнутости, т. е. выход из рамок города-государства, и, следовательно, возможность дальнейшего развития. Действием именно такого экономического требования, вероятно, и следует объяснить возникшую еще в конце классической эпохи тенденцию к образованию более широких экономических и политических общностей либо в форме союзов, как Ахейский, 1-й и 2-й Афинские и Коринфский союзы в Греции V—IV вв. до н. э., либо в форме федераций, как федерация италийских городов-государств под гегемонией Рима в Италии IV в., либо в форме поглощения одних государств другими, более сильными, как это было в Китае, где с середины IV по середину III в. на месте многих относительно небольших городов-государств появилось четыре крупных — Хань, Ци, Цинь, Чу. Концом этого процесса политической и экономической интеграции сле-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 346, прим. 24.

дует считать: в одной части Старого Света образование в III в. до н. э. так называемых эллинистических монархий, особенно таких крупных, как Египет, Сирия и Македония, деливших между собою гегемонию во всем Восточном Присредиземноморье, а также образование в III в. до н. э. Римской республики — не только как крупного италийского государства, но после Второй пунической войны и как гегемона во всем Западном Присредиземноморье; в другой части Старого Света образование в конце III в. до н. э. в Китае единого большого государства — империи, сначала, около двух десятилетий, управляемой императорами династии Цинь, затем — императорами династии Хань. С I в. до н. э. в другой половине Старого Света такой же огромной империей становится Римская, объединившая под своей властью все Присредиземноморье — как Восточное, так и Западное; последнее — со всеми прилегающими к нему территориями Южной и Западной Европы.

В рамках этих мировых держав рабовладельческая формация и достигла максимума своего развития. Сущность этого максимума — превращение рабского труда в основную силу во всем производстве, иначе говоря, достижение им того положения, которого он не имел в эпоху городов-государств, т. е. на втором этапе своей истории. Рабский труд в самых широких масштабах стал применяться в различных отраслях сельского хозяйства, тем самым подрывая положение массы свободных мелких производителей. Этот процесс соединился с ростом крупного землевладения, базировавшегося на частной собственности на землю. О том, какое значение имело утверждение в этой сфере частной собственности, свидетельствует история усиления царства Цинь в Китае, усиления, позволившего этому царству в конце III в. до н. э. объединить под своей властью всю страну. В IV в. до н. э. в царстве Цинь были разрешены сделки с землей (продажа, заклад), были отменены ограничения на размеры владения землей. Тем самым был нанесен решительный удар по общинному землевладению, подорвавший его значение в общем хозяйстве этого царства.

Рост рабовладельческих земельных латифундий — явление, характерное для рабовладельческих империй как на Востоке, так и на Западе, — естественно, привел к увеличению числа рабов, что в свою очередь сопровождалось расширением применения рабского труда и в промышленном производстве. К этому толкали повысившиеся требования к производству со стороны многочисленного и более культурного населения городов, неуклонно увеличивавшихся в своем числе и в своих размерах. К этому же толкал и чрезвычайно расширившийся обмен между районами, ранее обособленными, теперь же объединенными в одном государстве, — как в евро-афро-азиатском круге земель времен эллинистических монархий, а позднее — Римской империи, так и в восточно- и центральноазиатском круге, подвластной Ханьской империи. Обмен этот был в первую очередь торговлей, главным же предметом торговых операций были промышленные изделия: на них был тогда международный — в своих региональных пределах — спрос. Впрочем, в более позднюю пору этих империй создался международный спрос и вне региональных рамок: достаточно вспомнить о существовании Великого шелкового пути из Китая на римский Восток. Растущая торговля стимулировала ремесленное производство; оно же в этих условиях требовало улучшения техники и повышения производительности труда.

Совокупность этих условий могла образоваться только в городе, почему торгово-промышленный город и стал главным очагом цивилизации.

Сельское же хозяйство все еще могло оставаться на техническом уровне, в общем не так уж далеко ушедшем вперед от прежних норм: необходимое увеличение продукции достигалось главным образом ростом численности рабочей силы — рабов. Поэтому цивилизация этого позднего этапа истории рабовладельческой формации и есть в первую очередь цивилизация города. Конечно, во всемирно-историческом масштабе равномерности в этом отношении не было. В своем наибольшем блеске городская цивилизация мировой античности проявилась в исконном древнем центре культурной жизни человечества — в странах Восточного Присредиземноморья, в век империй превратившихся в восточные провинции Рима. Достаточно вспомнить, что именно в этом районе находились Александрия, Пергам, Антиохия, Афины, Родос. Ничего подобного этим городским очагам образованности и культуры не было ни в Италии, ни на римском Западе, ни в Ханьской империи — этой огромной сельскохозяйственной стране. Но, разумеется, и там возникли свои очаги городской цивилизации: в Италии в более раннюю пору — Сиракузы, позднее — Рим; в Китае — Чанъань и Лоян. В более позднюю пору этих империй заметными очагами цивилизации становятся города, возникшие на периферии, особенно в провинциях римского Запада — Галлии и Испании.

О наступлении конца третьего этапа истории рабовладельческой формации в указанных двух крупнейших районах мировой истории говорит ряд явлений. Первое — утрата рабским трудом в его как бы «машинной» форме прежнего значения: такой труд перестал не только обеспечивать необходимое развитие хозяйства, но даже поддерживать его на уровне возросших потребностей. Для повышения продуктивности производства не только в ремесле, но и в сельском хозяйстве требовалась уже «живая машина», нужен был человек, организующий свою работу. В связи с этим в составе рабского населения появился культурный, интеллектуально развитый слой, ничуть не уступающий в этом отношении рядовым труженикам из свободного населения, особенно земледельческого. Поскольку же положение раба не изменилось, постольку значение и роль рабского труда в производстве вступили в полное противоречие с положением раба в социальной структуре. Уравнение рабов в сфере их трудовой деятельности со свободными трудящимися становилось насущной хозяйственной необходимостью. Таков был первый признак социально-экономического кризиса рабовладельческого строя.

О кризисе свидетельствовало также увеличение имущественного неравенства. Характерно, что еще в системе Сервия Туллия было констатировано наличие в составе римской гражданской общины, т. е. в составе свободного населения, так называемых пролетариев, т. е. людей, не имеющих ничего, кроме потомства, иначе говоря, немущих. Это означает, что еще в начале второго этапа истории рабовладельческого строя стала обнаруживаться пауперизация определенных слоев свободного населения. С развитием же рабовладельческого хозяйства угроза пауперизации нависла над значительной частью свободного трудящегося населения — как ремесленного, так и земледельческого, последнего в особенности, так как именно мелкое производство свободного земледельца подрывалось крупным производством рабовладельческой латифундии и даже производством рабовладельческой виллы средних размеров — этой наиболее распространенной формы земельного хозяйства. Ввиду же того что свободные производители составляли большинство населения, их экономическое положение сталкивало их с самой социально-экономической си-

стей, поскольку она не обеспечивала им возможности существовать на сколько-нибудь достаточном материальном уровне.

Таким образом, кризис экономический перерос в кризис социальный и привел в конечном счете к распаду рабовладельческого строя. Рабовладельческая формация — социально-экономическая система, создавшая в свое время условия для огромного хозяйственного, общественного и культурного развития человечества, — исчерпала свои возможности и превратилась в основное препятствие на пути дальнейшего прогресса. С ней нужно было покончить, и с ней покончили.

В исторической литературе встречаются утверждения, что главной силой, ниспровергнувшей рабовладельческий строй, были рабы, встречается даже выражение «революция рабов». Несоответствие такого утверждения исторической реальности обнаруживается при обозрении конкретного исторического процесса, приведшего к замене рабовладельческого строя феодальным. Разумеется, волнения рабов — несомненный исторический факт. Временами эти волнения, как, например, известное возглавляемое Спартаксом движение рабов в Риме, превращались в прямые восстания. Но эти восстания могли иметь какой-либо серьезный эффект только в том случае, если они сливались с общей борьбой трудящегося населения, т. е. с борьбой свободных. Именно свободные земледельцы и ремесленники, т. е. основная масса трудящегося населения, экономическое существование которого находилось под угрозой, и были главной силой, покончившей с рабовладельческим строем.

Из сопоставления того, что было при рабовладельческом строе и что образовалось после его падения в сменившем его феодальном строе, выясняется, в чем состояла происшедшая тогда грандиозная перестройка всей общественной жизни. Утрата рабским трудом значения основной экономической силы привела к исчезновению рабов как класса: рабы в конечном счете слились с массой свободных мелких производителей. Экономический крах старых сельскохозяйственных латифундий и промышленных предприятий, основанных на рабском труде, поднял общественное значение труда мелких производителей, устранил угрозу обнищания, все время перед ними стоявшую, и позволил им расширить свою хозяйственную инициативу. Однако время свободы труда еще не наступило: экономическая жизнь общества все еще могла развиваться только на основе регулирования хозяйственной деятельности трудящегося населения, осуществляемого правящим классом — теперь феодалами — прежде всего в своих интересах. Регулирование это проводилось методом принуждения, и, поскольку до времени, когда такое принуждение могло осуществляться экономическими средствами, было еще далеко, оно проводилось тогда путем насилия, орудиями которого были сила оружия и сила закона. Мелкие производители, трудящиеся стали обязанными производить продукт и отдавать тем, кто управлял государством, ту или иную часть производимого продукта, и отдавать эту часть в принудительном порядке.

Ввиду этого признаком краха рабовладельческой формации и перехода от рабовладельчества к феодализму служат не движения рабов, а движения свободного трудящегося населения рабовладельческой страны, движения сопротивления налагаемому на него новому гнету. Именно такое движение имело место в Китае на грани между рабовладельческим и феодальным периодами его истории — так называемое восстание желтых повязок, развившееся в конце II в. н. э. Жестокое подавление этого восстания военачальниками Ханьской империи, особенно одним из них,

Цао Цао, бывшим фактическим верховным правителем, и утвердило новые формы эксплуатации, а это значит и новые правовые и политические институты, призванные поддерживать новые, уже феодальные экономические порядки. В истории Рима такими движениями были восстания III в. н. э., происходившие в разных частях империи, особенно в африканских провинциях и в Галлии, где особо сильный размах получило восстание багаудов. Их разгром военачальниками империи, управляемой тогда Диоклетианом, и последующие его реформы, т. е. правовые мероприятия, меняющие положение земледельцев, мероприятия, соединенные с переустройством политической и военной организации, и стали началом перехода в этом районе Старого Света от рабовладельческой системы к феодальной. Таков исторический процесс, сложившийся в условиях рабовладельческой формации, как он рисуется в истории двух крупнейших по значению и вполне независимых друг от друга районов мира.

В чем же состоит исторический смысл этой формации? Он очень велик и очень сложен. Рабовладельческая формация продемонстрировала нам прежде всего процесс образования классового общества. Последующая история человечества до самой последней поры была историей именно классового общества. Даже в наше время такое общество, пусть и утратившее свое положение единственной формы общественно-экономической организации, все же существовать продолжает. Отсюда ясно, сколь велико значение той эпохи, когда классовое общество сформировалось.

Рабовладельческая формация показала нам, что возникновение классов происходит на производственной основе и сопряжено с определенными производственными отношениями. Первые классы — рабов и рабовладельцев — возникли на почве эксплуатации, т. е. использования одними труда других. В условиях рабовладельческой формации такое использование было соединено с отношением к трудящемуся как к живому орудью труда. Поэтому антагонистический характер отношений классов эксплуататоров и эксплуатируемых в эпоху рабовладельческой формации был максимально выражен — так, как он уже никогда не выражался позднее. Ввиду этого представляется крайне важным знать то, от чего и пошло все последующее.

Рабовладельческая формация продемонстрировала нам также процесс образования в составе населения различных общественных групп. Очень отчетливо это отражено в китайском трактате «Гуань цзы», материал которого относится к V—IV вв. до н. э., т. е. ко времени расцвета второго этапа рабовладельческой формации в истории Китая. В этом трактате называются «четыре народа»: служилые люди, земледельцы, ремесленники, торговцы. С этого времени такие группы мы встречаем на протяжении всей последующей истории человечества. Разумеется, менялось их место в хозяйственной жизни, их отношение к производству, их положение в общественной системе. Некоторые из этих общественных групп превратились в классы. Тем более важно знать далекое начало классового устройства вообще и общественную историю перечисленных групп.

Рабовладельческая формация показала нам процесс образования государства как политической организации, выросшей на базе устанавливавшейся классовой структуры общества и ее спутника — имущественного и общественного неравенства. Политическим выражением такого неравенства было деление общества на управляющих и управляемых. Для управления же была необходима и политическая организация — государство.

Рабовладельческая формация выработала и основные формы власти в государстве. Чрезвычайно яркое и точное определение этих форм дал греческий историк Полибий. Исходя из того, в чьих руках находится власть, он на основании исторического опыта его народа установил, что существуют три формы власти: царство, когда власть находится в руках одного; аристократия, когда власть находится в руках немногих; демократия, когда власть находится в руках многих. Но тут же он указал на возможность вырождения каждой из этих трех форм, прихода каждой из них к самоотрицанию. Царская власть, вначале благотворительная для народа, поскольку тот единственный, которому отдана власть, был избранником народа как лучший и мудрейший, в дальнейшем превращается в монархию, т. е. в чисто личную власть, что открывает широкую дорогу произволу, обычно превращающемуся в общественное зло. В этом случае народ, когда-то уполномочивший одного управлять всеми, свергает тирана и, опасаясь оставлять дальше власть в руках одного человека, передает ее нескольким — лучшим в своей среде. Так рождается аристократия — правление лучших, избранных. Но и аристократия в дальнейшем превращается в олигархию, т. е. в правление кучки из немногих, преследующих собственные цели. В этом случае народ свергает и их и, опасаясь на основе этого опыта оставлять власть в руках немногих, передает ее многим, принципиально — всему народу. Эта форма управления названа Полибием демократией. Однако и тут обнаруживается опасность: власть в руках всех приводит к охлократии — к господству толпы, отождествляющей свои узкие интересы с интересами общества и государства в целом.

Что же из этого следует? Народ снова переходит к царской власти и т. д.? Обычно именно так, т. е. как концепцию круговорота, и толкуют это место в «Истории» Полибия. Вернее, однако, считать, что Полибий, говоря о царстве, аристократии и демократии как о трех особых формах власти, считает, что они уже испытаны историей, которая и показала, что в каждой из них таится опасность из полезного превратиться во вредное. Поэтому нужна не царская власть, аристократия или демократия, а такая форма власти, которая соединяла бы в себе то хорошее в каждой из этих трех форм, что было в них, когда люди их изобрели. Такой синтез Полибий видел в организации управления, выработанной Римской республикой. В этом управлении он видел власть единоличную — в руках консулов, власть немногих, избранных — в руках сената, власть всех, народа, представленную народным собранием, комициями. Полибию казалось, что эти три органа управления, взаимно контролируемые, и являются той новой формой власти, которая приходит на место прежних. Тем самым у Полибия не только сформулированы ставшие для последующего человечества столь привычными понятия трех форм власти, не только показано, что в них есть положительного и что отрицательного, но и утверждается идея эволюции органов власти, перехода от одних, себя не оправдавших, к другим.

Совершенно с другой стороны к проблеме управления людьми подошел младший современник Полибия — китайский историк Сыма Цянь. Он рассуждал не о формах управления, а об его принципах. При этом он, так же как и Полибий, основывался на пережитом его народом историческом опыте. В его представлении в царстве Ся, первом, по его мнению, государстве в Китае, в основу управления был положен принцип «прямодушия» — душевной непосредственности и простоты. Что же получилось? Оказалось, что «людей малых», т. е. народную массу, этот

принцип поверг в «дикость», т. е. в какое-то первобытное состояние; жизнь же народа, общественная жизнь требует определенных общественных установлений, норм.

Ввиду этого в Иньском царстве, сменившем собою Ся, в качестве принципа управления было принято «почитание» — присущий человеческой природе инстинкт, определяющий отношение человека прежде всего к его родителям, а затем и ко всякого рода «высшим силам», божествам. На этом принципе хотели установить общезначимость и обязательность общественных норм. Что же получилось? Оказалось, что «почитание» у «малых людей», т. е. в народной массе, обернулось «культом». Культ, как это свидетельствует вся история, связан с представлениями о божествах, божествами же являются и «боги» и «демоны». Характерно, что для обозначения понятия «культ» в этом месте своего рассуждения Сыма Цянь взял иероглиф, сам по себе обозначающий «демон», т. е. божество безусловно отрицательное, а это означало, что культ власти есть не просто «суеверие», а служение злу.

В результате использования властью принципа «почитания» в Чжоуском царстве, сменившем собою Иньское, в качестве принципа управления была принята «культура» — создаваемые человеком всевозможные нормы общественной жизни. Этим путем думали устранить саму возможность культа власти. Что же получилось? Что «культура», т. е. совокупность форм и правил общественной жизни, созданных обществом, превратилась в нечто такое, что оказалось как бы наложенным на человека извне, подавляющим естественные свойства и проявления его природы. Вместе с тем эти нормы стали стеснять и политическую власть. Правитель Циньской империи, сменившей Чжоуское царство, стал бороться с «культурой», мешавшей его самовластию, очень простым средством — казнями главных создателей культурных установлений — «ученых», как тогда говорили, т. е. интеллигенции того времени. Эта политика погубила циньского императора, а вместе с ним и его династию. Власть в империи перешла к династии Хань, которая положила в основу управления снова принцип «прямодушия» в указанном выше смысле. Таким образом, основателем теории круговорота в истории оказывается не Полибий, а Сыма Цянь. Только нужно помнить, что в представлении китайского философа истории круговорот наблюдался не в формах правления, а в его принципах: повторяются именно они.

К тому общезначимому, что образовалось в эпоху рабовладельческой формации, относятся и те категории, которые у нас фигурируют в виде понятия «национального» и «общечеловеческого». Своими истоками эти понятия восходят к представлениям, возникшим еще в древности. Эта рабовладельческая формация, связанный с городом-государством, создал представление о локальной человеческой общности, реализуемой в масштабах данной племенной группы; во времена союзов и федераций эта локальная общность приняла больший масштаб, поскольку она реализовалась уже в рамках совокупности племенных групп. С образованием же империй на место племенной общности стала общность межэтническая, воспринимаемая даже как общечеловеческая. Именно тогда появилась идея человечества как единого большого целого. Идея эта проявилась и в понятии «Вселенная», получившем тогда вполне реальный смысл. У греков это была *эйкумена* (обитаемая земля), у римлян — *orbis terrarum* (круг земель), у китайцев — *Тянься* (Поднебесная).

Идея человечества, сложившаяся в эту древнюю эпоху человеческой истории, представляет один из самых существенных вкладов людей этой

эпохи в общую историю человеческого рода. Столь же существенна оформившаяся тогда идея гуманизма. Идея гуманизма есть прежде всего представление о человеке как о наивысшей ценности, как о носителе всех основ общественной жизни, как о творце культуры. Ярчайшее проявление такого сознания можно видеть в греческом мифе о человеке-титане Прометее, похитившем у Зевса небесный огонь — символ всемогущества. На этой основе был решен важнейший для исторической деятельности человека вопрос о роли его в общем процессе бытия, а следовательно, и о его природе. Вопрос о природе человека решался в плане этическом. Человек был признан носителем высшего этического начала — добра. Мэн-цзы в Китае понимал это как свойство самой человеческой природы: он считал, что добро — прирожденное свойство человека. Цицерон в Риме, суммируя эллинистические представления, утверждал, что нравственный закон — требование самой человеческой природы. Сюнь-цзы в Китае думал, что природа человека как таковая — зло, но и он полагал, что своею деятельностью человек может это прирожденное зло своей натуры преодолеть и прийти к добру.

Но реальная историческая действительность поставила человека перед не менее трудным и столь же острым вопросом. Общественный строй, выработавшийся в условиях рабовладельческой формации, показал существование неравенства людей, причем неравенства даже в среде свободных. В связи с этим идея неравенства была перенесена и на человеческую природу. Поскольку же эта природа воспринималась в этическом плане, постольку и неравенство в этом аспекте понималось этически: люди стали делиться на этически полноценных и этически неполноценных. Конфуций назвал первых «господами» (*цзюньцзы*), вторых — «людьми малыми» (*сяожэнь*). Для Цицерона первые были избранным меньшинством, руководствовавшимся в своей деятельности высокими принципами морали, вторые — массой, находившейся во власти своих инстинктов.

Однако остановиться на этом человеческое сознание не могло, и тот же Конфуций назвал всех людей «посередь четырех морей», т. е. все человечество, братьями, а «человеческое начало» (*жэнь*) в каждом человеке определил как «любовь к людям». Это была высшая ступень того гуманизма, которая была достигнута обществом рабовладельческого мира в пору его расцвета. Когда же это общество вошло в полосу кризиса, гуманистическая идея поднялась на новую ступень. И поднялась она на новую ступень именно потому, что на последнем этапе истории рабовладельческого общества особую остроту получило общественное неравенство в его самой резкой, оголенной форме — в форме деления людей на полноценных, людей в полном смысле слова, и неполноценных, людей-вещей, какими были рабы.

Именно в связи с таким резчайшим противопоставлением одних людей другим и сформулировалась следующая ступень гуманизма, и притом в столь же резкой, не оставляющей места никаким компромиссам форме — в форме представления о полной человеческой равноценности всех людей, как рабов, так и свободных. Резкость тезиса о человеческой равноценности всех, стремление придать ему категорическую императивность обусловили то, что тезис этот оформился в категориях религиозного сознания, в те времена обладавших силой императивности. Это произошло в двух крупнейших религиозных системах, образовавшихся во времена рабовладельчества, — в буддизме и христианстве.

Представление о человеческой равноценности уже всех людей без различия — свободные они или рабы — было реализовано прежде всего в

концепции равенства их природы: в христианстве эта концепция приняла форму положения о едином происхождении всех людей от бога, в буддизме — форму идеи формирования человека, каждого человека в общем потоке бытия.

Представление о человеческой равноценности было реализовано и в аспекте человеческих взаимоотношений, т. е. в общественно-этическом плане. В этом плане был создан тезис о любви к человеку, с разной степенью силы провозглашенный и буддизмом, и христианством, и конфуцианством. Таково было величайшее духовное достижение человечества эпохи рабовладельчества. И именно оно составило идеологическую основу процесса образования рабовладельческого строя и его конечного краха.

Гуманистическая идея древности имела огромное значение и для всей последующей исторической деятельности человечества, особенно после того, как из идеи о человеческой равноценности всех людей стала вырастать идея об общественной равноценности людей, их общественном равенстве. Эта последняя идея стала духовной основой всех движений, направленных на борьбу с различными видами, формами и степенями эксплуатации человека человеком. Борьба не приводила к желаемым результатам: идея человеческого равноправия всех людей была впоследствии искусно переведена правящими классами, преимущественному положению которых она угрожала, из плана реального, земного в план идеальный, небесный, но и это не помешало ей сохранять свою значимость и силу.

В эпоху рабовладельческой формации были заложены важнейшие основы научного познания и природы, и человеческой жизни. Противопоставление двух общественных классов, в эпоху рабовладельчества носившее максимально резкий характер, соединившись с наблюдениями простейших явлений в природе, привело к идее противоположностей. В Китае эти противоположности получили в «И цзине», древнейшей книге Китая, обозначения *ян* и *инь*, первоначально — освещенная и неосвещенная сторона горы, затем — свет и тьма, в дальнейшем — любая пара противоположностей: тепло и холод, небо и земля, мужчина и женщина и т. п. Символом противоположностей у китайцев стала черта — цельная и раздельная. У грека Пифагора как противоположности выступили свет и тьма, покой и движение, правое и левое, мужчина и женщина и т. д. Символом противоположностей у него стало число — чет и нечет.

На основе идей о противоположностях выросла идея связи всего со всем, т. е. исходный пункт всякой диалектики. В Китае представление о такой связи получило выражение в восьми триграммах «И цзина», установивших основные элементы природы — элементы бытия: небо, низина, огонь, гром, ветер, вода, гора, земля. На основе этих восьми триграмм были выработаны 64 гексаграммы, показывающие сочетание основных элементов и переход их друг в друга, т. е. рисующие картину всеобщей связи явлений природы. Эту же идею в греческой философии сформулировал Гераклит, заявивший, что все переходит друг в друга: день — в ночь, холод — в тепло, зима — в лето, голод — в сытость. Та же идея всеобщей связи явлений распространилась и на человеческий мир, на общество. Мир слагается из «трех сил» — неба, земли и человека, учила философия «И цзина». Эллинская мудрость устами римлянина Цицерона провозгласила: мир — общее государство богов и людей. Таким образом, уже на этом древнем этапе истории человеческого общества была создана концепция, ставшая основой всего дальнейшего научного познания. Таков был первый шаг на пути познания окружающего мира.

Вторым шагом было появление идеи о существовании первоэлементов материальной природы. Этот шаг в совершенно отчетливой форме сделали три древних народа: греки, индийцы, китайцы. Хорошо известны четыре первоэлемента Эмпедокла: вода, огонь, земля, воздух. Те же четыре первоэлемента мы находим в натурфилософии чарваков в Индии. В философии Веданты таких первоэлементов пять: вода, огонь, земля, воздух, эфир. Пять их и в китайском «Шу цзине»: вода, огонь, дерево, металлы, земля.

С идеей о первоэлементах материальной природы соединилась идея их круговорота У Гераклита огонь, угасая, превращается в землю, а через нее — в воду, чтобы затем, воспламеняясь, снова перейти в землю, а через нее — в воду; через нее же — опять в свое первичное состояние. Движущей силой тут служат процессы «угасания» и «воспламенения». У индийских чарваков все в мире образуется путем различных комбинаций четырех первоэлементов, причем смерть, равно наступающая как людей, так и животных и растения, снова превращает их в первоэлементы. У китайцев круговорот выражен в категории «преодолевания» — каждый из пяти первоэлементов переходит друг в друга: вода преодолевает огонь, огонь — дерево, дерево — металл, металл — землю, земля — воду и т. д. Концепция «преодоления» превращает переход одного первоэлемента в другой в процесс не чисто механический, а несущий в себе определенное содержание.

Третьим шагом на пути познания мира была идея мельчайшей частицы вещества. Левкипп и Демокрит называли эту частицу *атом*, индийцы — *ану*.

Не следует главное внимание уделять тому, в каком реальном виде представлялись человеку той эпохи противоположности, первоэлементы материальной природы, мельчайшие частицы вещества — как они сами, так и переход их друг в друга. Важны идеи — представления о наличии этих категорий. Зная последующую историю научного знания, мы без труда поймем, что важнейшие по своему принципиальному значению основы научного знания были созданы человеком в эпоху рабовладельческой формации.

Был сделан и еще один шаг на пути человеческого знания, и шаг первостепенной важности: человеческий ум обратился не только к содержанию познания, но и к самому его процессу. Так создана логика как учение о познании. Она развивалась у индийцев, у китайцев, у греков. Начало ей положили: в Индии — Акшапада, в Китае — Мо-цзы, в Греции — Аристотель.

Таким образом, древность, эпоха рабовладельческой формации, заложила основы всей последующей истории классового общества и определила его путь. В ней с исключительной отчетливостью и резкостью проявились противоположности, прежде всего общественные. Оказалось, что одно играло положительную роль, способствующую прогрессу человечества, его общественной жизни, его культуре, другое мешало этому, вредило. Одно было светом, другое — тьмой; в других выражениях — добром и злом. Эти противоположности пребывали в состоянии непрерывной борьбы. Но тем, как совесть человека древности реагировала на рабство — самое темное, злое, что создала древность, та же древность показала, что и тогда существовала у человека, в его природе, сила, борющаяся с этим темным. Последующая история человечества засвидетельствовала, что такая сила сохранялась и действовала на всех этапах истории.

Как известно, термин «средние века» появился в Европе в XV в. в кругах ученых-гуманистов и употреблялся ими для обозначения исторической полосы жизни европейских народов, лежащей между древним миром, существование которого считалось гуманистами закончившимся в V в. падением Западной Римской империи, и новым временем, как воспринимали гуманисты свою эпоху. В таком же значении восприняли этот термин и гуманисты — филологи и историки XV—XVII вв. За ними пошла вся последующая историческая наука в Европе, окончательно закрепившая этот термин в составе триады: «древность» — «средние века» — «новое время». Так в сфере исторической науки возникла специальная отрасль — история средних веков.

Происхождение понятия и термина «средние века» обусловило то, что история средних веков стала историей стран и народов Европы. О неевропейских народах в ней говорится только в той мере, в какой они соприкасались с европейскими. Об истории народов Индии, об истории китайского народа в период, соответствующий средним векам Европы, мы в истории средних веков почти ничего не узнаем; совершенно ничего не узнаем об истории Японии. О гуннах говорят лишь в связи с их вторжением в самый центр Европы; историю Персии связывают с историей Византии; арабы начинают действовать в истории средних веков только с того момента, как они в своем завоевательном движении заставили народы Европы весьма ощутительно почувствовать свое существование; монголы появляются в истории вместе с отрядами Субудая, вступившими в Венгрию, и стояло им оттуда уйти, стояло в дальнейшем владычеству Золотой Орды в Восточной Европе пасть, как и монголы исчезают со страниц истории средних веков; турки вошли в эту историю лишь в связи с крестовыми походами, а в дальнейшем потому, что они, опрокинув Византию, сами вступили на почву Европы. Правда, в ряде общих «Историй средних веков», по крайней мере в лучших из них, кратко излагается и предшествующая история этих неевропейских народов, но это изложение обычно носит характер лишь необходимой исторической справки; самостоятельного места ни история гуннов, ни история персов, ни история арабов, ни история монголов, ни история турок, не говоря уже об истории народов Индии, Китая, Кореи, Японии, Индокитая, Индонезии, в общей истории средних веков не занимают. Все эти народы считаются как бы принадлежащими к другому миру, лежащему за пределами того «круга земель», к которому относятся народы Европы. Этот другой мир по старой, идущей еще со времени европейской античности традиции обозначается общим термином «Восток».

Представление о Востоке как о каком-то «другом мире» привело к тому, что в европейской исторической науке история народов Азии и Северной Африки оказалась уделом особой отрасли, именуемой «историей Востока». В «историю Востока» попала при этом история перечисленных народов с того момента, с которого вообще можно по состоянию наших знаний эту историю излагать, т. е., следовательно, и древняя история этих народов, если о ней что-нибудь известно. Углубление исторического изучения Востока привело к тому, что наряду с общей «историей Востока» появились как отдельные ее части и даже как отдельные отрасли исторической науки «история древнего Востока», «история восточного средневековья» и «история нового Востока». Однако это не влияло на общее положение: историки европейского средневековья продолжали называть свои работы просто «Историей средних веков», не находя нужным оговариваться, что речь идет только о средних веках в истории Европы.

Что же, может быть, они, эти историки, и правы, так поступая? Ведь само понятие «средние века» исторически возникло и определилось в Европе, было принято и разработано европейской исторической наукой в применении именно к истории европейских народов. Скорее можно спросить историков Востока, имеют ли они право переносить это обозначение, сложившееся в исторической науке народов Европы, на какую-то часть истории народов Востока. Нам кажется, что это право они имеют, и притом по тем же основаниям, по которым употребляют этот термин историки народов Европы.

Обратим внимание на один, хорошо известный исторический факт: понятие «средние века», когда оно зародилось у гуманистов, не только обозначало определенный промежуток времени между древним миром и новым временем, но вместе с тем в это понятие входил и признак, резко отличающий средние века от древнего мира. Хорошо известно, как понимали тогда это отличие: с точки зрения западноевропейских гуманистов XV—XVI вв., средние века — время отхода от культуры, образованности, просвещения, от принципов общественной жизни, характерных для античного мира, конечно, как они, гуманисты, это понимали. Гуманисты видели в этом как бы погружение в темноту, из которой народы Европы были выведены Возрождением, т. е. возвращением, как они полагали, к античности, какую она тогда им представлялась. Именно это противопоставление средних веков, с одной стороны, античному миру, с другой — новому времени как эпох, разных по своему историческому содержанию, и составляло для гуманистов важнейший элемент понятия «средние века».

Так было в Европе. Было ли что-либо подобное и на Востоке?

Восток обширен, и развитие исторической науки в разных его странах протекало сложно и разнообразно. О средних веках в Европе мы можем говорить, имея в виду всю Европу, во всяком случае, все наиболее значительные и культурные в те времена страны. Гораздо труднее говорить столь же обобщенно о Востоке. Но говорить все же в ряде случаев можно.

Обратимся к самой далекой от западного мира державе Востока — к Китаю, к Танской империи — этому обширному и могучему в VII — IX вв. государству.

Во второй половине VIII в. в Танской империи возникло направление, превратившееся в наиболее могущественное течение общественной мысли в последующие столетия вплоть до монгольского нашествия, т. е. до XIII в.

Это движение, представленное такими крупнейшими деятелями культуры, как Хань Юй, Лю Цзун-юань, Оуян Сю, Су Дун-по, вызвало к жизни свою философию и свою эстетику, свою художественную литературу и свое искусство, свою науку и свою публицистику — все резко отличное от того, что наблюдалось в этих областях ранее. Развивалось это движение под знаменем обращения к «древнему просвещению» (*гу вэнь*).

Что же именно было древностью (*гу*) для представителей этого движения?

Прямой ответ на этот вопрос мы находим у того, кто первый обосновал положение о необходимости обращения к «древнему просвещению»: это был Хань Юй — поэт, публицист, философ. В одной из своих работ — трактате «О продвижении в науке» («Цзинь сюэ цзе») — он точно перечислил те письменные памятники, которые определили для него «древнее просвещение».

Это важнейшие произведения китайской философской, исторической, публицистической мысли, поэтического творчества за время от глубокой древности до конца Ханьской империи, т. е. до III в. н. э.

Этот перечень свидетельствует, что у Хань Юя было вполне определенное понятие «древности», определенное прежде всего хронологически. В то же время, поскольку он «древнее просвещение» (*гу вэнь*) противопоставлял «современному» (*ши вэнь*), постольку ясно, что для него существовало и понятие «нового времени». Ближайшим образом это было, конечно, его время, т. е. вторая половина VIII — первая четверть IX в. В более широком смысле для людей его поколения новым временем была вообще танская эпоха, т. е. время, наступившее после установления империи дома Тан в начале VII в. Наличие этих двух историко-хронологических категорий само собою обнаруживает, что наряду с древностью и новым временем у Хань Юя и его единомышленников в его время и в последующем существовало вполне отчетливое представление и о промежуточной полосе, лежащей между древностью и новым временем. Наименования «средние века» эта полоса у них не получила, но существование соответствующего представления об этом промежутке не подлежит сомнению.

Это представление, как явствует из сказанного, было прежде всего хронологическим, относилось ко времени с III по VII в. Но хронологическое содержание понятия «средних веков» отнюдь не было главным и у китайских «возрожденцев»: и Хань Юй, и его единомышленники считали эту промежуточную полосу между древностью и их временем по умственному уровню, по культуре ниже того, что было в древности. Если бы они думали иначе, они не призывали бы обратиться к «древнему просвещению»: нельзя призывать к тому, что не считалось бы лучшим, хотя и утерянным. Это распространялось и на литературу, и на философию, и на научное познание. Очень ярко отрицательное отношение танских «возрожденцев» проявилось и к религии.

Как известно, средние века в понимании Хань Юя, т. е. III—VI вв., ознаменовались распространением и укреплением в Китае новой религии, начавшей проникать в Китай из Кушанского царства в Средней Азии еще в I в. н. э. Этой новой религией был буддизм. В Танской империи влияние этой религии благодаря покровительству знати и самих императоров не только сохранялось, но и росло. Показателем силы этого влияния в эпоху Хань Юя служило перенесение в Китай «кости Будды»: «частица мощей» была перевезена в столицу империи город Чанъань и с великой торжественностью водворена в дворцовом храме.

Хань Юй отозвался на это знаменитым памфлетом «О кости Будды». В нем он протестовал против такого покровительства диким, с его точки зрения, суевериям. «Ведь он (Будда.— *Н. К.*),— писал Хань Юй,— мертв, и уже давно. Это всего только сгнившая кость. Это всего только скверна и нечисть. Как же можно помещать ее во дворец?» Хань Юй резко отрицательно относился к буддизму, да и вообще к распространенным в его время в Китае формам религии. Он был тем, кого принято называть конфуцианцами, а «Лунь ой» — книга, в которой излагается учение Конфуция,— сообщает, что «учитель не говорил ни о богах, ни о демонах»; на прямой же вопрос, как он к ним относится, ответил: «Я чту богов и демонов, но держу их от себя в отдалении». Кстати сказать, эти слова Хань Юй привел и в своем памфлете.

Говорить на этом основании о Хань Юе как об атеисте, конечно, нельзя, но его пренебрежительное отношение к религии как собранию всякого рода суеверий несомненно. Так же относилось к религии и большинство других деятелей движения за обращение к «древнему просвещению». Следует помнить при этом, что обе массовые религии тогдашнего Китая — буддизм и даосизм — были в то время в полной силе.

То, что в средневековом Китае именуется конфуцианством, представляло собой светское просвещение. Это было учение об обществе и государстве, о человеке и его морали; это было учение о природе и ее познании. Совершенно светский характер в танскую эпоху носила и находившаяся в руках конфуцианцев система образования. Представителями именно такого светского просвещения были и все деятели движения за обращение к древности. Хань Юй выдвинул и основной принцип этого движения. Он обозначил его словом «человеческое» (*жэнь*) или, полнее, «путь человеческого» (*жэнь дао*). Невольно напрашивается перевод этих слов нашим словом «гуманизм». И это допустимо, причем не только чисто этимологически, но и по существу: представители «танского возрождения» настойчиво выдвигали положение о высшей ценности человека как основы общественной жизни, просвещения, культуры. Хань Юй посвятил этой теме особый трактат, так и называемый им «О человеке» («Юань жэнь»).

Такое положение дел позволяет нам сказать, что и на Востоке в определенный исторический момент, обусловленный самим ходом исторического развития, возникла концепция «средних веков», которая имела притом не только хронологическое, но и культурно-историческое содержание. По крайней мере так было в истории китайского народа.

Было ли что-нибудь похожее в истории и других народов Востока?

Обратимся к мусульманскому миру, и прежде всего к мусульманскому миру Средней Азии IX—XI вв. Нам известно, что в эти столетия там имел место величайший для того времени расцвет науки, философии, просвещения. Но также известно и то, что ал-Фараби, Ибн-Сина (Авиценна), ал-Хорезми, ал-Бируни и другие великие современники этого расцвета создавали направление тогдашней научной и философской мысли, приняв философское и научное наследие древнего мира. Они обратились ко всем источникам великих древних цивилизаций, с которыми их народы оказались связаны в своих исторических судьбах. Это была, как известно, европейская античность, особенно эпоха эллинизма; они черпали и из древнего индийского источника; последующее изучение, вероятно, откроет, что кое-чем они обязаны и древнему Китаю — если и не непосредственно, то, во всяком случае, через наследие старых народов Средней Азии, всегда бывших в тесных сношениях с древним Китаем. Сред-

ция Азия еще в древнейшие времена была местом скрещения путей к важнейшим источникам человеческой цивилизации и сама представляла один из центров этой цивилизации. Поэтому передовые деятели науки и философии среднеазиатского мира IX—XI вв.— подлинные гуманисты по своим принципам, создавая новую образованность, новое просвещение, так же как до этого их собратья в Китае, а после них — их собратья в Европе, перешагнули через какую-то историческую полосу, лежащую посредине между их временем и древним миром, иначе говоря, через свои «средние века».

Эта краткая справка позволяет сказать, что историки Востока имеют право употреблять термин «средние века» на том же основании, на каком этот термин вошел в употребление гуманистов Европы XV—XVII вв. Вместе с тем приведенные факты, как нам кажется, позволяют поставить вопрос и о том, не следует ли считать то, что в истории народов Европы получило наименование «Возрождения», проявлением общей закономерности исторического процесса, обязательно наступающим в определенный момент исторического развития народов великих цивилизаций. На такую мысль наталкивает и то обстоятельство, что движение за обращение к «древнему просвещению», как оно проявилось в истории китайского народа, так же как и в Европе, возникло в обстановке бурно развивавшейся городской культуры, при наличии многочисленного слоя писателей, публицистов, историков, философов, общественных деятелей, тесно связанных с этой городской культурой, с жизнью влиятельных городских сословий, работавших при достаточно развившемся книгопечатании.

Разумеется, ни в коем случае нельзя полностью отождествлять все эти явления. Если условно именовать их «возрождением», то и «танское возрождение», и «среднеазиатское возрождение» имеют свои глубоко специфические черты, отличающие их друг от друга и каждое из них от «европейского возрождения». Но вправе ли мы видеть только эти отличия, не обращая внимания на сходства, тем более что эти сходства лежат в историческом существе этих явлений?

Сопоставим теперь хронологию средних веков в упомянутых центрах мировой цивилизации в то историческое время. Для великих мыслителей и ученых Средней Азии и Ирана средние века начались после падения древнего Парфянского царства, т. е. в том же, III в.; для народов Европы — после крушения Западной Римской империи, т. е. в V в.; для китайских гуманистов времен Танской империи — после распада древней Ханьской империи, т. е. в III в. н. э. Концом средних веков для танских гуманистов была эпоха обращения к древности, т. е. «эпоха танского возрождения», вполне отчетливо обозначившаяся, как сказано выше, в VIII в., но подготовленная еще предшествующим веком. Концом средних веков для гуманистов Средней Азии и Ирана была «эпоха газневидского возрождения», начавшаяся в IX в., но достигшая своего расцвета в X—XI вв.

Концом средних веков для европейского мира была «эпоха европейского возрождения», начавшаяся в XIV в. в Италии и создавшая в дальнейшем великий расцвет цивилизации во всей Европе.

Стоит только определить начало средних веков в этих трех центрах мировой истории того времени, как нам — при современном уровне исторических знаний — становится ясным подлинное историческое содержание этих «средних веков». Средние века — период становления, утверждения и расцвета феодализма.

В самом деле, существуют различные мнения о конце древнего мира в Китае. Понимая древний мир как эпоху рабовладельческого общества, новейшая историческая наука в Китае склонна относить крушение рабовладельческого общества, а следовательно, и начало феодального периода в Китае к далеким временам, во всяком случае не ближе чем IV—III вв. до н. э. Действительно, элементы феодализма начали развиваться в Китае раньше, чем у других народов. Но при всей несомненности этого факта все же следует учитывать, что процесс крушения рабовладельческих порядков и установления феодальных занимал обычно длительное время, что элементы распадающегося рабовладельческого строя и постепенно возникающего феодального могли существовать рядом в течение столетий. Поэтому эти века можно при одном подходе — с точки зрения истории рабовладельческого общества — рассматривать как последнюю, закатную фазу рабовладельческого периода в истории данного народа, при другом подходе — с точки зрения истории феодального общества — считать начальной фазой периода феодализма. Так по-разному можно оценивать и последние века Римской империи, так можно относиться и ко времени Хань, т. е. к последним двум столетиям до н. э. и первым двум векам н. э. Отношение к этому времени танских гуманистов, видевших четкий рубеж между древностью и средними веками именно в конце Ханьской империи, заставляет нас считать более правильной оценку этой эпохи как закатной фазы рабовладельческого периода истории Китая, несмотря на несомненное наличие в строе Ханьской империи уже довольно развитых элементов феодализма. А если так, то и для Китая, и для Рима — в первом несколько раньше, во втором несколько позже — средние века в указанных хронологических рамках были в равной мере временем окончательного утверждения и развития феодализма.

В истории Ирана древностью было время Парфянского царства — государства с рабовладельческим строем. После падения аршакидской Парфии и образования на ее месте Сасанидской державы в этом государстве также стали постепенно утверждаться феодальные отношения. Кушанское царство в Средней Азии и Северо-Западной Индии было государством рабовладельческим. Это была древность для народов этой части Старого Света. После падения Кушанского царства в V в. и в этой части стали постепенно формироваться феодальные отношения.

Таким образом, и на Востоке, и на Западе средние века имеют одно и то же историческое содержание: это — время утверждения и развития феодализма.

Марксистская историческая наука показывает, что переход от рабовладельческой формации к феодализму в то историческое время имел глубоко прогрессивное значение. Это обстоятельство заставляет отнести к средним векам иначе, чем относились к ним гуманисты. Отношение это было, как известно, отрицательным. Гуманисты видели в средних веках время тьмы и невежества, из которого, как им казалось, могло вывести человечество обращение к лучезарной древности. Мы же не можем не видеть в наступлении средних веков шаг вперед, а не назад. Парфенон, храмы Эллары и Аджанты — великие создания человеческого гения, но не менее великими созданиями человеческого гения являются и Миланский собор, Альгамбра, храм Хорюдзи в Японии.

На каких же основаниях мы можем строить историю средних веков в том охвате, о котором шла речь выше, т. е. в таком объеме, который включал бы не одну историю народов Европы в средние века, а историю за этот же период и народов Азии и Северной Африки — всего известного тогда цивилизованного мира? Иначе говоря, на каких основаниях можно строить историю средних веков во всемирно-историческом масштабе?

Как было упомянуто выше, у нас есть прежде всего самое главное: единая общая почва для такого построения. Эта почва — история утверждения феодализма как господствующей во всемирно-историческом аспекте формации. Хронологически отправным пунктом при этом является III век. К этому времени древний мир на всемирно-исторической арене был представлен пятью государствами, если считать только «великие державы» того времени. Это были Римская империя в Западной Европе, Северной Африке и Передней Азии; Ханьская империя в Восточной Азии, империя Гуптов в Индии, Кушанское царство в Средней Азии, Парфянское царство в Месопотамии и Иране. Распад Ханьской империи начался в конце II в.; в начале III в. пала Парфия. Таким образом, на рубеже III в. рухнули две крупнейшие державы древнего мира на Востоке. Дольше продержались прочие державы: они распались только в V в.

Хорошо известно, однако, что, говоря о падении Западной Римской империи в V в., подразумевают факт, не имевший никакого эпохального значения, — свержение Одоакром с престола Римской империи последнего римского императора Ромула Августула. Фактически империя перестала существовать уже раньше. Еще в IV в. она распалась на две — Восточную и Западную, и уже тогда в западной части стали хозяйничать завоеватели — «варвары». Явственные же признаки развала Римской империи обнаружались еще раньше — в III в.; ее ослабление сказалось и в том, что она с великим трудом отстояла свое существование от натиска «варварских» народов.

Таким образом, следует признать, что в III в. распад древнего рабовладельческого мира обнаружился не в двух, а в трех его центрах: в Китае, в Иране и в Римской империи. Конечно, степень и масштаб этого распада, а следовательно, степень и масштаб утверждения феодальных отношений в каждой из этих стран были очень различны. С наибольшей силой этот процесс проявился тогда в Китае, с наименьшей — в Иране. Поэтому в аспекте историй отдельных народов и стран, даже в аспекте региональных историй хронология перехода к феодализму в каждом случае будет особая. Но если брать процесс в целом, в плане всемирной истории, эти местные отличия в степени утверждения феодализма существенно изменить общую хронологию не могут.

Гораздо позднее начался переход к феодализму в остальных двух центрах мировой цивилизации. Кушанское царство пало в конце V в.; империя Гуптов была разгромлена также в конце V в., а окончательно исчезла в VI в. Было бы, однако, неправомерным ожидать, что исторический процесс утверждения феодализма не мог протекать всюду, на всем протяжении Старого Света в одних и тех же хронологических рамках; следует скорее изумляться близости по времени развития этого процесса в трех важнейших государствах древнего мира: в Восточной Азии, на Ближнем Востоке и в Западной Европе. О том, какое всемирно-историческое значение имели события, развернувшиеся в этих странах, можно судить по тому, что уже в IV в. обнаруживаются при-

знаки развала и в Кушанском царстве, т. е. в стране, примыкавшей, с одной стороны, к уже павшей Парфии, с другой — к распавшейся Ханьской империи; почти одновременно с падением этого царства в V в. произошло и падение соседней с ним империи Гуптов (VI в.). Поэтому, если брать всемирно-исторические масштабы, именно III век и следует считать началом того процесса, который привел к утверждению феодализма как господствующей социально-экономической системы.

Основаниями, на которых можно строить историю средних веков в подлинно всемирно-историческом масштабе, служат многие — общие и для Востока и для Запада — исторические факты, сопровождавшие процесс утверждения феодализма. Один из этих фактов — появление в III—V вв. на всемирно-исторической арене новых, «молодых» народов. Население двух могучих империй древнего мира — Римской и Ханьской — с их древней цивилизацией, давно уже страдавшее от набегов этих народов, обозначало их словами, совершенно одинаковыми по своему смыслу: китайцы называли их *ху* или *хужэнь*, римляне — *барбары*. Эти названия в равной мере значат «иноплеменники» и вместе с тем «нецивилизованные». Для китайцев III—V вв. это были гунны, тибетцы, сяньбийцы, жужане, несколько позже — турки. Для римлян этих же столетий это были готы, вандалы, аланы, лангобарды, франки, гуны, несколько позднее — славяне.

Народы, окружавшие древний Китай, в IV в. установили в северной его половине свои «варварские» королевства — гуннское, тибетское, сяньбийское, чем и привели страну к распаду на две — северную и южную; другие — вандалы, остготы, вестготы, франки, окружающие древний Рим, способствовали также в IV в. распаду Римской империи на две половины — восточную и западную, а затем обосновались на территории западной части. Такая же картина наблюдалась и в других районах древнего мира. Парфянское царство еще в III в. перешло в руки другой группы иранских племен, основавших новое государство под властью Сасанидов. Кушанское царство и империя Гуптов пали в V—VI вв. под ударами гуннов-эфталитов, также образовавших на некоторое время на завоеванной территории свое государство. Черты общности не должны, однако, заслонять от нас и существенные различия в процессе столкновения «старых» и «молодых» народов. Как известно, в результате «варварских» вторжений в Западную Римскую империю эта империя вообще перестала существовать, и возникшие на ее месте «варварские» королевства положили начало полному изменению картины в Европе. Дальнейшая история этой части света есть история уже этих «молодых» народов.

Иначе шел процесс в Китае: «варварские» завоевания не только не уничтожили китайское государство, но даже не прервали его существования. Вне захватов осталась южная часть страны, причем она отнюдь не превратилась в дальнем в своего рода «Византию», а продолжала оставаться тем же Китаем. И даже в северной части страны, где образовались «варварские» королевства, эти королевства очень скоро перестали быть «варварскими», превратившись в те же китайские. Коренное китайское население этой части страны ассимилировало пришельцев и привило им свою цивилизацию. На этой основе в дальнейшем восстановилось и государственное единство страны.

В связи с этим по-разному отразились «варварские» завоевания и на процессе утверждения феодализма. «Молодые» народы стояли тогда на более низкой ступени общественного развития, чем народы древних цивилизаций: одни находились еще на поздней стадии первобытнообщинного

строю, у других уже зарождались элементы феодализма. Поэтому в целом эти народы, тесно соприкасаясь с народами древних цивилизаций, у которых уже шел процесс становления феодализма, были втянуты в этот процесс. Но в одних случаях они сыграли большую роль в этом процессе, в других — меньшую.

Многие из перечисленных племен как на Востоке, так и на Западе развивались за пределами стран древней цивилизации. В Азии такими племенами были: маньчжуро-тунгусские племена, как мы теперь называем эту этническую группу, давно уже осевшие на территории, впоследствии получившей название Маньчжурии; к ним примыкали предки современных корейцев, уже в I в. до н. э. создавшие на Корейском полуострове свои государства; жужане, находившиеся на северо-западе от Китая и в V в. достигшие высшей точки своего могущества; тюрки, образовавшие в VI в. могущественную державу на обширных пространствах к северо-западу от Китая, подчинив при этом своей власти жужаней. В Европе к таким племенам относились свевы — в северной части, славяне — в восточной и юго-восточной. Этот процесс продолжался и в дальнейшем, и в ходе его вступали в общую историческую жизнь все новые и новые народы. В Восточной Азии это были японцы, тангуты, кидани, чжурчжэни, монголы; в Средней и Передней Азии — различные тюркские племена, в Передней Азии — арабы. Одни из этих народов селились на территории старых цивилизованных стран, создавали там свои государства, то сливаясь с местным населением, то истребляя его; другие образовывали государства на новых территориях, вводя в общую историю новые обширные районы Старого Света.

Общим для истории народов средневековья на Востоке и на Западе является далее тот факт, что эти народы строили свою цивилизацию на основе старого наследия — цивилизации древнего мира. Для одних народов такое наследие было прямым, поскольку они развивались на территориях великих государств древности с их старой цивилизацией. Для других эта цивилизация была как бы внешней, но мощь древних цивилизаций была такова, что все народы в той или иной мере поддавали под их влияние, вовлекались в их орбиту. Поэтому древние цивилизации играли в истории народов средневековья особую роль.

К началу средних веков мир знал пять старых очагов цивилизации: Китай, Индию, Кушанское царство, Парфию и греко-римский мир. Под влиянием древней китайской цивилизации находились все народы Восточной и Юго-Восточной Азии; под влиянием цивилизации Индии — различные народности самой Индии и Средней Азии; в свою очередь и цивилизация Средней Азии простирала свое влияние на Северо-Западную Индию, на народы Центральной Азии и на Китай; греко-римская цивилизация господствовала в Европе, Передней Азии и Северной Африке, а в эпоху эллинизма проникла и в Среднюю Азию.

Такая ситуация определила очень сложный ход развития экономических, социальных и политических институтов народов средневековья. Многие из таких институтов вырастали либо непосредственно из соответствующих установлений древнего мира, либо формировались под их влиянием. Поэтому та «чистота» общественных форм, которая может наблюдаться при самостоятельном, свободном от внешних влияний историческом развитии какого-либо народа, — случай, кстати сказать, в истории вряд ли когда-либо бывший, — в указанной исторической обстановке наблюдаться не могла. Средневековье — эпоха, коренным образом отличающаяся от древнего мира, — все же было преемником этого древнего

мира. Это двойное обстоятельство — преемственность цивилизации, с одной стороны, и отказ от старой цивилизации ради новой, с другой, — и составило одну из существенных черт культурного развития средневековья, именно ту черту, которая обусловила упомянутую сложность и зачастую противоречивость отдельных явлений этого процесса.

Роль древнего мира в развитии средневековья с особой отчетливостью выявилась в два исторических момента: в момент становления средневекового феодального общества и в момент его перехода в новую, уже сравнительно позднюю фазу. Становление феодального строя происходило в обстановке резкого столкновения нового со старым по всем линиям, столкновения, приведшего к крушению рабовладельческого мира, и в то же время новый, феодальный строй формировался в соединении со многими элементами культуры старых, рабовладельческих государств.

Роль древней цивилизации ярко проявилась при переходе средневекового феодального общества в новую фазу его развития, когда в этом обществе стали вырисовываться элементы новых для того времени отношений — раннекапиталистических. Это было в эпоху, которую в Европе называли «Возрождением» и которую этим же именем, при неприменном учете своеобразия, можно назвать, как нам кажется, и в некоторых странах Азии. Переход в новую форму сопровождался известным отталкиванием от средневековья и обращением к древности. Древность призвана была содействовать развитию новых порядков — тех, о которых мечтали гуманисты Европы, Китая, Средней Азии. Конечно, как мы хорошо знаем, это не было действительно полное отрицание средневековья. От него и нельзя было отойти: феодализм, т. е. тот строй, который мы называем «средневековьем», еще продолжал существовать. Это не было и возрождением древности. Ее и нельзя было восстановить: это означало бы возвращение к рабовладельческому строю. От средневековья осталось все то, что могло еще развиваться; от древности было взято то, что могло способствовать необходимому движению вперед. Но мы также хорошо знаем, как велико было это новое проявление влияния античности на средневековый мир, как долго оно держалось и к каким многообразным последствиям в культуре оно привело.

Таким образом, особая роль наследия древнего мира в истории средневековья проявилась одинаково и на Востоке и на Западе, и это составляет еще одну опору при построении истории средних веков во всемирном масштабе.

Можно указать много общих исторических явлений, могущих служить опорой при построении такой истории. Укажем на одно из существенных — особую роль религии и церкви в истории средневекового общества. Как известно, в средние века мы наблюдаем то, чего не знал древний мир, — появление мировых религий. Это были: буддизм в Восточной, Центральной и отчасти Средней Азии, ислам в Средней и Передней Азии и в Северной Африке, христианство в Европе и отчасти в Передней и Средней Азии. Конечно, буддизм и христианство зародились и получили свое развитие еще в древнем мире, но только в период средневековья они превратились в религии мирового масштаба. Ислам возник в средние века, но также быстро приобрел мировое значение. Оказалось, таким образом, что именно феодализм — средневековое общество — обусловил саму возможность приобретения религией такого исключительного положения. Новый базис в первое время нуждался в надстройке, которая помогла бы ему укрепиться: буддизм, христианство и ислам и составили тогда именно такую надстройку, и притом всеобъемлющего характера.

Надстройки, укрепляющие свой базис,— это право, политическая теория, система морали, эстетические взгляды, философия и религия. Религия в средние века была и системой права, и политической доктриной, и моральным учением, и философией. Она была синтезом всех надстроек над феодальным базисом, по крайней мере до тех пор, пока этот базис не стал расшатываться под действием факторов, ведущих к капитализму. Такой всеохватывающий характер религии в средние века обнаружился всюду. Буддизм — это далеко не только верования; это — философия со своей теорией познания, со своим учением о бытии; это — моральное учение; это — учение об обществе и государстве; это, наконец,— система эстетических воззрений, под знаком которых расцвело замечательное буддийское искусство — архитектура, скульптура, живопись, образовалась художественная литература — поэзия, повесть, драма. Ислам не только совокупность верований; это — политическое учение, это — право, мораль. То же можно сказать и о средневековом христианстве: достаточно перелистать одну «Summa theologiae», чтобы увидеть, что в ней содержались элементы всех видов надстройки вплоть до экономической теории. Поэтому при знаком начале освобождения из-под власти религии, проявлением ослабления ее значения был распад этого синтеза — высвобождение из общего целого отдельных самостоятельных областей. Как нам известно, первыми на этом пути были науки о природе — естествознание, астрономия и математика. Именно поэтому их возникновение и развитие имели для того времени поистине революционное значение, предвещавшее установление нового общественного порядка.

Дело было, однако, не только в чисто идеологической стороне религии. Надстройки вызывают к жизни соответствующие им институты и действуют через них. Таким институтом религии как надстройки была церковь. И в той же мере, как и сама надстройка, этот ее институт имел всеобъемлющий характер. Появление церкви — огромной, разветвленной, могущественной общественной организации — новая и притом чрезвычайно характерная черта средневекового строя.

Здесь мы опять можем констатировать в каждом отдельном случае сходство явлений на Востоке и на Западе — при всех специфических чертах. Не одно только христианство создало церковь: церковь имел и ислам, церковь имел и буддизм. Формы организации этих трех церквей были близкими в своей основе. Церковь состояла из духовенства и мирян; духовенство было организовано на началах иерархии; одинаков был и принцип, на котором строилась эта иерархия,— принцип авторитета.

Была еще одна черта, во всей полноте выявившаяся именно в религии средних веков. Все три церкви были прежде всего крупнейшими политическими организациями, и история христианской, исламской и буддийской церкви есть в первую очередь история их политической деятельности. Излишне напоминать, что эти организации были орудиями правящего класса — феодалов — в целях наиболее полного подчинения этим феодалам эксплуатируемых ими народных масс. Такой специфический характер религии в средние века и ее особая роль как идеологии и как церковной организации, роль, одинаково проявившаяся в истории и христианской церкви, и ислама, и буддизма, могут быть добавлены к числу тех общих факторов исторической жизни в средние века, которые создают почву для построения истории средних веков как общей истории стран и народов Старого Света в этот период.

Однако при всей общности этого явления нельзя упускать из виду и значительные различия в сферах и степени влияния религий на идеоло-

гию и общественную жизнь в разных странах периода средневековья. Примером этих различий может служить роль католичества в жизни народов Западной Европы и буддизма в Китае. Буддизм в Китае никогда, даже во времена своего наибольшего могущества, не играл такой роли в общественной и государственной жизни, какую играло в западноевропейских странах католичество. Так, например, один из самых важных участков — просвещение, образование — в Китае всегда находился в руках так называемых конфуцианцев, т. е. представителей, как мы отметили выше, светского просвещения. В руках конфуцианцев было сосредоточено и школьное образование, и высшая ученая академия. Буддийские трактаты никогда не были учебниками в этих школах, а если конфуцианцы эти трактаты и читали, то только для того, чтобы их критиковать и на основе этой критики отвергать. Таким образом, в этой сфере положение в средневековом Китае резко отличалось от того, что наблюдалось в христианской Европе и в мусульманской Азии и Африке.

Можно было бы перечислить еще ряд явлений, служащих надежной опорой для построения общей, всемирно-исторической, а не региональной — западной или восточной — истории средних веков. Рассмотрим из них только одно из числа самых важных. Это явление — крестьянские движения в историческом процессе. Хорошо известно, что именно в средние века крестьянские движения получили такой размах, который не наблюдался ни раньше, ни позднее. И это естественно, так как в условиях феодализма крестьянство составляло основную массу трудового населения, было основным антагонистическим классом по отношению к господствующему классу — феодалам. Прочие угнетаемые слои общества — ремесленники, люди наемного труда, городской плебс — лишь в эпоху позднего феодализма стали выступать самостоятельно, да и то относительно; в течение же всего периода средних веков эти угнетенные слои поднимались на борьбу, лишь присоединяясь к крестьянам. Поэтому классовая борьба в средние века велась в форме столкновения основных антагонистических классов феодального общества — крестьян и феодалов.

Очень хорошо известны и досконально изучены крестьянские движения в Европе. Гораздо менее они изучены на Востоке, а между тем в средние века именно на Востоке крестьянская борьба принимала наиболее крупные масштабы и выливалась в наиболее острые формы. Это особенно относится к Китаю.

Но с точки зрения исторического процесса важен не столько сам факт таких восстаний, сколько их историческая роль.

Крестьянские восстания в средние века, как правило, заканчивались неудачей: феодалы обычно жестоко подавляли их. Но было бы крайне неправильно видеть только это. Несмотря на все репрессии, которые обрушивались на борющихся крестьян, именно эти восстания, эта борьба в решительные моменты двигали историю вперед. Если взять историю Китая, этот факт можно проиллюстрировать тремя яркими примерами.

Первый пример. В 80-х годах II в. н. э. в Ханьской империи разразилось огромное восстание, известное под названием «восстание желтых повязок» (желтая повязка служила знаком принадлежности к восставшим). В нем приняли участие все угнетенные слои населения, главным образом закабаленные земледельцы и рабы. Восстание было подавлено, но оно подорвало самые основы Ханьской империи и заставило господствующий класс окончательно отказаться от остатков рабовладельческой эксплуатации и решительно перейти к эксплуатации феодальной. А такой переход для того времени был шагом вперед на пути общественного развития.

Второй пример. В 70-х годах IX в. н. э. в Танской империи вспыхнула крестьянская война, которой руководили Ван Сянь-чжи и Хуан Чао. Как всегда, основную массу восставших составили крестьяне; к ним примкнули и другие угнетенные слои трудящихся. Восстание было подавлено, но форма эксплуатации, которая господствовала до этого, — форма, основанная на государственном закреплении крестьянства, — была окончательно ликвидирована и заменена зависимостью крестьян непосредственно от феодалов. Это соответствовало интересам прежде всего класса эксплуататоров, но в связи с этим началась эра так называемого раздробленного феодализма, характеризовавшегося значительной хозяйственной самостоятельностью отдельных феодальных владений, что способствовало общему экономическому развитию страны. Для того времени это было, следовательно, шагом вперед. Нужно, однако, помнить, что господствующий класс перешел к другой форме эксплуатации именно под влиянием этого крестьянского восстания.

И третий пример. В первой половине XVII в. в Минской империи разгорелась крестьянская война, известная под названием восстания Лп Цзы-чэна. Восстание это также было подавлено при содействии маньчжуров, призванных на помощь китайскими феодалами. Но это восстание не только повлекло за собой свержение правящей династии, но и имело более важный результат: оно окончательно привело китайский феодализм к его последней фазе — фазе абсолютизма, т. е. двинуло историю вперед.

Эти три примера, как нам кажется, подтверждают тезис марксистской теории исторического процесса: именно народ, трудящиеся классы являлись и являются истинными двигателями истории. Разумеется, это одинаково ярко иллюстрируется борьбой крестьян и на Западе. И этот факт может служить надежнейшей опорой в выявлении общности хода исторического процесса на Западе и Востоке.

3

Достаточно ли, однако, всего этого? Достаточно ли для построения истории средних веков того факта, что в этот период на всем протяжении Старого Света господствовал феодализм, что этот феодализм вырос на развалинах древнего рабовладельческого мира, что в этот период и в Азии и в Европе стали действовать новые народы, что многие из них положили начало образованию в дальнейшем современных наций, что весь исторический процесс в это время проходил в обстановке переплетения элементов новой цивилизации с элементами старой цивилизации, что в этом процессе огромную роль играли религия и церковь, что двигали историю трудящиеся массы, их борьба? Ведь для общей истории нужна какая-то общность самой жизни. Была ли в средние века такая общность исторической жизни народов Азии, Европы, Северной Африки?

Никому не приходит в голову сомневаться, что в исторической жизни народы Европы тесно соприкасались друг с другом. Само существование уже с давних пор «истории средних веков» в европейском понимании этого термина как особого отдела исторической науки свидетельствует об этом. Никто не спорит и о том, что исторические судьбы народов Средней и Передней Азии, а также Индии тесно переплетались: это давно уже сделало возможным существование «истории Востока» вообще и даже «истории восточного средневековья» в частности. Тесно связаны между собой и народы Дальнего Востока, а также и народы Юго-Восточной Азии. Но общность исторической жизни Запада и Востока в целом? Существовала ли она?

Обратимся к тому, что нам хорошо известно. Обратимся к древнему миру. Древняя Греция была не только страной Европы, ее малоазиатские колонии делали ее и страной Азии. Греко-персидские войны — красноречивое свидетельство самого близкого соприкосновения истории Греции с историей народов Ближнего Востока. История Запада в эпоху Александра Македонского перестает быть историей одного Запада, она превращается и в историю Востока. Более того, в эллинистическом мире, образовавшемся после походов Александра, вообще не было разделения на Восток и Запад. Частями этого мира в равной мере были и европейская Греция, и африканский Египет, и переднеазиатская Сирия, и среднеазиатская Бактрия.

Трудно провести разделение на Восток и Запад и в эпоху Рима. Римская империя отнюдь не была государством только европейским — ни географически, ни политически, ни культурно. Даже в области религии: митраизм и христианство, господствовавшие в Римской империи в последние столетия ее существования, — явления одинаково восточные и западные. Хорошо известно и то, как тесно соприкасалась история Рима с историей окружавших его народов Азии и Северной Африки.

Чем было Кушанское царство? Оно находилось в Азии, так что географически принадлежало Востоку. Но оно включало в свой состав и территорию бывшей Бактрии — страны эллинистической культуры; оно владело территорией нынешнего Афганистана и частью Северо-Западной Индии, откуда в него проник буддизм; оно находилось в постоянных сношениях с Ханьской империей, а это означало проникновение в него китайской цивилизации и из него в Китай — буддизма. Кушанское царство в эпоху своего расцвета было поистине перекрестком и средоточием цивилизаций иранской, индийской, эллинистической и китайской, обогативших местную культурную основу. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на искусство Гандхары — на памятники изобразительного искусства, оставшиеся от этого царства: в изображениях будд и бодисатв, созданных тогда, можно увидеть и черты индийского искусства, и элементы эллинистического искусства, и отголоски изобразительного искусства древнего Китая. Это скрещение разных культур получило даже своеобразное символическое выражение. Канишка, правитель Кушанского царства, в эпоху его высшего могущества носил четыре титула: «Сына Неба» (Дэваутра), «Царя Царей» (Шаонана шао), «Цезаря» (Кайсара) и «Магараджи». Это были титулы правителей Китая, Ирана, Рима, Индии.

Обратимся к Ханьской империи. Ее история тесно переплеталась с историей народов на Корейском полуострове, с историей народов Юго-Восточной Азии, с историей «Западного края» (Си юй), как называли тогда китайцы Восточный Туркестан. О связи с историей «варварских» племен, обитавших к северу и северо-западу от китайских границ, и говорить нечего: история этих племен прямо включается в так называемые династические истории Китая. Так, например, в «Хоу-Хань шу» («Истории Поздней Ханьской династии») есть отделы, излагающие историю народов и Корейского полуострова, и «Западного края». А через Среднюю Азию историческая жизнь китайского народа соприкасалась и с жизнью народов Индии и Ближнего Востока. Китайцы знали и о «Великой стране Цинь» (Да-Цинь) на далеком западе — так они называли Римскую империю. Знали о «Стране серов», существующей где-то на Дальнем Востоке, и древние римляне; им было известно, что те шелковые материи, которые привозили к ним восточные купцы, шли из этой стра-

ны. Обе страны иногда даже стремились установить прямую связь друг с другом. В I в. н. э. в Рим было направлено ханьское посольство; оно до Рима не дошло, но в римской Сирии побывало. Когда же «Да-Циньский Антон», т. е. Марк Аврелий Антонин, во II в. н. э. разгромил парфян и ступил на берег Персидского залива, он тут же направил в «Страну серов» посольство. Оно направилось в Китай морским путем — через Индийский океан — к берегам Кочинхины и оттуда по суше до ханьской столицы — города Лояна. Таким образом, существовала торговая связь между двумя великими империями Востока и Запада. Она поддерживалась и «северным путем» — по суше через страны Передней и Средней Азии, и «южным путем» — по морю, от Персидского залива до Индокитая. Все эти хорошо известные факты приведены лишь для того, чтобы напомнить, что еще в древнем мире образовалась известная общность исторической жизни народов Востока и Запада. И в средние века эта общность не только не исчезла, но увеличилась в масштабах и усложнилась в своем содержании. В этом нетрудно убедиться, если бросить хотя бы самый беглый взгляд на важнейшие исторические события средних веков.

Уже в самом начале средних веков мы видим проявление общности истории народов Востока и Запада: это история гуннов. Вспомним ее. Гунны из той части племени, которая осталась на своей исконной родине в Восточной Азии, в начале IV в. ринулись на Цзиньскую империю в Китае, на короткое время восстановившую старую империю под властью другой династии, и завладели северной половиной этой империи. Гунны из той части племени, которая в конце II в. покинула свою древнюю родину и двинулась на Запад, сначала на некоторое время задержались в Средней Азии, а затем пошли дальше — «продолжать свою историю» уже в других местах. Одна их группа, которую европейские историки называют гуннами-эфталитами, в V в. обрушилась на Кушанское царство и овладела им, а вскоре затем покорила и индийскую империю Гуптов. Другая группа продвинулась к Каспийскому морю, заняв северный берег его вплоть до южных отрогов Урала, а затем, увлекая с собою покоренные племена и в известной мере смешавшись с ними, двинулась далее на запад, установив во второй половине IV в. свое господство в степях Нижней Волги, Дона и Северного Кавказа; в последней четверти IV в. эти гунны, перейдя Дон — границу готской державы, разбили остготов и, продвинувшись далее к Днестру, разгромили вестготов, подступив таким образом к границам Римской империи. В V в. начался натиск гуннов уже на Рим, приведший к перенесению центра гуннской державы в самое сердце Европы — Паннонию.

Где развернулась эта история гуннов? На Востоке? На Западе? В Восточной Азии? В Средней Азии? В Передней Азии? В Индии? В Восточной Европе? В Центральной Европе? Ответ, конечно, может быть только один: всюду, на всем пространстве Старого Света — от северных областей Китая до западных провинций Рима. Можно ли поэтому излагать историю гуннов вообще как-нибудь иначе, чем в рамках общей истории народов Старого Света в средние века? Исторический путь гуннов наглядно свидетельствует о невозможности строить эту историю в рамках одного Востока или одного Запада. Выходит за эти рамки и история некоторых других народов, появившихся на исторической арене в средние века: тюрков, арабов, монголов.

История тюркских племен начинается в Азии, в районе Алтая. В VI в. эти племена образовали сильный племенной союз, именуемый западными

историками «тюркским каганатом». В это время владения тюрков представляли обширную державу, простиравшуюся от Хинганских гор на востоке до Согдианы в Средней Азии, отнятой тюрками у гуинов-эфталитов. Центр этой державы был на берегу р. Орхон в нынешней Северной Монголии. Но уже в те времена эта держава, бывшая непрочным объединением большого числа кочевых племен, фактически распадалась на две слабо связанные между собой части — восточную и западную, имевшие каждая своего отдельного кагана. Поэтому дальнейшее развитие истории тюрков пошло по двум направлениям. История восточных тюрков протекала в ближайшем соседстве с Китаем и тесно соприкасалась с китайской историей. Уже в VI в. обнаружился сильный натиск тюрков на Северный Китай, вынудивший китайцев то отбиваться от них оружием, то откупаться дарами и данью. Столкновения продолжались в течение VI и VII вв. и были настолько значительными, что в эти столетия «тюркская опасность» была главной внешней угрозой для Китая.

Еще в VI в., т. е. во время существования единой тюркской державы, западные тюрки покорили Среднюю Азию и даже Персию, завязали сношения с Византией. Они вели через эти старые культурные страны оживленную торговлю, связывавшую тогда Восток с Западом.

Незачем здесь излагать историю западных тюркских племен: она хорошо известна. В последующие времена мы находим тюркские государства и в Средней Азии, и в Передней Азии, и в Индии, и в Европе. Какой же части Старого Света принадлежит история тюрков? Разве только азиатской была империя Тимура? Разве только азиатской была Османская империя? И можно ли вообще историю тюркских народов излагать иначе, как вне рамок Востока и Запада?

Так же частью истории и Востока и Запада была история арабов. В средние века арабские государства протянулись цепью от Аравии и Средней Азии по всему побережью Северной Африки до Атлантического океана и перешли оттуда на Пиренейский полуостров. История этих государств на Востоке была историей не только самих арабов, но и народов Средней Азии и даже Северо-Западной Индии; а история аравийских арабов соприкасается и с историей Эфиопии. История арабов в Передней Азии самым тесным образом сомкнулась с историей Византии и даже стран Западной Европы. Об арабах на Пиренейском полуострове повествует история Европы.

В равной мере немислимо излагать историю Кордовского халифата отдельно от истории Испании, как и историю Испании в средние века без истории мавров.

Подобным же образом и историю монголов, как и историю гуинов, тюрков и арабов, невозможно излагать в рамках одной только истории Востока. Монгольская империя XIII—XIV вв., протянувшаяся от берегов Тихого океана до западных границ Восточной Европы,— явление, принадлежащее и Востоку и Западу. Трудно себе представить, чтобы у монголов времен Чингиса или Хубилая могла даже существовать мысль о рубеже, делящем их владения на «Восток» и «Запад». Следует вообще сказать, что в Европе образовалось понятие «Восток», но у народов Азии понятия «Запад» в средние века не было. Понятие «Запад» как понятие, противопоставляемое «Востоку», появилось, например, у китайцев и японцев лишь в новейшее время и своим возникновением объяснено знакомством с европейским словом «Восток» в специфическом для европейцев понимании.

Так обстоит дело с историей некоторых народов, действовавших в средние века: она может быть рассказана только в рамках всемирной истории. Это касается не только тех народов, которые вышли из Азии, но и распространяется на некоторые из европейских народов. Вспомним хотя бы историю Византии или историю Киевской Руси и Московского царства. Можно ли излагать историю Византии без истории Персии, Арабского халифата или Турции? Можно ли представить историю Киевской Руси и затем Московского царства без того, чтобы не затронуть при этом Монгольской империи или державы Тимура?

Таким образом, переплетенность исторической жизни народов Востока и Запада в средние века несомненна. Само собою разумеется, эта переплетенность в разные времена и у разных народов была различной и по степени и по содержанию. Временами она могла и совсем отсутствовать. Но если историю народов Востока и Запада в средние века брать в целом, эта переплетенность исторической жизни наличествует всюду.

Можно и нужно излагать историю отдельных народов — и больших и малых; каждый народ является субъектом истории и обладает своею собственной судьбой. Историческая деятельность каждого народа имеет самодовлеющее историческое значение.

Можно и нужно излагать историю отдельных групп народов, особо связанных между собой течением своих исторических судеб. Вполне возможна, например, история в средние века народов Восточной Азии — китайцев, корейцев, японцев, история народов Индии, Средней Азии, Ближнего Востока, история славянских народов, история народов Западной Европы и т. п. Но не менее важна и столь же необходима и общая история средних веков. Возможна она по той причине, что исторически жизнь народов Старого Света тесно связана была с общей; необходима же такая общая история потому, что лишь в таких общих рамках перед нами в подлинном свете и в должном масштабе предстанут многие процессы истории отдельных народов и целых групп народов.

4

Как строить эту общую историю средних веков? Как не допустить того, чтобы эта история превратилась в собрание историй отдельных стран и народов или, в лучшем случае, в какую-то общую сводку этих историй, иначе говоря, в новый вариант так называемых всеобщих историй, существующих уже с давних пор и имеющих свои установившиеся традиции? Как следует строить эту историю, чтобы получилась действительно общая история стран и народов средних веков?

Построить подлинно всемирную историю средних веков можно лишь в том случае, если постоянно помнить о ее специфических особенностях, отличных от задач историй отдельных народов и стран или истории отдельных групп народов. Некоторые из этих задач можно, как нам кажется, назвать без особого труда.

Одна из таких задач состоит в раскрытии содержания и значения каждого исторического события, затрагивающего одновременно несколько стран и народов, несколько групп стран и народов или даже Восток и Запад в целом, не в аспекте истории какого-либо одного из участников этого события, а в аспекте всемирной истории.

Возьмем для примера один исторический факт. Мы знаем о крестовых

походах, знаем историю их. Но один тот факт, что мы знаем эту историю под названием «крестовые походы», свидетельствует, что она представлена у нас «с этой стороны» — со стороны Европы. Замена наименования «крестовые походы» другим ничего не меняет в таком, так сказать, европейском подходе к этим событиям.

Меж тем крестовые походы представляют события, в такой же мере составляющие историю и восточных народов, и их можно излагать, подходя к ним и «с той стороны»; оснований для этого ничуть не меньше, чем для изложения их в аспекте истории Европы. Представим себе, что об этих событиях повествует какой-либо мусульманский историк. Он расскажет о них иначе, чем историки Европы. У него это будет, может быть, «защита от нашествия неверных», может быть, «история продвижения ислама на Запад» или еще что-нибудь в подобном роде. Отмечать эти события в аспекте истории Европы вполне законно, но только для истории Европы. Так же законно излагать их и в аспекте истории арабов, позднее — турок, но только для истории арабов или турок. Иначе должна подойти к этим событиям всемирная история средних веков: она должна посмотреть на эти события не с «этой» или «той» стороны, а как бы «сверху», т. е. независимо от концепций «этой» и «той» стороны. И лишь в таком случае эти события предстанут перед историком в своем общеисторическом, т. е. наиболее правильном, свете.

Возьмем еще пример. Мы знаем о монгольских завоеваниях в Восточной Европе; мы знаем о борьбе русского народа с завоевателями и о крушении их государства. Можно излагать это крушение как освобождение от монгольского ига; так и нужно делать в истории русского народа. Можно говорить об этом крушении как о спасении народов Западной Европы от монгольской опасности; так и следует освещать это событие в истории этих народов. Однако историк средних веков в целом увидит тут одновременно упорную борьбу китайского народа с монгольскими завоевателями, борьбу, приведшую к его освобождению от монгольского ига; борьбу народов Средней Азии и Ближнего Востока с монгольскими завоевателями и распад монгольского владычества в этом районе Старого Света; героическое сопротивление русского народа, в длительной борьбе завоевавшего свою свободу. Всемирная история увидит все эти три факта одновременно, они войдут в связь друг с другом и все вместе раскроют подлинный смысл событий: это будет крушение мировой монгольской империи и начало нового развития народов, на некоторое время оказавшихся в своем развитии скованными владычеством завоевателей.

Такова одна задача истории средних веков — раскрытие содержания и значения всех событий в подлинно всемирно-историческом аспекте.

Другая из возможных задач состоит в раскрытии роли каждого народа в общем историческом процессе средневековья. Это может быть достигнуто двойным путем: во-первых, прослеживанием истории каждого народа как явления самодовлеющего, а не как придатка к истории какого-либо другого народа; во-вторых, раскрытием переплетенности истории каждого народа с историей других народов. Эти два аспекта должны неуклонно сопровождать, взаимно пополнять и корректировать друг друга. Нельзя, например, историю арабов излагать только с того момента, когда европейские народы реально столкнулись с ними; нужно излагать всю историю арабских племен в средние века. Но для того чтобы это не превратилось в историю арабов и только, эту историю следует

излагать с точки зрения той роли, которую сыграли арабы в общей исторической жизни средних веков. И тогда эта история предстанет перед нами как процесс выхода различных арабских племен на арену всемирной истории; как процесс распространения их по огромной части Старого Света — от Аравийского полуострова до берегов Атлантики, с одной стороны, до Индонезии — с другой; как процесс образования арабских народностей, создавших свои государства; как процесс вхождения их в историю других народов и в Азии и в Европе с серьезным влиянием на течение истории и даже на судьбы некоторых из них.

В особом свете предстанет перед историком средних веков и история русского народа. Он увидит в ней процесс сплочения и объединения восточнославянских племен, превращения их в один из мощных факторов всемирной истории; процесс образования восточнославянского государства — нового пункта скрещения истории Востока и Запада с последствиями этого — с необходимостью вести борьбу за свое существование и развитие в двух направлениях — западном и восточном; историк увидит в дальнейшем процесс образования государства, ставшего в XVI в. могучей державой, перешагнувшей через Урал, уже тогда положившей начало многонациональному объединению.

Так может быть определена еще одна задача общей истории средних веков — раскрытие истории каждого народа в аспекте его места и роли в общем историческом процессе.

Но эта задача сама ставит и новую задачу — прослеживание и раскрытие процесса исторической жизни в средние века в целом. Эта задача самая трудная, но в то же время настоятельно требующая своего решения. Можно сказать, что без ее решения подлинной истории средних веков не получится. Было бы преждевременным сейчас намечать пути решения этой задачи и предсказывать результаты, к которым это решение может привести. Надлежит ограничиться лишь самыми общими соображениями.

Как было сказано выше, для нас средние века — период установления и развития феодального социально-экономического строя, сменившего собою прежний, рабовладельческий строй. Но вместе с тем внимательное изучение карты истории народов в средние века со всей ясностью обнаруживает несколько несомненных фактов: конкретную историческую одновременность утверждения феодализма в разных странах средневекового мира; различные в разных странах условия установления феодализма и его развития; разные степени его развития и, наконец, многообразие его форм при общем единстве его социально-экономической сущности.

Только общая история средних веков может все это раскрыть и объяснить. При этом раскрытие и объяснение указанных явлений достигается изучением истории отдельных народов и стран и одновременно истории всех их, вместе взятых. Без этого нельзя выяснить, почему в одной стране феодализм утвердился раньше, в другой — позже; почему в одних странах он установился таким-то путем, в других — иным; почему в одном месте он был более прочен и более развит, в другом — меньше; почему в одном месте он проявился в одних формах, в другом месте — в других. Без общего изучения нельзя установить самое последнее и самое важное: как все это историческое многообразие укладывалось все же в единый процесс исторического развития; как, в каких конкретных формах, в какой последовательности и взаимосвязанности он протекал и к чему в конечном счете привел средневековое общество;

иначе говоря, что именно и как вызвало к жизни феодальный строй средневекового общества, что составило силу его огромного развития и что привело его к упадку, а в дальнейшем — к концу.

Этот общий процесс имеет одну конкретную сторону, которая составляет его историческую специфику. Эта сторона — общая направленность исторического процесса зарождения, развития и упадка феодализма. Раскрытие этой направленности объясняет нам исторические судьбы народов средневековья не только в средние века, но и в дальнейшем, в новое время.

Присмотримся к общему ходу мирового исторического процесса за время средних веков. При первом же ознакомлении с ним мы увидим, что в этой общей истории Востока и Запада Восток в течение долгого времени играл передовую роль. Выражается это в том, что на Востоке раньше начинаются те процессы, которые стали впоследствии общими для Запада и Востока. Так, например, на Востоке раньше, чем на Западе, произошел натиск «варваров» на древние цивилизованные государства: уже в III в. до н. э. китайцам пришлось воздвигать для защиты от вторжения этих «варваров» на севере различные оборонительные сооружения, положившие начало известной в дальнейшем Великой китайской стене. Аналогичное же оборонительное сооружение Римской империи на ее северо-восточной окраине — Траянов вал — понадобилось только в начале II в. н. э. Движение племен, охватившее Азию и Европу и приведшее в конечном результате к созданию новых народностей и новых государств, иначе говоря, крупнейшее по исторической важности явление, ознаменовавшее начальный период средневековья, зародилось на Востоке и при этом задолго до того, как оно захватило и Европу: оттеснение части гуннов от северных границ Ханьской империи произошло в конце I в. н. э., и это движение гуннов достигло Европы и толкнуло на запад — в сторону Римской империи — причерноморских готов только в IV в. н. э. На Востоке ранее, чем на Западе, стали создаваться новые «варварские» королевства: на территории Северного Китая они начали появляться уже в начале IV в. н. э., в то время как в Европе, на территории Западной Римской империи, они возникли лишь в V в. Феодализм как основа экономического, общественного и государственного строя на Востоке начал складываться раньше, чем на Западе. Другим признаком передовой роли Востока в эту эпоху является то обстоятельство, что именно на Востоке в связи с таким ранним и могучим развитием феодализма образовались наиболее крупные, мощные государства.

Наконец, можно упомянуть и еще об одном аспекте той важнейшей роли, которую играли страны Востока в средние века. Несомненно, что китайская, индийская, арабская, иранская, среднеазиатская культура в этот период как во многих областях техники и материальной культуры, особенно в искусстве, так и в области законодательства, политических учений, философии, историографии, науки и художественной литературы развилась раньше и была долгое время богаче по содержанию, чем все эти области культуры на Западе.

Наряду со всем этим на Востоке возникли и развились такие условия, которые постепенно стали задерживать исторический процесс, стали замедлять развитие капиталистических элементов. Поскольку такие условия на Западе не создались, постольку там развитие феодализма, а в дальнейшем рост капитализма шли быстрее. В результате в определенный момент средних веков центр тяжести в поступательном движении

человеческого общества в Старом Свете стал перемещаться от Востока к Западу. Началось то, что мы называем отставанием Востока, отставанием экономическим прежде всего, а затем и политическим и культурным. Как известно, это отставание в новое время привело к явлению, прямо обратному тому, что наблюдалось в средние века: если тогда шел почти непрерывный натиск Востока на Запад, то теперь начался натиск Запада на Восток, поставивший в конце концов большинство стран Востока в положение колоний, полуколоний стран западного мира или зависимых от него государств. Таким образом, настоящее научное раскрытие истории народов средних веков во всемирно-историческом масштабе, т. е. одновременно народов Востока и Запада, дает возможность объяснить ход исторического процесса и в новое время.

ОБ ЭПОХЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ

При весьма различном понимании исторического существа, содержания и границ эпохи, получившей в истории народов Европы наименование «Ренессанс», само наличие такой эпохи никем не оспаривается. О ней говорят историки всех специальностей и всех направлений. Общее у них в том, что все они имеют в виду прежде всего культурное содержание этой эпохи, различия — в том, что одни видят в Ренессансе лишь одну из эпох истории культуры, другие связывают культурно-историческое содержание ее с социально-экономическим, т. е. рассматривают Ренессанс как особое звено общен исторического процесса. Среди историков первой группы существуют свои различия, заключающиеся прежде всего в том, считают ли они показательной для Ренессанса всю совокупность культуры либо же только, или преимущественно, одну какую-либо ее сферу, например искусство или литературу; такие различия определяются главным образом специальностью авторов. Есть свои различия и среди историков второй группы в том, как они понимают общен историческое содержание эпохи Ренессанса; такие различия определяются общен историческими позициями авторов, принадлежностью к тому или иному направлению исторической науки¹.

Положение, таким образом, достаточно сложное, даже если оставаться в пределах хорошо изученного. Хорошо изучено же, как известно, только то, что относится к Ренессансу в Италии и других странах Западной Европы — Германии, Нидерландах, Франции, Англии, Испании; уже гораздо менее изучен вопрос об эпохе Возрождения в странах Центральной Европы и еще менее — Восточной². Положение осложняется тем, что при недостаточно отчетливом понимании исторического существа Возрождения в Италии, из истории которой вошло в историческую науку само представление о такой эпохе, наименование «Ренессанс» нередко бывают готовы приложить ко всякой полосе особого подъема культуры, чаще всего искусства и литературы, особенно если этот подъем в какой-то степени связан с обращением к древности.

Положение в последнее время осложнилось еще тем, что об эпохе Ренессанса заговорили и востоковеды. В 1947 г. Ш. И. Нуцубидзе в работе «Руставели и восточный Ренессанс» заговорил о времени велико-

¹ Среди новейших авторов, занимавшихся проблемами западноевропейского Ренессанса как особой исторической эпохи, большой интерес представляет, как мне кажется, I. Huizinga (1872—1945), голландский историк, которого его почитатели называют даже Буркгардом XX в. О его работах см.: K. Köster, Вступительная статья, — в кн.: I. Huizinga, Geschichte der Kultur, Stuttgart, 1954.

² Решительный сдвиг в этой области произвела выдающаяся работа И. И. Голенищев-Кутузова (см.: И. И. Голенищев-Кутузов, Итальянское Возрождение и славянские литературы XV—XVI вв., М., 1963).

го грузинского поэта, т. е. о XII—XIII вв., как о грузинском Ренессансе³. В 1946 г. И. Джавахишвили в «Истории Грузии» охарактеризовал историю своей страны в XI—XII вв. как время, по своему историческому содержанию близкое к той эпохе истории западноевропейских стран, которую называли Ренессансом⁴. В 1961 г. В. Д. Чантурия в работе «Педагогика грузинского гуманизма XI—XII вв.» утверждал, что педагогические идеи этого времени свидетельствуют именно о такой эпохе⁵. В 1963 г. В. К. Чалоян в работе «Армянский Ренессанс» на основе анализа широкого круга социально-экономических и культурных признаков доказывал наличие именно такой эпохи в истории Армении⁶. В приложении к истории стран Востока работа В. К. Чалояна пока является в пределах своей темы наиболее широкой по материалу и тщательной по аргументации.

На Грузии и Армении дело, однако, не остановилось. В 1955 г. в статье «Средние века в исторической науке» мною был поставлен вопрос об «эпохе Ренессанса» в Китае с отнесением ее к VIII—XII вв. и высказано предположение, что сходную по своему историческому и культурному содержанию эпоху можно открыть в истории Среднего Востока — Средней Азии, Ирана, Северо-Западной Индии в IX—XII вв.⁷ В 1957 г. в статье «Начало китайского гуманизма» вопрос об эпохе Возрождения в Китае в плане истории общественной мысли был рассмотрен мною уже с некоторой обстоятельностью⁸. В плане истории литературы этот же вопрос был освещен в моей статье 1960 г. «Три танских поэта»⁹. В статье 1966 г. «Философия китайского Возрождения (о сунской философской школе)»¹⁰ этот же вопрос рассмотрен в плане истории философской мысли в Китае. Обширный материал по вопросу об эпохе Возрождения в Китае дан в статье 1967 г. В. И. Семанова «Было ли Возрождение в Китае?»¹¹. В 1967 г. в статье «Алишер Навои и проблема Ренессанса в литературах Востока» о Ренессансе на Востоке заговорил В. М. Жирмунский¹². В 1965 г. в работе «Арабская классическая литература» к концепции Ренессанса подошел в своем освещении арабской литературы VIII—XII вв. И. М. Фильштинский¹³. В 1966 г. яркую ренессансную интерпретацию поэзии, философии и науки Ирана и Средней Азии в IX—XII вв. дал в своей работе «12 миниатюр» И. С. Брагинский¹⁴. В работе 1965 г. «О некоторых общих проблемах

³ Ш. И. Нуцубидзе, Руставели и восточный Ренессанс, Тбилиси, 1947.

⁴ Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашия, История Грузии, Тбилиси, 1946.

⁵ В. Д. Чантурия, Педагогика грузинского гуманизма XI—XII вв., Тбилиси, 1961.

⁶ В. К. Чалоян, Армянский Ренессанс, М., 1963.

⁷ Н. И. Конрад, Средние века в исторической науке, — в кн.: «Из истории социально-политических идей. Сборник к 70-летию акад. В. П. Волгина», М., 1955.

⁸ Н. И. Конрад, Начало китайского гуманизма, — «Советское востоковедение», 1957, № 3.

⁹ Н. И. Конрад, Три танских поэта, — в кн.: «Три танских поэта, Ли Бо, Ван Вэй, Ду Фу», М., 1960.

¹⁰ Н. И. Конрад, Философия китайского Возрождения (о сунской философской школе), — «Запад и Восток», 1966 (2-е изд. — 1972).

¹¹ В. И. Семанов, Было ли Возрождение в Китае? — сб. «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы», М., 1967.

¹² В. М. Жирмунский, Алишер Навои и проблема Ренессанса в литературах Востока, — сб. «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы», М., 1967.

¹³ И. М. Фильштинский, Арабская классическая литература, М., 1965.

¹⁴ И. С. Брагинский, 12 миниатюр, М., 1966.

курса истории литератур Востока» ее авторы — И. В. Боролина, И. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Л. Д. Позднеева — обстоятельно осветили вопрос об эпохе Возрождения в странах Востока в плане общей истории литературы этих стран¹⁵.

Конечно, количество материала, привлеченного авторами указанных работ, очень различно; очень различна и степень разработки его, но для всех авторов характерно отношение к тому, что они предлагают называть хотя бы условно Ренессансом, не просто как ко времени особого расцвета литературы и искусства, а как к определенной исторической эпохе.

Такое внимание к проблеме Ренессанса в странах Востока вполне понятно. Вопрос в сущности поставлен не столько отдельными учеными, сколько самой исторической наукой. Известно, как широко раздвинулись в нашей стране рамки исторического знания: в него вошел весь Восток со всей своей историей. И не только вошел, но и занял подобающее ему место. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно раскрыть вышедшие десять томов советской «Всемирной истории». Появилось множество работ, воссоздающих и общую картину исторического процесса в какой-либо восточной стране, и отдельные стороны этого процесса. В число народов, история которых предстала теперь с невиданной доселе полнотой, входят и народы с древней, непрерывно развивающейся и в наши дни исторической жизнью и культурой — народы Кавказа, Средней Азии, Ирана, Индии, Китая. Стали гораздо более видны и понятны полосы общественно-исторических подъемов у этих народов, эпохи особого расцвета их жизни и культуры. И вполне естественно, что некоторые из подобных эпох стали сопоставлять со сходными эпохами исторической жизни и культуры народов Европы. При этом получилось, что многие обозначения исторических явлений, выработанные на материале истории Запада, были перенесены на аналогичные или близкие им явления в истории Востока.

Это также понятно. История как отрасль знания на Востоке сложилась ранее, чем на Западе, но история как прагматическая наука развивалась на Западе раньше и полнее, чем на Востоке. Поэтому применение и для истории народов Востока таких общих обозначений-характеристик, как, например, феодализм, капитализм, класс, сословие и т. д., вполне закономерно, тем более что марксистская историческая наука придала этим обозначениям точный смысл, т. е. превратила эти наименования в термины исторической науки. Вполне допустимо также пользование и такими обозначениями, возникшими в истории народов Европы, как «древность», или «античность», «средние века», «новое время»¹⁶. На тех же основаниях перешли к историкам Востока и некоторые наименования культурно-исторических эпох, в их числе и наименование «эпоха Возрождения».

Нельзя признать также случайным или произвольным, что об «эпохах Возрождения» заговорили в приложении к истории именно упомянутых стран Востока. Постулирование наличия в их истории именно такой эпохи подсказано мыслью, что «эпоха Возрождения» возникает, во вся-

¹⁵ И. В. Боролина, И. Б. Никитина, Е. В. Паевская, Л. Д. Позднеева, О некоторых общих проблемах курса истории литератур Востока, — «Народы Азии и Африки», 1965, № 1.

¹⁶ См.: В. И. Семанов, Об исторической основе литературной периодизации, — «Народы Азии и Африки», 1963, № 5, стр. 118—134.

ком случае первоначально, у народов с длительной, непрерывно развивавшейся исторической жизнью и культурой. На эту мысль наводит тот факт, что страной, в истории которой впервые была отмечена эпоха Возрождения, является Италия, т. е. страна народа, историческая жизнь которого началась еще в VIII в. до н. э., и которая до своей эпохи Возрождения имела в прошлом и многовековую античность и столь же продолжительное средневековье, причем в рамки итальянской античности входила не только латинская культура, но и культура эллинская. Термин «Возрождение» в смысле «возвращение к древности» (*фугу*) встречается и в истории Китая, и притом именно как обозначение одной из черт эпохи, очень напоминающей эпоху Возрождения в Италии; история же китайского народа также началась очень давно, в XII—XI вв. до н. э., и в ней была своя древность, воспринимавшаяся в эпоху Возрождения как время сложения всех основ культуры и просвещения. У народов Средней Азии и Ирана термин «Возрождение» не встречается, но эпоха, содержавшая черты Возрождения, относится к IX—XIII вв., а иранские народы начали свою историю, как и китайский, еще в конце II тысячелетия до н. э. — с момента появления в Северном Иране ираноязычных племен; историческая же жизнь и культура иранских народностей всегда протекала в переплетении с исторической жизнью и культурой народов Средней Азии и Северо-Западной Индии, также древних и богатых культурой: первые государства в Средней Азии — Хорезм и Бактрия — возникли в VII—VI вв. до н. э. Таким образом, у народов этой части мира была своя античность, в значительной мере общая для них, так же как общей является античность для итальянцев и греков. К группе древних народов с длительной и непрерывной историей, с богатой и древней культурой принадлежат и грузины, у которых в III в. до н. э. была уже государственная жизнь; к этой группе принадлежат и армяне, история которых, если ее считать с момента появления предков позднейших армян на их нынешней территории, начинается с VII в. до н. э. У этих народов Закавказья была своя древность, с культурно-исторической стороны бывшая в известной мере общей не только с древностью народов Ирана и Переднего Востока, но еще больше с античностью греко-римской. Были у них и свои средние века с богатой культурой. Таким образом, вопрос, поставленный исторической наукой, вызван самой историей. Существо же вопроса настолько серьезно, что обсуждение его стало действительно необходимым. Дело идет вообще не только об открытии своих «эпох Возрождения» в истории разных народов, т. е. о новом осмыслении исторического процесса у них, но и гораздо большем: о самом понимании исторического смысла такой эпохи, об исторических условиях, ее вызывающих и определяющих, ее историческом смысле и, наконец, о закономерности такой эпохи в истории определенных народов, а через нее и в истории человечества.

Хороший материал для обсуждения всего комплекса этих вопросов может, как мне кажется, дать сопоставление тех исторических «случаев» этой эпохи, которые ни в какой связи друг с другом не находятся, которые возникли, сложились и развились совершенно независимо. Первый из этих случаев нам хорошо известен: эпоха Возрождения в Италии. Второй — эпоха Возрождения в Китае; наличие такой эпохи в Китае пока еще не раскрыто во всем объеме, но все же сказано о ней, как мне думается, достаточно, чтобы отнести к мысли об этой эпохе в истории Китая хотя бы как к обоснованному историческому постулату.

В обоих случаях обращает на себя внимание прежде всего существование совершенно одинакового не только по общему смыслу, но даже и по лексическому выражению обозначения этой эпохи, обозначения, данного ее современниками. *Rinascita* назвал эту эпоху в своей стране Вазари, *фугу* в своей — Хань Юй. Итальянское слово означает «возрождение», но при этом подразумевается, что дело идет о возрождении древности. В китайском слове понятие «древность» включено в самый термин *фугу*, состоящий из двух компонентов: *фу* — «возвращение», *гу* — «древность». Сочетание этих компонентов можно понимать как «возвращение к древности», так и «возвращение древности», т. е. восстановление ее. Обращает, однако, на себя внимание и время, в которое возникли эти обозначения. Вазари жил в XVI в., когда эпоха Возрождения в его стране была уже фактически исчерпана. Хань Юй жил во второй половине VIII в. — первой четверти IX в., когда эпоха Возрождения в его стране только начиналась. Это различие свидетельствует, что название эпохи может быть ее итоговой характеристикой, может быть и лозунгом, с которым она вступает в историю.

Но что такое в глазах Вазари и Хань Юя эта самая древность?

Разумеется, прежде всего что-то совершенно замечательное. Ведь нельзя оценивать то, что стремились возродить, иначе как самым высоким образом. Древность в этом случае понятие прежде всего качественное. Но оно, конечно, и историческое. Что же имели в виду конкретно-исторически, говоря «древность», эти деятели?

Хорошо известно, что для итальянцев эпохи Возрождения древность прежде всего их древность, т. е. период древнего Рима. Но не весь, а главным образом время, которое ознаменовано замечательным расцветом общественной мысли и литературы, — последний период республики и первый период империи. Иначе говоря, не ранний и не поздний этап истории римского народа, а средний: тот, который стал классическим. К этой своей латинской древности итальянские возрожденцы присоединили и эллинскую, наследниками которой стали римляне, особенно в эпоху принципата. Но также не начальную древность, «гомеровскую», и не позднюю, эллинистическую, а среднюю — классическую. Конечно, уважение питали ко всей древности в целом, но на первом плане в ней бесспорно выступала именно эта классическая пора.

Что же было древностью в глазах Хань Юя? Об этом он сказал с полной ясностью в своем трактате «О пути»¹⁷, т. е. о том просвещении, ревнителем которого он был. Это — вся древность китайской истории до начала I в. н. э.; последние из великих деятелей культуры древности, которых он называет, — Сыма Сян-жу, Сыма Цянь и Ян Сюн. Это означает, что поздняя древность — второй период империи — не признается им, как не признается эпоха эллинизма и поздней империи его итальянскими коллегами. Если же учесть, что основоположником «Пути», т. е. науки и просвещения, в глазах Хань Юя был Конфуций и что такие памятники, как упоминаемые им «И цзин», «Ши цзин», «Шу цзин», возникшие еще до Конфуция, окружены ореолом высокой мудрости именно благодаря ему же, получается, что и для Хань Юя

¹⁷ См.: «Китайская литература. Хрестоматия», т. I, Древность. Средние века. Новое время, М., 1959, стр. 305—311; см. также: Н. И. Конрад, Хань Юй и начало китайского Ренессанса, — «Запад и Восток», 1966, (2-е изд. — 1972).

древностью была главным образом эпоха «Лего» — городов-государств, эта подлинно классическая пора в истории древней культуры. Таким образом, зная историю древнего мира, мы можем сказать, что в эпоху Возрождения, возникшую в двух важнейших из числа уцелевших со времен древности странах Западной Европы и Восточной Азии — Италии и Китае, — под той древностью, которую деятели этой эпохи видели возрожденной, подразумевалась в первую очередь срединная, наиболее цельная по своему типологическому облику, пора истории рабовладельческого общества в этих двух районах мира.

2

Столь устойчивая избирательность вряд ли случайна: она, как мне кажется, объясняется одной особой чертой исторического мировоззрения возрожденцев.

Хорошо известно — и это составляет одну из самых типичных черт эпохи, — что возрожденцы в Италии, прославлявшие свою классическую древность, тем самым отрицательно относились к тому времени, которое отделяло их эпоху от древности. Это были для них всего только «средние», т. е. промежуточные, века, а поскольку древность — время лучезарное, а их собственное время — пора возрождения этой лучезарности, постольку средние века — мрак, темнота.

Китайские возрожденцы обозначения «средние века» терминологически не создали, но представление именно о точно такой же промежуточной полосе своей истории они имели. Это хорошо видно из свидетельства «Истории Сун» — памятника, возникшего в XIV в., когда Возрождение уже насчитывало несколько веков своего существования и уже сложилось представление о нем в целом. В этой «Истории Сун», т. е. истории Китая за время Сунской империи (960—1279 гг.), есть раздел, описывающий так называемую сунскую философскую школу, т. е. ту школу, которая, как мне кажется, является несомненной принадлежностью китайского Возрождения¹⁸. В этом разделе перечислены главные деятели этой философской школы, обрисован вклад каждого в развитие школы и дана общая оценка всей ее деятельности. Оценка эта такова: «И вот тогда толкования «Ши цзина», «Шу цзина», «Шести искусств», заветы Кун-цзы и Мэн-цзы — то, что было повержено в циньский огонь, разодрано на клочки ханьскими учеными, погружено во мрак во времена «Вэй и Лючао» — все это открылось со всей ясностью и во всем блеске, все стало на свои места. Поэтому сунские ученые — через головы мыслителей прежних эпох — прямо соприкоснулись с Мэн-цзы». «Ши цзин» («Книга песен») и «Шу цзин» («Книга истории») — древнейшие письменные памятники, вошедшие в конфуцианское «Пятикнижие». «Шесть искусств» — наука, которая представлена в шести памятниках: в тех же «Ши цзин» и «Шу цзин» и присоединенных к ним «И цзин» («Книге перемен»), «Чунь цю» («Летописи»), считавшейся созданием самого Конфуция, и «Юэ цзин» («Книге музыки»). Заветы Кун-цзы и Мэн-цзы — «Лунь юй» и «Мэн цзы» — два сочинения, излагающие учение этих двух основоположников конфуцианства, т. е. вообще всей, как тогда считали, философии. На Мэн-цзы, т. е. в III в. до н. э., все закончилось. И на-

¹⁸ Н. И. Конрад, *Философия китайского Возрождения (о сунской школе)*, — «Запад и Восток», М., 1966 (2-е изд. — 1972).

долго — до XI в. Таким образом, и для составителей «Истории Сун» древность — это прежде всего та же классическая пора, что и для Хань Юя. Отличие только в том, что Хань Юй упомянул еще о трех деятелях начального периода империи; но первый из них — Сыма Сян-жу — был не философ, а поэт; второй — Сыма Цянь — историк; третий же — Ян Сюн — главным образом поэт; как философ он не имеет особого значения, а Хань Юй даже отозвался о нем в этом смысле весьма неодобрительно. Поэтому для составителей «Истории Сун» древность, во всяком случае по философской линии, заканчивается деятельностью Мэн-цзы, последнего крупного мыслителя классической поры истории рабовладельческого общества в Китае. После этого, т. е. с переходом к поздней поре той же древности, к эпохе империи, наука и просвещение сначала вообще попали в «цинский огонь», как назвала история сожжение конфуцианских сочинений в самые первые годы империи, а потом книжниками Ханьской империи были «разодраны в клочки». Авторы «Истории Сун» тут имеют в виду ханьских филологов, поведших кропотливую работу по разысканию уцелевших памятников, восстановлению утраченных, обработке их текстов и комментированию их, т. е. делавших ту работу, которую вели александрийские книжники над наследием классической поры своей античности. С точки зрения возрожденцев, больше всего ценивших идеи, текстологическая работа, да еще разрозненная, над отдельными, изолированными друг от друга памятниками, привела к тому, что «наука» была «разодрана на клочки», т. е. разменена на мелочи. Ну а потом, во времена «Вэй и Лючао», т. е. с III по VII в., наука и просвещение и вовсе оказались «погружены во мрак», и новый свет зажегся только с наступлением сунской эпохи. Можно ли более ясно выразить мысль о промежутке — «средних» веках между древностью и современностью, причем именно как о веках «темных»?

В свете такого отношения становится, как мне кажется, понятным, почему возрожденцы отрицательно отнеслись не только к тому времени, которое мы обозначаем термином «средневековье», т. е. к начальному периоду истории феодального общества, но и к поздней Римской империи, для Китая — период Ханьской империи и особенно вторая половина его — время переходное, т. е. принадлежит средневековью, которое оно подготавливает, не менее, чем древности, от которой оно отходит. Поскольку же средневековье в Европе, как и времена «Вэй и Лючао» в Китае, возрожденцами как в Италии, так и в Китае отрицалось, это отрицательное отношение распространялось и на эпоху, к средневековью подводящую.

3

Что же адептам Возрождения не нравилось в этом средневековье, времени «Вэй и Лючао», в этом «темном», по их определению, времени? Попробуем ответить на этот вопрос сначала в плане общей идеологии.

Для идейных позиций Хань Юя, с которого, как мне кажется, следует начинать историю ренессансного движения в Китае, характерно резко отрицательное отношение к буддизму и даосизму. Но пора «Вэй и Лючао», т. е. III—VII вв., эти «темные» века, как раз время чрезвычайной силы именно этих мировоззренческих систем. За это время буддизм со своей хорошо налаженной и разветвленной церковной организацией, многочисленным духовенством и монашеством превратился в Китае чуть ли не в самую распространенную религию. В настоящее рели-

гиозное учение со своей догматикой, своим культом, со своей церковной организацией превратились и те верования, которые обычно обозначают наименованием «даосизм». Обе эти религии обладали философией многосторонней и высокоразвитой. Против их философских положений и выступал Хань Юй; против того, что он считал самым главным в этой философии и самым неприемлемым: в буддизме — против концепции нирваны, в даосизме — против концепции недеяния. Обе эти концепции, с его точки зрения, отвлекали людей от главного: от жизни, деятельности, от реального служения реальному обществу. Этому буддизму и даосизму он противопоставлял «истинную науку», т. е. конфуцианство, причем идеалом для него был Мэн-цзы, действительно самый активный в древности ревнитель «истинной науки», неутомимый борец со всем тем, в чем видел общественное зло своего времени, не стеснявшийся резко обличать и самих правителей. Хань Юй даже считал себя как бы «Мэн-цзы своего времени»¹⁹. Но воспевать Мэн-цзы в его время — означало восхвалять то, что было в древности, и отвергать то, что было во времена «Вэй и Лючао», т. е. в китайские средние века. Как мы знаем, в эти века книга Мэн-цзы далеко не была популярна. Не была на первом плане даже «Лунь ой» — та книга, в которой были запечатлены слова самого Конфуция. На первом плане стояли другие источники, главным образом «И цзин», «Ши цзин», «Шу цзин», «Чунь цю» и «Ли цзи» — все, кроме «Чунь цю» («Летописи царства Лу»), восходящие к доконфуцианскому времени.

В ту же эпоху, в которую жил Хань Юй, внимание было направлено не на развитие содержащихся в них положений, а на установление «правильного» в них, «правильного» и со стороны установления подлинности текста, и со стороны его понимания. Еще в первую половину VII в. Янь Ши-гу издал отредактированный им текст указанных пяти древних сочинений, а Кун Ин-да отобрал из всех существующих комментариев к ним те, которые счел лучшими; и сделано это было не только при одобрении, но и по прямому требованию правительственной власти, нуждавшейся в идеологическом подкреплении установившегося режима. Текст «Пятикнижия» в редакции Янь Ши-гу был объявлен *динбэнь* («утвержденным»), толкование же его в составленном Кун Ин-да виде — *чжэнъи* («правильным»). И это «Пятикнижие» — как текст, так и его освещение — стало в просвещении того времени *summa summagum* всей учености. Не вызывает ли этот факт в памяти появление в истории философско-религиозной мысли средневекового католицизма «*Summa theologiae*» Фомы Аквинского? И не поможет ли сопоставление этих двух совершенно изолированных друг от друга фактов лучше понять, что, собственно, тогда произошло в конфуцианской философии в Китае, в католической философии в Италии? Не следует ли нам видеть в этих фактах вполне естественное и закономерное для любого обладающего жизненной силой учения сложение его в целостную и всеобъемлющую систему, т. е. достижение им высшей точки своего развития? И не произошло ли вместе с тем также обычно наблюдаемое одновременно с этим введение этой системы в строго определенные толковательные рамки с недопущением никаких выходов за их пределы, т. е. не произошло ли превращение этой системы в догму? Поэтому не лежала ли в основе отрицательного отношения к средним векам возрожденцев и в Китае и в Италии, во всяком случае на идеологической почве, именно

¹⁹ Н. И. Конрад, Хань Юй и начало китайского Ренессанса.

неприемлемость для их сознания установившегося к их времени идеологического догматизма? Китайский «случай» дает, как мне представляется, вполне ясную картину именно этого. Хань Юй, сам бывший профессором правительственного университета, следовательно, обязанный «по долгу службы» преподавать науку, под которой тогда разумелся весь комплекс общественных наук в их теоретических основах, по «классикам», т. е. по книгам «Пятикнижия» в их официально утвержденном тексте и толковании, стал заниматься совершенно самостоятельными исследованиями. Он писал не какие-либо новые варианты комментариев к «классикам», а трактаты по проблемам, считавшимся им наиболее важными. Главных трактатов у него три: «О человеке», «О пути», «О природе человека». И это была свободная, поистине творческая разработка тем, пусть присутствующих в трудах «классиков», но либо оставшихся у них неразвитыми вообще, либо же представленных не в том аспекте, какой считался Хань Юем наиболее существенным.

Философы сунской школы, действовавшие в XI—XII вв., т. е. в значительно более позднее время, когда ренессансное движение вступило в новую фазу, были одушевлены тем же, что и Хань Юй. Они тоже отрицательно относились к буддизму и даосизму, разумеется, к философским концепциям этих учений; как культы буддизм и даосизм их не интересовали, философам конфуцианского толка явления религиозного культа всегда были глубоко чужды. Достаточно вспомнить, с каким негодованием обрушился Хань Юй в своем знаменитом памфлете «О кости Будды» на дворцовые сферы за то, что они с великой пышностью поместили во дворец доставленный из далекой Индии кусочек кости якобы самого Будды, т. е. «частицу мощей». «Ведь это же всего только кусочек гниющей кости!» — воскликнул Хань Юй. Поэтому китайские возрожденцы вели борьбу с тем в буддизме и даосизме, что они считали действительно серьезным: с их философскими концепциями. Достаточно взглянуть на последнюю часть «Цзиньсы лу» — известного свода важнейшего сочинения сунских философов, составленного в XII в. Чжу Си и Люй Бо-гуном, чтобы увидеть, как и через три века после Хань Юя философы китайского Возрождения протестовали против тех же концепций нирваны и недеяния, считая их не только антиобщественными, но и противоречащими самой природе человека. Но все же главное, с чем они боролись, было в самом конфуцианстве — той системе философской мысли, к которой они принадлежали: они боролись с тем, что называлось в истории конфуцианства *сюньгу*. Этим словом обозначали ту работу, которая велась над классиками в течение всей поздней древности, раннего средневековья и даже в первое время Возрождения. О *сюньгу* как о вполне реальном факте упоминает в одном из своих сочинений Чэн И — человек XI в.

Что же такое это *сюньгу*? Комментирование и только комментирование: *сюнь* — толкование фраз, выражений, *гу* — толкование слов. А как умели это делать, видно хотя бы из слов Накамура Тэкисай, одного из японских последователей сунской школы. В предисловии к своему изданию упомянутого выше свода «Цзиньсы лу» он написал следующее:

«Считается, что в идейном мире конфуцианства с наступлением периода Сун началась новая эра. Эта основа на том, что Чжоу Лянь-си (т. е. Чжоу Дунь-и.— *Н. К.*), Чэн И (Чэн Мин-дао.— *Н. К.*), Чэн Ичунь, Чжан Хэй-цуй (т. е. Чжан Цзай.— *Н. К.*) провозгласили учение о природе и законе, а Чжу Вэнь-гун (т. е. Чжу Си.— *Н. К.*), следуя за ним, собрал и завершил его. Ибо ученые ханьского и танского

времени самым важным считали дать как можно больше толкований (*сюньгу*.— *Н. К.*). Доходило до того, что на толкование четырех знаков, стоящих в начале «Яо дэнь», в «Шан шу» потратили более 30 тыс. слов и все-таки до смысла этих четырех знаков не добрались»²⁰. Так создалась *сюньгу сюэ* («наука толкования»), как мне кажется, то же, что в средние века в Европе называли экзегетикой. Сунские философы протестовали против экзегетического и герменевтического метода в изучении классиков и противопоставили ему науку о «Природе и законе», т. е. изучение не буквы, а духа, не текстов, как таковых, а проблем, в них изложенных. Упомянутый Чэн И (Чэн Мин-дао) эту мысль высказал в таких словах: «В древности наука была одна; в настоящее время наук — три... Чуждые учения (т. е. буддизм и даосизм.— *Н. К.*) я не считаю. Одна — наука о тексте, другая — наука о толковании, третья — наука ученых. Кто хочет пойти к Пути (т. е. к истинному знанию.— *Н. К.*), тот обойтись без этой науки не может»²¹.

С чем можно все это сопоставить в итальянском Возрождении? Как мы знаем, ничего похожего на то отношение к религии, какое наблюдалось у деятелей Возрождения в Китае, у итальянских возрожденцев не было. Максимальное, что можно у них найти, — это индифферентизм к вопросам религии, принимавший нередко форму не простого равнодушия к ним, но и неверия, соединяемого даже с прямой насмешкой. Только у очень немногих деятелей Возрождения на место религиозности становится паганизм: вспомним крайнее увлечение Платоном у некоторых гуманистов второй половины XV в. Но при всем этом расхождении одна черта, характерная для многих итальянских возрожденцев, напоминает возрожденцев Китая: та черта, которую некоторые исследователи европейского Возрождения называют секуляризацией теоретической мысли, т. е. изъятием ее из орбиты религии²². Такая секуляризация означала по существу разрыв с богословием, т. е. догмой, была следовательно, одной из форм борьбы с догматизмом. В этом существенном признаке возрожденцы Китая и Италии сходятся, а это означает, что борьба за освобождение человеческого интеллекта от оков догматизма — религиозного в Италии, философского в Китае — составляет главную в области идеологической черту Возрождения.

Наряду с этим сходством необходимо отметить и одно расхождение в этих двух исторических случаях: Возрождение в Китае создало свою большую и оригинальную философию; Возрождение в Италии оригинальной философской системы не создало. Вначале у Петрарки и у ранних гуманистов вообще дело сводилось к утрате интереса к метафизической стороне философских построений и к стремлению свести всю философию к морали; позднее, со второй половины XV в., в связи с особым вниманием к учениям Платона и Аристотеля, появляются оригинальные мыслители, но целостной системы, как это получилось в китайском Возрождении, они создать не смогли.

Однако, несмотря на такое расхождение, сопоставление философской мысли у возрожденцев Китая и Италии провести можно, и притом в самом существенном — в методе.

²⁰ «Цзиньсы лу» с толкованиями Накамура Тэкисай см.: «Кансэки кокудзикай дзэнсё» (Собрание китайских классиков с комментариями конфуцианцев XVII—XVIII вв.), изд. Университета Васэда 1, Токио, т. 18, 1912.

²¹ «Цзиньсы лу», гл. 2 («Вэйсюэ лэй»).

²² См.: *М. С. Корелин*, Очерки итальянского Возрождения, М., 1910.

Многими исследователями итальянского и вообще западноевропейского Возрождения отмечается наличие в теоретико-познавательных воззрениях гуманистов элементов рационализма²³. Обычно даже считается, что начало «эпохи разума» было положено именно гуманистами Возрождения: они перевели человеческое мышление на рельсы рационализма. Мне кажется бесспорным, что то же произошло и в теоретической мысли Китая эпохи Возрождения. Основной категорией сунских философов был «закон» (*ли*) — понятие чисто логическое; познание сводилось к уяснению именно этого «закона», присущего «всем вещам», т. е. всем предметам и явлениям действительности, а ступени и результаты этого познания воспринимались в чисто интеллектуальном плане, обозначались рационалистическими категориями. И в этом, а не в том, создана ли целостная система или нет, состоит, как мне кажется, самое существенное в том перевороте, который произошел в умах в ту знаменательную эпоху, которую на Востоке и на Западе назвали «Возрождением». Переход мышления на путь рационализма и создал ту основную почву, на которой выросло все, что обычно считается признаками Возрождения: протест против догматизма как принципа мировоззрения; против экзегетики и герменевтики как метода познания; против схоластики как формы познания. Но тут же следует отметить, что рационализм, перестроивший всю систему мышления, в Европе показал всю свою силу позднее — в век Просвещения; в Китае это случилось еще в рамках Возрождения — в сунской философской школе, но в дальнейшем рационализм этой школы не получил такого развития, какое наблюдалось в Европе — в философии Декарта и прочих великих европейских рационалистов XVII—XVIII вв. Общественные условия в Китае этих веков вызвали некоторое развитие рационализма на рельсах «критической школы» (*каошэн сюэ*) — этого китайского варианта философии Просвещения, но не могли обеспечить такое бурное развитие теоретической мысли, какое произошло в Европе в эти предбуржуазные века.

4

Чуть ли не самой важной чертой, характеризующей итальянское Возрождение, считают выдвижение им на первый план человека. Человек стал в центре всего — как высшая категория с высшими правами, как высшая ценность; все остальное — общество, история, мир — ценно и важно постольку, поскольку все это касается человека. Считается, что такое представление было реакцией на то, что было характерно для настроений средневековья: на отношение к человеческой природе и внешнему миру как к источнику соблазна, причине гибели; на отношение к разуму как к опасному началу, приводящему людей лишь к умственной гордыне, т. е. к смертному греху. Таким же источником соблазна считали и внешний мир в его связи с человеком. Отсюда следовал вывод: от мира следует бежать, а с потребностями человеческой природы — бороться.

Такая весьма распространенная интерпретация итальянского Возрождения, как мне кажется, частично верна, частично неверна. Она верна в основном: в том, что к человеку в эпоху Возрождения стали отно-

²³ Своеобразная концепция формализма выдвигается в работе: *J. Huizinga, Le Declin du Modern Age, Paris, 1948, p. 278 sq.*

ситься иначе, чем в средние века: он действительно вышел на первый план. Она неверна в том, что всю суть такого выдвижения человека видели только в предоставлении свободного развития всех свойств его природы, особенно чувственных, как будто все зло было в монашеском «подавлении плоти». Дело было, как мне представляется, в гораздо более важном.

Факт выдвижения человека на первый план в эпоху Возрождения в Италии сомнению не подлежит. Но самое существенное в этом выдвижении никак не признание за ним права удовлетворять свои потребности, да еще именно «плотские». Если бы все сводилось к этому, не зачем было бы особенно и восторгаться Возрождением, как это обычно ведется. Самым существенным в выдвижении человека было то, что Мишле и Буркгардт назвали «открытием человека». Первый — в своей формуле: «открытие мира и человека»; второй — в своей: «открытие человека и природы».

В чем, собственно говоря, проявилось «открытие человека»? Прежде всего в понимании, что он может мыслить сам, как подсказывает его Разум. Именно это и заложено в том, что называют «секуляризацией» теоретической мысли, происшедшей в эпоху Возрождения. У историков Запада это понимается как освобождение человеческого сознания из-под формулы религиозной догмы, как переход от религиозного мышления к светскому. Характеристику «секуляризации» применяют и к морали, понимая под этим освобождение понятий морали от связи с понятием религии.

Если выдвижение на первый план человеческой личности принимать как характернейший признак именно эпохи Возрождения, — а это вполне соответствует действительности, — самым настоящим Возрождением представляется нам и то, что произошло в общественном сознании китайского общества VIII—XV вв. Выше были упомянуты три трактата Хань Юя: «О человеке», «О пути», «О природе человека». Одни названия их говорят, что главной темой философских размышлений Хань Юя был человек. В первом трактате утверждается, что человек — господин всего живущего на земле; во втором объясняется, почему он занимает такое место в мире: потому что он обладает своим, «человеческим путем», «путь» же этот заключается в «любви ко всему»; в третьем утверждается, что природа человеческая — добро²⁴. Хань Юй был первым глашатаем идей Возрождения в философской области, и эти его положения были приняты и в дальнейшем получили всестороннее развитие. Чжоу Дунь-и сказал, что человек — среди всего существующего — «максимально одухотворен». Чэн Мин-дао сказал другое: «В мире максимально одухотворен не только Человек. Моя душа — та же, что и душа трав, деревьев, птиц, животных. Только человек рождается, приняв срединное Неба — Земли»²⁵.

Тут нет возможности подробно разъяснять это положение: необходимо только пояснить, что «срединное» на языке сунских философов — то, что не склоняется ни в одну какую-либо сторону, не однобокое, одностороннее, а всестороннее, т. е. полноценное. Эта мысль о полноценности человеческой природы и составляет основу выдвижения человека на первый план бытия. И делается это не противопоставлением

²⁴ См.: *Н. И. Конрад*, *Философия китайского Возрождения*.

²⁵ Это утверждение мы находим в одном из его философских писем, помещенных в сборнике Чэн Мин-дао «И шу», цзюань 1.

человека всему остальному, а в соединении со всем этим. Чжан Цзай утверждал, что в человеке заложена «общебытийная природа», а эта природа едина у людей и «вещей». В весьма образных словах он выразил эту мысль в самом начале своего знаменитого трактата «Западная надпись»: «Небо — мой отец, Земля — моя мать, все люди — мои братья, все вещи — мои товарищи». Поэтому, если прилагать к китайскому Возрождению формулу Буркгардта «открытие человека и природы», то ее следовало бы понять, как «открытие человека в природе» и одновременно как «открытие природы в человеке».

Как известно, Колуччо Салютати и Леонардо Бруни, оба — последователи Петрарки, пустили в ход слово *humanitas*, которое они нашли в древности у Цицерона: они сочли, что это слово лучше всего определяет, в чем именно отличие их времени от средних веков. Понимали же они *humanitas* как то свойство человека, которое определяет его человеческое достоинство и влечет к знанию. Такое же слово — в китайской языковой формуле оно звучит *жэнь* — пустил в ход Хань Юй, и именно для того, чтобы им обозначить отличие «Пути» его времени от «Пути» до него. Слово же это он нашел также в древности — у Конфуция. Какой смысл имеет китайское *жэнь* у самого Конфуция, предельно ясно: на вопрос, «что такое *жэнь*», он ответил: «любовь к человеку». Хань Юй сказал иначе: «любовь ко всем».

Несомненно, у Хань Юя это *жэнь* выступает как категория общественной морали, а это значит — как основа всего человеческого общежития. Однако у более поздних возрожденцев — философов сунской школы *жэнь* = *humanitas* получило другое значение. Как было упомянуто выше, философы этой школы выдвинули понятие «закона» (*ли*) — «естественного закона» (*тянь ли*) бытия, действующего во «всех вещах» (*вань у*), т. е. предметах природы. Чэн Мин-дао, первый выдвинувший эту категорию, считал, что природа человека как существа полноценного позволяет понять содержание этого «естественного закона». Поскольку главным свойством природы человека он считал именно *жэнь* = *humanitas*, постольку, следовательно, эта *humanitas* и является общим законом сущего, законом, действующим во «всех вещах». Чэн Мин-дао выразился определенно: «*жэнь* единосуцна с вещью».

Но что же все-таки эта «человечность» конкретно? Свое понимание Чэн Мин-дао выразил в такой цепи рассуждений: «человечность в человеке стоит в ряду с другими его свойствами»; они следующие: органически присущее человеку чувство «должного», т. е. стремление всегда делать то, что следует, чувство «законности», понимание необходимости всегда оставаться в рамках каких-то норм, т. е. своего рода внутренняя дисциплинированность; стремление к знанию и способность его иметь; наконец, правдивость. «Человечность» стоит в ряду этих свойств но, как полагает Чэн Мин-дао, она охватывает их все. Это уже совсем не то представление о *жэнь*, какое было в древности, когда *жэнь* воспринималась только как заповедь любви к людям, т. е. как чисто этическое требование. Теперь оно было возведено в степень основного закона всего бытия, т. е. приобрело онтологический смысл; в аспекте же этическом оно стало требованием относиться с любовью, т. е. истинно по-человечески, не только к людям, но и к «травам, деревьям, птицам, животным» — ко всему живому в природе. Не следует ли поэтому указанную формулу Хань Юя передать по-русски не «любовь ко всем», а «любовь ко всему»?

Если гуманизм даже в интерпретации итальянского Возрождения

считается самым ярким признаком Возрождения, то не должен ли гуманизм, как его понимали китайские мыслители рассматриваемой эпохи, быть свидетельством того, что их эпоха имеет также все права называться «Возрождением» в том же большом историческом смысле?

5

Исследователи эпохи Возрождения в Италии при перечислении явлений культурной жизни, в которых особенно ярко выразился дух Возрождения, всегда упоминают о поэзии. Ее нередко даже ставят на первое место. Обоснование такого взгляда видят в том особом положении, которое занимала поэзия в умах, сердцах и деятельности гуманистов: все они не только высоко ставили поэзию, но и себя самих называли поэтами; а многие из них таковыми и действительно были. В Петрарке потомки увидели не только первого великого поэта Возрождения, но и зачинателя того нового направления умов, которое определило всю эпоху. Это же новое направление ярче всего сказалось в лирике, которая таким образом и стала как бы самым характерным жанром поэзии Возрождения вообще. Мне кажется, что совершенно аналогичная картина наблюдается в этой области в Китае.

Началом эпохи Возрождения, как было отмечено выше, я предлагаю считать время Хань Юя, т. е. VIII в. В этом же веке жили: Ван Вэй, Ли Бо, Ду Фу; частично тому же веку принадлежит и Бо Цзуй-и. Достаточно только представить себе творчество этих поэтов, чтобы сразу же почувствовалось, что действительно с ними пришла новая эпоха. И не только в поэзии; если бы не пришла новая эпоха в целом, поэзия не могла стать такой, какую она предстает перед нами в стихах этих подлинно великих поэтов старого Китая. А за ними идет ряд выдающихся поэтов, таких, как Оуян Сю, Ван Ань-ши, Лу Ю, и прежде всего Су Ши (Су Дун-по), также вполне заслуживающих наименования великих. Добавим к этому, что чуть ли не все те, кто действовал преимущественно на других поприщах — философии, науки, искусства, — также писали стихи, и многие из них вполне заслуживают наименования поэта, а некоторые были поэтами даже крупными. Таков был, например, Хань Юй. Такими поэтами были и прославленные новеллисты: Юань Чжэнь, Бо Синь-цзянь и др. Аналогия с итальянским Возрождением в этой области действительно полная.

Исключительный расцвет поэзии в Китае VIII—XIII вв. хорошо известен и не требует каких-либо дополнительных разъяснений. Требуется другое: определить то качественно новое, что внесла эта поэзия в общую историю китайской поэзии, и почему это новое принадлежит именно Возрождению.

Обратимся сначала к тому же вопросу, к которому обращались при изложении философской мысли рассматриваемой эпохи: осознавалась ли поэзия этого времени как нечто новое, отличное от предыдущего? Ответить, однако, на этот вопрос можно, лишь несколько расширив рамки рассматриваемого: обратиться не к одной стихотворной поэзии, а к поэзии вообще, т. е. и к выраженной языком прозы, иначе говоря, к художественной литературе в том понимании этого явления, которое было тогда в образованных кругах китайского общества распространено.

В 530 г., т. е. за два столетия до Ли Бо и Хань Юя, появилась

под названием «Вэньсюань» («Избранное в литературе») обширная антология. Ее составители — «Десять ученых Высокого кабинета» («Гаочжай ши сюэши») — содружество литераторов, собиравшихся в «Башне Вэньсюань» («Вэньсюань лоу») во «Дворце радости и мудрости» («Лэсянь дьянь»). Патроном этого содружества был Сяо-гун, принц Лянского королевского дома, занимавшего тогда престол южнокитайского государства — последней оставшейся независимой части Китая, вся северная половина которого еще в 316 г. была захвачена «варварами» — сяньбийцами. В эту антологию были взяты произведения — стихи и проза — литературы со II в. до н. э. по VI в. н. э., т. е. поздней поры китайской древности и раннего средневековья. Из произведений классической поры этой древности были взяты только стихи Цюй Юаня, т. е. поэта уже самого конца этой поры древности. Таким образом, литература классической древности в эту антологию не вошла.

Разумеется, такой отбор был связан с определенным пониманием литературы; и понимание это изложено в предисловии к «Вэньсюань», написанном самим Сяо-гуном. В нем он как бы отвечает на вопрос: почему он ничего не взял от таких мудрецов древности, как Чжоу-гун, которого так прославлял Конфуций, как сам Конфуций? «Я не брал,— пишет Сяо-гун,— произведений Чжоу-гуна и Куна, нашего отца. Они среди нас, как солнце и луна в небесах, и сверхъестественно глубоко, словно хотят спорить с божественными силами... не выбрал я ничего из летописей и хроник, ибо они не подходят к моей задаче по доктринерству своих суждений о правом и неправом, по вечному стремлению восхвалять одних и унижать других. Но то, что составлено исключительно из изящных фраз, а затем особые повествования, написанные художественным слогом, я поместил в «Вэньсюань» как глубоко продуманные по содержанию и стремящиеся к словесной утонченности»²⁶.

В этих словах Сяо-гуна нетрудно усмотреть, что к его времени в китайском средневековье произошла серьезная перестройка всей концепции того, что обозначалось словом «литература» (*вэнь*): литературным произведение становилось только тогда, когда оно оказывалось художественным; художественное же усматривалось в форме языковой и специфически литературной. Таким образом, «глубина мысли», т. е. высокая значительность содержания произведения, сама по себе еще не делала его в глазах литераторов «Высокого кабинета» произведением литературы.

Несомненно, что подобное представление о литературе было тогда распространенным, во всяком случае в сферах, близких к феодальной знати, и может считаться характерным для куртуазной поэзии китайского средневековья в канун эпохи Возрождения.

Но этим кануном дело, однако, не ограничилось: антология «Вэньсюань» как собрание лучших образцов литературы позднее, с образованием Танской империи, стала основным материалом преподавания при подготовке будущих деятелей гражданской части управления государством: на правительственном экзамене требовалось сочинение, написанное по образцу тех, что вошли в антологию. Таким образом, в сфере литературы произошло то же, что произошло и в философии: канониза-

²⁶ Цит. по: В. М. Алексеев, Об определении китайской литературы и об очередных задачах ее историка,— «Журнал Министерства народного просвещения», 1917, май.

ция определенного состава литературы, определенного понимания ее существа и ее приемов.

То, что наблюдалось в китайской поэзии в канун Возрождения, невольно заставляет вспомнить, что происходило в канун Возрождения в литературе Италии, в ее литературном центре — Флоренции, где также существовало содружество литераторов, имевших свои весьма определенные взгляды на поэзию, — группа поэтов «сладостного нового стиля». Их школа поэтического искусства также считала главным в поэзии изощренность мысли, утонченность чувств, эмоций, гибкость и гармоничность стиха. Конечно, официальной канонизации принципов этой поэтической школы в Италии не произошло, но приемы «сладостного нового стиля» и без всякой официальной канонизации стали эталоном поэтического искусства. В конце XIII в., т. е. также в канун Возрождения, в Италии появились «новеллино» — сборники басен, бытовых анекдотов, маленьких новелл, пересказывавших различные сюжеты — античные, средневековые, библейские, восточные, причем составители чуть ли не в тех же словах, что и Сяо-гун, заявляли, что они «заносят сюда цветы изящной речи, отменных учтивостей, остроумных ответов».

Тот же Хань Юй, который первым начал борьбу с канонизацией определенных формул философской мысли, повел борьбу и с канонизированными представлениями о литературе. Естественно, что его протест выразился прежде всего в провозглашении других принципов литературного творчества. Составители «Вэньсюань» считали содержание, конечно, важным, но не определяющим литературное качество произведения. Хань Юй говорил иначе: «То, что именуется «литературой», находится в нас самих. Поэтому-то *цзюньцзы* (просвещенный человек. — Н. К.) так внимателен к содержанию своего произведения». Литераторы «Высокого кабинета», видимо, допускали, что искусная художественная форма может даже скрыть незначительность содержания. Хань Юй думал иначе: «Красота или безобразие содержания, раз это уже выявлено, ничем скрыто быть не может». Можно сказать даже, что залог действительно высокого литературного качества произведения он видел именно в значительности замысла: «Когда ствол глубоко уходит в землю, то и ветки густые», «когда музыкальный инструмент большой, то и звук его громкий». Можно сказать даже больше: поскольку идейное качество замысла определяется личностью человека, постольку залогом литературной значительности произведения являются в конечном счете именно человеческие качества писателя. «Когда поступки человека достойные, то и слова его сильны». «Тело... если в нем чего-либо не хватает, превратится в человека не может. Слово... если в нем чего-либо не хватает, стать литературным произведением не может»²⁷. «Дух — вода, слово — плавучий предмет. Когда воды много, то все, что может плавать, — большое и малое, — все всплывает. Таково отношение духа и слова»²⁸. Из этих и многих других подобных высказываний Хань Юя видно, что в его глазах литературную полноценность произведения определяет человеческая полноценность его автора. Можно ли представить себе что-либо более противоположное тому, что думали о литературном творчестве литераторы кануна Возрождения?

²⁷ Цитата взята из письма «Да Вэй Чи-шан шу» («Отвечаю Вэй Чи-шану»).

²⁸ Из письма «Да Ли Ао шу» («Отвечаю Ли Ао»).

Но Хань Юя нельзя было бы назвать возрожденцем, если бы он не призывал писателей своего времени учиться у писателей все той же древности. Он считал, что и он сам учился у них. «Я погружаюсь в крепкое вино (древней литературы.— Н. К.), пропитываюсь им. Я поглощаю ее созревшие бутоны, вкушаю ее распустившиеся цветы; и так я создаю свои сочинения»,— пишет он в своем трактате «О пути». И там же указывает конкретно, у кого он учился. «Наверху», т. е. в более раннее время, образцами для него были «Шу цзин», «И цзин», «Ши цзин», «Чунь цю», «Цзочжуань». Это не только более ранняя линия древней литературы, но и ставшая классической для конфуцианцев. «Внизу», т. е. в более позднее время той же древности, учителями его были Чжуан-цзы, Сыма Цянь, Сыма Сян-жу, Цюй Юань, Ян Сюн. Это не только более поздняя линия древней литературы, но и та линия, которая в дальнейшем не вошла в рамки конфуцианства. Такая позиция высоко характеризует самого Хань Юя, при всем своем преклонении перед Конфуцием признававшего и такого классика даосизма, как Чжуан-цзы, и такого очень своеобразного поэта, как Цюй Юань²⁹.

Хань Юй не только перечислил тех, у кого писатели его времени должны учиться, но и определил, чему они должны у тех учиться: «Если мысль доведена до конца — это и все»,— повторил он слова Конфуция.

И все же не это, как мне кажется, составляет то действительно новое, что внес Хань Юй в литературу своего времени. Самое существенное — это положение о «свободе и самостоятельности» (*цзыю цзыцзай*) писателя как творческой личности. И тут Хань Юй оказался полностью созвучен своей эпохе.

В годы жизни Хань Юя уже была оценена по достоинству поэзия Ли Бо, поэта, принадлежавшего к предшествующему поколению писателей; творчество же именно Ли Бо как раз и являет тот дух свободы и независимости, о котором говорил Хань Юй. Если Петрарку называют первым поэтом итальянского Возрождения, то Ли Бо с таким же правом можно назвать первым поэтом китайского Возрождения. И, так же как Петрарку, не только первым по времени, но и первым по духу.

О творчестве Ли Бо у нас писали многие, так что говорить здесь о нем необходимости нет. Да лучше всего об этом творчестве говорят его стихи, также известные нашему читателю в многочисленных переводах. Свободолюбие и чувство независимости, присущие этому поэту, также отмечаются всеми, писавшими о нем. Мне хотелось бы только указать на то, что путь Ли Бо был совсем иной, чем тот, на который указывал Хань Юй. Общим для них обоих было сознание необходимости обретения полной свободы и независимости — духовной, творческой, но пути, на которых эта духовная свобода приобреталась, были у них различны.

Думаю, что ключ к внутреннему миру Ли Бо, к глубинной основе его творчества дает трактат о существе поэзии, который создал Сыкун Ту, поэт и теоретик поэзии, живший в то время, когда Ли Бо уже не было, но поэзия его властвовала над умами.

В. М. Алексеев, переведший и прокомментировавший этот трактат, вполне правильно и, как мне кажется, исчерпывающе разъяснил существо концепции его автора. В. М. Алексеев считает, что для Сыкун Ту поэтическое творчество — наитие, т. е. вдохновение, рождаемое об-

²⁹ См.: «Китайская литература». Хрестоматия, т. I.

щением с *дао* («путем») в даосском понимании этой категории — сокровенным, истинным бытием³⁰.

Перед нами, следовательно, концепция, прямо противоположная рационалистической, поскольку человек осознает свой внутренний опыт не в категориях разума, а в категориях сверхчувственного постижения, т. е. мистики. Разумеется, поэзия Ли Бо — явление весьма сложное и многостороннее³¹; в ней можно найти и явные элементы рационалистического мышления, но все же озарение, как результат непосредственного общения с бытием, играет в его творчестве огромную роль; самое же главное в том, что на этом пути Ли Бо обрел ту свободу духа, то чувство независимости, которые Хань Юй искал на путях рационалистической мысли.

Таким образом, и китайский материал удостоверяет то, что исследователи находят в итальянском Возрождении: не только рационализм, но и мистицизм. И тот и другой лишь различные пути к одному и тому же: к освобождению человеческого сознания от власти догм, к выходу в сферу полной духовной, а это значит и творческой, свободы; а именно это и было необходимо для движения вперед человеческой мысли, общественной жизни, культуры, науки.

Только не следует понимать мистику единственно в аспекте религиозного сознания. Может быть, такой она была в некоторых направлениях итальянского Возрождения, но не такой она была в китайском Возрождении: это была мистика философская, никакого отношения к религии не имевшая.

Необходимо также напомнить еще раз, что для дальнейшего прогресса общественной мысли и всей общественной жизни наиболее плодотворным оказался путь рационализма.

6

Мне кажется, что для понимания существа того переворота в общественном сознании, который произошел в эпоху Возрождения, в первую очередь важно то, что проявилось в философии и поэзии³². Все остальное, как бы оно ни было значительно, укладывается в те же рамки, в том числе и то, что имело место в литературе в целом.

Расцвет литературы считается одним из выразительных симптомов Возрождения в Италии и других странах Европы, затронутых ренессансными веяниями. Хорошо известно также, что и в Китае в века его Возрождения наблюдался огромный подъем литературы. И тут мы сталкиваемся с очень своеобразным явлением, весьма характерным для эпохи Возрождения и в Европе, но в Китае получившим особо яркое выражение: с мощным выступлением на литературной арене и притом именно в художественном качестве литературы, которую по ее характеру мы назвали бы публицистической, философской, научной, по ее форме — очерком, этюдом, статьей, трактатом, письмом. Этот комплекс художественной литературы получил в Китае даже особое наименование — *гу взнь*.

Гу взнь буквально «древняя литература», но, поскольку в нее входили произведения Хань Юя, Лю Цзун-юаня и прочих возрожденцев

³⁰ См.: В. М. Алексеев, Китайская поэма о поэте, Пг., 1916, стр. 014—027.

³¹ См.: О. Л. Фишман, Ли Бо. Жизнь и творчество, М., 1958.

³² См.: Н. И. Конрад, Три танских поэта.

VIII—XII вв., и прежде всего именно их, постольку это не была литература древности. Это была литература «древняя» не по времени, а по духу. Это была литература, возникшая в русле движения *фугу* — «возвращения к древности», которое и создало своеобразие этой исторической эпохи. Поэтому вполне точно по его смыслу наименование *гу вэнь* можно понимать как «литература Возрождения».

Что именно так и было, видно хотя бы из следующего. До нас дошел сборник литературных произведений, названных его составителями «Гу вэнь чжэньбао» («Подлинные драгоценности древней литературы»). Наиболее ранние из известных нам изданий относятся к 1366 г., но появился этот сборник, как полагают исследователи, скорее всего еще в конце XIII в., т. е. тогда, когда обстановка уже позволяла подвести некоторые итоги того, чего достигло движение за «возвращение к древности» в области литературы.

В этом сборнике представлены прежде всего писатели VIII—XII вв., т. е. тех веков, которые ознаменованы развитием этого движения; эти писатели представлены большим числом своих произведений. Представлены и писатели прошлого — с III в. до н. э. по VI в. н. э., но только очень немногие и притом крайне ограниченным числом своих произведений. Так что в сущности это сборник произведений писателей Возрождения; произведения же писателей древности и средневековья даны как бы для того, чтобы показать, что возрожденцы, во-первых, ценят, как они говорили, подлинные шедевры прошлого, во-вторых, что их собственные произведения действительно восстанавливают блеск этого прошлого, что новая «древняя литература» — достойная преемница старой, классической.

Сборник состоит из двух томов. Первый целиком отдан поэзии, второй — прозе, причем именно такой, о которой говорилось выше. Вот некоторые из ее образцов: «Об истории» — философско-исторический трактат Су Сюня; «О праве подданного критиковать правителя» — статья Хань Юя; «О полевых работах» — дидактический трактат Су Дун-по; «Против мести» — статья Лю Цзун-юаня; «Беседка пьяного старца» Оуян Сю — поэтическое описание павильона, построенного автором в живописном месте для встречи с друзьями. Тут и «предисловия» к сборникам произведений кого-либо из друзей, «послания», «биографии», «эпитафии» и т. д. Проза эта считалась литературой именно в том смысле, в каком представлял ее себе Хань Юй. Эпоха Возрождения в Китае не только ознаменовалась огромным расцветом такой литературы, но и вознесла ее на уровень подлинной художественности. Вполне возможно говорить об особой поэтике такой литературы, о ее жанрах, видах, приемах, даже о принадлежности ее к поэзии — в прозаической форме последней.

Однако не меньшее значение для этой эпохи имело и другое направление литературной прозы — проза повествовательная; для последующей же истории литературы в Китае она имела даже большее значение.

Повествовательная проза эпохи Возрождения в Китае представлена жанром новеллы. Новеллой она была и на первом этапе своей истории — в VIII—IX вв., и на втором — в X—XIII вв. В истории литературы первую обычно именуют «танской новеллой», поскольку она относится главным образом ко времени правления танской династии, вторую — «сунской новеллой», поскольку она сформировалась главным образом во времена сунской династии. В целом — это одна линия развития художественной повествовательной прозы, но с ясно очерченными этапа-

ми: танская новелла аристократична, сунская — демократична. Первая создавалась в кругу просвещенных, высококультурных литераторов своей эпохи и предназначалась для образованного слоя общества своего времени; вторая была более народной как по своему происхождению, так и по своей обращенности к более широкому кругу читателей.

В наличии этих двух этапов и в истории новеллы проявились очень существенные черты китайского Возрождения; подняли это движение представители наиболее образованных, просвещенных кругов общества, его духовная аристократия, но в дальнейшем общие тенденции Возрождения стали проникать и в более широкие круги общества, поскольку во вторую фазу Возрождения — с XI в. — явственно обнаруживается подъем именно демократической культуры³³. Именно поэтому история и судьба новеллы китайского Возрождения чрезвычайно показательны не только для самой этой эпохи в целом, но и для ее внутреннего развития. Вместе с тем эта новелла позволяет нам увидеть линии Возрождения и в других областях, прежде всего в драме. Связь новеллы, особенно танской, с так называемой юаньской драмой, т. е. с первым в истории театра в Китае вполне сформировавшимся драматургическим жанром, несомненна. И дело не только в том, что многие, в том числе самые замечательные драмы XIII — XIV вв., построены на сюжетах, заимствованных из новеллы, что, кстати сказать, столь же характерно для ренессансной драматургии и в Европе, но еще больше в том, что творческие принципы, на основе которых была создана новелла, оказались действительными и для драмы.

Принадлежность новеллы танского и сунского времени именно эпохе Возрождения видна во всем. Во-первых, это уже не народная повесть, не те рассказы, которые появились в китайской литературе в средние века; это не фольклор, пусть и литературно обработанный; это — литература, художественная литература во всей ее специфике. Об этом свидетельствует и ее язык: это язык литературный в том значении, в каком понимает эту языковую категорию наше языкознание³⁴. Из последующей истории китайского языка мы знаем, как долго именно этот литературный язык, т. е. тот, который выработался в эпоху Возрождения, сохранял свою силу в литературной практике китайского общества. В сущности, он продержался вплоть до XX в. Только в начале этого века вошел в силу новый, современный литературный язык. И такая долгая история литературного языка эпохи Возрождения вполне объясняется тем, что этот литературный язык был разработан Хань Юем, Ли Бо, Лю Цзун-юанем, Ду Фу, Оуян Сю, Су Дун-по, Ван Ань-ши и другими столь же замечательными художниками.

Во-вторых, и это, конечно, самое существенное, принадлежность новеллы этих веков именно Возрождению удостоверяется ее содержанием: в ней дан человек — тот самый человек, который находился в центре внимания всех сунских философов, за которого ратовали Хань Юй и Лю Цзун-юань. Впервые в повествовательной литературе Китая появляется человек как личность со своей психологией, со своими эмоциями, своей судьбой. В новеллах можно даже найти отражение столь характерного для всей философии китайского Возрождения различения в человеке

³³ См.: *Н. И. Конрад*, Краткий очерк истории китайской литературы, — в кн.: «Китайская литература. Хрестоматия», М., 1959, стр. 35—37.

³⁴ См.: *Н. И. Конрад*, О литературном языке в Китае и Японии, — «Вопросы языкознания», 1954, № 3.

двух природ: «общебытийной», а это значит доброй и «вещественной», а это значит могущей быть и доброй и злой. И столь же явственно представлено общее гуманистическое умястроение эпохи. Новеллы этих веков созданы в том же русле гуманистической идеи, в котором протекала и вся передовая общественная мысль. Таким образом, в орбиту литературы китайского Возрождения следует с полным основанием включить новеллу и вместе с нею драму, поскольку в ней — и, может быть, наиболее впечатляюще — представлен индивидуальный человек, человеческая личность, человеческий характер и отражена гуманистическая умястроенность передовых слоев китайского общества.

В орбиту китайского Возрождения входит также еще многое другое. Не имея возможности говорить об этом сколько-нибудь обстоятельно, ограничусь лишь кратким перечислением тех сфер, в которых также проявился дух Возрождения. Прежде всего назову историческую науку: как известно, в эти века обнаружилось новое, критическое направление в ней³⁵, в русле же этого направления была создана и новая концепция философии истории³⁶. Совершенно необходимо назвать и искусство: ганская портретная и сунская пейзажная и жанровая живопись занимает в истории искусства Китая, а также Кореи и Японии такое же место, как искусство Возрождения в истории искусства в Европе. Не могу также не упомянуть и о том, что пора рассматривать в аспекте идей Возрождения и то, что в эти века происходило в сфере религии и философии буддизма. Не следует забывать, что без буддизма нельзя понять и происхождение многих положений сунской философской школы; как бы отрицательно ни относились сунские философы к буддизму, без знакомства с его философией они вряд ли сами дошли бы до своих основных положений. Но и помимо этой связи с философией сунской школы буддизм важен и тем, что в эту эпоху в нем появляются новые веяния, напоминающие реформацию, т. е. одно из характерных проявлений идей Возрождения в Европе. Трудно понять вне идей Возрождения и учение *чань* (яп. *дзэн*), получившее такую силу не только в Китае, но и в Японии, учение, во многом определившее возрожденческую эстетику³⁷. Все это еще ждет своего исследователя, и без обстоятельного исследования этих явлений нам просто не обойтись, если мы хотим как-то сдвинуться с устоявшихся позиций. Это исследование, я уверен, принесет новый огромной важности материал для понимания китайской эпохи Возрождения — ее содержания, ее размаха, ее исторического значения, а через нее — для понимания многих явлений культурной жизни соседних стран — Кореи и Японии.

³⁵ Упомяну лишь, что под критической школой в китайской исторической науке этого времени я разумею направление, начало которому положил Оуян Сю своими работами о подлинности и об авторстве некоторых древних памятников и развитие которого мы находим в исторических работах Су Ши и Су Чжэ.

³⁶ О формировании этой концепции свидетельствуют такие философско-исторические трактаты, как «Чунь цю лунь» Оуян Сю, «Чжэнтун лунь» Су Ши, «Ши лунь» Су Чжэ, «Чжэнтун лунь» Чжу Си. Разумеется, огромное значение имеет и Сыма Гуан со своим историографическим сводом «Цзычжи тунцзянь» и его обобщением «Цзычжи тунцзянь ганьму», сделанным Чжу Си. В связи с этим обращаю внимание на то, с моей точки зрения, примечательное обстоятельство, что новая историческая школа, весьма характерная именно для эпохи Возрождения, возникла в Китае на втором этапе этой эпохи.

³⁷ С этой стороны весьма показательно, как мне представляется, учение Цзун Ми, особенно его трактат «Юань жэнь лунь» («О человеке»). Изучение этого трактата и всей системы идей, которой он принадлежит, считаю одной из первоочередных задач в исследовании различных сторон китайского Возрождения.

Из сопоставления материала, предоставленного историку двумя рассмотренными историческими «случаями» эпохи Возрождения, случаями, возникшими и сложившимися вполне независимо друг от друга, можно, как мне кажется, вывести некоторые общие черты этой эпохи в ее культурно-историческом содержании.

Основное, что тогда в этой области проявилось, был дух гуманизма. Однако сказать только это — значит еще ничего не сказать: в исторической жизни человечества гуманистическое начало всегда — с большей или меньшей силой — управляло умами и деятельностью людей; иначе они не были бы создателями самой истории и культуры — истории и культуры человечества. Понятие *humanitas* было действительным и для Цицерона, понятие *жэнь* — и для Конфуция, т. е. еще задолго до эпохи Возрождения, и притом одинаково на противоположных концах цивилизованного мира того времени. Важна поэтому не сама концепция гуманизма, как такового, а ее содержание. Содержание это исторически было различным. Вспомним гордое заявление, что человек — образ и подобие божества; вспомним о человеке — обладателе огня, вырванного из рук божества. Не означает ли это сознание, что человек обладает теми же силами, какие им приписывались божеству, т. е. в представлениях того времени — самыми могущественными? Такова была, видимо, наиболее древняя концепция гуманизма, и концепция огромного значения, так как без такой веры в собственную мощь человеку было бы трудно творить жизнь и культуру, а о значении этого сознания свидетельствует то, что концепция эта была оформлена средствами наиболее важной для той эпохи идею — средствами мифотворчества. Вспомним, далее, заповеди «любви к ближнему», «любви к человеку», «милосердия и сострадания». Они были провозглашены также в древности, только в более поздней, когда общественная жизнь и культура были уже высоко развиты. В этих заповедях выразилось сознание равенства и братства всех людей, т. е. равноценности их в бытийном плане и общности их в моральном. О значении этой концепции свидетельствует то, что она утверждалась средствами, для людей того времени наиболее императивными, — средствами религии. Концепция эта отражала самую важную для той эпохи идею — идею неправомерности существовавшего тогда разделения людей на полноценных — свободных и неполноценных — рабов. А без борьбы с таким разделением нельзя было двинуть вперед жизнь и культуру, т. е. самую историю.

Если вспомнить даже это, станет ясным, что концепция гуманизма, сложившаяся в эпоху Возрождения, исторически была уже по меньшей мере третьей. Но содержание у нее было свое: ренессансный гуманизм состоял в уверенности человека в ценности своей личности — во всех аспектах последней — общебытийном и конкретно-жизненном, в ее разуме, в ее чувственной природе, в ее волевых импульсах. При этом сознание такой ценности было сопряжено с представлением автономности человеческой личности — ее свободы и самостоятельности. Эта, третья, концепция гуманизма получила свое оформление в категориях уже не мифа и не религии, а философии. Гуманизм именно в таком содержании и составляет, как мне кажется, первый признак эпохи Возрождения в указанном культурно-историческом ее плане.

Не следует думать, что эта концепция гуманизма устранила прежние. Она и не могла бы это сделать: слишком драгоценны для чело-

веческой жизни и культуры, для самой истории те были. Но она добавила к ним новое и существенное — необходимое для того, чтобы идти вперед по пути истории.

Для гуманизма эпохи Возрождения характерно, однако, не только то, что он утверждал, но и то, что он отрицал. Оба исторических «случая» эпохи Возрождения — китайский и итальянский — с чрезвычайной ясностью указывают, что отрицалось все, что мешало духовной свободе человека, свободе во всех проявлениях его природы. Главным препятствием для этой свободы был тогда догматизм как принцип отношения к истине и схоластика как метод познания истины. Отрицательное отношение конкретно направлялось на то, что тогда в данном обществе было прибежищем этих двух явлений: в Китае им было конфуцианство, т. е. философия, в Италии — католичество, т. е. религия. Но объектом отрицания ни в коем случае не была сама философия или сама религия, а только претензии той и другой быть единственным источником истины, притом именно в выработанных тогда положениях, претензии, поддержанные при этом властью, государственной — в одном случае, церковной — в другом.

Однако, так же как и в основном — в самом появлении в эпоху Возрождения гуманизма, и в таком пути его утверждения совершенно нового для истории не было. Догматизм и схоластика как его неизменная спутница складывались в истории человеческой мысли и раньше; возникала тогда и борьба с ними. Исторически и логически законно и то и другое. Любое учение складывается постепенно, и постепенно же вырабатываются положения, в которых фиксируется главное, что в этом учении есть; и вполне естественно, что эти положения на каком-то этапе принимают законченную, вполне отработанную форму, как внутреннюю, так и внешнюю — смысловую и языковую. Если учение имеет какие-то корни в общественном бытии, т. е. исторически обосновано, такой процесс для него обязателен и служит даже признаком его жизнеспособности. Поэтому само по себе появление догм как строго определенных концепций есть факт не только законный, но и свидетельствующий о достижении данным учением полноты в своем развитии. С этой стороны *summa summagum* конфуцианства, данная в своде Кун Ин-да, *summa summagum* католичества, данная в «*Summa theologiae*» Фомы Аквинского, представляют вершины того, что было достигнуто конфуцианской и католической мыслью за все предыдущее время. Но вершины эти исторически были связаны с определенной эпохой — со средними веками. Поэтому, когда историческая обстановка стала изменяться, Кун Ин-да и Фома Аквинский могли защищать свои принципы только принудительными средствами: внутренними — объявлением своих догм единственной истиной, внешними — использованием авторитета и силы власти. Так догма породила догматизм. Создание догм — явление исторически законное и прогрессивное; создание догматизма — явление исторически закономерное, но реакционное.

Борьба с догматизмом наблюдалась в истории и раньше. Вспомним хотя бы стремление конфуцианских мыслителей средних веков выйти из рамок ханьского конфуцианства и дать ему новое содержание, вводя в него элементы, заимствованные из даосизма и буддизма. Вспомним ереси средневекового католичества с их стремлением выйти из ставших каноническими рамок. Дело поэтому не в самом факте борьбы с догматизмом, а в том, как она велась. И тут эпоха Возрождения также дала нечто новое: до нее борьба с догматизмом велась при помощи догм же,

т. е. одним догмам противопоставлялись другие; в эпоху Возрождения, во всяком случае на ее восходящем этапе, не какие-либо новые, точно сформулированные догмы противопоставлялись существовавшим, а возник протест против духа догм, т. е. против догматизма как самого принципа мышления. Догматизму была противопоставлена свобода мысли, схоластике — творческое начало. В этом и состояло, как мне кажется, то новое, что внесла в историю человеческой мысли эпоха Возрождения.

Эта эпоха в ее восточном и западном вариантах показывает нам пути, на которых достигалась тогда творческая свобода человеческой мысли. Этих путей, и притом прямо противоположных, оказалось два: путь рационализма и путь мистики.

И рационализм и мистика в данной исторической обстановке были двумя различными путями познания. Рационализм призывал к познанию бытия путем его изучения — через опыт, осмысляемый при этом в категориях логического мышления, в категориях разума; мистики же считали, что такое познание достигается прямым путем — непосредственным соприкосновением с познаваемым, осуществляемым не только разумом, но и чувством. И тот и другой пути наблюдались и в Возрождении в Китае, и в Возрождении в Италии. Рационалистическое начало у китайских возрожденцев проявилось главным образом в русле конфуцианства и отчасти буддизма — в его реформационных направлениях, мистическое — в русле даосизма и некоторых направлениях буддизма. Нередко оба эти пути приводили к одному и тому же. Чжан Цзай назвал всех людей, живущих на земле, своими братьями и сестрами, а все прочие живые существа — «травы и деревья, птиц и животных», как тогда говорили, — своими «товарищами», т. е. членами одного содружества; Франциск Ассизской обратился к рыбам и птицам, как к братьям и сестрам. Оба пришли к тому же, но первый — путем рационализма, второй — мистики. Как показала последующая история, исторически эффективным оказался первый путь: дальнейший процесс — общественный и культурный — был сопряжен с рационализмом, в его новом развитии, конечно, рационализмом как принципом познания и опытом как его методом. Разумеется, опять-таки до определенной поры.

Не следует забывать также, что возрожденческий гуманизм имел свою судьбу: наступило время, когда он сам стал оплотом догматизма. Чрезвычайно яркий пример этого дает история возрожденческой философии в Китае: философия эта, в свое время построившая одну из самых цельных, законченных и для той эпохи общественно необходимых, т. е. прогрессивных, систем, с XVI в. превратилась в систему догм, отстаиваемую уже внешними средствами — правительственной властью, не допускавшую сомнений в своей истинности. В общем такое же положение создалось и в Европе, где также в XVI в. явно обнаружился кризис гуманистической мысли в ее ренессансном облике. И на Востоке и на Западе гуманизм Возрождения сменился гуманизмом Просвещения. Но этот поворот — предмет особого исследования.

В тесной связи с гуманизмом в указанном реальном, историческом содержании находится то, что получило наименование «Возрождения». Это наименование стало даже главным обозначением всей эпохи. Не посягая на столь прочно утвердившееся терминологическое обозначение данной эпохи, все же отметим с точки зрения существа дела: то, что подразумевается под этим наименованием, — факт для характеристики этой эпохи вторичный, несомненно неотъемлемый от главного — гуманизма, но все же только сопутствующий ему.

Как было сообщено выше, китайское слово *фугу* не только по общему смыслу, но даже прямо лексически показывает, что речь идет о возрождении древности. В европейских обозначениях этой эпохи — в словах *Rinascita*, *Renaissance* — понятие «древность» лексически не выражено, но оно подразумевается если и не в прямом смысле — как возрождение самой древности, то во всяком случае как возрождение наук и искусств на основе древности. Таким образом, гуманисты Возрождения как на Востоке, так и на Западе в равной мере обратились к древности. За чем? За вдохновением и помощью. К какой? К «классической».

Гуманисты Возрождения хотели видеть в жизни и культуре новое, они чувствовали и понимали, в чем это новое состоит, но нуждались в помощи при разработке своих взглядов и, что не менее было важно для них, в подкреплении своих взглядов чьим-либо авторитетом. Такой авторитет они нашли в древности.

Однако нужно было при этом всемерно укрепить этот авторитет в глазах современников. Гуманисты Возрождения сделали это. Строго говоря, тот ореол, которым в глазах человека Западной Европы окружена греко-римская античность, в глазах человека Восточной Азии — китайская античность, если и не создан целиком гуманистами Возрождения, то во всяком случае укреплен ими. И за этим ореолом скрылось многое в реальной картине античности. Этот ореол оказался настолько прочным, что следы возрожденческой идеализации античности сохранились до новейшего времени.

Но древность обширна и очень различна в свои разные эпохи. Поэтому в высокой степени характерно для Возрождения, в какой древности гуманисты этой эпохи искали вдохновения и поддержки. И в Китае и в Италии такой древностью оказалась ее классическая пора: для китайцев — эпоха «Лего», т. е. средний период китайской древности, для итальянцев — последний период Республики и начальный Империи в древности латинской, период полисов — в древности эллинской, т. е. также средний период древности. Более ранняя древность признавалась, во всяком случае к ней относились с почтением, но поздняя древность отвергалась, во всяком случае она играла гораздо меньшую роль. Объяснение этого следует, как мне думается, видеть в том, на что было выше указано: в зависимости отношения к древности от отношения к средним векам. Эти два отношения — две стороны одного и того же исторического мировоззрения. Концепция Возрождения родилась в процессе борьбы за свободу человеческой мысли, за свободное развитие всех сторон человеческой природы. Мешали этому догмы в оболочке философии, светской — в Китае, религиозной — в Италии. Надо было выйти из-под их власти. Но догмы эти были созданием предшествующей эпохи; следовательно, она и была виновата во всем. Но когда она началась? Надо было найти ее начало, и оно было найдено: она началась с того момента, как померкла лучезарная пора древности.

Следует сказать, что за этой исторической концепцией скрывается известная историческая реальность. Действительно поздняя древность, т. е. последняя фаза истории рабовладельческого общества, как на Востоке, так и на Западе, сливается с ранним средневековьем, т. е. первой фазой истории общества феодального. Многие явления средневековой культуры, особенно в области религии и философии, получили развитие еще в поздней древности. Как на один из примеров этого можно указать на историю даосизма на Востоке, христианства — на Западе. В целостную религиозно-философскую систему даосизм сложился в период

«Вэй и Ляо», в эти китайские средние века, по первое свое развитие получил еще во время Ханьской империи. В религиозно-философскую систему христианство превратилось в раннее средневековье, но его источники, как еврейские, так и эллинские, восходят к древности; да и многое в христианской догматике также сложилось еще в позднюю пору этой древности. Именно потому, что поздняя древность оказалась как-то «замешанной» в том, что принесли с собою средние века, гуманисты Возрождения и обратились к древности в ее классической фазе.

На этом факте необходимо остановиться. Мы знаем, что обращение к древности за помощью и вдохновением отнюдь не является особенностью одной эпохи Возрождения. К древности и на Востоке и на Западе обращались и до нее и после нее. Важно, к кому или чему конкретно обращались. Гуманисты итальянского Возрождения обращались к Платону, а не к Плотину, гуманисты китайского — к Мэн-цзы, а не к Ван Би. Богословы средних веков и гуманисты Возрождения обращались к Аристотелю, но первые — для того, чтобы с его помощью воздвигнуть здание схоластики, вторые — для того, чтобы с его помощью разрушить это здание. К концепции пяти первоэлементов материальной природы обращались в Китае и в средние века, и в эпоху Возрождения, но в первом случае — для того, чтобы построить на ее основе мистико-магическое учение, во втором — для того, чтобы с ее помощью материалистически осознать процесс бытия. Поздняя древность и раннее средневековье как-то отделили человечество от более ранней поры его истории, Возрождение вновь соединило его с нею. Иначе говоря, было восстановлено, а может быть, даже впервые по-настоящему создано представление о преемственности исторического бытия человечества, и создано было это представление на гуманистической основе — на основе отношения к человеку как к автономному деятелю истории.

В заключение следует только напомнить, что никакого действительного Возрождения древности, разумеется, не было, да и не могло быть. Разве мыслимо было после всего того, что выстрадало человечество в своей борьбе против разделения людей на свободных и рабов, снова возвращаться к рабовладельческому строю? Это — в социально-экономическом плане. Нельзя было вернуться и к идеологическим системам древности. Паганизм фанатичных поклонников Платона в Италии конца XV в. — всего лишь эпизод истории религиозно-философской мысли Возрождения; самое характерное же для Возрождения — стремление построить новую систему мировоззрений. Острое внимание сунских философов к древнему «И цзину» отнюдь не означало возврата к его натуралистической концепции бытия, а было лишь знаком растущего осознания бытия как диалектического процесса. То же наблюдалось и в литературе. Итальянские гуманисты восхищались произведениями античных авторов, по сонеты Петрарки совсем не «Amores» Овидия — ни по форме, ни по содержанию. Хань Юй, призывавший к возвращению к древности и видевший эту древность сквозь призму ее письменных памятников, назвал настоящую в его глазах литературу своего времени «древней литературой», но даже в тех же ее жанрах, которые разрабатывались им и его единомышленниками, — в жанрах статьи, трактата, этюда и т. п., — и в них было мало общего со сходными элементами в литературе древности, не говоря уже о стихах и повествовательной прозе. Чрезвычайно выразительным признаком, что никакого восстановления древности не было, служит то, что произошло в Китае: старые классики были фактически заменены новыми.

Гуманизм и Возрождение — таковы наиболее общие и в то же время основные движущие силы эпохи Ренессанса, какую она предстает в истории человечества в своих двух вариантах — итальянском и китайском. Все явления культуры этой эпохи либо прямо созданы этими силами, либо целиком определяются ими. Прямо созданы ими философия и поэзия; целиком определялись ими литература в целом, историческая наука, искусство; под воздействием их развивались и естественные науки. Определялся ими и самый стиль жизни: для гуманистов как Италии, так и Китая характерно стремление к практической деятельности, к распространению своих идей. Одинаковыми в обоих случаях были и средства их распространения: публичные выступления, занятия с учениками, беседы с друзьями, дискуссии с противниками; послания, памфлеты, статьи, трактаты, образовавшие научную, публицистическую литературу; исследования, комментарии к классикам, составившие специально филологию Возрождения. Вся эта многообразная деятельность показала нам существование особого общественного слоя — интеллигенции, по своему положению, характеру деятельности, по самому своему типу резко отличного от деятелей культуры прежних времен — пророков, мудрецов, учителей, мастеров. Гуманисты Возрождения — писатели, ученые, художники — положили начало типу интеллигенции нового времени, и круг их деятельности во многом очертил круг деятельности интеллигенции последующих эпох.

Часто говорят, что ренессансная интеллигенция, совершив переворот в умах образованного общества своего времени, не оказала сколь-нибудь серьезного влияния на народную массу, поскольку не имела никаких связей с ней. В доказательство приводят — и их действительно можно привести — множество подтверждений. Но в чем же тогда общепризнанное великое историческое значение этой эпохи? Ответ на этот вопрос, как мне кажется, дает сама история.

Выше были намечены общие черты, характеризующие с культурно-исторической стороны эпоху Возрождения, какой она была в Китае и Италии. Само повторение их в каждой стране и появление совершенно независимо от каких бы то ни было взаимных влияний заставляет думать, что тут действовала какая-то историческая закономерность; то обстоятельство, что черты эти характеризуют действительно самое важное, что относится к духовному производству, заставляет считать их ключом к пониманию места этой эпохи в общей истории данных народов.

Как было указано, эпохой Возрождения в Китае я предлагаю считать VIII—XV вв.; эпохой Возрождения в Италии считаются XIV—XVI вв. И Китай и Италия в эти века были странами феодальными. Если отнести утверждение феодального строя в Китае к III в. (после восстания желтых повязок в конце II в.), в прошлом этой страны было уже пять веков феодализма. Если утверждение феодального строя на итальянской почве отнести к V в. (времени остготского королевства Теодориха Великого), в прошлом этой страны было уже восемь феодальных столетий. Таким образом, и в Китае, и в Италии эпохи Возрождения феодальный строй находился уже далеко не на раннем этапе своей исторической жизни. Не вдаваясь в изложение тех изменений, которые к VIII в. в Китае, к XIV в. в Италии произошли в их феодальных структурах, позволю себе только напомнить слова К. Маркса: «В средние века (германская эпоха) деревня как таковая является отправной точкой истории, дальнейшее развитие которой про-

текает затем в форме противоположности города и деревни»³⁸. Мне кажется, что это «затем» относится именно к эпохе Возрождения. То, что именно развитие городов со всеми экономическими, социальными и культурными последствиями этого было одним из самых характерных явлений эпохи Возрождения в Италии, общеизвестно. Не менее важным фактом экономической, социальной и культурной жизни Китая в его эпоху Возрождения было развитие городов как центров не только политически-административных, военных, но и торгово-ремесленных и культурных. Принято отмечать, что в эпоху Возрождения в Италии начали возникать формы капиталистического производства. Но следует помнить и другие слова К. Маркса: «Хотя первые зачатки капиталистического производства спорадически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю уже в XIV и XV столетиях, тем не менее начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию»³⁹. Италия — страна Средиземноморья, XIV—XV вв. — время ее эпохи Возрождения. Следовательно, эпоха эта все еще принадлежит феодальной эре истории этой страны. С еще большим основанием то же можно сказать о времени Возрождения, т. е. о VIII—XV вв. в Китае. И все же это уже особый этап истории феодального общества. Я предложил бы назвать его переходным.

Исторический процесс в своих больших линиях непрерывен. Когда дело касается такого явления, как смена общественно-экономического строя, то отмирание одной его формы и рождение другой есть процесс весьма продолжительный. Поэтому пограничные полосы истории рабовладельческого общества и истории общества феодального сливаются в одно целое. В истории народов Запада мы это видим в так называемой эллинистической эпохе, переходящей в историю раннего периода Римской империи. Эта эпоха — последний этап истории рабовладельческого общества в этой зоне Старого Света и начальный — истории общества феодального. С IV в. обнаруживается перемещение центра политической и культурной жизни из Рима в Византию, а «вместе с возвышением Константинополя и падением Рима заканчивается Древность»⁴⁰, — сказал Ф. Энгельс. Поэтому историю феодального общества в Италии нельзя оторвать от этого подготовительного этапа, этой переходной поры. То же можно сказать и применительно к истории феодального общества в Китае. Утвердился этот строй в III в., но складываться начал раньше — в позднюю пору Ханьской империи. Она, эта пора, и составляет этот переходный этап.

Такое же положение создалось при переходе от феодализма к капитализму: и тут пролегла целая большая переходная эпоха. Если на Западе брать уже не одну Италию, а всю Западную Европу, то эта переходная эпоха заканчивается в конце XVIII в. утверждением капитализма во Франции. Если на Востоке брать не один Китай, а всю Восточную Азию, такая переходная эпоха там заканчивается в середине XIX в. утверждением капитализма в Японии. Представляет особый интерес то, что страны, в которых элементы переходного этапа зародились раньше, чем в других (Китай и Италия), оказались отстающими от других, более молодых стран: капиталистический строй в Италии устанавливается только в XIX в., в Китае — только в конце XIX — начале XX в., причем даже не успев развиваться во всей своей полноте.

³⁸ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 46, ч. I, стр. 470.

³⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 728.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 507.

Эпоха Возрождения входит в эту переходную полосу истории в качестве первой ее фазы, вторая — та, которую на Западе называли эпохой Просвещения; очень близкая по характеру эпоха сложилась и в истории Китая. Следовательно, эпоха Возрождения — еще феодализм, но уже переходящий на новый, городской этап своей истории; она еще не капитализм, но без нее не было бы и капитализма.

Что же она сделала, эта эпоха Возрождения? Она произвела ту революцию умов, без которой не могло бы создаться мышление строителей будущего общественного строя — капиталистического, а этот строй был в мировых условиях того времени закономерным шагом истории, шагом вперед по большому и трудному пути человечества. Основными посетителями этой революции умов были, разумеется, деятели культуры, т. е. интеллигенция, но, как сказал В. И. Ленин, «интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе»⁴¹. То, к чему стремились гуманисты Возрождения, было, как мы знаем из истории, исторически прогрессивным; поэтому пусть они прямо, непосредственно и не были связаны с народной массой, все равно, поскольку они шли навстречу требованиям эпохи, постольку они выражали объективные интересы общества в целом. Само собою разумеется, эта революция умов в известной мере определялась зачатками того нового, что тогда вообще стало появляться в социально-экономической сфере жизни народов, но произошла она раньше, чем эти зачатки превратились в ростки. О том, что революция умов является одним из важнейших условий перехода к новому общественному строю, свидетельствует то обстоятельство, что идейная подготовка перехода от капитализма к социализму произошла еще задолго до утверждения социалистического строя где бы то ни было. Мне кажется, что, поняв историческое содержание эпохи Возрождения именно так, мы легко определим и ее место в истории, и ее исторический смысл. Поскольку же такая эпоха оказалась ясно выраженной не только в Италии, но и в Китае, постольку возникает уже особый вопрос: что такое эта эпоха с общеисторической точки зрения — принадлежность истории только одной какой-либо страны, может быть, двух, т. е. историческая случайность? Или же она принадлежит истории и других стран, историческая жизнь которых характеризуется теми же общими чертами, что и историческая жизнь Китая и Италии, т. е. стран, прошедших длительный этап рабовладельческого строя с многосторонне развитой культурой, переживших и большой, столь же многосторонне развитый этап феодализма, т. е. историческая для этих случаев закономерность? Если это удалось бы показать на разном материале, это сыграло бы большую роль в общем понимании исторического процесса.

Мы знаем, однако, что эпоха Возрождения, во всяком случае в Европе, охватывает часть истории не только одной Италии, но и других стран Европы. В то же время мы хорошо знаем, что первой страной, в которой она, эта эпоха, развернулась, была Италия; знаем также, что Возрождение в других странах Европы во многом определялось тем, что происходило в Италии. Историческая зависимость Возрождения в этих странах от Возрождения в Италии несомненна. Коль скоро это так, возникает вопрос об эпохах Возрождения автохтонных и отраженных. Если первые, по-видимому, возникали в истории старых народов,

⁴¹ В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 343.

так сказать «заслуженных деятелей» истории, то вторые — в истории более молодых, вступавших на общен историческую арену тогда, когда мир рабовладельческого общества уже уходил в прошлое. Поэтому своей древности — такой, какая была у старых народов, — у этих народов не было. Но, быстро идя по пути феодального развития, они подходили к тому же, что и старые народы, т. е. к необходимости умственной революции в указанном смысле слова. Поэтому эпоха Возрождения в своих формах и на своих уровнях была и у них, причем отсутствие своей «классической» древности компенсировалось усвоением древности старых народов. Эллинская и римская античность стала древностью и многих европейских народов; китайская античность заняла такое же место в истории культуры и других народов Восточной Азии.

Таким образом, вопрос об эпохе Возрождения перестает быть вопросом истории какой-либо отдельной страны и становится вопросом мировой истории. Вместе с этим возникает и новый вопрос: о формах и уровнях эпохи Возрождения в отдельных странах. Мы знаем, например, что в Германии дух Возрождения ярче всего сказался в реформации, т. е. в перестройке религиозного сознания. Возможно, что в своей сфере — в буддизме — это произошло и в Японии. Словом, далеко не обязательно, чтобы элементы Возрождения в других странах развивались именно в тех сферах, в которых они развивались в первой ренессансной стране. Точно так же совершенно не обязательно, чтобы высшее, что было в какой-либо области достигнуто Возрождением, наблюдалось в этой первой стране. Мы знаем, например, что ренессансная драма высшей ступени своего развития достигла не в Италии, на родине европейского Ренессанса, а в Англии, где Ренессанс был только отраженным. То же, по-видимому, следует сказать и о ренессансной драме в Восточной Азии: впервые она сложилась в Китае и там же достигла очень большого развития, но ее вершину, видимо, следует видеть в японской драме XVII—XVIII вв. Поэтому понять историческое содержание Ренессанса можно только на основе учета того, что встречалось во всех странах, так или иначе затронутых этим движением, группируя их на основе исторических связей по определенным культурно-историческим зонам, например европейская, восточноазиатская, среднеазиатская. Ренессанс же как явление мировой истории во всем своем историческом значении раскрывается только при сопоставлении явлений Ренессанса как в отдельных странах, так и в каждой из возможных зон. И в этом общем свете гораздо отчетливее станут явления Ренессанса в каждой стране — их качество, их значение, их историческая роль.

Не могу не добавить, что при сопоставительном изучении может стать совершенно конкретным движение мировой истории, а в этом движении — и факт, с одной стороны, географической направленности и последовательности этого движения, с другой — его неравномерности и даже прерывистости. И, может быть, отпадут попытки то полностью зачеркнуть Ренессанс, целиком выводя его из средневековья, т. е. отказав ему во всякой самобытности, то, наоборот, целиком оторвать его от средних веков. Без средних веков не было бы Ренессанса, но Ренессанс покончил со средними веками покончил, однако, не в том смысле, что зачеркнул все, в том числе и великое, что создано человеком в эти средние века, а смело шагнул дальше.

О БАРОККО

Что такое барокко?

Первый ответ совершенно прост: это стиль, характерный для западноевропейского искусства конца XVI и всего XVII в., некоторые включают сюда еще и начало XVIII в. Однако такой ответ тут же порождает новый вопрос: какого искусства? Или лучше сказать: всей ли совокупности различных видов искусства или только некоторых? Может быть, даже одного?

Ответ на второй вопрос также не сложен: барокко — стиль всех видов изобразительного искусства, т. е. живописи скульптуры и архитектуры. Однако затем к ним (и безоговорочно) присоединили музыку, с некоторым колебанием — литературу. Впоследствии (уже в XX в.) обозначение барокко прилагают ко всей культуре — как материальной, так и духовной. Барокко становится лицом целой эпохи.

Естественен вопрос: какой? Тут, как всегда при исторических выкладках, надо решить проблему периодизации. Говорят об эпохе протобарокко, правда, в связи с конкретным материалом. Это — как бы прокладка между поздним ренессансом и рококо. Далее говорят о барокко в точном смысле, но различают барокко ранний и барокко поздний. Уточняют даже время: ранний барокко — 1580—1660 гг., поздний — 1660—1715 гг. При этом считают, что настоящий, так сказать получивший самостоятельное выражение, барокко — это ранний.

Далее идут уже уточнения по странам. Ранний барокко прежде всего проявился в Италии, при этом ведущим видом барочного искусства была архитектура и только потом — живопись. За Италией следовали Фландрия, Голландия и Испания. Поздний барокко проявился главным образом во Франции в годы Людовика XIV и регентства, в период складывания абсолютизма. Значит, барокко — удел стран Юго-Западной и Западной Европы? А как же польский барокко, украинский, московский? Обозначение этим же словом архитектурного стиля XVII и отчасти XVIII в. восточноевропейских стран установилось очень твердо. Не следует ли из этого, что барокко явление во всяком случае всеевропейское?

Историк скажет: да, именно так и есть. И объяснит почему. Потому, что в ту эпоху существовала одна история для всей Европы. Конечно, каждая страна жила по-своему, но общий исторический процесс был одним для всех них, только одни шли в ногу с ним, другие даже забежали вперед, третьи отставали, и все по-разному. Так проявлялась совершенно необходимая в историческом движении неравномерность. Сама же сущность процесса со всей ясностью обрисовалась со второй половины XVI в. — с крушения феодальной испанской империи и со времен первой капиталистической революции в Нидерландах. Это — с общеисто-

рической стороны. А с историко-культурной — с крушения классического Ренессанса в его классической стране — Италии и с появлением первых элементов Просвещения во Франции. В той или иной степени все страны Европы были вовлечены в этот и общеисторический и общекультурный процесс. Барокко уже поэтому не могло быть явлением только западно-европейским.

Но было ли оно и только европейским? Как это ни удивительно, барочные постройки мы находим в конце XVI и начале XVII в. в Японии, в XVII в. в Китае. Их можно прямо поставить рядом с европейскими. Что же это — случайность? Нет, не случайность. С XVI в. отдельные части Старого Света становились все более и более связанными даже в самых отдаленных концах. Нельзя упускать из виду, что испанцы и португальцы, т. е. люди с крайнего запада Старого Света пришли в Китай и Японию еще в XVI в., а с XVII в. туда явилась (и уже очень ощутительно) Голландия — первая страна, в которой произошла капиталистическая революция, а за нею Англия — вторая страна, где была такая же революция, — иначе говоря, две страны, которые тогда обгоняли весь общемировой процесс. Не приводило ли уже это одно к тому, что само присутствие Голландии и Англии втягивало эти страны, находящиеся на крайнем востоке Старого Света, в общий исторический процесс? Пусть на разных основаниях и в разной степени, но все же эти страны постепенно втягивались в этот общий процесс.

Какую культуру несли с собой в Японию и Китай в XVII в. Голландия и Англия? Если считать, что культура их в это время была культура барокко, это значит — они несли с собой культуру барокко и на Восток. Более того: культура барокко была первая европейская культура, занесенная туда. И разве нельзя допустить, что строители замков и храмов в Японии и Китае могли что-то узнать у голландских архитекторов? Не означает ли это, что барокко далеко не принадлежит одной Европе, т. е. одной половине евразийского континента?

Но этого мало. Надо учитывать, что история к этому времени «выровнялась» и независимо от прямых влияний одних стран и народов на другие. Достаточно вспомнить хотя бы следующие факты. Феодализм начинал сгорать в огне крестьянских войн. Это были «прологи» будущей буржуазной революции. Так сказал о великой крестьянской борьбе в Германии Ф. Энгельс. В 30-х годах XVII в. произошли огромные крестьянские восстания в Японии, поддержанные городскими сословиями и с огромным трудом подавленные. В те же годы великое восстание Ли Цзы-чэна в Китае смело царствующую династию и было подавлено с помощью маньчжуров. А затем в этих странах постепенно установился режим абсолютизма — со всеми чертами, какими он характеризуется и в Европе. Не означают ли и эти факты, что исторический процесс действительно шел один во всех главных странах евразийского континента? А если так, то не было ли и там, в восточной части Евразии, такой же историко-культурной эпохи, какая в западной части именуется барокко?

Но для того, чтобы так или иначе ответить на этот вопрос, нужно ответить на другой: была ли эта эпоха промежуточной (между Ренессансом и Просвещением) или самостоятельной, имеющей свое собственное историческое не только лицо, но и обоснование? Думаю, что да. Это была эпоха столкновения двух великих антиномий: средневекового и нового времени. Это была эпоха, когда средние века в последний раз громко, грозно и величественно заявили о себе — и уже особым голосом.

Это была эпоха, когда новое время еще путанно, но все увереннее поднимало голову.

Подобная обстановка сложилась в истории раньше только раз: когда древность столкнулась со средневековьем: на Западе — великая александрийская эпоха, культурно-исторически — эпоха александризма в искусстве; в Китае — эпоха Троецарствия. Антиномии этих эпох совершенно неповторимы и необыкновенно напряженны. Может быть, такие эпохи составляют даже как бы нервные узлы истории. Мы живем сейчас также в эпоху великих антиномий, их столкновений. И знаем хорошо, что наше время — также эпоха великой остроты. Поэтому мы сейчас, может быть, даже яснее пойдем барокко, чем раньше.

О СТАТЬЕ «ПРОСВЕЩЕНИЕ» ДЛЯ «СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ ЭНЦИКЛОПЕДИИ»

Статья «Просвещение», написанная двумя авторами — А. Г. Левинтоном и О. Л. Фишман, заслуживает самого серьезного внимания и безоговорочного одобрения. Она резко отличается от аналогичных статей, обычных в подобного рода изданиях. Отличие это проявляется прежде всего в расширении географических рамок Просвещения: в них включены и страны Азии. Это делается в подобных работах впервые. Уже это одно является уникальным достоинством статьи. Но расширение географических рамок имеет глубокий исторический смысл: оно открывает нам, что эпоха Просвещения — не «локальное» явление мировой истории, не принадлежит истории некоторых избранных стран, а всемирно-историческое движение, сопровождавшее переход от феодализма к капитализму как одна из его закономерностей. Мне кажется, всемирно-исторический характер этого явления следует видеть именно в такой всеобщей закономерности, а не в том, что это движение «служит всему угнетенному народу», как это сделали авторы. Но, разумеется, как во всех других случаях, закономерность эпохи Просвещения базируется на истории преимущественно исторически ведущих, т. е. передовых для своего времени, стран.

Мне кажется, что следовало бы внести большую ясность в понимание Просвещения, как явления, возникающего на переходе от феодализма к капитализму. Важно подчеркнуть именно связь с переходом, т. е. с большим и длительным процессом, а не с одним моментом этого процесса — буржуазной революцией как таковой. Тем самым будет устранено некоторое противоречие между тем, что было в Англии, где Просвещение развернулось после революции, и тем, что было во Франции, где Просвещение предшествовало революции. Переход может включать в себя и то, что непосредственно предшествовало революции, и то, что за ней последовало. Фр. Бэкон в Англии жил до революции, но система его идей уже выходила за рамки Ренессанса и вплотную подводила к идеям английского Просвещения. Фукудзава в Японии жил после революции Мэйдзи, но его деятельность целиком строилась на принципах поздней поры английского Просвещения. Буржуазная перестройка в Англии шла этапами: после революционных событий 1650—1660 гг. произошло событие 1688 г.; далее последовал промышленный переворот; капиталистическое преобразование сельского хозяйства происходило в первой половине XVIII в. Итак, Просвещение в Англии шло не после революции, а во время революции, если под Просвещением понимать процесс, а не момент.

Авторы дают картину развития Просвещения в разных странах. Это необходимо, так как их статья должна давать и справочные сведения. Но, как мне кажется, нельзя эти сведения давать, так сказать, «линей-

но», в одном ряду. Одно дело — явления Просвещения там, где они возникли спонтанно, в борьбе против феодального режима; и другое дело явления Просвещения там, где они были основаны на заимствованиях извне. Надо выделить те страны, которые выработали весь «арсенал» Просвещения, и отделить от них страны, где только пользовались этим «арсеналом». Основными «мастерскими» Просвещения были Англия, Франция и отчасти Германия. Все прочие страны только пользовались этим орудием. И уже совсем не следует в один ряд с Просвещением в Англии, Франции, Германии помещать элементы Просвещения у народов, входящих в состав России, вроде грузин или казахов (кстати, тогда казахов и не было). У них эти элементы — отражение даже не английского или французского Просвещения, как это наблюдалось у русского народа, а только русского Просвещения.

Появление переводов Ж.-Ж. Руссо в Китае или Японии есть пропаганда готовых идей, а не выработка их. Работы Фукудзавы в Японии по пропаганде английского парламентаризма — призыв следовать готовым образцам, а не разработка своих рекомендаций. Я склонен даже назвать эти явления не «Просвещением», а «просветительством». На языках китайском и японском эти категории иногда даже обозначаются разными словами: *кайхуа* (яп. *кайка*) и *цимын* (яп. *каймб*). Можно, конечно, обозначать одним и тем же словом, но различать эти два явления необходимо. Мне кажется, что научно-новаторский характер статьи от этого только выиграл бы.

Думаю, далее, что в орбиту Просвещения следует включить и науку — естествознание и математику. Не случайно же, что Декарт и Лейбниц, эти два основоположника Просвещения, были математиками. И рядом с ними стоит Ньютон. Не следует забывать, что капиталистическое переустройство происходило на базе промышленной революции, а в подготовке революции сыграло свою роль именно естествознание.

И, наконец, последнее: все-таки следует подчеркнуть, что основа основ Просвещения, основа той умственной революции, которая сделала возможными все идеи Просвещения, был рационализм.

Немногие изменения, относящиеся не к содержанию, а к особенностям подачи материала, как мне кажется, только подчеркнут принципиальную научную новизну статьи «Просвещения». Не могу не сказать также, что часть материала, в частности все, что касается Китая, впервые в истории науки разработано одним из ее авторов.

ДИАЛОГ ИСТОРИКОВ

ПЕРЕПИСКА А. ТОЙНБИ И Н. КОНРАДА

ПИСЬМО АРНОЛЬДА ТОЙНБИ

Лондон

25 января 1967 г.

Дорогой д-р Конрад!

Мой коллега по институту любезно перевел мне рецензию в «Новом мире» (№ 10, 1966) на Вашу книгу «Запад и Восток». В этой рецензии есть абзац, касающийся главы «О смысле истории», в котором Вы, между прочим, упоминаете о моем взгляде на этот предмет.

Конечно, это только косвенный способ ознакомления с Вашей книгой. Именно поэтому я сейчас и пишу Вам в надежде установить непосредственный личный контакт с Вами. По рецензии в «Новом мире» я ясно увидел, что в Вашем лице я встречаю благородно мыслящего критика.

Но у меня сложилось впечатление (возможно, что я ошибаюсь, так как пока что я знаком с Вашей критикой только из вторых рук), что мои взгляды дошли до Вас не вполне точно. Если бы они были именно такими, какими Вы их воспринимаете, я сам критиковал бы их, и притом в значительной степени в Вашем же духе. Однако мне представляется, что Вы и я сходимся во взглядах на дела человеческие в большей степени, чем Вы предполагаете, — если только я понял Вас правильно. Коснусь лишь нескольких пунктов. Я буду весьма признателен Вам, если Вы ознакомитесь с ними и в удобную минуту напишете мне, если у Вас найдется на это время.

1. Вы делаете мне честь, сопоставляя меня со Шпенглером. Я восхищаюсь им — смею сказать, как и Вы, — за гениальность, которая сказывается во многих вспышках его интуиции. Я также согласен с ним во взгляде на историю до ее нынешнего момента (это важная оговорка) не как на единый поток, движущийся сквозь века и охватывающий все человечество, а как на ряд отдельных одновременных потоков. Я думаю — опять в согласии со Шпенглером, — что этот составной поток минувшей истории может быть понят только на основе синоптического взгляда — «сравнительного метода», потому что до нашего времени эти отдельные, местные циклы событий не сливались в единый поток, который мог бы стать предметом единого всеохватывающего повествования. В этом отношении и Шпенглер и я, по-видимому, согласны с Вами, если рецензия верно воспроизводит Вашу концепцию независимого возникновения идентичных явлений, например Ренессанса, на идентичной степени исторического развития различных обществ.

2. В то же время я кардинально расхожусь со Шпенглером в двух важных пунктах, впрочем взаимосвязанных. В отличие от Шпенглера

я не детерминист и поэтому (я искренне убежден в этом) не догматик. Я полагаю, как и он, и, как я думаю, Вы, что, когда мы окидываем взором то, что мы знаем о прошлом, мы наблюдаем известные закономерности, единообразие и повторяемость (я называю их «моделями»). Я объясняю их (допускаю ради аргументации, что не ошибаюсь, обнаруживая такие «модели») как результат единообразия человеческой природы — особенно ее иррационального, эмоционального, подсознательного «слоя», того самого, о котором столько новых открытий совершено уже на протяжении нашей жизни. Однако я не думаю, что «модели» событий, которые можно рассматривать как реально происшедшие в прошлом, были роковым образом predetermined некими свойствами человеческой природы. Я не думаю также, что им, «моделям», роковым образом суждено было повторяться — даже если действительно некоторые из них (например, война, революция, возрождение, подъем и упадок цивилизации) и повторялись в прошлом много раз. И главное, я не думаю, что «модели», которые повторялись очень часто в прошлом (например, войны), в силу этого непременно должны повторяться и впредь — как ни трудно для человеческих существ изменять своим привычкам.

В этом решающем пункте — в том, что я не детерминист, — я разожусь со Шпенглером и согласен с Вами (если я правильно воспринял Ваш взгляд на историю). В то время как подсознательный уровень человеческой природы общ для человечества и по крайней мере некоторых других разрядов живых существ, две отличительные способности принадлежат только человеческой природе (они взаимосвязаны) — это сознательность и способность, которую нам дает сознательность, сделать выбор. (Я прибегаю к терминологии нашего практического опыта, не вторгаясь в философский вопрос о свободе воли.) Конечно, мы, человеческие существа, только частично свободны. Например, мы, как и другие организмы, поднявшиеся над уровнем амебы, подвержены смерти и ограничены сроком своей жизни. Все-таки я думаю, что наша свобода выбора достаточно велика, чтобы быть решающей для судьбы нашего рода. Например, ныне, вступив в атомный век, мы обладаем выбором между уничтожением нашего рода (и, может быть, даже и превращением нашей планеты в лишенную любых форм жизни) и улучшением нашего образа жизни на этой планете — улучшением и для личности и для общества — на протяжении тех двух миллиардов лет, в течение которых наша планета, по предсказаниям астрономов, будет пригодна для человеческого обитания.

Теперь я перехожу к тем единствам, в пределах которых я различаю отдельные, местные, потоки, какими протекала история вплоть до нашего времени.

Как Шпенглер, я думаю, что такие единства в масштабах цивилизаций куда более важны, нежели единства в масштабах нации. Хотя моя работа начала печататься через целых шестнадцать лет после выхода в свет первого издания «*Der Untergang des Abendlandes*»¹, я еще тогда пришел к мысли о необходимости думать в масштабах цивилизаций. Это была моя реакция на представление об истории в масштабах нации. Я пришел к заключению, что видеть историю в масштабах национальных объединений — значит видеть ее неправильно, так как мне стало ясно, что ни одно национальное объединение не является само-

¹ О. Шпенглер, *Закат Европы*, М.— Пг., 1923.

довлеющим. Цивилизации, как мне представлялось, более приближались в «монадах» в понимании Лейбница. Я пришел к способности мыслить в масштабах цивилизаций благодаря изучению истории древней Греции, которая заставляет нас думать о греческом обществе и цивилизации как о целом, а не как об отдельных греческих общинах — Спарте, Афинах и т. п. Предприняв попытку открыть, сколько существовало цивилизаций, я взял историю древнегреческой цивилизации как своего рода образцовую модель. Меня справедливо критиковали за то, что я втискивал факты истории других цивилизаций в это греческое прокрустово ложе, и я признал эту ошибку в двенадцатом томе своего труда «Исследование истории». Я озаглавил этот том «Пересмотры», он мог Вам не попасться на глаза.

Я также понял в процессе работы над этой большой книгой, что родословная «высших» религий — особенно религий проповеднических (например, буддизм, христианство, ислам) — включает в себя в каждом случае более чем одну цивилизацию, так что и цивилизации, как и нации, не были истинными «монадами». Это заставило меня почувствовать, что структура даже прошлой человеческой истории менее «монадна», чем я предполагал, когда думал, что открыл действительные «монады» истории в форме цивилизаций.

Теперь я полагаю, что «монадная» структура прошлой истории человечества (настолько, насколько она действительно была «монадной») обусловлена прежней недостаточностью человеческих связей. Человеческие существа нуждаются во взаимном общении, чтобы реально осознавать общую им человечность и, следовательно, быть способными жить вместе как члены одной семьи. Только на нашем веку так называемое уничтожение расстояний, которое началось с приручения первого осла и постройки первой лодки, дошло до такой степени, что впервые открыло перед человечеством возможность слиться в единое общество.

Мы сумеем, смею надеяться, сохранить много из местного и культурного разнообразия (например, в области поэзии), даже подчиняясь всепоглощающей унификации, но достижение единства стало сейчас необходимым в таких вопросах жизни и смерти, как контроль над атомной энергией, организация производства и распределения продовольствия, необходимого, чтобы прокормить стремительно возрастающее народонаселение.

Впрочем, наука и техника сами по себе — силы морально нейтральные. Использование их и есть та сфера, в которой мы, человеческие существа, несомненно, обладаем свободой выбора. В атомный век в нашей власти сделать последний выбор — уничтожить себя или объединиться, впервые в истории, во всемирном масштабе. Со времени изобретения атомного оружия мы все еще вели себя так, как будто продолжаем существовать в доатомном веке. Мы все находились во власти своего национализма, и некоторые из нас не удержались от вступления в войну с так называемым обычным вооружением, несмотря на страшный риск «эскалации».

И тем не менее я оптимист, так же как, насколько я понял из рецензии в «Новом мире», и Вы. Я надеюсь, что мы не начнем мировой атомной войны и что шаг за шагом мы будем перерастать в единое человеческое общество. У нас уже были некоторые личности, которые стали героями для всего человечества: например, советские и американские космонавты (вызывающие всеобщее восхищение великолепным сочетанием смелости и мастерства), папа Иоанн XXIII, президент Кеннеди.

Благодаря телевидению, радио и авиации человека теперь могут видеть и слышать его сородичи — люди на всем земном шаре.

Если мне удастся, как я надеюсь, вступить в контакт с Вами и если Вы сообщите мне наиболее удобный для Вас адрес, я пошлю Вам экземпляр своей книги «Перемены и привычки», вышедшей в сентябре 1966 г. В ней я утверждаю практическую реальность того, что человечество обладает свободой выбора, включая сюда и силу, достаточную для того, чтобы покончить со старыми привычками в том случае и тогда, когда они становятся гибельными.

С наилучшими пожеланиями
искренне Ваш А. Тойнби.

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО Н. И. КОНРАДА

Дорогой д-р Тойнби!

Ваше письмо доставило мне большую радость. И не только потому, что в нем содержатся важные для меня, как и для всех, кто занимается историей человеческого общества и созданной им культуры, разъяснения Ваших нынешних исторических взглядов, но и потому, что оно свидетельствует, что Вам не безразлично, как представляют ученые моей страны Ваши концепции мирового исторического процесса и как они их оценивают. Скажу, что и нам не все равно, как Вы, столь прославленный историк, относитесь к нашим мыслям по этим же вопросам. Время, в котором мы с Вами живем, важность вопросов, затронутых в Вашем письме, и дружеский тон самого письма побуждают меня ответить Вам и откровенно, и, может быть, несколько излишне пространно.

Но прежде всего прошу Вас принять к сведению, что я в своей работе, рецензию на которую Вы прочитали, вовсе не ставил своей задачей критиковать Вас. В своей книге я лишь один раз упомянул Ваше имя — только потому, что не мог не сказать о крупнейшей работе по интересующим меня вопросам, вышедшей в такой исключительный момент истории, как наше время. Точно так же я отнюдь не отождествлял Вас со Шпенглером. Говоря об эсхатологических настроениях, появившихся в последнее время у некоторых историков, я работу Шпенглера отнес к этим настроениям безоговорочно. Вашу же — с большими оговорками. Я тогда действительно, как Вы и предположили, еще не знал двенадцатого тома Вашего огромного труда, Ваших «Пересмотров», как Вы этот том назвали, но и в предшествующих частях я почувствовал, что Вы историк иного склада, чем Шпенглер. Теперь, после получения Вашего письма, я с удовлетворением увидел, что мое чутье тогда меня не обмануло.

Но оставим Шпенглера, перейдем к существу дела. В своем письме Вы благоволили разъяснить нам Ваши нынешние научные позиции. Позвольте же и мне в ответ разъяснить Вам, почему я, как и многие мои коллеги в нашей стране, придаю такое большое значение вопросам изучения цивилизации, или, как мы говорим, культуры, поскольку она составляет основу того, что именуют цивилизацией. Мне кажется, что такое обоюдное разъяснение научных позиций позволит нам лучше понять друг друга, а в научном общении такое взаимное понимание — самое важное.

Историю культуры можно изучать, так сказать, «академически» — устанавливая, что было, когда и как возникло, когда и почему менялось или совсем исчезало; можно изучать и философски — размышляя над всем этим процессом, над его смыслом. Разумеется, у нас, как и в

других странах, делается и то и другое. Но у нас есть еще и то, чего, может быть, нет — во всяком случае с такой остротой — у вас: **нужно** изучать историю мировой культуры, пужно — практически, жизненно.

Наша революция поставила перед нами задачу создания не только исторически нового общественного строя, но и соответствующей ему системы культуры. Эта система должна быть единой для всего нашего общества и в то же время учитывать, что каждый народ, входящий в наш Союз, имел и имеет свою собственную культурную традицию, а многие из этих народов имеют и свою особую, большую, длительную культурную историю.

Попробуем пройти по границам нашего Союза, останавливаясь при этом лишь на больших участках — отдельных республиках. На самом дальнем конце нашего Востока мы видим Бурятию, а культура бурятского народа в своем прошлом была самым непосредственным образом связана с культурой Монголии, а через нее — и с культурой Тибета. В Средней Азии находятся Таджикистан, Туркменистан, Киргизстан, Узбекистан, Казахстан. Культура этих республик в прежние времена, особенно в средние века, входила в круг культур иранских и тюркских народов Среднего Востока, а через них переплеталась с культурой Северо-Западной Индии, в древности — даже с культурой Кушанского царства, а через Бактрию — и с культурой эллинизма. Я не говорю уже о сложном переплетении культур иранцев и тюрков с культурой арабов.

Перейдем к Закавказью. Вот тюркский Азербайджан: кроме всех указанных связей, в его истории свою роль сыграли и связи с соседними Грузией и Арменией; что же касается культуры грузинского и армянского народов, то, как Вы знаете, она в прошлом неотделима, особенно в Армении, от культур иранской, тюркской, арабской, от культуры всего христианского Востока, а через него и Византии, а в древности и латинского мира.

Передвинемся с Кавказа в Европу. Вот Украина, в прошлом Киевская Русь: в этом прошлом она в аспекте культуры была частью обширного региона, в который входили не только восточные славяне, но и славяне южные, а частично и западные. Культура Белоруссии, как и ее история, в прошлом переплеталась с историей и культурой Литвы и Польши. Культура Литвы исторически связана с культурой русского и польского народов. Латышский народ в своем культурном развитии связан как со славянским, так и с германскими народами. Эстонцы — с культурой и славян и скандинавов. Я не говорю уж о культуре народа русского, которая и прямо и опосредствованно уже давно связана с культурой большей части мира. Таким образом, в русле культуры нашей страны слились самые различные культурные потоки. Может быть, отчасти и этому мы обязаны тем особо острым чувством единства человечества, которое, в частности, проявилось и в моей работе «Запад и Восток».

Учтите и еще одно обстоятельство: стихи, например, Рудаки или Саади для наших таджиков — совсем не принадлежность истории литературы или предмет снобистского смакования старой поэзии. Нет, эти стихи знают, знают как самый простой, обыденный факт, и знают не только историки литературы или снобы, но и простые люди. И не только знают: сами слагают стихи по образцам Рудаки и Саади. Вот в Грузии недавно, как Вы, полагаю, слышали, отмечалось восьмисотлетие «Витязя в тигровой шкуре».

Я проехал в эти дни по многим местам этой страны и видел, что строфы из этой поэмы живут и сейчас. Этим я хочу сказать, что в русло нашей нынешней культуры не только влились многие культурные потоки, но и влились на очень различных уровнях. Именно поэтому построение единой культуры — культуры социалистического общества — в нашей стране стало задачей не только большой исторической важности, но и огромной трудности.

Мы с самого начала хорошо понимали, что единство культуры в стране, где столько различных народов со столь различными путями своих культур, не может выражаться в единообразии. Каждый народ должен иметь свою культуру — свою национальную культуру, и в то же время своя национальная культура у каждого народа должна составлять часть общей культуры советского общества — культуры социалистической.

Но для того чтобы такую культуру создавать, необходимо было ответить на два вопроса: что понимать под национальным в культуре и что считать в ней социалистическим? И вот при изучении возможного ответа на первый вопрос мы обратились к истории культуры вообще и на этом пути, естественно, встретились и с Вашими работами в этой области. И не только потому, что в них дан огромный, тщательно обработанный фактический материал, но и потому, что в них чувствуется разум человека нашей сложной эпохи. Позвольте поэтому коснуться некоторых вопросов, особенно важных для нас, которые затронуты именно в Вашем письме.

Первый вопрос — о «единицах» истории. Мы знаем — и Вы напоминаете об этом в Вашем письме, — что Вы отказались от мысли видеть «единицы» истории, ее «монады», как Вы удачно выразились, в «нациях». Отказаться от этой мысли заставила Вас, как Вы пишете, история древней Греции: Вы увидели, что «монадой» истории тогда не могла быть история ни Афин, ни Спарты — никакого отдельного полиса. Не касаясь здесь вопроса о правомерности применения термина «нация» к обществу Афин или Спарты, я вполне согласен с Вами в том, что исторической «монадой» тогда была вся Эллада: она была тогда в целом единой. Это единство Вы назвали «цивилизацией». Как востоковед, я мог бы сказать Вам, что так же должен поступить и историк Китая VIII—III вв. до н. э. Класть в основу исторического процесса «нацию Ци», «нацию Чу», «нацию Цинь», «нацию Вэй», т. е. китайских Афин, Спарты, Фив, Коринфа, видеть именно в этих «нациях», как сказали бы Вы, но не сказали бы мы, «монады» истории было бы ошибкой, хотя все эти китайские царства, как в Элладе отдельные полисы, разумеется, имели и свою собственную историю каждое. Но все они составляли некое сложное единство — единство цивилизации, если применить тут Ваш термин.

Вы пишете, что потом Вы обнаружили, что и единичность отдельных цивилизаций сомнительна. Вы осмотрели — и это было совершенно справедливо, — что такие великие миссионерские религии, как христианство, буддизм и ислам, охватывали целый ряд цивилизаций, т. е. соединяли их в новом единстве. Так у Вас родилась мысль об иной «монаде» исторического процесса. Можно было бы продолжить Вашу мысль. Всматриваясь в ход мирового процесса, мы видим, что в некий момент этого процесса мир распался, как принято говорить, на два лагеря — капиталистический и социалистический. И каждый из них в какой-то мере также действует как некая «монада» истории. Значит, признаком «монадности» в этом случае может служить и то, что мы называем социально-экономической системой. Не так ли?

В наше время известной исторической «монадностью» в какой-то мере обладают и так называемые развивающиеся страны, что означает возможность видеть признаки «монадности» и в общем уровне социально-экономического и культурного развития.

Вы пишете, что Вас справедливо критиковали за то, что Вы в прокрустово ложе древнегреческой истории укладывали истории других обществ. Дорогой коллега, такая критика была бы справедлива только в том случае, если бы Вы историю какого-либо средневекового общества укладывали на ложе истории общества древности или общества нового времени. Историю средневековой Франции действительно нельзя сопоставлять с историей древней Греции, но с историей средневековой Японии сопоставлять можно. Не только можно, но и нужно: хотя бы для того, чтобы обнаружить то неповторимое, единичное, что было у каждого из этих двух народов и что можно увидеть и оценить только на фоне общего с кем-нибудь другим. Только общее это следует искать не вообще, а в рамках аналогий строго исторических. Мне кажется, что «монадность» существует, но она не дана раз и навсегда в какой-либо определенной сумме признаков; она меняется в ходе истории, т. е. она сама глубоко исторична. В этом, кстати сказать, убеждает так обстоятельно обрисованная Вами история мировых цивилизаций, как Вы тогда — в годы написания своей «A Study of History» — воспринимали историю человечества. Так не лучше ли нам именно в этой меняющейся истории и искать эти исторические «монады», также меняющиеся?

Но если что-то меняется, то значит, есть и это «что-то». Общество меняется, но оно всегда остается обществом.

Изучающий культуру не отделяет вещи от их хозяина; не может отделять то, что создано, от того, кто это создал: создал же все человек, общество. Поэтому первая задача, которую я, как и Вы, вижу в исследовании мировой культуры вообще, это поиски действительно культурно-исторической «монады»: этнической и вместе с тем общественной — своей для каждого этапа истории, т. е. меняющейся в своей общественной природе и даже в какой-то мере и в этнической.

Вам, может быть, известно, что в наших исторических и социологических работах мы часто оперируем такими категориями, как племя, народность, нация. Мы тут имеем в виду три исторических облика, в которых выступает отдельная этническая единица в процессе своей исторической жизни, своего развития. В наше время господствующей формой такой этнической общности является нация.

Существовали раньше, существуют и теперь различные мнения о сути этих социологических категорий. Несомненно, природу их еще надо изучить. Но все же обратиться к этим категориям заставила нас сама история. Согласитесь, что германцы, те, которые описаны Тацитом, — не те, что германцы средних веков, франки времен Карла Великого — не те, что французы времен Людовика XIV. А эти различия определяли многое и в культуре — во всяком случае в ее сферах, ее границах, не говоря уже о содержании. Ведь даже языковые границы в средние века были иные, чем в новое время. Иной была и степень проницаемости сфер этих языков. Иными были и границы культуры, самый характер этих границ. Факт изменения социологической характеристики данного общества открывается, как нам кажется, самой историей. Культуру же создает общество, и понять то, что им создается, без понимания его собственной социальной природы невозможно. Вот поэтому-то я и считаю

задачу определения для каждой большой поры культурной истории ее социальной «монады» поистине первостепенной.

А вот вторая задача — изучение человеческого состава каждой «монады». Общество состоит из отдельных людей, и в каждом социологическом типе общества они, эти люди, — свои, особые, несущие в себе признаки этого типа. Возьму для примера общество средневековое, когда социологической «монадой» была, как многие у нас считают, народность. Человек этой эпохи предстает перед нами как воин-дружижник, как рыцарь, как брат монастырской общины, как мастер цеха, член гильдии, синдик городской коммуны, как член сельской общины, общины местного божества, как молодец из разбойничьей шайки, как писец или хронист, как бакалавр, магистр и доктор университета, алхимик и астролог, лекарь и гадатель, как певец на поэтических состязаниях в Вартбургском замке или в Хэйанском дворце, в Нюрнберге и в Сакаи, как рапсод или шошуды. Один из моих коллег — историков Переднего Востока — недавно обрисовал нам быт и нравы знаменитой Нисибийской академии, чем показал нам не только культуру того времени, но и ее человеческую среду, ее представителей. Другой коллега некоторое время назад обрисовал нам литературный Герат того периода, когда этот город был одним из центров культуры в этой части мира, продемонстрировав этим, как нужно говорить о литературе: не отвлеченно, а человечески-конкретно.

Таковы две первые задачи исторического культуроведения. Третья — раскрытие в культуре каждой эпохи системности.

Конечно, Вы можете сказать: если вы говорите о раскрытии черт системы — значит, вы считаете а priori, что культура каждой эпохи представляет не сумму явлений, а их систему? Да, это так. Без каких-либо постулатов обойтись трудно.

Все же этот постулат не выдуман: он сложился на основе вполне конкретных наблюдений. Поясню эту мысль лишь одним примером, причем из области, мне наиболее знакомой, — из области истории литературы, из эпохи барокко, т. е. той самой, когда Западная Европа выходила из царства Ренессанса и вступала в царство Просвещения. Возьму при этом лишь одну страну — Германию. Речь, таким образом, пойдет о немецкой литературе XVII в.

Даю сначала как бы инвентарную опись этой литературы; конечно, отмечая только наиболее показательное. Внесу в эту опись произведения Мартина Опитца и всей плеяды представителей его направления; внесу «Симплициссимуса» Гриммельсгаузена, «Аврору» Якоба Бёме; внесу романы Цезена, Циглера и их коллег по маньеризму; внесу и «Шельмуфского» Рейтера.

Что же эта опись нам дает? Во-первых, мы видим две линии: линию старого и линию нового. Старое — разумеется, в преображенном облике — предстает перед нами в лице Опитца и его школы, новое — во всем прочем. Но в этом прочем мы также видим две линии: литературу бюргерскую и литературу аристократическую. Первая предстает перед нами в лице Гриммельсгаузена и Якоба Бёме, вторая — Цезена и Рейтера. В каждой из этих двух литератур есть свои внутренние линии: в бюргерской линия сатиры — в «Симплициссимусе» и линия мистики — в «Авроре»; в аристократической — линия галантного романа Цезена, Циглера и их коллег и линия пародии на маньеристский роман — «Шельмуфский» Рейтера.

Разве это не система? Да еще построенная чисто диалектически?

А именно в этой диалектике и состоит историческое и социологическое единство целого — целого системы.

Есть и еще одна задача, четвертая по счету, но далеко не четвертая по значению, — та самая, которой Вы отдали свое главное внимание: освещение вопроса о судьбах культур.

Да, конечно, целые цивилизации гибнут. Так, от древней ахейской культуры, например, остались руины — Львиные ворота, Кносский дворец и немного другое. Но разве не осталось от нее и еще одно — и, пожалуй, бесконечно более важное — «Илиада»? «Илиада» — никак не начало новой литературы; она — итог всей предшествующей культуры; но итог, подведенный новым народом, эту культуру унаследовавшим. Подлинное начало греческой литературы — та примитивная поэзия и проза, которую мы находим в «послегомеровскую» эпоху. Нет, культуры не исчезают бесследно, в какой-то части они передаются и возрождаются. Один из моих друзей, историк европейской античности, говоря о гибели ахейской цивилизации, очень хорошо сказал: «В этом видимом упадке, в этом «спуске» к нижней части витка спиралевидного развития (истории культуры.— Н. К.) заложены основы возрождения... Совершается одно из величайших таинств истории — качественный скачок, момент перехода в иное качество в мучительном, прекрасном и неотвратимом процессе вечного обновления человека — человечества — бытия»². Да, культуры могут возрождаться, возрождаться в идеях и образах. И в этих формах они могут представлять перед «наследниками» даже ярче, чем в своем вещественном виде. Разве щит Ахиллеса, как он изображен в «Илиаде», не выразительнее, не ярче, чем этот же щит, если бы мы увидели его в натуре?

Мне кажется, что так можно подойти и к другому загадочному памятнику литературы — индийской «Рамаяне». Пока ничего не было известно о существовании в Индии культуры более древней, чем та, которую мы знаем; пока не были сделаны открытия в Хараппе, в Мохенджодаро, нам ничего другого не оставалось, как предполагать невероятно развитую мифотворческую фантазию, соединенную притом с поразительным искусством ее художественного выражения. Но, может быть, дело объясняется проще? И — чисто исторически? Может быть, и тут — такое же таинство истории, как и в случае с «Илиадой»? Во всяком случае «Рамаяна» — не примитив. Не начало. Это великий культурный мир, ушедший в безвозвратную даль, но преображенно возродившийся через тех, кто его разрушил. Словом, случай, аналогичный с греческой «Илиадой».

Но, конечно, эти погибшие культуры возрождаются не только преображенными, но и соединенными с огромной массой нового, создаваемого уже своей современностью. В этом соединении протекает другой, столь же таинственный процесс — отбор нужного, необходимого для дальнейшего, для будущего. Потому что всякая современность есть стык прошлого и будущего. Раскрытие этого процесса я и считаю одной из важнейших задач работы по изучению культуры.

Вот тут я возвращаюсь к тому, с чего начал, — к нашей сегодняшней культурно-исторической задаче: к задаче построения культуры нашего многонационального социалистического общества. На мой взгляд, эта задача состоит в следующем: надо строить прежде всего культуру современную — это первое и главное. Только современную по-настояще-

² С. Утченко, Акрополи Эллады, — «Новый мир», 1962, стр. 172.

му — в ее целом, а не в каком-либо одном ее облике. Если говорить об этом в аспекте общественного строя, мы должны всемерно учитывать не только те формы социализма, которые установились в нашей стране, но и те, которые сложились в других социалистических странах. История с величайшей убедительностью продемонстрировала, что социалистический строй — там, где он установился, — в каждой стране индивидуален, причем эта индивидуальность определяется не только данной исторической конъюнктурой, но — в гораздо большей степени — и тем, в каком виде эту страну подвела к социализму ее история.

Впрочем, вопрос ставится даже шире: современность следует брать всю, т. е. и ту, которая представлена в странах с иным социально-экономическим строем, особенно с тем, что в них обращено к будущему. К будущему же, как мне кажется, обращено все, что думает, волнуется, обуреваемо тревогой за мир, за человека, все это — в каком бы облике оно ни выступало — все это современно и подлежит изучению. Поэтому современен для нас и экзистенциализм: ведь именно тревогой за будущее человечества вызвана его неудовлетворенность прежними прогрессистскими концепциями хода мировой истории, концепциями, столь характерными для позитивистских умонастроений XIX в., унаследованных нами от этого века и еще не преодоленных. Несовременно то, что инертно, косно, невежественно или олимпийски спокойно, самодовольно, вседовольно — всюду, где это наблюдается.

Именно на таком подлинно живом чувстве современности мы и должны, как мне думается, строить нашу культуру. Этим мы сделаем ее социалистической, т. е., как мы понимаем, подлинно человеческой и общечеловеческой. Но мы в нашем обществе неодинаковы. Каждый из народов нашей страны унаследовал большую культуру, несет ее в себе, неотделим от нее. И, строя новое, он должен использовать и то, что ему дало старое. Но не просто восстанавливать прошлое! Восстановить мавританскую арку, конечно, можно. Но путем такого внешнего восстановления решить архитектурный облик портала современного здания нельзя. Это противоестественно и безвкусно. Решать облик современного портала можно не мавританской аркой, а той системой эстетических представлений, которая идет от этой арки, системой исторически обогащенного и воспитанного художественного сознания. Вот в этом и будет состоять национальная форма. Что это не только возможно, но что так и бывает, свидетельствует сама история культуры. Возьму в пример опять то же барокко, на этот раз в архитектуре. Барокко, как известно, — стиль определенной исторической эпохи, возникший в истории многих обществ. Для этих обществ в то их время барокко было современностью. Но как различно это самое барокко в разных местах! Разве немецкое барокко повторяет испанское? А украинское — немецкое? Да и у нас барочные церкви Москвы не повторяют барокко старого Киева. Совершенно свое барокко в Китае XVIII в., в архитектуре его дворцов и мавзолеев. И опять оно свое в Японии в эпоху Момояма, которую так прямо и называют эпохой японского барокко. Достаточно посмотреть хотя бы на один лишь храм-мавзолей Тосёгу в Никко, чтобы сразу же почувствовать этот стиль барокко. Хочется надеяться, что и в нашу эпоху не только появится или утвердится новый художественный стиль, но и будет дан в разных обликах.

Но тут неминуемо встает тот самый вопрос, который Вы, дорогой коллега, затронули в Вашем письме: вопрос о «всепоглощающей унификации», как Вы выразились. Это действительно вопрос в наше время

очень острый. Вероятно, я понимаю Вас правильно: говоря об опасности унификации, Вы имеете в виду опасность не внешнюю, а внутреннюю — заложенную в самой культуре. Да, такая опасность существует. Культура — то, что мы создаем, чем мы владеем, и в то же время она создает нас, нами владеет.

Характерно, что Вы заговорили об унификации в связи с нашим временем, когда, как Вы думаете, человечество впервые получило возможность стать единым обществом. Вы поставили такую возможность в связь с тем, что Вы назвали «уничтожением расстояний». Я поставил бы в связь с тем, что представляет собой наибольшее проявление этого уничтожения расстояния — с массовой коммуникацией.

Вы знаете, что уже не раз на различных международных форумах говорили об опасности, тающей в современной системе массовых коммуникаций — системе, образуемой радио, телевидением, кинопередачами, массовой газетной и журнальной печатью, массовой литературой — художественной, научно-популярной. Все мы в той или иной степени охвачены этими коммуникациями, находимся в ее власти. Например, меня может совсем не интересовать, как некая звезда фигурного катания метет своей взбитой шевелюрой лед на катке в Любляне или в Вене, но я все-таки смотрю: действует гипноз телевизора. И что удивительнее всего — я даже начинаю привыкать к такому гипнозу.

Что, собственно, делают с нами все эти средства массовой коммуникации? Штампуют нас — наши интересы, наши вкусы, наш ум, наши души. Относимся мы ко многим вещам, конечно, по-разному, но сами категории этих разных отношений одни и те же; да и само отношение нередко привнесено в нас этой же массовой коммуникацией. Сейчас много говорят о создании думающих машин, определенным образом запрограммированных или даже самопрограммирующихся. Но разве мы не станем этими запрограммированными машинами, сами того не сознавая? Может быть, мне только кажется, что я слушаю радиопередачу, на самом же деле в меня в этот момент закладывается перфорированная лента?

Насколько я мог уловить, Вы, как будто, видите эту сторону нашей сегодняшней культуры, почему у Вас и чувствуется некоторая горечь, когда Вы говорите о своей вере в возможность избежать унификации «хотя бы в художественном творчестве». Боюсь, дорогой коллега, что и тут положение не столь обнадеживающее. Один Кафка еще не делает погоды — погоду делает «массовая литература», которая выпускается на рынок коммерческими издательствами, число коих легион. Прошу не понять меня неправильно; и в этих изданиях есть немало интересного, ценного и художественного. Но все это унифицировано вплоть до размера.

Вы пишете о надежде, что мы все-таки сохраним хоть свободу выбора. Я очень ценю, что Вы специально предупредили, что Вы этим не затрагиваете другую тему — тему свободы воли, как ее ставят и решают философы и теологи. Вы — историк и говорите о свободе исторического выбора. По-моему, вопрос следует ставить именно так. Только для меня этот вопрос соединяется с другим, более общим: с проблемой отчуждения личности, которую ставит сама история, и прежде всего именно история человеческой культуры.

В моей стране сейчас много говорят об этой проблеме. Говорят философы, историки, социологи, психологи, литературоведы. Для многих из тех, кому сейчас двадцать — сорок лет, даже нет более жгучей общественной и их личной проблемы. Они исходят при этом из Маркса, который

ввел философскую проблему отчуждения вообще и отчуждения личности в плане истории.

Да, конечно, историк видит, что человек всегда создавал совершенно необходимые для жизни общества, для его собственного существования нормы, создавал их, чтобы затем самому подчиниться им, а это значит — что-то утратить в себе самом, вернее — передать часть своего, часть себя в распоряжение этих норм. Вы употребили слово «привычка»... Можно сказать и так: появление привычки есть один из элементов отчуждения личности. Но историк видит и другое: как тот же человек разрушает эти нормы, рвет с этими привычками, когда они, как Вы выразились, становятся губительными.

Недавно я был очень занят одной работой по древней истории Китая. Имея дело с различными направлениями общественного сознания, различными направлениями общественной мысли, я почувствовал что-то новое в своем отношении к тому, что западные синологи именуют конфуцианством и даосизмом, точнее говоря — к умонастроениям Конфуция и Мэн-цзы, с одной стороны, Лао-цзы и Чжуан-цзы — с другой. Мне вдруг показалось: разве это не удивительно — ясная картина стремления, безудержного, самозабвенного, к производству всяких норм, стремления, воодушевляемого самыми высокими человеческими и общественными побуждениями, и рядом столь же ясная картина яростного протеста против этих норм и также во имя человека, для человека, во имя достижения им самых вершин в его внутреннем, да и внешнем развитии? Как будто бы Лао-цзы и Чжуан-цзы почувствовали, к чему эти нормы могут повести. Мне кажется, теперь я начал понимать, почему Сэлинджер читает Чжуан-цзы...

Но разве вся история человеческого общества и создаваемой им культуры не заполнена тем, что ведет к отчуждению личности и что устраняет это отчуждение? Достаточно пройти хотя бы по одной линии культуры — по изобразительному искусству, еще лучше — по литературе. А это значит, что свобода выбора у нас есть. Может быть, лучше сказать не есть, а появляется... появляется, когда это становится необходимым. В такой момент человек исполняет свой человеческий долг. Не об этом ли Вы и думали, когда создавали свою книгу «Перемены и привычки?»

Вы пишете, что сейчас человечество стоит перед необходимостью выбора. Согласен с Вами. Но Вы, как я понимаю Вас, отнюдь не считаете это дело простым. Вы, как мне кажется, с горечью говорите: вот мы вступили в атомный век, а живем все еще категориями доатомного века! Согласен и с этим. Могу даже эту Вашу мысль применить к другой сфере: вот мы вступили в социалистический век, а очень многие из нас все еще живут категориями досоциалистического века! Да, человек может обгонять историю, но люди обычно отстают от истории.

Вы написали о себе: я — не детерминист и, как смею думать, не догматик. Это очень ценное признание: это ведь признание одного из самых глубоких знатоков истории человеческой культуры, признание историка. Следовательно, Ваше собственное изучение истории человеческой культуры заставило Вас понять, что абсолютных законов хода истории нет. И очень хорошо, что Вы тут же сказали, что Вы, следовательно, не догматик. Вы правы: догматик всегда детерминист. Вот у кого уж действительно нет свободы выбора! Ее нет даже тогда, когда он отказывается от одного догмата для другого.

Вы сделали мне честь, сочтя меня оптимистом... Разумеется, оптимистом как историка. И обрадовали меня тем, что сказали, что и Вы в этом отношении со мною. Выходит, что два очень разных историка, работающих очень по-разному, независимо друг от друга пришли к историческому оптимизму. Иначе, впрочем, и быть не могло: история все-таки чему-то научает.

Только оптимизм у меня, как, вероятно, и у Вас, отнюдь не тот, которым отличался достославный доктор Панглос. Мне запомнилось слова одного нашего физика, сказанные им в речи памяти Резерфорда, произнесенной в вашем Королевском обществе 17 мая 1966 г. и впоследствии напечатанной в «Новом мире»: «Хотя мы все надеемся, что у людей хватит ума, чтобы в конечном итоге повернуть научно-техническую революцию по правильному пути для счастья человечества, но все же в год смерти Резерфорда безвозвратно ушла та счастливая и свободная научная работа, которой мы так наслаждались в годы нашей молодости. Наука потеряла свою свободу. Она стала производительной силой. Она стала богатой, но она стала пленницей, и часть ее покрывается паранджой. Я не уверен, продолжал бы сейчас Резерфорд по-прежнему шутить и смеяться»³. Слова достаточно горькие. Но я вспоминаю также и такие замечательные слова: «Первым и самым важным из прирождённых свойств материи является движение,— не только как механическое и математическое движение, но ещё больше как стремление, жизненный дух, напряжение, или, употребляя выражение Якоба Бёме, *мúка* [Qual] материи»⁴

Но если движение вещества есть стремление, которому присущи свои муки, то может ли не знать своих мук и движение человечества в его истории? Они были, есть и будут, но именно им мы и обязаны рождением всего того чудесного, что человечество создало в своей культуре. Этим путем мы достигнем и того единства человечества, о котором говорили Вы, о котором в своей книге говорю я, за которое борются все люди доброй воли на земле. И оно, это единство, придет. Может быть, даже скорее, чем мы предполагаем. Но его нельзя просто получить: его нужно не только выстрадать, но и заслужить собственными усилиями.

С искренним уважением
Н. Конрад.

³ П. Л. Капица, Мои воспоминания о Резерфорде,— «Новый мир», 1966, № 8, стр. 215.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 2, стр. 142.

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ КУЛЬТУРНОГО И НАУЧНОГО РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Как известно, усилиями ЮНЕСКО создана большая, состоящая из шести томов, «История научного и культурного развития человечества». При этом было признано необходимым предпослать изложению этой «Истории» общее «Введение». По поручению специальной комиссии, ведавшей работой по созданию этого труда, проект такого «Введения» написал сэр Дж. Хаксли (J. Huxley), известный английский биолог, профессор, член Королевского общества. Нам была предоставлена возможность ознакомиться с текстом этого проекта. Ниже следующее написано непосредственно после прочтения текста Дж. Хаксли и служит как бы откликом на его статью. Для понимания отдельных частных нижеследующей статьи читателю, однако, необходимо знать некоторые его положения.

В начале статьи Дж. Хаксли стремится устранить различные сомнения в возможности или полезности создания истории мирового научного и культурного развития человечества, в частности мысль о том, что «ЮНЕСКО привнесет доктринерскую и даже догматическую оценку мировой истории». Далее он ставит вопрос: «Возможно ли обнаружить какие-либо законы истории или открыть какие-либо значительные общие направления ее развития; существует ли прогресс в сфере человеческой деятельности, и если да, то как его можно определить?». Коснувшись затем некоторых из существующих теорий исторического процесса, Дж. Хаксли переходит к изложению своих собственных взглядов на этот предмет. Будучи специалистом по биологии, он все же считает, что «после десяти с лишним лет соприкосновения с этими проблемами в составе Международной комиссии по истории научного и культурного развития человечества и после пятидесяти с лишним лет специальных исследований в области биологической эволюции и общей эволюции он пришел к некоторым выводам по этим вопросам», которые он далее и излагает.

По его мнению, «История, в формальном и ограниченном смысле краткой истории цивилизации, есть продолжение гораздо более длительной истории человечества в целом, включая все его виды, начиная от дочеловеческого проплого и кончая цивилизацией XX в. А это, в свою очередь, является продолжением во много раз более длительной истории жизни от доклеточных форм к существующим в настоящее время». Таким образом, приходит к заключению Дж. Хаксли, история есть «рассказ и наука об эволюции жизни на ее человеческой или психосоциальной стадии». Сопоставляя затем ход культурной и биологической эволюции, он считает, что, несмотря на существенные отличия одной от другой, фактический ход и в том и в другом случае во многом сходен. Дж. Хаксли прослеживает три тенденции, одинаково действующие и на биологической и на психосоциальной, т. е. исторической, стадии: тенденции к многообразию, усовершенствованию и стабилизации. Естественно, что на исторической стадии это относится не к организмам, а к культурным явлениям и психосоциальной организации. На психосоциальной стадии действует

еще один дополнительный процесс, «субпроцесс», как он говорит: процесс культурной диффузии.

Говоря о прогрессе, Дж. Хаксли отмечает: «На психосоциальной стадии все, что достойно наименования поступательного движения, или прогресса, зависит от роста знаний или от усовершенствования организации познания, которые способствуют пониманию». «Современная историческая эпоха,— замечает он далее,— требует продолжения этого направления: она требует лучшего понимания природы, человека и их взаимоотношений; она требует также продолжения другого основного направления психосоциальной эволюции — движения к единству посредством глобальной организации». В конце Дж. Хаксли касается вопроса о смысле проделанной работы. «Наша «История»,— пишет он,— поможет человечеству создать новое, более правильное представление о своей собственной природе, представление, дающее большие надежды, но трезво оценивающее собственные способности, неразумность и изменчивость, представление о своих неограниченных возможностях, которые тем не менее жестко ограничены». «История создает основу для умеренного оптимизма, который так необходим на данном решающем и хаотическом историческом этапе». Как увидит читатель, некоторые места в предлагаемой статье являются откликом на эти мысли Дж. Хаксли.— *Примечание автора*¹.

В настоящее время в Советском Союзе и за рубежом широко обсуждаются общие вопросы истории человеческой культуры: у нас завершается десятитомная «Всемирная история», разворачивается работа по составлению многотомной «Истории мировой литературы»; общими усилиями ученых многих стран по инициативе ЮНЕСКО создана «История культурного и научного развития человечества».

В связи с этим мне бы хотелось поделиться некоторыми мыслями об истории мировой цивилизации. Труд, посвященный этой истории, не должен быть какой-то доктринерской оценкой пути человечества. Доктринерство появляется тогда, когда исходным пунктом исследования становится какой-либо догмат, привнесенный обычно извне и служащий при этом своим собственным целям. Но история культурного и научного развития человечества ведь что-то дает нам. Для чего же мы к ней в таком случае обращаемся? — В первую очередь для того, чтобы обозреть путь, пройденный до сих пор человечеством, и понять этот путь, оценить то, что приобретено людьми в процессе их исторического опыта. Однако, если мы хотим добиться понимания, которое действительно что-нибудь приносило бы нам, необходимо, чтобы оно определялось самим историческим материалом; если мы хотим дать оценку, которая действительно чем-нибудь служила бы нам, необходимо, чтобы она подсказывалась самим ходом истории.

Но обращение к прошлому человечества не может быть вневременным, внеисторичным. Наш взгляд на это прошлое зависит от объема знаний об истории мировой цивилизации и от степени ее понимания.

Первое, т. е. объем наших знаний, всегда относительно. Что можем мы сейчас, в начале второй половины XX в., сказать о нашем знании истории культуры и науки? Только то, что оно очень велико, бесконечно больше того, что люди знали, например, во второй половине XIX в.

¹ Нижеследующая статья была послана в Специальную комиссию ЮНЕСКО, ведавшую «Историей научного и культурного развития человечества». Она не была принята как «Введение», но и «Введение» Дж. Хаксли не было напечатано в этом труде.— *Примечание составителя.*

Второе — понимание того, что мы знаем, — вполне определено. Оно определяется прежде всего суммой человеческих знаний: эта сумма обычно укладывается в нашем сознании в какое-то до известной степени упорядоченное целое; по существу, понимание и начинается с такого упорядочения. Еще более категорично понимание определяется эпохой, в которую живет исследователь; эпоха заставляет его обращаться к прошлому главным образом в поисках того, что как-то отвечает думам, заботам, присущим его времени.

И это отнюдь не выводит исследование за пределы научной объективности. К нарушению объективности могло бы привести как раз обратное — непонимание того, что прошлое человечества настолько богато многосторонним опытом, что в нем постоянно можно открывать все новое и новое. Исторический же опыт эпохи исследователя, со своей стороны, позволяет понимать вещи, даже хорошо известные, яснее, полнее, глубже.

Законно ли стремление искать в прошлом что-либо нужное для современности? Ответ на этот вопрос дает сама история, вернее — история истории.

История, представляя некую сумму знаний о прошлом, есть как бы материализованная память человечества. Появление истории как особой отрасли знания — факт совершенно закономерный. Но в то же время с самого начала существования истории считалось, что она должна чему-то учить. Наиболее постоянным было представление об истории как о «зерцале правления», которое учит правителей тому, чтобы не повторять сделанных ошибок и выбирать по возможности верные пути для достижения каких-либо целей. Конечно, та же история свидетельствует, что правители не очень-то часто отказывались от своих намерений, даже когда они видели на примере прошлого, к каким губительным последствиям приводило стремление во что бы то ни стало осуществлять подобные намерения. И все же обращение к истории как к учителю никогда не прекращалось и вряд ли прекратится: оно диктуется присущей человечеству неуемной заботой о настоящем, неустанной думой о будущем, пусть и в пределах непосредственного смыкания его с настоящим. О настоящем и будущем могут не помышлять отдельные индивидуумы, но человечество не думать об этом не может. Так было всегда, так есть и сейчас. Следует сказать даже больше: редко, когда люди столь задумывались о своем времени и о будущем, как в нашу эпоху. Когда некоторые ученые на Западе называют современную эпоху «хаотической», это и есть проявление именно такой думы. Я сказал бы, что наша эпоха не хаотическая, а сложнейшая, так как в нагромождении и переплетении всевозможных явлений, в прихотливой игре противоречивых сил, действующих в настоящее время, обнаруживаются основные тенденции, а вокруг них кристаллизуется и все прочее.

Нынешнюю эпоху называют «решающим историческим этапом», и это верно, особенно если учесть исключительную сложность нашего времени, вытекающую из того, что человечество сейчас вступило в критическую полосу своего существования, равной которой, вероятно, никогда еще не было. Это относится не только к социальному строю, не только к идеологии; затрагивается и наше общее отношение к культуре, науке, ставится вопрос о нашем отношении к человеку, т. е. к самим себе, к жизни, к миру. Поэтому-то мы и обращаемся к истории человечества, к его огромному опыту в прошлом. Ведь человек — творец истории, и в то же время он есть реальное явление, связанное сетью взаимоотношений со всем остальным миром.

Обращаясь в нынешний решающий момент к истории мирового культурного и научного развития, мы стараемся получить не только помощь при преодолении трудностей, стоящих на нашем пути, но и подкрепление нашего убеждения в том, что такое преодоление возможно, что жизнь будет протекать и далее по направлению к новым высотам, что великая человеческая мудрость нетленна. Убеждение это проистекает из какой-то, может быть даже неосознаваемой, веры в человека. Если такой веры нет, чего же тогда в истории человечества искать?

* * *

Мы совершенно ясно видим один непреложный факт: та культура и та наука, которыми мы в наше время располагаем, созданы трудом всего человечества. Конечно, срок, за который все это было создано, очень велик; на арене истории прошло очень много народов — с самыми разными судьбами. Каждый из них создавал культуру прировнительно к условиям жизни, к своим нуждам. Но каждый народ был одновременно членом общей семьи человечества, и то, что он создавал для себя, тем самым было его вкладом в общую сокровищницу человеческой культуры. Век камня, век металла не принадлежат какому-нибудь отдельному народу. Великое богатство материальной культуры создавалось всем населением земли, и связи, взаимообмен, взаимовлияние делали культуру отдельных народов частью общего достояния человечества.

Мы говорим о возникавших на протяжении исторического процесса различных цивилизациях. В каждой из них, действительно, основную роль играл один какой-нибудь народ или группа народов. Но разве легко установить границы таких цивилизаций — в пространстве и во времени? Началом философской мысли в мире эллинской цивилизации принято считать учения ионийских физиков, но Иония, бывшая тогда наиболее процветающей культурной областью эллинов, входила составной частью в еще более древний евро-афро-азиатский мир с его высокоразвитой цивилизацией. Великая китайская стена, ставшая у нас символом самоизоляции, замкнутости, была построена для того, чтобы ограждать китайскую землю от опустошительных вторжений кочевников, но вовсе не для того, чтобы преграждать доступ культуре, созданной другими. Нам хорошо известно, насколько велик был поток культуры, проникавший в разное историческое время в Китай из «Западного края», как в древности китайцы называли район Восточного Туркестана и Средней Азии, смыкавшийся другой границей с индо-иранским культурным кругом. Не менее известно и обратное: какое множество достижений перешло в эти районы из Китая. Буддизм, представлявший не одно только религиозное учение, а целый комплекс материальной и духовной культуры, соединил Китай с цивилизацией Кушанского царства, Индией, позднее — с Тибетом, Индокитаем. Арабский культурный мир вобрал в свою орбиту поистине необъятное пространство — от Пиренейского полуострова на западе, через средиземноморскую полосу Северной Африки, восточное побережье африканского континента, Аравию, Сирию, Иран, Среднюю Азию, страны близ Персидского залива, многие пункты Индостана и Индокитая до отдаленного конца Индонезии. В Средней Азии — по одну сторону, в портах Юго-Восточного Китая — по другую арабский культурный мир соприкоснулся с китайским. На противоположном конце — на Пиренейском полуострове — он смыкался с Провансом, а стало быть, с Западной Европой.

Подобные связи продолжались веками. Иногда они ослабевали, иногда усиливались; они могли даже и прерываться, но воспринятое одним народом от другого продолжало жить и давать свои плоды. Связи между народами составляют явственную основу культурного развития человечества.

Но общность труда по созданию человеческой культуры столь же отчетливо проявилась и в ином: в обращении к решению одних и тех же задач, ставящихся жизнью с ее развивающимися запросами. Вспомним хотя бы процесс открытия людьми все более и более могущественных сил природы — огня, воды, пара, электричества — и овладения этими силами. Это было поистине общим делом человечества. Может быть, какой-нибудь народ и начинал справляться с той или иной задачей первым, но никогда не бывало, чтобы другие близкие по уровню культуры народы не включались в осуществление этой задачи, не продолжали ее, достигая нередко даже больших результатов, чем тот, кто ее начал. Вспомним историю нашего знания. Если бы существовала объективно и с полным знанием предмета написанная история диалектики, мы прочли бы в ней, что еще в глубокой древности в Китае, Индии и Греции сложилась концепция противоположностей; что в дальнейшем в тех же странах она соединилась с концепцией перехода одной противоположности в другую, а это, в свою очередь, вызвало представление об изменениях и превращениях как о сущности процесса жизни и развития. Учение о первоэлементах материальной природы возникло в древнем Китае, Индии, Греции. Атомистика начала складываться в Индии и Греции. На определенном этапе культурного и научного развития человечества появилась необходимость в уяснении природы и функций самого мышления, и в результате возникло то, что мы называем логикой. Ее стали создавать независимо в Индии (Акшапада), в Китае (Мо-цзы), в Греции (Аристотель), но разве в целом это не был общий труд над закладыванием основ одной из важнейших отраслей научного знания? И так — во всем. Не будем забывать — при мысли о математике — происхождение таких слов-наименований, как «геометрия» и «алгебра».

Общность человеческих усилий в создании культуры открывается буквально во всем. Мы говорим о поэзии и прозе. Но поэзия и проза в различнейших формах и видах присутствуют в истории культуры каждого народа. У большинства народов существует и то, что мы называем эпосом, лирикой, драмой, — разумеется, в самобытных формах и в разных степенях развития. Следовательно, и литература в ее многообразных видах была необходима любому народу, а тот или иной ее вид возникал потому, что это было возможно и нужно в данных исторических условиях для решения определенной культурной задачи. Это подтверждается тем, что в одинаковые исторические эпохи у разных народов, часто вполне независимо друг от друга, зарождались весьма близкие по характеру виды литературы. Достаточно вспомнить об эпических поэмах древности, появившихся в Иране, Индии, Греции. Близки по содержанию и духу поэзия Прованса, арабская лирика, китайская любовная поэзия, японская лирика раннего средневековья, «*chanson de geste*» франков, *гунки* японцев. Сатирический роман, столь характерный для Франции и Англии в эпоху Просвещения, был и в Китае в период, по своему социальному и культурному содержанию близкий к европейскому Просвещению. Возникновение и расцвет реалистического романа XIX в. в литературе большинства народов — факт общеизвестный. Не означает ли все это, что

о литературе мы вправе говорить и в общечеловеческом плане? То же можно сказать и об искусстве.

Участие всего населения нашей планеты в создании культуры и науки бесспорно: это показывает сама история мирового культурного и научного развития. Не следует ли в настоящее время видеть в истории прежде всего именно человеческую общность? Видеть ее, всегда помнить о ней, учиться у нее?

* * *

Есть, однако, еще одна сторона общей деятельности человечества, которая имеет исключительное значение и о которой сейчас особенно не следует забывать.

Мы в наше время много говорим о гуманизме. Самый термин этот возник в XIX в., но своим появлением он обязан эпохе Возрождения в Европе, которую так и называли «эпохой гуманизма».

Между тем гуманизм вовсе не начался в XIV в. и не является принадлежностью одной Италии и даже Европы в целом. Идея гуманизма сопровождала человечество на всем пути его общественного, культурного и научного развития. Но были времена, когда она проявлялась с особой силой.

Первая из таких эпох обозначилась в середине I тысячелетия до н. э. Люди слышали тогда о гуманизме из уст своих великих мудрецов, учителей, пророков в Китае, Индии, Иране, Палестине. Людям открылась простая истина: всякий другой человек есть тоже человек, и это обязывает относиться к нему так же, как к себе. Конечно, выражение такого отношения в разных учениях было различным, но суть оставалась та же. Вторая великая пора мирового гуманизма сначала наступила в Китае примерно в VIII—IX вв. Провозвестниками гуманистической идеи были тогда уже не пророки и мудрецы, а философы и поэты, ученые и публицисты. Хань Юй первым из них призывал к следованию по «пути человечности», суть которой видел в любви ко всем. Подобная же эпоха началась в X—XI вв. в среднеазиатско-индо-иранском мире. Глашатаями гуманистической идеи тут также были философы и поэты, ученые и публицисты. Фирдоуси, первый из них, призывал к тому же: «путь человечности — вот мой закон». В XIV в. наступила пора гуманизма и в Европе, прежде — в Италии. О «humanitas», т. е. все о том же «человеческом начале», заговорил Петрарка; ему стали вторить поэты и философы, ученые и публицисты.

В эти великие эпохи культурной истории концепция гуманизма, общей основой которой было признание ценности человеческой личности, проявилась у каждой группы народов по-разному. Гуманисты Европы воспринимали человека прежде всего как носителя свободного разума и свободного чувства, видя в них высшие проявления человеческой природы. Гуманисты Китая видели ценность человеческой личности главным образом в способности человека к бесконечному самосовершенствованию, приводящему ко все большему проникновению начал «пути человечности» в общественную жизнь страны и даже жизнь мира в целом. Гуманисты Средней Азии и Ирана усматривали ценность человеческой личности преимущественно в том, что ей присущи светлый разум и высокие моральные качества (среди них — душевное благородство, великодушие). Несомненно, эти концепции не сходны. Но разве они противоречат друг другу? Разве они не более чем различные стороны того, что составляет

«человеческое начало», т. е. «humanitas», по терминологии гуманистов Европы, или *жэнь* у гуманистов Китая? А если так, то концепция гуманизма оказывается созданной всем человечеством.

Разумеется, развитие гуманистической идеи не остановилось. Перечисленные эпохи прошлого принадлежат к числу переломных моментов истории. Очевидно, переломную эпоху ныне переживаем и мы, люди двадцатого века. При этом современная эпоха получила поистине значенные решающего этапа в жизни человечества. В наше время человек находится на пороге овладения величайшими силами природы и жизни, сокровенными тайнами человеческого духа. Человек может направить свою жизнь по совершенно новому пути — по пути восхождения к таким высотам, о которых могли только смутно мечтать великие визионеры прошлого, но он же может повести себя, весь свой мир, включая мир природы, и к катастрофической деградации, а то и просто к уничтожению.

И вот снова зазвучал голос гуманизма. Его глашатаями ныне являются уже не пророки и мудрецы, не философы и поэты, не ученые и публицисты; гуманизм сейчас возвещают массы, простые люди, воодушевленные идеями социализма, идеями нового, справедливого общества. И возвещают с великой силой и великой убежденностью.

Концепция гуманизма в наши дни снова расширяется. Все, что люди поняли до сих пор, что сформулировали великие умы прошлого, осталось как драгоценное общечеловеческое достояние, как основа, опираясь на которую можно уверенно идти дальше по пути гуманизма. Ныне главная задача гуманизма состоит в устранении того, что противоречит его принципам в общественной и государственной практике. Первоочередным здесь является искоренение сохраняющихся еще проявлений социальной несправедливости, угнетения, эксплуатации одними других — не в виде случайностей, а в виде узаконенной системы; избавление от насилия в отношениях между народами и отказ от войны как крупнейшего акта насилия. Сейчас стало ясно и то, что устранять нужно и стремление оправдывать антигуманистические действия некими «высокими» целями, как будто бы эти цели действительно могут быть достигнуты недостойными человека средствами, особенно теперь, когда человек поднялся до невиданных высот познания и морали.

Помочь в решении указанных задач и может опыт истории культурного и научного развития человечества.

О СМЫСЛЕ ИСТОРИИ

Время, в которое мы живем, исключительное. Это безусловно один из важнейших по своему историческому значению поворотных моментов всемирной истории, будущее, возможно, покажет, что даже самый важный из пережитых до сих пор человечеством. Естественно, что в такой момент мысль невольно обращается к вопросу о смысле истории: так бывало всегда во время крупных исторических поворотов.

Вспомним древность — время Полибия и Сыма Цяня. Принадлежали они двум различным мирам: один — Западу, другой — Востоку. Обстановка в этих двух частях эйкумены того времени была в своих больших исторических чертах одинакова. Полибий жил в эллинистическую эпоху, в тот момент ее, когда в средиземноморском круте земель складывалась Римская держава как объединитель и гегемон обширного мира, простиравшегося от Британских островов до среднеазиатской Бактрии, т. е. от крайней западной точки этого мира до крайней его восточной точки. Сыма Цянь жил в эпоху Ханьской империи, объединившей в своем составе отдельные царства, существовавшие до того времени на территории Китая, и ставшей гегемоном на всем пространстве от Японских островов до «Западного края», как назывался тогда в Китае район нынешнего Восточного Туркестана, т. е. от крайней восточной точки этой части до его западного рубежа. По своему социально-экономическому содержанию это был последний этап длительной и богатой поворотами истории рабовладельческого общества, как оно было представлено в этих двух районах цивилизованного мира древности.

Этот огромный важности этап, выявившийся в каскаде бурных событий, подвергших тяжкому испытанию судьбы целых народов, но вместе с тем принесший человечеству великие ценности культуры, вызвал стремление как-то осмыслить происходящее. Именно в русле такого стремления возникли труды Полибия и Сыма Цяня.

Оба историка увидели в образовании своих империй факт всемирно-исторического и притом высокоположительного значения: для них это был момент восхождения на вершину.

Замечательная попытка по-своему осмыслить ход истории наблюдалась и на пороге средневековья — в эпоху, переходную от рабовладельчества к феодализму. На Востоке такое осмысление дал тогда Нагарджуна, на Западе — Аврелий Августин.

Нагарджуна в своих взглядах, отраженных в различных его сочинениях, особенно в «Mahaprajnaparamita-sutra», исходил из положений, возведенных в «Saddharmapundarica-sutra» («Сутре Лотоса», I в. н. э.). Положения эти сложились в русле концепции Махаяны («Большого колеса»), в основе которой лежала ярко выраженная универсалистская идея. Именно эта идея позволила буддизму преодолеть

местную индийскую ограниченность и вывела его на мировой простор: сначала в прилегающие к Индии части Среднего Востока, а затем и в необъятные пространства Центральной и Восточной Азии. Это превратило буддизм — вероучение, возникшее в обстановке рабовладельческого общества, — в одну из религиозных систем, призванных служить уже новому, нарождавшемуся тогда миру — миру феодального общества.

Учение Августина, как оно выражено в его сочинении «De Civitate Dei» («О граде Божьем», 413—426), принадлежит христианству — религии, возникшей также в условиях рабовладельческого общества, но сложилась она в позднеэллинистическую эпоху и отражает тот универсализм, который составляет одну из важнейших черт умонастроений эллинистического мира.

Как Нагарджуна, так и Августин чувствовали, что наступает новая всемирно-историческая эпоха, и притом эпоха восхождения человечества на вершину. Вершина эта понималась как конечное «спасение» человечества божественной силой: Будды — у одного мыслителя, Христа — у другого. Нагарджуна и Августин мыслили категориями религии, но именно в таких категориях представляли в умах людей того времени, чувствовавших новое, наиболее общезначимые, всеохватывающие идеи. Само же представление о восхождении основывалось на смело провозглашенной тогда и буддизмом и христианством идее единства «сансары» и «нирваны», «царства земного» и «царства небесного» — мира эмпирического и мира абсолютного. Именно эта идея и позволила буддизму и христианству полностью войти в мир реальный и решительно вмешаться в самые земные дела.

В высокой степени примечательное осмысление своего исторического момента также в свете общей истории человечества мы находим в эпоху перехода от феодализма к капитализму. Понятно, что в наиболее отчетливом виде такое осмысление проявилось там, где такой переход ощущался наиболее реально, — на Западе, в Европе. На Востоке, в Азии, складывание элементов капиталистических отношений, начавшееся в некоторых странах, например в Китае, раньше, чем на Западе, шло, однако, по определенным историческим причинам гораздо медленнее и далеко не с такой, характерной для Западной Европы, остротой. Поэтому на том этапе мировой истории для нас важна прежде всего та концепция исторического процесса, которую изложил в своей «Новой науке» Джамбаттиста Вико.

Историческую концепцию Д. Вико обычно оценивают как теорию круговорота. Человеческое общество в его представлении проходит три стадии: эпоху варварства, век героев, век человечества. Век человечества — высшая точка, достигаемая на этом пути, т. е. максимальное восхождение, за которым следует падение — возвращение к новой эпохе варварства. Следует, однако, учитывать, что, по мысли Д. Вико, каждое падение низводит человечество во все большие глубины варварства, соответственно чему каждое восхождение приводит его каждый раз на новую, ранее еще не достигнутую высоту. Поэтому ход истории у Д. Вико идет не по замкнутому кругу, а по спирали, что означает не вечное повторение одного и того же, пусть и в разных формах, а в целом движение вперед. Для нас в данном случае важна, впрочем, не столько эта сторона учения, сколько отношение Д. Вико к его собственной эпохе. «Век человечества» он считал «веком города, законов, разума». Но в его представлении это и была картина его собственного времени. Следовательно, его историческая эпоха была для него началом «века челове-

чества», а это значит — эрой восхождения. Употребляемое Д. Вико выражение «век человечества» свидетельствует, что он мыслит категориями гуманистической философии, т. е. системы мышления в максимально возможной для того времени степени светской.

Стремление осмыслить свой исторический момент должно было проявиться и на следующем крутом повороте истории: в эпоху перехода от капитализма к социализму. Это и произошло, причем именно тогда и там, где такой переход обозначился наиболее явственно: в XX в., на Западе — в Европе. Выразительный документ этого осмысления — «Закат Европы» О. Шпенглера¹. Эта работа создавалась в годы, последовавшие за первой мировой войной и социалистической революцией в России. Труд О. Шпенглера хорошо известен, и нет надобности излагать концепции его автора. Следует только обратить внимание на то, что является как бы основным тоном этого произведения: оно звучит совершенно иначе, чем у всех упомянутых выше его предшественников.

Как было отмечено, и Полибий, и Сыма Цянь высоко оценивали свое время. Каковы бы ни были их взгляды на общий ход истории человечества, в своем времени они видели эру восхождения. Твердой верой в «конечное спасение» многострадального человечества, т. е. коренным оптимизмом были проникнуты воззрения Нагарджуны и Августина. Д. Вико считал, что после «века человечества» людям предстоит вновь сойти в «эпоху варварства», но это была его общая, так сказать теоретическая, платформа, практически же для своего времени у него была концепция восхождения. Иначе говоря, в пределах своей истории он мыслит оптимистически. Совершенно другое отношение к своей эпохе у новейшего представителя философии истории О. Шпенглера; оно — пессимистическое.

Вряд ли нужно особенно сложно объяснять различие исторических настроений у Полибия и Сыма Цяня, Нагарджуны и Августина, Д. Вико, с одной стороны, у О. Шпенглера — с другой. Первые мыслили в русле восходящего потока своей эпохи, второй — в русле уходящего. Концепции О. Шпенглера надлежит рассматривать скорее в плане эсхатологических настроений, столь часто овладевавших умами многих во времена острых исторических коллизий, настроений, нашедших свое отражение в ряде по-своему замечательных произведений, ярчайшим образцом которых является «Апокалипсис» Иоанна. Мы знаем, что и в наше время острота переживаемого нами исторического момента также вызывает у многих эсхатологические настроения. И понять это можно. Понять, но не разделять. Но для этого нужно еще раз «всмотреться» в историю: в путь, пройденный человечеством до сего времени.

Нечего и говорить, что наше понимание прошлого зависит от объема и уровня наших знаний. Но и то и другое всегда относительно, всегда исторично. Что можем мы сейчас, в начале второй половины XX в., сказать о нашем знании прошлой истории человечества? Только то, что оно очень велико, гораздо больше того, что люди знали даже во второй половине XIX в. Полагать, что в дальнейшем оно не будет еще полнее, можно, лишь допуская мысль о деградации человеческого рода. Мы хорошо видим, как постепенно росло наше знание прошлого, как много вносили в это знание новые открытия, как они нередко даже заставляли менять, казалось бы, прочно утвердившиеся представления. И сколько таких открытий еще будет!

¹ О. Шпенглер, *Закат Европы*, М.— Пг., 1923.

Но если даже и допустить, что в основных чертах прошлое человечества нам известно достаточно, и то новое, что еще может прийти в историческое знание, затронет лишь отдельные стороны этого прошлого или его частности,— все же и тогда наше знание исторического процесса будет по необходимости ограничено временными его рамками. Всякое осмысление человеческой истории по необходимости строится на том, что мы выводим из пережитого человечеством опыта и что на этой основе мы можем предвидеть в будущем.

Правда, опыт этот не так уж мал. Ведь если даже начинать обзорные истории с момента появления на земле первых государственных образований, а это было в IV тысячелетии до н. э., перед нами предстанет ни более ни менее как шеститысячелетняя движущаяся картина жизни человечества. За эти шесть тысячелетий не могли не проступить общие контуры пути, по которому человечество шло, не могло не раскрыться содержание этого пути, не могла не обнаружиться его направленность.

Есть, однако, еще одно обстоятельство, которое делает наше осмысление ограниченного временем материала не только более полным и отчетливым, но и могущим быть распространенным на будущее, во всяком случае ближайшее. Обстоятельство это — наш собственный исторический опыт, опыт современной эпохи.

Есть в истории человечества моменты, которые означают не только конец чего-то большого, существовавшего до этого, но и начало чего-то нового, моменты, которые бросают свет и на будущее. Моменты эти — революционные повороты.

Первый из них — крушение мира, называемого нами «древним обществом». В социально-экономическом аспекте это был в общем мир рабовладельческого строя. В свое время он как господствующая мировая система рухнул. Последними представителями его из числа наиболее крупных были: Ханьская империя в Восточной Азии, Римская — в Южной Европе, Северной Африке и Передней Азии. Первая рухнула во II—III вв. н. э., вторая — в IV—V вв. И эти события не только осветили прошлое, но и приоткрыли будущее. Крушение этих империй уже самим своим фактом показало, что на историческую арену выступают те социально-экономические отношения, которые складывались еще в пору этих империй, что именно за этими отношениями — будущее. Мы называем эти новые для того времени отношения феодальными.

Второй из крупнейших революционных поворотов истории — крушение мира, называемого нами «средневековым обществом». В социально-экономическом аспекте это был в общем мир феодального строя. В свое время он как господствующая мировая система рухнул. Из крупных стран, в которых этот поворот произошел ранее других, главными были Англия и Франция. В Англии это было в XVII в., во Франции — в XVIII в. События показали, что наступал исторический черед тех социально-экономических отношений, которые понемногу уже складывались раньше. Мы называем эти отношения капиталистическими.

Третий революционный поворот всемирно-исторического значения произошел в XX в. Он означал начало крушения капиталистического строя как господствующей мировой системы; он показал, что будущее принадлежит тем новым социально-экономическим отношениям, которые стали вырисовываться еще в условиях капиталистического общества. Мы называем эти отношения социалистическими, считая при этом, что социализм является первой фазой коммунизма.

Если обратиться к истории общественной мысли, всегда можно найти свидетельства того, что на пороге каждого из этих трех поворотов находились люди, как-то провидевшие будущее, даже рисовавшие себе его конкретные черты. Так, например, еще в эпоху феодализма, но уже на пороге капиталистической эры фактически о будущем, т. е. о капиталистическом общественном устройстве размышляли такие представители философско-исторической мысли, как Т. Гоббс и Ж.-Ж. Руссо². Нагляднейшим примером того, как выдающиеся умы своей эпохи в преддверии революционных переворотов умеют провидеть будущее, служит вся деятельность К. Маркса и Ф. Энгельса. Живя и работая в условиях капиталистического строя, но стоя уже на пороге его крушения как мировой системы, они вполне отчетливо представляли себе черты будущего, социалистического общественного строя.

Однако этот третий революционный поворот имеет иное историческое значение, чем два предыдущих. Там дело происходило в одних и тех же больших общественно-исторических рамках: в рамках классового общественного строя при антагонистическом характере отношений между классами. Дело шло, следовательно, о замене одной классово-антагонистической общественной системы другою такою же, только с другими классами-антагонистами. Социалистическая революция в корне меняет самый ход истории: она ведет не к замене одних классов другими, а к отмиранию классов и соединенного с ними общественного антагонизма вообще. Поэтому революционный поворот социалистического содержания не занимает очередного места в ряду бывших до этого, а противостоит им, вместе взятым. Если крушение рабовладельческой системы и переход к феодализму, крушение феодальной системы и переход к капитализму означали переход от одного этапа в истории человечества к другому, в рамках одной общественной системы — классового строя, то крушение капитализма и переход к социализму есть переход к новой эре: к принципиально иной общественной системе — бесклассовому обществу. Сопоставить этот поворот истории можно только с переходом человечества от доклассового общества к классовому.

Именно поэтому настоящая эпоха и создает большие, чем ранее, возможности для понимания как прошлого, так и будущего, последнего, конечно, в обозримой для нас перспективе. В сущности лишь в свете последнего революционного поворота мы отчетливо увидели в прошлом классы как социально-экономические категории; поняли существо их взаимоотношений, их столкновений: поняли наличие на самых отдаленных этапах жизни человечества бесклассового общества и смену его классовым; поняли коренное различие между доклассовым обществом далекого прошлого и бесклассовым обществом недалекого будущего.

Таким образом, имеющееся у нас знание прошлого в соединении с тем, что нам открывает наша современная эпоха по отношению как к прошлому, так и к будущему, позволяет нам осмыслить ход исторической жизни человечества и тем самым наметить философскую концепцию истории. Сделать это можно, однако, только принимая во внимание историю всего человечества, а не какой-либо группы народов или стран. Такие понятия, как «Европа», «Азия», «Африка» и т. д., — понятия географические, а не исторические. В лучшем случае они принадлежат исторической географии. Так же весьма ненадежны такие понятия, как «Восток» и «Запад». В лучшем случае они обозначают некоторые группы

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, стр. 111; т. 46, ч. I, стр. 17.

народов, но и то с различным у разных народов и притом меняющимся содержанием. Так, например, у китайцев древности и средневековья существовало свое представление о «Западе», и этим «Западом» были для них тогда те районы азиатского континента, которые впоследствии у нас получили наименования «Восточный Туркестан» и «Средняя Азия»; для китайцев новейшего времени «Запад» — Европа и Америка. Для древних римлян «Востоком» были Сирия, Палестина, Персия, Армения, Месопотамия; для их потомков — итальянцев средневековья — «Восток» начинался с Византии; для современного же итальянца, как вообще для жителей стран Западной Европы, «Восток» — это Чехословакия, Польша, Румыния, не говоря уже об СССР. Поэтому строить концепцию исторического процесса на материале, ограниченном рамками Европы или Азии, Запада или Востока, невозможно. Материалом может быть только история всего человечества, которое именно в целом и является подлинным субъектом истории.

В этом прежде всего убеждает нас известный нам исторический процесс. Достаточно уже того, что два из трех перечисленных выше революционных поворотов всемирно-исторического значения — поворот от рабовладения к феодализму и от капитализма к социализму — начались на близком по времени промежутке друг от друга в разных концах мира: первый — в Ханьской империи на Востоке евразийского континента и в Римской империи — на Западе; второй — в России, т. е. в Европе, и в Китае, т. е. в Азии. Даже образование мировой системы капитализма началось в XVI в. на одном конце мира — в Нидерландах, закончилось же в XIX в. на другом конце — в Японии. Следует вспомнить и о том, что наиболее мощные выступления крестьян в их борьбе с феодальным гнетом, начавшиеся в 20-х годах XVI в. Великой крестьянской войной в Германии, в дальнейшем, в первой половине XVII в., прошли почти по всему миру — от Франции до Японии: в 20—40-х годах XVII в. во Франции (кульминация — восстание босоногих, 1639 г.), в первом десятилетии XVII в. в России (кульминация — восстание Болотникова, 1606—1607 гг.), в 90-х годах XVI — начале XVII в. в Османской Турции (восстание Кара Языджи, 1595—1603 гг.), в XVII в. в Персии (восстание Абиль-паши, 1629 г.), в 20—40-х годах XVII в. в Китае (кульминация — восстание Ли Цзы-чэна, 1639—1645 гг.), в 20—30-х годах XVII в. в Японии (восстание в Симабара, 1637—1638 гг.). При этом по масштабу, по значению Великая крестьянская война в Китае стоит рядом с Великой крестьянской войной в Германии. И это не случайно: Китай в XVI—XVII вв. отнюдь не был страной, стоявшей по уровню своего исторического развития ниже Германии XVI в. Общее же историческое значение этих восстаний раскрывается именно при полном изучении всего этого процесса: только тогда и выступает исторический облик этих восстаний как своеобразного крестьянского «пролога» будущей буржуазной революции, только тогда становится полностью понятным, почему после всех этих народных движений во всех странах, где они происходили, сложился при всех местных особенностях в общем одинаковый по своей природе политический порядок — тот порядок, который называют феодальным абсолютизмом. Можно ли понять все это, оставаясь в рамках истории какой-либо одной страны?

Для обоснования положения, что лишь всемирно-исторический аспект открывает природу исторических явлений во всей ее полноте и значении, можно привести множество фактов, и притом из самых различных отраслей деятельности человека. Так, например, в XIV в. в Италии началось

движение, впоследствии получившее наименование «Возрождения». Наименование это появилось потому, что люди той эпохи считали возникшие тогда в философии, литературе и искусстве новые явления возрождением философии, литературы и искусства, существовавших когда-то в европейской античности — в древней Греции и древнем Риме. Движение это нам хорошо известно, но будет ли полным понимание его исторического смысла без учета того, что совершенно так же возрождением своей античности считали китайцы VIII в. те новые явления в философии и литературе, которые тогда начали возникать и которые определили всю эпоху? Китайцы, правда, говорили не о «возрождении древности», а о «возвращении к древности», но это одно и то же: и само движение по своему содержанию в существенных чертах совпадает с тем, что мы наблюдаем в XIV—XV вв. в Италии. А это заставляет ставить вопрос об эпохе Возрождения как о явлении, которое закономерно возникает на определенном этапе истории средневекового общества у народов с большой предшествующей историей, имевших в прошлом свою античность.

Далеко за пределы одного какого-нибудь народа выходит и история любой отрасли человеческого знания. Достаточно вспомнить хотя бы, что само название таких отраслей математики, как арифметика, алгебра, говорит о самом серьезном участии арабов в сложении этих дисциплин; и в то же время известно, сколь многим сами арабы обязаны в этой области древним эллинам и индийцам.

История логики открывает нам три линии развития этой области теоретического знания: индийскую, китайскую и европейскую. Первая *Netu-vidya* восходит к Акшападе, вторая — к Мо-цзы, третья — к Аристотелю. Столь привычные для нас и, казалось бы, такие «европейские» понятия, как «гласные» и «согласные», согласные «губные», «язычные», «зубные» и т. д., были хорошо известны китайцам еще в VIII в., а узнали они об этих вещах от индийцев. Фактов, свидетельствующих что история человечества есть история именно всего человечества, а не отдельных изолированных народов и стран, что понять исторический процесс можно, только обращаясь к истории человечества, — таких фактов можно привести сколько угодно и во всех областях. Вся история полна ими.

Это, однако, ни в коей мере не устраняет существования собственной истории отдельных народов. Каждый народ, большой или малый по своей численности, имеет свою индивидуальную историю, всегда обладающую своими оригинальными, неповторимыми чертами. Можно сказать даже, что история человечества проявляется именно в истории отдельных народов, через их историю. История человечества не какой-то безликий процесс; она очень конкретна и складывается из деятельности отдельных народов, имеющих каждый свое собственное лицо. Но в то же время как часто смысл исторических событий, составляющих, казалось бы, принадлежность только истории одного народа, в полной мере открывается лишь через общую историю человечества! Нидерландская революция XVI в. освещается данными истории Нидерландов и, если ограничиваться этим, оказывается эпизодом истории этой небольшой страны. Но стоит только учесть, что Нидерланды тогда входили в состав мировой испанской державы, вспомнить, какую роль играли они в этой державе как ее финансовый, торговый и даже промышленный центр; стоит только принять во внимание, что вслед за этой революцией развернулась голландская колониальная экспансия, охватившая и южную часть

Африки, и некоторые пункты Индии, Индонезию, экспансия, дошедшая до противоположного конца мира того времени — до Японии; стоит только должным образом оценить появление голландской Ост-Индской компании как первого орудия нового, капиталистического колониализма, сменившего старый, феодальный испано-португальский колониализм; стоит только учесть все это — и революция в Нидерландах сразу же предстает как событие всемирно-исторического значения. И, может быть, это побудит историков задуматься над вопросом: не следует ли возводить начало капиталистического этапа в истории человечества именно к нидерландской революции?

Другой пример. Русская революция 1905 г. — прежде всего принадлежность истории русского народа. Ее происхождение, ее содержание, форма, наконец, ее судьба мотивируются всем ходом этой истории. Но стоит только вспомнить, что вслед за этой революцией следовало то огромное по масштабу и значению движение, которое В. И. Ленин назвал «пробуждением Азии», как это событие сразу выходит за рамки истории России. Тем самым с гораздо большей полнотой раскрывается и историческое существо этой революции.

При всякой попытке осмыслить исторический процесс неизбежно встает вопрос: имеет ли этот процесс вообще какой-либо смысл, имеет ли он хотя бы какую-то направленность? В зависимости от ответа возникают две концепции философии истории: смысла никакого нет, есть только бесконечное повторение одного и того же; смысл есть, и история есть непрерывное поступательное движение. Наиболее яркое выражение первой концепции — теория круговорота, второй — теория прогресса.

И та и другая теории всегда подвергались критике. Критиковать теорию круговорота нетрудно. Можно всегда привести любое количество фактов, свидетельствующих, что ни одна новая эпоха не повторяет какую-либо из прошлых, даже когда получаются явления, как будто бы, очень сходные. Вряд ли кто-нибудь станет утверждать, что демократия европейских стран XIX в. — то же, что демократия древних Афин; что *Führerprinzip* XX в. в обстановке тоталитарного режима — то же, что римский принципат; что «Федра» Расина есть просто измененное и переработанное издание «Ипполита» Еврипида; что «Моисей» Микеланджело в общем то же, что и «Зевс» Фидия. Действительно, рисунок Матисса до удивительности похож на натюрморт с апельсинами, хризантемой и кувшином Шэнь Чжоу, и в то же время это вещи совершенно разные: китайский художник XV в. приемом сведения предметов к плоским декоративным формам хотел несколькими ударами кисти передать самую сущность предмета — в духе эстетического учения чаньского (дзэнского) буддизма; французский же художник XX в. **этим** приемом думал решить проблему уравновешения формы и цвета — проблему абстрактную и целиком принадлежащую западноевропейскому искусству постимпрессионистской поры.

Всегда подвергалась критике и теория прогресса. Главным аргументом этой критики было указание на догматичность самого понятия прогресса, на неясность или во всяком случае спорность того, что считать прогрессивным, на зависимость понимания прогресса от различных точек зрения; приводились факты, свидетельствующие: то, что считалось прогрессивным, по исторической проверке оказывалось вовсе не таким. Критика теории прогресса с этих позиций очень серьезна, так как действительно в вопросе о том, что считать прогрессивным, очень часто исходят из какой-либо предпосылки абстрактно-догматического порядка. Нам ка-

жется, что надежный путь решения этого вопроса, основного в осмыслении истории, обращение к самой истории — непредубежденный анализ развернувшейся перед нами шеститысячелетней движущейся панорамы истории человечества.

Мы говорим о шеститысячелетней истории потому, что доступная нашему наблюдению, зафиксированная письменными памятниками историческая жизнь началась в IV тысячелетии до н. э., когда в двух районах Старого Света — в долине Нила и в бассейне Тигра и Евфрата — сложились первые государства. Это не означает, что из истории исключается вся предшествующая жизнь человечества, но мы знаем о ней только по данным исторической антропологии и археологии, и об истории в точном смысле этого слова для той поры говорить нельзя. Но из этого никак не следует, что эта очень длительная эпоха существования человеческого рода не имеет исторического значения. Она имеет такое значение, и притом огромное.

В самом деле, появление государств есть факт, возможный только при наличии длительного предшествующего прогресса в общественном развитии и борьбе. В этом развитии имело место самое главное: приход человека к созданию общественных форм. Ф. Энгельс проникновенно сказал, что за это предшествующее истории время произошло самое существенное, что определило весь дальнейший ход человеческого развития: человек стал человеком. Эта эпоха «имеет своим исходным пунктом выделение человека из животного царства, а своим содержанием — преодоление таких трудностей, которые никогда уже не встретятся будущим ассоциированным людям»³. Таким образом, даже эта доисторическая эпоха и та свидетельствует, что развитие человечества с самого начала имеет поступательный характер.

К исторической жизни первых двух центров — египетского и шумерского — постепенно стали приобщаться прилегающие районы. Дальнейшее движение истории открывает нам процесс неуклонного расширения географической и этнической арены исторической жизни: в нее включаются все новые и новые народы и страны. Это наглядно видно при самом беглом обзоре прошедшей жизни человечества.

Движение истории от одного центра, Египта, пошло на юг, в сторону Эфиопского нагорья, и на восток, в сторону Аравийского полуострова, главным образом ближайшей его части, получившей впоследствии название Палестины, и далее — в присредиземноморские части Передней Азии, в район современных Сирии и Ливана, через них же — в глубь Передней Азии, в сторону Двуречья. От другого центра, Двуречья, движение пошло также по двум направлениям: в сторону Малой Азии, Сирии, Ливана и Палестины и в сторону Закавказья и Ирана. Так в середине III тысячелетия до н. э. в историю вошла обширная территория, охватывающая Египет, часть Эфиопии, Палестину, Сирию, восточную часть Малой Азии, юго-западную часть Закавказья, некоторые районы Западного Ирана и Двуречье. В дальнейшем продолжалось расширение указанной территории в тех же направлениях и наряду с этим происходило включение в общую историческую жизнь нового большого района — Эгеиды, т. е. средиземноморской полосы Малой Азии, островов Эгейского моря, острова Крита и южной части Балканского полуострова. Так к середине II тысячелетия до н. э. образовался большой район историче-

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 118.

ской жизни, раскинувшийся на соприкасающихся частях трех материков Старого Света и прилегающих к ним территорий.

В том же, II тысячелетии до н. э. образовались еще два района, связанные в своей исторической жизни: один — в Индии, в бассейне Инда и Ганга, другой — на территории современного Китая, в бассейне Хуанхэ. В долинах Инда и Ганга в III тысячелетии до н. э. появились первые китайские государства; в бассейне Хуанхэ — Иньское царство, первое китайское государство, доступное историческому изучению. Таковы были три первых географических центра исторической жизни человечества, три первоначальных очага культуры.

Исторический процесс в дальнейшем пошел там же двойным путем: происходило расширение каждого из трех прежних исторических кругов и вместе с тем возникали новые. Евро-афро-азиатский круг земель расширялся в сторону Ирана, Закавказья и Малой Азии. С конца II тысячелетия здесь прошла история Ассирии, Ново-Вавилонского царства с центром в Двуречье; Мидии и Персии с центром в Иране; царства Урарту в Армянском нагорье; Хеттской державы, Фригии и Лидии в Малой Азии; Тира, Сидона и других финикийских городов-государств в южной части Средиземноморского побережья; Сирии, Израиля и Иудеи в Палестине; Минейского и Сабейского царств в Южной Аравии. В VII—VI вв. до н. э. в стороне от этой территории возник новый район исторической жизни — среднеазиатский (Хорезм и Бактрия). Этому району суждено было в дальнейшем служить звеном, связующим три старых центра исторической жизни — евро-афро-азиатский, индийский и китайский.

Евро-афро-азиатский район расширялся и в сторону Западного Средиземноморья. Экспансия в этом направлении выражалась в финикийской, а затем и греческой колонизации. Финикийская колонизация захватила сначала североафриканское побережье, главным образом район современного Туниса, где в 814 г. до н. э. был основан Карфаген. Тем самым возник новый финикийский центр — Карфагенское государство, ставшее крупнейшей для того времени колониальной державой: колонии Карфагена появились в Сицилии, Сардинии, на Балеарских островах, в Испании. Это привело к образованию нового исторического района, которому и выпала задача связать страны Восточного Средиземноморья со странами Западного. Орудием такой связи служило торговое мореплавание, получившее у финикийцев огромное развитие. Финикийцы не только охватили своим мореплаванием Восточное и Западное Средиземноморье, но и произвели смелую разведку в неведомые тогда места земного шара. В VII в. до н. э. они совершили первое в истории человечества плавание вокруг Африки, отправившись с Востока — из Красного моря, вернувшись же через Гибралтарский пролив, который от них и получил свое первое наименование: Мелькартовы столбы. Финикийцы первыми добрались и до Британских островов.

Греческая колонизация шла по нескольким направлениям. Одним из них было западное: греческие колонии возникли в Южной Италии и Сицилии; другим — северо-восточное: началась греческая колонизация Северного Причерноморья. Вместе с тем развивалась и прежняя территория эллинского мира: в первой половине I тысячелетия до н. э. наблюдался расцвет греческих городов в Ионии, т. е. прибрежной части Малой Азии; расширялась эллинская территория на Балканском полуострове — в сторону средней его части. Входили в историческую жизнь и другие районы полуострова: в V в. до н. э. в его северо-восточной

части возникло Фракийское царство, в IV в. на адриатическом побережье — Иллирийское. Там же, севернее собственно Эллады, появляется и Македонское царство.

Вместе с тем постепенно формируется и новый центр исторической активности — на Апеннинском полуострове. Сначала ведущей силой в этом районе были этруски, создавшие в VIII—VI вв. до н. э. союз своих городов. Затем главная роль перешла к латинянам, основавшим в Лациуме в 753 г. Рим и в V—IV вв. до н. э. образовавшим сильное государство, вошедшее в историю под названием Римской республики.

Неуклонно шло расширение и второго старого центра исторической жизни — индийского. Сначала оно захватывало все новые области в бассейне Ганга и Джамны: в начале VI в. до н. э. в этой части Индостана насчитывалось, по преданию, 16 государств. В дальнейшем исторический процесс стал распространяться и на центральную часть Индии — к югу от Ганга. В IV в. до н. э. в Северо-Восточной и Центральной Индии усиливается одно из старых индийских царств — Магадха. Расширение исторической территории продолжалось и далее. Империя Мауриев, заменившая Магадху в III в. до н. э., владела почти всей площадью полуострова, за исключением его южной части. В III в. до н. э. в историческую жизнь стала вступать и Южная Индия.

Такое расширение двух старых центров мировой истории приводит их к соприкосновению друг с другом, и дальнейшая историческая жизнь в них протекает уже в условиях общения. Это особенно относится к Северо-Западной Индии, которая превращается одновременно в северо-западный форпост индийского мира и в юго-восточный форпост переднеазиатского. Это нашло свое выражение даже во вхождении этой части Индии на некоторое время в состав переднеазиатских государств — ахеменидской Персии и в дальнейшем державы Александра Македонского. Связывается историческая жизнь Северо-Западной Индии и со среднеазиатским центром. В эпоху Купанского царства эти два района даже объединяются в составе одного государства.

Шло расширение и третьего старого центра мировой истории — китайского. В течение I тысячелетия до н. э. в общую историческую жизнь в этой части мира вступили области не только бассейна Хуанхэ, но и бассейна второй великой реки Китая — Янцзы. Продвигалась историческая территория и на северо-восток — в сторону позднейшей Маньчжурии, и на северо-запад — будущей Монголии, и на запад — в сторону современной провинции Сычуань, и на юго-восток — будущего Вьетнама. В III в. до н. э. вся эта обширная территория вошла в состав образовавшейся тогда империи Цинь — первого государства общеазиатского масштаба.

Рядом с этим третьим, все расширявшимся, старым центром мировой истории к западу от него, в Центральной Азии, возникает новый очаг исторической активности. Главными деятелями его были гунны. В III в. до н. э. ими был создан обширный племенной союз, часто именуемый историками Гуннской державой. Она раскинулась на огромной территории от Забайкалья на севере до Тибета на юге, от Восточного Туркестана на западе до среднего течения Хуанхэ на востоке. Этому новому центру предстояло сыграть роль звена, связующего восточноазиатский центр мировой истории со среднеазиатским.

Так к концу I тысячелетия до н. э. образовалась обширнейшая территория исторической активности народов, в той или иной мере связанных друг с другом. Она имела уже не три центра, как в начальную

пору мировой истории, а по меньшей мере семь. К трем старым, евроафро-азиатскому, индийскому и китайскому, добавились североафриканский — карфагенский, южноевропейский — латинский, среднеазиатский и центральноазиатский. Исторической жизнью были охвачены: основная часть Восточной Азии, значительная часть Центральной Азии, многие районы Средней Азии, Иран, Индия, большая часть Закавказья, Передняя Азия, долина Нила, отдельные районы средиземноморского побережья Африки, островной мир Эгейского моря, Балканский полуостров, Северное Причерноморье, Апеннинский полуостров, Сицилия, Испания и некоторые районы Южной Франции. Расширение этой территории неуклонно продолжалось и далее как путем развития прежних исторических районов, так и путем возникновения новых. Рост Римской державы привел к включению в историческую жизнь во II в. до н. э. новой части североафриканского побережья — Нумидии, в I в. до н. э. — Испании, несколько позднее — Галлии и даже Британии. Это была западная периферия старого евроафро-азиатского круга земель.

Развивалась историческая жизнь и в северной периферии центральной части этого круга — в Северном Причерноморье. Здесь в IV—II вв. до н. э. существовало Скифское царство с центром в Крыму: по обеим сторонам Босфора Киммерийского, т. е. Керченского пролива, в те же века раскинулось Боспорское царство. Прочно входили в историю земли Кавказа и Закавказья — Колхида, Иберия, Албания. На восточной стороне старого евроафро-азиатского круга подобного расширения произойти не могло, так как тут он уже давно подошел к своим историческим рубежам — к индийским границам. Зато крепили и развивались связи между двумя соседними районами. Насколько велико было значение этих связей, показывает факт превращения с IV в. до н. э. всего этого огромного мира, состоявшего из Северо-Западной Индии, Ирана, Средней Азии в составе Бактрии и Согдианы, Малой Азии, Сирии, Египта, островов Эгейского моря и Балканского полуострова с Грецией и Македонией, в один культурно-исторический комплекс, получивший наименование «эллинистического мира». Влияние этого мира распространялось и на страны Западного Средиземноморья, особенно Италию; вполне ощутимые, но еще недостаточно раскрытые веяния его дошли и до стран Восточной Азии — Китая, Кореи и даже Японии.

Шло расширение и индийского круга земель. Оно направлялось на юг и на восток. На юге в орбиту этого круга с V в. до н. э. входит Цейлон, заселяемый выходцами из Индостана; в III в. до н. э. возникают первые цейлонские государства. Индийская иммиграция непрерывным потоком шла и в островной мир Индонезии, тем самым содействуя сближению индонезийского круга земель с индийским. Ядро индонезийского круга тогда составляла территория, состоящая из прилегающих друг к другу частей Малаккского полуострова, Восточной Суматры и Западной Явы. В первые же века нашей эры на этой территории сложились первые индонезийские государства, в значительной степени инданизированные.

Расширялся и сам индонезийский круг земель, причем не только путем включения в историческую жизнь восточных областей Индонезии, но и путем колонизации далекого Мадагаскара: заселение этого острова выходцами из Индонезии, смешавшимися с местным населением, привело к образованию мальгашской народности, этнически близкой к индонезийцам. Сближение индийского круга земель с индонезийским привело к далеко идущим последствиям: благодаря давним связям Индии с Ираном

и Передней Азией с ее эллинизированной культурой индонезийский круг земель соприкоснулся с евро-афро-азиатским. Морской путь из Индии до гаваней индонезийского круга земель был известен и грекам.

Расширялся и третий, старый исторический круг земель — китайский. В конце II тысячелетия до н. э. в его орбиту входили Южная Маньчжурия и прилегающие к ней части Северной Кореи. С I в. до н. э. на территории полуострова образуются три крупных племенных союза: в северной части — Когурё, в юго-западной — Пэкче, в юго-восточной — Силла. Все эти земли при всей самостоятельности своего исторического развития вошли в состав китайского круга земель. С I в. до н. э. с этим кругом начинает соприкасаться и Япония. В III в. до н. э. на юге современного Китая сложилось государство Намвьет, в которое входила и северо-восточная часть Индокитая. Во II в. до н. э. это царство подпадает под власть китайской империи Хань, и с этого времени устанавливается прочная связь этого района Индокитая с Китаем. Но рядом развивается историческая жизнь и прочих районов полуострова, заселенных различными племенами, среди которых преобладали племена тибето-бирманской группы и мон-кхмерские. В IV—I вв. до н. э. они создают свои государства.

Индокитайский полуостров был также ареной индийской иммиграции, которая привела к тем же последствиям, что и в Индонезии, — к «индианизированию» многих частей полуострова. С северо-востока же проникало влияние Китая, что приводило к «китаизированию» некоторых областей.

Наименование «Индокитай», данное этому полуострову, вполне оправдано не только географией, но и историей.

Таким образом, в I в. н. э. за пределами «обжитого» историей круга земель, заселенных народами, так или иначе связанными друг с другом в своей исторической жизни, оставалось обширное пространство от берегов Северного и Балтийского морей на крайнем Западе до Охотского и Японского морей на крайнем Востоке; северную границу этого пространства составляло побережье Северного Ледовитого океана на всем его протяжении вдоль Европы и Азии; южную границу — территории, прилегающие с севера к Рейну, Дунаю, Северному Причерноморью, Кавказу — в Европе, к Средней Азии, Восточному Туркестану, пустыне Гоби и Саянскому хребту — в Азии. Своей собственной жизнью, обособленной от указанного круга земель, жила континентальная Африка — от Египта и Эфиопии на восточном конце и далее к югу от областей, прилегающих к Средиземному морю, вплоть до Атлантического побережья на западном конце. Были также «белые пятна» и внутри исторического круга земель. Наиболее значительным из них был район нынешних Тибета, гималайских государств и Юго-Западного Китая. Оставалась пока вне общей исторической жизни и восточная часть островного мира Индонезии. Далее простирались Австралия, Новая Зеландия, Океания — места, ни в какое соприкосновение с исторической жизнью прочего мира еще не вступившие. В полном отрыве от указанных стран Старого Света протекала жизнь Западного полушария — обеих Америк. Известная нам и, по-видимому, действительная история в них возникает сравнительно поздно.

Дальнейший ход пространственного развития истории нам хорошо известен. Наиболее существенным в нем было вхождение в общую историческую жизнь новых районов Европы: северных частей Западной и всей Восточной. Так, с возникновением в V в. н. э. Франкского королев-

ства в общую историю вошла западная часть северной половины Европы; с образованием в IX в. Германии — центральная часть; с возвышением в VIII в. Датского королевства — скандинавский район Европы; с образованием в VI—VIII вв. союзов полабских славян в общую историческую жизнь активно вступила обширная территория бассейна рек Лабы (Эльбы), Одра (Одера) и Вислы; в VI—VII вв. появились государственные образования на землях Чехии, Моравии, Словении; в VII—IX вв. в общую историческую жизнь вошла Польша, а с появлением древнерусского государства — и эта часть Восточной Европы.

Шло расширение территории общей исторической жизни и в направлении азиатской части евразийского континента. Оно шло с двух сторон: со стороны указанного выше восточноазиатского круга земель и значительно позднее — со стороны Восточной Европы. На обширной территории, от Хинганского хребта до гор Тяньшаня, в конце IV—начале V в. образовался племенной союз жужаней. На границе со старым среднеазиатским кругом земель в районе Алтая и Семиречья в VI в. образовался союз тюркских племен, обычно именуемый историками Тюркским каганатом. Этот союз включил в состав своих владений земли жужаней, часть Центральной Азии и даже некоторые районы Северо-Восточной Азии — вплоть до побережья Желтого моря. В другом направлении тюрки распространяли свои владения и в Средней Азии, вторглись в междуречье Сырдарьи и Амударьи. Их набеги доходили до областей к юго-востоку от Каспийского моря. Тем самым новая историческая территория вошла в соприкосновение со среднеазиатским и восточноазиатским кругом земель, а также со связующей эти два круга полосой, тянувшейся от Ирана и Средней Азии через Восточный Туркестан и некоторые части Центральной Азии до западных границ Китая. Позднее стал включаться в общую историю и район Маньчжурии. В VIII в. на этой территории возникло Бохайское царство, образованное различными племенами маньчжуро-тунгусского этнического корня. Это царство, в свою очередь, сыграло крупную роль в расширении связей между Китаем, с одной стороны, Кореей и Японией — с другой.

Образование в начале XIII в. Монгольской державы превратило на некоторое время все пространство от берегов Японского, Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей до Средней Азии и Ирана включительно и далее через Восточную Европу до самых Карпат в район связанной исторической жизни.

Позднее исторические связи стали расширяться в Азии и со стороны Восточной Европы. В конце XIV в. Ногайская Орда, сформировавшаяся в Поволжье, распространила свои владения до Иртыша, а в XV в. на территории между Тоболом, Турой, Иртышом и Обью возникло Сибирское ханство, что и привело к включению в общую историческую жизнь Западной Сибири.

Исчезло «белое пятно» истории и между Центральной Азией и Индией. В VII в. возникает Тибетское государство, расширявшееся как в сторону Западного Китая, так и в сторону Средней Азии. Входит в историческую жизнь Непал. В связи с этим к двум старым путям из восточноазиатского круга земель, одному — через Восточный Туркестан и Среднюю Азию, другому — через Бирму и Ассам, добавился третий — через Тибет и Непал. В VIII в. возникло государство в юго-западной части современного Китая, прилегавшее с одной стороны к Тибету, с другой — к Вьетнаму. В китайской историографии оно известно под названием Наньчао.

Со времени вступления на историческую арену арабов и последовавшей за этим арабской экспансией с VIII—IX вв. начинается историческая завеса и с континентальной Африки. Арабские торговцы проникают и в эту часть Старого Света, арабские географы дают первые сведения о странах и народах, обитавших там. В странах Восточного Судана, по среднему течению Нила, историческая жизнь начала протекать еще в древности — во времена Египта, но она была изолирована от жизни других стран; связи Судана с прочим миром стали устанавливаться благодаря арабам, проникшим не только в Восточный, но и в Западный Судан, где возникли такие государства, как Гана, Сонгаи, Мали. Входит в соприкосновение с жизнью арабских стран и восточное побережье Африки — от Сомалийского полуострова до Мозамбика; на этом побережье возникают арабские города, как, например, Малинди, откуда шли морские трассы в Аден и другие пункты Южной Аравии, а оттуда в Красное море, в Ормуз и другие гавани Персидского залива и Аравийского моря, наконец, в Каликут и другие пункты западного побережья Индостана. О том, насколько хорошо освоены были арабами эти морские пути, свидетельствует путешествие Васко да Гамы: обогнув оставшиеся тогда еще не известными части побережья Юго-Восточной Африки, Васко да Гама дошел до Малинди и очутился в обстановке культурного мира, где путешествие из Малинди в Каликут не было чем-то необычным. Строго говоря, не Васко да Гама добрался до Индии, а его привел туда араб-лоцман Ахмед ибн Маджид. В дальнейшем исторические связи народов континентальной Африки с народами других стран происходили в обстановке колониальных захватов западноевропейских государств, т. е. развивались в форме, задерживавшей собственное историческое развитие африканских народов. Положение стало изменяться только с середины XX в., когда обнаружился распад колониальной системы.

До начала испанских колониальных завоеваний так же изолированно от исторической жизни Старого Света проходила история народов Америки. Историческая жизнь там развивалась главным образом на территории Мексики и Перу. Насколько нам известно, первой народностью на территории Мексики, образовавшей государство, были майи. Сведения об их истории начинаются с IV в. История Перу была историей инков. Образование племенного союза относится к XIII в.

Обрисованная картина наглядно свидетельствует, что исторический процесс имеет географическую направленность: с самого первого момента, который мы в состоянии установить, идет распространение исторической жизни на все расширяющееся пространство, пока наконец в общую историю не входят все части земного шара, где возможна человеческая жизнь. Столь же несомненно расширение масштаба и в этническом аспекте: на арену истории вступают все новые и новые части человечества. Видны и формы, в которых это происходило: в одних случаях к старым районам истории добавлялись новые, заселенные народами, до этого еще не входившими в орбиту общей исторической жизни; в других случаях новые народы выходили из мест своего исконного расселения и вторгались в жизнь старых районов истории. Примером присоединения к исторической жизни своих соседей может служить хотя бы история народов Японии, Кореи, латинян в Италии, кельтов в Галлии и т. д. Примером передвижения или продвижений может служить начавшееся в конце III тысячелетия до н. э. заселение Микенской области, т. е. части одного из старых исторических районов, греческими племенами; в начале II тысячелетия — заселение Сирии, Финикии, Вавилона и Северной

Месопотамии арамеями; заселение в VIII в. до н. э. Закавказья и Малой Азии киммерийцами; начавшееся в IV в. н. э. заселение северо-восточных, северных и северо-западных областей нынешнего Китая сяньбийцами, гуннами, киданями, чжурчжэнями; начавшееся в том же, IV в. продвижение в сторону Балкан и далее, в южную половину Центральной и Западной Европы, готов, сарматов, славян; начавшееся в VI в. н. э. продвижение тюрков из района Алтая в Среднюю Азию, в степи между Аральским и Каспийским морями и далее — в степи Восточной Европы; начавшееся в XI в. передвижение их из Средней Азии в Иран, Ирак и Переднюю Азию с захватом Азербайджана и Армении; с XIV в. продвижение их на Балканский полуостров; начавшееся в VII в. н. э. продвижение арабов в Палестину, Сирию, Иран, Среднюю Азию — в одном направлении, в Египет и далее, в страны средиземноморского побережья Африки, а оттуда в Испанию — в другом направлении, в Восточную Африку — в третьем; с конца XV в. начинается заселение испанцами Вест-Индии, а затем — Центральной и Южной Америки; с XVII в. происходит заселение англосаксами, голландцами и французами Северной Америки. Все это — различные передвижения или продвижения народов, происходившие в разное время, вызванные разными причинами, имевшие разное историческое содержание, и приводили они также к разным результатам. Нередко заселение новых земель сопровождалось подчинением своей власти, а иногда полным или значительным истреблением их прежних обитателей. Так, если брать примеры из одного только нового времени, испанцы полностью истребили коренное население островов Карибского моря, голландцы — значительную часть бушменов и готтентотов Южной Африки; почти полностью исчезло население Тасмании, исчезла значительная часть населения Австралии, индейцев Северной Америки.

Многие из передвижений народов имели как бы цепной характер, т. е. движение одного народа приводило в движение и другой народ. Так, например, передвижение киммерийцев в Малую Азию было вызвано натиском скифов, которые вынудили киммерийцев уйти из мест их первоначального расселения; сами же скифы передвинулись в земли киммерийцев под натиском массагетов. Движение гуннов, начавшееся в I в. до н. э. у стен Китая и закончившееся в V в. н. э. в центре Европы, сдвинуло с места целую массу племен центральноазиатских, среднеазиатских, а за ними и племена Юго-Восточной Европы. Монголы в своем движении из Центральной Азии на восток и запад тянули за собой целый конгломерат племен и народностей.

В таких великих передвижениях одни племена и народности исчезали, другие, наоборот, крепили; происходило слияние племен, приводившее либо к некоторому изменению этнического облика более устойчивого компонента, либо к образованию нового этнического типа. Так, например, растворились в массе китайского населения перешедшие на его земли гунны, сяньбийцы, кидане, чжурчжэни, но вместе с тем они повлияли на создание антропологического типа современного китайца. Переселение германских племен из Восточной Европы в Центральную и Западную привело к смешению пришельцев с прежним населением и послужило основой образования западноевропейских народностей нового времени: англичан, французов, испанцев, итальянцев, немцев.

Так в ходе развивавшегося исторического процесса постепенно заселялись и осваивались пригодные для человеческой жизни земли нашей планеты, пока, наконец, не стала заселенной и освоенной она вся, ра-

зумеется, в возможных для жизни человека частях. В сложнейшем процессе соприкосновения одних частей человечества с другими формировались этнически устойчивые племенные группы; на этой основе развивались народности, перераставшие в дальнейшем в нации; складывались языковые группы, а в их рамках — отдельные языки; менялась общественная значимость языков: языки племенные развивались в языки народностей, языки народностей — в языки наций. Во всех этих аспектах исторический процесс не был чем-то хаотическим, а имел определенную направленность, разумеется, если рассматривать его в больших линиях.

Несомненную направленность имеет исторический процесс и в аспекте деятельности человека, прежде всего хозяйственной. Перед человеком всегда стояла и стоит задача обеспечения материальных условий своего существования на земле. Человеческая мысль еще в древности определила эти условия краткой формулой: «одежда — пища — жилище». История хозяйственной деятельности человека, а вместе с нею, как ее неотъемлемая часть, и история техники и материального производства есть создание видов «одежды — пищи — жилища», соответствующих географическим условиям, в которых человек живет, общественной обстановке, потребностям, созданным этой обстановкой, и задачам дальнейшего развития жизни. Это возможно только при использовании ресурсов, предоставляемых природой, но для такого использования необходима затрата труда, всегда требуемая во все возрастающей эффективности. Эффективность же эта определяется двумя факторами: техническим и социальным.

В аспекте технического эффективность зависит от наличия орудий труда и их качества, от степени владения силами природы. Это с полной наглядностью раскрывает исторический процесс: мы видим в нем «век камня», за которым следует «век металла», в последнем возникает «век меди», «век бронзы», «век железа», в котором человечество пребывает до сих пор. Но уже намечаются контуры «века полимеров», и будущие археологи, может быть, когда-нибудь заговорят о двух великих эрах: эре материалов естественных, т. е. создаваемых природой, и эре материалов искусственных, т. е. создаваемых человеком. Одновременно наблюдается постепенное овладение и силами природы: энергией огня, воды, пара, электричества, электромагнетизма, радиоактивности; намечается уже и овладение энергией атома, т. е. первоматерией природы, и даже энергией космоса — термоядерных реакций.

Эффективность труда зависит, однако, не только от уровня техники; она определяется и формами организации труда, а эти формы, в свою очередь, связаны с существующими общественными отношениями.

Настоящее человеческое существование возникает тогда, когда человек начинает действовать вместе с себе подобными. В таком существовании вырабатываются различные формы общественных отношений: формы, основанные на равноправном сотрудничестве людей, и формы, основанные на эксплуатации одних другими. Наиболее старой общественной формой первого типа является община. В том или ином виде, с теми или иными функциями, в различных отношениях с другими сосуществующими общественными формами, в разных положениях в структуре общества в целом община сопровождает человечество на всем его, известном до сих пор, пути — от времен первобытного коммунизма до эпохи социализма. На основе эксплуатации одних людей другими вырабатываются различные формы общественных отношений; наиболее ярко выражены из них две: одна, в которой эксплуатация осуществляется прямым насилием;

другая, где эксплуатация производится средствами экономического принуждения. И в той и в другой форме существуют всякие разновидности, определяемые тем или иным отношением эксплуатируемого к орудиям и средствам производства, а в связи с этим — различным положением его по отношению к эксплуатирующему. Таких разновидностей, обнаруживаемых в этой области истории человечества, очень много — как типовых, так и переходных. Мы видим рабство, зависимость и свободу в очень разных проявлениях и степенях. Эти состояния также сопутствовали человечеству на всем его пути, часто даже при одновременном существовании, причем такое существование наблюдалось не только в разных группах человечества, стоящих на разных уровнях общественного развития, но даже в пределах одной группы. Так, например, в XVII—XVIII вв. в Англии и Франции, передовых для того времени странах, были и феодалы почти средневекового типа, и буржуа, близкие к типу капиталиста, и самые настоящие рабовладельцы в колониальных владениях этих стран в Северной Америке.

Общественные отношения определяются состоянием материального производства и формами хозяйственной деятельности, но они сами влияют и на формы хозяйственной деятельности, и на состояние производства. Этот двусторонний процесс в своем содержании может быть гармоничным, когда состояние производительных сил и общественная форма пребывают в соответствии, и дисгармоничным, когда этого соответствия нет. Как известно, когда такое несоответствие становится особенно резким, данная общественная форма заменяется другой, в которой снова на некоторое время восстанавливается соответствие или во всяком случае несоответствие становится менее ощутимым. Если проследить исторический процесс в этом аспекте, обнаружится, что смена эта в целом идет по линии постепенного отмирания форм, сопряженных с внеэкономическим принуждением, и перехода к формам, основанным на экономическом принуждении. В текущем столетии намечаются контуры формы, вообще свободной от всякого вида принуждения, основанной на равноправном сотрудничестве всех членов общества.

В такой направленности открывается также поступательный ход исторического процесса. Несомненно, все общественные формы, в основе которых лежит эксплуатация человека человеком, сопряжены со страданиями огромного большинства человечества, но все же они, эти формы, не были созданием чьей-то злой воли. Они были созданы самой историей — теми условиями, в которых происходило освоение человеком ресурсов природы и ее сил. Низкий уровень такого освоения заставлял заменять орудия человеческой силой или рассчитывать главным образом на нее как на дополнение к имеющемуся, но малоэффективному орудию; это и приводило к превращению части человечества в живые орудия производства — в рабов. Иной оказывается обстановка, когда трудовая деятельность человека обставлена современными орудиями при владении могущественными силами природы. Тут открывается путь к совершенно иному качеству трудовой деятельности: в ней устраняется противоположность между трудом физическим и интеллектуальным; создаются условия освобождения человека от подчиненности силам природы в деле обеспечения своего материального существования. Но тот же процесс имел и другое значение: с помощью указанных общественных форм в соединении со все большим овладением силами природы человек неуклонно расширял масштабы своего производства, выводя его из сферы потребностей отдельной личности или узкой группы в сферу общественных

потребностей во все возрастающем размере — с переходом через границы государственные и национальные, а в наше время — с перспективой охвата всего человечества. В настоящее время созданы материальные предпосылки для обеспечения существования на земле любого количества людей. Необходимо только установить должное соответствие между уровнем производительных сил и общественными формами, т. е. создать такой общественный строй, который позволил бы эти предпосылки превратить в реальность. Мы видим, что в процессе исторической жизни исчезло рабство в своей исторической форме, исчезло крепостничество; мы видим, что и капиталистическая эксплуатация начинает заменяться в социализме свободным трудом гармонически ассоциированных людей. Ввиду этого указанная перспектива является вполне реальной. В свете всего этого становится особенно ясной не только направленность исторического процесса и в этой области, но и его поступательный характер.

На историческом пути человечества развивается самая интенсивная познавательная деятельность. Она сопровождает человека потому, что этого требует его физическая и общественная жизнь.

Познавательная деятельность обращена в одинаковой мере и на природу, и на общество. Тем самым она, сама вытекая из опыта и постоянно проверяемая опытом, приводит и приводит к расширению знаний о природе и обществе. Но наряду с этим с огромной силой проявилось стремление человека осмыслить внешний мир и самого себя в нем.

Осмысление это принимало различные формы. В Китае в глубокой древности бытие материальной природы и человека осознавалось как действие трех сил — «Неба, Земли, Человека». Под «Небом» разумелись такие явления, как смена дня и ночи, времен года, климат, погода, атмосферные явления; под «Землей» — почва, растительность, животный мир, минералы, металлы и т. д. «Человек» с его способностями был поставлен в ряд со всем этим. В такой форме выразилась концепция природы и человека. В древнееврейском осмыслении образовалась концепция человека — «венца творения», т. е. человека-хозяина, властелина над всем предоставленным в его распоряжение миром природы. Также в древности у многих народов образовалась третья концепция — человека, угнетенного силами природы и могущего противостоять им, а тем более властвовать над ними только с помощью какой-нибудь внешней силы. История осмысления человеком природы и своего места в ней, своего отношения к ее силам представляет сложнейшую картину развития, видоизменения и борьбы этих трех концепций, в процессе чего подыскивались их новые обоснования, рождались их новые понимания, возникали их различные сочетания. Смысл всего этого был, однако, один: все было основано на стремлении отыскать пути и средства лучшего овладения ресурсами и силами природы для удовлетворения неуклонно расширяющихся требований, обращенных к ним. Такая направленность и заложенный в ней поступательный ход исторического процесса также не подлежат сомнению.

Познавательная деятельность человека всегда была обращена и на его общественную жизнь. Так, например, в первой половине I тысячелетия до н. э. в Китае общественная жизнь осмысливалась как действие «пяти отношений»: правителей и управляемых, родителей и детей, мужа и жены, старших и младших братьев и сестер; друзей, т. е. людей посторонних друг другу. Нетрудно увидеть в этой формуле концепции того, что мы называем семьей, обществом, государством. На этой основе сложились все прочие концепции общественной жизни: общественного и личного,

принуждения и свободы, господства и подчинения, прав и обязанностей, законности и произвола, справедливости и несправедливости, общественного блага и зла, подвига и преступления и т. д. Все это понималось по-разному; особенно различно было понимание степени их значительности, даже вообще их необходимости. Началу *архэ* (власти) как символа необходимости для существования человечества какого-то организованного порядка, регулируемого общеобязательными нормами, противопоставлялось начало *анархэ* (безвластия) как символа общественного устройства, свободного от всякого принуждения. На рубеже нашей эры римлянин Овидий представлял себе такое общество, названное им «золотым веком», как время, «когда люди без всяких судей сами, по собственной воле соблюдают честность и справедливость». Как бы различно ни понимались и как бы ожесточенно ни боролись друг с другом эти концепции, само возникновение их, непрерывная и упорная работа человеческой мысли над их раскрытием, обоснованием, утверждением одной и отрицанием другой — все это наглядное доказательство поступательного хода познавательной деятельности человека в этой области.

Не менее ясно раскрывается в истории познавательная деятельность человека, направленная на самого себя. «Познай самого себя» — надпись, красовавшаяся, по преданию, над входом в Дельфийский храм, воспроизводила требование, в той или иной форме представшее перед человеком уже на ранней ступени его исторической жизни. Строго говоря, в своей исходной форме это был не вопрос, на который давался какой-то ответ, а некое внутреннее убеждение, скорее даже самоощущение. Человек сознательно или бессознательно воспринимал себя как существо разумное — во-первых, как существо общественное — во-вторых. Такое самоощущение вытекало из непосредственного опыта, из прямого наблюдения над собой и себе подобными и укреплялось по мере расширения опыта и наблюдения. Коротко говоря, человек осознавал себя так, как впоследствии определили его биологи: *homo sapiens*; и в то же время так, как охарактеризовал его Аристотель: *zoon politicon*.

Представление о себе как существе разумном проявлялось у человека и в его познавательной деятельности, и в его творчестве. В своем развитии оно соединялось со стремлением объяснить происхождение разума как отличительного качества человека. Объяснение это сводилось к двум концепциям: к концепции получения и к концепции приобретения. В первом случае считалось, что свой разум человек получил от существа, которое выше его и само является олицетворением и воплощением разума. Такое существо обычно выступает в образе божества. Так, например, христианство, утверждая вслед за иудаизмом, что человек создан богом по его образу и подобию, в то же время о рождении Христа говорит как о появлении «света разума». Во втором случае считалось, что человек обретал свойство разума самым фактом своего появления как особого вида существа среди всех прочих. Наиболее отчетливо такое представление проявилось в буддизме с его учением о том, что все существующее вообще, в том числе и человек, есть принявшие различные индивидуальные очертания пучки равносильных, неразрывно связанных друг с другом нитей, тянущихся в не имеющем ни начала, ни конца потоке бытия, и свойство разума всего только то, что отличает тот пучок нитей, который именуется человеком. И то и другое убеждение представлено в истории бесконечным числом всевозможных вариантов, выраженных в образах мифов, сказаний, легенд, песенной поэзии, в понятиях религии, философии, науки. Так, например, человек может получать разум от

высшего существа, может и отнять его у последнего. Такое понимание выражено, например, в образе Прометея, похищающего огонь у Зевса. Может получение разума от высшего существа пониматься и как естественный акт, основанный на близости к этому существу или даже на тождестве с ним. Такое понимание выражено, например, в иудаизме с его учением о сотворении человека по образу и подобию божества, в индийских Упанишадах, утверждающих тождество бога и человека; в другой форме оно дается в древнегреческом представлении о богах как вполне человекоподобных существах.

Концепция самостоятельности обретения человеком разума может соединяться с представлением о прирожденности этого свойства, например в философской мысли древних индусов, в учении чарваков, считающих разумность свойством самого физического существа человека; близко к этому пониманию одно из учений древних китайцев, отразившееся в трактате, впоследствии получившем наименование «Чжун юн». В нем находят у человека три свойства, присущих самой его природе: разумность, человечность, мужество; эти понятия очень близки к тому, что мы обозначаем словами «разум», «чувство», «воля». Концепция самостоятельности в обретении разума может соединяться и с представлением о развитии в себе этого начала в процессе жизненного опыта, труда, борьбы. Если просмотреть по этой линии историю познавательной деятельности человека, предстанет картина неуставной работы мысли, обращающейся к средствам понятийного познания, образного представления и символического выражения и создавшей огромное интеллектуальное богатство.

Познавательная деятельность человека обращалась и к самому основному вопросу: о сущности самого процесса жизни. Вопрос этот был далеко не абстрактным: он ставился самой деятельностью человека. В наиболее общей форме он сводился к следующему: идет ли все в жизни человека независимо от его воли и желаний, или человек сам определяет свой путь и свою судьбу? От судьбы отдельного человека этот вопрос переходил на жизнь и судьбу всего общества и далее — всего существующего вообще мира. Ответы на этот вопрос давались различные, но наиболее древними и в то же время наиболее типичными его вариантами были два: жизнь и судьба человека, общества и всего мира идет независимо от воли и желаний человека; жизнь и судьба человека и общества создается самими людьми. При первом ответе то, что определяет путь человека, общества и мира, могло выступать либо как некое существо, мыслимое то в образе божества, то в облике судьбы, либо как некая сила, представляемая в виде закона, действующего независимо от воли человека. При втором ответе творцом жизни и судьбы человека и общества, творцом самих общественных законов считался сам человек. Создавался и третий вариант ответа, пожалуй, наиболее распространенный: жизнь и судьба человека, общества и природы направляется некоей силой, но человек может влиять на нее — просьбой, дарами, угрозами, воздействием на нее особых сил, находящихся в распоряжении людей и подчиняющих себе даже богов; или иначе: жизнь всего существующего идет по неким законам, но законы эти создаются самой жизнью, человек же может понять их и в какой-то мере управлять их действием.

История религий, философии раскрывает сложную, пеструю картину различных оформлений этих и всяких прочих вариантов. Все же наиболее общей мыслью во всех этих взглядах является представление о двух началах, направляющих бытие. Одно из наиболее простых выражений этого представления — образы Иеговы и Сатаны, Ормузда и Аримана.

Эта концепция покоится на наблюдении в жизни полезного и вредного для человека и природы, хорошего и плохого. Другое, столь же простое выражение этой мысли, также основанное на наблюдении, — образы противоположностей: света и тьмы, тепла и холода, твердого и мягкого, старости и юности, мужчины и женщины и т. д. Такова созданная философской мыслью древних китайцев концепция двух сил — *ян* и *инь*, концепция противоположностей, созданная греческой мыслью и отраженная в учении Пифагора. У древних греков подобная концепция выразилась в символике чисел, у древних китайцев — в символике линий: одно начало символизировалось целой линией, другое — разделенной на два отрезка. В этом нашла свое выражение мысль о действии в мире сил сцепления и разделения, интеграции и дифференциации. При этом была выработана выраженная в графических символах схема движения двух этих сил: последовательно развертывающийся процесс их всевозможных комбинаций, переходов, смен. В буддизме закономерность жизненного процесса была осознана в категориях учения о карме, о причине — следствии: каждая причина вызывает свое следствие, но следствие само становится причиной.

Таким образом, к какой бы сфере познавательной деятельности человека мы ни обращались, история свидетельствует об огромной, упорной работе человеческого ума над осмыслением всего, что относится к самому человеку, к обществу, к природе. В этой работе возникали новые вопросы, изменялось содержание старых, менялось понимание их, вырабатывались различные подходы к их решению, но в целом шел сложный, противоречивый, но неуклонный процесс расширения знания, уточнения его частей, причем знание это всегда служило тем задачам, которые ставились жизнью перед каким-либо народом или человечеством в целом. Задачи эти ставились и ставятся непрерывно, они становились и становятся все сложнее, и познавательная деятельность, вобравшая в себя накопленный опыт, всегда в той или иной мере указывает средства и пути решения этих задач.

Если человек создавал и создает историю, то и история, в свою очередь, создавала и создает человека. Тот или иной общественный строй, устанавливаемый человеком, формирует и его самого. Знание вырабатывается человеком, но оно само формирует его интеллект. Поэтому в процессе своей исторической жизни — своей хозяйственной, общественной деятельности, всегда соединенной с деятельностью познавательной, — совершенствуется и сам человек, притом в обоих аспектах: как существо разумное и как существо общественное. Что назвать «совершенствованием» человека — на этот вопрос существует множество ответов. Один из самых древних, выработанный китайской мыслью, дает следующий эталон; человек познает «вещи», т. е. весь внешний мир; на основе этого познания он создает знание; знание делает его мысль тождественной истине; истинность мысли обуславливает «правильность сердца», т. е. эмоций; всем этим совершенствуется личность человека; когда же личность человека, он сам совершенен, тогда в порядке семья; когда семья в порядке, тогда надлежаще управляется государство; когда же государство надлежаще управляется, тогда в Поднебесной — мир. Эта концепция изложена в древнем трактате, получившем наименование «Да сюэ» («Большая наука»).

В той или иной форме мысль о возможности и необходимости совершенствования человека и зависимости состояния общества от того, в какой мере совершенен сам человек, неотступно следует за человеком

на всем его историческом пути. Для приведенной древней китайской концепции характерно только убеждение, что совершенствование личности начинается с познавательной деятельности, обращенной на «вещи», т. е. объективно существующий мир; иначе говоря, совершенствование начинается с действия разума, опирающегося на опыт. Не менее важно в этой концепции и убеждение, что вся деятельность человека по совершенствованию собственной личности, общественного и государственного устройства направлена к одной цели: к достижению мира в Поднебесной, т. е. на земле, где живут люди, иначе говоря, среди людей. Древние слова «на земле мир и в человецех благоволение» сложились в другое время, у другого народа и в другой системе представлений, но говорят они о том же и сказаны именно с мыслью о «свете разума». В этих и подобных выражениях — а их великое множество — запечатлена вековая мечта человека о подлинно человеческом существовании.

Исключительно ярким и притом самым непосредственным показателем интеллектуального развития человечества служит его язык. Познание осуществляется через мышление; мышление же принимает определенную, как бы «вещественную» форму только в звуковой оболочке языка. Язык, как сказал К. Маркс, «так же древен, как и сознание; язык есть практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание...»⁴. Поэтому по языку и можно судить о состоянии мышления, о его процессах, о его уровне.

В любом языке в той или иной форме мы находим наличие неких целых и частей. Языковой акт как выражение акта познания состоит в установлении связи между отдельными явлениями, осознанными в оболочке языка, или в раскрытии целого как соединения отдельных частей. В таком акте интеграции и дифференциации раскрывается содержание объективного мира, в котором все явления представляют собою, с одной стороны, некие целостности, с другой — соединения отдельных единиц. Это указывает, что мышление как функция разума определяется бытием, чем и создается возможность познания действительности.

Язык в этой своей функции раскрывает и формы такого познания. Действительность может осознаваться в языке понятий, образов и символов. Язык понятий — орудие науки, язык образов — художественной литературы, язык символов — мифа. Но так только тогда, когда мы имеем в виду, так сказать, «чистые» формы мышления понятиями, образами и символами, формы, которые на деле не существуют. Художественное словесное творчество не может обойтись без языка понятий и символов; без образа немислим миф; что же касается символа, то он присутствует не только в художественной литературе, особенно в поэзии, но и в науке, принимая в последней, разумеется, свою особую, специфическую для данной области познания форму — математического знака, химической формулы и т. д. Все это свидетельствует о большом многообразии форм мышления, о всестороннем характере осознания человеком действительности, о возможности охватить ее во всей полноте, т. е. проникая и в существо познаваемых явлений.

Язык есть и орудие общения. Как сказал К. Маркс, «подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми»⁵. В этой своей функции он выявляет

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 3, стр. 29.

⁵ Там же.

общественную природу человека. Однако под общением нельзя понимать только один внешний процесс: в общение прежде всего входит понимание. Общение посредством языка возможно только потому, что в языке присутствуют общие для всего данного коллектива категории и формы мышления; потому, что понятия, образы и символы отложились в общезначимых для данного коллектива выражениях. Язык не только орудие общения и совместной деятельности, но и материальное выражение интеллектуальной общности данного коллектива. Недаром единство языка мы считаем одним из важнейших атрибутов нации, т. е. высшей из пока достигнутых человечеством форм целостного общественного организма.

История и действительность нашего времени показывают наличие огромного числа языков, и притом очень различных. Это свидетельствует о том, какие разнообразные пути осознания человеком действительности существовали и существуют и как многочисленны и различны формы языкового выражения этого осознания. Но в то же время исторический процесс открывает нам, что эти различные языки неуклонно сближаются друг с другом.

Не следует думать, что дело здесь заключается в том, что вместо нескольких разных языков появляется один. Препятствием в языковом общении людей является не столько различие языков как таковых, сколько неодинаковость семантической структуры разных языков, т. е. различия в составе и числе понятий, образов и символов, различия в содержании их, различия в условиях и возможностях их соединений. Для общения людей, для их совместной деятельности необходимо понимание того, о чем говорит другой, на каком бы языке этот другой ни говорил, а такое понимание строится на основе одинаковости или во всяком случае близости интеллектуального уровня, в конечном счете — уровня культуры и просвещения. В эпоху эллинизма римляне и греки понимали друг друга не только потому, что очень многие из них владели обоими языками: они и легко овладевали ими потому, что эти оба народа стояли тогда на одном уровне интеллектуального развития, имели одну и ту же культуру. Корейцы и японцы средних веков понимали китайцев не только потому, что знали китайский язык, но и потому, что содержание их мышления в очень многом определялось тем же, чем оно определялось у китайцев. Единство семантической системы в языках народов Европы в эпоху Возрождения было той почвой, на которой так многосторонне и эффективно развивалось в ту эпоху международное общение.

Исторический процесс показывает, что языки отдельных частей человечества неуклонно идут к сближению именно в этом смысле при сохранении и даже развитии своих самобытных черт. Такое сближение есть отражение в языке процесса расширения и усиления связей между народами, обмена знаниями, просвещением, культурой, что, в свою очередь, обуславливается все возрастающей необходимостью международного сотрудничества. Можно сказать, что в наше время огромная часть человечества, во всяком случае его ведущая часть, обладает общим языком. Общность языка в этом случае — одинаковость семантической системы при разных формах ее выражения. Такая общность поддерживается и развивается в процессе совместной жизни и деятельности, а им в настоящее время охвачено по существу все человечество, в него вовлечены все области науки и культуры.

Масштабы этой общности привели к новым и весьма показательным для направления этого процесса явлениям. В рамках одного языка возникло то, что мы называем массовой коммуникацией, т. е. почти беспре-

дельное расширение масштаба языкового общения. Разумеется, такое расширение вызвано настоятельной необходимостью общественной жизни в ее развитии и с ее противоречиями. Необходимость же эта вызвала появление новых средств языковой коммуникации, средств, приспособленных именно для общения в масштабе масс. Средства эти — радио, телевидение, кино, сигнализация и другие формы звуковой и оптической коммуникации, широкая пресса и другие формы массовой печати.

В рамках общения на разных языках возникла совершенно новая форма коммуникации. Ее можно назвать одновременной разноязычной коммуникацией. Ее орудие — синхронный перевод. Но самая возможность такой коммуникации появилась именно потому, что люди говорят на разных языках, но об одном и том же; они могут по-разному относиться к тому, о чем говорят, но предметы, на которые направлено отношение, одни и те же, связи между предметами речи осмысляются одинаково. Общий язык человечества основан на взаимопонимании в прямом языковом смысле этого понятия, а без такого взаимопонимания невозможны и развитие и борьба, когда последняя ведется в интересах развития и имеет в виду общую для всего человечества цель. Как понимали люди уже в древности, цель эта — мир.

Язык есть орудие развития и борьбы. Эта его функция связана и с первой — познавательной, и со второй — коммуникативной; связана потому, что и познание и общение осуществляются в развитии и борьбе. Особенность же этой функции языка в том, что в ней проявляется в полной мере вся природа человека, т. е. и его эмоции. Языкознание уже давно распознало в языке наличие так называемой экспрессивной стороны, т. е. выражение отношения человека к тому, что он говорит, выражение эмоций как реакций на то, что он слышит. К средствам этой стороны языка относятся и слова, и интонации, и темп речи, и фактура голоса, и многое другое. Всем этим богатым, сложным и разнообразным арсеналом человек выражает в языке не только свою эмоцию, но и свою оценку предмета речи; эмоции же, т. е. равнодушие, и оценки, т. е. определение своего отношения к вещам, столь же необходимы для развития и борьбы в указанном смысле, как и познание.

Состояние человеческого языка и практика языковой деятельности человека в наше время с полной убедительностью показывают огромный рост и человеческой личности в целом и человеческого интеллекта в частности. История языков, рассмотренная совместно с историей знания, межчеловеческих отношений, общества со всеми его институтами, столь же убедительно свидетельствует о поступательном движении исторического процесса, как и все прочие аспекты истории человечества.

Итак, за время своего исторического существования человек неустанно осваивал отведенную ему для жизни землю, ее ресурсы; овладевал силами природы и ставил их себе на службу и тем самым мог удовлетворять растущие количественно и качественно потребности, доказав возможность для проживания на земле любого числа людей. В этом процессе он открывал законы природы и осваивал способы их использования в своих целях, создавал орудия и приемы труда, показав, таким образом, возможность непрерывного роста знаний о природе, непрерывного развития техники.

Столь же неустанно человек работал и над созданием таких общественных форм, которые были наиболее целесообразными для данного большого этапа его исторической жизни, для каждого уже достигнутого им уровня техники и материального производства, отменяя формы, пригод-

ные для уже уходящего этапа, и заменяя их новыми, пригодными для наступавшего этапа. Он находил наиболее удобные в этом смысле формы организации общественной жизни, устанавливал нормы, регулирующие отношения членов общества, уяснял присущие общественной природе человека и усложняющиеся по мере движения вперед социальные требования как общества в целом, так и отдельной личности, вырабатывал необходимые общественные институты, тем самым показав возможность неуклонного роста знаний об обществе и человеке и выработки на основе этих знаний таких общественных форм и институтов, которые обеспечивали бы условия для беспрепятственного существования людей, сколько бы их ни было на земле, в условиях сотрудничества для достижения поставленных целей.

Не менее явственным представляется поступательный ход человечества и в его соединенной со всем этим познавательной деятельности. Непрерывно расширялся круг эмпирически приобретенных знаний, захватывая при этом не только то, что человек находил на земле, но и космос. Развитие эмпирического знания сопровождалось обобщениями, т. е. знанием теоретическим, с распространением таких обобщений на все расширяющиеся области познания. Происходившее в этом процессе развитие самого человеческого интеллекта сопровождалось созданием человеком на помощь своей познавательной деятельности всевозможных орудий как в виде приборов и инструментов, так и в виде различных наук, т. е. приведенных в систему знаний в отдельных областях жизни. История показала огромные возможности и в отношении дальнейшего роста познавательной деятельности.

О непрерывном росте человека в его исторической жизни свидетельствуют также созданные им различные формы познания и вместе с тем удовлетворения многосторонних потребностей как отдельного человека с его сложной природой, так и общества в целом. Создания эти — наука, религия, философия, а также искусства, оперирующие словами, музыкальными звуками, красками, объемными формами материала. Все эти, столь же древние, как и само человечество, явления создаются человеком, но вместе с тем и сами влияют на него. Они возникают в обществе благодаря человеку и через человека, но обретают свое собственное бытие, превращаясь в факторы, воздействующие на человеческую жизнь, на жизнь общества, на каждого отдельного человека. История свидетельствует о непрерывном развитии и усложнении этих созданий человеческого гения, об изменении их форм и о все растущем их значении в общественной жизни. Всякое вновь изобретенное орудие труда создается человеком на основе его опыта и знаний, но, будучи созданным, оно само влияет на своего создателя, направляя его труд и мысль. Любая общественная форма создается человеческим обществом, но, будучи созданной, она влияет на общество, ее создавшее, во многом определяя сознание человека и пути дальнейшего хода исторической жизни. То же относится и к науке, религии, философии, литературе, искусству.

Разумеется, поступательное движение человечества по этому пути отнюдь не было равномерным и непрерывным. История знает эпохи, которые говорят о зastoе, даже об отступлении от того, что достигнуто, знает также и эпохи особенно интенсивного движения вперед. Мы знаем также, что внутри эпохи общее движение бывает обычно неравномерным: в одних областях общественной и интеллектуальной жизни человека наблюдается развитие, в других — застой. Но для правильного понимания движения истории в этом аспекте необходимо учитывать, что оценки,

даваемые современниками своей эпохе и своему прошлому, могут быть продиктованы узким представлением об историческом процессе. Таковы, например, оценки, вынесенные итальянскими гуманистами эпохи Возрождения средним векам, с одной стороны, и античности — с другой. Действительно, с точки зрения задач, возникших перед наиболее передовым тогда в Европе обществом — обществом итальянским, жить тем же, чем жило общество до этого, т. е. в века, которые гуманисты называли «средними», означало бы во всяком случае застой, и, для того чтобы оторваться от существовавшего, необходимо было обосновать такой отрыв. Таким обоснованием и послужила характеристика средневековья как эры темноты и упадка. Но эта характеристика была оценкой с точки зрения желаемого для настоящего и будущего, но не с точки зрения того, от чего отошли когда-то сами средние века. При определении значения всякой эпохи истории необходимо каждое время оценивать с точки зрения того, что оно, это время, принесло с собой нового в сравнении с предыдущим и каково это новое: содействовало ли дальнейшему движению или нет.

Столь же осторожно следует относиться и к оценкам прошлого как к чему-то исключительному, такому, с чем не может сравниться ничто в более поздние времена. Так гуманисты относились к европейской античности — истории древней Греции и древнего Рима. Для правильного отношения к подобному рода оценкам необходимо учитывать, что авторы их брали идеальную для них эпоху не целиком, а выбирая из нее то, что им казалось особенно примечательным. Необходимо также помнить, что подобная оценка прошлого бывает в сущности представлением о желаемом настоящем или будущем, проецированием в прошлое идеалов, обращенных к современности. Такое проецирование вызывается тем, что именно этим путем легче бывает представить себе желаемое в конкретных образах. Античность боготворили и в век буржуазии, когда буржуазия играла еще прогрессивную роль: в своих усилиях создать демократический режим в тех рамках, в которых буржуазия могла его создать, она превозносила афинскую демократию, демократию республиканского Рима. Излишне, конечно, разяснять, что античная демократия по своей исторической и социальной сущности совсем не то, что демократия буржуазии. Поэтому при определении поступательного хода истории с подобного рода оценками следует считаться, но главным образом для того, чтобы представить себе более конкретно, что общество данной эпохи желало или не желало для себя, что оно считало прогрессивным. Историческое значение каждой эпохи познается путем сопоставления с тем, что было до этого, и вместе с тем в свете того, что было потом; для каждой «современности» — в свете того, что хотят, что ожидают люди от будущего, что они в нем видят.

Принимая во внимание все подобные оговорки, мы тем не менее, оперируя не отдельными моментами исторической жизни, а ее общим ходом, должны признать факт поступательного хода истории, факт неуклонного развития человечества во всех аспектах его существования. Остается только решить: что же, это и есть прогресс?

Ответ на этот вопрос целиком зависит от того, что считать прогрессом. Замена стрелы огнестрельным оружием, кремневого ружья — автоматом говорит о развитии техники. И не одной техники: всего сопряженного с ней знания, науки. Что же это — прогресс? Переход от боя лицом к лицу, с одинаковым риском для каждого участника, к убийству издали, когда одна сторона находится в безопасности, несомненно связан

с развитием науки и техники. Это тоже прогресс? Возможность убить сразу целую массу людей, конечно, тоже обусловлена развитием науки и техники, да еще какого высокого уровня! Это что — прогресс? Замена раскаленных щипцов электрическим током при пытках стала возможной благодаря огромному развитию науки и техники, благодаря великому открытию электричества. Значит, и это — прогресс? А страдания, горе, преступления, человеконенавистничество, которыми заполнена вся история человечества с самого своего начала и которые в разных формах, масштабах все время повторяются, — свидетельство прогресса?

Отрицать наличие многого, подобного этому, не только в прошлом, но и в настоящем невозможно. Почти всему, что проявилось в истории как нечто положительное, можно противопоставить что-либо отрицательное; об очень многом, положительном в одном аспекте, можно сказать как об отрицательном — в другом. Поэтому для решения вопроса, свидетельствует ли движение истории о прогрессе, необходимо сначала определить, что надлежит считать прогрессом.

Чтобы не впасть в этом случае в догматизм, при попытке ответить на этот вопрос следует исходить из какой-то данности. Такой данностью является сам создатель истории — человек со своей природой, представляемой при этом не отвлеченно, а конкретно: как она проявилась в его исторической деятельности. История удостоверяет, что человек — существо разумное и общественное. Поэтому прогрессивным можно считать то в исторической деятельности человека, что отвечает этим началам в его природе и способствует все более полному их выявлению.

Необходимо только учитывать, что эти два начала присутствуют в человеческой природе не изолированно, а сопряженно друг с другом, что выявление одного из них соединено с выявлением и другого. Поэтому нельзя считать прогрессивным только то, в чем проявляется человеческий разум, только то, что освобождает его от всяких пут, как обусловленных его собственным развитием, так и создаваемых самим человеком и обществом: подлинно прогрессивной деятельность разума может считаться только тогда, когда она координируется с действием общественного начала. Прогрессивным может казаться все то, в чем проявляется общественное начало в природе человека, что содействует все большему развитию деятельности человека как носителя этого начала, но подлинно прогрессивной эта деятельность бывает тогда, когда она координирована с действием разума.

Все же и этого недостаточно для определения прогрессивного. Разумность и общественность всего лишь свойства одного целого — человека, а это значит, что они подчинены какому-то обобщающему началу, характеризующему человека именно как целостность. Начало это человечество осознало уже очень давно. Обозначалось оно разными словами и понималось в разное историческое время различно, но сущность его воспринималась одинаково. Римляне обозначили его на своем языке словом *humanitas*. Оно восходит к слову *homo* и означает «человечность», «человеческое начало». Китайцы еще в древности знали слово *жэнь* со значением «человечность», «человеческое начало», и оно восходит к другому слову *жэнь* со значением «человек».

Таким образом, на двух концах мира, у двух огромных массивов человечества вполне независимо друг от друга появилось одно и то же понятие — «человеческое начало», и осознавалось оно одинаково через понятие «человек». Система взглядов и правила поведения, основанные на этом понятии, получили наименование «гуманизм» — у нас, *жэнь дао* —

у китайцев. И этимологически, и по реальному значению оба эти слова тождественны. Что же означало *humanitas*, *жэнь* конкретно? Ответ на этот вопрос дает история.

В середине I тысячелетия до н. э. Конфуций или те, кто вкладывал свои мысли в уста этого мудреца, на прямой вопрос: «Что такое *жэнь*?» — ответили: «Любовь к людям». Приблизительно в ту же эпоху у другого народа, в другом, индийском, центре исторической жизни человечества сложилась концепция, выраженная словом *maitryakaruna* («сострадание»). В сущности это та же «любовь к людям», рассматриваемая под особым углом зрения. С буддизмом требование сострадания проникло в сознание всех народов Центральной и Восточной Азии. На рубеже нашей эры в третьем, переднеазиатском, центре исторической жизни, в Иудее, устами Иисуса из Назарета была провозглашена заповедь: «Любите друг друга». Вместе с христианством она перешла к народам Европы. Такова была концепция гуманизма в древности. Она в своей основе сохранила свое значение и в наше время.

Но она, эта концепция, не стояла на месте: общее содержание ее не менялось, но объем расширялся, и — что особенно важно — менялась доминанта. С этой стороны особенно существенное значение имеет вклад в понятие «гуманизм», который сделала эпоха Возрождения.

Эпоха Возрождения, по-видимому, отнюдь не принадлежит к одной истории итальянского народа, т. е. это не «частный случай» исторической жизни человечества; это — один из этапов истории древних народов, имевших в прошлом свою древность и свое средневековье. Эпоха Возрождения у них — особая историческая полоса, лежащая на грани между ранним и поздним средневековьем, т. е. один из этапов феодального периода. Такой эпохой, видимо, надо считать VIII—XV вв. в истории китайского народа; IX—XIII вв. в связанной между собой истории народов Ирана, Средней Азии и Северо-Западной Индии; XIV—XVI вв. в истории Европы.

Историческая действительность в канун этой эпохи показала, что развитие общественной жизни, прогресс культуры не мог идти далее на основе принципов, созданных и разработанных предшествующей эпохой. Дело было не столько в том, что они застыли в определенной форме и превратились в догму, т. е. сковывали человеческую мысль. В Китае это была догма конфуцианская, в Иране и Средней Азии — мусульманская, в Италии — христианская. Для движения вперед надо было сбросить эти оковы и пойти по пути свободной творческой мысли.

Вполне естественно, что такое стремление одушевлялось представлением о самодовлеющей ценности человека, человеческой личности. Это представление и стало той почвой, на которой развивался гуманизм эпохи Возрождения.

Гуманисты в разных странах усматривали ценность человеческой личности в разном: в своих воззрениях они, естественно, зависели от своих исторических условий. Деятели китайского Возрождения видели ценность человеческой личности главным образом в способности человека к самосовершенствованию; гуманисты Ирана и Средней Азии — преимущественно в том, что человеку доступны высшие моральные качества: душевное благородство, великодушие, дружба; представители Ренессанса в Италии воспринимали человека главным образом как носителя разума, считая разум высшим проявлением человеческого начала.

Таким образом, для определения подлинно прогрессивного есть критерий, выработанный самой историей. Критерий этот — гуманизм в двояком

аспекте: как обозначение специфических свойств человеческой природы и как оценка этих свойств в смысле высшего, разумного и вместе с тем этического начала человеческого поведения и всей общественной жизни.

В свете этого положения можно иначе отнестись ко всему мрачному в истории — к тому океану горя и страданий, в который было ввергнуто и продолжает быть ввергнутым человечество. Все это было и есть, но поистине великим достижением человечества и, пожалуй, наивысшим проявлением прогресса было то, что люди распознали это, назвали зло злом, насилие насилием, преступление преступлением. Ведь эти слова не просто обозначение каких-то поступков или явлений; это — оценка, суровое осуждение их. Слова эти выстраданы, они родились в процессе развития и борьбы.

Разумеется, в эти понятия вкладывалось разное содержание. Они не абстракция: они конкретны, но конкретность их историческая. В классовом обществе в эти понятия, как и в понятие «гуманизма» вообще, вкладывалось и вкладывается то содержание, которое должно служить интересам данного класса. Оно могло быть и обычно бывало разным и для одного и того же времени: классовое общество состоит из классов-антагонистов, имеющих свое собственное представление о том, что такое зло в общественном смысле, что есть преступление. Конечно, бывало, что главным злом действительно было то, что считалось злом в данном классе: это бывало тогда, когда этот класс был для своего времени передовой общественной силой. Но и в классовом обществе лучшие представители человечества, выразители его совести, никогда не утрачивали представления о добре и зле как о чем-то касающемся в равной мере всех, т. е. перевели понятие добра и зла в сферу общих интересов всех людей. Пусть такое представление в их историческую эпоху и не могло реализоваться, все равно оно играло огромную роль — служило великим ориентиром на историческом пути человечества.

Оценочный характер понятий зла, насилия, преступления проявился в сознании обязанности бороться со всем этим, обязанности устранять зло из человеческой жизни. Такая борьба велась всегда, и она, в свою очередь, сама служит наглядным свидетельством прогресса.

Борьба велась, естественно, прежде всего с тем, что было главным злом для своего времени. Поэтому на протяжении истории непосредственный объект борьбы менялся. Прогресс в этой сфере проявлялся главным образом в том, что борьба направлялась не только на проявление зла, но и на его причины. Прогресс проявлялся во все большем уяснении общественной природы зла, в возрастающем умении определять, что является в данном случае главным источником зла и каким должен быть наиболее эффективный путь борьбы с ним.

В чем мы видим главный источник общественного зла в наше историческое время, когда развитие производительных сил, наших знаний, нашего умения подчинять человеку силы природы подвело нас вплотную к возможности ставить как вполне реальную задачу обеспечение материальной основы достойной человека жизни в рамках всего человечества?

В чем мы видим главный источник зла в наше историческое время, когда прогресс общественного развития открыл нам эру бесклассового общества, могущего обеспечить культурную, духовную основу достойной человека жизни в рамках всего человечества как сообщества гармонически «ассоциированных людей»?

Для ответа на первый вопрос необходимо учитывать одну особенность нашего времени: дело идет о нашем отношении к природе.

Были времена — и они еще не прошли, — когда человек и природа рассматривались как две противостоящие друг другу силы. Их взаимоотношения оценивались как борьба, как вечная борьба человека с силами природы. На этой почве образовались две противоположные концепции: концепция полной зависимости человека от природы и концепция человека — царя природы.

Были, однако, мыслители, судившие иначе: они не подчиняли человека природе, не противопоставляли и природу человеку; они видели в них две силы, сосуществующие в одной и той же сфере — сфере жизни: силы, не только сосуществующие, но и взаимодействующие.

В настоящее время человек подошел к овладению самыми сокровенными, самыми великими силами природы, и это поставило его перед острым вопросом — вопросом о себе самом. Кто он, человек, овладевающий силами природы? Каковы его права и его обязанности по отношению и к природе, и к самому себе? И есть ли предел этих прав? А если есть, то каков он?

Если видеть в гуманизме то великое начало человеческой деятельности, которое вело человека до сих пор по пути прогресса, то остается только сказать: наша задача в этой области сейчас — во включении природы не просто в сферу человеческой жизни, но и в сферу гуманизма, иначе говоря, в самой решительной гуманизации всей науки о природе. Без этого наша власть над силами природы станет нашим проклятием: она выхлостит из человека его человеческое начало.

Ответ на второй вопрос — в чем мы видим сейчас главный источник зла в общественной жизни — уже дан со всей ясностью: важнейший источник зла — эксплуатация человека человеком и обращение к войне как к способу разрешения конфликтов. Борьба за уничтожение такой эксплуатации, за устранение войн из практики истории и составляет сейчас главное содержание гуманизма нашего времени.

Эксплуатация человека человеком — для истории дело хорошо знакомое. Мы понимаем, что на определенных исторических этапах, на определенном уровне развития производительных сил она была неизбежной. Столь же понятным бывало и обращение к войне. Но вместе с тем понимаем и то, что на нынешнем уровне развития производительных сил эксплуатацию человека человеком можно устранить; при нынешнем интеллектуальном и моральном качестве человека эксплуатация, как и война, — преступление. Этим убеждением мы также обязаны гуманизму.

К чести человечества следует отнести то, что совесть лучших представителей человеческого рода во все времена никогда не принимала ни того, ни другого. Призывы к братству и миру раздавались в истории многократно и на самых разных концах земли.

Эти призывы сначала исходили из уст пророков, мудрецов, учителей человечества, позднее — из уст поэтов, мыслителей, ученых. Но они говорили тогда за всех, вернее, их устами говорили человеческие массы, простые люди земли.

Сейчас эти простые люди уже говорят сами, своим собственным голосом. И в этом — великая сила их призывов. Поэтому мы, продолжающие борьбу с источниками общественного зла, которую столько веков вели наши предшественники, может быть, теперь и доведем эту борьбу до вождя конца. Наш общественный строй, социализм, принципиально не совместим ни с эксплуатацией человека человеком, ни с войной. В этом — его великая и совершенно особая по своей природе об-

пественная сила. Поэтому именно в русле социализма мы и можем ждать успеха в этой борьбе.

А если так, то можем ли мы не относиться к нашему будущему с надеждой? Конечно, наше будущее отнюдь не прямое, гладкое восхождение к обществу, обеспечивающему человечеству достойную человека жизнь. Так никогда в истории не бывало. Но основной путь ясен: он открыт нам нашей действительностью. И это и делает нас оптимистами.

Но, для того чтобы утвердиться в таком оптимизме, нужно еще одно условие.

Гуманизм является идеей по своему общественному содержанию, может быть, важнейшей из всех великих идей, выдвинутых человечеством на протяжении многих тысячелетий его истории. Идея гуманизма — результат огромного исторического опыта в его наиболее глубоком восприятии, результат осознания человеком в процессе такого опыта самого себя, своих общественных задач. Идея гуманизма есть высшая по своей общественной значимости этическая категория. Она всегда была высшим критерием настоящего человеческого прогресса.

Ф. Энгельс в одном из своих писем к Ф. Мерингу назвал нелепым представление, будто бы К. Маркс и он, не желая признавать за различными идеологическими областями самостоятельного исторического развития, тем самым якобы отрицали за ними и всякое воздействие на историю. «В основе этого,— писал Ф. Энгельс,— лежит шаблонное, недиалектическое представление о причине и следствии как о двух неизменно противостоящих друг другу полюсах, и абсолютно упускается из виду взаимодействие»⁶.

Не подойдет ли человеческое общество с ликвидацией эксплуатации человека человеком, с отказом от войны — тех источников зла, которые причинили и причиняют человечеству столько страданий, с гуманизацией всей науки о природе к такому состоянию, когда откроется возможность объединить развитие истории и движение порожденных мыслью этических категорий, а в их составе — важнейшей по своему общественному значению категории гуманизма? И не будет ли такое объединение достигаться все большим и большим превращением этических категорий вообще и категории гуманизма в первую очередь в нормы не только человеческого поведения, но и всей общественной, государственной жизни? Вся прошлая история человечества, вся наша современная действительность призывают к этому. И мы живем сейчас с надеждой, что так и будет.

Что же, это и есть предел? На этом и заканчивается поступательное движение человечества?

Ответ на этот вопрос зависит от ответа на другой: может ли вообще быть предел такому движению? Видимо, да и нет. Нет — потому, что мы не в состоянии предугадать, какие формы и виды зла могут вообще возникнуть в будущем после устранения существующих. И в то же время предел есть. Вернее, не предел, а мысль о пределе. Мысль эта представляла и предстает в образе идеального состояния общества. Рисовать этот образ может очень различно. Китайскому народу в глубокой древности, в IX в. до н. э., идеальное состояние общества представлялось в образе «счастливой земли», и он выразил свою надежду достигнуть ее в словах песни: «Есть счастливая земля! Да, счастливая земля! В той земле, в краю ином, мы найдем наш новый дом». У древних эллинов и

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 39, стр. 84.

римлян идеальное состояние общества рисовалось в образе «золотого века». В каких бы образах мысль об этом пределе ни выступала, она никогда не покидала человечество и вдохновляла его на борьбу с тем, что препятствует достижению идеального, достойного человека состояния общества. Об этом с великой яркостью и силой сказал русский писатель Ф. М. Достоевский: «Золотой век — мечта самая невероятная из всех, какие были, но за которую люди отдавали всю жизнь свою и все свои силы, для которой умирали и убивались пророки, без которой народы не хотят жить и не могут даже умирать»⁷. И эта мечта есть, может быть, самое высокое проявление человеческого в человеке, проявление того же гуманизма, который всегда был и остается величайшей идеей общественной программы.

⁷ Ф. М. Достоевский, *Собрание сочинений*, т. 8, М., 1956, стр. 514.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

IV И VII ВВ. В ИСТОРИИ НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

История любого народа составляет часть исторической жизни некоторой группы народов, так или иначе связанных между собой, т. е. входит в состав истории региональной. Общим условием возникновения региональных историй служит территориальная близость нескольких народов — участников связанной исторической жизни. Но помимо этого общего условия существуют еще и специальные: в одних случаях фактором, способствующим образованию региональной истории, служит этническая близость соседствующих народов, в других — географическая непрерывность территории, в третьих — вхождение в состав одного большого политического целого, в четвертых — наличие многосторонних связей.

Региональная история, самостоятельной частью которой является, например, история Японии, есть история народов Восточной Азии. Народы эти — японцы, корейцы, маньчжуры, монголы, китайцы, тюрки, тибетцы, различные народности нынешнего Юго-Западного и Юго-Восточного Китая, вьетнамцы. Отношения между ними в различное время были очень различны, но они были всегда связаны друг с другом настолько многочисленными нитями, что часто просто невозможно излагать историю одного из них без истории другого или даже нескольких других народов из данной группы. Отдельные факты даже прямо выходят за рамки индивидуальной истории какого-либо народа и полностью принадлежат региональной истории. Так, например, фактом такой истории стал международный — в рамках этого исторического района — конфликт вокруг «корейского вопроса» в XII и XVI вв. Факт, общий для истории Китая, Кореи и Японии, — распространение и деятельность буддизма в этих странах; общим фактом следует признать также китайскую письменность, ставшую первой письменностью в Кореи и в Японии. Примеров можно было бы привести сколько угодно, и притом из разных областей. Поэтому особая «история народов Восточной Азии» не только возможна, но и необходима. Такая история не устраняет историю каждого народа в отдельности как вполне самостоятельное историческое явление, не заменяет такую индивидуальную историю; история народов Восточной Азии есть просто особая, вполне самостоятельная историческая область, имеющая свой собственный предмет. Ниже мы рассмотрим два момента общей истории народов Китая, Кореи и Японии, составляющие предмет именно региональной истории этой части света.

Первый момент — IV век. В этом веке в истории народов Китая, Кореи и Японии произошли события крупнейшего значения, выходящие

за рамки истории каждого из этих народов. К началу III в. относится крушение Ханьской империи — великой державы китайской древности, которой заканчивается древний период истории китайского народа и открывается новый — средневековый. С падением этой империи с исторической сцены уходят последние остатки когда-то мощной рабовладельческой державы и укрепляется общество, построенное на феодальных отношениях. Правда, как и в западном мире, где с падением Западной Римской империи идея «империи» продолжала жить, эта идея продолжала существовать и в Китае после падения ханьского государства. На Западе это сказалось в том, что Карл Великий, т. е. один из «варварских» королей, представитель новых феодальных порядков, все же пожелал именоваться «римским императором», считая, что его королевство восстанавливает Римскую империю. На Востоке таким наследником древней императорской власти хотел стать Сыма Янь, основатель цзиньского дома; свое государство, в котором с 280 г. была снова объединена вся страна, до этого распавшаяся на три отдельных владения, он считал восстановленной империей. Однако как у Карла Великого, так и у Сыма Яня «восстановленная» империя оказалась крайне недолговечной. «Римская империя» Карла перестала существовать с его смертью. Цзиньская империя дома Сыма как общекитайское государство просуществовала только до 316 г., т. е. всего 36 лет: в 316 г. от нее отпала вся северная часть страны. Да и за короткое время ее существования единство было довольно иллюзорным: фактически с самого начала в разных местах обширной страны вполне самостоятельно хозяйничали различные ваны, в значительной части — члены того же цзиньского императорского дома, а с 300 г. они вступили в открытую борьбу с центральной властью, что означало уже полный развал империи. В то же время с севера и северо-запада в пределы империи непрерывно вторгались «варвары» — различные кочевые и полукочевые племена. Уж в 307 г. одно из таких племен, сяньбийцы, обосновалось в северных районах страны; в 311 г. вторгшиеся гунны захватили столицу империи — г. Лоян, причем был взят в плен сам император; в 313 г. были потеряны две далекие имперские провинции в Южной Маньчжурии и Северо-Западной Корее — Лэлан и Дифан; в 316 г. под ударами гуннов пала и главная (восточная) столица империи — г. Чанъань. С этого момента вся северная половина Китая отошла под власть различных кочевых и полукочевых народов — гуннов, тангут-тибетцев, сяньбийцев, сменявших друг друга и создававших на захваченных землях Китая свои государства — аналогии «варварским» королевствам Запада. Государства эти были непрочны и быстро распадались. Только одним сяньбийцам удалось во второй половине IV в. создать в северной части Китая прочное государство, обозначаемое в китайских источниках китайским наименованием Северное Вэй. Под этим наименованием оно просуществовало с 386 по 535 г., а под именем Северное Ци и затем Северное Чжоу — до 581 г. Это государство и заменило собою в северной половине страны прежнюю империю; в южной же половине продолжало — под управлением сменявших друг друга китайских династий — сохраняться государство, считавшее себя преемником старой империи.

Историческое значение этих событий выходит за пределы собственно истории Китая. Прежде всего это есть одновременно и история указанных кочевых народов, а кроме того, как падением Римской империи и последующими событиями на Западе открывается новый этап истории Запада, так и падением китайской империи с последующими событиями открывается новый этап истории Восточной Азии.

Ханьская империя была окружена обширной варварской периферией. Все полуостровие, начиная с северо-восточного участка — Корейского полуострова, по всем северным, северо-западным, западным и юго-западным рубежам Китая того времени, вплоть до юго-восточного края — границ Индокитая — было занято различными кочевыми, полукочевыми и оседлыми народами, позднее Китая вступившими в развитую историческую жизнь. Ни один из этих народов не имел в своем прошлом — так же как и варвары на периферии Римской империи — длительной, развитой рабовладельческой эпохи; они входили в общую историческую жизнь еще в условиях родо-племенного общественного устройства, в котором остатки и традиции первобытнообщинного строя соединялись с некоторыми элементами рабовладения и — у оседлых народов — даже с ранними формами феодальных отношений. Пока империя была сильна, она не только сдерживала их натиск на богатую страну, имевшую, как и Рим, в своем прошлом развитый этап рабовладельческого строя с созданной в рамках этого строя богатейшей материальной и духовной культурой, но и держала их в повиновении, чем препятствовала их собственной исторической активности и их самостоятельному общественному развитию. Но когда процесс неуклонного суживания рабовладения как важнейший фактор экономического развития стал подрывать не только экономическую и политическую, но и военную мощь империи, это стало отражаться и на исторической жизни «варварских» народов: их активность, подстегиваемая их собственным внутренним развитием, начала возрастать. Именно на этой двусторонней основе и открылась новая эра в жизни окружающих Китай народов.

Как она, эта новая эра, проявилась в жизни гуннов, тангуты-тибетцев, сяньбийцев, перешедших на территорию Китая, было показано выше. История этих народов в дальнейшем слилась с историей китайского народа, как слились с ним эти народы и этнически. Иначе сложилась историческая жизнь корейцев и японцев.

В том же, IV в., когда рухнула как общекитайское государство и Цзиньская империя, безуспешно пытавшаяся удержать государственное единство страны и ее силу, на Корейском полуострове произошли события первостепенной исторической важности: закончился длительный процесс перерастания прежних крупных родо-племенных союзов, образовавшихся на полуострове еще в I в. до н. э., в государства. Яркие факты, свидетельствующие о сложении таких государств, относятся к 313, 346 и 356 гг.

Первый из этих фактов относится к истории Когурё, государства, сложившегося в северной части полуострова; второй — к истории Пэкче, государства, образовавшегося в юго-западной части; третий — к истории Силла, государства, появившегося в юго-восточной части. Наиболее обширным по территории, распространявшимся на прилегающие к Корейскому полуострову части Южной Маньчжурии, было Когурё. Это государство было и наиболее сильным, что выразилось в начавшихся с 345 г. и почти не прекращавшихся в течение приблизительно трех столетий попытках продвинуться далее — в центральную и даже южную часть полуострова.

К началу IV в. следует отнести и образование на Японских островах крупного племенного союза, охватывавшего северную часть о-ва Кюсю и юго-западную часть о-ва Хонсю. Союз этот сложился после длительной, занявшей почти полтора столетия борьбы между племенным союзом на о-ве Кюсю и племенным союзом на о-ве Хюнсю, в Ямато.

Борьба между этими двумя племенными союзами закончилась установлением гегемонии племенного союза Ямато, и с начала 20-х годов IV в. идет непрерывное усиление этого союза и постепенное превращение его в государство на основе медленно развивавшихся рабовладельческих отношений. Около 360 г. начинаются попытки вождей этого союза закрепиться и на Корейском полуострове. Опорным пунктом там стала издавна находившаяся в орбите японского заселения небольшая территория на южной оконечности полуострова, прилегающая к северной части о-ва Кюсю и юго-западной части о-ва Хонсю, — Мимана, как называют ее древние японские исторические памятники. Базируясь на этой территории, японцы вклинились между двумя южными корейскими королевствами — Пэкче и Силла, что и привело их к столкновению с последними. Отношения с Пэкче были еще относительно мирными, поскольку это слабое корейское государство было не в силах организовать достаточно действенный отпор, но иные отношения сложились с королевством Силла, которое не только активно препятствовало продвижению японцев, но и само стремилось присоединиться к своим владениям Мимана. Исторические памятники обеих стран — Ямато и Силла — говорят о постоянных войнах между ними. Японцы столкнулись и с Когурё, которое, как было указано выше, упорно старалось распространить свою власть и на южную половину полуострова. Известная надпись на могильной стеле, прославляющая деяния короля Квангвана, упоминает о неоднократных столкновениях северных корейцев с японцами в 391—404 гг.

Об активности японцев на полуострове, о притязаниях вождей племенного союза Ямато на власть над некоторыми районами Южной Кореи говорят и японские и китайские исторические памятники. Среди последних крайне любопытные сведения передает нам «История Сун», под каковым наименованием стала с 420 по 479 г. существовать в южной половине Китая Цзиньская империя, потерявшая в 316 г. северную половину страны. Как было указано выше, в глазах и китайцев, и окружавших ее народов это все еще была «империя».

По сообщению сунской истории, в 478 г. к сунскому двору прибыло посольство от У, вана «страны Во». «Страна Во» старых китайских хроник — Япония, преимущественно Ямато. Ван — титул правителей Чжоуского царства китайской древности, по своему историческому содержанию близкий к титулу *rex* (царь) древней, дореспубликанской, истории Рима. Позднее этот титул стали присваивать себе правители отдельных государств, возникших на территории Китая. Когда в III в. до н. э. вся страна объединилась в одно государство, правитель этого государства установил для себя титул *хуанди*, передаваемый обычно на европейские языки словом «император», титул же *ван* сохранился для местных владетелей, подчиненных императору. И тем же титулом китайцы обозначали вождей, правителей других государств, подчеркивая тем самым неравенство их положения по сравнению с правителями Китая. У, как называет сунская история «вана страны Во», был, как полагают японские историки, тот правитель, который в позднейших японских исторических памятниках, где этим правителям присвоены китайские имена, именуется Юряку. Его японское имя — Охацусэ-Вакатакэ.

Если учесть, что Охацусэ — название местности, где этот властитель имел свою резиденцию, именем его является собственно Вакатакэ; поскольку же *вака* (молодой) — в сущности приставка, личным именем оказывается только Такэ (храбрец). При записывании имен древних правителей китайскими иероглифами, японское *такэ* передали китайским зна-

ком *у*, обозначающим слово китайского языка, близкое по значению к японскому *такэ*. Таким образом, отождествление «У, вана страны Во» именно с Юряку вполне допустимо. К тому же и время правления этого Юряку вполне допускает, что посольство к сунскому двору было отправлено именно им.

Посольство имело своей целью добиться от правителя Южного Китая, в глазах окружающих народов все еще императора, официального признания японского властителя «ваном страны Во» и *цзянь цзюнем* стран Боцзи, Синьло, Жэньна, Цзяло, Цинь-Хань и Юн-Хань. «Страна Во», как было указано выше,— Ямато, т. е. Япония; Боцзи, в корейском произношении Пэкче,— упомянутое выше государство в юго-западной части полуострова, в японском наименовании — Кудара; Синьло, в корейском произношении Силла, государство в юго-восточной части полуострова, в японском наименовании — Сираги; Жэньна — японское владение на крайнем юге полуострова, в японском наименовании — Мимана; Цзяло, Цинь-Хань и Юн-Хань — китайские названия мелких владений в южной части полуострова, соседних с Мимана. Таким образом, Юряку добивался в сущности признания своей власти над всей южной половиной Кореи. Характерно, что японский властитель домогался признания себя как правителя своей страны *ваном*, а как правителя перечисленных частей Южной Кореи — *цзянь цзюнем* (яп. *сэгуном*). Из этого одного видно, что *ван* было обозначением наследственных правителей, так сказать, легитимных монархов, *цзянь цзюнь* же был носитель военной власти, отнюдь не устранявший местных *ванов*, а только подчинявший их себе и делавший тем самым верховным правителем всей страны.

Весьма примечателен результат посольства. Японский правитель был признан «ваном страны Во», т. е. наследственным, легитимным монархом своей страны, и «цзянь цзюнем», т. е. верховным правителем всех поименованных корейских владений за исключением одного: Пэкче. Эта деталь проливает свет на отношения южного китайского государства с Кореей: правители Южного Китая мало интересовались южнокорейскими государствами — далекими и малодоступными. Пэкче же находилось на корейском побережье Желтого моря, своего рода «внутреннего моря» этой части Азии, плавание по которому было давно и хорошо освоено как китайцами, так и корейцами. Пэкче при этом было единственной частью полуострова, с которой бывшая империя не утратила связей и после потери северной половины своей территории. Отказ от признания японского *вана* верховным правителем этой корейской страны означал нежелание сунского двора потерять последнюю опору на полуострове. Значение этого акта южнокитайского правительства во всей полноте проявилось, однако, позднее — в VII в., этом втором знаменательном веке истории трех стран Восточной Азии.

Таким образом, IV век был для стран Восточной Азии временем полной перемены всей обстановки. Вместо единой, господствовавшей над всем восточноазиатским миром великой древней державы — китайской империи Хань, окруженной «варварами» — бродячими, кочевыми и полукочевыми племенами или же, как в Корее и в Японии, народами земледельческими, но только еще выходящими из стадии крупных родоплеменных союзов, на исторической арене оказались: урезанная наполовину китайская держава, сохранившаяся в южной части страны, ряд «варварских» королевств в северной части, занятой перешедшими туда «варварами», и молодые государства, выросшие на соседних с Китаем территориях — на Корейском полуострове и Японских островах. Истории этих

новых государств при этом соприкасались с историей китайского народа, во многих же случаях, как, например, во взаимоотношениях Кореи и Японии, даже переплетались друг с другом.

* * *

В странах Восточной Азии произошло то же, что и в Западной Европе: «варвары», не имевшие в своем прошлом государственного развития, не стали проходить «со ступеньки на ступеньку» по пути общественно-исторического процесса, а от родо-племенного строя, от племенных союзов перешли прямо к феодализму. У них отсутствовали те условия, которые приводили к рабовладельческому строю соседних с ними больших, древних народов: китайцев, греков, римлян. Кроме того, значение окружения, если оно исторически мощно, в подобном случае исключительно велико, и, когда в данной части мира устанавливалась в наиболее важных участках система феодализма, она стала региональной, т. е. втянула в себя и те народы, которые «планомерным порядком», т. е. через рабовладельчество, к феодализму не подошли. Все это можно наблюдать в восточной Азии в IV в. Так определяется значение этого времени для истории главных стран Восточной Азии: Китая, Кореи и Японии.

* * *

Исключительно важное место в истории стран Восточной Азии, прежде всего Китая, Кореи и Японии, занимает VII век. Еще в конце VI в. положение в Китае резко изменилось. «Варвары», с начала IV в. утвердившиеся в северной половине страны, за три столетия своей жизни на территории Китая совместно с китайцами этнически слились с массивом местного населения. Инородный племенной элемент при этом не изменил китайский этнический тип, а лишь добавил к нему некоторые новые антропологические черты: антропологи считают, что нынешний тип северного китайца образовался именно в результате растворения в китайском этносе различных «варварских» элементов. Слившись с китайцами, пришельцы утратили свой язык, свои имена, восприняли китайскую цивилизацию. Поэтому в VI в. Северный Китай уже стал снова китайским, но все же во многом иным, чем тот китайский мир, который существовал во времена китайской античности (в эпоху Ханьской империи). Это было государство с прочно сложившимся, законодательно оформленным, развитым феодальным строем. Это была страна, в которой господствовала новая, пришедшая из Кушанского царства религия — буддизм, а религия принесла с собой в Китай сложную и многообразную культуру — не только духовную, но и светскую, в том числе и высокоразвитое искусство...

Так сложилась новая — средневековая — китайская империя, огромное феодальное государство с централизованным управлением, построенным на режиме законов, государство с высокоразвитым ремеслом и торговлей, с цветущими городами — центрами производства, торговли и культуры, с оживленной и многосторонней общественной жизнью, с обширными международными связями — экономическими, политическими и культурными, с замечательной цивилизацией, просвещением, литературой и искусством. С 618 г. эта империя стала называться Танской — по имени новой династии, сменившей прежнюю — суйскую. С начала VII в. и отмечается восторженный — военный, политический, экономический и культурный — расцвет новой китайской империи.

Крупнейшие события развернулись в VII в. и на Корейском полуострове. Три упомянутых корейских государства — Когурё, Пэкче и Силла — за протекшие с IV в. три столетия выросли и в экономическом, и в политическом, и в культурном отношениях. Феодалный порядок в них окончательно окреп, и в этой области эти страны стали подходить к той форме феодализма, которая сложилась в соседней для них северной части Китая. Наиболее далеко этот процесс зашел в Когурё. северном корейском государстве, которое находилось ближе других к Северному Китаю и многое восприняло от него. В связи с этим Когурё стало наиболее сильным государством на полуострове. На втором месте находилось Пэкче, всегда поддерживавшее сношения с южным китайским государством, в котором формы феодализма, уже прочно утвердившиеся на севере, развивались медленнее. Самой отсталой частью Кореи в первое время было Силла, отделенное от Китая, центра Восточной Азии, своими соперниками — Пэкче и Когурё — и имевшее своим соседом с востока Японию, тогда еще значительно уступавшую в своем общественном и культурном развитии не только Китаю, но и корейским государствам — Пэкче и Когурё. Однако уже в VI в. и Силла стало интенсивно двигаться вперед по пути общественного и культурного развития. При этом во всех трех корейских государствах — с разной степенью развития — устанавливались однообразные экономические формы феодализма, близкие к надельной системе, утвердившейся в Китае. Такая обстановка подготавливала будущее слияние всех трех частей Кореи в одно государство.

Важные события происходили в VII в. и на Японских островах. Царство Ямато превратилось в организованное государство, распространившее свою власть на большую часть Центральной и Южной Японии. Основой государственного развития стали все расширявшиеся феодальные отношения, неуклонно оттеснявшие отношения рабовладельческие. Первым знаком создания организованного аппарата управления, типичного для феодального государства, было установление в 603 г. «табели 12 рангов», т. е. правительственного чиновничества. Переворот 645 г., устранивший у царей Ямато сильных соперников в борьбе за власть в перестраивавшемся государстве, повлек за собой укрепление феодальных отношений и их законодательное оформление. В 701 г. был закончен разработкой «Тайхорё» — обширный свод законов, призванных регулировать всю жизнь страны. Буддизм, начавший проникать в страну еще в VI в., неуклонно укреплял свои позиции, вовлекая в свою орбиту японскую племенную знать, в том числе и род царей Ямато. В 607 г. был построен первый буддийский монастырь — Хорюдзи, существующий и в наше время; в 684 г. — второй, Якусидэра. В 694 г. образовалась столица государства — Фудзивара, если еще и не город, то во всяком случае крупное селение — административный и политический центр, резиденция правителей страны. В 710 г. этот центр переместился в Нара — уже настоящий город, выстроенный под руководством китайских архитекторов по образцу китайской столицы — г. Чаңъаня.

Все эти события, происшедшие во внутренней жизни каждой из указанных стран Восточной Азии, соединились с крупнейшими событиями международной жизни в этой части Азии. Важнейшим из них была борьба в Корею и из-за Кореи.

Положение на полуострове в VI—VII вв. было очень сложным. Процессы, развивавшиеся в каждом из трех корейских государств, с одной стороны, сближали их друг с другом, с другой — сталкивали их.

Сближали их развивавшиеся в каждой из них близкие по форме феодальные отношения, растущие экономические и культурные связи при этнической и языковой общности населения всех трех государств. Сталкивали их друг с другом экспансионистские тенденции, обычные для молодых, набирающих силу феодальных государств. Особенно отчетливо такие тенденции обнаружались у северного корейского государства — Когурё. Поэтому весь VII в. заполнен столкновениями Когурё с южными государствами — Силла и Пэкче, последних — между собою, причем наибольшую активность проявляло Силла.

В такой обстановке не оставались пассивными и японцы, засевшие в Мимана. Они вмешивались в борьбу корейских государств, используя при этом свои давние связи в Пэкче. Угроза со стороны Силла, одинаково ощущавшаяся как корейцами в Пэкче, так и японцами в Мимана, естественно, толкала тех и других к сближению. Как известно, японцам не удалось справиться с натиском Силла, правители которой поставили своей задачей овладение южной оконечностью полуострова и тем самым — изгнание японцев: в 562 г. японцы были вытеснены из Мимана. Это превратило юго-восточное корейское государство в крупнейшую силу в южной половине полуострова, что сразу же обострило отношения этого государства с могучими соперниками на севере — с Когурё.

С конца VI в. положение стало осложняться и со стороны Китая. С образованием новой могучей империи, еще при правителях дома Суй, начались завоевательные походы на полуостров. Первым объектом завоевательных устремлений стало Когурё как непосредственный сосед империи с северо-востока, напасть на которого было возможно, двигаясь по суше, — через Южную Маньчжурию. Такие походы продолжались и при императорах дома Тан. Исторические памятники упоминают о столкновениях империи с Когурё в 598, 612, 613, 614, 644, 647, 655, 661, 666 и 668 гг.

Решительные события разыгрались в 60-х годах VII в. В ходе борьбы образовалась коалиция: Силла и Танская империя. Союз их сложился на почве общей борьбы с одним и тем же противником — Когурё. На этот раз правители империи послали свои войска и по суше, и по морю — Желтому. Было задумано вторжение на полуостров и вместе с тем нападение на Когурё одновременно с двух сторон: с северо-запада, со стороны Ляодунского полуострова и Южной Маньчжурии, и с юго-запада, со стороны Пэкче. Для выполнения этого стратегического плана необходимо было, однако, занять территорию Пэкче, чтобы образовать на ней плацдарм для действий против Когурё. В 610 г. произошла высадка китайских войск на побережье Пэкче. Поддержанная с востока войсками своего союзника на полуострове — Силла, армия империи начала продвижение в глубь территории Пэкче. Население этого небольшого и слабого корейского государства, однако, оказало упорное сопротивление, и борьба продолжалась до 663 г. В эту борьбу вмешалась и Япония, правители которой еще никак не могли примириться с потерей Мимана. К берегам Пэкче были направлены японские корабли с десантными отрядами. В 663 г. в устье р. Пэкчхонган произошло сражение, в котором японский флот был разбит. Этим была окончательно и надолго устранена опасность для Кореи со стороны Японии, но вместе с тем это означало и конец Пэкче. Укрепление же позиции китайских войск в этой части полуострова в соединении с действиями китайских войск, наступавших с северо-запада, привело к падению и Когурё. Вся территория этого северного корейского государства отошла под власть империи Тан: она

стала имперским генерал-губернаторством, а в его столице — г. Пхеньяне — обосновался китайский генерал-губернатор.

Такое положение продолжалось, однако, недолго: после ниспровержения общего противника союзники — Силла и Танская империя — столкнулись друг с другом. Борьба между ними закончилась в 677 г. вытеснением китайских войск с земель бывшего царства Когурё: в этом же году империя вынуждена была ограничить пределы своего восточного генерал-губернаторства только территорией Ляодува. Весь полуостров оказался во власти Силла. Так образовалось единое корейское феодальное государство, быстро пошедшее по пути экономического, политического и культурного развития...

Между тремя государствами Восточной Азии — Китаем, Кореей, Японией — по окончании корейского конфликта с конца VII в. установились мирные отношения, главным образом политические и культурные. С этого времени началась полоса расцвета Восточной Азии. Таковы два важных момента региональной истории этой части мира в средние века.

ИЗ ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

«ВАРВАРЫ» И ДРЕВНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Племена, называемые нами тунгусскими, тюркскими, монгольскими, финскими, славянскими, германскими, кельтскими, были разбросаны по всей периферии древнего цивилизованного мира — от Японских островов на востоке до Британских на западе. Создатели древних культур называли их общим именем: китайцы — *ху*, эллины и римляне — *барбары*. Оба слова значили одно и то же: «иноплеменники» и, кроме того, «нецивилизованные». Они действительно были иноплеменниками для китайцев и римлян. Древние оседлые народы с высокоразвитой культурой, создавшие свои государства с цветущими городами, могли также называть их и «нецивилизованными»: в большинстве своем это были кочевники, а то и бродячие охотники. Но все же известная часть их уже тогда переходила, а в ряде случаев и перешла к оседлой земледельческой жизни, образуя при этом довольно прочные и часто могущественные племенные союзы. Такие союзы были и на Западе, например у германцев; были и на Востоке, например у гуннов, жужаней. В некоторых случаях можно даже говорить о первоначальных формах государственной организации. В III в. на Востоке таковыми были три царства на Корейском полуострове — Силла, Пэкче и Когурё, на Западе — Остготское и Вестготское государства на Днестре и Дунае.

Соседство этих племен было для народов древних цивилизаций далеко не безразличным: оно было очень беспокойным. Китайские хроники, едва только начинают упоминать своих соседей, уже говорят об их набегах, о походах против них.

То же мы узнаем и из истории Рима. Постоянная угроза вторжений, висевшая над старыми государствами, была настолько серьезна, что древний мир решил отгородиться от варваров, отгородиться в буквальном смысле: стеной. Эту стену стали строить с двух концов — с восточного и западного. Первым начал Восток: еще в III в. до н. э. начали сооружать свою знаменитую Великую стену китайцы. Пять столетий спустя взялся за это и Запад: так появился Траянов вал — первый участок Римского вала, этой Великой стены Запада. Китайцы протянули стену вдоль всей своей северной границы — от побережья Тихого океана до пустынь Центральной Азии; римляне возвели валы почти на всей своей границе — от Дакии до Британии.

Эти две стены не смыкались. Между западным концом Великой стены Востока и восточным концом Великой стены Запада оставались сво-

бодными огромные пространства Средней Азии и Восточной Европы, соединенные между собой Великими воротами народов — равнинным проходом между северным побережьем Каспия и южными отрогами Урала. Эти пространства были огромной ареной, на которой передвигались, соединялись и распадались, то мирно сожительствова, то беспощадно истребляя друг друга, самые различные племена, все время пополняемые новыми человеческими потоками, двигавшимися и с Востока и с Запада. Племенам, утвердившимся именно в этом районе Старого Света, государствам, здесь образовавшимся, и суждено было в дальнейшем сыграть огромную всемирно-историческую роль представителей единства обеих половин Старого Света.

Весь этот необъятный варварский мир, раскинувшийся от Тихого океана до Атлантического, представлял огромный резервуар человеческих масс. Но и здесь шла ломка устоявшейся прежде жизни: кочевое скотоводство перестало служить сколько-нибудь прочной хозяйственной основой существования. И наступил исторический момент, когда массы кочевников неудержимым потоком хлынули в тот мир, который так хотел чувствовать себя спокойным за своими стенами. Сначала в стенах древнего мира появились отдельные бреши, через которые варвары стали просачиваться в столь манявшие их богатые цивилизованные страны, а потом рухнули и сами стены — как на одном конце Старого Света, так и на другом. Они не рухнули материально: Великую китайскую стену можно видеть еще и в наше время; остатки Римского вала можно найти и сейчас в Румынии и Англии. Стены никогда не спасали тех, кто думал отсидеться за ними, если в собственном доме было уже неблагоприятно, а в III в. древний мир уже потерял внутреннюю прочность и силу. Бурный поток варваров остановить было уже нельзя.

Кризис — с равной силой и в различной форме — разразился сначала в трех районах древнего мира — на востоке, в центре и на западе: в III в. под влиянием внутреннего экономического и политического кризиса распалась Ханьская империя; в III в. пало Парфянское царство; в III в. пошатнулась и Римская империя, переживавшая тогда острый внутренний кризис и со всех сторон теснимая варварами. Древний мир держался еще в промежуточном районе — в Средней Азии и соединяющей с нею Северо-Западной Индии: в Кушанском царстве и империи Гуптов. Но и их судьбы были предрешены: этот участок не мог удержаться, если и к востоку от него — Ханьская империя и к западу — Парфия развалились, и притом не просто как отдельные государства, а как части системы античного общества.

Уже с давних пор истории последних государств древнего мира переплетались друг с другом. Всемирно-исторические связи существовали и были гораздо более развитыми, чем принято думать. Деление мира на «Восток» и «Запад» не предопределено историей: оно продукт нового времени, плод эпохи начавшегося закабаления Азии и Африки теми или иными странами Европы, для правящих классов которых важно было представить закабаляемые народы как представителей какого-то особого мира, «отсталого», «нецивилизованного» по сравнению с завоевателями. В древние времена таких отношений не было и не было почвы для такого деления. Применительно к началу средневековья можно и нужно говорить лишь о различных государствах Старого Света в целом...

Распад древней, просуществовавшей много веков и господствовавшей у всех наиболее крупных народов древнего мира системы рабовладельческого общества сопровождался двумя последствиями: крушением древних

рабовладельческих государств и выходом на историческую арену других народов, до этого не игравших самостоятельной роли в общемировой жизни. «Вступили в историю» — и притом весьма активно! — этнические общности, до этого бывшие для древних империй главным образом резервуаром рабской силы, требовавшей постоянного возобновления: сяньбийцы, тибетцы, тюрки — в Азии; готы, вандалы, бургунды, франки — в Европе; гунны — и в Азии и в Европе. Историческая активность этих народов проявилась в том, что они, пользуясь ослаблением древних империй, охваченных внутренним структурным кризисом, стали вторгаться в пределы старых очагов цивилизации, оседать в них. Тем самым они включились в общемировой — в масштабах Старого Света — исторический процесс крушения рабовладельческого общества и складывания феодального, участвуя в нем не как представители старого, а как представители нового.

Внутренний развал древних империй позволил этим молодым — с исторической точки зрения — народам приступить к созданию своих государств. Именно IV—VI вв. и ознаменовались возникновением различных «варварских» королевств (название, данное историками), и притом по всему пространству Старого Света, ибо история их была в общих линиях одина.

Первые «варварские» государства появились, естественно, там, где ранее и сильнее, чем в других местах, обозначился процесс распада системы древнего мира. Мы видели, что так было в самой восточной части Старого Света — в Восточной Азии, где находилась Ханьская империя: кризис рабовладельческого строя и столкновение феодальных отношений в этой части мира с полной силой выявились уже во II—III вв. Поэтому именно там и появилось первое «варварское» — гуннское царство, образовавшееся в начале IV в. на части территории Северного Китая, составлявшей до этого часть распавшейся Ханьской империи. За гуннами последовали сяньбийцы, тибетцы, опять сяньбийцы — другой ветви этого обширного племени тунгусского этнического корня. Все это происходило в IV в.

На столетие позже — в V в. — «варварские» королевства стали возникать на территории Римской империи. Позже потому, что ослабление этой державы, выразившееся в распаде ее на две части — Западную и Восточную, Рим и Византию, явственно обозначилось только в конце IV в. Первым из таких королевств было Тулузское, образованное в начале V в. вестготами на части территории Римской империи в Южной Галлии.

В том же, V в. (только несколько позднее, во второй его половине) появилось «варварское» королевство и на территории третьего и четвертого исконных центров мировой цивилизации — в Средней Азии и Индии; это были одни и те же «варвары» — гунны, из той ветви этого обширного по составу племени, которую обычно называют белыми гуннами или гуннами-эфталитами.

Сравнительно позднее его появление в этой части Старого Света связано с неравномерным ходом общего распада рабовладельческого общества: в Средней Азии и в Индии этот распад шел медленнее и с меньшей силой.

Конечно, образование новых «варварских» государств не было обусловлено только тем, что упала сила великих империй древности, державших окружающих варваров в страхе и повиновении. Оно стало возможным и в результате их собственного общественного развития, ибо

они уже прошли этап крупных племенных союзов, у них уже складывалось классовое общество, возникали первоначальные формы государственности. Следует отметить, что в их развитии, в темпах этого развития сказались и влияние древних империй, в соприкосновении с которыми они так долго жили. Многие из них давно уже обосновались на окраинах этих империй. Такими были, например, гунны — та часть их, которая осталась в Восточной Азии, давно уже перешла на территорию Ханьской империи и в течение долгих веков жизни здесь не только подтянулась к китайцам в своем общественном развитии, но и в значительной степени «окитаилась», приняла китайские имена, стала пользоваться китайским языком. Таковы были и остготы, которые еще до образования своего королевства жили на территории Римской империи, частично смешивались с местным населением, подвергались сильному римскому влиянию и даже заимствовали от римского населения религию — христианство. То же можно сказать еще о многих из «варварских» народов. Если следовать китайцам старых времен, когда-то деливших коренных обитателей о-ва Тайвань на «цивилизованных варваров» и «нецивилизованных варваров», то такие варварские племена можно было бы назвать «цивилизованными варварами».

Конечно, эти «варвары» сыграли свою роль в утверждении феодализма, но не следует ее преувеличивать: к феодальному строю подошли прежде всего сами народы древних империй. Феодальные отношения начали складываться у них давно, у некоторых, как например, у китайцев, даже очень давно; появились даже правовые институты, фиксирующие новые феодальные отношения. Так, например, в Цзиньской империи в Китае, возникшей во второй половине III в. на развалинах Ханьской империи и бывшей в известной мере ее продолжением, был разработан ряд законов, имевших в виду закрепление феодальных отношений в аграрном строе страны, предусматривавших государственное прикрепление крестьян к земле. Подобные же законы появились и в других древних империях, например в Римской, где уже в IV в. при Константине был издан ряд указов, прикреплявших колоннов к земле. Так что не варвары ввели в старых государствах феодализм.

Но что же они сделали? Они способствовали этому процессу тем, что при своих завоеваниях ослабляли или даже совсем сбрасывали правящую верхушку рабовладельческого общества. Так, например, когда в начале IV в. гунны ринулись на Цзиньскую империю, старая землевладельческая знать, еще цеплявшаяся за рабовладельческие отношения, бежала на юг страны. Так же устранили местную римскую знать вестготы, обосновавшиеся в начале V в. в Южной Галлии. Примеру этих основателей первых «варварских» королевств следовали и прочие «варвары»-завоеватели.

Конечно, свержение старых эксплуататоров происходило для того, чтобы на их место поставить новых — из состава варварской знати, которая утверждала эксплуатацию земледельческого населения уже на феодальных началах. В этом и заключалось то «содействие», которое оказали варвары устанавливавшемуся и без них на протяжении всего древнего мира феодальному строю. Можно сказать, пожалуй, даже другое: завоевания, произведенные варварами в древних империях, втянули их в процесс установления феодального строя на всем пространстве Старого Света.

Таким образом, первые «варварские» королевства были уже феодальными. Но это не были еще прочные государственные организации. Они

появлялись и исчезали, сменяли друг друга, даже «передвигались»: так, например, Тулузское королевство вестготов в начале V в. передвинулось из Южной Галлии в Испанию. Этот процесс занял IV — V вв. К VI в. остались королевства сяньбийцев в Северном Китае, вестготов в Испании, вандалов в Северной Африке, бургундцев в Южной Галлии, остготов в Италии, гуннов в Паннонии. Это и были наиболее прочные и процарствовавшие долее других «варварские» королевства, образовавшиеся на территории старых империй.

Старый мир, однако, еще не исчез окончательно: он держался еще в трех местах — в южной половине распавшейся Ханьской империи, в восточной половине рухнувшей Римской империи и на территории древней Парфии: Цзиньская империя, Византия и сасанидский Иран. Но и они уже не представляли собой прежних рабовладельческих государств; и здесь шел процесс развития феодальных отношений. Об этом можно судить хотя бы по приведенным выше фактам цзиньского и византийского законодательства. Но социальная эволюция шла там медленнее, так же как и в Индии, где после падения в 528 г. гуннского королевства развернулась ожесточенная борьба между различными местными княжествами, мешавшая водворению какого-либо устойчивого правопорядка. Задерживалось утверждение феодальных порядков и в Средней Азии, где с середины VI в. установилось тюркское королевство, известное под названием Западнотюркского каганата. Такой темп становления феодализма объясняется слабостью его предпосылок в старом Кушанском царстве.

Появление и исчезновение различных «варварских» королевств с их борьбой с остатками древних империй знаменовало только длительный и мучительный для народов переход к окончательному утверждению феодализма. Самое же его утверждение связано с появлением новых могучих феодальных империй: Танской империи в Китае, халифата в Средней и Передней Азии, в Северной Африке и частично в Европе. Это было уже в VII в. Танская империя объединила под своей властью весь прежний ханьский Китай, широко раздвинув при этом его границы новыми завоеваниями: в середине VII в. под ударами китайцев пал сначала Восточнотюркский каганат, очень скоро за этим — и Западный. На юго-востоке была присоединена часть индокитайского полуострова — Вансуан (впоследствии кит. Аньнань). Халифат также превратился в огромную державу: в середине VII в. под власть арабов подпал сасанидский Иран, его судьбу разделили переднеазиатские провинции Византии — Сирия, Палестина; за ними последовали и североафриканские — Египет, Ливия. К началу VIII в. к халифату отошло уже все североафриканское побережье Средиземного моря. В начале VIII в. арабы перешагнули и в Европу, утвердившись на Пиренейском полуострове. Оставалось только одно государство, которое могло стать рядом с этими новыми мировыми империями, — Византия, но отнюдь не по размерам территории и не по военному могуществу. Византия была сильна своей цивилизацией.

Таким образом, VII—VIII века представляют несомненно особую эпоху всемирной истории — время утверждения феодализма на всех решающих участках Старого Света; время возникновения первых могущественных феодальных империй; время создания феодального права; время утверждения специфических для эпохи феодализма идеологий, призванных укреплять феодализм, — буддизма, христианства и ислама, бывших не только религиями, но и крупнейшими церковными организациями, построенными на типично феодальных началах.

Еще более очевидным стало тогда и единство мировой истории: ни одно из упомянутых явлений не было изолированным, не имевшим связи с другими. Продвижение арабов в Среднюю Азию встретилось с таким же продвижением к Средней Азии — только с другой стороны — китайцев. Обе державы встретились на границе Памира, и эта встреча привела к самым оживленным сношениям их друг с другом — торговым и политическим.

Появление арабов в Средней Азии повлекло также и развитие их сношений с Индией — торговых прежде всего, но не только торговых: эти сношения были и культурными и политическими. Нечего и говорить, что продвижение арабов в Переднюю Азию и Северную Африку, а затем и в Европу прочно связало их историю с историей Византии, а в дальнейшем — и других народов Европы. Уже с 30-х годов VII в. можно проследить оживленные и разносторонние сношения между Китаем, Ираном, Индией, арабами и Византией...

КИТАЙ II—V вв. Н. Э.

Вопрос о времени начала феодализма в Китае не может считаться решенным. Существуют различные точки зрения. При всяком исследовании следует строго отличать процесс складывания феодальных отношений и процесс их утверждения, ибо возникновение феодальных производственных отношений всегда происходило еще при господстве другого способа производства. Хорошо известно, что в условиях более ранних формаций, особенно рабовладельческой, элементы феодализма могут достигать даже очень значительного развития, но это отнюдь не означает еще их господства. Эпоху же феодализма как особой формации можно начинать только с того времени, когда феодальные производственные отношения становятся господствующими. Необходимо также учитывать, что становление феодализма представляет собой процесс длительный, могущий продолжаться несколько веков. Возможны целые периоды переходного характера, отличающиеся все усиливающимся развалом рабовладельческих порядков и все возрастающим значением феодальных. Именно такую переходную полосу и следует скорее всего видеть в строе Ханьской империи. При всей несомненности наличия в строе этой империи довольно развитых элементов феодализма, при всей бесспорности их раннего происхождения, все же строй Ханьской империи следует скорее считать последней, закатной фазой истории рабовладельческого общества в Китае. Самый же распад этой империи в конце II — начале III в. н. э. надлежит скорее всего рассматривать как результат революционного столкновения новых, неуклонно крепнущих феодальных отношений со старыми, уже разваливающимися рабовладельческими отношениями. Время же утверждения феодализма как господствующего способа производства следует начинать с IV в.

Основную массу населения Ханьской империи составляли земледельцы. Но эти земледельцы занимали разное положение. В стране землю можно было покупать и продавать, закладывать и брать в заклад. Ввиду этого одна часть земледельцев имела свои собственные участки, которые и обрабатывала. Это были мелкие самостоятельные хозяева. Они были свободными и только платили государству налоги: с земли — на-

туральный, с «души» — денежный. Существовала и трудовая повинность — обязанность месяц в году отрабатывать на государственных работах: по сооружению дамб и плотин, проведению оросительных каналов, осушению болот. Этот слой, и притом наиболее многочисленный, земледельческого населения составлял основной источник дохода казны, правительства, в первую очередь, конечно, императорского дома.

Наряду с мелкими земледельцами были рабы...

Между ними располагался третий слой — промежуточный. «История Хань» называет их «полевыми работниками — гостями» или просто «гостями». Слово «гость» в китайском языке всегда употреблялось в смысле, противоположном слову «хозяин». Таким образом, само это обозначение показывает, что эта часть земледельцев не представляла самостоятельных хозяев, как первый слой; но это были и не рабы, как второй слой. «История Хань» их отчетливо различает: «Если нет рабов, — говорит она, — следует брать гостей». При этом поясняется: «Кто сам земли не имеет, а арендует ее у богатых и возделывает ее, тот и есть гость».

Изучение исторической обстановки разъясняет, с каким явлением мы тут встречаемся. Еще в начале Ханьской империи — около середины II в. до н. э. — в одном из докладов императору констатируется: «Управление полно насилий и жестокостей. При взимании налогов не считаются со временем. Утром издается один указ, вечером — другой».

Несколько позднее — в I в. до н. э. — в трактате «О соли и железе», появившемся тогда, мы читаем: «В настоящее время страна объединена, но жизнь в ней нелегка. Трудовую повинность отрабатывают далеко, и люди всюду страдают. В древности трудовой повинности, переходившей на другой год, не было; теперь же самые близкие места работы бывают обычно за несколько тысяч ли, а те, что подалеже, — более чем за десять тысяч ли. Проходит положенный срок, два срока, а сыновья не возвращаются. Отцы и матери в горе; жены и дети — в слезах. В сердцах возникает недовольство — от гнева и волнений; в костях — боль — от постоянных дум и тревог»¹.

Таково было положение разоряемых налогами и страдающих от рабочей повинности мелких самостоятельных земледельцев.

К чему это приводило? Ответ на этот вопрос дает один из исторических памятников, относящихся также к началу Хань: «Бедняки, сколько бы они ни трудились, все равно прожить не могли. Поэтому они продавали свои поля и дома, своих детей и внуков, и те превращались в рабов, становились все равно что волы и лошади». А что же оставалось делать им самим? Либо превращаться в бездомных, либо идти к богачам работниками на своем же бывшем участке. Так «хозяева» превращались в «гостей». Так возникала аренда. Так создавались производственные отношения уже иного характера, чем рабовладельческие. Так рядом с рабовладельческим институтом развивались институты, уже содержащие в себе элементы феодализма.

В ханьское время крепились именно эти элементы. Из «Истории Хань» мы узнаем, что в некоторых владениях бывало по несколько тысяч «гостевых дворов», хозяева которых были не рабы, ибо рабы не подлежали государственной регистрации (налог с них не взимался). Эта группа имела свои списки, т. е. входила в состав учитываемого населения, и налог с нее взимался. Для правительства это была, следовательно, лишь особая категория мелких хозяев.

¹ Хуань Куань, Янь те лунь (Трактат о соли и железе), Шанхай, 1958, стр. 310.

Но они не были полностью и такими хозяевами в силу двойственности своего положения: они были свободными, так как сохраняли право приобретать землю, и могли, таким образом, перестать быть «гостями». В то же время бросить свои участки они не могли: этого не допускали хозяева земли, арендаторами которой они считались, так как были заинтересованы в «арендной плате», т. е. оброке, им вносимом. «Гости» не были, следовательно, ни полностью свободными, ни полностью крепостными. К ним можно было применить известные слова Ф. Энгельса о «предшественниках средневековых крепостных», как он определил положение колоннов в поздней Римской империи².

Две первые категории земледельческого населения в Ханьской империи — свободные мелкие хозяева и рабы, особенно последние, — неуклонно уменьшались в своем числе; и так же неуклонно росла в своей численности третья категория — «гости». Рядом с трудом самостоятельных мелких земледельцев в полной мере выявилась низкая производительность рабского труда. Как-либо компенсировать эту низкую производительность большим числом производителей было невозможно, так как пополнение рабской силы извне — путем захвата пленных — почти прекратилось. Империя достигла таких размеров, что дальнейшие, и притом неизбежно отдаленные, завоевательные походы, дававшие рабов, стали затруднительными. Жизнь шла вперед, потребности населения древней цивилизованной страны росли. Развитие остановиться надолго не могло. Именно поэтому и неизбежен был переход от труда рабов к труду зависимых, обеспечивающему гораздо большую производительность. Правящий класс только навязывал этим людям условия, которые позволяли максимально эксплуатировать их труд: земледельцы оказались ограничены и в своей личной свободе, и в свободе распоряжения продуктами своего труда. Так рабовладельцы превращались в феодалов, а самостоятельные мелкие хозяева в оброчных крестьян — полуарендаторов-полукрепостных. На такое же положение перешли и прежние рабы.

Превращение значительного числа самостоятельных хозяев и рабов в оброчных крестьян усилило элементы натурального хозяйства, отозвалось и на положений ремесла и торговли. В ханьскую эпоху в стране был многочисленный слой самостоятельных ремесленников, имевших свои орудия производства и свое хозяйство. Существовал и многочисленный слой купцов, среди которых было много богачей. Источником богатства у них были не только торговля, не только ростовщичество, но и промыслы: в их руках находились добыча соли, добыча и обработка железа, а также винокурение. Они же распоряжались и всеми перевозками по обширной стране. Эти промыслы и перевозки тогда целиком обслуживались рабами. Здесь рабский труд держался дольше всего. Усиление натурального хозяйства, сопровождавшееся ослаблением роли денег, затрудняло развитие самостоятельного ремесла, уменьшало значение торговли. Появился даже лозунг «Почет земледелию, подавление торговли!», с середины II в. до н. э. ставший формулой официального курса ханьского правительства, лозунгом уже не рабовладельцев, а феодалов.

Все эти факты явственно указывают на все возрастающее значение сложившихся феодальных институтов. Но процесс утверждения их протекал медленно и мучительно для трудового населения. На мелких самостоятельных хозяев обрушивалось правительство со своими поборами; на оброчных крестьян — феодалы, присвоившие себе земли; на оставшихся

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 21, стр. 148.

рабов — еще сохранившиеся рабовладельцы. На эти действия трудовое население могло ответить только одним: борьбой. И она приняла такой размах, что развалилась вся империя.

В решительную фазу эта борьба вступила во II в., когда в течение 60—70 лет даже официальные источники отметили более 70 крупных «бунтов», вспыхивавших то в одном, то в другом районе страны. В конце концов эти отдельные местные волнения привели к мощному восстанию, вошедшему в историю под наименованием восстания желтых повязок. Оно произошло в 184—204 гг. Желтые повязки — знак принадлежности к восставшим. Их надели на себя и мелкие самостоятельные хозяева, и оброчные крестьяне — полуарендаторы-полукрепостные, и рабы. Таким образом, в этом восстании объединились все слои угнетенного и эксплуатируемого трудового населения. У них нашлись энергичные и умелые вожди, восстание приняло организованный характер и потрясло всю империю. Конечно, народное движение было подавлено. Было перебито, как уверяют источники, более 200 тыс. «бунтовщиков». Тем не менее оно нанесло решающий удар по старой системе власти. После него Ханьская империя уже не оправилась.

Падение империи происходило в условиях жестокой и не прекращающейся междоусобицы в среде самого правящего класса. Захват земли и населения крупными земельными собственниками привел к ослаблению ханьского императорского дома вследствие утраты налоговых поступлений от ставших зависимыми мелких самостоятельных хозяев. Ханьской династии было трудно помешать этому, так как сами члены императорской фамилии всячески стремились к созданию собственных владений. Невозможно было прибегнуть и к военной силе, так как полководцы империи были представителями именно тех самых «могущественных домов», как их называет китайская историография, которые создавали большие земельные владения. Перераспределение земель способствовало обострению внутренней борьбы различных групп при дворе и в правительстве, в том числе и внутри самого императорского дома. Со второй половины II в. н. э. ханьский двор и правительство превращаются в арену бесконечных распрей и интриг, сопровождавшихся дворцовыми переворотами, приводившими к власти то один «могущественный дом», то другой. Со 192 г. наиболее могущественными из военачальников оказались трое: Цао Цао, Лю Бэй и Сунь Цюань. Каждый из них опирался на определенный район, находившийся под его непосредственным контролем, и на войска, бывшие под его командованием. Эти три претендента на власть и повели между собой борьбу.

Первый этап этой борьбы привел к своего рода разделу империи. Цао Цао сумел распространить свою власть на всю северную часть страны, т. е. на территорию к северу от р. Янцзы. Его владения охватывали территорию современных провинций Хэбэй, Шаньдун, Шаньси, частично Шэньси, Ганьсу, Хэнань, Цзянсу, Хубэй, Аньхой, Северную Корею и южную часть Маньчжурии. В них находились и обе столицы империи — Лоян и Чанъань, столицей был Лоян. Сунь Цюань утвердился в юго-западной части страны — к югу от среднего и южного течения р. Янцзы; его владения охватывали современные провинции Хуань, Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун и Гуанси, южные части провинции Аньхой, Хубэй и Цзянсу; центром у него был город Цзяньгэ, как тогда назывался будущий Нанкин. Лю Бэй господствовал в западной части страны; его владения находились на территории нынешних провинций Сычуань, частично Шэньси, Хубэй, Гуйчжоу и Юньнань. Резиденцией

был город Чэнду в нынешней провинции Сычуань. Так началось Троецарствие — Саньго, как именовала китайская историография этот период. Царством Вэй называл свои владения Цао Цао; царством У называл подвластную ему территорию Сунь Цюань; Лю Бэй дал своим владениям наименование Шу-Хань.

В этой обстановке оборвалось и существование династии: в 220 г. Цао Пэй, сын и преемник Цао Цао на престоле Вэйского царства, низложил последнего императора ханьского дома. Это событие обычно считают концом Ханьской империи, но если это и конец, то только формальный, так как по существу уже с 189 г. императоры потеряли всякое значение, а с 192 г., в связи с появлением трех фактически независимых районов страны, власть центрального правительства вообще перестала существовать.

Но правители «трех царств» отнюдь не считали, что распад страны на три части уничтожает империю. Дело шло только о восстановлении единства центральной власти, и, разумеется, каждый из них считал, что именно он призван это единство власти восстановить. На этой почве и разыгралась борьба «трех царств».

Действующие лица этой борьбы превратились в популярнейшие персонажи последующих исторических романов, театральных пьес. Одним из самых замечательных произведений литературы феодального Китая является возникшая в XIII в. историко-героическая эпопея, так и названная «Троецарствие», причудливо сочетающая в себе красочную историческую правду с эффектным вымыслом. Военачальники этой эпохи, такие, как Чжугэ Лян и Сыма И, были возведены в недостижимые образцы замечательных полководцев, а один из них, Гуань Юй, под именем Гуань-ди, превратился даже в «бога войны».

События этой борьбы послужили сюжетами целого ряда прославленных произведений, как, например, поэмы в прозе «Красные стены» поэта XI в. Су Дун-по. В ней описана знаменитая речная битва в 208 г. у «Красных стен», как называлось тогда место на р. Янцзы, где река протекает в ущелье среди высоких берегов из красного песчаника. В этой битве огромная армия надменного Цао Цао, спускавшаяся на судах по Янцзы для нападения на владения Сунь Цюаня, была наголову разбита союзниками, которыми тогда были Сунь Цюань и Лю Бэй.

Восстановить империю смогло самое сильное из трех царств — Вэйское. В 263 г. ему удалось покончить с Шу-Хань, а в 280 г. — и с царством У. Таким образом, все части империи снова соединились, но уже не под старым названием и не под властью потомков ханьского дома. Власть оказалась в руках дома Сыма, основатель которого Сыма И был военачальником на службе у Цао Цао. Внук этого Сыма И — Сыма Янь в 265 г. низложил своего господина — третьего вэйского правителя — и провозгласил себя императором. Своей династии, а вместе с тем и восстановленной империи он дал наименование Цзинь.

* * *

Империю была восстановлена. Но последствия происшедших событий были огромны. Страна была разорена. От междоусобных распри «могущественных домов», непрерывной чередой протянувшихся почти на целое столетие, более всего страдало, конечно, трудовое земледельческое население, а с ним и сельское хозяйство — эта опора всей жизни страны. Погибло огромное число людей. Они гибли от голода, о чем так

много пишут в исторических документах того времени, от голода, бывшего следствием не столько стихийных бедствий, как уверяют эти документы, сколько междоусобных столкновений, мешавших земледельцам мирно работать на своих полях. Было уничтожено много трудового населения и при кровавых расправах с восставшими. О том, как далеко зашла хозяйственная разруха, свидетельствует цифра оставшегося на земле населения, учтенного переписью 280 г., т. е. вскоре после восстановления империи: тогда насчитывали всего только около 2,5 млн. дворов с 16 млн. населения, в то время как в 156 г., т. е. незадолго до начала распада Ханьской империи, было более 16 млн. дворов с 50 млн. населения. Конечно, условия производства переписи в 280 г. затрудняли полный учет населения, так что к 2,5 млн. дворов следует прибавить еще известное число не охваченных регистрацией, но, как бы ни было значительно число последних, огромная убыль непосредственных производителей все же остается несомненным фактом.

В связи с этим много земель, годных для обработки, оставались певозделанными. Заброшенных земель стало так много, число земледельцев, оторванных от земли, было столь велико, что Чжун Чжантун, один из публицистов конца империи, писал: «В настоящее время у земли нет хозяев, у народа нет постоянного местожительства». Это было следствием не только физической убыли земледельческого населения, но и ухода части населения с земли. Многие из крестьян не выдерживали тех тягот, которые обрушивались на них, бросали свои хозяйства и становились бродягами. Поэтому перед страной встала задача восстановления сельского хозяйства. В этом были одинаково заинтересованы и трудовое население и эксплуататоры (последние — потому, что возможности для эксплуатации оказались ввиду такой разрухи сужеными). Процесс шел поэтому двусторонний: понемногу возвращались на землю оторвавшиеся от нее; принимали меры к возвращению их и правители. По состоянию источников мы имеем больше сведений именно о действиях последних.

Во время Троецарствия в Вэйском государстве один из министров первого вэйского правителя Цао Цао — Сыма Лан — в докладе писал: «В прежние времена в народе у каждого было его собственное наследственное занятие, и оторвать его от этого занятия было трудно. В настоящее время после всех смут население рассеялось, и у земли не стало хозяев. Тем самым земля превратилась в государственную. Этим и следует воспользоваться и восстановить колодезную систему». Сыма Лан изложил, в сущности, программу установления феодализма — в экономике и социальном строе. Он заговорил о закреплении каждого за определенным занятием, о наследственности рода занятий и профессии, об общине как форме трудовой организации; к этому он добавил принцип присвоения государством как организацией власти правящего класса монополии земельной собственности, — он уже называл пустовавшую землю *гуан тянь* — государственной, что означало утверждение самой основы именно феодальной эксплуатации. Утверждение феодализма было важнейшим последствием краха Ханьской империи. Само собой разумеется, эта программа отражала тот процесс, который полным ходом шел тогда в стране. Полностью возобладало натуральное хозяйство. Характерно, что тогда же, когда был выработан этот план, в 221 г., второй вэйский правитель, Цао Пэй, прекратил чеканку монеты и приказал весь обмен вести на зерно и ткани. Правда, монета кое-где в дальнейшем иногда и чеканилась, но в целом деньги перестали иметь сколько-нибудь заметное

обращение, и в Китае почти на целых четыре столетия меновой единицей стали куски ткани.

Процесс развития феодальных отношений получил отражение и в области законодательства. При первом императоре цзиньской династии, Сыма Яне (У-ди)³, был издан закон о государственных наделах (280 г.), согласно которому крестьяне должны были получать наделы двух видов: один — для собственного пользования, другой — для обработки в пользу государства. Держатели наделов были обязаны вносить налог и с участка, предоставленного в их собственное пользование. Этот налог вносился продукцией сельскохозяйственного промысла, главным образом, по-видимому, шелком — в виде готовой ткани и в виде сырья. Кроме того, держатели наделов привлекались к работам общественного значения — по поддержанию, ремонту и проведению оросительных сооружений, по осушению почвы, по борьбе с разливами рек, по разного рода постройкам (так называемая трудовая повинность). Законодательные постановления проливают, таким образом, свет на пути утверждения государственной собственности на землю. Отработочная рента на государственных полях удержалась недолго: в начале IV в. она была заменена продуктовым налогом, что определяло возможность дальнейшего развития хозяйства крестьянина, имевшего относительную самостоятельность.

Утверждение в Китае государственной феодальной собственности на землю обусловилось прежде всего необходимостью известной централизации общественных работ — по строительству и содержанию оросительной сети, по борьбе с разливами рек, по строительству оборонительных сооружений. О масштабе последних красноречиво говорят мощные стены вокруг многих китайских городов-крепостей, которые сохранились до наших дней. Тому же содействовала общая обстановка в стране: разруха, заброшенность земель и недостаток рабочих рук. В этих условиях государство стремилось прикрепить крестьян к земле, но в такой форме, которая не мешала бы их хозяйственной инициативе и даже оставляла бы у них иллюзию самостоятельности. Система государственных земельных наделов в соединении с продуктовой рентой и была такой формой⁴. Наряду с феодальной государственной собственностью на землю в Китае сохранялись земельные владения отдельных феодалов.

Весь процесс становления государственной феодальной земельной собственности развертывался в обстановке сопротивления со стороны трудящегося населения, не прекращавшейся междуусобной борьбы среди правящего класса и усилившихся набегов кочевников. В разных частях страны происходили вспышки крестьянских восстаний, особенно сильные в провинциях Шаньси и Сычуань. Местные правители — члены цзиньского императорского дома, которым Сыма Янь вынужден был предоставить в управление отдельные части страны, немедленно же после его смерти (в 290 г.) начали борьбу между собой. Междуусобица, продолжавшаяся шестнадцать лет и вошедшая в историю под названием «смуты восьми князей», крайне ослабила силы империи, что дало возможность кочевникам, жившим на северо-восточных и северо-западных границах Китая, усилить свой натиск.

³ Сыма Янь — собственное имя; У-ди — его посмертное имя.

⁴ Государственная собственность на землю существовала в Китае и раньше. Так, она наблюдалась уже в Ханьской империи, но не стала там господствующей и преобладающей формой собственности.

На обширном пространстве к западу и к северу от Китая с давних пор обитали кочевые и полукочевые племена разного происхождения, говорившие на языках, которые принадлежали к четырем лингвистическим системам — тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской и тибето-тангутской.

Кочевники не знали стойлового содержания скота и заготовки корма для скота впрок, не знали и травосеяния. Стада постоянно перегонялись с места на место в пределах зимних и летних пастбищ. Основным средством производства кочевников были земли (пастбища). Важным средством производства и основной формой их общественного богатства являлся скот — овцы, козы, лошади, в меньшей степени — крупный рогатый скот и верблюды.

В рассматриваемый период среди кочевых племен Северо-Восточной и Центральной Азии происходил распад общинно-родового строя и процесс классовобразования. Процесс этот скудно освещен источниками, поскольку у кочевых племен своей письменности не было или она существовала лишь в зачатке. В связи с этим, а также из-за недостаточной еще изученности ранней истории кочевых народов нельзя с уверенностью сказать, были ли первые классовые общества у кочевников Северо-Восточной и Центральной Азии рабовладельческими или раннефеодальными. Несомненно лишь, что развивались они медленно, сохраняя многочисленные пережитки родового строя и племенную организацию. Несомненно, внутри племен в это время выделялась уже знать. Она видела источник дохода в грабительских войнах с соседними племенами и племенными союзами, а также в набегах на земледельческие культурные страны: Китай, Восточный Туркестан (ныне Синьцзян), Среднюю Азию и т. д.

Конница кочевников обладала огромной подвижностью и могла, быстро сосредоточив силы для нападения, неожиданно вторгаться далеко в глубь территории земледельческих стран с целью захвата военной добычи. Вот почему оседлые народы строили для защиты от кочевников длинные стены. Будучи вполне эффективным средством защиты против мелких набегов кочевников, против больших вторжений, организованных крупными племенными союзами, такие стены служить непреодолимой преградой, разумеется, не могли.

В IV в. наиболее сильными из племен, обитавших на северной и западной границах Китая, были гунны⁵, тибето-тангуты и сяньбийцы. Именно эти племена и стали вторгаться в Китай⁶.

Слабость Цзиньской империи явственно сказалась в той легкости, с которой гунны, первыми из кочевников вторгшиеся в это время в Китай, захватили северную часть страны. Цзиньский император при первом же признаке опасности бежал на юг, за р. Янцзы, которая считалась и действительно была тогда непреодолимым для кочевников рубежом.

⁵ Гунны (сюнну в китайских источниках) еще в I в. до н. э. разделились на две большие ветви. Одни из них ушли на запад, а другие остались на границах Северного Китая.

⁶ Вопрос об этническом происхождении этих племен наукой окончательно не решен. Например, гуннов одни исследователи относят к племенам монгольского этнического корня, другие — к тюркам; сяньбийцев относят и к маньчжуро-тунгусской группе и к монгольской и т. д.

Туда же потянулась и знать с многочисленной челядью, увозя с собой все, что можно было взять из имущества. Бежала туда и некоторая часть земледельческого населения. В сущности, гуннов остановил именно водный рубеж, непреодолимый для их конницы. Так они стали хозяевами северной части империи.

То, что гунны стали первыми, кто вторгся в Китай, не случайно, ибо они оказались ближе к основным районам страны и наиболее подготовлены к созданию своего государства. В то время они представляли собой уже далеко не прежних кочевников, когда-то своей дикостью и жестокостью наводивших ужас на мирных китайских земледельцев. Основную их часть составляли те, кто уже давно перешел Великую китайскую стену, т. е. поселился в пределах империи. Первое такое массовое переселение их произошло в середине I в. н. э., когда в результате раскола гуннского племенного союза одна часть племени — южная, кочевавшая ближе к владениям Хань, отделилась от своих северных соплеменников и перешла на территорию Китая. Император Гуан-у-ди вынужден был с этим переходом примириться. Гунны сохранили свое племенное устройство и своих вождей. Считалось только, что они признают над собой верховную власть ханьских императоров. Местом их нового поселения стал Ордосский край, т. е. часть позднейшей Внутренней Монголии, а также часть нынешней провинции Шаньси.

Живя долгое время бок о бок с китайцами, эти гунны восприняли многое из их цивилизации. Племенная знать гуннов слилась с китайской знатью и даже сменила свои родовые имена на китайские. Происходило смешение населения и в племенной массе, поскольку на территории, занятой гуннами, продолжало сохраняться многочисленное китайское ремесленное и земледельческое население. При вождях действовали китайские советники — учителя, чиновники, вводящие китайские формы управления. Большая, чем у других кочевников, культура в соединении с крепкой военной организацией, в частности с наличием многочисленной конницы, обусловила, что именно гунны оказались первыми из кочевников, захватившими северную половину империи и образовавшими там свое государство. В 316 г. в руки гуннов перешла столица империи — Чанъань...

Вслед за гуннами в Китай вторглись через полвека сяньбийцы. Первоначальным местом их расселения был район Южной Маньчжурии, а также самая северная часть Корейского полуострова и северная часть нынешней китайской провинции Хэбэй. В первой половине IV в. у них образовался сильный племенной союз под главенством рода *муюн* (*баян*). Отсюда и название этого союза — *муюн*. После разгрома гуннов сяньбийцы основали государство Цянь-Янь, как называет их владения средневековая китайская историография. Однако власть сяньбийцев оказалась очень непрочной: в 370 г. она пала под ударами тибето-тангутов.

Племена, говорившие на тибето-тангутском языке, обитали в западной части Северного Китая и сначала подчинились гуннам. Воспользовавшись борьбой гуннов с сяньбийцами, тибето-тангутские племена образовали в 351 г. на территории нынешних китайских провинций Хэнань и Шаньси свое государство, вошедшее в историю под китайским наименованием Цянь-Цинь. К 370 г. тибето-тангутским племенам удалось подчинить себе все племена, обитавшие тогда в Северном, Северо-Западном и Западном Китае. Завоевательные устремления тибето-тангутской знати этим, однако, не были удовлетворены. Она пыталась распространить свое господство и на Южный Китай. Но в битве при Фэйшуй (383 г.) сравнительно

небольшое войско империи разбило огромную соединенную армию тибетотангутов, сяньбийцев и гуннов. Могущество государства Цянь-Цинь было подорвано. В нем усилились и внутренние распри. К концу IV в. оно прекратило свое существование. После этого в течение более полувека север Китая был ареной непрерывных войн, которые велись кочевыми племенами.

В 386 г. произошло объединение сяньбийских племен под властью верховного вождя из рода Тоба (Тобар), которого китайская историография называет Тоба Гуй. В китайской историографии это сяньбийское государство именуется Хоу-Вэй (т. е. Позднее Вэйское царство) или Бэй-Вэй (т. е. Северовэйское). Преемники Тоба Гуя продолжали завоевания. В 439 г. объединение всего Северного и Северо-Западного Китая под властью сяньбийцев было закончено. Сяньбийцам пришлось, однако, выдержать упорную борьбу с другими кочевниками, особенно с жузянями.

Под именем жузяней (жоужаней, жуань-жуаней) известны кочевники, обитавшие на территории позднейшей Монголии во второй половине IV и в начале V в. и владевшие обширным пространством от гор Тянь-Шаня и Карашара (в современном Синьцзяне) на западе до Великой китайской стены и Хинганского хребта на востоке. По мнению большинства исследователей, основные племена жузяней были монголоязычны, но они подчинили себе и ряд тюркских племен. У жузяней, по-видимому, происходил процесс классовобразования, но насколько далеко он продвинулся и превратился ли позднее их племенной союз в государство, остается пока невыясненным. Несомненно лишь, что жузяньское объединение в V в. было более сплоченным, нежели прежние объединения кочевников. Глава жузяней принял титул *кагана*. Титул этот — тюркского или монгольского происхождения, им именовался независимый государь. В военном отношении жузяне представляли грозную силу. Они часто производили набеги на Китай.

Борьба сяньбийцев с жузянями продолжалась более полувека. Лишь в 449 г. жузяне были отеснены от границ владений сяньбийцев и обессилены настолько, что оказались уже не в состоянии продолжать свои набеги. С VI в. жузяньское объединение стало все более слабеть вследствие внутренних междоусобий и отпадения ряда подвластных племен. В 552 г. его разгромили алтайские тюрки, жузяньский *каган* Анахуань был убит, а к 555 г. тюрки захватили все владения жузяней. Часть их, до 30 тыс. шатров (вероятно, около 130 тыс. человек), не желая подчиниться алтайским тюркам, откочевала на запад, где жузяне стали известны под именем аваров (обрывы в славянских летописях). Уже в 557 г. авары появились на среднем течении Дуная, в степях нынешней Венгрии. К 568 г. здесь образовался Аварский каганат, просуществовавший до начала IX в. Авары постоянно производили набеги на Византию, на земли славян и другие соседние страны.

* * *

Государство сяньбийцев просуществовало почти 200 лет, с 386 по 584 г. В последние 30 лет оно состояло из двух частей — Северное Ци и Северное Чжоу — и очень скоро перестало быть сяньбийским, так как не только верхушка, но и вся масса племени быстро слилась с местным китайским населением. С 495 г. столицей государства стал город Лоян, старая столица Ханьской империи.

В Северовэйском государстве и развилась та форма феодального землевладения и землепользования, которая начала устанавливаться во времена Цзинь (первая половина IV в.). В законодательстве такой аграрный строй получил наименование *цзюнь тянь* (букв. «равные поля»), иначе говоря — государственная наделная система...

* * *

Каждые пять соседних дворов составляли административное объединение — низшее звено в системе организации сельского населения. Средним звеном являлось объединение из пяти таких первичных звеньев; оно охватывало, следовательно, 25 дворов. Высшее звено составляло объединение из пяти средних звеньев; оно охватывало 125 дворов. Во главе каждой из этих административных единиц стоял старшина — из числа членов данного объединения. На его обязанности лежало не только общее управление делами своего объединения, но и раздача наделов, когда это требовалось, а также отчуждение наделов в казну в случае смерти держателя или при совершении им преступления, а также сбор налогов и податей, привлечение населения к отбыванию трудовой повинности, и, наконец, наблюдение за выполнением держателями наделов их обязанностей по обработке предоставленных им участков. Красноречиво говорят слова закона о наделном землепользовании, изданного в 485 г.: «Не разрешается уклоняться от работы и предаваться безделью. Там, где земли довольно, переходить без достаточных оснований на другое место не разрешается». Это означало, следовательно, закрепление держателей наделов за обрабатываемой ими своими силами и своими орудиями государственной землей, т. е. государственное закрепощение всего крестьянского населения страны.

Таким образом, для наделной системы характерно было существование крестьянской общины с наследственным землепользованием крестьянства, фактически прикрепленного к земле, и землевладение отдельных феодалов при господстве государственной феодальной собственности на землю. Экономическим условием существования этой системы было соединение ремесла и земледелия в рамках общины, натуральный характер хозяйства и относительно медленный рост имущественного неравенства в общине. В то же время наделная система в известной степени способствовала развитию производительных сил. Источники свидетельствуют об улучшении техники обработки земли, усовершенствовании оросительной системы. Получали все более широкое распространение новые сельскохозяйственные культуры (чай, сахарный тростник, хлопчатник и т. д.). Одним из проявлений экономического подъема было возрастание хозяйственной самостоятельности отдельного крестьянского двора.

Участки отводились не только по числу свободных земледельцев, но и по числу рабов. Этот порядок указывает на то, что рабство в Китае продолжало еще сохраняться и играло некоторую роль в хозяйстве. Однако число рабов было, по-видимому, невелико. Основным производителем в Китае в это время был обремененный феодальным тяглом крестьянин.

Эти порядки были введены в северной части страны, завоеванной сяньбийцами. Однако отнюдь не сяньбийцы, не варвары изобрели наделную систему: как это видно из предшествующего изложения, ее осно-

вы были намечены китайцами еще в период Цзинь. И не варвары разрабатывали ее: это сделали те китайцы, которые в качестве чиновников составляли аппарат управления в Северовэйском государстве. Варварское завоевание Северного Китая только способствовало созданию таких условий, которые ускорили переход к надельной системе. Напомним, что уже первое варварское вторжение — вторжение гуннов — произвело большую перемену в составе населения. Как повествуют китайские исторические источники, под натиском гуннов бежала на юг вся местная знать. Тем самым был почти полностью снят старый эксплуататорский слой, державшийся за старые порядки. В стране осталось главным образом трудовое земледельческое население: сохранившиеся мелкие хозяева, полурендатеры-полукрепостные и оставшиеся рабы. И именно эти непосредственные производители и восстановили хозяйство страны. Новые же производственные отношения, соединенные при этом с новыми организационными формами, обусловили возможность нового развития производительных сил.

Законодательные установления надельной системы позволяют судить о том, в чем заключалось существо созданных порядков. Первое, что мы открываем в этом законодательстве, — существование земледельческой общины. Именно о ней свидетельствуют все постановления, касающиеся пятидворья — объединения пяти соседних дворов. Пятидворье было регламентированной формой земледельческой общины. Установленные законом переделы земли, связанные с появлением новых душ или исчезновением существовавших, воспроизводили в законодательно регламентированной и контролируемой государством форме те переделы, которые практиковались и в общине. Общая ответственность пятидворья за выполнение всех обязанностей, лежавших на его членах, воспроизводила в измененной форме известную общность хозяйства прежней общины.

Но эти черты общины, отраженные в законодательстве надельной системы, были, однако, соединены с явлением нового порядка: на первый план выступал теперь отдельный двор. Законодательные постановления надельной системы прежде всего имеют в виду двор. Именно на двор отводился надел, двор был объектом обложения налогами и рабочей повинностью, двор поставлял и рекрутов. Это свидетельствует о распадае старой формы земледельческой общины, о приобретении двором — членом этой общины хозяйственной самостоятельности. Хозяйственная же самостоятельность отдельного двора увеличивала заинтересованность его членов в своем хозяйстве, побуждала их улучшать технику обработки земли, повышать общую производительность труда. Так была создана основная предпосылка дальнейшего развития производительных сил.

Законодательство надельной системы закрепляло за двором эту хозяйственную самостоятельность, поставив ее, однако, под контроль государства, под контроль правящего класса. Основой этого контроля была присвоенная этим классом монополия земельной собственности. Самый же контроль приводил к двум последствиям: с одной стороны, он обеспечивал известную прочность закрепления за каждым двором определенного участка, с другой — укреплял самую возможность эксплуатации и расширял ее рамки...

Процесс утверждения феодальных отношений в Китае, установления их полного господства растянулся на два столетия — IV и V — и привел к экономическому, политическому и культурному подъему страны. На этой основе в конце VI в. произошло новое объединение страны в одном государстве.

Завоевание в 316 г. северной половины Китая кочевниками двояким образом отразилось на судьбе южной части страны, расположенной за р. Янцзы. Переход большой массы убежавшего от завоевателей населения на эту реку привел к освоению китайцами удаленных от исконных центров страны мест. Вместе с тем бегство на юг старой знати способствовало развитию там крупного феодального землевладения. Эта знать держала в своих руках и престол Восточноцзиньской империи. В 420 г. цзиньский императорский дом был свергнут, и власть в государстве перешла к знатным домам, сменявшим друг друга и дававшим при каждой смене новое наименование стране — по имени своей династии: Сун (420—479 гг.), Ци (479—501 гг.), Лян (501—556 гг.), Чэнь (556—589 гг.). Знать полностью владела и аппаратом управления, причем должности распределялись по степени знатности: важнейшие посты были прерогативой отдельных домов.

В южной части Китая постепенно устанавливался строй, близкий к наделной системе, о чем говорят законодательные акты, относящиеся главным образом к IV в. Важнейшее, что в них зафиксировано, — отказ государства от взимания отработочной ренты и переход к налогу зерном. Указанный факт отражен в установлениях Чэн-ди. Существенным представляется и исчисление налога сначала с земельной площади, а в дальнейшем (с конца IV в.) — подушное. Тем самым создавалась общая экономическая основа, на которой обе половины страны снова могли объединиться в одном государстве. Это и произошло в конце VI в. Восстановителем государственного единства страны оказались политические силы Севера. В 581 г. престол бывшего Северовэйского царства, в это время называвшегося северочжоуским, перешел в руки одного из полководцев — Ян Цзяня, при котором объединение и было в 589 г. закончено. Новая всекитайская империя сначала именовалась Суйской — по имени Суй, как назвал свою династию Ян Цзянь.

Завоевание северной части Китая кочевниками не прервало общего развития китайской культуры. Завоеватели быстро ассимилировались, приняв китайский язык, имена, обычаи, просвещение. В конце концов они вообще слились с китайским населением...

И все же некоторые отличия в культурной жизни обеих половин страны были. Так, наиболее важные явления в литературе возникли в Восточноцзиньском государстве и его преемниках. Не известна народная словесность того времени, ибо до нас дошла только литература господствующего класса. Но и в ней явно видны две линии: одна, связанная с верхушкой правящего класса — придворной аристократией, другая — с широкими слоями этого класса, мелкими земледельцами, чиновниками. Наиболее значительным выражением придворной литературы была антология стихов и прозы «Вэнь сюань». Она была составлена в середине VI в. кружком придворных литераторов во главе с принцем царского дома Лян — Сяо Туном. Ознакомление с ней показывает, что для феодальной аристократии литературой были различные этюды на философские, исторические и моральные темы, панегирики и надгробные слова, послания и письма. Повествовательная литература отсутствовала в них полностью. При этом главным в литературном произведении считалось мастерство словесной формы. В дальнейшем эта линия выродилась в механическое воспроизведение установленных стилистических приемов с трафаретным содержанием.

Другая тенденция была представлена поэзией Тао Цяня (Тао Юаньмина) — одного из великих поэтов Китая. Тао Цянь был мелким земле-

дельцем-собственником. Уйдя в город и став чиновником, он очень скоро почувствовал, по его собственному выражению, что «ради пяти мерок риса гнуть спину перед властями» не в состоянии. Поэтому он вернулся к себе в деревню и зажил простой сельской жизнью, близкой к крестьянской. Он стал поэтом этой простой жизни и вместе с тем поэтом, с гневом и горечью отвергавшим пороки тех, кто правил народом. Замечательным его произведением является поэма в прозе «Домой!», в которой он выразил этот гнев и свою любовь к родным полям.

Там же, на юге Китая, стала развиваться и живопись. Этим китайский народ обязан первому великому художнику — Гу Кай-чжи. Он писал картины на сюжеты из обычной жизни, правдиво отображая людей своей эпохи и окружающую их обстановку. К сожалению, до нас дошло лишь очень немногое из его художественного наследия. Тогда же превратилась в искусство и иероглифическая каллиграфия, став важнейшим видом графики. Ее расцвет связан с именем Ван Си-чжи, ставшим для последующих поколений «богом каллиграфии».

В северной части страны литература не получила сколько-нибудь серьезного развития, но зато процветали живопись и ваяние. Расцвет именно этих отраслей искусства связан с буддизмом, которому покровительствовали вожди завоевателей. Еще в начале IV в. на крайнем западе нынешней провинции Ганьсу появилась фресковая роспись «пещер тысячи будд» — знаменитого пещерного буддийского монастыря в Дуньхуане. При этом наряду с картинами на буддийские религиозные сюжеты уже тогда там начали появляться картины и на сюжеты из народной жизни, получившие, впрочем, свое развитие позднее — в IX—XI вв.

Бурное время распада древнего общества и перехода к средневековью в области идеологии ознаменовалось упадком конфуцианства, расцветом даосизма и распространением буддизма. Конфуцианство, в своей ханьской форме приспособленное к существовавшему тогда строю, стало терять значение в связи с его распадом. Даосизм превратился в мощное течение еще в последние столетия Ханьской империи. Он стал народной религией и одним из философских направлений, распространенных в среде правящего класса. Основной чертой даосизма как народной религии была вера в сверхъестественные силы и в возможность использования их для достижения земных благ — здоровья, долголетия, богатства. Различные секты даосизма создавали почву и для объединений угнетенных масс, становясь наиболее распространенной формой таких объединений. Это особенно ярко проявилось в восстании желтых повязок, которое использовало именно форму даосских сектантских объединений. Философский даосизм, центральной идеей которого было «опрощение», слияние с природой, стал идеологической формой некоторых оппозиционных движений в среде самого господствующего класса. Но даосизму скоро пришлось столкнуться с новой религией — буддизмом.

Буддизм проник в Китай из Кушанского царства еще во времена Ханьской империи. В первое время он распространялся слабо, но в VI в. уже оказался переведенным на китайский язык весь канон буддизма. В стране возникло много монастырей и храмов, а также появилась целая армия духовенства. Несмотря на гонения, буддизм быстро превратился в господствующую религию, прежде всего — правящего класса. Причина этого в двух его элементах: вероучении и церковной организации. Буддизм говорил о всеобщем равенстве — в смысле возможности для каждого достичь высшего религиозного познания, даже «стать Буддой». Таким путем он стремился овладеть умами угнетенных, преподнося им

утешение хотя бы в таком умозрительном виде. Но этот догмат послужил опорой и при выработке концепции абсолютной власти императоров, для которой «все равны», т. е. все в одинаковой мере подданные. «Равенство всех» перед верховной властью становилось идеологическим оправданием надельной системы как системы именно «уравнительного» землепользования. Буддизм говорил и об иерархии — в смысле перехода от низших ступеней познания к высшим. Это соответствовало иерархичности строения самого господствующего класса, всего феодального общества. Наконец, организация буддийской церкви, построенная на принципах иерархии и авторитета, также отвечала идеологии феодализма с ее авторитарностью.

Народную массу буддизм привлекал проповедью о загробном рае, о возможности силою веры достигать желаемого, в том числе и мирских благ. Он импонировал массам пышным церковным ритуалом. Буддизм в руках правящего класса стал могущественным идеологическим и организационным орудием укрепления феодализма.

КИТАЙ В VI—VIII вв.

Образование общекитайской империи дома Суй (589 г.) означало восстановление государственного единства страны, временно прерванного в начале IV в. захватом его северной половины «варварами». Однако суйский дом продержался очень недолго — до 617 г. Все же при всей краткости этого промежутка эти тридцать с небольшим лет — конец VI и начало VII в. — имеют большое значение в истории китайского народа.

Прежде всего в описываемые десятилетия надельная система утвердилась на всей территории страны. Тем самым образовалась экономическая основа государственного единства. Единство подкреплялось и централизацией управления, поскольку, как было упомянуто выше, надельная система требовала единообразной, координированной и иерархически построенной системы правительственных органов. Расширение экономических связей между отдельными районами, особенно между богатым сельскохозяйственной продукцией югом и более развитым в промышленном отношении севером также способствовало единению. Именно для развития этих связей при Ян-ди (Ян Гуан), втором и последнем императоре суйской династии, был построен Великий канал — грандиозное для тех времен сооружение (его протяженность в настоящее время — свыше 1000 км), соединяющее бассейны двух великих рек страны — Хуанхэ и Янцзы.

Еще во время распада страны на две половины обнаружились большие сдвиги в сельском хозяйстве. Широкое распространение получили железный плуг с пахотой на волах, грядковое полеводство; были восстановлены старые и устроены новые оросительные сооружения; с изобретением механизма для подачи воды на поля — колеса с глиняными кувшинами, подававшими воду в трубы, — улучшилась поливная система. Все это привело к росту продуктивности земледелия. Появились новые культуры: чай, батат, хлопчатник. Разведение лубяного шелкопряда двинуло вперед и шелководство. Непрерывно росла площадь обрабатываемой земли. Так, в 589 г. площадь обработанной земли исчислялась в 19 404 267 цин (1 цин = 6,25 га), в конце же правления суйского дома эта цифра возросла до 55 854 040 цин. Данные эти приводятся известным историком Ду Ю в его энциклопедии «Тундянь» и, несомненно, преуве-

личены, но все же значительный рост обрабатываемой площади беспорен. Одновременно наблюдался и рост населения: в 589 г. насчитывалось около 9 млн. дворов, в 615—616 гг. — около 11 млн., что означало не менее 50 млн. прочно сидящего на земле, занятого трудом населения. Таким образом, хозяйственный подъем страны в конце VI — начале VII в. не подлежит сомнению.

В период правления Суй получили развитие некоторые явления, которые обозначались в надельной системе еще раньше и полностью раскрыли ее социально-экономическую сущность. Надельный строй был закреплен в законодательстве второй половины V в. Через 100 лет, т. е. во второй половине VI в., закон санкционировал два исключения из принципа государственной собственности на землю: промысловые наделы, т. е. участки, отведенные для разведения промышленных растений — тутовника и конопли, были объявлены находящимися в вечном пользовании; в такое же вечное пользование отходили и участки поднятой нови. Второе изъятие открывало легальный путь к созданию собственных земельных владений.

В суйскую же эпоху появилась и еще одна форма частновладельческого присвоения земли: верховная власть стала предоставлять землю в порядке пожалования. Юридически жалованный надел (*сы тянь*), как он именовался, мог быть в любое время отнят, но, поскольку право пользования им передавалось по наследству, постольку распоряжение им фактически ничем не отличалось от владения. Нечего и говорить, что такое пожалование было для правящего класса одним из способов создания собственных земельных владений.

В суйское время произошло законодательное закрепление и еще одного вида наделов. Это были наделы должностные. Надельный строй был соединен с определенной организацией управления страной. Поскольку юридически единственным владельцем земли являлось государство, поскольку распределяло участки, отбирало их, следило за их обработкой, взимало налоги правительство, постольку необходим был огромный, разветвленный и в то же время строго координированный бюрократический аппарат. Служба в нем давала право на должностной надел, означала передачу в распоряжение должностных лиц феодального государства участков, обрабатываемых крестьянами. Налоги с таких участков поступали уже не в казну, а в распоряжение данного должностного лица. Условность владения должностными наделами состояла в том, что владелец терял такой надел вместе с лишением должности и получал другой надел в связи с изменением места службы. От должности зависел и размер надела. Кроме того, при пользовании должностным наделом его владелец не имел права распоряжаться им — отчуждать или передавать его по наследству. В распоряжении должностных лиц находились также участки, приписанные к правительственным учреждениям для их содержания.

В суйское время получали законодательное оформление и земли, попавшие в руки старой знати, носившей различные, идущие еще с древности, титулы, высшими из которых были *ван* (князь) и *гун* (князь, герцог). Эти земли считались закрепленными за ними в качестве «наделов, присвоенных по титулу». Владение ими было неограниченным.

Таким образом, к концу VI — началу VII в. с полной ясностью обнаружилась социальная сущность надельной системы. Путем присвоения правящим классом монополии на земельную собственность в форме передачи всей земли в распоряжение государства права владения зем-

лей на деле были лишены только действительно работавшие на земле крестьяне. Правящий же класс — феодалы — это право фактически сохранял под видом земель, присвоенных по титулу или пожалованных. Своеобразие формы феодальной эксплуатации в то время заключалось в том, что крестьянство в своей основной массе эксплуатировалось не непосредственно феодалом — владельцем земли, а господствующим классом в целом через государство. Аппарат управления страной, находившийся в руках господствующего класса, представлял, по существу, гигантский механизм по перекачиванию доходов от трудящегося населения к правящему классу. Делалось это и в форме распределения получаемой в виде налогов продукции как жалования чиновникам; делалось это и в прямой форме — в виде предоставления должностным лицам права непосредственно присваивать налог, получаемый с должностных надделов. Таким образом, основная масса господствующего класса была организована как чиновничество. Но высший слой этого класса имел свои земли — в виде участков, присвоенных по титулу или пожалованных. Пожалованными участками небольших размеров владела и часть среднего слоя правящего класса. Основная же масса этого класса, имея в общем порядке свои подушные надделы, жила главным образом на доходы с должностных надделов.

Экономическому подъему способствовало также и то обстоятельство, что, как уже сказано выше, промысловые надделы, т. е. участки, предназначенные для разведения промышленных культур — тутовника и конопли, как и участки поднятой нови, были объявлены находящимися в вечном пользовании. Предоставление в фактическую собственность таких участков усиливало заинтересованность крестьян в улучшении ведения хозяйства и открывало доступ к приобретению земли. По закону он был открыт для всех, но им могло пользоваться сравнительно небольшое количество крестьян, так как основная их масса сильно страдала от многочисленных государственных поборов. Неизмеримо больше возможностей для присвоения земли было, разумеется, у правящего класса, который мог привлечь для разработки нови обедневших крестьян, предоставляя им эти участки в аренду на кабальных условиях.

Следует отметить и еще одну категорию частновладельческих земель: земельные владения монастырей, состоявшие из участков, предоставленных им в общем порядке надельной системы, и из земельных пожалований императоров. Так как монастырские земли не подлежали государственному обложению, то к ним отходили и участки надельного крестьянства, отдававшегося под покровительство монастырей ради избавления от налоговых тягот и поборов чиновников. В результате внутри надельной системы с ее принципом государственной собственности на землю выростала частновладельческая земельная собственность.

Таков был аграрный строй страны, сложившийся в IV—VI вв. и законодательно закрепленный в годы правления дома Суй, т. е. в конце VI — начале VII в. Этот строй целиком сохранился в империи и после перехода власти к династии Тан.

В 613 г. суйский император Ян Гуан (Ян-ди) был свергнут одним из своих военачальников — Ли Юанем. Новая династия получила название Тан. Ли Юань (Гао-цзю) был обязан успехом главным образом тому, что непомерные и непрерывные поборы с крестьян, практиковавшиеся суйскими императорами, которые нуждались в огромных средствах для завоевательных походов, возведения дворцов и постройки Великого канала, вызвали активное сопротивление крестьян. С начала VII в. повсюду

вспыхивали восстания, которые ослабляли власть суйских императоров. Наиболее крупными были восстание в провинции Хэнань, руководимое Лю Ми, и восстание в провинции Хэбэй, во главе которого стоял Доу Цзянь-да.

С самого образования китайская империя повела активную внешнюю политику. Ее целью было восстановление господства Китая на главных путях международных сношений вообще и международной торговли в особенности, а вместе с тем и установление гегемонии Китая во всех окружающих странах. Серьезное значение имело и устранение внешних угроз, которые снова появились на границах империи.

Со второй половины VI в. главную опасность для империи представляла могущественная тюркская держава — Тюркский каганат, как ее обычно именуют в европейской исторической науке. Эта держава в 50—60-х годах VI в. владела обширной территорией от Хинганского хребта на востоке до южной границы Согда на западе, в Средней Азии. Появление этой могущественной державы поставило под полный ее контроль давние торговые сношения Китая со странами Средней Азии, а через них — с Передней Азией и Северо-Западной Индией. В связи с этим началась длительная борьба с тюрками и военная, и дипломатическая — путем натравливания на них их соседей и провоцирования распрей у них самих. Эта борьба кончилась разгромом тюрков. Укрепилась власть империи и в районе нынешнего Цинхая — к северу от Тибета, где обитало одно из сяньбийских племен, а к югу от него — тангуты. Тем самым границы империи достигли Тибета. С Тибетом были установлены дружественные отношения. Через его посредство Танская империя вошла в соприкосновение с гималайским царством Непал, а затем и с Индией.

Активную внешнюю политику танское правительство повело также далеко на западе Азии в то время, когда в 30—40-х годах VII в. сасанидское государство пало под ударами арабов. Одновременно второй танский император, Тай-цзун (Ли Ши-мин) завоевательными походами и дипломатическими средствами расширил пределы империи на западе. Арабское завоевание сасанидского Ирана поставило лицом к лицу две могущественные державы Среднего Востока — халифат и Танскую империю. До столкновения дело не дошло, наоборот, были установлены мирные отношения, и началась оживленная торговля.

На юго-востоке Азии империя присоединила к своим владениям север Индокитая и оттуда вошла в сношения со всеми странами Индокитая и Индонезии, всячески расширяя торговлю с ними. Из индокитайских владений империи была образована пограничная провинция с центром в г. Цзяочжоу, нынешнем Ханое.

Империя обнаружила экспансионистские устремления и на северо-востоке, в сторону Кореи. Танские правители вмешались в борьбу, которую вели тогда между собой Силла, Когурё и Пэкче... Широкий размах приняла внешняя торговля. Она велась с различными странами Индокитая, Малайского архипелага, со странами Средней Азии, а через них и с персами и арабами; через посредство же персов и арабов Китай вел торговлю с Византией. Из Китая вывозились металлические изделия, шелк, бумага, фарфор; ввозились в Китай слоновая кость, некоторые металлы, пряности и лекарственные растения.

Развитие производства и торговли привело к образованию торговоремесленных организаций, называвшихся «хан». Это были и объединения по видам производства ремесленников, одновременно торговавших своими изделиями, и объединения торговцев (по отдельным видам товаров), за-

нимавшихся посредническими операциями. Торгово-ремесленные организации имели свои уставы, управлялись выборными старшинами. На городских рынках каждому такому объединению отводились отдельные места.

В это время в Китае имелось уже немало (около 200) крупных городов и множество мелких. Одни из них возникли еще в древности, другие появились в более позднее время. Но если в древности преобладали два типа городов — город-укрепление и город-административный центр, — то в период правления танской династии и позже стали развиваться средневековые города, средоточия ремесла и центры торговли. Возникали небольшие города и на месте рынков, периодически устраиваемых в пунктах, расположенных между селениями. Особенное развитие получили порттовые города, через которые велась внешняя торговля.

Самым крупным городом была столица империи — Чанъань (совр. Сиань в пров. Шэнси). В первой половине VIII в. его население доходило до миллиона. Чанъань был крупнейшим центром в масштабе всей Восточной Азии. Это проявлялось в разноплеменности и разноразличности населения, во внешнем облике его жителей, в их быте. Во дворцах, домах знати и богатых купцов было множество предметов среднеазиатского происхождения. Один из основных источников по истории Танской империи, так называемая «Новая история Тан», отмечает, что в правление императора под девизом Тяньбао «знатные и благородные очень любили чужеземную одежду и чужеземные головные уборы». О размерах Чанъаня свидетельствует его план. Город представлял почти правильный четырехугольник со сторонами около 10 км с запада на восток и около 9 км с юга на север. Он был окружен толстой и высокой стеной с восемью монументальными воротами. В нем имелись два рыночных квартала.

Вторым по значению городом был Лоян (в современной пров. Хэнань), считавшийся второй столицей империи. На всю страну славилась ряды книжных лавок, находившихся на одном из его рынков.

Процветавшим приморским городом был Гуанчжоу (Кантон), всегда переполненный торговыми гостями — арабскими, персидскими, индийскими, с Явы, Суматры; Янчжоу — на берегу Великого канала — был центром соляной торговли; это был, кроме того, город богатейших оптовых фирм. Чучжоу (ныне — Хуайянь, в пров. Цзянсу), расположенный на берегу Великого канала, был центром оптовой торговли рисом и вел торговлю с Кореей (Силла); Миньчжоу (ныне Нинбо) вел торговлю с Японией. Юньгуй в нынешней провинции Юньнань вел торговлю с Тибетом. Из городов, имевших значение главным образом для внутренней торговли, большое значение имел Чэнду в нынешней провинции Сычуань — центр торговли чаем, сахаром, хлопком.

Танское правительство стремилось извлечь как можно больше доходов из торговли. С этой целью было учреждено Управление перевозками соли и железа, облагавшее налогами эти виды товара. В портах находились правительственные таможни, взимавшие торговые пошлины...

* * *

Утверждение феодализма в Китае ускорило процесс установления феодальных отношений в соседних странах. В Китае феодальный строй полностью утвердился в IV—VII вв.; несколько позже — в VI—VII вв. — он укрепился в Корее, а в VII--VIII вв. — и в Японии. Всюду он принял форму надельной системы.

Установление нового социально-экономического строя в этих странах сопряжено с образованием приспособленного к этому строю государства. Развитие производительных сил в ту эпоху было связано с прочным закреплением непосредственных производителей за обрабатываемыми ими участками; наряду с этим было необходимо обеспечить земледелие надлежащей оросительной сетью. Для того и другого требовалась крепкая государственная организация. Для правящего класса государство представляло, кроме того, аппарат по извлечению от непосредственных производителей прибавочного продукта и по распределению этого продукта между представителями этого класса в порядке жалования. Именно по этим причинам феодальные государства, возникшие на базе надельной системы в Китае, Корее и Японии, стали государствами с централизованным, конечно в разной степени в каждой стране, управлением, с сильной верховной властью, с многочисленным чиновничеством. Образование таких государств привело к более тесному сплочению отдельных частей этих стран. В Китае Суйская и Танская империи покончили с распадом Китая на северную и южную половины. Царство Силла в Корее объединило под своей властью весь Корейский полуостров. Нарская монархия в Японии распространила власть на всю основную территорию страны, до этого распадавшуюся на отдельные, плохо связанные друг с другом районы.

Развитие государственности связано и с образованием народностей — корейской и японской. Единая народность в Корее образовалась на почве объединения в одном государстве с однообразным экономическим строем различных групп населения полуострова, принадлежащих к отдельным разветвлениям обширной семьи тунгусских племен. Японская народность создавалась на почве распространения однообразных экономических порядков на все районы страны и большого политического сплочения населения этих районов с растворением при этом в коренном его составе остатков отдельных племенных групп (кроме айнов) и многочисленных переселенцев с материка — из Кореи и Китая.

КОРЕЯ В III — VIII вв.

На обширных пространствах Северо-Восточной Азии (по позднейшим географическим наименованиям — в Маньчжурии, Внутренней Монголии, части Северной Кореи и Северного Китая) с глубокой древности обитали многочисленные племена, относимые исследователями к маньчжуро-тунгусской группе. Центром этой территории была Маньчжурия, главным образом Южная. На этой территории с давних пор возникали различные «государства», как повествует китайская историография, которой мы обязаны основными сведениями об этих племенах. Это были, по-видимому, родо-племенные союзы разного масштаба и разной степени прочности.

О первом, ставшем нам известным, таком союзе упоминается уже на рубеже нашей эры. Это было «государство Фууй», как именуют его китайские источники (корейск. Пуё). О нем упоминается и в старых корейских исторических памятниках и даже в японских. Центр его находился к северу от современного Чанчуня в Центральной Маньчжурии. Авторы корейских источников склонны видеть в Фууй наиболее древнее из корейских государств, поскольку оно было образовано теми же племенами, которые заселили и полуостров. Все они отмечают наличие в Фууй оседлого земледельческого населения, плодородие почвы, позво-

лявшей возделывать «пять хлебов», т. е. пять видов хлебных злаков. Главнейшим видом питания населения были бобы. Рассказывается в них о дворцах правителей, о тюрьмах, об амбарах — хранилищах зерна на случай недорода. Упомянуто и о чиновниках, составлявших аппарат управления. Древнее земледелие в этом районе, а также крупные поселения, подтвержденные археологическими данными, указывают на сравнительно высокий уровень культурного и общественного развития «варварского» окружения Китая. Государство Фуюй просуществовало почти три столетия — до 285 г. н. э., когда пало под ударами сяньбийцев. Сяньбийцы представляли собой другую группу маньчжуро-тунгусских племен.

Точно так же на рубеже нашей эры в китайских источниках начинают появляться сведения о другом северо-восточном государстве — Гаогюйли. Это также сильный родо-племенной союз, власть которого распространилась на обширную территорию, охватывавшую юго-восточную часть Маньчжурии и север Корейского полуострова. По уровню культурного развития население Гаогюйли не только не уступало своим соседям на западе, но, по-видимому, даже превосходило их. История Гаогюйли, в корейском произношении Когурё, — часть истории Кореи...

В IV в. на Корейском полуострове образовались три государства: Когурё, занимавшее северную часть полуострова и прилегающие части Южной Маньчжурии; Пэкче — юго-западную; Силла — юго-восточную. Северная часть полуострова неоднократно попадала под власть Китая. Юг полуострова, отделенный от Японии узким проливом, постоянно подвергался набегам японцев, которые в IV в. даже закрепились на южной оконечности полуострова. Такое положение обусловило давнее и временами весьма заметное участие Китая и Японии в событиях на полуострове.

Раньше, чем в других царствах, феодальные отношения начали развиваться в северном государстве — Когурё. В китайских источниках отмечается, что земля в Когурё была собственностью правителей государства, которые предоставляли крестьянам земельные участки с обязательством уплачивать налог продуктами земледелия, а также отбывать трудовую повинность по ремонту и строительству оросительных сооружений, дворцов и крепостей. Кроме крестьян, участки земли предоставлялись и должностным лицам государственного аппарата в качестве вознаграждения за службу. Практиковались и земельные пожалования членам знатных фамилий.

Развитие феодальных отношений в Корею, как и в Китае, не сопровождалось полным исчезновением рабства. Рабы оставались и во владении государства, и во владении отдельных лиц, но они не играли крупной производственной роли. Развитие производительных сил обеспечивалось главным образом трудом надельного крестьянства, фактически прикрепленного к земле.

Несомненно, что географическая близость к Северному Китаю, где феодальные отношения складывались уже с давних пор, сыграла серьезную роль в более быстром развитии феодальных отношений в Когурё, тем более что многочисленные переселенцы из Китая принесли с собой свою сельскохозяйственную технику и ремесла. Влияние Китая в Когурё можно усмотреть в те времена и в организации управления, и в распространении китайской образованности. С проникновением буддизма в стране начали строиться храмы и монастыри, вызвавшие развитие в Когурё архитектуры, скульптуры и живописи.

Развитие феодальных отношений наблюдалось и в юго-западном корейском государстве — Пэкче. Однако на внутреннем состоянии Пэкче

тяжело отразилась почти не прекращавшаяся в течение целого столетия борьба с Когурё. Это борьба разоряла страну, мешала земледельческому труду, вынуждала население искать себе прибежище в соседнем государстве — Силла. Связи Пэкче с Южным Китаем обусловили особенное развитие в Пэкче ремесел (Южный Китай оставался центром ремесел со времен Ханьской империи; в Северном Китае им был нанесен ущерб во время вторжения кочевников). Гончары, ткачи, оружейники, плотники, судостроители, вышивальщицы из Пэкче пользовались громкой славой не только на всем Корейском полуострове, но и в Японии, предъявлявшей постоянный спрос на их изделия.

Значительным толчком к развитию ремесленного производства стало переселение в III в. в Корею большого числа китайских ремесленников, бежавших во время подавления народных восстаний и междоусобных войн. Это содействовало развитию ткачества, распространению выделки железного оружия, обработки фарфора, кож и т. д.

Имущественное неравенство внутри корейских племен резко возросло. Усилилась роль знати и родов племенных вождей. Широкое распространение получило рабство, при этом использовался давний обычай обращения в рабство за различные преступления. Аристократия эксплуатировала также массы свободных членов племени. Так, земледельческие общины обрабатывали поля, урожай с которых поступал в исключительное пользование племенных вождей, власть которых все более приобретала характер королевской наследственной власти. Большие пространства земель оказались захваченными представителями складывавшегося господствующего класса. Свободное население стало облагаться различного рода поборами в пользу королей, военачальников и знати и обязывалось нести трудовую повинность по постройке дворцов, храмов, укреплений, дорог и т. д.

Процесс формирования классов проходил в острой борьбе, но исторические источники лишь глухо упоминают о ней. Так, в начале IV в. в Когурё произошло стихийное восстание против короля и аристократии. Поводом послужил сгон на строительство дворца всего мужского населения прилегающих к столице районов в возрасте от 15 лет в разгар полевых работ. Король был убит; его преемник поспешил отменить мобилизацию на строительство. Подобные стихийные выступления против знати, хотя и приобретали значительный размах, как правило, кончались поражениями. Таким образом, к первым векам нашей эры относится формирование раннефеодальных государств на Корейском полуострове, организованных по китайскому типу, но пережитки старых первобытнообщинных отношений еще долго там сохранялись.

Конфуцианство, перенесенное сюда из Китая, получило распространение еще до нашей эры. Оно импонировало корейской знати проповедью «неравенства», призывая к повиновению младших старшим, требованием, чтобы подданный был верен своему государю. Но еще большее значение при установлении феодальных отношений в Корее имело распространение буддизма, в котором феодалы видели идеологическое средство подчинения масс и оправдания своих привилегий, своего государства, образец иерархической и хозяйственной организации.

Первые проповедники появились в Когурё в 372 г., они привезли буддийские книги и изображения Будды. Прибывшие монахи были радушно встречены при дворе. Король повелел, чтобы его старшего сына начали обучать буддийским доктринам. Близ Пхеньяна было начато строительство двух огромных монастырей. Десятилетие спустя, в 384 г., по просьбе

короля Пэкче в его столицу из Южного Китая были также направлены буддийские проповедники. Правители Пэкче энергично содействовали распространению новой религии. Буддийской церкви были предоставлены крупные земельные владения. В Силла буддийские монахи были допущены лишь в 528 г. К VI в. в Корею буддийская церковь превратилась в крупную силу, немало содействовавшую укреплению феодальных отношений...

В первые десятилетия своего существования Когурё, Пэкче и Силла были лишь небольшими островками, окруженными независимыми племенами. Новые государственные объединения были сильнее своих разрозненных соседей и начали подчинять их себе. Пэкче после длительной борьбы захватило земли племени махан, лежавшие к югу от его владений. При этом племенная знать махан была почти полностью истреблена. В то же время Силла подчинило часть земель племен пёнхан на юго-востоке и ряд племен на восточном побережье полуострова.

В целях сопротивления натиску Пэкче и Силла девять родов группы пёнхан в 41 г. объединились. Возникшее государственное образование, называвшееся Кая, находилось на юге полуострова между реками Кымган и Нактонган. Оно просуществовало до V в. Это — объединение группы мелких владений, постоянно враждовавших между собой. Их самостоятельность сохранялась только благодаря соперничеству между Силла и Пэкче. Когурё расширяло свои владения, подчиняя племена Северной Кореи и Южной Маньчжурии.

По мере того как между корейскими княжествами устанавливалась общая граница, между ними все чаще происходили столкновения. Особенно положение обострилось с начала III в., когда территория полуострова, за исключением Кая, была разделена между Силла, Пэкче и Когурё. Они беспрестанно воевали друг с другом. Иногда два из них, объединившись, выступали против третьего. Обычно Когурё и Пэкче совместно действовали против Силла, но нередко два южных государства предпринимали объединенное выступление против Когурё или же Когурё и Силла против Пэкче. Борьба между ними протекала с переменным успехом, не принося никому решительной победы. Все же к VI в. определилось усиление Когурё и Силла и ослабление Пэкче. В 491 г. Силла присоединило территорию Кая. В 555 г. ему удалось одержать крупную победу над Пэкче, которому пришлось уступить победителю почти половину своей территории. Когурё оказалось самым сильным из корейских государств в военном отношении. К V в. оно подчинило себе все северные и часть центральных районов Кореи, а также значительную часть Ляодунского полуострова. Бесконечные войны истощали корейские государства и разоряли их население. Пограничные области — район постоянных столкновений — превращались в пустыню. Вражда между корейскими государствами облегчала грабительские набеги японских пиратов на Корею.

Отношения корейских племен с Китаем и Японскими островами существовали еще задолго до возникновения трех королевств. Особенно большое значение для развития корейских феодальных государств имели отношения с Китаем, в III—V вв. принявшие более систематический характер. Корейские короли направляли ко дворам китайских императоров регулярные посольства, посылали богатые подарки, добивались получения титулов от китайских государей. Укрепление политических отношений содействовало дальнейшему развитию культурных связей. Из Китая вывозилось множество книг, ко дворам корейских королей приглашали ки-

тайских ученых, в Корею продолжали переселяться китайские ремесленники. Представители корейской знати совершали поездки в Китай.

Японские племена находились вначале на более низкой ступени развития, чем Корея. В то время как в последней уже сформировались классы и возникли ранние государства, в Японии еще господствовали первобытнообщинные отношения. Японцы заимствовали у корейцев более высокую материальную культуру, письменность и идеологию. Корея не раз упоминается в древнейших японских мифах как более развитая страна. Например, легенда о японском божете Сусаноо рассказывает, что семена, которыми впервые засеяли поля на Японских островах, были вывезены из Кореи — по сравнению с Японией культурной, богатой страны. Японские феодалы стремились поживиться за счет своего соседа и с этой целью предпринимали опустошительные набеги, в III—V вв. ставшие подлинным бичом южнокорейских государств. Для обороны побережья приходилось принимать всевозможные меры. Корейское население ненавидело захватчиков и энергично боролось против них. Чаще всего японцы встречали решительный отпор и терпели неудачи. Иногда правители Пэкче и Силла, стремясь предотвратить пиратские набеги, заключали с японскими племенами соглашение о мире, одаривали японских вождей и даже направляли в Японию заложников. В то же время южнокорейские государства, особенно Пэкче, использовали японские отряды для борьбы друг против друга. Тесные связи между Пэкче и Японией установились в конце IV в. в период ожесточенной борьбы Пэкче с Силла и Когурё. По просьбе Пэкче японские отряды не раз переправлялись на полуостров и ввязывались в борьбу. Так, в 405 г. японцы участвовали в войне между двумя претендентами на престол Пэкче и содействовали победе одного из них...

Преследуя цель предотвратить нападение Когурё, Силла оказалось вынужденным действовать вместе с Пэкче. Это ускорило утверждение в Силла феодальных отношений, развившихся в Когурё и Пэкче.

Правители китайской империи Суй не могли не обратить внимания на Когурё, бывшее тогда после Тюркского каганата самым могущественным из всех государств на периферии империи. Когда первый поход против Когурё, предпринятый в 588 г. первым суйским императором, Вань-ди (Ян Цзянем), кончился поражением, преемник Вань-ди — император Ян-ди (Ян Гуан) решил разгромить Когурё с помощью Силла. Против Когурё образовалась коалиция Суй — Силла, к которой оказалось вынуждено присоединиться и Пэкче. В 612 г. началась война. Большая китайская армия вторглась в Когурё со стороны Маньчжурии, флот направился в устье р. Тэдонган, на которой стояла столица Когурё (нынешний Пхеньян). Войска Силла и Пэкче предприняли наступление на Когурё с юга. Однако тут сказались вся сила северного корейского государства и воодушевление населения, ставшего на борьбу с захватчиками. У армии Когурё нашелся талантливый вождь — Ыльчи Мундок. Поддержанная населением, эта армия разбила китайцев; было отражено и нападение с моря.

Смена династии в империи, сопровождавшаяся внутренней борьбой, на время устранила для Когурё опасность со стороны Китая. Первый танский император, Гао-цзу (Ли Юань), даже официально заключил с Когурё мир. Этим воспользовались правители Когурё, чтобы устранить своего противника на полуострове. Им удалось оторвать Пэкче от союза с Силла. Началась война. К началу 40-х годов она поставила Силла на край гибели. Тогда Силла снова обратилось к Китаю.

Укрепление власти новой династии позволило второму танскому императору, Тай-цзуну (Ли Ши-мину), вернуться к политике своих предшественников. В 645 г. против Когурё со стороны Маньчжурии была снова направлена большая армия. Однако упорное сопротивление заставило китайцев отойти и удовольствоваться только захватом владений Когурё в Южной Маньчжурии. Устранение опасности с севера позволило правителям Когурё снова обратиться против Силла. Но тут опять вмешался Китай. В третий раз китайская армия была направлена против Когурё. На этот раз вторжение было произведено с другой стороны — в тыл Когурё: китайская армия на кораблях была переправлена через Желтое море и высадилась на территории Пэкче, бывшего тогда союзником Когурё. В 660 г. войска Пэкче были разбиты, король взят в плен и увезен в Китай, где вскоре умер. Однако народ Пэкче не примирился с захватом. Повсеместно против захватчиков стало подниматься население. Нашелся и новый предводитель — один из уцелевших членов королевского рода — Поксин.

В этот момент в борьбу вмешалась третья сторона: японцы. Потеряв в 562 г. свои владения на полуострове, японцы стремились использовать всякий случай, чтобы вернуть их себе, так как они имели большое значение как промежуточный пункт в сношениях с Китаем. Под предлогом помощи Пэкче японцы в 661 г. направили на полуостров большие силы и заняли Мимана. Когда же армия Пэкче была разгромлена, началась народная борьба. Японцы в 662 г. поспешили послать туда одного из принцев королевского дома Пэкче — Пхуна, который до этого находился в Японии в качестве заложника. Опираясь на прибывшие с ним японские отряды, Пхун объявил себя королем. В расчет японцев входил захват всего Пэкче, но для этого надо было покончить с народной борьбой. Их ставленнику Пхуну удалось убить предводителя народного сопротивления Поксина. После этого в 663 г. в устье р. Пэкчхонган появились многочисленные японские суда с крупными военными силами. Однако японцы были встречены доброжелательно только знатью Пэкче, испугавшейся народной борьбы. Народные войска сумели разгромить японцев; лишь незначительные остатки их успели бежать на родину. Ставленник японцев Пхун бежал в Когурё. Все же вести борьбу одновременно против Танской империи, Силла и японцев населению Пэкче было не по силам. В 664 г. танские войска подавили последнее сопротивление. С этого момента Пэкче как государство навсегда прекратило свое существование. Его земли отошли под управление Китая.

После этого Танская империя и Силла обратились против Когурё. Это государство было уже ослаблено предыдущей длительной борьбой. Кроме того, в нем в 50—60-е годы VII в. шла борьба отдельных групп знати, захватившая и королевский дом. И знать и король были склонны признать власть Танской империи, лишь бы не попасть в руки Силла. К тому же они опасались повторения того же, что произошло в Пэкче: народной борьбы. Кончилось тем, что в 668 г. король сдался почти без сопротивления, и с этого года Когурё как государство перестает существовать. Танский император предоставил своему союзнику — Силла лишь несколько пограничных районов, всю же территорию Когурё объявил имперской провинцией.

События на полуострове этим, однако, не закончились. В Когурё против захватчиков стало подниматься население. Борьба, неуклонно возрастающая, в начале 70-х годов вылилась в большое восстание. Этим поспешило воспользоваться Силла. На помощь восставшим были посланы

войска. В 676 г. они овладели бывшей столицей Когурё, ставшей резиденцией китайского генерал-губернатора. Столкновения продолжались еще некоторое время, но танское правительство убедилось, что новую территорию удержать трудно. В результате китайским войскам пришлось оставить все захваченные территории к югу от р. Тэдонган. Еще до этого войска Силла заставили китайцев уйти и из Пэкче. Тем самым весь полуостров, за исключением лишь самой северной окраины, отошел под власть Силла. Корейские хроники приписывают все успехи Силла его полководцу и фактическому правителю Ким Юсину...

Превращение в 668 г. королевства Силла — до этого времени всего лишь одного из трех государств на Корейском полуострове — в единственное на всем полуострове знаменовало собою первое в истории Кореи объединение большей части ее территории. Вместе с тем это означало и появление в Восточной Азии новой мощной державы. О ее силе красноречиво свидетельствует тот факт, что даже могущественная Танская империя, находившаяся тогда на подъеме, принуждена была уступить ей те территории на полуострове, которые империя Тан успела занять во время своего вмешательства в борьбу трех корейских королевств в VII в.

Объединение страны создало условия для распространения на всей территории полуострова надельной системы, ставшей с конца VI в. господствующей экономической формой, формой феодальной, сопряженной со своим специфическим социальным и политическим строем. Решительное укрепление надельной системы в Корею следует отнести к 80-м годам VII в. Об этом свидетельствует законодательство, в особенности указ 685 г., объявлявший всю землю государственной собственностью и ликвидировавший все виды частного землевладения. Вместо него были введены подушные паделы, раздаваемые всему населению с обязательством обрабатывать их и отдавать государству часть продукции. Подобное земельное устройство потребовало и новой организации государственного управления — единого и централизованного. В связи с этим взамен всякого рода местных владений была введена система административного управления страной из одного центра.

Страна была подразделена на девять провинций, управляемых губернаторами, назначаемыми центральной властью; провинции делились на уезды, уезды на волости со своими начальниками и старостами. Последней низовой ячейкой был двор с хозяином двора во главе. Эта цепь административных органов в иерархическом порядке тянулась от двора Великого совета — главного органа государственного управления. Была принята система обложения, выработанная в Китае: налог — зерном, подать — продукцией крестьянского ремесла, главным образом тканями, и трудовая повинность — обязательство отрабатывать на государственных работах некоторое число дней в году.

Правящий класс приобрел посредством такой организации страны следующие позиции. Во-первых, он образовал обширный слой государственных чиновников, заполнивших весь огромный и разветвленный аппарат управления. Их служба была соединена с состоянием в определенном должностном звании и в определенном ранге — соответственно введенной табели о рангах. И должность и ранг давали право на получение кормового надела, состоящего из определенного числа приписных дворов, т. е. дворов надельных крестьян, которые налог отдавали не государству, а тому, к кому они были приписаны. Кроме того, из поступающих в казну налогов и податей государственные чиновники по-

лучали жалование в виде выдач натурой. Помимо гражданских служащих, были и военные. Одновременно с надельной системой была введена и воинская повинность, так что вместо отрядов местных владетелей теперь появилась армия. Ее командный состав образовали представители того же правящего класса — феодалов. Они также получали жалование из казны и приписные дворы. Надо полагать, что погоня за кормовыми наделами, которые легко можно было превратить в собственные владения, привела к такому увеличению их, что это стало опасным для всего строя. Поэтому в 689 г. был издан указ, ликвидирующий кормовые наделы и оставлявший только одно жалование. Однако в 757 г. кормовые наделы были снова восстановлены. Более того, помимо них возникли и другие виды привилегированных наделов — «за заслуги», «жалованные» и т. п. Это означало, что правящий класс все более непосредственно овладевал основным источником богатства — землей с работающим на ней крестьянским населением.

Укрепление нового социально-экономического строя, сопровождавшееся введением организованного управления страной, в соединении с наступившим миром вызвало подъем экономической жизни. Покинутые населением из-за войны и опустошенные войнами земли стали снова обрабатываться. Близкое соприкосновение с Китаем способствовало проникновению на полуостров более совершенных земледельческих орудий и способов обработки земли. Новое развитие получили ремесла, в частности те, которые призваны были удовлетворять возросшие требования двора, знати, чиновничества: производство дорогих тканей, украшений, предметов домашнего обихода. Стала развиваться не только внутренняя, но и внешняя торговля. Эта торговля велась прежде всего с Китаем и Японией, но в Корею проникали через Китай даже арабские купцы. Арабские источники этого времени упоминают о Силла как о богатой стране.

Среди городов Силла первое место занимала столица государства — г. Кёнчжу (позднее — г. Кымсон) в нынешней пров. Северное Кёнсяндо. Судя по сохранившимся описаниям, это был большой город, рассеченный прямыми перекрещивающимися улицами на кварталы, которых в период наибольшего расцвета города — в VIII в. — насчитывалось, как свидетельствуют описания, 1360. В центре города находился «Лунный замок», как назывался главный дворец, окруженный большим числом меньших дворцов, павильонов, беседок. На территории дворцового района находилась и славившаяся во всей Восточной Азии «Башня для наблюдения звезд» — древнейшая на Дальнем Востоке астрономическая обсерватория. Как это вообще характерно для городов-крепостей в Корею, столица была расположена в котловине, окруженной горами, по которым вилась внушительная каменная стена с башнями-фортами.

Много подлинных корейских изделий той эпохи сохранилось в Японии, среди ее дворцовых сокровищ. В их числе золотые украшения разного назначения — для головных уборов, для ушей, кольца, застежки; зеркала из полированного металла с литым узором на обратной стороне, медные курильницы и чаши; всевозможные керамические изделия, резные украшения из яшмы; оружие — мечи, ножи, копьё; наконец, ткани — шелк и парча.

Об искусстве литья свидетельствуют колокола, отливаемые для буддийских храмов. На всю Восточную Азию славился колокол в одном из храмов столицы, отлитый в 652 г. Диаметр его основания был равен 7,5 корейским футам (т. е. более 2 м).

Замечательные образцы рельефной скульптуры сохранились на стенах пещерного храма неподалеку от г. Кёнчжу, столицы Силла. По своей конструкции и скульптурному оформлению этот храм очень близок к знаменитому пещерному храму Аджанта в Индии и к пещерному храму Датунь в Китае. Особенно выделяется большая, около 2,5 м в высоту, статуя Будды, сидящего на лотосе. Сохранилось имя художника — Сольго, писавшего свои картины настолько реалистично, что, как говорит предание, птицы принимали сосны на его картине за подлинные деревья.

Необходимо отметить и еще один факт культурной истории страны: распространение образованности. Это вызвало к жизни в конце VII в. изобретение так называемого алфавита *иду*, знаками которого служили китайские иероглифы, применявшиеся как буквы слогового алфавита. Появление фонетической азбуки облегчило распространение грамотности.

ЯПОНИЯ В ДРЕВНОСТИ ДО VIII в.

Япония в древности представляла собою дальнюю периферию восточно-азиатского мира. Однако уже в IV в. отмечаются плавания японцев к берегам Центрального Китая — в район устья р. Янцзы. Чрезвычайная же близость к Корейскому полуострову превращала северную оконечность о-ва Кюсю, юго-западную оконечность о-ва Хонсю и южный конец Корейского полуострова в один географический район. По Желтому морю вдоль западного побережья Кореи японские суда доходили до границ Кореи и Маньчжурии. Таким образом, связи Японии со странами Восточной Азии установились уже давно. История Японии с древности развивалась в соприкосновении с историей Кореи и Китая, и процессы, развернувшиеся в этих странах, не могли в какой-то форме не отразиться и на Японии.

Вопрос об этническом типе японцев связан с вопросом о заселении Японских островов. Оно относится ко временам доисторическим, почему его источники и последовательность освещаются только археологией, данные которой удостоверяют, что в эпоху неолита Японские острова уже были заселены. При этом наиболее твердую почву для прослеживания процесса заселения дают керамические изделия — из числа самых древних, обнаруживаемых при раскопках...

В исторические времена картина заселения Японских островов становится уже вполне ясной: на острова переходит население и с Корейского полуострова и из Китая. Такие переходы замечаются особенно тогда, когда там происходят наиболее ожесточенные междоусобные столкновения, вторжения извне. Переселенцы в дальнейшем сливались с местным населением, но все же память об их чужеземном происхождении сохранялась долго. Так, в списке японских родов, составленном в начале IX в., отдельно приводится группа родов, ведущих свое происхождение от выходцев из Кореи и Китая, причем эта группа составляет треть общего числа 1182 японских родов того времени. Таким образом, известный нам исторический тип японца с этнической точки зрения образовался в результате смешения разнородных этнических элементов, что и обусловило особый облик этого типа — отличный от айнского, корейского, китайского, полинезийского.

На Японских островах долгое время сохранялось многочисленное айское население, остатки которого можно видеть сейчас на северном из Японских островов — Хоккайдо. По-видимому, айну — потомки какой-то

части первой, самой ранней волны переселенцев с материка Азии. Мало-численность их в настоящее время объясняется отчасти их давним смешением с другим населением, отчасти же — их истреблением в процессе распространения поздних пришельцев на всю территорию нынешней Японии.

* * *

Наиболее древней из известных нам по историческим источникам форм общественной организации была так называемая *мура*. Это было совместное поселение нескольких групп (по 15—30 человек в каждой), связанных между собой кровным родством по материнской линии и занимавшихся земледелием. Оседлое существование на определенном месте и общее основное занятие обусловили то, что *мура* на этом этапе была одновременно и социально-экономическим объединением, и селением. В последнем значении слово «мура» существует в японском языке и в наше время. Продукция земледелия не поступала в собственность отдельных кровнородственных групп, а составляла собственность *мура* в целом и только распределялась между группами. Древняя японская *мура* была формой общины.

С течением времени обнаруживается процесс выделения отдельных кровнородственных групп, которые стали присваивать продукцию, полученную на участке, обработанном их трудом, а затем и сами участки, обособляясь внутри общины, превращаясь в самостоятельные организации. Поэтому изменялась структура кровнородственной группы: раздельное существование супругов, бывшее правилом на первом этапе, прекратилось, и жена и дети стали жить в доме мужа и отца. Это же, в свою очередь, привело к образованию новой общественно-трудовой единицы — двора и к изменению положения мужа: он стал хозяином двора. Вместе с тем изменилась и структура группы: если до этого она представляла беспорядочное соединение кровных родственников, то теперь она распалась на отдельные семьи (*якара*); вся же кровная группа в целом превратилась в большую семью, в род (*удзи*). Именно эти, появившиеся в составе *мура* (прежней общины), большие семьи (роды) присваивали себе продукцию и участки, чем и раскалывали прежнюю общину.

Среди родов в связи с разной численностью и составом их членов, а также разными размерами и качеством обрабатываемых ими участков оказались семьи богатые и бедные. Возникали и такие явления: семьи, в которых было мало работников или было много малолетних и стариков и которые не могли вследствие этого поддерживать свое существование сами, откалывались от своего рода и переходили в состав другого — более сильного. С другой стороны, богатые семьи в целях получения большей продукции часто искали дополнительную рабочую силу. Так появились роды, в состав которых входили уже не только кровные родственники, во всяком случае, не только родственники по отцовской линии. И отношения, складывавшиеся внутри такого рода, становились уже более сложными: один характер носили отношения между кровнородственными его членами, другой — отношения этих членов к другим — неродственным; эти последние уже не были полноправными членами родовой организации.

Впоследствии мы обнаруживаем в составе таких родовых организаций новый слой — рабов, которыми становились прежде всего захваченные члены других родов или иноплеменники. Вместе с тем на положение

рабов стали переходить и неродственные члены родовой организации, что увеличивало число рабов. Так внутри общины образовались новые отношения — рабов и господ. Правда, инерция родовой общины была очень прочной, почему и отношения рабов и господ мыслились в категориях родового строя: рабы как бы входили в состав семьи и назывались *яцуко* («сыны семьи»). Рабы составляли общую собственность рода. В дальнейшем мы встречаем рабов, составивших личную собственность старейшины рода (*удзи-но kami*), но это не означало исчезновения рабов как собственности рода или семьи в целом. Даже в 702 г., т. е. на гораздо более позднем историческом этапе, в одном из дошедших до нас «дворовых реестров» наряду с рабами, принадлежавшими главе двора, отмечены рабы, принадлежавшие двору в целом.

Такие общины новый приток рабочей силы получали только извне. Поэтому и стали теперь возникать столкновения между отдельными родами. Не следует думать, однако, что побежденные роды так прямо и входили в организацию победителей. Такие случаи, конечно, бывали, но отнюдь не как правило. Инерция общинного строя была весьма сильна, и побежденные обычно оставались жить на своих прежних местах, сохраняя собственную общинную организацию. Только между ними и их победителями устанавливались новые для общинного строя отношения — господства и подчинения. Но оформлялись они в категориях того же родового общинного строя: победители именовались «отцами» (*оя*), побежденные — «сынами» (*ко*); в других случаях первые именовались «большими родами» (*оюдзи*), вторые — «малыми» (*коудзи*). Внешне зависимость выражалась в том, что побежденные утрачивали свое родовое имя и принимали имя своих господ. Таким путем и получалось, что именуемые древними японскими хрониками роды на деле отнюдь не были действительно родовыми организациями, а представляли собою широкие объединения победителей-господ и побежденных-подчиненных, конечно имеющие в своем составе и кровнородственные группы. Так происходило в Японии разложение первобытнообщинного строя и зарождение классового общества — на базе рабовладельчества.

Мы имеем возможность в общем датировать эпоху укрепления и развития новой социально-экономической формы — родовой общины, соединенной с рабовладельчеством: она относится к веку железа, который в Японии начался во II—III вв. н. э. Об этом говорят сохранившиеся погребения. В период каменного века, закончившийся во II—I вв. до н. э., когда существовала еще первоначальная форма общины, погребения были общими. В переходный период камня и металла появляются погребения индивидуального типа, в них находят множество предметов, несомненно в то время наиболее ценившихся; сверху клался большой камень или насыпался курган. Число таких погребений возрастает к III в. н. э., причем особенно много их в провинции Ямато, в центральной части о-ва Хонсю; это погребения обычного для Японии типа курганов, где захоронены именно предводители, вожди. Но, как показывают данные археологии, новая социально-экономическая форма распространялась отнюдь не одновременно по всей стране. Передовыми в этом отношении были районы провинций Ямато и Ямасиро в центральной части о-ва Хонсю; недаром именно там и образовался впоследствии центр японского государства.

Главы обрисованных выше родовых организаций, являвшиеся вместе с тем и местными владельцами, в своих стремлениях к собственному усилению сталкивались с противодействием с двух сторон: таких же, как

они, других местных владетелей и подвластной им массы. Это толкало их к заключению союзов. Так получались уже более широкие объединения, призванные в первую очередь обеспечить власть вождей и возможность беспрепятственного распоряжения массой рядовых членов рода, а прежде всего, конечно, рабами. Так появилась первая — наиболее ранняя, выросшая из родо-племенного союза — форма государства в Японии. Именно о ней — по отношению к району Ямато — и говорит «Вэй чжи», в которой содержится раздел, посвященный Японии III в. н. э. В нем рассказывается, что в этой стране «шли смуты и все нападали друг на друга. Тогда вожди объединились и поставили одну женщину своей царицей. Эта царица была очень искусна в чародействах». Владения этой царицы-шаманки именуются царством Яматай, что соответствует японскому названию «Ямато». О местонахождении этого царства идут споры: одни историки считают, что оно находилось на о-ве Кюсю, другие — в южной части о-ва Хонсю (Ямато, Коти, Сэтцу). Однако позднейшие сведения относятся определенно к царству Ямато на о-ве Хонсю.

Подобного рода племенные союзы возникали в разных частях страны, в Ямато же было только самое сильное из них. Археологические данные подтверждают, что именно этот район был наиболее развитым тогда в культурном отношении. Мощь этого государства строилась на захвате земли и людей. Постепенно оно овладевало одним районом Японских островов за другим. Более того, проявилось стремление к захватам и на Корейском полуострове — в наиболее близкой к Японии юго-восточной его части, куда легко было проникнуть через узкий пролив, да еще с о-вами Цусима и Ики по пути. Именно в этом свете следует понимать рассказы позднейших (VIII в.) исторических памятников о походах «четырёх военачальников» в различные районы центральной части о-ва Хонсю, о походе царского сына Такэру на о. Кюсю и в восточную часть о-ва Хонсю, о походе царицы Дзингу на Корею. В результате в III—IV вв. власть царей Ямато распространилась на всю центральную и западную часть о-ва Хонсю, а также на крайнюю юго-западную часть Корейского полуострова...

Этот процесс сопровождался изменениями в социально-экономическом строе страны. До сих пор расширение власти сильных родов зависело от расширения численности рода. Теперь началось создание так называемых *миякэ* (складов — «хранилищ» захваченной добычи, имущества, получаемой дани), *тадокоро* (земельных владений). И то и другое составляло уже собственность вождей, и больше всего их было, естественно, у верховных вождей всего союза — царей Ямато. Особое значение имели именно *тадокоро*, поскольку население личных владений вождей обрабатывало землю и занималось промыслами, отдавая часть продукции своим господам. Так зарождались феодальные отношения.

Но это отнюдь не означало, что прекратилось развитие рабовладения. Известно, что сильные роды Центральной Японии во время набегов на Корейский полуостров массами уводили оттуда население и заставляли его потом работать на себя. Сложилось два варианта использования рабов: одна их часть обрабатывала поля, другая — занималась только ремеслом. Более раннее, чем в Японии, развитие ремесла в Корею делало корейских ткачей, кузнецов, гончаров, плотников, оружейников (изготавливавших луки и стрелы) и т. п. самой желанной добычей для японских предводителей. Поэтому таких ремесленников не сажали на землю, а сохраняли в виде особых групп. В связи с этим сформировалось и различие в положении этих двух групп подневольных: зем-

ледедльцы становились рабами, ремесленники — полурабами; первых хозяин мог убить, продать, вторых же — нет. При этом и среди посаженных на землю были группы, состоящие из искусных земледельцев, господа которых распоряжались продукцией их труда, но не их жизнью и имуществом.

Таким образом, в V—VI вв. в Японии наблюдаются два типа социально-экономических отношений: более ранний — первобытнообщинный с элементами патриархального рабства и более поздний — рабовладельческий, соединенный с элементами прежней кровнородственной общины. Они не могли не столкнуться друг с другом, что нашло наиболее отчетливое выражение в борьбе двух больших родов — Мононобэ и Сога, — разразившейся во второй половине VI в.

Мононобэ были представителями старой формы родовой организации. Усиление их могущества шло в направлении расширения самого рода путем описанного выше подчинения ему других, более слабых родов, которые оставались на своих местах и считались отдельными частями рода в целом. Сога усиливались путем создания *миякэ* и *тадогоро*, т. е. захвата земель и рабов. Исторические памятники VIII в. повествуют, что главы рода Сога устраивали в разных частях страны *миякэ* — хранилища продуктов, получаемых с работавших на захваченных землях, которые, по крайней мере в значительной своей части, обрабатывались захваченными как рабами. Об этом свидетельствуют сообщения об усилиях Сога, направленных на захват рабов. Так, Сога приняли самое деятельное участие в большом набеге на Корейский полуостров при царице Дзингу, а известно, что этот набег главной целью имел именно захват рабов. Необходимо учитывать только, что под властью Сога были рабы двух указанных категорий, причем в большем числе именно полурабы.

Столкновение Мононобэ и Сога привело к уничтожению первых и усилению вторых. Сога на время становится самым могущественным родом в Японии. Род царей Ямато, вышедший из прежних глав родо-племенного союза центральной части о-ва Хонсю, был оттеснен от власти, и с 587 по 645 г. царством Ямато управляли главы рода Сога.

* * *

По данным археологии, в эпоху первоначального заселения Японии люди существовали охотой и рыбной ловлей. В эпоху второй волны заселения начало развиваться земледелие. С III в., когда уже образовалось царство Ямато, земледелие, несомненно, становится главным занятием населения. Заметно усовершенствовалась и техника: все обнаруживаемые при раскопках земледельческие орудия этого времени — железные.

Земледелие первоначально велось, по-видимому, почти исключительно на поливных землях. Об этом свидетельствуют содержащиеся в мифах указания на то, что разрушение заградительных межей для спуска воды с поля, завал оросительных канав считались тягчайшими преступлениями. Для подачи воды на поля устраивались водохранилища в виде запруд или выкопанных прудов. Старые хроники неукоснительно отмечают устройство водохранилищ и оросительных каналов как важнейшие события какого-либо царствования.

Известно сообщение, что в царствование Одзина на постройку таких сооружений было направлено множество корейцев. Постепенно развивалось земледелие и на суходольных участках, главным образом богарное.

Из орудий существовали: мотыга, кетмень, плуг и серп. Главной сельскохозяйственной культурой был рис; кроме него, сеяли пшеницу, просо, бобы. Развитием земледелия в своей стране (в том числе поливного) японцы многим обязаны корейцам и китайцам — переселившимся и увезенным из своих мест. Ими же было занесено шелководство, быстро привившееся в Японии.

Уже древнейшие предания упоминают о плотниках, кузнецах, ювелирах, ткачах и ткачихах; однако действительное развитие этих отраслей пошло вперед опять-таки после появления в стране корейцев и китайцев, особенно после распространения в Японии буддизма. Эти иноземцы ввезли с собой более современный ткацкий станок, ввели новые способы окраски тканей; корейские и китайские гончары научили изготавливать более совершенную утварь. Насколько вождями и главами родов, и прежде всего царями Ямато, ценились эти чужеземные ремесленники, видно из постоянных сообщений хроник о привлечении их из Кореи и Китая. При этом более всего стремились заполучить ткачей, красильщиков и кузнецов. «Описание царства Вэй» утверждает, что железные изделия изготавливались тогда из сырья, доставляемого из Кореи и Китая, но в дальнейшем железо стало добываться и в самой Японии. Кроме сельскохозяйственных железных орудий, появились латы, мечи, пики, стрелы. Следует отметить еще и винокурение, введенное в Японии корейцами из Пэкче. В конце VI в. буддийские проповедники из Когурё познакомили японцев с бумагой, тушью, кистью для письма.

С развитием сношений с Кореей и Китаем и особенно с укреплением буддизма сильно шагнуло вперед строительное искусство. Его развитие сказалось, конечно, почти исключительно на постройках храмов и дворцов. На этих зданиях появились черепичные кровли, в то время как на домах рядового населения крыши настилались из камыша.

Как сообщает «Вэй чжи», в Японии уже тогда, т. е. в III в., были рынки. Существование особых мест, предназначенных для торгового обмена, подтверждается и японскими хрониками. Сведения о рынках возрастают с появлением в стране многочисленных корейцев и китайцев, сыгравших большую роль в развитии торговли. Кроме рынков, торговля велась и странствующими торговцами. О тех из них, которые стали богачами, даже упоминается в хрониках. В некоторых приморских поселениях велась торговля и с заморскими странами. Из таких мест особо отмечаются Нанива (на месте нынешнего Осака), Муко (к востоку от нынешнего Кобэ), Наноцу (на месте нынешнего Фукуока на о-ве Кюсю). Таким образом, уже тогда обозначились те места на побережье Внутреннего моря и на западном побережье Хонсю и Кюсю, которые впоследствии стали главными портами для внешней торговли. Ввозились в Японию железо, золото, серебро, шелковые ткани.

Согласно «Вэй чжи», в Японии уже были свои металлические монеты. В курганах находят и много китайских монет. Это не значит, конечно, что торговля велась тогда на деньги: монеты, особенно китайские, служили сначала предметом украшения...

Сношения с Кореей также установились с очень давних времен. Об этом свидетельствуют упоминания о полуострове в японских мифах. Поход Дзингу японская наука считает исторической легендой, но сам факт образования такой легенды подтверждает участие японцев в борьбе на полуострове. Известная надпись на стеле, открытой на территории царства Когурё, свидетельствует, что в конце IV и начале V в. японцы несколько раз вторгались на полуостров, нападая и на Силла, и на Пэк-

че, и даже на Когурё. Закрепление японцев на южной оконечности полуострова способствовало усилению сношений японцев с Китаем, в частности с районом к югу от р. Янцзы, именовавшимся в Японии того времени «страною Го».

Царство Ямато несомненно представляло сильную политическую организацию. Однако наряду с этим во всей его истории — вплоть до падения в середине VII в. — красной нитью проходит основное противоречие эпохи, которое и решило его судьбу, — столкновение более раннего, первобытнообщинного уклада с более поздним, рабовладельческим. Оно могло бы разрешиться установлением рабовладельческого строя, если бы существовали условия, позволявшие последнему развиваться. Этому мешала трудность добывания рабов. Как уже указывалось выше, в поисках рабов приходилось предпринимать набеги на Корейский полуостров, ибо местные источники рабов были исчерпаны. Но отпор, даваемый японцам на Корейском полуострове, бывал временами настолько силен, что им приходилось больше думать о том, чтобы как-нибудь спастись, чем о захвате пленных. Поэтому японские вожди стремились получать рабов иным путем — путем мирного привлечения жителей из Кореи и Китая.

Но переселенцы были совсем не похожи на тех рабов, в которых обращали японцы захваченных ими представителей местных инородческих племен. Те для японцев того времени были люди гораздо более низкого культурного уровня; выходцы же из Кореи и Китая — ремесленники, мастера-художники, лекари, учителя грамоты, мелкие чиновники, — имели более высокий культурный уровень, чем японцы. И даже землепашцы несли с собою более развитую технику обработки земли, чем та, которая применялась у японцев. Потомки корейских и китайских переселенцев пополняли категорию полусвободных-полурабов. Об их особом положении свидетельствует и особое наименование для них — *гомобэ* или *какибэ*, в то время как настоящие рабы именовались *яцую*. Они жили своими группами и только работали на господ, так как, переселяясь отдельными группами в чужую им страну, они либо сразу попадали под власть какого-либо местного вождя, либо же сами — ради безопасности — отдавались под его власть. Таким образом, ограниченность возможности роста рабской силы и особое положение тех полурабов-полусвободных, которые составляли наиболее ценимое богатство вождей, препятствовали установлению рабовладельческого строя даже в той части страны, которая составляла тогда государство Ямато. Тем меньше условий для развития рабовладения было в менее населенных, менее культурных частях страны.

Ввиду этого сила политического союза, составлявшего царство Ямато, была подвержена постоянным колебаниям. Сильные роды, образовавшие этот союз, могли развиваться только путем захвата друг у друга *гомобэ* и *какибэ*. Борьба велась и могла вестись только в тесных территориальных рамках царства Ямато. Естественно, большое значение в такой борьбе получил захват верховной власти в царстве, ибо положение царей создавало большие возможности приобретения *гомобэ* и *какибэ*. Этим и объясняется тот факт, который засвидетельствован японскими хрониками, — факт сосредоточения всей борьбы вокруг верховной власти в царстве Ямато. В борьбе родов Мононобэ и Сога, в столкновении более ранней социально-экономической формы — родовой общины с элементами рабовладельчества — с более поздней рабовладельческой формой, сопряженной с элементами прежнего родового строя, победа, естественно, ока-

залась на стороне более сильной и более передовой формы — рабовладельческой. Род Сога с 587 г. стал господствующей силой в царстве Ямато. Но указанная выше ограниченность возможности развития рабовладения не позволила рабовладельческому строю укрепиться; он принужден был уступить позиции третьей социально-экономической форме — феодальной. Весь VII век истории Японии проходит в борьбе за утверждение именно феодализма.

Однако феодализм утвердился в Японии не в форме феодального поместья; он сначала прошел общий для всей Восточной Азии путь наделной системы, что было обусловлено многими причинами. Первая из них — сила и устойчивость существовавшей много столетий общины, которую было трудно разрушить и создать феодальное поместье. Легче было сохранить общину, но превратить ее из свободной в налогообязанную. Надельная система как раз эту возможность и предоставляла: привычная форма общины с внутренним распределением участков оставалась, только их распределение, обработка и судьба продукции оказывались под контролем государства, объявлявшего себя — в лице государя — единственным собственником земли.

Вторая причина — относительная слабость самого правящего класса. Он не мог еще наложить руку на земледельческое население страны силами своих отдельных представителей; на какой-то срок нужно было общее усилие всего класса в целом. Орудием в этом случае оказалось сильное централизованное государство, поддерживаемое всем правящим классом или, во всяком случае, его преобладающей частью. Поэтому сначала правящему классу пришлось пойти на присвоение продукта именно через государство.

Третья причина — влияние соседей — Китая и Кореи. Проводниками этого влияния оказались, во-первых, переселенцы, знавшие, что наделная система на первых порах своим законодательством вводила эксплуатацию в какие-то рамки; во-вторых, представители японской знати, посетившие в VII в. танский Китай.

Два специальных обстоятельства придали переходу к наделной системе характер переворота. Одно — специфическое положение наиболее культурного слоя населения — потомков корейских и китайских переселенцев, ставших за несколько поколений уже японцами: они были *темобэ* и *какибэ*, т. е. несвободными, полурабами. Поэтому переход к наделной системе для них означал получение земли и возможность вести свое хозяйство, откупаясь частью получаемой продукции. Такой порядок они считали своим освобождением, составив наиболее активную часть сил, производивших переворот.

Второе — заключалось в позиции царей Ямато. В конце VI в. они были отстранены от фактической власти домом Сога. Борьба за власть, опираясь только на собственные силы, им было трудно. Лишь с помощью других сильных домов оказалось возможным не только вернуть прежнее положение, но даже и усилить его. С другой стороны, и многие сильные дома, ведшие борьбу друг с другом, искали новой опоры и видели ее в сильной государственной власти, которая обеспечивала бы их интересы и позволила бы распространить эксплуатацию на все трудовое население страны. Таким образом, по многим причинам на признании идеи наделной системы сходились в какое-то время интересы самых разных слоев населения.

Первая половина VII в. прошла под знаком распада прежних порядков и созревания перехода к новому строю. Внутренние трудности пе-

реходного периода тесно переплетались с внешнеполитическими: японским правителям пришлось повести активную внешнюю политику.

Корейскому царству Силла в 562 г. удалось отобрать у японцев Мимана. В течение целого столетия, вплоть до середины VII в., японцы делали все новые и новые усилия проникнуть на полуостров, но эти усилия постоянно кончались неудачей.

Однако с конца VI в. как перед корейскими государствами, так и перед Японией встала новая угроза — в лице китайской империи Суй. Началось активное вмешательство Китая в дела на полуострове... Японским правителям пришлось подумать о том, чтобы установить с ним добрые отношения. Именно этим были вызваны посольства к суйскому двору, которые посылались в 607, 608 и 614 гг. японским принцем-регентом Умаядо, вошедшим в историю под своим посмертным именем Сётоку-Тайси. Смуты, сопровождавшие падение суйского дома и воцарение танского, на время прервали японо-китайские сношения, но в 630 г., т. е. уже после укрепления новой династии, к танскому двору было послано новое посольство.

Посольства в Китай имели особые последствия для развития событий и внутри страны. Они должны были не только выполнять даваемые им внешнеполитические поручения, но и изучать строй и порядки Суйской, а затем Танской империи. Состав их был обычно многочисленным. Кроме того, участились поездки в Китай и независимо от посольств. К середине VII в. в Ямато оказались многочисленные кадры людей, бывавших в Китае, изучивших его строй, знавших его законодательство и государственную практику.

В это же время чрезвычайно усилился в Японии и буддизм — тот самый буддизм, который в Китае содействовал образованию централизованной империи. Его горячим покровителем в Японии оказался тот же принц-регент Сётоку-Тайси, за что и получил впоследствии в буддийских кругах звание «апостола Японии».

Идея новой государственной организации свое первое выражение получила в Японии в виде «Закона из 17 статей», изданного в 604 г. Сётоку-Тайси. Собственно, это был не закон, а декларация новых принципов государственного устройства. Основная мысль этой декларации — абсолютный примат государства и его представителя — носителя верховной власти. «Государь это — небо, подданные это — земля». «В государстве нет двух государей. У народа нет двух господ». Так впервые в Японии было прокламировано новое отношение правителя к управляемым: он — государь, они — подданные. Тогда же появилась и новая концепция личности самого правителя. В послании принца Сётоку-Тайси к суйскому императору правитель Японии именуется тем же титулом, что и император Китая — сын неба (*тэнси*). Впрочем, впоследствии он был заменен другим — небесный государь (*тэнно*), который и остался официальным титулом правителей Японии до наших дней. За этим титулом прочно утвердился перевод словом «император».

Во времена Сётоку-Тайси, т. е. в начале VII в., все эти претензии правителей Ямато оставались пока пустым звуком: фактическая же власть уже почти сто лет находилась в руках дома Сога. Все те, кто стремился к новому строю, видели в нем главную силу, мешающую его введению. Поэтому все усилия были направлены на то, чтобы свалить власть Сога. Для этого понадобился внутренний переворот: в 645 г. члены царского рода, поддержанные сторонниками из числа сильных домов, с воинской силой из *томобэ* и *какибэ* разгромили род Сога и перебили его

представителей. Это событие именуется в японской истории переворотом Тайка — по названию годов правления возведенного на престол правителя — теперь уже не царя Ямато, а *тэнно* (императора Японии).

НАРСКАЯ МОНАРХИЯ

О смысле переворота Тайка наглядно свидетельствует первый же указ нового правительства, изданный в 646 г. В нем вся земля была объявлена государственной собственностью — в лице императора, в связи с чем все частные владения (*мита*, *тадокоро*) объявлялись перешедшими в собственность государства. Все население без различия было объявлено прямыми подданными императора, и таким образом оказались освобождены от всякой зависимости от своих господ и от всяких обязательств перед ними все несвободные — *гомобэ* и *какибэ*, а также *табэ*. Земля распределялась между населением в порядке подушных наделов — на равных, законом установленных началах для всех. Эти участки их держатели обязаны были обрабатывать и часть продукции отдавать государству в виде налога. Вместе с тем население обязывалось и отбывать краткосрочную трудовую повинность на работах общегосударственного значения. Часть населения образовала чиновнический слой, составивший аппарат по управлению государством. Была создана и сеть правительственных учреждений — в строгой иерархической последовательности. Короче говоря, воспроизводился почти в том же виде тот государственный строй, который был установлен в Китае в период Тан.

Часть старой знати, державшаяся еще за старые порядки, попыталась повернуть процесс развития назад. В 671 г. вспыхнула междоусобная война, приведшая к смене лиц на троне и вокруг трона, но не приостановившая процесса перестройки.

В 710 г. была закончена и столица империи. Она получила название Хэйдзэ — («столица Хэйдзэ»); однако обычно ее называли Нара, как она называется и теперь. Город этот был построен по образцу танской столицы — Чанъаня. Он и строился главным образом китайскими и корейскими мастерами.

Строй наделной системы и вся сопряженная с ним система управления страной продолжали утверждаться. Окончательное законодательное оформление они получили в крупнейшем памятнике японского законодательства — своде законов, законченном в 701 г., — Тайхорё («Законы Тайхо»).

Важнейшей чертой государственного устройства, установившегося после переворота Тайка, стало законодательное регламентирование всех сторон государственной жизни. Насколько важное значение придавалось введению свода законов Тайхорё, показывает тот факт, что во все концы страны были направлены *мёхо-закасэ* («доктора прав»), т. е. ученые-законники, принимавшие участие в многолетней работе над составлением свода: они должны были на местах разъяснять властям и населению смысл законов. Таков был первый акт государственного законодательства в истории японского народа. Весь этот свод законов полностью дошел до нас.

Тайхорё состоит из 30 отдельных кодексов, каждый из которых регламентирует какую-нибудь отрасль управления. Важнейшие по своему значению: закон о дворах, земельный закон, закон о налогах, закон о чинах и рангах, закон о должностях, закон о жалованье должностным лицам, закон о школьном образовании, закон о государственной обороне.

Основные положения, касающиеся социально-экономической структуры государства, содержатся в законах о дворах, о земельном устройстве, о налогах, чинах и рангах, о должностях, о жалованье. Наиболее существенное в них — то, что касается наделной системы. Она была основой всего государственного строя... с середины VII до середины IX в.

Как было указано выше, введение наделного землепользования в известной мере опиралось на издавна существовавшую в Японии форму земледельческой общины. Теперь считалось, что землю получают — в качестве подушных наделов по определенной норме — от государства, что земля составляет собственность не общины, а государства, но практически земледельческое население оставалось на тех же местах, а переделы время от времени бывали и в прежней общине. Кроме того, закон оставил за земледельческим двором собственность на орудия, постройки, усадебный участок. Новое заключалось в том, что количество земли, находившейся в распоряжении двора, определялось числом душ; ставился под контроль государства и весь процесс обработки и сбора продукции; получать участки и их обрабатывать должно было все трудоспособное население: не брать участков, отказываться от их обработки, уходить с мест не разрешалось. Строго говоря, земледельческое население было прикреплено к земле, превратилось в своего рода государственных крепостных, обязанных вносить государству зерновой налог, отдавать ему в виде подати часть продукции крестьянского ремесла, главным образом ткацкого, обрабатывать на государственных работах десять дней в году.

Это государственное крестьянство представляло собою основную массу трудового населения; его хозяйство составляло основу всей экономической жизни страны. В связи с тем, что все бытие этого крестьянства и его положение были сопряжены с особыми правами и обязанностями, оно было оформлено как сословие и в этом качестве именовалось *рёмин* («добрый народ») в противоположность *сэммин* («низкий народ»), как именовались рабы.

Переворот Тайка не отменил рабства в целом. Он ликвидировал только *томобэ* и *какибэ*, т. е. полурабов. Этот довольно значительный по численности, важный по своему производственному значению и влиятельный по культурному уровню слой перестал существовать как особая категория населения. Часть бывших полусвободных, занятая обработкой земли во владениях своих господ, слилась с общей массой наделного крестьянства; другая часть, обслуживавшая государственный аппарат, составила кадры чиновничества; некоторая часть, занимавшаяся только ремеслом, превратилась в государственных ремесленников, работавших в мастерских, находившихся в ведении правительства.

Категория рабов (*яцукэ*) сохранилась полностью, только теперь их бытие и их положение были точно определены законом, разделившим рабов на государственных и частных. Наличие рабов в частном владении обусловило сохранение в стране рабовладельческого уклада. По закону владелец раба получал на него участок земли в размере одной трети надела свободных. Такое положение фактически закрепляло существование земель, обрабатываемых рабами, принадлежавшими отдельным лицам, только теперь эти земли не считались частной собственностью, как прежние *мита* и *тадогоро*; они также считались наделами, но только не подушными, как у всех, а служебными, ранговыми, особо пожалованными, данными за заслуги. Так как основная масса бывшей знати с введением табели рангов занимала какую-нибудь должность, выходило,

что рабовладельческие поместья, хотя и на других юридических основах, продолжали существовать, однако, как это показывает дальнейшая история, уже потеряли экономическое значение. С конца VIII в. они начинают явно отмирать, ибо сузилась база рабовладельчества, уменьшилась возможность воспроизводства и главным образом расширения рабской силы.

После утраты Мимана и полного разгрома японских воинских сил, посланных на полуостров в 663 г., возможность получения рабов внешними экспедициями была потеряна. Получение рабов из числа айну, заселявших северную часть о-ва Хонсю, также прекратилось, так как для этого приходилось бы пускаться в далекие и дорогостоящие экспедиции, что после разгрома в Корее и развернувшейся борьбы внутри страны было трудно. Поэтому со второй половины VII в. походы против айну прекратились. Японские правители стали стремиться разными способами — подкупам вождей, пожалованиями им титулов и другими подобными мерами — обеспечить мир на окраинах своего государства. Вместо экспедиций началось постепенное заселение северо-восточных областей о-ва Хонсю.

Единственным источником получения рабской силы осталось собственное население. Закон открывал некоторые пути для этого: в рабство можно было обратиться за преступление, за неплатеж налога. Но такой путь не мог дать ощутительных результатов, ибо получать рабскую силу можно было только из среды надельного крестьянства, что означало бы уменьшение того населения, которое имело наибольшее значение для хозяйства страны.

Все же главный удар по старому рабовладельческому поместью нанесла утвердившаяся феодальная форма эксплуатации. Представители правящего класса получали так называемые кормовые надель — в виде приписных дворов, т. е. известного числа крестьянских дворов, налоги и подати с которых шли уже не в казну, а отдельному лицу. Право на кормовой надел давали ранг, должность, заслуги. Именно этот вид эксплуатации оказался и наиболее выгодным, и имеющим перспективы развития. Рабовладельческий уклад обрекался на умирание. С IX в. в Японии рабы встречаются только в качестве слуг в правительственных учреждениях или домах знати либо же в качестве подсобной рабочей силы у владельцев надель. Эксплуатация крестьянства на феодальных началах становится полностью доминирующей формой...

Средством укрепления надельного строя была и монополизация государством всей воинской силы. Всякого рода дружины, находившиеся в распоряжении глав отдельных родов, были запрещены. Для создания военной силы государства была введена всеобщая воинская повинность. Страна была поделена на военные округа со своими местными гарнизонами. На границах — на северо-востоке о-ва Хонсю и на о-ве Кюсю — стояли корпуса пограничной охраны.

Новые порядки устанавливались не без сопротивления. Их противниками оказалась часть старых знатных родов, привыкших к прежним формам социально-экономического устройства. Во главе этих групп стоял старинный знатный род Отомо, одно время (V в.) занимавший положение главы родо-племенного союза и уступивший затем это место роду Мононобэ, как этот последний в дальнейшем уступил свое место роду Сога. Оппозиция со стороны старых родов подогревалась и тем, что власть в новом государстве, а с нею и все экономические блага, которые она давала, оказались в руках групп мелких родов, поддержавших

переворот Тайка. Во главе их стал дом Фудзивара. Этот дом сыграл особо активную роль во время переворота 645 г., и его представители сразу заняли важные посты в правительстве. Члены рода Фудзивара приняли самое энергичное участие в выработке законов Тайхорё. Эти два лагеря олицетворяли собою две силы — уходящую и восходящую. Отомо опирались на традиции, на исконный строй, Фудзивара — на законы, на новые порядки.

Победа в борьбе, естественно, оказалась на стороне сил, представлявших новый этап социально-экономического развития. Различные заговоры, время от времени организовывавшиеся старой знатью, заканчивались либо казнями и ссылками заговорщиков, либо опалю, удалением их от двора...

В борьбе приняла участие и буддийская церковь, сыгравшая выдающуюся роль в утверждении в Японии строя Нарской монархии. Она действовала в этом случае и как идеология, и как организация. Как идеология буддизм принес с собой идею единства верховной власти, общего равенства всех перед носителем этой власти — государем, что в политическом аспекте выразилось в концепции государя и подданных. Как организация буддийская церковь принесла с собой идею организованного общества и государства, многовековой опыт по созданию и поддержанию строго организованной и централизованной иерархической системы. Именно поэтому буддизм и нашел себе покровителей в императорском доме, в том лагере, который подготовил и произвел переворот Тайка. Буддизм продолжал играть такую же роль и в развитии всего строя Нарской монархии, став в VIII в. могущественной силой. В районе Нара находились крупнейшие монастыри — Хорюдзи и Тодайдзи; последний представлял центр буддизма; повсюду в провинциях строились храмы и монастыри. Они получали обширные земельные угодья, на их постройке работало привлекаемое в порядке отбывания трудовой повинности крестьянское население, работали лучшие архитекторы, скульпторы, резчики, литейщики. Как символ могущества буддизма в Тодайдзи была установлена огромная — более 15 м вышиной — статуя Будды, законченная в 754 г. Она представляет наглядное свидетельство того высокого уровня, которого достигло тогда литейное искусство. До сих пор считаются непревзойденными образцами высокого искусства скульптуры статуи в Хорюдзи и Тодайдзи. Такое положение буддийской церкви обусловило большую политическую роль буддийского духовенства. Поэтому оно и приняло участие в указанной борьбе.

В 764—765 гг. произошло первое большое столкновение двух лагерей, во время которого был убит глава дома Фудзивара — Накамаро. Однако власть при дворе перешла не к заговорщикам, а к буддийскому священнику Докё, который и стал премьер-министром, правящим от имени возведенной на престол императрицы Сётоку. Поэтому усилия старой знати теперь направлялись на устранение Докё, что и удалось в результате второго дворцового переворота, произведенного в 769—770 гг. Докё был отправлен в ссылку.

Этот относительный и кратковременный успех старой партии возымел особые последствия: он привел к созданию в Японии новой столицы. Захват власти при дворе старой партией заставил ее противников обратиться к чрезвычайной мере — к созданию правительства в другом месте. В 784 г. Фудзивара Танэцугу тайно вывез императора из Нара в селение Нагаока, которое и стало новой резиденцией правительства. В ответ в 785 г. Танэцугу был убит, а один из активных деятелей

старой партии, Ваки-но Киёмаро, похитил императора и перевез его в селение Уда, находившееся на обширной равнине Кадоно в северной части пров. Ямасиро. Однако этим воспользовались те же Фудзивара. Равнина Кадоно была местом, где издавна жил сильный и многочисленный род Хата, происходивший от китайских переселенцев. Этот род сумел устроить на равнине хорошую оросительную систему, что создало наилучшие условия для земледелия; кроме того, в нем особенно процветали ремесла, что способствовало сосредоточению в руках Хата огромных богатств.

Хата проникли и в правительственный аппарат. Так, Хата Асамото был управляющим государственной казной, что обеспечивало ему новые условия для обогащения. Свое политическое влияние Хата закрепляли браками. Дочь Асамото была матерью Фудзивара Танэцугу; дочь другого Хата, Симмаро, была женою Фудзивара Огурамаро, который и убедил императора остаться на новом месте, в безопасности, так как всюду располагались селения, принадлежавшие роду Хата. На этом месте стал создаваться новый город, средства для постройки которого дал род Хата. Постройка была закончена в 794 г. Новый город получил название Хэйан («столица Хэйан»); это тот самый город, который под именем Киото продолжал быть официальной столицей Японии до 1868 г., когда столицей стал город Токио.

В 712 г. появился первый памятник японской историографии — «Кодзики» («Записки дел древности») — свод мифов, исторических сказаний и преданий, а для более близкого времени и исторических документов. Задача книги — «исторически» обосновать установившийся государственный строй и абсолютизм верховной власти, «исторически» доказать божественность ее происхождения. Так создалась монархическая концепция, специфическая для Японии. Этой стороной строй, установившийся в Японии, не похож ни на то, что было в Корее, ни на то, что было даже в Китае.

В конце VIII в. вышла стихотворная антология «Манъёсю», имеющая большое литературное значение. Прежде всего, это была первая чисто японская письменная фиксация богатой фольклорной поэзии, тем самым введенной в литературу. Во-вторых, и в ней, и в творениях нескольких крупных поэтов, чье творчество отражено в этой антологии, установился силлабический характер стихосложения, с устойчивым чередованием семи- и пятисложных строк. В «Манъёсю» на первое место выступила и определенная строфа — 5—7—5—7—7 строк — *танка*. Но и этим не ограничивается значение «Манъёсю». В антологии иероглифы были применены как звуковые обозначения слога для написания японских слов — этот шрифт носит название «манъёгана». Именно такое использование иероглифов и привело в следующем веке путем отобрания фиксированной группы иероглифов и их графического упрощения к созданию фонетической азбуки.

БОХАЙ

История Бохайского царства начинается с момента падения Когурё. После падения Когурё часть населения этого царства, спасаясь от разгрома, бежала в пределы Южной Маньчжурии; другую часть выселили туда же сами китайцы... Эти выходцы из Когурё составили вместе с местной племенной знатью верхний слой населения и сыграли в дальнейшем решающую роль в образовании нового государства...

Танские войска были вытеснены в свои пределы, и мысль о вторжении была оставлена. Не развернуло активных действий и царство Силла. Таким образом, угроза для Бохая была устранена. Оно показало себя готовым отстаивать свою самостоятельность и достаточно сильным для этого.

Однако на время сношения с Китаем все же прекратились, и в связи с этим изменился курс внешней политики бохайских правителей: они обратились к Японии. В 729 г. в эту страну было направлено посольство. В послании бохайского короля японскому императору Сёму высказываются пожелания установить с Японией дружеские отношения. Это обычное пожелание получает, однако, особое значение, если учесть, что бохайский король счел нужным специально указать японскому императору, что он «вернул старые земли Когурё», т. е. представил себя восстановителем павшего царства. Нужно сказать, что и в дальнейшем в действиях и словах бохайских правителей всегда настойчиво проявлялось убеждение, что их царство есть восстановленное Когурё. Однако никакой реальной помощи Япония им не оказала, и дело свелось к тому, что с этого времени начинается длинный ряд бохайских посольств в Японию, продолжавшийся до самого падения Бохайского царства в 926 г.

Более чем полувековое царствование третьего правителя Бохай, Циньмао, считается временем расцвета нового царства. Именно в этот период Бохай широко раздвинуло свои пределы... Резиденцией правителей сначала был Чжунцзинь (ныне Тунхуа); при Циньмао в 750 г. столица была переведена в г. Дунцзинь, расположенный в верхнем течении р. Муданьцзян. Археологические экспедиции последних десятилетий показали, что это был обширный укрепленный город, не уступавший крупным городам Китая.

КИТАЙ В VIII—XII вв.

Время правления Ли Лун-цзи, шестого императора танской династии⁷, — высшая точка в развитии Танской империи. Перепись 754 г. показала в стране 9 610 тыс. дворов, что составляло 52 880 тыс. человек облагаемого налогом населения. Свыше 9,5 млн. крестьянских хозяйств обрабатывали землю и платили налоги. Кроме того, огромные средства государство получало от торговли солью и чаем, от добычи серебра, меди, железа, олова, в виде различных торговых пошлин и сборов, особенно от внешней торговли. Поэтому, когда император праздновал свой день рождения, во дворце устраивался пир для «ста чинов», т. е. для всего многочисленного столичного чиновничества, с присоединением большого числа прибывших с поздравлениями чиновников из провинций; в дворцовых парках выставлялось угощение для «всего народа», как выражаются памятники того времени. На новогодний праздник созывались музыканты, танцовщицы, актеры со всех мест в 300 ли в окружности. За императорским домом следовала знать, высшая бюрократия, имевшая в столице пышные дворцы и парки. Развитие ремесел, горное дело и торговля создали многочисленный слой богатых ремесленников-мастеров и богатей-

⁷ Его посмертное имя — Сюань-цзун. Девиз его правления — Кайюань, а затем — Тяньбао.

купцов. Процветали литература, искусство, публицистика. Поэты, писатели создавали свои дружеские кружки, в которых горячо обсуждались вопросы современности. Росли и богатели обе столицы — Чанъань и Лоян, крупные торговые города жили разносторонней, шумной жизнью. Неоднократно описана в памятниках праздничная ночь на пятнадцатый день первой луны: все здания украшались разноцветными фонариками, всю ночь на улицах шло безудержное веселье — пляски, пение.

Общая картина страны к середине VIII в. была такова, что историк Ду Ю, живший в эти годы, написал в своем историческом своде «Тундянь»: «Это было временем высшего расцвета Танской империи». Но вместе с тем это было и временем ее кризиса. Об этом также сказал тот же Ду Ю: «Хотя надельная система и существовала, но с периода правления Кайюань — Тяньбао (713—755 гг.) законы ослабели и зло скопления земель превысило даже то, что было при ханьских императорах Чэн-ди и Ай-ди». Эти слова Ду Ю передают действительное положение вещей в аграрном строе Танской империи. Сущность кризиса состояла в отмирании государственной надельной системы и в развитии поместного хозяйства феодалов — иначе говоря, в отмирании одной формы феодальной собственности на землю и укреплении другой. Об этом же с полной ясностью говорит и один из правительственных указов того времени — указ 752 г. «Зло скопления земель» он поясняет следующим образом: богачи заставляют крестьян распахивать целину и затем прибирают эти земли к своим рукам; в нарушение закона они скупают подушные и промысловые наделы; подделывают подворные списки, с тем чтобы утаить от государства дворы и захватить их; захватывают земли путем выдачи ссуд под заклад надельных участков.

В указе перечисляются способы, которыми присваивалась тогда земля. Выше уже было упомянуто, что участки вновь освоенной земли с самого начала отходили в собственность тех, кто их обрабатывал. Такой путь приобретения земель был в известной мере доступен крепким в хозяйственном отношении и крупным по числу членов крестьянским дворам; не бросая своих надельных участков, они этим путем обзаводились и собственной землей. Но в неизмеримо большей степени был доступен этот путь представителям правящего класса из местных чиновников: они располагали рабочей силой в лице таких крестьян, обрабатывавших должностные или жалованные наделы.

Захват земель осуществлялся и благодаря развитию сделок с землей.

Поскольку земля считалась государственной, постольку по закону ее нельзя было ни продавать, ни закладывать. Но следить за соблюдением этого закона призваны были местные чиновники, а они часто были заинтересованы как раз в том, чтобы этот запрет не действовал. Но самым эффективным был, по-видимому, упоминаемый в указе 752 г. способ захвата земли путем сокрытия от государственного контроля крестьянских дворов и дальнейшего присвоения крестьянских участков. Наряду с землевладением в форме должностных и ранговых наделов широкое распространение в Китае получило землевладение, представленное преимущественно категорией земель, присвоенных по титулу. Иначе говоря, землевладение, характерное ранее главным образом для высшей феодальной знати, получило теперь распространение среди мелких и средних феодалов. Это означало, что в стране рядом с государственно-обязанными крестьянами, сидевшими на государственных участках, появились крестьяне, обрабатывавшие свои прежние участки уже как землю, принадлежавшую феодалу, и зависимые от него. Рядом с держателями должностных, жа-

лованных и прочих наделов появились и обладатели собственных земель. Развивалось феодальное поместье, но вместе с тем появился и слой крепкого в хозяйственном отношении самостоятельного крестьянства.

В указе 752 г. явственно выражено отрицательное отношение к поместьям. Центральное правительство было заинтересовано в сохранении надельной системы, так как налоги с надельного крестьянства составляли основной источник доходов казны, а уменьшение числа облагаемых дворов вело к сокращению налоговых поступлений. В правящем же классе был тогда еще очень незначителен слой, который продолжал основывать свое благополучие на эксплуатации непосредственных производителей через государство, распределяя между собой средства, получаемые государством в виде налогов. Он состоял из части центральной бюрократии и чиновников на местах — из числа тех, кому было не под силу или не удавалось создавать свои поместья. Таким образом, правящий класс распался на две группы, из которых одна была заинтересована в сохранении надельной системы, другая — в ликвидации ее. Естественно, между ними началась борьба.

Создавшееся положение вызвало к жизни и еще одно явление, которое быстро приобрело очень серьезное значение: разорение значительных масс надельного крестьянства и уход с надельных земель, что сокращало доходы казны. Правительство стремилось возместить убыль налоговых поступлений усилением обложения. В 50-х годах VIII в., кроме обычных налогов с продукции, стали взимать еще особые подворные и земельные налоги. К этому присоединились поборы и вымогательства местных властей. Кроме того, крестьяне вынуждены были молотить свое зерно на мельницах, принадлежащих владельцам поместий, обрабатывать рис на их рисорушках, платить им за пользование рабочим скотом. Многие крестьянские хозяйства разорялись. Крестьяне стремились уйти от непосильного бремени государственных налогов и произвола чиновников, но, отдаваясь под покровительство феодалу, попадали в зависимость от него, превращаясь в держателей земли или в работников, получавших содержание от феодала, не имея порой даже клочка земли. Таким образом, численно увеличивался слой зависимых от помещика крестьян, одновременно в стране стало расти число беглых.

Для надельной системы было характерно господство натурального хозяйства, соединение земледелия с ремеслом. Но общественное разделение труда в Китае прогрессировало. Города развивались как ремесленные и торговые центры, что свидетельствовало о росте товарного производства, обмена и торговли. Этот процесс не мог не захватить и деревню, усиливая имущественное расслоение. Отдельные зажиточные крестьяне богатели за счет малоимущих, малоимущие разорялись. Все это подрывало надельную систему.

Одно из ранних проявлений кризиса — военная реформа, проведенная в 722 г. Она заменила прежнюю систему рекрутского набора вербовкой. Причины обращения к такому порядку комплектования армии были разные. С одной стороны, правительство было вынуждено отказаться от рекрутов, выставляемых надельным крестьянством, так как это уменьшало число рабочих рук в хозяйствах, находившихся под контролем правительства и составлявших его материальную основу. С другой стороны, правительство было озабочено все увеличивавшимся числом беглых, которые представляли беспокойный элемент. Обращаясь к системе вербовки, правительство рассчитывало набирать солдат именно из этих беглых и бездомных, привлекая их известной обеспеченностью существования. Вместе

с тем правительство надеялось таким образом увеличить количество обрабатываемых земель, так как для содержания воинских частей, стоявших в разных местах страны, отводились земельные участки, обрабатываемые теми же солдатами, — военные поселения (*тунь тянь*).

Другим признаком распада государственной системы империи была проведенная в 733 г. децентрализация управления. Она выразилась во введении должности областных правителей с присвоением им права в большинстве случаев действовать самостоятельно. Считалось, что предоставление такой самостоятельности даст возможность местным властям с большим успехом удерживать крестьян на надельной земле, ловить беглых и возвращать их на землю; на деле же это было вынужденным актом, свидетельствующим об ослаблении центральной власти и усилении местных феодалов. Пришлось допустить и существование у феодалов непосредственно им подчиненных воинских сил. Это было сделано сначала для феодалов в пограничных районах империи. Там были организованы особые пограничные войска (*цзюнь чжэнь*) с самостоятельным управлением и командованием. Первые такие части появились в 677 г., и число их стало неуклонно возрастать; в начале 50-х годов VIII в. их было более шестидесяти... Несомненно, положение на границах империи было одной из причин организации особых пограничных войск, но немалую роль в этом деле сыграли противоречия между двумя вышеупомянутыми слоями правящего класса. Дело в том, что командующие войсками пользовались в своих районах полнотой не только военной, но и гражданской власти. По китайской формуле они держали в своих руках власть над армией, народом, казной. Пограничные войска содержались главным образом за счет местных ресурсов. Но в то же время такое положение свидетельствовало, что та часть правящего класса, которая опиралась на поместное землевладение и стремилась к свободе в его развитии, в пограничных районах уже добилась победы. Для понимания данного процесса в целом необходимо учитывать и неравномерность экономического развития разных частей Танской империи. Даже в условиях существования государственной собственности на землю положение в разных частях страны было все же разным. В пограничных районах прежние формы наследственного землевладения были прочнее, чем в центральных частях империи, и это способствовало более раннему обособлению этих обширных районов. Первоначально небольшие пограничные части постепенно объединялись в крупные соединения, соответственно чему увеличивалась и территория, подведомственная их командующим. Так создались крупные пограничные наместничества. В 742 г. их было десять, что при большой протяженности имперских границ свидетельствовало об обширных размерах каждого такого наместничества. Их правители, *цзедуши*, как они стали называться с 710 г., имевшие в своих руках войска, распоряжавшиеся экономическими ресурсами своих территорий, превратились в могущественную силу. Естественно, что именно с этой стороны и был нанесен первый удар по старой системе империи.

Этот удар был нанесен Ань Лу-шанем, управлявшим не одним, а тремя наместничествами: значительной частью современной Внутренней Монголии, Шаньси и Хэбэем. Он был одним из самых могущественных *цзедуши*. Родом тюрк, свои военные силы он составлял не только из китайских наемников, но и из отрядов кочевников, главным образом киданей. В 755 г. в результате его мятежа против Сюань-цзуна обе столицы империи — Лоян и Чапъань — были захвачены. Император бежал в Сычуань, и Ань Лу-шань провозгласил себя императором.

Танская династия, однако, уцелела. Ее спасли раздоры среди восставших, во время которых был убит в 757 г. сам Ань Лу-шань. Большую роль в неудаче мятежа сыграло то, что против Ань Лу-шаня выступили другие *цзедуши*, не желавшие подчиниться новому властителю, но сами не настолько сильные, чтобы захватить власть в свои руки. Помогли, наконец, и наемные войска, сформированные преимущественно из уйгуров, находившиеся под командованием военачальников тоже из уйгуров. Мятеж, продолжавшийся под предводительством Ши Сы-мина, в 763 г. был подавлен. Династия уцелела, но империи в ее старом виде был нанесен сокрушительный удар.

* * *

О положении, создавшемся после продолжавшейся девять лет междоусобной войны, красноречиво говорят данные учета облагаемого земледельческого населения. В 755 г., т. е. перед самым мятежом, под налоговым контролем правительства находилось 8 914 709 дворов, в 760 г., т. е. перед концом мятежа, таких дворов оказалось 1 933 174. Разумеется, во время столь продолжительной и жестокой междоусобицы, когда опустошались целые районы, много крестьянского населения погибло, но такое огромное уменьшение находившегося под контролем правительства крестьянства следует отнести, во-первых, за счет бегства с земли, особенно заметного в тех районах, где шла борьба; во-вторых, за счет утаивания крестьянских дворов от учета, что делали местные чиновники, эксплуатировавшие эти дворы; в-третьих, за счет отхода многих дворов под власть поместья.

На первых порах правительство видело только один путь к восстановлению налоговых поступлений: выколачивание их из крестьян силой. О том, к чему это приводило, свидетельствует хотя бы такой пример: в 762 г., т. е. в год затухания мятежа, заведующий налогами в одном районе пров. Чжэцзян, до этого затронутом военными действиями и тем самым на восемь лет выпавшем из-под контроля правительства, взял старые реестры и по ним подсчитал, сколько за этим районом накопилось недоимок. Так как война произвела значительные перемены и в числе дворов, и в их имущественном состоянии, старые реестры оказались не соответствующими действительному положению. Но он поступал просто: окружал солдатами двор, в котором видел какой-то недостаток, и отбирал от 50 до 90 процентов зерна и другого имущества. Эти действия вызвали восстание, охватившее многие части провинции Чжэцзян. В нем приняло участие более 200 тыс. крестьян. Правительству потребовалось целых два года, чтобы с этим восстанием справиться.

Попробовали ввести новые налоги, но это также либо приводило к новым крестьянским мятежам, либо вызывало массовое бегство с земли. Подобные факты свидетельствовали, что центральное правительство стремилось поддерживать тот порядок, который был уже осужден на исчезновение. К тому же и власть в правительстве стала переходить к тому слою господствующего класса, который представлял собою поместное землевладение. Тогда и были произведены изменения, ликвидировавшие надельную систему и основанный на ней государственный строй.

По закону 763 г. прежний земельный налог, промысловая подать и другие повинности, исчисляемые с души, были заменены единым налогом с имущества, в первую очередь с земли, независимо от возраста и трудоспособности облагаемых лиц. Принципиальное значение перехода от налога с человека к налогу с земли состояло в фактическом признании собственности на землю: она облагалась как имущество. Переход к тако-

му принципу обложения повлек за собой имущественную классификацию населения: В 769 г. все владельцы земли были поделены на девять разрядов по количеству имеющейся у них земли. В 780 г. этот закон был окончательно разработан: было установлено взимание налога два раза в год — в шестой и в одиннадцатой луне. Ввиду этого и самый закон получил наименование закона «о двух налогах».

Обложению подлежали все, кто имел землю, в том числе и владельцы поместий, и та часть крестьян, которая до этого не облагалась, ибо надельная система учитывала только постоянное население; все пришлые, хотя бы они и оседали в данной местности, не включались в дворовые реестры. Поэтому в деревне образовались две категории дворов: хозяйские и гостевые. В первых крестьяне сидели на участках, закрепленных за ними при надельном распределении, во вторых — на участках, приобретенных иным путем: кто — как самостоятельные хозяева, кто — как арендаторы у хозяйского двора. Обследование, произведенное в 780 г., показало, что в стране таких гостевых дворов оказалось 1300 тыс., немногим менее хозяйских дворов, которых насчитывали тогда 1800 тыс. Новое обложение было распространено и на тех и на других.

Сохранилось много описаний поместий позднеганского времени. В них обычно находилась господская усадьба — ряд построек, окруженных садом или парком; вокруг располагались жилища тех, кто обрабатывал землю. Основную массу их составляли крестьяне, большей частью из числа «гостей», т. е. пришлых. Они вели самостоятельное хозяйство и отдавали владельцу не менее 50 процентов урожая. Это сближало «гостей» с другими арендаторами, но в отличие от них многие из «гостей» не имели собственных средств производства, получая и орудия, и рабочий скот, и семена от владельца поместья. Кроме того, «гости» должны были, как и другие крестьяне, молотить зерно на господских мельницах и пользоваться господскими рисорушками.

Размеры поместий были различны, но чаще всего упоминаются поместья, имевшие от 100 до 200 дворов. Однако в дальнейшем обнаруживается увеличение их размеров. Указ 819 г. отмечает, что высшие чиновники в областях массами скупают землю у крестьян. Крупнейшим землевладельцем была буддийская церковь. О размерах монастырского землевладения можно судить по тому, что в 846 г., когда земли буддийских монастырей были взяты в казну, государство получило более 10 млн. цин земли, т. е. более 60 млн. га.

Изменения в земельном строе страны, вызвавшие появление массы свободных производителей и вместе с тем большого слоя потребителей — в лице помещиков с сильно возросшими потребностями, а также в лице крестьян в результате разложения общины, — способствовали дальнейшему развитию ремесел и торговли. Этому способствовало также изменение порядка управления: в окраинных генерал-губернаторствах, где властвовали *цзедуши*, города превращались в крупные не только административные, но и торговые центры. На местах стоянок войск возникали постоянные поселки. Новые торгово-ремесленные городки вырастали и вокруг крупных поместий. Рост торговли привел к развитию торгового кредита. Появились торговые векселя — «летающие деньги», как их тогда называли. Большую роль стали играть ростовщические операции. Правительство, стремясь получить как можно больше доходов, ввело государственную монополию на соль, чай и водку. Особенно большие доходы давала соляная монополия. По свидетельству «Новой Танской истории», доход от соли составлял половину всех поступлений в казну.

* * *

Изменившаяся в стране обстановка нашла свое выражение в развитии общественной мысли и литературы. Знакомясь с жизнью больших городов того времени, и прежде всего, конечно, обеих столиц — Чанъая и Лояна, мы явственно видим наличие в них многочисленного слоя, который можно назвать интеллигенцией того времени. Это — писатели, ученые, публицисты, в большинстве своем выходцы из мелких чиновничьих семей, обычно и сами находившиеся на службе. Такое положение делало их зависимыми от знати и бюрократии. Но у людей, сознающих свое умственное и моральное превосходство над знатью, зависимость рождала чувство недовольства и протеста. Именно из этой среды вышли писатели, чьи произведения двигали вперед общественную мысль и литературу. Они горячо обсуждали и вопросы дальнейшей жизни страны и общества, и текущие злободневные дела. Это вызвало расцвет публицистики. Ярчайшим представителем ее был Хань Юй...

* * *

Переход к новым порядкам в социально-экономическом строе страны происходил в обстановке непрерывной внутренней борьбы, тянувшейся два столетия — с 60-х годов VIII в. по 60-е годы X в. Усилилась политическая раздробленность страны. Постепенно *цзедуши*, т. е. местные правители, властвовавшие над обширными районами, появились и внутри страны. Управляемые ими области получили наименование *фаньчжэнь*. Правители их лишь номинально подчинялись императорам, на деле же вели самостоятельную политику, вступая в столкновения друг с другом или заключая союзы. В то же время развитие товарного производства и обмена в некоторых районах страны привело к возникновению местных рынков и превращению городов в крупные экономические центры. Поэтому появление *фаньчжэнь* не следует рассматривать как шаг назад в экономическом развитии Китая.

В условиях роста феодальной раздробленности усилилась активность крестьянства, особенно того, которое оставалось под контролем государства. Усиление налогового гнета и поборы местных властей заставляли одну часть крестьян отдаваться под власть помещья, где они превращались в земельных арендаторов, вторую — переселяться в другие места, третью — вообще бросать землю. Отряды последних нападали и на правительственных чиновников, и на владельцев поместий, и на монастыри. Вместе с тем эти отряды нередко становились орудием в руках тех же феодалов, привлекавших их к себе на службу.

Наиболее важным явлением, характеризующим активность крестьянства в его сопротивлении насилиям, были, однако, не эти отряды беглых, а собственные дружины самообороны. Такие крестьянские дружины имели постоянный характер и всегда были готовы к защите. Во многих случаях они устраивали где-нибудь поблизости от своего селения палисадное укрепление, где укрывалось население в моменты опасности. В случае необходимости дружины отдельных селений соединялись и действовали сообща. Во главе их стояли постоянные предводители. О том, какую силу представляли эти дружины, свидетельствует тот факт, что местные феодалы часто стремились использовать их в своих интересах. Они пытались привлечь предводителей крестьянских дружин на свою сторону пожалованием им воинских званий и даже назначали их прави-

телями отдельных районов. На этой почве между феодалами и предводителями крестьянских дружин возникали отношения, напоминающие отношения господина и вассала.

В такой обстановке и шел процесс перестройки страны. Высшим выражением классовых противоречий, обозначившихся в это время, стало мощное крестьянское восстание 874—884 гг., вошедшее в историю под названием восстания Хуан Чао. Оно началось в провинциях Хэнань и Шаньдун. В этих местах с 50-х годов IX в. было особенно много войск, так как там правительству приходилось все время бороться с местными пограничными *цзедуши*. Содержание этих войск и все тяготы войны целиком ложились на крестьянское население, в связи с чем началось массовое бегство с земли. Беглые крестьяне объединялись в отряды, нападавшие на феодалов. Непосредственным толчком к массовому восстанию послужил голод, разразившийся в этих местах в 873 г. вследствие засухи. У восставших появился предводитель — Ван Сянь-чжи, являвший тот тип крестьянского вождя, о котором говорилось выше: он был предводителем дружин и вместе с тем правителем своего района. Движение Ван Сянь-чжи, начавшееся в 874 г., всколыхнуло крестьян и в Шаньдуне. Там нашелся свой предводитель — Хуан Чао, представлявший другой тип крестьянского вождя: он происходил из зажиточной крестьянской семьи и получил некоторое образование. Оба вождя действовали то вместе, то порознь, но в 878 г. Ван Сянь-чжи был убит, и предводительство перешло к одному Хуан Чао. Восстание приняло грозный для империи характер. Им была охвачена территория от Хэнани и Шаньдуна на севере до Гуаньдуна на юге, оно захватило столицы: в 880 г. — Лоян, в 881 г. — Чанъянь. Император Си-цзун бежал в Сычуань.

Но восстание не могло закончиться победой крестьянства как такового. Когда был взят Чанъянь, перед восставшими встала уже проблема не борьбы, а организации. И Хуан Чао не нашел иного пути, чем тот, на который вступали все подобные ему крестьянские вожди: в 880 г. он объявил себя императором. Это сразу же ослабило его связь с той базой, которая его поддерживала, — крестьянством. Произошел раскол и в его собственном лагере: один из военачальников, Чжу Вэнь, в 882 г. перешел на сторону правительственных войск. В результате в 883 г. Хуан Чао вынужден был оставить Чанъянь, а в 884 г. бежать в Хэнань, где покончил с собой. Само восстание этим закончилось, но крестьянские волнения продолжались почти 20 лет. Только в 901 г. правительству удалось рассеять последние силы восставших.

В период восстания Хуан Чао в округе Ханчжоу пров. Чжэцзян произошло событие, в котором движение более всего выразило свой крестьянский характер. Округ Ханчжоу состоял из восьми уездов. В каждом из них были дружины крестьянской самообороны — по тысяче человек в каждой. Все дружины объединялись под командованием одного предводителя по имени Дун Чан. Эта крестьянская армия, поддерживаемая всем крестьянским населением, сумела освободить округ Ханчжоу от всяких бродячих шаек, оградить от вторжения феодалов и даже не пустить в Ханчжоу самого Хуан Чао, отряды которого нередко жестоко опустошали те места, в которые вступали. Однако Дун Чан готов был пойти по пути Хуан Чао: объявить себя императором. Это вызвало недовольство в его собственном лагере, и он был убит своими командирами. Правда, его преемник все же провозгласил себя *ваном*. Так образовалось на какое-то время государство У-Юэ, сохранившее в своем устройстве некоторые черты крестьянского самоуправления.

Когда с восстанием было покончено, претендентами на власть выступили двое — *цзедуши* Ли Кэ-юн, войска которого преимущественно состояли из тюрков, и изменник Чжу Вэнь. Каждый из них приписывал себе основную заслугу в подавлении восстания. Чжу Вэнь, кстати сказать, получивший от императора за измену своему бывшему вождю почетное наименование *цюань чжун* («полностью верный»), был ближе к трону и, кроме того, имел под своим командованием императорские войска. Поэтому он и смог опередить Ли Кэ-юна. В 907 г. он низложил последнего императора танского дома...

Раздробленность страны, наступившая после падения танской династии, продолжалась немногим более полувека, ибо сохранились тенденции к централизации государства более устойчивые, чем, например, в государствах Европы рассматриваемого периода. Для жизни населения имели важное значение общественные работы по устройству и ремонту дамб и плотин, предохранявших поля и населенные пункты от разлива рек и наводнений, по сохранению и расширению оросительной сети (по своим масштабам выходявшей за узко местные пределы), осуществлявшиеся центральным правительством. Центробежные факторы, сохранявшиеся в государственном строе Китая на этом этапе его истории, поддерживались также наличием развитого товарного обращения и экономических связей внутри страны.

Феодалы были заинтересованы в сохранении центральной власти в силу той опасности, которую для них представляли широкие народные движения. Большую роль в сохранении централизации сыграла и внешняя обстановка — угроза вторжения со стороны кочевников.

* * *

Вскоре после образования киданьского государства Ляо в Китае была восстановлена общеимперская политическая власть. Один из наиболее сильных северных феодалов, Чжао Куан-минь, сумевший одолеть своих соперников, провозгласил себя императором и положил начало существованию новой династии — Сун (960—1279 гг.). Столицей империи стал город Бянь (совр. Кайфын).

Когда прекратились междоусобные столкновения и установились единые порядки в стране, сразу же оказалось, что переход от государственной надельной системы к поместному хозяйству отдельных феодалов, с одной стороны, и к самостоятельному хозяйству отдельных крестьянских дворов, обрабатывавших собственные участки, — с другой, на известное время создал условия для экономического подъема страны. Сильно увеличилась обрабатываемая площадь. Еще более широкое распространение получил железный плуг с пахотой на волах. Расширение оросительной сети и развитие поливного земледелия позволили перенести в некоторые районы севера и культуру риса.

Крестьянские хозяйства в этот период распались на две категории. Первую составляли хозяйские дворы, т. е. крестьяне, имевшие собственную землю и свои орудия производства. Они платили государству налог (деньгами или шелком), по правительственным данным, от $\frac{1}{20}$ до $\frac{1}{30}$ получаемой продукции; по показаниям самих крестьян, с них брали сколько могли. Сохранялась и трудовая повинность. Вторую категорию крестьянских хозяйств составляли гостевые дворы. В одном отношении они имели общее со свободными: обрабатывая участок, принадлежавший владельцу поместья, они вносили тот же налог, что и те, только не госу-

дарству, а хозяину. Этот налог обычно составлял половину урожая. Таким образом, эти крестьяне были полуарендаторами-полукрепостными.

В сунской деревне были и свои общинные учреждения — так называемые общественные амбары. Они возникали для общественных фондов, предназначенных в помощь старикам, больным и малоимущим и на случай неурожая. Отсюда выдавались крестьянам и зерновые ссуды под проценты. Заведовали амбарами сами крестьяне, однако эти же амбары стали одним из орудий в руках ростовщиков.

Число и размеры поместий в сунское время продолжали расти. Поместья были обложены поземельным налогом, но собственники их всячески старались уклониться от него, главным образом путем утаивания земель от контроля налоговых органов. Правительственные донесения, относящиеся к концу XI в., утверждают, что в это время семь из каждых десяти поместий налогов не платили. Так фактически устанавливался поместный налоговый иммунитет.

Из промыслов начиная с XI в. особое развитие получил горнодобывающий. Резко возросла добыча железа и серебра. Потребность в железе выросла в связи с распространением в сельском хозяйстве железных орудий и с производством вооружения. Серебро нужно было для ювелирной промышленности, для внешней торговли, а также для того, чтобы откупаться от завоевателей. Выросла и добыча соли.

Все эти промыслы в подавляющей части развивались путем создания казенных мастерских. Такие мастерские устраивались в металлургической промышленности, где в отдельных плавильнях работало до ста человек, в промышленности по выработке тканей, где работало обычно человек по 60—70. Есть, однако, сведения и о мастерских с 600—700 работниками: это были мастерские по выделке отдельных видов шелковых тканей и вышивок, керамические мастерские (особенно по производству фарфора) и верфи.

Чрезвычайно важным моментом следует считать частичное использование в этих мастерских наемного труда, наблюдавшееся на предприятиях по выплавке железной монеты, производству оружия, а также в виноделии. Заработная плата выдавалась частью натурой, частью деньгами. Подобные мастерские имелись еще в очень немногих отраслях промышленного производства. Подавляющая часть последнего продолжала развиваться как цеховое ремесленное производство. В сунскую эпоху цехи множжились и процветали, и в них стало отчетливо обнаруживаться различие между двумя слоями — мастеров и учеников. Однако самый факт появления таких мастерских в соединении с широким развитием внутренней торговли и денежного обращения оценивается некоторыми исследователями истории Китая как зарождение условий, открывших возможность развития в дальнейшем элементов капитализма.

Торговля в сунское время развивалась главным образом внутри страны. Пути на запад по суше были в значительной степени преграждены, но старые приморские торговые города на юго-востоке — Гуанчжоу, Янчжоу и другие — продолжали процветать. В них накапливались огромные богатства, вырастали богатейшие купеческие дома — оптовые и посреднические фирмы, оживленную деятельность развивали гильдии (*хан*). Эти гильдии монополизировали в своих руках определенные районы и наряду с торговлей вели обширные ссудные и ростовщические операции. Главными предметами вывоза из Китая были серебро, золото, медные монеты, шелковые ткани, фарфор; ввозили же лекарства, пряности, благовония и слоновую кость. Внешняя торговля была обложена таможенными пошли-

нами и приносила огромный доход казне. На некоторые товары была установлена правительственная монополия.

В сунскую эпоху товарно-денежные отношения получили большое развитие, особенно в частном обороте, вследствие чего потребность в деньгах неуклонно возрастала. Чеканилась медная монета, но техника производства не позволяла выпускать ее в необходимых количествах. Поэтому расширился выпуск железной монеты. Китайские деньги быстро получили широкое распространение за пределами страны. Сунские монеты археологи находят в Малайе, в Южной Индии, на о-ве Занзибар и даже на сомалийском побережье Восточной Африки. Страны же, расположенные по соседству с Китаем, были наводнены китайскими деньгами. С конца X в. вновь появились исчезнувшие на время бумажные деньги (*бяньцзянь* — «удобные деньги»), в XI в. получившие значение банкнот. Они выпускались крупными банкирскими домами, занимавшимися одновременно и торговлей. С 70-х годов X в. бумажные деньги стало широко выпускать и центральное правительство.

Рост товарно-денежных отношений усилил ростовщичество, особенно в деревне, где ростовщики захватывали распоряжение общественными амбарами. Они действовали в торговле, стремясь захватить в свои руки снабжение рынка товарами. О том, как страдали и крестьянство, и ремесленное население, и торговцы от этих ростовщиков, можно судить по тому, что даже правительство временами стремилось регулировать ростовщический процент.

* * *

В отличие от культуры времени Тан культура эпохи Сун характеризуется большим участием в ней народа, распространением среди гораздо более широких кругов китайского общества. Это особенно заметно в области просвещения, где основными органами распространения образованности стали не правительственные, а частные школы (*шу юань*), руководимые каким-нибудь «ученым», как тогда говорили. Именно в таких школах созревали различные течения общественной мысли, возникали группировки, ведшие оживленную полемику друг с другом и издававшие обширную и разнообразную литературу.

Распространению просвещения способствовало развитие книгопечатания. В VII—XI вв. книги размножались еще главным образом путем переписывания, но на юге Китая, особенно в пров. Сычуань, уже с IX в. стало распространяться книгопечатание. Стали печататься при этом не только буддийские, но и всякие другие сочинения, в частности политические трактаты, публицистические произведения, географические описания. В 953 г. было закончено печатание конфуцианского канона.

Эпоха Сун ознаменована и рядом важных изобретений. В 40-х годах XI в. Бин Шэн изобрел способ печатания подвижным прифтом. В первое время литеры изготовлялись из глины, но в дальнейшем их стали делать из дерева. Позднее появились литеры, отлитые из меди и железа.

В X в. появился компас. Хотя первые сведения о магнитном приборе, служащем для определения направления, относятся к III в. до н. э., компас как прибор, практически применяемый в мореходстве, появился только в период Сун. Именно с этого времени он стал известен и иноземным мореплавателям, в первую очередь арабским купцам, навестившим порты Юго-Восточного Китая. Через посредство этих мореплавателей он впоследствии стал известен и в Европе. В IX в. был изобретен порох, который стал применяться в военном деле значительно позже — с XI в.

Основным течением общественной мысли в X—XI вв. продолжал оставаться тот же гуманизм, соединенный с обращением к древности, который с такой силой проявился в позднетанскую эпоху. Но для гуманистов сунской эпохи характерно обращение к истории, в которой их интересовало то, как действия отдельных исторических деятелей влияют на жизнь народа.

Продолжателем линии Хань Юя как гуманиста был в сунское время Оуян Сю — историк и публицист, бывший крупным общественным и государственным деятелем своего времени. Главный труд его — «История пяти династий», полувекового промежутка между падением танской династии и появлением сунской. Господствующая нота этой книги — скорбь о бедствиях, которые переживала тогда страна, раздираемая феодальными междоусобицами.

Грандиозен по замыслу и объему труд государственного деятеля и историка Сыма Гуана, получивший название «Цзичжи тунцзянь» — «Всеобщее зеркало, помогающее правлению». Это — огромная (294 книги) работа по истории Китая с 403 г. до н. э. до 960 г., т. е. до образования Сунской империи. Заглавие труда свидетельствует, что автор хотел не только сообщить о фактах прошлого, но и научить своих современников извлекать уроки из этих фактов. Работы Сыма Гуана — один из самых важных источников для изучения истории Китая.

Общественная мысль сунской эпохи в лице историков, публицистов, философов, принадлежащих к интеллигенции правящего класса того времени, создала формулу, которая стала в дальнейшем играть огромную роль в идеологии феодального Китая. Эта формула, выраженная в словах «Великий долг и определенность положения», получила свое развитие у крупнейшего философа средневекового Китая — Чжу Си. Она означала утверждение необходимости существования определенного и неизблемого социального правопорядка, при котором каждый член общества должен сознавать свой долг и строго исполнять его. Долг же каждого по отношению к обществу определяется его положением: отец должен быть отцом, правитель — правителем, подданный — подданным и т. д. Эта доктрина имела для того времени двойкий смысл. С одной стороны, ею утверждались основы феодального правопорядка, предусматривающего закрепление за каждым его положением в обществе; с другой — эта доктрина должна была противопоставить упорядоченное общество и государство просвещенной страны варварскому обществу и государству. В дальнейшем усилилась охранительная роль доктрины, содействуя консервации феодальных отношений. Но в то время она использовалась и в борьбе против феодализма, так как противники феодальных порядков толковали понятие «великого долга» по-своему.

Период Сунской империи ознаменован расцветом философской мысли на почве конфуцианства, в чем также проявилось то обращение к древности, к которому призывали гуманисты позднетанского и сунского времени. Один за другим появляются крупнейшие мыслители: Чжоу Дунь-и, братья Чэн Хао и Чэн И. Они-то и создали новое направление философии, которое в китайской литературе именуется «сунской наукой», а в европейской литературе по истории Китая — «сунской философией» или же «неоконфуцианством».

Сунская философия в своих исходных позициях действительно отрывалась от того круга идей, который представлен некоторыми памятниками древней философской мысли, сложившимися в так называемые конфуцианские «Пятикнижие» и «Четверокнижие». В этом сказалось то общее

обращение к древности, которое характерно для китайской философии позднетанского и сунского времени. Однако обращение к древним конфуцианским классикам не сводилось к простому их копированию, но означало коренной пересмотр их положений, создание на их основе новой философской школы. Важнейшее в этой философии — элементы диалектического и стихийно материалистического подхода к бытию. Чжоу Дун-и, первый заговоривший об этом, понимал диалектику как переход от движения к покою, а от покоя обратно к движению и т. д. Движение же и покой, как он думал, — это два состояния развивающегося во времени материального бытия, представленного в виде пяти основных элементов — воды, огня, дерева, металла и земли — в их взаимодействии.

Наиболее крупным представителем этой философской школы был Чжу Си, стремившийся раскрыть в своих произведениях единство в многообразии всего сущего и доказывавший объективность существования мира и возможность его познания. Единство у Чжу Си покоится на двояком фундаменте: на первоматерии (*ци*) — материальной основе всего сущего — и на естественном законе (*ли*), которым определяется само бытие этой основы. Первоматерия в каждой вещи, в каждом существе выявляется в форме вещества (*чжи*), которое и составляет специфику отдельных существ. С этой стороны принципиальной разницы между человеком и предметами природы нет; человек — лишь наиболее совершенное явление природы. Путь познания мира Чжу Си рассматривал как чисто эмпирический: через познание каждой отдельной вещи. Чжу Си допускал также возможность вмешательства в формирование человеческой личности с целью подавления в ней дурного и укрепления хорошего.

Характеристика этой философии связана прежде всего с тем, как понимал Чжу Си естественный закон (*ли*). Бесспорно, что у позднейших последователей учения Чжу Си понимание этого закона было чисто идеалистическим. Однако сказать этого про самого Чжу Си нельзя. Для уяснения сущности мировоззрения Чжу Си очень важно учесть ту полемику, которая развернулась вокруг провозглашенного Чжу Си положения о познании вещей. Противник Чжу Си — Лу Сянь-шань заявлял, что все вещи заключены в душе человека и что, следовательно, познание вещей состоит в познании своей души. Чжу Си резко протестовал против этого положения, утверждая, что вещи существуют вне человека и познаются путем их изучения.

Большого расцвета в Сунской империи достигло искусство. Сунская школа живописи занимает выдающееся место в истории китайского искусства. Любимыми темами художников в это время являлись пейзажи, цветы, птицы, животные. Одним из замечательных художников был Чжао Цзи, о картине-свитке которого с изображениями ивы, ворон, тростника и диких гусей восторженно говорят все трактаты по истории живописи. Художники расписывали галереи во дворцах. Развивалась жанровая живопись, прославленным образцом которой служит дошедшая до нас картина художника Гу Хун-жуна, изображающая ночное пиршество Хань Си-цзяня — знатного вельможи. Мировую известность приобрел сунский фарфор, до сих пор высоко ценимый во всех музеях мира.

* * *

Развитие экономики, культуры, общественной жизни Сунской империи с самого ее возникновения происходило в обстановке непрекращающейся военной угрозы и борьбы с этой угрозой.

Сначала наибольшую опасность для империи представляли кидане. Сунское правительство могло отражать их набеги с большим трудом. В 1004 г. с киданями удалось заключить мир, но на унижительных для империи условиях: сунское правительство обязалось ежегодно платить киданям дань в 100 тыс. слитков серебра и 200 тыс. кусков шелковой материи. Тем временем на западной границе империи обозначилась новая опасность — со стороны тангутов. Усиление тангутского государства, получившего наименование Си-Ся, произошло в 30-х годах XI в., когда вождь тангутов Ли Юань-хао разбил тибетцев и уйгуров и отнял у Китая значительную часть провинции Ганьсу. Ли Юань-хао неоднократно вторгался в пределы империи, и сунское правительство, видя трудность борьбы, постаралось откупиться серебром и шелком и от этих «варваров». На таких началах в 1044 г. был заключен с тангутами мир.

Сунское правительство хорошо понимало, что заключением мирных договоров опасность со стороны киданей и тангутов отнюдь не была устранена. Поэтому деятели империи стали искать способы к обеспечению безопасности путем ее внутреннего укрепления. Свое выражение эта политика нашла в старинной формуле: «Богатая страна, сильная армия». Выразителем этой политики был Ван Ань-ши — один из самых крупных государственных деятелей сунской эпохи, ставший в 1069 г. канцлером империи. Меры, выработанные Ван Ань-ши, были им самим и его современниками определены как «новые законы». Одни из этих законов призваны были сделать страну богатой, другие — сделать армию сильной. К богатству должны были привести законы, регулирующие налоговое обложение и рыночные цены; средства казны должны были пополнять государственные зерновые фонды, служащие и для самостоятельного выхода государства на рынок, и для выдачи населению ссуд под процент. Этим путем Ван Ань-ши думал облегчить положение крестьянства и обуздать алчность ростовщиков. Военную силу государства должна была создать замена постоянной армии, формируемой по набору, всенародным ополчением типа народной милиции: каждые десять семей должны были держать готовым к призыву в нужный момент одного воина со всей экипировкой и оружием. Новые законы сразу же вызвали сильнейшее противодействие среди других государственных деятелей этого времени. Появились две враждующие партии — «новозаконников» и «старозаконников». Во главе последних стоял упомянутый выше Сыма Гуан. После смерти императора Чжао Сюя в 1085 г. реформы были оставлены, страна вернулась к прежним порядкам.

Реформы Ван Ань-ши не получили поэтому какого-либо значения в истории Сунской империи, оставшись лишь свидетельством поисков выхода из трудностей, в которых оказалось государство; они интересны как проявление одного из течений общественной мысли того времени.

Внешняя опасность для страны тем временем усилилась. На этот раз империи стали угрожать чжурчжэни. В 1115 г. у них образовался племенной союз с вождем по имени Агуда. Он сумел удачно выступить против киданей и в том же году отнял у них часть территории. С этого момента ведет свое начало чжурчжэньское государство, получившее название «Цзинь» («Золотое»). Сунское правительство поспешило воспользоваться появлением у киданей сильных врагов, и в 1118 г. с чжурчжэнями был заключен союз для совместного похода против киданей. Под этим двойным ударом киданьское королевство в 1125 г. пало.

Однако это означало, что на место киданьской угрозы для империи стала чжурчжэньская угроза, так как вся территория киданей отошла к

чжурчжэням. Начавшаяся борьба с ними, неудачная для империи, закончилась в 1126 г. мирным договором, по которому сунское правительство уступило чжурчжэням части провинций Хэбэй и Шаньси, уплатив 200 тыс. лян золота и 4000 тыс. лян серебра и выдав заложников. Но стороны не думали на этом примириться и стали готовиться к новой войне. В 1126 г. две чжурчжэньские армии вторглись в Китай. Сунские войска были разбиты, и в 1127 г. чжурчжэни овладели всей северной частью страны. Двор и правительство бежали на юг, за р. Янцзы. Сунская империя превратилась в Южносунскую со столицей в г. Ханчжоу.

Борьба с чжурчжэнями и этим не закончилась. В стране вспыхнуло народное движение против захватчиков. В него были вовлечены и некоторые военачальники империи, среди которых нашлись два талантливых полководца — Хань Ши-чжун и особенно Юэ Фэй. Им удалось не только остановить дальнейшее продвижение чжурчжэней, но и нанести им в 1129—1140 гг. ряд серьезных ударов, которые могли бы сыграть поворотную роль в борьбе с завоевателями, если бы не измена в правительстве. При дворе императора Гао-цзунца действовал тайный агент чжурчжэней Цинь Куай, занимавший пост канцлера и склонивший императора к миру с чжурчжэнями. Однако для осуществления этого надо было предварительно устранить верных слуг государства. Юэ Фэй и другие сторонники продолжения борьбы были перебиты. В 1141 г. с чжурчжэнями был заключен мир, по которому за ними признавались их завоевания; империя обязывалась платить ежегодную дань в 250 тыс. лян серебра и 250 тыс. кусков шелковой материи. Отношения Южносунской империи с чжурчжэнями после этого оставались неустойчивыми. Доходило и до прямых столкновений, последнее из которых произошло в 1205 г. Оно было неудачным для чжурчжэней, и с этого времени их могущество начинает быстро падать под влиянием внутренних междоусобиц.

Однако главное и для чжурчжэней и для китайцев в это время заключалось уже не в их взаимоотношениях. И перед чжурчжэнями и перед Южносунской империей появилось в 1206 г. грозное государство Чингис-хана.

КОРЕЯ В VIII—XII вв.

Утверждение в Корее паделльной системы сопровождалось, как и в Китае, образованием феодального государства. Им стало королевство Силла, во второй половине VII в. объединившее в своих границах территорию почти всего полуострова. Общий подъем хозяйственной и культурной жизни этого государства продолжался почти весь VIII век. Правители Бохайского королевства считали себя наследниками павшего северного царства Когурё и поэтому относились к Силла, присоединившему к себе это царство, враждебно. Японские правители помнили разгром 663 г. и тоже не питали к Силла дружеских чувств. К тому же время от времени происходили и набеги японцев на побережье. Правительство Силла стремилось ориентироваться на Китай. В VIII в. в Китай часто отправлялись посольства.

С посольствами в Китай путешествовали и буддийские монахи, получавшие в китайских монастырях богословское образование. Были среди них и такие, кто добирался до Индии. В начале VIII в. в Индии и странах халифата побывал монах Хе Чхо, проникший туда через Китай. Сохранилась часть его записок — «Повесть о посещении пяти индийских царств»; она служит хорошим источником для изучения этих стран Азии в VIII в.

Постоянно ездили в Китай и корейские купцы. Обычный путь их пролегал через Желтое море, а главным местом торговли были Чижань и Чучжоу в нынешней пров. Шаньдун. Там имелись даже особые корейские кварталы. Оттуда корейские купцы ездили и дальше — вдоль побережья Китая. Вывозили они из своей страны золото, серебро, лечебный жень-шень, тюленьи шкуры; ввозили же в Корею главным образом ткани, бумагу, книги.

С Японией сношения поддерживались не так интенсивно. Бывали посольства и в Японию, и из Японии, но с 779 г. они прекратились из-за набегов японцев на побережье, иногда довольно опасных. Так, например, в 731 г. в набеге участвовало, как передают корейские источники, чуть ли не 300 японских кораблей. Бывали и набеги корейцев на Японию, обычно на западное побережье о-ва Кюсю. Японские источники упоминают о набегах в 813, 869—870, 893—894 гг.

В VIII—XII вв. в Корею большого расцвета достигли прикладные искусства. Во всех соседних с ней странах ценились украшения из нефрита, выделывавшиеся мастерами Силла. От времен Силла сохранились замечательные изделия: золотая корона, браслеты, мечи, металлические пояса и отделанные металлическими украшениями седла. Времена Корё ознаменовались расцветом производства фарфоровых изделий. Особого внимания заслуживает развитие в Корею книжного дела. В 991 г. в городе Согён (совр. Пхеньян) было создано государственное учреждение по изданию — тогда еще рукописным способом — книг, главным образом буддийских сочинений, а также исторических хроник. С 1022 г. в Корею получила распространение ксилография, а с 1232 г. уже употреблялся металлический шриф.

Надельная система в Силла пережила ту же судьбу, что и в Танской империи: дальнейшее развитие пошло по пути укрепления феодального поместья с зависимыми крестьянами, с одной стороны, и самостоятельных крестьянских хозяйств — с другой. Формально, по закону, при надельном землепользовании единственным собственником земли считалось государство. Однако, как это проявилось и в Танской империи, сама система наделов допускала образование поместий. Они вырастали из привилегированных наделов — за заслуги, жалованных, которые предоставлялись знати и чиновничеству. Пользование этими наделами становилось наследственным, что уже фактически превращало их в частную собственность. Точно так же в вечном пользовании, т. е. фактически во владении, находились и монастырские земли. Так сложились поместья светских и духовных феодалов.

Признаки роста этих поместий появляются уже в начале IX в. В поместья всякими способами привлекается надельное крестьянство: прямым насилием, созданием облегченных условий эксплуатации — меньшим налогом, чем тот, который крестьяне должны были вносить правительству. В поместья крестьяне часто шли и сами, находя в сильном и богатом феодале защиту от поборов правительственных чиновников. Другие — бросали землю и превращались в беглых, составлявших отряды и нападавших на правительственные учреждения и поместья. Стремясь защитить свои поместья, владельцы их стали заводить собственные вооруженные отряды. Это было им нужно и для борьбы друг с другом, так как при ослаблении центральной власти ничто не мешало феодальным раздорам из-за земли и крестьян и увеличению таким путем владений.

Таким образом, в стране в течение IX в. шли почти непрерывные волнения крестьян, междоусобные распри феодалов и выступления про-

тив королей Силла. В этом процессе распалось государственное единство страны. В конце IX в. в юго-западной части полуострова, на землях бывшего королевства Пэкче, возникло Позднее Пэкче, как называл это обособленное владение его основатель Чин Хвон, один из крупнейших местных феодалов; в северо-восточной части, на землях бывшего королевства Когурё, образовалось отдельное владение, названное его основателем Кун Е — Тхэбон, или Позднее Когурё. Под властью Силла оставалась лишь небольшая территория в центре страны.

Разделение страны на три части продолжалось около полувека. Новое объединение всего полуострова в одном государстве, но уже на основе не государственной наделной системы, а поместного хозяйства феодалов, было произведено северным владением, Тхэбон, один из военачальников которого, Ван Гон, в 918 г. убил своего правителя и провозгласил себя царем. В 935 г. царь Силла подчинился новому объединителю, превратившись в одного из местных феодалов, а в 936 г. было покончено и с Поздним Пэкче. Восстановленное всекорейское государство получило название Корё (от этого названия происходит общепринятое в Европе наименование «Корея»). Его столицей стал город Кэгён — нынешний Кэсон.

Своим успехом Ван Гон был обязан, помимо общих исторических условий, тактике по отношению к крестьянству. Занимая новую территорию, он объявлял о снятии с крестьян всех недоимок и налогов, чем и обеспечивал себе поддержку населения. Разумеется, это средство пускалось в ход лишь во время борьбы и в первые годы после набегов, когда надо было заботиться об упрочении власти; впоследствии крестьяне снова становились предметом эксплуатации и правителей государства, и местных феодалов...

Корё не имело сильной государственной организации. Феодалы, поддерживавшие Ван Гона в борьбе против Силла, не были заинтересованы в укреплении центральной власти. Они в первую очередь полагались на собственные силы — на военные отряды, которые содержали каждый богатый землевладелец и каждый монастырь. Поэтому влияние королевской власти быстро упало. С королем считались лишь как с одним из крупных феодалов, располагавшим наиболее значительными вооруженными силами. Многие феодалы успешно соперничали с правящей династией, часто попадая в полную зависимость друг от друга. О слабости королевской власти свидетельствует проведенная по требованию феодалов отмена установленного Ван Гоном порядка, согласно которому правители отдельных областей были обязаны держать в Кэгёне свои семьи в качестве заложников.

Особое положение занимала в Корё буддийская церковь. Располагая огромными владениями и крупными вооруженными отрядами, она была могущественной силой, с которой не только считаться, но и часто прибегать к ее помощи вынуждены были короли. При дворе появилось множество буддийских монахов, получавших назначение на важнейшие посты, короли даровали церкви новые земли и строили многочисленные монастыри. Светские и духовные феодалы завладели землями, ставшими их собственностью. Положение крестьян, обрабатывавших эти земли и находившихся в зависимости от владельцев, резко ухудшилось. Острая классовая борьба принимала столь угрожающие для феодалов формы, что принуждала их иногда к мелким уступкам. Об этом свидетельствуют такие акты, как изданный королем Синчжоном указ, предписывающий уменьшить налоги в неурожайные годы.

В X в. внешнеполитическое положение Корё осложнилось. Государство киданей Ляо превратилось к этому времени в серьезную силу. Подчинив кочевавшие в пограничных районах племена, кидане стали угрожать Корее. В 993 г. произошло первое опустошительное вторжение киданей на территорию полуострова. Феодалы не могли и не умели организовать сопротивление. Поэтому, опасаясь новых набегов, королевский двор в Кэгёне решил пойти на уступки императору киданей, отправив к нему посольство с просьбой принять Корё под свое покровительство. В 996 г. корейский король официально признал сюзеренитет киданей.

Однако набеги их и подвластных им племен не только не прекратились, а становились все более частыми. В 1010 г. киданьский император предпринял попытку завоевать Корею. Огромная армия киданей переправилась через Амноккан. Король (Хёнчжон) бежал на юг, кидане овладели Кэгёном и безжалостно разграбили столицу Кореи. Однако народ, несмотря на предательство феодалов, успешно сопротивлялся завоевателям и вынудил киданей отступить. Раздоры и соперничество между корейскими феодалами облегчали грабительские набеги киданей и затягивали войну. Полчища киданей каждое лето обрушивались на Корею.

Но тяжелые испытания не сломили корейский народ, он героически сопротивлялся захватчикам. В 1018 и 1019 гг. корейские войска под руководством замечательного начальника Кан Гамчхона нанесли полчищам киданей сокрушительный удар. После этого государство Ляо вынуждено было согласиться на мир, восстановивший положение, существовавшее до войны.

Когда в 1125 г. киданьское королевство Ляо пало под ударами чжурчжэней и Сунской империи, с новым могущественным соседом, чжурчжэньским королевством Цзинь, были установлены мирные отношения: короли Корё признали себя вассалами цзиньских правителей и обязались выплачивать дань.

Внутри Корё в течение XI и XII вв. заметно росло влияние буддийской церкви, опиравшееся на ее экономическую мощь — владение большим количеством земель и материальных ценностей. В то же время все возраставшее могущество церкви становилось опасным для светских феодалов и даже самих королей. На этой почве начались столкновения с нею королевской власти и светских феодалов. Особенно острое столкновение произошло в правление короля Инчжона, когда буддийская церковь, монастыри которой имели и свои вооруженные силы, подняла под руководством монаха Мё Чхона мятеж против короля. Но Мё Чхон был убит своими же приближенными, что и помогло подавить мятеж.

Это не приостановило, однако, борьбы между светскими феодалами и церковью. При этом, поскольку церковь опять сумела подчинить своему влиянию королей и двор, феодалы обратились против королей. Особенно острый характер борьба приобрела в 1170 г., когда правивший король был свергнут одним из северных феодалов — Чон Чжунбу, поставившим на престол послушного ему принца. Началась междоусобная война; свергнутый король нашел прибежище в монастыре и был использован церковными феодалами в их борьбе против светских. Развитие событий привело к столкновению не только светских и духовных феодалов, но и отдельных феодалов между собой. В 1196 г. одному из них, Чхве Чхунхону, удалось даже захватить власть и королевство.

Все это привело в движение и крестьянство, которое страдало от самих междоусобиц, а еще более от усиливавшихся в этой обстановке гнета и насилий феодалов, так как их борьба между собой влекла рост всяких по-

боров. Повсюду в стране стали появляться крестьянские отряды — как из числа согнанных с земли, так и из оставшихся на своих участках. Они нападали на правительственные учреждения, монастыри, поместья. Иногда им удавалось даже на время захватить отдельные города.

Восстание народных масс заставило Чхве Чхунхона и других феодалов сплотиться и обратить свои силы прежде всего против этой опасности. Крестьяне были разгромлены. Но междоусобные войны феодалов и кровавая расправа с крестьянами подорвали силы королевства Корё как раз тогда, когда появилась грозная опасность: в 1206 г. в степях Монголии образовалось государство Чингис-хана.

ЯПОНИЯ В VIII — XII вв.

Япония вступила в период развития феодализма значительно позже Китая: в то время как там к концу VIII в. надельная система пришла в упадок, в Японии укреплялась государственная собственность на землю; переход к новой форме феодальной собственности завершился лишь к середине X в.

С конца VIII в. дом Фудзивара остался без сильных соперников, и управление страной более чем на два столетия — до середины XI в. — сосредоточилось в его руках. В 858 г., когда на престол вступил малолетний император, его дед по материнской линии Фудзивара Ёсифуса объявил себя регентом государства; когда же на престоле оказался совершеннолетний император, Фудзивара управляли страной в звании «верховных канцлеров» (*кампаку*).

Свою власть дом Фудзивара укреплял различными способами, но прежде всего сосредоточением земель. Так как земли можно было иметь только в форме наделов — кормовых, должностных, ранговых, за заслуги, пожалованных, дом Фудзивара монополизировал все важнейшие должности и посты, дающие право на такие наделы. Это имело двойные последствия: концентрацию огромных земельных богатств и контроль над аппаратом управления. Тогда утратили свое значение прежние высшие органы власти. *Мандокоро*, т. е. управление самого дома Фудзивара, превратилось в управление страной, а центральные и местные учреждения стали просто аппаратом этого *мандокоро*.

Фудзивара постарались использовать и буддизм. Преобладающая часть высшего духовенства состояла из тех же Фудзивара. Поэтому наиболее крепкие монастыри с их обширными земельными владениями и богатствами оказались в их руках. С одной стороны, церковная организация фактически слилась с правительственным аппаратом, а учения покровительствуемых тогда сект тэндай и сингон превратились в официальную религию; с другой — возникли оппозиционные по отношению к официальному вероучению течения буддизма. Силою вещей с этими оппозиционными течениями сближались в дальнейшем все не довольные установившимся режимом. К новым сектам стали тяготеть и народные массы. Важнейшей из таких сект была дзёдо.

Одно из средств упрочения своей власти Фудзивара видели в разрушении «божественного ореола» императорской власти, созданного на первых порах, в VIII в. — в период борьбы за новые порядки, для противопоставления прежней концепции власти царя как «первого среди равных», идущей от традиций родо-племенного союза. Сначала те же Фудзивара активно содействовали утверждению догмата происхождения

императорского дома от верховной богини-родоначальницы для подкрепления абсолютного характера верховной власти; когда же власть фактически перешла к ним, это оказалось уже помехой. Понадобилась реформа старой религии — синтоизма, с его богами-родоначальниками; все синтоистские божества объявлялись выражением тех или иных божеств буддийского пантеона (так называемых *рёбу-синто*). Эта концепция, разработанная в разных сочинениях, утвердилась настолько прочно, что только в XVIII—XIX вв. синтоизм стал от нее освобождаться...

Одно из важнейших явлений, отмечаемых в этот период в сельском хозяйстве страны, — увеличение обрабатываемой площади. Введение обязательных подушных наделов привело к тому, что на обработку земли было направлено максимально возможное число населения. Кроме того, были приняты специальные меры к тому, чтобы увеличить обрабатываемую площадь: указами 723 и 743 гг. было установлено, что вновь обработанные земли поступают в собственность обрабатывающего. Открытие легальной возможности приобретения в собственность земельных участков послужило мощным толчком расширения обрабатываемой площади. Так, например, в конце 20-х годов IX в. в течение пяти-шести лет было поднято целины свыше 3 тыс. га — для японских масштабов цифра очень большая. Это было связано и с ростом населения: в первой четверти VIII в. в стране насчитывалось более 7 млн. учитываемого налоговой системой сельскохозяйственного населения.

Увеличение пахотной площади сопровождалось широким распространением железных орудий (мотыги, плуга с пахотой на волах), улучшением способов обработки земли. Кроме того, расширялась сеть оросительных сооружений, что получило свое отражение в ряде указов правительства, требующих от местных властей самых энергичных мер по устройству прудов и проведению оросительных каналов. Оросительные сооружения в первое время считались собственностью тех, кто их устраивал, но в дальнейшем отошли в общую собственность жителей селений. Водяное колесо, которое в это время уже давно применялось в Китае для подачи воды на поля, в Японии прививалось с трудом, о чем свидетельствуют неоднократные упоминания о мерах поощрения к его употреблению.

Из сельскохозяйственных культур наиболее распространены по-прежнему были рис, гречиха, просо, бобы, кунжут. Сеялась, но в небольших количествах пшеница. В 799 г. в Японию были привезены из Индии семена хлопчатника, после чего эта культура стала прививаться в южных районах Японии, но особого распространения все же в это время не получила. Широко процветало разведение шелковичных червей и шелководство. В северо-восточных частях Хонсю разводились лошади и крупный рогатый скот.

Сохранившиеся источники говорят и о развитии горного дела. Добывались железо, медь, золото, серебро, ртуть, сера, слюда. Особенно много добывалось меди, так как на нее был большой спрос в Китае.

Ремесло в этот период развивалось в двух формах — крестьянского промысла и отдельного, особого производства. В ведении правительственных учреждений существовали многочисленные группы ремесленников, обслуживавшие двор и знать. Такие же группы появились и при монастырях, под их покровительством. Именно такие группы мастеров-ремесленников и послужили основой для образования в позднейшую эпоху, в XIII в., торгово-ремесленных объединений, цехов. До нашего времени сохранилось много образцов тканей, особенно шелковых, много керамиче-

ских изделий, изделий из лака, меди, бронзы, выделывавшихся этими мастерами.

Наличие мастеров, работавших в дворцовых мастерских, отнюдь не свидетельствовало об отделении ремесла от сельского хозяйства. Это явствует из постановлений о наделах, предусматривавших налоги не только с зерновых, но и с промысловых культур тканями и сырьем — шелком-сырцом. В некоторых случаях держатели государственных наделов поставляли изделия кузнечного ремесла — земледельческие орудия. В тех же местах, где добывалось железо, крестьяне должны были наряду с сельскохозяйственной продукцией вносить в качестве налога и часть полученного железа.

Торговля велась на постоянных рынках и на периодических ярмарках. В столице страны, в Киото, было два рынка, как в танской Чанъане. В стране была сооружена сеть дорог с почтовыми станциями. Местные рынки существовали в важнейших пунктах страны: в портах, у почтовых станций, у стен буддийских монастырей, в поселках, где находились местные власти. На побережье Внутреннего моря образовались торговые пристани. Там появились даже склады, владельцы которых брали товары для хранения или продажи. От них в дальнейшем пошли оптовые фирмы.

Первое упоминание о чеканке монеты в Японии относится к 708—714 гг. Есть известия, что жители Киото вносили налоги деньгами, что в конце IX в. деньги уже встречались в разных местах страны. В XI в. в Японию стали проникать монеты, чеканенные в Китае, которые и стали вытеснять японские деньги. Однако деньги в эту эпоху имели еще очень слабое распространение.

Важнейшим событием IX—XI вв., целиком относящимся к периоду правления дома Фудзивара, было вытеснение наделной системы помещичьим строем. Предпосылкой образования частновладельческих поместий были те изъятия из системы государственной собственности на землю, которые были допущены в наделном строе с самого начала. Наибольшее же значение для развития поместий имело, однако, официальное признание частной собственностью вновь обработанных земель. Естественно, что таких возможностей больше всего было у правящего класса, располагавшего средствами, поступавшими от государства. Это привело к тому, что к середине X в. с полной ясностью определилось, что важнейшую экономическую категорию составляет уже не государственный надел, а государственное поместье. Его японское название — *сээн* (букв. «вилла»). Такое название установилось потому, что эти поместья начались с загородных вилл знати.

Новые хозяйственные явления никак не регламентировались законом, признававшим только наделное землепользование. Процесс их развития пошел разными путями. Иногда владельцы сами вели хозяйство, используя в качестве рабочей силы членов своей семьи, а также привлекаемых с наделных земель крестьян; иногда владельцы отдавали свои поместья под покровительство монастырей. В последнем случае появлялось два собственника: прямой — фактический хозяин поместья и косвенный — монастырь. Бывало и так, что какой-нибудь владелец небольшого поместья отдавался под покровительство более сильного, а тот, в свою очередь, опирался либо на какого-нибудь вельможу, либо на монастырь. Так стало образовываться двух- и трехстепенное право собственности. Среди знати появился многочисленный слой владельцев поместий, которые фактически никакого хозяйства не вели и только получали доходы с поместий, где хозяйство вели их управляющие, на деле — действитель-

ные владельцы земли. Естественно, больше всего таких поместий было у членов дома Фудзивара. Не покидая столицы, двора, где они — в обстановке всевозможных интриг — находились всегда на страже своей власти, они оказались в то же время собственниками целой массы разбросанных в разных местах страны поместий.

Правительство на первых порах время от времени издавало указы, которые должны были помешать дальнейшему увеличению числа поместий или даже вовсе ликвидировать их. Но та же знать, те же самые слои правящего класса, которые издавали эти законы, были более заинтересованы в другой форме эксплуатации крестьянства — прямой, чем в косвенной, через государство. Однако желание сохранить доходы казны все же оставалось, так как государственные средства распределялись между правящими семьями. Сохранить доходы можно было при создавшемся положении только одним способом — увеличением налогов и введением всяких сборов с надельного крестьянства. Изыскивались и другие средства. Так, например, по закону была установлена зерновая ссуда крестьянам на случай неурожая, возвращаемая с известным процентом. Теперь такую ссуду заставляли брать насильно, взимая за это от 30 до 50%. В результате началось бегство с земли. Появилась масса беглых крестьян, которые бродили с места на место и образовывали крайне беспокойный элемент. Власти устраивали облавы на беглых, принудительно возвращая их на землю, но это ни к чему не приводило: бегство с земли продолжалось.

Часть таких беглых крестьян превращалась в бродяг, бездомных, нищих; другие, уходя в горы, объединялись в шайки разбойников, как их называли. На всех крупных трактах страны начались грабежи и убийства. Бывали случаи, когда крестьянские отряды были настолько велики, что нападали даже на населенные пункты, на резиденции местных властей. Так, например, в 877—884 гг. провинция Тикуго была почти вся охвачена волнениями крестьян, так как отряды беглых, сохранившие связь со своими односельчанами, вовлекали в борьбу и тех, кто еще оставался на земле. Восставшие напали на правительственные учреждения провинции, перебили чиновников и убили самого губернатора. В начале XI в. нападению крестьянских отрядов подвергалась даже сама столица. Путешествия по стране стали опасными, нарушалась связь провинций с центром, и увеличивалась самостоятельность местных властей и магнатов.

Бегство с земли и бродяжничество были пассивной формой протеста крестьянства; вооруженная борьба была активной его формой. Существовал и третий путь — уход крестьян в поместья; можно было спастись от поборов, отдавшись под покровительство какого-нибудь владельца. Поместья с X в. были не только освобождены от всякого обложения, но и получили иммунитет: они составляли «земли, на которые местные власти не имели права вступать», как гласил закон. Это обстоятельство обуславливало владельцам поместий на первых порах возможность установления у себя меньшей эксплуатации крестьян, чем та, которой они подвергались на надельных землях. Поэтому крестьяне охотно шли под покровительство помещиков, защищавших их от государства. При ослаблении власти правительства на местах оно не могло помешать переходу надельных крестьян в поместья вместе со своими участками.

Таким образом, к XI в. обнаружилось почти полное исчезновение надельного крестьянства. Поскольку же надельная система составляла самую основу государства, образовавшегося после переворота 645 г., по-

стольку был в корне подорван и весь государственный строй. Огромному аппарату управления было фактически нечем управлять. Представители государственной власти всюду натывались на «земли, куда они не имели права вступать». Всякие должности и чины утратили реальное значение и превратились в пустые звания, которые теперь с большой легкостью раздавались налево и направо для удовлетворения тщеславия. Нарская монархия перестала существовать, и могильщиками ее оказались те же Фудзивара, которые вначале так боролись за нее.

В такой обстановке все «живые силы» страны переместились в провинцию. Все наиболее активные представители верхов поняли, что устройство поместий выгоднее, чем служба при дворе. Сначала этому старались помешать. Издавались указы, запрещавшие лицам определенных рангов покидать столицу. То, что первый такой указ был издан в правление Уда, показывает, как рано этот процесс стал приобретать интенсивность. Издавались и указы, предписывавшие уехавшим из столицы вернуться обратно. Их никто не слушался, и указ забывался. Хорошим поводом, чтобы остаться в провинции, бывало назначение куда-нибудь губернатором. По закону губернатор после определенного срока должен был вернуться в столицу, сдав должность другому. Но губернаторы все чаще и чаще отказывались возвращаться, оставались в провинции, где они во время исполнения должности, пользуясь положением почти бесконтрольных хозяев, успевали обзавестись поместьями — обычно путем захвата надельных земель с сидящими на них крестьянами. Так вся жизнь сосредоточилась в провинции; в столице же оставалась чисто паразитическая верхушка правящего класса.

В стране на такой почве развернулся новый процесс. Владетели поместий могли не бояться правительственных властей: те и по закону не имели права доступа в их владения, да и представители этих властей принадлежали к тому же правящему классу — сами стремились превратиться в независимых владельцев поместий. Зато владельцы поместий боялись уже друг друга: укрупнение владений могло происходить и путем захвата других. Это привело к формированию в поместьях собственных военных сил. Их составляли те же крестьяне, которых в случае необходимости вооружали. На службу привлекали и беглых крестьян, обещая им землю и покровительство. Так внутри поместья устанавливались особые отношения — господина и вассала; так зарождалось японское самурайство (*самурай* — в первоначальном значении «слуга», в дальнейшем — «вассал»).

Необходимость создания вооруженной силы была тем более ошущима, чем отдаленнее от старого центра страны — Ямато — находилась местность. Там устанавливалось уже полное господство силы. Кто был сильнее, тот и захватывал больше земель. С крайней яркостью это проявилось в восточных районах о-ва Хонсю, в области, получившей наименование Канто. Там появились настоящие могущественные владения феодалов.

Такое положение привело к междоусобной борьбе феодалов. Стремление отнять у другого землю стало скоро превращаться в борьбу за создание независимых владений, государств. Первым проявлением такой борьбы было выступление могущественного феодала Канто — Тайра Масакадо. В 30-х годах X в. он успел захватить несколько провинций, превратив местных феодалов в своих вассалов, прогнал представителей центральной власти и в 939 г. провозгласил себя императором. В то же самое время на западе о-ва Хонсю поднялся другой феодал — Фудзивара Сумитомо, один из тех членов дома Фудзивара, которые поняли, что будущее — не

в столице, а в провинции, не в высоких придворных рангах и даже не в званиях регента и «верховного канцлера», а в создании собственных земельных владений, вне контроля правительства. Характерно, что в выступлении Сумитомо участвовали и крестьянские отряды, в частности пираты, т. е. отряды, образованные прибрежным рыбацким населением. Очевидно, крестьянство в эту пору готово было поддержать всех, кто шел войной на ненавистное им Киото.

Первое грозное восстание против правительства Фудзивара закончилось для Киото благополучно. С одной стороны, правительство сумело все же выставить против восставших войска, с другой — успеху восстания помешали внутренние раздоры; один из Тайра, Садамори, перешел на сторону правительства. Однако поражение восстания привело не к усилению центральной власти, а к усилению дома Минамото. Глава этого знатного, близкого к императорской фамилии рода — Минамото Цунэмото руководил войсками, направленными против Фудзивара Сумитомо; победа и возвысила его род. Цунэмото получил в управление две провинции в Канто, и дом Минамото занял в Канто место ослабленных Тайра.

В связи с ростом экономической и политической мощи крупных феодалов центральная государственная власть, осуществлявшаяся регентами и «канцлерами» из дома Фудзивара при номинальном правлении императоров, потеряла в стране всякое значение. Переход к феодальной раздробленности со всей наглядностью обнаружился в событиях, развернувшихся в 1069 г. Враждебные дому Фудзивара феодалы, к которым присоединились и некоторые члены этой фамилии, боровшиеся друг с другом из-за владений, званий и постов, похитили императора и увезли его из столицы в монастырь Хиэйдзан, имевший в своем распоряжении крупные военные силы. Фудзивара ответили на это возведением на престол нового императора. Так образовались два лагеря, около ста лет — с 1086 по 1167 г. — претендовавшие на положение центрального правительства в стране, — в Киото и в монастыре Хиэйдзан. В стране хозяйничали феодалы, считавшиеся с кiotоским и хиэйдзанским лагерем лишь постольку, поскольку им это было выгодно. Между крупными феодалами шла непрерывавшаяся борьба, каждый из них стремился к приобретению все новых и новых поместий, часто расположенных в различных местах страны. Так, например, дом Тайра в середине XII в. имел более 600 поместий.

Характерным явлением этого процесса было активное вмешательство в борьбу буддийской церкви. Монастыри уже давно стали привилегированными феодальными владениями, в них раньше, чем в других местах, стали формироваться и вооруженные отряды. Монахи-воины, как их называли, составляли грозную силу. Именно на них и опирались те, кто образовал новый правительственный центр.

Разумеется, такая двойственность не могла продолжаться без конца. Однако ликвидация ее протекала в сложных условиях и в обстановке ожесточенной борьбы. С XII в. система поместий начинает развиваться в двух различных направлениях. Один тип слагался главным образом на востоке и севере страны, другой — в центральной и юго-западной части. Скопление на северо-востоке беглых крестьян, оседание их в поместьях местных властителей, появление множества дружинников, нужных здесь больше, чем где-нибудь в другом месте, отход мелких владельцев под патронат крупных — все это шло здесь и более быстрым темпом, и в более отчетливой форме. Дружинники были не только служилым элементом: становясь в ряды дружины своего господина, они получали от него известный земельный надел. В результате на северо-востоке выросло мелкое

ленное землевладение, находившееся в руках представителей нового служилого класса, группирующихся вокруг какого-нибудь могущественного военного дома в качестве его вассалов (*жэнин*).

В противоположность этому в другой части Японии сохранялась гораздо дольше прежняя форма поместья как не раздробленного на отдельные ленные участки крупного владения. В том случае, когда такое раздробление и происходило, эти отдельные части находились не в ленном владении вассала, а в ведении управляющего. В связи с иной обстановкой владельцы поместий в Центральной и Юго-Западной Японии могли или совсем не формировать дружин для охраны своих поместий, или формировать их на других началах — службы стражников, но не держателей земельного лена.

Последующие события (вторая половина XII в.) рисуют нам картину наступления воинских домов северо-востока Японии на юго-запад. В процессе происходящих там войн и перегруппировок оказался выдвинутым на первое место дом Минамото. В то же самое время в юго-западной части огромную силу приобрел дом Тайра, со времен Садамори перенесший свою деятельность в столицу. Опираясь на свои 600 поместий, этот дом сумел захватить в свои руки и политическую власть, что было не трудно сделать среди того развала, который царил в Киото. Поэтому борьба северо-восточных феодалов с юго-западными вылилась в знаменитую в японской истории и воспетую в эпосе персональную борьбу Тайра и Минамото. В этой борьбе победительницей оказалась, конечно, та сторона, которая не только была сильнее в военном отношении, но и опиралась на более мощную феодальную организацию, т. е. Минамото. Дружинники Минамото стремились расположиться в плодородном Кансае, где многие из них могли найти нужную им землю.

Победа над Тайра (1185 г.) поставила кантоских воинов лицом к лицу с теми, кто все еще олицетворял собою «законное» правительство, — с императорским домом и его окружением из фамилии Фудзивара и выродившейся паразитической придворной аристократии, носившей громкие титулы, звания и т. д. В 1221 г. кантоские воины покончили и с этим лагерем. Политический центр переносится в Канто, в г. Камакура, который и становится столицей новой, феодальной Японии. Но еще до этого, в 1192 г., Минамото Ёритомо, вождь кантоских самураев, становится официально верховным правителем государства с титулом *сёгун* (предводитель, военный вождь), превратившимся в официальное обозначение военно-феодальных правителей Японии. Слово «бакуфу», которым обозначалась ставка сёгуна, стало официальным наименованием его правительства.

В 1221 г. были ликвидированы последние крупные феодалы, пытавшиеся сопротивляться новому правительству; в числе их имелись и члены императорского дома. Однако Ёритомо не уничтожил императорскую власть. Он оставил императоров на престоле как исконных носителей верховных жреческих функций. В то же время для пресечения со стороны императоров самой возможности сделать какие-либо попытки вернуть себе реальную власть в Киото, оставшемся местом их пребывания, был введен гарнизон, командующий которого следил за каждым шагом императора. Резиденцией сёгуна и его правительства стало место главной ставки Минамото — селение Камакура, ныне город на восточном побережье о-ва Хонсю (неподалеку от Токио).

Так начался камакурский, как обычно его называет японская историография, период японской истории. Образованием Камакурского государства в Японии закончился процесс утверждения новой формы феодализ-

ма во всей Восточной Азии: камакурский сёгунат в Японии становится в ряд с королевством Корё, с Сунской империей в Китае.

В IX в. в истории культуры японского народа произошло событие огромного значения: была создана собственная письменность. До этого времени японцы писали китайскими иероглифами, лишь с трудом приспособляемыми для передачи японской речи. Новая письменность была звуковой и слоговой, т. е. каждая буква обозначала и слоги. За этой письменностью упрочилось название *кана*.

Появление письменности способствовало развитию литературы, особенно художественной прозы, основу которой составили народные легенды и рассказы. Но сюжеты были заимствованы из жизни господствующего класса, главным образом его верхов. Авторами этих произведений были представители феодальной аристократии, преимущественно из придворных кругов. Среди них было много женщин из этой среды, часто получивших широкое образование. Два наиболее выдающихся произведения этих столетий — «Гэндзи-моногатари» («Повесть о Гэндзи») и «Макура-но соси» («Интимные записки») — принадлежат женщинам — Мурасаки-сикибу и Сэй-сёнагон. Обе они были придворными фрейлинами. Особое значение имеет роман «Гэндзи-моногатари» — история жизни знатного аристократа. Это произведение рубежа X—XI вв. вполне заслуживает наименование реалистического, нравоописательного романа и свидетельствует не только о раннем развитии повествовательной литературы, но и о достигнутом ею высоком уровне.

Продолжала развиваться и придворная поэзия. Один за другим выходили сборники — поэтические антологии. Важнейшая из них — «Кокинсю» («Собрание стихотворений древности и настоящего времени») — появилась в начале X в. В ней помещены стихотворения, ставшие для последующих времен классическими образцами поэзии. Главный составитель этой антологии Цураюки вошел в историю японской литературы как выдающийся поэт и как зачинатель литературной теории и критики. В предисловии к «Кокинсю» он изложил свои взгляды на поэзию и подверг разбору стихи некоторых поэтов.

Помимо литературы в Японии в IX—XI вв. расцвели все виды искусства. Об этом свидетельствует скульптура в многочисленных буддийских храмах, живопись во дворцах знати, а также всякого рода произведения прикладного искусства. Больших успехов достигла также архитектура. Особенно же процветали живопись и музыка: уметь рисовать и играть на музыкальных инструментах считалось в то время столь же необходимым для образованного человека, как и слагать стихи.

БОХАЙ в IX — XI вв.

Высшей точкой могущества и процветания Бохая считаются 20-е годы IX в., время правления Жанью.

Постоянные посольства в Китай и Японию вели широкую торговлю. Однако, если посольства в Китай преследовали помимо торговых и политических и культурные цели, то посольства в Японию были не более чем операциями по меновой торговле. Обычно в посольство входило более ста человек: одно из них, побывавшее в Японии в 776 г., состояло из 187 человек.

Главным предметом торговли были меха пушных зверей, на которые в Японии был большой спрос, так как одежды придворных и знати

в подражание китайцам и корейцам отделялись мехом. Большим спросом пользовались медвежьи и тигровые шкуры. Затем шел жень-шень и, наконец, мед. Взамен бохайцы брали различные шелковые ткани, выделывавшиеся тогда в Японии и высоко ценившиеся даже в Китае. Есть упоминание и о привозе рабов; так, китайские источники говорят, что бохайские послы, прибывшие в 777 г., преподнесли китайскому императору одиннадцать японских танцовщиц. Торговля была в основном меновая, хотя найденные при раскопках в бохайской столице японские монеты начала VIII в. свидетельствуют, что в торговых сделках фигурировали и деньги.

Среди этих торговых операций выделяется одна, имевшая особый характер. В 761 г. во главе посольства в Японию прибыл бохайский посол в Китае, который по поручению танского правительства сделал заказ на крупную партию коровьих рогов, употреблявшихся тогда при изготовлении арбалетов. Поскольку в это время в Китае бушевала междоусобная война, эта операция означала, как мы теперь выразились бы, размещение в Японии военного заказа. Японские хроники передают, что заказ был принят, и в Китай через бохайцев было направлено большое количество этих рогов.

Сношения с Бохаем имели для Японии того времени серьезное значение как источник информации о положении в Китае. Так, впервые о восстании Ань Лу-шаня японское правительство узнало в 758 г. от своего посла, вернувшегося из Бохая. Японцы ценили добрые отношения с бохайцами еще и потому, что многие японские посольства в Китай в течение VIII—IX вв. возвращались домой через Бохай. Однако с конца VIII в. у японского правительства обнаруживаются стремления ограничить поездки бохайцев в Японию. Так, в 793 г. был проект допускать посольства лишь один раз в шесть лет, в 824 г. было даже постановлено, что бохайцы могут приезжать только один раз в двенадцать лет. Трудно понять причину этих стремлений. Японские исследователи склонны объяснять их тем, что посольства ложились тяжелым бременем на государственную казну: по обычаям того времени всякое посольство, прибывавшее в страну, с момента своего вступления на японскую почву поступало на полное содержание правительства. Для посольств были организованы специальные посольские дворы, как в районе нынешнего города Цуруга, куда большей частью прибывали бохайцы, так и на пути их следования в Киото, столицу страны, не говоря уже о специальном посольском дворе в столице. При указанной выше большой численности посольств и продолжительности их пребывания, затягивавшегося на много месяцев, действительно, содержание их обходилось правительству дорого. Возможно, однако, что тут играли роль и политические соображения: поскольку тенденции ограничения стали проявляться в конце VIII в., постольку они, может быть, были вызваны нежеланием распространения в Японии подробностей о событиях в Танской империи после восстания Ань Лу-шаня. Впрочем, ограничения оставались на бумаге, и бохайские посольства продолжали приезжать, как и раньше, до самого конца существования этого государства и даже после его падения в 926 г.: в 930 г. прибыло посольство из тех же бохайцев от имени Восточнокиданьского царства, сменившего Бохай, почему оно и не было принято. О частоте посольств краспоречно говорит такая справка: в промежуток между 786 и 882 гг. в Японии побывало 77 посольств.

В правление Жаньсю, помимо уже существовавшего деления страны на области, а областей на округа, было организовано еще пять особых

центров по управлению страной, так называемые пять столиц — укрепленных городов с гарнизонами и аппаратом управления, расположенных в важнейших стратегических пунктах. «Верхняя столица», г. Дунцзинь, находилась несколько к югу от Нингута (совр. Нинъань) в восточной части Гиринской провинции; это был исконный центр Бохайского царства, с 750 г. — официальная столица всего государства. О местонахождении «Средней столицы» в китайской и японской исторической науке существуют разные мнения; большая часть исследователей склоняется в пользу г. Хайлуна в Южной Маньчжурии; во всяком случае, эта столица была устроена в пункте, откуда шла дорога из Бохая на запад, в долину р. Ляохэ. «Западная столица» находилась в верхнем течении Ялу, вероятнее всего, в районе нынешнего Линцзяна, это был пункт, откуда проходил обычный тогда путь в Китай. «Южная столица» находилась, по всей вероятности, в северной части нынешней корейской провинции Хамгён-намдо — пункт, откуда шел путь в Силла. «Восточная столица» находилась в районе Хуньчуна, т. е. на юго-восточной окраине Гиринской провинции, откуда шла дорога в Японию — из залива Посьет. Такое расположение пяти столиц показывает, что выбор места для них был обусловлен главным образом торгово-политическими и военно-стратегическими соображениями, имеющими в виду внешние сношения государства. Нечего и говорить, что система эта была скопирована с существовавшей тогда в Танской империи такой же по замыслу системы пяти местных столиц...

Китайские и японские хроники дают мало сведений, могущих пролить свет на хозяйственную жизнь Бохайского государства. Кое-какие данные получены археологией. Но их также слишком мало, чтобы нарисовать картину этой жизни. Поэтому о ней можно сказать лишь немного.

В некоторых районах Бохая существовало земледелие. Так, с несомненностью оно устанавливается в бассейне р. Мудань — этом исконном центре бохайского племени, откуда и пошло образование Бохайского государства. Были и другие районы земледелия. Существовало шелководство, по-видимому, достаточно развитое, так как шелковые ткани служили предметом вывоза в Китай. Об этом свидетельствуют данные «Истории тан», говорящие о бохайских шелковых тканях. Впрочем, возможно, что бохайцы привозили в Китай также и шелковые ткани, полученные ими в Японии.

С несомненностью устанавливается выплавка железа, главным районом которой была северная часть нынешней корейской провинции Хамгёндо. Археологические раскопки дают образцы земледельческих орудий и оружия, сделанного из железа. Из промыслов особенно процветал охотничий — на пушного зверя: как уже было сказано, меха составляли самый драгоценный предмет торговли бохайцев как в Китае, так и в Японии. Рядом с этим промыслом шел сбор дикорастущего жень-шеня — вторая по значению статья бохайского экспорта. Широко практиковался сбор морских продуктов, в частности морской капусты. По берегам рек процветало рыболовство.

Раскопки дают нам много материала по гончарному ремеслу. При этом найденные гончарные изделия обнаруживают полное сходство с тем, что открыто при раскопках древней столицы Когурё — Пхеньяна.

В начале X в. кидане разгромили Бохай. С этого времени история бохайцев слилась с историей киданей.

К XII—XIII вв. в большинстве стран Европы и Азии завершился процесс становления феодализма. Наибольшее значение для полной победы феодальных отношений во всех областях жизни имело второе великое общественное разделение труда: отделение ремесла от сельского хозяйства. Разделение труда между ремеслом и сельским хозяйством послужило в свое время одним из условий для образования и развития рабовладельческого общества. Но при феодализме второе великое общественное разделение труда получило гораздо более широкое и последовательное развитие, так как феодальные производственные отношения много больше способствовали росту производительных сил, чем рабовладельческие производственные отношения.

В условиях феодализма так же как при рабовладении, отделение ремесла от сельского хозяйства повлекло за собой образование и рост городов как центров промышленности и торговли...

Типичная черта для ранней стадии развития феодального города как на Западе, так и на Востоке — подчиненное экономическое положение города и его населения по отношению к деревне. Оно находило свое выражение прежде всего в зависимости горожан от феодалов, которым принадлежала городская территория. С экономическим господством деревни над городом была теснейшим образом связана также и личная зависимость горожан от феодалов, принимавшая нередко форму крепостной неволи. Взаимоотношения между городом и деревней изменились по мере роста производительных сил, развития разделения труда между ремеслом и сельским хозяйством и расширением рынка. Важнейшим этапом стало третье общественное разделение труда: отделение торговли от промышленности. Функция сбыта ремесленной продукции, до сих пор выполнявшаяся самими ремесленниками, постепенно переходит к купцам, которые становятся необходимыми посредниками между ремесленниками и расширившимся рынком. Город усиливается экономически, порождается противоречие между его реальным общественным значением и тем подчиненным положением, какое он занимал в феодальном обществе.

В таком направлении развивались как западные, так и восточные города. Но на Западе темпы этого развития были более быстрыми, чем на Востоке, где живучесть сельских общин задерживала разделение труда между ремеслом и сельским хозяйством.

С ростом городов усиливались классовые противоречия феодального общества. Чем более расширялась для феодалов возможность удовлетворять свою потребность в изделиях городского ремесла, тем более они усиливали эксплуатацию крестьянских масс. Это влекло за собой изменение форм феодальной ренты: переход от отработочной ренты или барщины к оброку — сначала продуктовому, а позднее денежному. Отсюда вытекало усиление антифеодального движения крестьянства по сравнению с предыдущим периодом. Однако рост классовой борьбы в XII—XIII вв. измерялся не только одним размахом революционного протеста крестьян, но и в еще большей мере тем, что параллельно и в связи с крестьянским движением теперь появился новый фронт классовой борьбы: борьба городов против феодалов. Основное население средневекового города — ремесленники, часть которых была объединена в цеховые союзы, — нашло себе вождей и руководителей в купеческо-ростовщических верхах города и под их предводительством предприняло борьбу против феодального гнета. Они стремились не к свержению феодального строя,

а к ограничению феодальной эксплуатации и власти светских и духовных сеньоров над городом. В результате городских движений, поддержанных во многих случаях крестьянством, города завоевали такую степень независимости от феодалов и заняли в феодальной иерархии такое место, которое превратило горожан в сословие бюргеров, возвышавшееся по своим правам над крестьянством. Город начал выходить из-под экономического подчинения деревне и прокладывать путь к экономическому подчинению сельского населения, включая и мелкопоместное дворянство.

Если в Западной Европе движение городов против феодалов представляло собой важную страницу в истории XII—XIII вв., то того же нельзя сказать относительно Азии. Большинство азиатских городов никогда не поднималось на борьбу за вольности против феодалов, никогда не завоевывало такого влиятельного положения в системе феодальных отношений, как западные города. Этим в значительной мере объясняется и дальнейшее расхождение путей исторического развития западного и восточного феодализма.

В соответствии с экономическим развитием и ходом классовой борьбы изменялся и государственный строй феодального общества. В X—XI вв. политическая раздробленность достигает в большинстве стран Востока и особенно Запада своего апогея, поскольку этот период характеризовался наибольшим упадком городов и товарно-денежных отношений и решительным преобладанием натурального хозяйства. Однако с конца XI — начала XII в. появляются первые признаки политической консолидации, начинается процесс образования централизованных феодальных государств, который заметно усиливается с XIII в. В Западной Европе предпосылками этого процесса служили, во-первых, развитие товарно-денежных отношений и рост городов как центров ремесла и торговли, во-вторых, союз королевской власти с горожанами для совместной борьбы с могущественными феодалами и, в-третьих, поддержка королевской власти мелкими феодалами, заинтересованными в таком усилении центрального аппарата феодального государства, какое было необходимо для подавления ширившегося крестьянского движения. В странах Востока феодальное государство эволюционировало в том же направлении. Но здесь действовали несколько иные факторы. Союз феодальной монархии с горожанами против феодальных магнатов не мог иметь существенного значения, так как в странах Востока не было сколько-нибудь заметного освободительного движения городов. Зато существенное влияние оказывали, во-первых, развитие пригационной системы, игравшей аналогичную централизующую роль еще в древневосточных рабовладельческих деспотиях, и, во-вторых, увеличение царского домена, который рос в связи с расширением государственного хозяйства (крепостные мануфактуры, торговля произведениями ремесла и земледелия царских имений на внутреннем и на внешних рынках) и в связи с территориальной экспансией феодального государства.

По мере экономического и политического развития феодального общества XII—XIII вв. развертывался и процесс формирования народностей. Особенно важную роль в этом процессе играли города, создавшие экономическую общность жизни, экономическую связанность народности. Существенное значение для формирования народности, содействуя образованию их территориальной общности, имела также политика монархической власти, направленная на «собрание земель».

Явление политической централизации, наблюдаемое в истории феодальных государств Востока, возникает на разных этапах истории этих

государств, имеет разное значение, различную устойчивость в зависимости от причин, эту централизацию вызывающих, специфики государств, в которых централизация появляется, а также особенностей их истории в связи с внешними их отношениями. Как свидетельствуют исторические факты, политическая централизация может возникать в истории феодальных государств дважды. Так было, например, в истории Китая и Японии: политическая централизация в Китае в первый раз наблюдается с конца VI в., во второй раз — с конца XIV в.; политическая централизация в Японии в первый раз возникает с конца VII в., во второй раз — с конца XVI в. Историческое значение, а следовательно, и сам характер централизации в каждом случае различны. Ранняя форма централизации возникла в этих странах на этапе укрепления феодальных отношений, распространения их на всю страну и служила одним из орудий этого укрепления и распространения. Поздняя форма централизации возникла здесь на этапе перехода от феодальной раздробленности к абсолютизму и служила одним из орудий преодоления такой раздробленности.

В обоих случаях политическая централизация появилась в силу общих требований исторического развития и под воздействием конкретных исторических фактов. На раннем этапе политическая централизация предопределялась самим содержанием исторического процесса. Централизация служила в этом случае одним из важнейших условий укрепления и распространения феодальных отношений. Как только оно было достигнуто, необходимость в ней отпадала и политическое единство страны исчезало. Ведущим общим фактором в дальнейшем становилось экономическое развитие отдельных районов, связанное с обособлением интересов отдельных групп правящего класса, что и приводило к так называемой феодальной раздробленности, т. е. экономической и политической разобщенности отдельных районов страны.

На позднем этапе политическая централизация была исторически необходима для развития политической жизни страны, и прежде всего для преодоления экономической раздробленности и создания условий, благоприятствующих обмену, охватывающему страну в целом. Политическое единство страны и в этом случае предопределялось самим содержанием исторического процесса...

К политической централизации на позднем этапе непосредственно приводили различные исторические обстоятельства. В Японии это была ожесточенная и длительная борьба феодалов друг с другом, с одной стороны, грозная активность крестьянства — с другой. Междоусобная борьба феодалов привела их к известному ослаблению, крестьянские же восстания вызвали стремление к некоторой консолидации. В Китае политическая централизация, возникшая в конце XIV в., в значительной мере была обусловлена борьбой с монгольским игом, общей борьбой за независимость. В дальнейшем, в XV в., после свержения монгольского ига вступил в силу и внутренний фактор — крестьянские восстания. Политическая централизация на позднем этапе в Китае и в Японии имела устойчивый характер. В дальнейшем она переросла в режим феодального абсолютизма. Причины этой устойчивости раскрываются при сопоставлении с явлением политической централизации в других странах Востока.

Политическая централизация позднейшей формы наблюдается в Иране — при Аббасе I, в Турции — при Сулеймане II, в Индии — при Акбаре. В этих трех странах она была связана еще и с тем, что население здесь состояло из различных народностей и племен — мелких и круп-

ных. Возникшая в такой обстановке политическая централизация оказывалась или орудием установления гегемонии одной народности над прочими, или, наоборот, средством предотвращения установления такой гегемонии. Политическая централизация в первой роли наблюдается в Иране при Аббасе I и в Турции при Сулеймане II; политическая централизация во второй роли — в Индии при Акбаре.

Как показала история, централизация в этих странах не получила развития и оказалась неустойчивой. Поскольку условиями, характерными здесь в указанный период, были разнородность состава и различные экономических укладов внутри страны — сельская община, с одной стороны, город с высокоразвитым ремесленным производством — с другой, постольку эти условия и надлежит признать причиной политической стабилизации. Отсюда следует, что степень прочности политической централизации феодального Китая и Японии зависела от этнической однородности населения этих стран и от известной равномерности экономического развития большей части ее ведущих в экономическом смысле районов. Таким образом, этническая однородность страны или давно установившееся господство одной какой-либо сильной народности в стране, равномерность экономического развития — если не всех частей страны, то, во всяком случае, важнейших из них — служат факторами, обуславливающими устойчивость политической централизации.

Как можно установить по истории указанных государств Востока, к политической централизации в них — устойчивой или временной — в известной мере подталкивала общемировая ситуация того времени. Политическая централизация в ее позднейшей форме наблюдается в странах Востока в XV—XVI вв., т. е. в то же время, когда возникают централизованные феодальные государства и на Западе. Известная нам общеисторическая обстановка этого времени свидетельствует о необычайно усилившихся экономических и политических связях Запада и Востока. Это и вызвало у участников сношений требование большей внутренней сплоченности, большего внутреннего единства. С другой стороны, централизация была связана и с процессом развития этих государств как государств национальных.

Исторические факты показывают, что главнейшими средствами политической централизации в странах Востока были централизация управления — создание системы общегосударственных органов; административное районирование страны, заменяющее и покрывающее собой прежнее деление на феодальные владения; введение единообразной налоговой системы для крестьян, ослабление ограничений для ремесла и торговли; изменение положения феодалов — перевод их на государственную ренту или установление над ними полного контроля центральной власти в связи с присвоением этой властью права распределять феодалов по их владениям и распоряжаться их наследованием. Само собою разумеется, что в разных странах эти меры пускались в ход в разной степени, а некоторые из этих мер могли даже отсутствовать вовсе.

ОБРАЗОВАНИЕ МОНГОЛЬСКОЙ ДЕРЖАВЫ И ЮАНЬСКАЯ ИМПЕРИЯ В КИТАЕ

XIII век в истории средних веков открывает собою новую эру всемирной истории. Именно в этом веке получили свое наивысшее развитие — в доступных для феодального мира пределах и в возможных для него

формах — центростремительные силы, нашедшие свое выражение в идее мирового единства. Эти силы проявились на обоих концах Старого Света — и в Азии и в Европе. Свое воплощение эта идея нашла в Азии в предводителе кочевых племен, в качестве властителя принявшем имя Чингис-хана, в Европе — в вожде воинствующей церкви, в качестве ее главы принявшем имя папы Иннокентия IV. Оба они увидели свои мечты реализованными и притом приблизительно в одно и то же время: в 40-х годах завоевание огромного пространства от берегов Тихого океана до Карпат закончилось образованием мировой монгольской державы; в 50-х годах того же века с уничтожением династии Гогенштауфенов папство могло торжествовать победу над империей.

Эти события, развернувшиеся в двух частях Старого Света, имели большое и сложное содержание. Прежде всего они повлекли за собой изменение политической карты мира. Они привели Восток и Запад к новой полосе взаимоотношений: сначала Восток в лице монголов в ожесточенной борьбе столкнулся с Западом — в лице русских, поляков, немцев; затем начались дипломатические и торговые сношения между этими частями мира — на более широкой основе, чем раньше. Но еще важнее в этих событиях то, что они надломили исторический ход средневекового развития: век высшего выражения средневекового феодального мира — идеи мирового иерархического государства — оказался вместе с тем веком начала конца этого средневекового феодального мира... С XIII в. начинают развиваться элементы капитализма и на Западе и на Востоке: на Западе — прежде всего в Италии, на Востоке — прежде всего в Китае. И тут обнаруживается неравномерность этого развития: на Западе оно интенсивно идет вперед, на Востоке — движется очень медленно. Поэтому именно с XIII в. средневековый Восток начинает утрачивать свое превосходство над средневековым Западом, начинается его постепенное отставание. Таков всемирно-исторический смысл событий XIII в.

* * *

Центральная Азия в древности отнюдь не была зоной мертвых пустынь и засушливых степей. Степи были влажные, растительность богаче, во многих местах были лесные массивы. Этот обширный район мог быть и был ареной жизни и деятельности многих кочевых племен. Именно на этих пространствах еще в древности образовалась держава гуннов, перед могуществом которой трепетал даже Китай. После распада гуннской державы и отхода значительной части гуннов на запад их место стали занимать другие кочевники: сяньбийцы, тангуты-тибетцы, жужане, тюрки. Начавшееся с III в. н. э. постепенное изменение климата Центральной Азии, усыхание степей делало существование племен, живших на этих пространствах, более трудным. Усилилась поэтому борьба за наиболее благоприятные для жизни места; усилился натиск на территории, заселенные процветающими оседлыми народами, сразу в обоих направлениях — в Среднюю Азию и в Китай...

Высшей точкой, исторически достигнутой кочевыми народами в их движении на восток и запад, стало движение монголов. Монголы сменили прочих кочевников, частично их уничтожив, частично включив в свое движение. Им удалось на некоторое время сделать то, что до них не смогли сделать тюрки: покорить своей власти и страны Востока — до Тихого и Индийского океанов, и страны Запада — до Карпат. С начала XIII в. начинается эра монгольской державы.

В XI—XII вв. Монголия не была единым государством. Отдельные племена, населявшие эту страну, жили самостоятельной жизнью. Однако постоянные столкновения между ними приводили к образованию более или менее крупных союзов племен, которые так же быстро распадались, как и создавались. К концу XII в. на территории Монголии существовали племенные объединения татар, как чаще всего называли соседи племена, кочевавшие на юге Монголии в окрестностях оз. Буир-Нур; племенные союзы тангутов, занимавших области западной китайской провинции Шаньси; бурятов, живших в бассейнах рек, впадавших с севера в оз. Байкал. На западе Монголии находились кочевья меркитов, керештов и найманов. Племенной союз найманов был одним из самых крупных в Монголии.

До образования империи Чингис-хана монголы не имели общего этнического названия. Отдельные монгольские племена стояли на разных ступенях экономического развития. Наиболее отсталыми были племена, населявшие лесные области к северу от монгольских степей. Охота на лесных зверей и в меньшей мере рыболовство доставляли им средства к существованию. Они умели приручать таких диких животных, как изюбря-марала, козулю и — реже — лошадь. Жилища их были сделаны из коры деревьев. Одежду шили из шкур животных. Меновая торговля им была известна, но она затрагивала их экономический быт очень мало. Монголы иногда кочевали целыми родами, что вызывалось установлением общих запретов на ловлю тех или иных зверей.

Чем дальше на юг, тем все большее значение в хозяйственной жизни монгольских племен приобретало скотоводство, которое велось на основе регулярных перекочевок. В монгольском народном эпосе эти племена называются «поколениями, живущими в войлочных кибитках». Хотя видное место еще занимала охота, особенно облавная, в которой участвовали целые племена, их главным занятием было скотоводство: разведение крупного рогатого скота, а также овец и коз. Лошадь была самым ценным животным. Она была первым помощником и в походах и во время охоты. Во время походов, чтобы сберечь лошадь, монголы часто на себе таскали телеги. Наличие телеги с укрепленной на ней юртой является важной особенностью монгольского быта. Такая повозка-юрта обеспечивала большую подвижность во время кочевок и военных походов.

Через Монголию проходили караванные пути международной торговли, в которую втягивались и монгольские племена, хотя проводниками ее являлись соседние более культурные народы. В обмен на продукты животноводства монголы получали ткань, оружие, а иногда и продукты земледельческих районов; хозяйственный уклад в целом был натуральным. Видное место в производстве предметов потребления занимал женский труд. На плечах женщины лежало приготовление продуктов питания и изготовления необходимых предметов хозяйства (войлок, грубые ткани, веревки и пр.). Источники XI—XII вв. отмечают значительное и все возрастающее преобладание скотоводческих кочевых племен над лесными («отступление леса»).

Основной ячейкой монгольского общества является род (*обох*) — союз кровных родственников, ведущих свое происхождение от одного предка, который и давал роду свое имя. Род был экзогамный. Родовая связь налагала обязанности кровной мести. Пастбища составляли общеродовую собственность, хотя владение скотом было индивидуальное; территория, занятая несколькими родами, составлявшими племя, называлась «нутук» или «юрт» и рассматривалась как общеплеменная собственность. Союз

племен назывался *улусом*. Во главе союза племен стоял *хан*, или *хаан*, власть которого ограничивал *курултай* — собрание начальников племен и глав родов.

По словам Б. Я. Владимирцова, «может быть, только в очень давние времена, о которых сохранились лишь легендарные сказания, монгольский род состоял из одних сородичей, — ичих, среди которых «нет ни больших, ни малых, ни хороших, ни плохих, ни главы, ни ноги, а (все) равны»⁸.

Имущественная дифференциация внутри рода привела в дальнейшем к весьма крупным последствиям — к уничтожению основного, связующего рода фактора кочевого быта — общности кочевков. Внешне это выразилось в изменении способа кочевания. Раньше, при равенстве всех членов рода, кочевка происходила совместно, целыми родами. Такая кочевая единица по-монгольски называлась «курень». К концу XII в., когда имущественная дифференциация достигла значительных размеров, этот способ кочевания вытесняется другим — семейным, индивидуальным, или, как он называется по-монгольски, «айльным».

К этому способу кочевания перешли в первую очередь зажиточные семьи, наиболее сильные, не боявшиеся самостоятельного ведения хозяйства. Для них стало невыгодным оставаться в рамках рода с его демократическими тенденциями. Вместе с такими семьями уходили и зависимые от них люди, не имевшие возможности вести самостоятельное хозяйство. В условиях кочевой степи, где господствовала непрерывная вражда, набеги и войны, отделившемуся скотоводу-богачу помимо хозяйственных слуг стали необходимы и слуги военные — собственная дружина. Она ему была необходима как для защиты своего хозяйства, своей семьи, так и для нападения. Набрать дружину было делом нетрудным, так как степь всегда была полна людьми, готовыми служить тому, кто доставит кров и пищу. Так, богатые скотоводы часто становились предводителями целых дружин. Дружинники назывались *нукерами*, а их предводители получали специфические прозвища — титулы, наиболее характерными из которых являются *баатур* (богатырь), *мерген* (меткий стрелок) и др.

Богач, опирающийся на крупное скотоводческое хозяйство, обслуживаемое зависимыми людьми, окруженный послушной дружиной, представлял собой тип кочевого феодала или аристократа, заступавшего место прежнего главы рода. Образование класса кочевых аристократов в масштабе всей Монголии и происходит во второй половине XII в. Оно протекало в условиях ожесточенной борьбы. С одной стороны, борьба шла между новым классом степных феодалов и племенной массой, а с другой — внутри этого нового класса между отдельными его представителями за преобладание на той или иной части территории Монголии. В этой сложной обстановке и выдвинулся Чингис-хан.

Чингис-хан родился около 1155 г. Его отец Есугей-баатар (баатур) был типичным представителем степной аристократии. На свой страх и риск он вел мелкие войны с такими же, как и он, степными предводителями. В периоды удач его дружина разрасталась. Неудачи вели к уменьшению числа его сторонников. Согласно преданию, после смерти Есугея дружина покинула его малолетних детей. Хозяйство тоже распалось. Детство старшего его сына Темучина, в будущем Чингис-хана,

⁸ Б. Я. Владимирцов, *Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм*, М., 1934, стр. 69.

было поэтому полно лишений и невзгод. Несмотря на это, он очень рано отличился своими подвигами, и ему удалось снова собрать дружину и восстановить хозяйство. Присоединившись к вождю крупного племени керитов Ван-хану, Темучин стал одним из наиболее близких к нему людей. С его помощью Темучин вскоре был объявлен ханом своего племени. Удачными набегами он подчинил себе ряд соседних племен и к концу XII в. стал одним из виднейших предводителей в монгольской степи. Он умел привлекать на свою сторону степную вольницу удачей и щедростью. Согласно преданию, Темучин говорил своим нукерам: «Я брал много табунов, стад, кибиток, жен и детей народа и отдавал их вам; для вас я на степной охоте устраивал переход и облаву и гнал в вашу сторону горную дичь». Вскоре Темучин предпринял важную по своим последствиям реформу дружины. Он выделил из числа дружинников специальный отряд гвардии (*кешик*), который составил его личную охрану. Этот отряд, скромный по своей численности вначале, вскоре разросся до тысячи человек. Во время походов, в которых кроме дружины участвовали также племенные ополчения, он назначал обычно гвардейцев предводителями отдельных отрядов. Они были также исполнителями частных поручений. Постепенно Темучин стал выделять для выполнения тех или иных функций постоянные группы гвардейцев. У него были люди, ведавшие охотой, стадами, табунами лошадей, домашними прислужниками, специальные гонцы, советники.

Могущество Темучина все больше возрастало, и к 1203 г. он уже был в состоянии выступить против своего сюзерена Ван-хана. Напав на него врасплох, он разбил его наголову и подчинил все племя керитов своей власти. Таким образом Темучин стал наиболее могущественным предводителем в центральной части монгольских степей. Следующий год принес Темучину большую победу над крупнейшим племенным союзом найман, объединившимся со многими близкими и отдаленными племенами Монголии, в число которых входили такие крупные племена, как ойраты, меркиты, джаджериты и пр. Поражение, которое нанес Темучин этой коалиции, передало в его руки все северо-западные племена Монголии. Эта победа дала ему возможность немного позже вступить в борьбу с союзом татар, самым богатым и многочисленным племенным союзом Южной Монголии. Темучин и из этой борьбы вышел победителем. Таким образом, в 1206 г. Темучин оказался хозяином всей Монголии.

С образованием в 1206 г. в степях Монголии монгольского государства началась полоса монгольских завоеваний. Она длилась целых семьдесят лет и затронула все страны Азии; захватила она и страны Восточной Европы. Полчища, руководимые монголами, увидели на своих землях кидане, чжурчжэни, тангуты, китайцы, корейцы, тибетцы, народы Индокитая, хорезмийцы, индийцы, иранцы, народы Закавказья и Кавказа, турки, арабы, русские, поляки, венгры, венецианцы. Монгольские корабли подступали и к берегам японского о-ва Кюсю, и к берегам Явы и Суматры.

Что вызвало монгольские завоевания? Что побудило монголов ринуться на все соседние, а затем и далекие народы?

Чтобы понять это, следует учитывать особенности хозяйства кочевых народов, какими были монголы и покоренные ими в процессе образования их государства прочие племена Восточной и Центральной Азии. Кочевникам были нужны пастбища. Но для аратов, для племенной массы таких пастбищ было достаточно и в самой Монголии. Новых пастбищ добывалась кочевая знать, обладавшая сравнительно крупными скотовод-

ческими хозяйствами. Но не это одно было главным стимулом для столь обширных завоеваний, какие были предприняты Чингис-ханом. Завоевания совершались в интересах кочевой знати, которая смотрела на войны как на источник регулярного поступления военной добычи. Ограбление оседлых народов было для нее своего рода хозяйственной деятельностью, движущей силой их экономической жизни. Поэтому, когда внутренние войны прекратились, кочевой знати понадобились внешние войны. Они не только приносили богатую военную добычу, но и открывали для военно-кочевой знати возможность эксплуатации вновь завоеванных культурных стран. Там монгольская знать получила земельные лены и превращалась в жестокого феодального эксплуататора оседлых крестьян. Кроме того, войны служили для знати средством хотя бы временно ослаблять наметившиеся классовые противоречия в монгольском обществе, посулив рядовым кочевникам-аратам некоторую долю военной добычи. Войны Чингис-хана и его преемников обогатили и укрепили монгольскую кочевую знать, но ничего не дали монгольскому народу. Напротив, они обескровили Монголию, выведя из нее или погубив в войнах самую энергичную и здоровую часть населения. Позже даже центр империи Чингисидов переместился за пределы Монголии.

Направления первых монгольских завоеваний определялись географическим положением монголов и создавшейся тогда исторической обстановкой в этой части Азии. Находясь в ближайшем соседстве с киданями и чжурчжэнями, монголы, будучи сначала гораздо слабее, вынуждены были подчиняться первым, а затем и вторым. Однако при всем этом подчинении на деле монголы пользовались всяким удобным случаем для набегов на этих своих соседей. Тем самым выявилось первое направление военной активности монголов — восточное, в сторону Северного Китая и Маньчжурии.

На западе от себя — в сторону Средней Азии — монголы имели киданей. Это была та часть племени, которая после падения киданьского царства Ляо, завоеванного чжурчжэнями, отошла на запад и осела в Средней Азии, образовав там свое государство, которое в китайской истории именуется Западным Ляо, в европейской науке — государством караки-таев. Тем самым определилось и второе направление военной активности монголов — западное, в сторону Средней Азии. Однако для пробуждения этой активности нужен был непосредственный толчок, каковым и послужили события, разыгравшиеся и на востоке и на западе от монголов в 1204—1210 гг.

После разгрома найманов Кучлук, сын Даян-хана, с сохранившимися силами племени отошел на запад к караки-таям и захватил власть в их государстве. Связь с оставшейся на прежнем месте частью племени найманов продолжалась, и с помощью своих соплеменников из Западного Ляо эта часть в 1207 г. сделала попытку сбросить с себя иго победителей — монголов. Чингис-хан без труда расправился с ними, но это столкнуло его с найманами, перешедшими в Западное Ляо. Возобновление борьбы с найманами поставило монголов еще перед одним противником: тангутским королевством Си-Ся, соседом найманов, поддерживавшим их. В связи с этим в том же, 1207 г. и затем в 1209 г. произошло столкновение монголов и с тангутами. Силы обеих сторон были еще равны, почему дело закончилось тогда заключением мира, ибо монголам оказалось необходимо хотя бы на время обеспечить себя от нападения с этой стороны. Их завоевательные интересы в это время были направлены прежде всего в сторону чжурчжэней, которые стали гото-

вить экспедицию против них. В 1210 г. чжурчжэньское войско вступило в Монголию. Передовые отряды монголов были разбиты. В 1211 г. против чжурчжэней выступили уже главные силы племени. Их вел сам Чингис-хан, с которым были его четыре сына; помощником Чингис-хана был Джэбэ-нойон, один из вождей монголов, искуснейший военачальник. Война с чжурчжэнями с перерывами продолжалась с 1211 по 1215 г. Она закончилась поражением чжурчжэней. В 1215 г. в руки монголов перешла значительная часть территории Цзиньского королевства — районы Ляоси и Ляодун в Маньчжурии, части провинций Хэбэй и Шаньси в Северном Китае. Была захвачена и столица королевства г. Яньдзин (нынешний Пекин).

Считая, что чжурчжэни уже опасности не представляют, Чингис-хан оставил для продолжения действий против них одного из своих военачальников — Мухули. Все свое внимание он обратил на запад. В ходе этой войны Чингис-хан познакомился с китайскими стенобитными и камнеметными орудиями. Поняв их значение для дальнейших завоеваний, он организовал их производство, использовал вывезенных из Китая мастеров. В 1218 г. против найманов и каракитаев был направлен Джебо, который и разгромил их. Тем самым закончилось свое существование Западное Ляо. Населявшие его племена отошли под власть монголов.

На первом этапе военная активность монголов полностью определялась создавшейся тогда вокруг них ситуацией. Далее развернулся новый этап, события которого явились уже следствиями того, что произошло на первом этапе. Появление монголов в Северо-Западном Китае столкнуло их уже не только с чжурчжэнями, но и с сильным государством тангутов; вторжение в Среднюю Азию столкнуло их с крупнейшим государством Средней Азии и Ближнего Востока того времени — Хорезмом. В 1219 г. был взят Самарканд, и Хорезмийское государство пало. Таким образом, под власть монголов попали вся Средняя Азия и даже часть Северо-Западной Индии. Одновременно с этим оттуда же, из Средней Азии, была предпринята глубокая разведка далее на запад.

События на Востоке последовали вскоре же после окончания западного похода. Чингис-хан решил возобновить попытку захватить владения тангутов. В 1223 г. монголы направили против тангутов все свои силы. Упорная защита тангутами своей родины сделала завоевание этого государства для монголов очень трудным, и борьба затянулась до 1227 г. Все же в этом году государство Си-Ся пало, и его население подпало под иго монголов. Этим закончился второй этап монгольских завоеваний на Востоке. Окончание его совпало со смертью Чингис-хана (1227 г.). Эта смерть прекратила военные действия, так как монгольские вожди должны были собраться на курултай, чтобы выбрать нового великого хана. Курултай, состоявшийся в 1229 г., провозгласил ханом третьего сына Чингиса — Угэдэя.

На Востоке у монголов продолжал оставаться их старый враг — чжурчжэни. Цзиньское королевство, хотя и ослабленное предыдущим ударом монголов, все же продолжало существовать, монголов же манили к себе плодородные районы Северного Китая, остававшиеся еще под властью чжурчжэней. Поэтому на курултае 1229 г. был решен новый поход на чжурчжэней. Он начался в 1231 г. под руководством самого Угэдэя вместе с его братом Тулуем. Монголы подступили к г. Бянь (ныне Кайфын), куда переместились чжурчжэньские правители после потери своей столицы Яньдзина (Пекин). Осада этого города оказалась неудачной. Война затягивалась. Тогда Угэдэй и его советники решили привлечь на

свою сторону китайцев. Южносунской империи было обещано отдать ей провинцию Хэнань за помощь в войне с чжурчжэнями. Южносунские правители, для которых чжурчжэни были захватчиками, отнявшими у империи половину страны, пошли на союз с монголами, не учтя того, что они с победой монголов увидят в северной части страны еще более сильного врага. Начались комбинированные действия союзников: сунская армия напала на чжурчжэней с юга, сами монголы — с северо-запада.

Монголы снова подступили к г. Бянь, и на этот раз он был взят. Опорные пункты чжурчжэней падали один за другим. В 1234 г. был взят г. Цайчжоу, где нашел свое последнее прибежище чжурчжэньский император, покончивший с собой при падении города. Так чжурчжэньское государство Цзинь перестало существовать. Вся его территория отошла под власть монголов. Они не отдали Южносунской империи ту провинцию (Хэнань), которую обещали. Более того, когда в эту провинцию пришли сунские войска, монголы выгнали их оттуда. Тем самым монголы вступили во враждебные отношения уже с Южносунской империей.

Установлением в 1234 г. власти монголов над бывшим чжурчжэньским королевством закончился на востоке третий этап монгольских завоеваний. В следующем, 1235 г. на курултае было решено продолжать покорение стран, западнее Средней Азии. Западный поход закончился в 1241 г. захватом Восточной Европы. В том же году умер Угэдэй, но курултай собрался только в 1246 г. Великим ханом был провозглашен Гуюк, сын Угэдэя. При нем новых походов не предпринималось, так как надо было упрочить власть над колоссально разросшимися владениями. В 1248 г. Гуюк умер. После некоторого междоусобия в 1251 г. новым великим ханом был провозглашен Мункэ, сын Тулуя, одного из младших сыновей Чингиса. С его избранием верховная власть ушла от старшей ветви Чингисова дома — ветви Угэдэя. Это обстоятельство вызвало первую серьезную распрю среди монголов, последствия которой дали себя знать, впрочем, позднее.

В следующем же году после избрания Мункэ на новсм курултае было решено продолжать походы. Как и до сих пор, монголы направились и на запад и на восток. Смерть Мункэ в 1259 г. заставила их остановиться. Вожди монголов со своими отрядами поспешили на родину, чтобы участвовать в выборе нового великого хана. Захваченные территории были переданы в управление Хулагу. Так в Западной Азии начало свое существование второе периферийное владение монголов, получившее наименование государства Ильханов.

На востоке монголы под предводительством Хубилая, младшего брата Мункэ, вторглись в китайскую область Сычуань и далее в государство Дали (Наньчао), занимавшее тогда район нынешней китайской провинции Юньнань. Отсюда были направлены экспедиции для завоевания Тибета и Тьямпы (Бирма). Продвижение монголов поставило их уже прямо лицом к лицу с Южносунской империей. Для решительной схватки с нею были подготовлены две армии вторжения: одна под командованием Хубилая, другая — самого Мункэ.

Армия Мункэ вступила в Сычуань и овладела г. Хэчжоу (совр. Чунцин). Хубилай вторгся в пров. Хубэй. Неожиданная гибель Мункэ в бою приостановила действия монголов. Хубилай поспешил заключить с империей мир и вернулся в Монголию. Этот этап монгольских завоеваний на Востоке, таким образом, привел только к присоединению Тибета и Тьямпы.

После смерти Мункэ среди вождей монголов вновь вспыхнула распря из-за того, кому быть великим ханом. Хубилай созвал своих сторонников на курултай в новой столице монгольского государства, Шанду, или Кайпине, как он был назван при Мункэ в 1256 г. (на северо-запад от нынешнего города Долоунора в пров. Чахар). Здесь в 1260 г. Хубилай был провозглашен великим ханом. Одновременно другая часть монгольских вождей собралась на курултай в исконном центре монголов — Каракоруме (в нынешней Внешней Монголии) и провозгласила великим ханом младшего брата Хубилая — Арик-буку. Раскол монголов продолжался, однако, недолго: через четыре года Арик-бука покорился брату. В 1271 г. Хубилай установил свою резиденцию в Яньцзине, который стал с этого времени столицей монгольского государства. Именно в правление Хубилая, внука Чингис-хана, пятого великого хана монголов, и развернулся последний этап монгольских завоеваний. Как и следовало ожидать, их объектом стала Южносунская империя.

После похода монгольских войск в 1259 г. в Сунской империи власть была захвачена одним из временщиков — Цзя Сы-дао. Внутренние междоусобицы поэтому отвлекли внимание сунских правителей от монгольской опасности. Воспользовавшись этим, Хубилай начал войну. Военные действия с самого же начала проходили для монголов успешно, так как ослабленная империя не могла организовать должное сопротивление. Ее силы были подорваны длительной и тяжелой борьбой с киданями, тангутами, чжурчжэнями. В ней самой все время не прекращались внутренние междоусобицы — борьба крупных феодалов. Среди последних находились и предатели, явно или скрыто переходившие на сторону врага. Все же народ и преданные своему государству военачальники Вэнь Тянь-сян, Чжан Ши-цзе и Лу Сю-фу самоотверженно отстаивали каждую пядь земли.

Вэнь Тянь-сян славился в народе своим бескорытием, прямоотой, неподкупной честностью и преданностью родине, ради интересов которой он не пожалел жизни. При этих качествах Вэнь Тянь-сян долгое время был не у дел — его оклеветали и отстранили от государственного управления. В начале 1276 г., когда армия Бояна приближалась к столице Южносунской империи Линьяню (совр. Ханчжоу), Вэнь Тянь-сян был призван ко двору и ему предложили пост министра и руководителя военными делами. Вэнь Тянь-сян отказался от высоких постов и поехал в ставку Бояна в качестве посла сунского двора с предложением о мире. До этого (1275 г.) сунский двор несколько раз предлагал монголам прекратить войну, соглашаясь на уплату большой дани и на признание себя вассалом монголов. Все эти предложения отклонялись, ибо, видя развал Сунской империи, монголы стремились окончательно добить ее, не давая даже временной передышки. Неудача постигла и посольство Вэнь-Тянь-сяна. Сам Вэнь Тянь-сян был задержан Бояном и отправлен на север, откуда ему, однако, удалось бежать. За ним была послана погоня, он вынужден был прятаться, долгое время сидеть без пищи. В конце концов его спасли два дровосека, которые унесли его в корзине в безопасное место, откуда он мог добраться к своим.

В середине 1276 г. монголы во главе с Бояном захватили сунскую столицу; малолетний император, вдовствующая императрица и один из князей попали в их руки. Захваченные в плен представители царствующего дома были отправлены на север, в столицу монгольской империи Ханбалык (Пекин). Двум князьям из сунского дома удалось избежать плена, они вместе со своими приближенными отправились на территорию

современных провинций Фуцзянь и Гуандун, где пытались вновь создать базу для борьбы с монголами. Один из этих князей, обосновавшийся с остатками двора в современной пров. Фуцзянь (в г. Фучжоу), был возведен преданной ему знатью на престол. Новому императору, когда он вступил на престол, было девять лет. Вокруг него объединились лучшие патриоты — Лу Сю-фу, Вэнь Тянь-сян и др. В течение 1276—1277 гг. борьба в Фуцзяне и Гуандуне шла с переменным успехом. Здесь отличился Вэнь Тянь-сян, отвоевавший у монголов ряд крупных городов. Характерно, что против монголов боролась не только армия, но и народ, организуя местные отряды. Успехи китайцев в этот период (1277 г.) объяснялись также тем, что монголы вынуждены были перебросить часть войск с юга на север, где в это время вспыхнуло восстание одного из монгольских князей. В частности, туда была направлена армия Бояна.

Однако последние отпрыски Сунской империи держались недолго. Один за другим гибли их соратники, талантливые полководцы. Императору в течение 1277 г. под давлением монгольских войск пришлось все время отступать. В конце года он потерял почти весь флот, разбитый бурей во время очередного бегства. В 1278 г. малолетний император умер, на престол вступил его брат, восьмилетний мальчик. Он царствовал недолго. Теснимый монголами, он бежал вместе с преданными ему военачальниками на уединенный островок в современной провинции Гуандун. Не прошло и года, как монгольский флот напал на этот остров. Защищавшие сунского императора корабли были потоплены, войска разгромлены. Лу Сю-фу, который находился при императоре, не пожелал сдаться монголам. Он принудил броситься в море своих детей, жену, а затем, посадив к себе на плечи мальчика-императора, также кинулся в морскую пучину. Так погиб последний представитель сунского дома, а с ним в 1279 г. рухнула Южносунская империя.

За несколько месяцев до этого, во время неожиданного нападения монголов, был захвачен в плен Вэнь Тянь-сян. Он пытался покончить самоубийством, но его спасли и отправили в Ханбалык, где долго угваривали перейти на службу к монголам. В конце концов, ничего не добившись, монголы заточили Вэнь Тянь-сяна. Почти четыре года он просидел в тюрьме. В конце 1232 г., когда был раскрыт китайский заговор против господства монголов, Вэнь Тянь-сяна, подозревавшегося в участии в заговоре, казнили на площади.

В 1279 г. весь Китай оказался в руках монголов. Еще до этого власть монголов признало Корё.

Последним крупным военным предприятием монголов была попытка овладеть Японией. Стратегический план для нападения на японские острова был выработан еще в 1274 г., когда было выбрано наиболее удобное направление для удара: узкий пролив, отделяющий южную оконечность Корейского полуострова от юго-западного побережья Японии. Тогда же, в 1274 г., по обычаю монголов была предпринята крупная разведка в этом направлении. Монгольские отряды, присоединившие к себе корейские, высадились на островах Ики и Цусима и отсюда произвели нападение на северную часть южного японского о-ва Кюсю. Наткнувшись на сильное сопротивление, монголы ушли. После завоевания Китая Хубилай направил в 1281 г. для захвата Японии огромный флот в несколько тысяч джонок с крупными силами, составленными из монголов, китайцев и корейцев. Этот флот подошел к берегам Кюсю; уже были высажены первые части, как сильнейший тайфун, как раз налетевший в эти дни,

уничтожил большую часть флота Хубилая. Уцелевшие силы монголов поспешили вернуться обратно.

Были продолжены походы и на юг. В 1283 г. монгольские войска вторглись в Бирму. Проникли монголы и в другие части Индокитая — страну Тьямпа, страну Чженля (позднейшая Камбоджа). Отсюда монгольские отряды на кораблях доплыли до Явы и Суматры. Однако установить в этих отдаленных местах свою власть монголам было не по силам. К тому же они, привыкшие к континентальному климату, с трудом переносили жаркий, влажный климат этих мест. Поэтому окончанием эры монгольских завоеваний следует считать захват в 1279 г. Южного Китая.

Захват Южного Китая был последним завоеванием монголов. Однако его значение гораздо больше: это завоевание означало завершение процесса образования монгольской империи. Именно в Китае эта империя приобрела свою основную экономическую опору, в Китае создан ее политический центр, здесь черпала эта империя и свои культурные силы. Уже не Каракорум — старая ставка монгольских ханов в степях Внешней Монголии, не Шанду (Кайпин) — окраинный китайский город во Внутренней Монголии, куда при Мункэ была перенесена из Каракорума резиденция великого хана, а большой китайский город, столица Северного Китая — Яньцзин (Пекин) стал столицей раскинувшейся на двух континентах монгольской империи. Монголы его называли Ханбалык, официальное же название его было китайское — Даду («Великий город»). Должна была получить свое название и вновь образовавшаяся империя. При Хубилае она такое название получила: Юань.

Название это было китайским. В древнейшей книге Китая — «И цзине», где изложена древняя примитивная натурфилософия, говорится о двух началах бытия — *цян* и *кунь*. *Цян* — небо, мужчина, мужское начало, познание; *кунь* — земля, женщина, женское начало, созидание. «Велико начало *цян* — источник всех вещей! Совершенно начало *кунь* — жизнь всех вещей!» — говорится в «И цзине». Понятие «начало» в этих двух изречениях передано словом «юань», и оно стало обозначением империи. До сих пор наименования китайских государств заимствовались либо из географических названий, либо от родных имен правящих домов. Поэтому беспрецедентное наименование «юань» никакого отношения к китайской традиции не имеет. В этом названии, как и в самом способе его выбора, отразилась идея мировой империи, в своем существовании и деятельности слитой с существованием и деятельностью «Неба и Земли».

Однако, как это со всей ясностью проявилось во всем процессе образования империи, она была олицетворением не жизни, а смерти, не созидания, а разрушения. В развалинах лежали Бухара, Самарканд, Ургенч, Герат, Багдад, Владимир, Киев — крупнейшие очаги тогдашней цивилизации, кроме того, города Северного Китая. Копыта монгольских коней вытаптывали возделанные поля завоеванных стран. Исчезли цветущие сады Хорезма и Хорасана. С таким старанием и трудом созданная народами Средней Азии ирригационная система была разрушена. Обезлюдели когда-то густонаселенные и культурные районы. При взятии Багдада и Ургенча монголами было перебито более 1200 тыс. жителей этих городов. «Юаньская история», рассказывая о завоеваниях Чингиса и Угэдэя, сообщает: «Убивали и грабили всех», «поля были усеяны костями».

Мировая империя монголов создавалась на костях многих миллионов людей, на руинах материальных ценностей, созданных трудом этих миллионов. «Не было от сотворения мира катастрофы более ужасной для

человечества и не будет ничего подобного до скончания веков и страшного суда» — так охарактеризовал образование этой империи один из современников, арабский историк Ибн-эль-Атир.

В исторической науке выдвигалось много объяснений военных успехов монголов. Говорят о том, что эти успехи были обусловлены прежде всего внутренней слабостью тех стран, на которые обрушились монголы. В самом деле, и Чжурчжэньское царство и Южносунская империя в Китае были ослаблены длительной борьбой друг с другом, прямыми вождей и военачальников; в Средней и Передней Азии наиболее крупные тогда центры — Хорезм и Багдадский халифат — находились в смертельной вражде, подрывавшей их силы; в состоянии раздробленности и внутренних столкновений находилась и Русь. Монголы же противопоставили этому всему свое единство, сплоченность, строжайшую дисциплину. Говорят и о том, что успехи монголов объясняются их военным превосходством, проявившимся как в наличии более совершенных видов вооружения и более крепкой организации армии, так и в гораздо более искусной стратегии и тактике. В самом деле, у монголов была китайская артиллерия — в виде разнообразных метательных орудий; они пользовались заимствованными у китайцев же зажигательными средствами и орудиями; у них было много разных типов осадных орудий, взятых от китайцев и от персов; они заимствовали, наконец, от китайцев и учение о войне, выработанное древним китайским стратегом Сунь-цзы и обновленное в танское время императором Тайцзуном и его военачальником Ли Цзином. Были у монголов крайне подвижные части (они создали их сами), например легкая конница, которую они могли быстро перебрасывать с места на место. Говорят также о прекрасно организованной у монголов разведке, приемы которой были опять-таки переняты у китайцев. Указывают, что главным «методом» завоеваний у монголов было организованное истребление населения покоряемых стран. Так, например, во время похода на Китай предводительствовавший монгольскими войсками Боян, взяв в 1275 г. Чанчжоу, приказал вырезать всех жителей. И таких примеров можно было привести немало.

Каждое из этих объяснений правильно. Но ко всем этим объяснениям следует добавить самое важное, касающееся существа и масштаба того, что история назвала движением монголов: это было выступление кочевого мира в целом. С монголами шли кидане, чжурчжэни, таягуты, тибетцы, тюрки. Легкость, с которой монголы подчинили себе эти племена, в значительной мере объясняется тем, что многие предводители и вожди этих племен с готовностью присоединились к монголам, увлекая за собой и подчиненную им племенную массу. Их действиями руководили та жадность и та ярость, о которой еще в VI в. до н. э. сказал Сунь-цзы: «Убивает противника ярость, захватывает его богатства жадность»⁹. Поэтому завоевания монголов были завоеваниями родо-племенной знати всего кочевого мира Азии.

Монголы были лишь их организаторами и руководителями. Не надо забывать и того, что аппарат управления их империей находился в руках не столько монголов, сколько «цветноглазых», как называли монголы иноплеменников, больше всего — в руках уйгуров, т. е. тюрков. При этом такие иноплеменники находились и на самых высоких постах в правительстве.

⁹ «Сунь цзы», М., 1951, стр. 35.

Завоевание Китая монголами сопровождалось неопируемыми бедствиями и страданиями китайского населения. Монголы разрушали города, сравнивая их с землей, поголовно убивали мирных жителей, если город не сдавался сразу. Так, например, при осаде Чанчжоу в конце 1275 г. вышел приказ населению, жившему за пределами города, таскать землю для возведения вала. В землю забивали и людей. Кроме того, жителей убивали и вытапливали из них жир для военных нужд. По взятии города отдавался приказ вырезать всех его жителей. Таких примеров, когда после захвата городов монгольские войска устраивали массовую резню мирных жителей, можно привести немало. Правда, в период завоевания кое-где монголы, пытаясь ослабить сопротивление китайцев, делали незначительные уступки крестьянству. Но это были единичные факты. После укрепления монгольской власти в Китае феодальный гнет усилился. Еще в 1236 г. на завоеванной китайской территории были введены новые налоги, вносившиеся шелком, зерном, серебром.

Насколько мало завоеватели радели об интересах китайского населения, можно судить по обсуждавшемуся среди монгольских военачальников еще при Чингис-хане проекту поголовного избиения китайцев и превращения их земель в пастбища для монгольских лошадей. И если проект был отвергнут, то не из каких-либо гуманных соображений, а ради интересов верхушечных слоев завоевателей. Это было четко сформулировано видным монгольским государственным деятелем, выходцем из киданьского племени, Елюй Чуцаем, следующим образом возражавшим против проекта физического уничтожения китайского населения: «При обширности Поднебесной, при богатстве четырех морей неужели возможно остаться без выгод, если обращено будет надлежащее внимание на это? Поистине, если положить умеренную подать с земель в Чжунъюане (т. е. Китае.— *Н. К.*), поплину с купцов, обоброчить вино, уксус, соль, железо, горы, воды, то можно выгодно получать на 500 тысяч лян¹⁰ серебра, по 80 тысяч кусков шелковых тканей и около 400 тысяч мешков хлеба. Как же можно сказать, что нет никакой пользы?»¹¹ Завоеватели приняли эту программу эксплуатации завоеванного населения; монгольские феодалы в своих отношениях к крестьянству ничем, по существу, не отличались от китайских феодалов.

Монгольская знать захватывала земли китайцев самовольно или получала их в качестве пожалования, закабалия китайских крестьян и превращая многих из них в рабов. Грабеж населения, лишение его последних источников существования, по-видимому, были настолько вопиющими, что вызывали даже вмешательство монгольских императоров, сидевших на китайском престоле. Так, при Хубилае неоднократно запрещалось монгольским военачальникам, представителям родовой знати, превращать земли китайского населения в пастбища. Представители ханского двора, монгольские феодалы получали в кормление огромные территории со значительным количеством населения, с которого они собирали налоги — шелком, зерном и деньгами. Так, сын Хубилая получал ежегодно 2 тыс. кусков шелка, кроме того, в 1281 г. ему было передано 105 тыс. податных семей. Многие монгольские чиновники получали в корм-

¹⁰ Лян, равный таэлю, представляет собой денежную весовую единицу — унцию серебра.

¹¹ *Бичурин (Иакинф)*, История первых четырех ханов из дома Чингисова, СПб., 1829, стр. 153—154.

ление по несколько тысяч и десятков тысяч семей крестьян. Полководец Боян, например, получил 6 тыс. семейств. Часть крестьян была превращена в рабов. Так, губернатор нынешних провинций Хубэй и Хунань обратил в рабство 3800 человек. Многие военачальники имели по несколько сот, а иногда и тысяч рабов.

Таким образом, монгольское владычество в Китае привело к дальнейшему закреплению китайского крестьянства при прежних формах эксплуатации: рента продуктами или отработочной; денежной рента как превращенной форме продуктовой. Попытки возрождения рабства не сделали эту форму господствующей.

Для осуществления феодальной эксплуатации и управления такой большой страной, как Китай, требовался сложный государственный аппарат. Неизбежность привлечения китайцев красочно обосновал Елюй Чуцай, еще задолго до окончательного покорения Китая и создания династии Юань заявивший: «Хотя мы империю получили сидя на лошади, но управлять ею сидя на лошади невозможно». По указанию китайского источника, монгольский государь согласился с этим принципом и стал привлекать китайских ученых к участию в правительственном аппарате.

Монгольские завоеватели реставрировали храм Конфуция, создали историографический комитет, назначив туда китайских ученых. Была также возрождена старая система экзаменов, обеспечивавшая подготовку кандидатов на государственную службу. К экзаменам стали допускаться даже взятые в плен ученые, превращенные в невольников,— настолько велика, по-видимому, была потребность в пополнении бюрократического аппарата сведущими людьми. Больше того, монголы вынуждены были пойти на такую меру, как строгое наказание тех владельцев рабов, которые не отпускали своих невольников на государственные экзамены. В результате этих мероприятий монгольская империя получила свыше 4 тыс. ученых-конфуцианцев, четверть которых состояла из освобожденных от рабства.

Такая практика не была новостью для Китая. Большинство кочевых народов, захватывавших господство, обычно опиралось на китайскую феодальную бюрократию. Правда, монголы, привлекая китайцев к участию в государственном аппарате, не доверяли им и устанавливали наблюдение за ними. Министерства всегда возглавлялись монголами, хотя при них и были помощники-китайцы. За монголами оставались все военные должности, что же касается гражданского аппарата в целом, то он комплектовался преимущественно из представителей различных народов Средней и Передней Азии — им доверяли даже крупные посты, вплоть до самых высших. Китайцы же использовались на второстепенных постах.

Вся страна была разделена завоевателями на десять «дорог» (*лу*), или областей, во главе которых преимущественно стояли монголы-наместники, получавшие область на откуп. В каждой области создавались управления по сбору податей и налогов. Кроме того, в составе центрального государственного аппарата было организовано особое управление ремеслами и художествами, имевшее свои учреждения на местах. В ведении этого управления находились мастерские, где трудились рабы, изготовлявшие нужные для двора и монгольской знати предметы.

Привилегированное положение, в которое были поставлены выходцы из Средней и Передней Азии, привлекло в Китай большое число индоевропейского населения, среди которого было много ремесленников, мастеров и художников. Так, например, Анико, непальский скульптор и строитель, получивший известность постройкой «Золотой пагоды» в Тибете,

переехал в 1261 г. в Китай и заведовал строительными работами при монгольском дворе. Подобные мастера оказали большое влияние на строительное искусство Китая. С другой стороны, монгольские правители направляли в Среднюю Азию и Иран китайцев для обслуживания аппарата управления этими странами. Таким образом, тактика монгольских завоевателей состояла в том, чтобы в управлении каждой из завоеванных стран опираться главным образом на чужеземные для этой страны элементы.

В правление Хубилая было учреждено главное управление сельским хозяйством в столице и его органы в провинциях. В 1271 г. «Положением о сельскохозяйственных общинах» устанавливалось, что каждые пятьдесят дворов составляют общину, во главе которой стоит выборный староста из числа «стариков», особенно опытных в сельском хозяйстве. На обязанности такого старосты лежало руководство сельскохозяйственными работами и наблюдение за порядком в общине. Эти мероприятия преследовали лишь одну цель: обеспечить властителям возможно большее поступление продукции в виде налогов. Для поддержания порядка по всей стране размещались монгольские гарнизоны, создавались военно-земледельческие поселения.

В системе политического строя монгольской империи немалую роль играла церковь. Хотя монгольские ханы, в частности Хубилай, отличались веротерпимостью и допускали одновременное существование в империи конфуцианства, буддизма, ислама и даже христианства, все же буддизм, имевший к тому времени большое распространение в Китае, оставался главной религией для монгольского населения обширной империи Хубилая. По подсчетам современного китайского исследователя Ван Го-дина, различные храмы, монастыри в царствование юаньской династии владели свыше 166 тыс. цин (т. е. около 1 млн. га) земель, освобожденных от обложения.

В ремесленном производстве китайского города господствовал феодальный цеховой строй. Каждая отрасль ремесла имела свои гильдии, цеха, особые кварталы. В Ханчжоу, например, по свидетельству Марко Поло, было двенадцать гильдий (цехов) различных отраслей ремесла, причем каждая гильдия располагала большим количеством своих домов. Судя по сведениям, приводимым путешественниками, можно сделать вывод, что городская ремесленная промышленность в Китае в монгольский период была трех видов: 1) цеховое ремесло, находившееся под сильным влиянием купцов-скупщиков, через руки которых проходили сырье для товаров и готовый продукт ремесленного производства (Марко Поло рассказывает о таких купцах и мастерах-ремесленниках, «что ни они, ни их жены никогда не притрагиваются к какой-либо работе, но живут столь же беззаботно и приятно, как короли и королевы»); 2) монастырское ремесло, составлявшее немалую статью дохода для настоятелей; 3) казенное ремесло, находившееся в ведении правительства или отдельных монгольских ханов — губернаторов областей. В казенном ремесле использовались крепостные и рабы. Они работали в кандалах и жили взаперти. В одном только Ханчжоу, по свидетельству арабского купца Ибн Баттуты (XIV в.), таких ремесленников-рабов было несколько тысяч.

Развитию внешней торговли Китая благоприятствовало то, что Великая монгольская империя охватывала огромные пространства. Хотя между монгольскими ханами-правителями, стоявшими во главе государств, велась постоянная борьба, так что, по существу, нельзя говорить о подлинном единстве империи, торговля между отдельными ее частями не

прекращалась. Внешнюю торговлю Китай вел не только со Средней Азией и с Западом по сухопутью; купцы отправлялись также на юг, вели морскую торговлю с Индией, Явой, Таи (Сиамом), Малайским полуостровом и Филиппинами.

Крупнейшими внешнеторговыми портами были Чанчжоу и Цюаньчжоу (пров. Фуцзянь), конкурировавшие с Кантоном, бывшим и ранее (при Тан и Сун) важнейшим центром морской торговли. Китайцы в монгольский период вывозили на мировой рынок фарфор, шелк, медь, железо и др. Купечество теперь стало мощной общественной силой. Организованное в гильдии, оно сосредоточивало в своих руках не только торговлю, но и контроль над ремеслом и ростовщическими операциями. Во внешней торговле принимали участие также представители государственной власти — крупные чиновники, вкладывавшие в нее свои средства и получавшие значительную часть прибыли. Немалый доход от торговли получали представители власти, даже не будучи пайщиками в этой торговле, путем установления высоких пошлин.

О характере морских сношений того времени можно судить по многочисленным сообщениям арабских, а иногда и европейских путешественников XII—XIV вв., с восторгом описывающих китайские суда, на которых им пришлось пересекать океан. Китай был в эти века одним из крупнейших центров кораблестроения на Востоке (их строили преимущественно в Гуанчжоу и Цюаньчжоу). Китайские суда обычно были оснащены несколькими мачтами. Число палуб на судне доходило, по словам Ибн Баттуты, до четырех. Марко Поло видел корабли, команды которых состояли из 200—300 человек. Данные Ибн Баттуты еще внушительнее: он рассказывает о кораблях, имевших 600 матросов и 400 солдат, предназначенных для борьбы с пиратами. На кораблях нередко было по несколько десятков запиравшихся кают, предоставлявшихся в пользование отдельным лицам. Известное представление о грузоподъемности судов может дать указание Марко Поло о том, что на одном судне умещалось до 5—6 тыс. корзин с перцем. Тот же автор видел в Ханчжоу целый лес мачт находившихся одновременно в этом порту судов. Если руководствоваться приводимыми им же цифровыми данными, можно исчислить, что грузооборот р. Янцзы в XIII в. был не меньше, чем на рубеже XX в. Вероятно, данные Марко Поло преувеличены; но все же не подлежит сомнению, что в его время Южный Китай был связан оживленными морскими сношениями с целым рядом южноазиатских стран.

В монгольский период дальнейшее развитие торговли и ремесла способствовало значительному росту городов. Свидетельства европейцев, побывавших в Китае в период монгольского господства, говорят о том, что китайские города в XIII—XIV вв. по своим размерам, по численности населения превосходили европейские. По словам Марко Поло, жившего в Китае с 1274 по 1291 г., в Ханчжоу было 1600 тыс. домов (цифра, несомненно резко преувеличенная), т. е. несравненно больше, чем в крупнейших европейских городах того времени. Согласно показаниям доминиканского монаха Иоанна де Монте Корвино, он видел немало городов, которые по своим размерам превосходили Рим или Флоренцию. Все сообщения европейцев о китайских городах сводятся к одному: китайские города поражают своими масштабами, красивыми зданиями, богатством сконцентрированных в них товаров. Во всех крупных городах весьма развито ремесленное производство, выделяются лучшие в мире изделия — шелковые материи, фарфор и т. д., ряд городов-портов посещается

большими морскими кораблями, приводящими в эти порты драгоценности и пряности. В городах — изобилие шелков, прекрасные сады и виноградники, много купцов и ремесленников.

Пути проникновения европейцев в Китай в этот период были различны. Известно, что торговля Европы с Востока сосредоточивалась в основном в руках итальянских городских республик, соперничавших между собой: Пизы, Венеции и Генуи. После уничтожения генуэзцами пизанского флота в 1284 г. борьба за рынки велась между Венецией и Генуей. К этому времени и относится проникновение в Китай венецианцев. Венецианцы братья Николо и Матео Поло дважды были в Китае; первый раз в 60-х годах XIII в., второй раз они прожили в Китае с 1274 по 1291 г. С ними был молодой сын Николо — Марко Поло. Овладев языками (монгольским, уйгурским, арабским), он быстро добился расположения к себе Хубилая. Вначале он выполнял отдельные поручения монгольского хана — китайского императора, а в дальнейшем получил назначение на должность губернатора одной из южных провинций, пробыв на этом посту около трех лет. Марко Поло оставил весьма ценное описание китайской империи при монголах. В конце XIII в. в Китай приехал глава католической миссии Иоанн де Монте Корвино. Он прожил в Китае около 40 лет, успешно распространяя католичество, и был назначен в XIV в. архиепископом в столице империи (нынешнем Пекине).

Наряду с европейцами при монгольском дворе в Китае большим влиянием пользовались мусульмане, в частности представители среднеазиатских народов; некоторые из них являлись советниками императора. Про одного из них, бухарца Ахмеда, известно, что он был министром финансов при Хубилае, всесильным феодалом, крупным откупщиком и ростовщиком. Накопив значительные богатства, он стремился прибрать к рукам и военную организацию монголов, рекомендовав с этой целью Хубилаю своего сына Гуссейна на пост председателя военного совета. Один из придворных Хубилая, возражая против назначения Гуссейна, указывал, что Ахмед — хозяин богатств всей империи, в его руках находится управление всеми провинциями. Если доверить сыну Ахмеда Гуссейну командование войсками, то не будут ли они, отец и сын, полновластными хозяевами? Из приведенных примеров можно видеть, каким влиянием пользовались некоторые иностранцы в Китае при монгольском дворе.

Объяснение недолговечности монгольского владычества надо искать во внутренней неустойчивости монгольской империи, в сепаратистских тенденциях отдельных ханов, в силе сопротивления китайского народа, в непрекращавшейся борьбе китайцев с монгольскими захватчиками. Уже выступление Хайду-хана (1266 г.), внука Угэдэя, в период борьбы Хубилая за ханский трон, а затем восстание Наян-хана (1283 г.), владетельного монгольского князя в Маньчжурии, свидетельствовали о внутренней слабости монгольской империи, об отсутствии прочных связей между восточной и западной ее частями. Дальнейшее обострение феодальных противоречий в Китае и острый политический кризис были вызваны земельной и финансовой политикой монголов. Выше уже указывалось, что монгольская знать захватывала земли китайского крестьянства и закрепощала его. Захваты земель продолжались и при преемниках Хубилая. Так, при Чан-цзуне (Темуре) в 1302 г. сам император вынужден был признать факт захвата полей у крестьян: «Я слышал, — говорил Темур, — что некоторые богатые семьи в Цзяннани (Цзянсу и Аньхой. —

Н. К.) ограбили народ и захватили силой их поля. Это вынудило бедных людей бежать, бродяжничать и переселяться...».

Безземелье, голод, бродяжничество, рост пауперизации — вот следствия земельной политики монголов. Десятки тысяч крестьян, согласно показаниям китайских источников, были выключены из процесса производства и обречены на голод. Естественно, что это толкало население на сопротивление. Согласно показаниям «Юаньской истории», при императоре Жянь-цзуне «беглый народ из Хэнани переправлялся через Янцзы и вызывал волнения в местностях, по которым проходил...». Пауперизованное крестьянство пополняло кадры повстанцев, количество беглых бродяг составляло сотни тысяч человек. Голод, стихийные бедствия, вызванные социально-политическими условиями (отсутствие борьбы с наводнениями, плохая организация оросительной системы), были постоянными явлениями. На протяжении последних 50 лет господства монголов в Китае не было ни одного благополучного для крестьян года.

Финансовая политика монгольского правительства больно ударила по интересам всех слоев населения, но в особенности крестьянства. Уже со второй половины царствования Хубилая наметилось резкое увеличение выпуска бумажных денег. Непрерывно увеличивавшаяся эмиссия вылилась во всеобщее бедствие. Монгольские императоры и их ставленники — губернаторы провинций, изымая реальные ценности у купечества, крестьянства, взамен давали быстро обесценивающиеся бумажки. Флорентинец Фраческо Бальдуччи Пеголотти (начало XIV в.) указывал, что все привозимое купцами в Китай серебро они были обязаны сдавать монгольским правителям, получая взамен бумажные знаки. О размерах эмиссии можно судить по следующим цифрам. В первые годы выпуска бумажных денег (после 1260 г.) их было 2—4 млн. таэлей, а в 1312 г. — свыше 100 млн. таэлей; за 64 года из первых 70 лет господства монголов было выпущено бумажных денег почти на 2400 млн. таэлей. По своим количественным масштабам бумажно-денежный эксперимент монгольской династии превосходит даже выпуск знаменитых ассигнатов французской революции конца XVIII в. Вполне понятно, что на инфляцию, феодальную эксплуатацию и грабеж китайское население отвечало восстаниями. Чаша терпения народа была переполнена мероприятиями Того-Темур (Шунь-ди), последнего монгольского императора из династии Юань, предпринявшего проведение нового канала, что привело к новому обложению населения тяжелыми налогами.

С XIV в. власть монгольских завоевателей в Китае стала клониться к упадку. Пока ханы отдельных улусов подчинялись великому хану, до тех пор все они были достаточно сильны. Но уже во второй половине XIII в. отдельные улусы фактически превратились в самостоятельные государства, поддерживавшие с великим ханом чисто формальную связь. В начале же XIV в. вместо единой монгольской империи существовали четыре монгольских государства: государство великих ханов, охватывавшее Монголию, Маньчжурию, Китай и Тибет; Чагатаевское ханство на Алтае и в восточной части Средней Азии, образованное из слияния улусов Угэдэя и Чагатая; государство Ильханов в западной части Средней Азии и Иране и Кипчакское ханство, т. е. Золотая Орда. Таким образом, империя Хубилая, основателя мировой монгольской державы, к этому времени превратилась всего лишь в одно из монгольских государств.

Общее ослабление монгольской власти, обусловленное таким распадом, усугублялось в Китае распрями среди монгольской знати. Вокруг трона

с начала XIV в. велась почти непрекращавшаяся борьба отдельных претендентов на престол; власть захватывали различные временщики, свергавшие одних императоров и возводившие на трон других. Государство же меж тем все глубже и глубже втягивалось в финансовый кризис. Упомянутая выше безудержная денежная эмиссия расстроила хозяйство страны и поставила ее перед финансовым крахом.

Кризис охватил и управление страной. Монгольские ханы, занимавшие все важнейшие посты, не имели надлежащего опыта в управлении таким сложным цивилизованным государством с тысячелетними традициями сложной государственной и общественной жизни, каким был Китай. Они заботились лишь о том, чтобы выжать из поработанного населения как можно больше средств. Преобладание «цветноглазых», т. е. людей, чуждых стране и далеких от сложившихся в ней порядков, и второстепенное положение китайцев создавали в аппарате управления два слоя, что мешало надлежащему функционированию этого аппарата.

Особое положение в стране заняли ламы. Покровительство ламаизму со стороны монгольских императоров привело не только к увеличению числа лам, но и к росту их влияния. На постройку ламаистских монастырей тратились огромные средства. Ламы вмешивались и в дела управления, что увеличивало общую дезорганизацию аппарата.

Все это происходило в обстановке все усиливавшегося недовольства населения. Недовольны были китайские феодалы, оттесненные от правительственных постов и находившиеся под постоянной угрозой лишиться своих владений, а то и жизни по произволу монгольских ханов. Недаром в последние десятилетия владычества над Китаем монгольская знать требовала от императора разрешения перебить всех носителей пяти наиболее распространенных в Китае фамилий — Чжан, Ван, Лю, Ли, Чжао. Если бы такое разрешение было дано, была бы уничтожена не только огромная часть китайских феодалов, но и масса простого народа, носившего те же фамилии.

Эта ненависть привела в конце концов к открытой борьбе, в которой участвовали и крестьяне и феодалы. Со всей остротой эта борьба развернулась в 30—60-х годах XIV в. в правление Тогон-Темур (Шунь-ди), последнего императора монгольской династии в Китае; она и привела к свержению монгольского ига. Толчком к массовому движению послужило стихийное бедствие, разразившееся в 1350—1351 гг., — разлив Хуанхэ, вызвавший страшный голод и повальную смертность. Разливы Хуанхэ бывали не раз и раньше, но это бедствие переполнило чашу народного терпения.

В 1351 г. Тогон-Темур, обеспокоенный последствиями наводнения, приказал согнать население на возведение защитных дамб. И в этом же году сразу в двух местах вспыхнули волнения: в Сюйчжоу (пров. Цзянсу) поднял восстание Ли Эр, в Сянъяне (пров. Хубэй) — Мэн Хай-ма. Оба предводителя принадлежали к простому народу. Это видно даже из того, как их называли. У Ли Эра было прозвище Ли Чжи-ма («Рябой Ли») — кличка, типичная в крестьянской среде; «Морской конек» (*хайма* — название рыбы) была кличка Мэн Хай-ма.

Волнения начали вспыхивать в самых различных местах. Но решающее значение народное движение получило тогда, когда оно стало знаменитым в истории Китая восстанием красных повязок, получив не только могучий размах, но и организованный характер. Образовалась целая крестьянская повстанческая армия, которую по цвету головных повязок, служивших знаком принадлежности к составившим, называли тогда

«красными войсками» [*хун цзюнь*]). Организованность в это движение внесло участие в нем хорошо сколоченного ядра, каким было сектантское общество «Белого лотоса». К нему принадлежал сам предводитель восстания Хань Шань-тун и его сын Хань Линь-эр, заступивший место отца после его смерти.

В период своего возникновения, еще в IV—V вв., секта «Белого лотоса» являлась одним из толков буддизма и была распространена среди образованных слоев китайского общества, но со времени Сун она ушла в народную среду и полностью изменила свой характер, слившись с народными верованиями. Тогда же она приобрела структуру «тайного общества» — типичной для средневекового Китая организационной формы народных движений. Преследованию подвергся и Хань Шань-тун. Как главарь общества он был выслан со своей родины (Луаньчэн) в Юньнань. С точки зрения властей, высылка была наказанием, для него же она создала удобную обстановку для организации восстания, так как это был район, близкий к р. Хуанхэ. Когда разразилось бедствие, он начал проповедовать, что он — «Будда Майтрейя» (Будда будущего) и послан с небес, чтобы спасти народ. Монгольские власти схватили Хань Шань-туна и заключили его в тюрьму. Но сыну его — Хань Линь-эру — удалось бежать в Хаочжоу, на южную сторону р. Хуанхэ. Тут под его знаменем сформировалась целая армия. Восстание началось.

В это время будущий победитель монголов и император восстановленной империи был еще никому не известным простым солдатом. В позднейших исторических источниках не говорится о том, что Чжу Юань-чжан принадлежал к секте «Белого лотоса». Основателем новой династии, могущественному повелителю империи было, вероятно, нежелательно чтобы остались воспоминания о принадлежности его к «мужикам» и «разбойникам», хотя именно этим «мужикам» и «разбойникам» он и был обязан своим престолом. Однако современные исследователи принадлежность Чжу Юань-чжана к обществу «Белого лотоса» считают несомненной.

Чжу Юань-чжан вышел из бедной семьи, ведшей скитальческую жизнь, что в Китае того времени обычно вызывалось тяжелой нуждой и стремлением скрыться от сборщиков налогов, преследовавших недоимщиков. Но скитания его семьи не выходили за пределы некоторых районов нынешних провинций Цзянсу и Аньхуэй, а эти места и были главными очагами распространения секты «Белого лотоса». Во время страшного голода 1344 г. погибла вся семья Чжу Юань-чжана. Ему было тогда семнадцать лет. Если он и не умер от голода, то только потому, что нашел приют в буддийском монастыре. Отнюдь не религия, а кусок хлеба привлек его туда. Это видно из того, с какой легкостью он впоследствии бросил свои четки и взялся за меч.

В 1351 г. Хань Шань-тун и Хань Линь-эр подняли знамена восстания. В 1352 г. к ним присоединился предводитель другой группы восставших — Го Цзы-син. В отряды последнего и вступил недавний монастырский служака. Дальнейшая судьба Чжу Юань-чжана — повесть о его возвышении. Приобретя популярность среди восставших, он скоро собрал собственные отряды и стал думать о самостоятельной роли в борьбе. В 1356 г. ему удалось захватить г. Цзыньлин (Нанкин), важнейший стратегический пункт в Центральном Китае.

Чжу Юань-чжану пришлось вести борьбу на два фронта: основной задачей народного движения было свержение власти чужеземных поработителей, но Чжу Юань-чжану надо было еще устранить соперников —

других вождей, в первую очередь китайских феодалов, поднявшихся на борьбу с монголами. Смерть в 1355 г. Го Цзы-синз избавила его от ближайшего соперника. В 1363 г. утратил свое влияние Хань Линь-эр, главный предводитель движения на первом его этапе. В 1367 г. Чжу Юань-чжану удалось устранить и «бельмо на своем глазу», как он называл Чжан Ши-чэна, сильного и богатого феодала, участвовавшего в общей борьбе против монголов. Поэтому в 1368 г. он уже решился объявить себя императором. Так начала свое существование новая династия — Мин.

Однако тогда под властью нового императора находилась только центральная часть Китая. Юг, правда, быстро подчинился ему, но на севере держались монголы; в столице страны Даду (Яньпзине) сидел еще великий хан. В 1369 г. Чжу Юань-чжан направил на север своего полководца Сюй Да. Тот быстро очистил от монголов район нынешних провинций Шаньдун и Хэнань и взял Даду. Тогон-Темур с остатками монгольских сил отступил в нынешнюю Внутреннюю Монголию и укрепился во второй столице монгольских властителей в Китае — г. Манду (Кайпин). Отдельной армии под командованием Кого-Темура было поручено вернуть Даду. Сюй Да не стал преследовать отходившего великого хана, а все силы обратил против Кого-Темура. В ожесточенной битве в Шэньси тот был разбит наголову. Тем временем другой военачальник Чжу Юань-чжана, Чан Юй-чунь, осадил Шанду, а Сюй Да, гнавшийся за разбитым Кого-Темуром, снова разбил его в Ганьсу. В это время Тогон-Темур умер, и уцелевшие остатки монголов отошли в Каракорум — в свой исконный центр.

Так было свергнуто монгольское иго в Китае, тяготевшее над китайским народом около столетия. Страна была очищена от монголов, но не вся еще находилась под властью нового императора. Запад, нынешняя провинция Сычуань, оказался в руках местного китайского феодала Мин Юй-чжэня. В 1366 г. он умер, и ему наследовал десятилетний сын. В 1371 г. военачальники этого князя предприняли поход против Чжу Юань-чжана, но тут же, видя общую обстановку в стране, сдались. Тем самым под власть Чжу Юань-чжана отошла и западная часть Китая. Вслед за этим была приведена к покорности и далекая южная окраина — Юньнань, где до монголов было самостоятельное государство Наньчжао.

В год решительной победы над монголами — 1368 г. — Чжу Юань-чжан встал во главе восстановленного китайского государства. Освобождение Китая от ига монголов привело не только к восстановлению его независимости, но и к объединению в одном государстве всей исконной территории страны: находившийся в середине X в. в течение почти четырех веков во власти различных завоевателей, Северный Китай снова воссоединился с Южным. Так начала свое существование Минская империя — последняя великая империя китайского средневековья.

ИМПЕРИЯ МИН В КИТАЕ

В период господства монголов членам монгольского императорского дома, представителям монгольской знати и должностным лицам государства раздавались казенные земли с работавшими на них крестьянами. Получатели передавали управление ими местным чиновникам, которые и собирали с крестьян налоги, поступавшие прямо в распоряжение дер-

жателя казенной земли. Такие управляющие постепенно стали захватывать крестьянские земли и сами. Положение изменилось, когда в стране восстановилась китайская власть. Чжу Юань-чжан был вознесен на императорский трон на гребне народного движения, но, придя к власти, он оставил тот же строй, который был и раньше. Сам император стал крупнейшим по личным земельным владениям феодалом страны; своих военачальников, среди которых было немало примкнувших к нему на последнем этапе борьбы и старых китайских феодалов, он стал награждать землями и титулами. Таким образом, в первое время перемена свелась только к тому, что на место изгнанных или уничтоженных феодалов-монголов стали феодалы-китайцы.

Скоро, однако, дело приняло другой оборот. Документы минского времени бесстрастно сообщают, что в 1380 г. Чжу Юань-чжан казнил 13 тыс. крупных феодалов; в 1390 г. было перебито вдвое больше; наконец, в 1393 г.— еще 15 тыс. В числе казненных были и многие сподвижники Чжу Юань-чжана, полководцы, которым он был обязан своим возвышением. Источники повествуют, что сановники, направляясь во дворец, прощались с семьей, не надеясь вернуться. Крутые расправы бывали в Китае и раньше, но обычно правители поступали так с теми, кто поднимался против них. Тут же истреблялись не мятежные феодалы, а вообще те, кто мог быть заподозрен в крамоле. Это было снятие всего верховного слоя китайской феодальной знати. Оставшиеся в живых превращались в холопов императора, распластавшихся перед ним ниц, как рабы.

В 1370 г. Чжу Юань-чжан присвоил своим сыновьям, а также ряду важнейших сподвижников различные титулы. К обладателям этих титулов были приписаны земельные угодья, обрабатываемые крестьянами, но доход с этих угодий не поступал прямо в руки их хозяев, а в определенных размерах выдавался им правительством в виде жалованья. С 1395 г. эта система получила окончательное оформление. Установленные теперь размеры жалованья были меньше первоначальных: раньше рента принца императорского дома составляла 50 тыс. дань зерна (1 дань = 103,5 л), теперь она уменьшилась до 10 тыс. дань; раньше рента местного князя (*цзюньван*) составляла 6 тыс. дань зерна, теперь она была уменьшена до 1 тыс. дань. Были установлены размеры жалованья для всех чинов империи, как гражданских, так и военных (от 1000 до 200 дань). Приблизительно с конца XV в. часть жалованья стала выдаваться деньгами. Перевод феодалов на государственную ренту был важным проявлением централизации.

Все это, однако, не означало, что перестали существовать поместья. Наоборот, они стали развиваться еще больше в связи с исчезновением монгольских губернаторов, своими поборами и произволом препятствовавших ведению поместного хозяйства. Поместья стремились иметь и те, кто не получал жалованья от государства, и те, кто его получал, так как размер жалованья обычно не удовлетворял аппетита феодалов. Известны некоторые данные о поместьях в минское время. Так, в 1489 г. в столичной области было пять поместий, принадлежавших лично императору, общей площадью 12 800 цин (1 цин = 6,1 га) и 332 поместья знати и должностных лиц общей площадью 33 000 цин. Участок крестьянского двора равнялся, как правило, 1 цин. Следовательно, в одной столичной области, густо заселенной земледельческим населением, в поместьях находилось почти 46 тыс. крепостных крестьянских дворов. Число поместий росло и в прочих частях страны.

Подорвав силу крупных феодалов, Чжу Юань-чжан стремился опорой своей власти сделать мелких феодалов, помещиков-землевладельцев, живших в деревне в тесном соприкосновении с крестьянством. Для этого им было введено особое устройство деревни, так называемая система *ли цзя*. Она заключалась в том, что каждые 110 дворов составляли отдельную единицу — *ли*. От десяти дворов из их числа — наиболее богатых, не только имевших больше земли, чем другие, но и сдававших часть этой земли в аренду неимущим членам общины, выделялась группа наследственных старост, поочередно управлявших общиной. Фактически они — местные деревенские помещики, и поскольку им было доверено наблюдение над хозяйством всей общины, а главное — сбор налогов, постольку рядовое крестьянство оказалось под их властью, а сами помещики стали орудием и опорой государства. Остальные сто дворов делились на меньшие общины — *цзя*, по десяти дворов в каждой. У них были свои старосты, главная обязанность которых состояла в сборе налогов. Все члены *цзя* и *ли* были в этом отношении связаны круговой порукой. Ведение хозяйства находилось в руках общины. Особые «старейшины» — из наиболее уважаемых стариков — разбирали тяжбы.

Чжу Юань-чжан не предоставлял, однако, помещикам полностью все, что касалось налогов. По его приказу в 1393 г. была проведена общеимперская земельная перепись. В реестры вносились не только данные о количестве земли, закрепленной за двором, но и расположение участков. Эти реестры и стали документами, по которым исчислялось налоговое обложение и определялась трудовая повинность для каждого двора.

Своеобразным был способ проведения этой переписи: составление описей было поручено не местным чиновникам, которым не доверяли, зная по прежнему опыту, что они всегда утаивали от всякой регистрации возможно больше земель, а специальным уполномоченным центрального правительства. Эти уполномоченные, прибыв на место, созывали стариков, хорошо знавших, что кому принадлежит, и требовали их содействия в составлении описи. По переписи обработанных земель в Китае в конце XIV в. было свыше 8,5 млн. дин.

Укреплению абсолютизма верховной власти служила и введенная система управления. Формально было возвещено «возвращение к порядкам Танской империи», т. е. восстановление государственных учреждений того времени. Но в 1380 г. Чжу Юань-чжан существенно изменил эти порядки, упразднив верховную палату (*шаншуишэн*), т. е. высший правительственный орган, глава которого как первый министр империи держал в своих руках все нити управления. История Китая очень наглядно свидетельствовала, что могла означать для императорского трона такая власть премьер-министра. Поэтому Чжу Юань-чжан предпочел все управление сосредоточить в своих руках.

Все назначения на должности также исходили от императора. Самовольно назначивший кого-либо сановник подлежал смертной казни (что чаще всего применялось в случае назначения родственников). Нарушение запрещения обращаться к императору с традиционным для Китая увещанием (т. е. обращать его внимание на какие-либо неурядицы) каралось казнью самого виновника, его жену и детей отдавали в рабство, имущество же конфисковали. Так и террором и организационными мерами Чжу Юань-чжан утверждал свое самодержавие, абсолютизм.

Подверглась реорганизации и военная система. Армия в Китае со времен Хань и Тан большей частью формировалась путем военной повинности. С середины VIII в. перешли к системе найма, но этот порядок,

удержавшийся и при Сун, привел к ухудшению боевого состояния армии. Чжу Юань-чжан ввел новый порядок. Он разделил население на «народ» (*минь*) и «армию» (*цзюнь*). Это означало, что в определенных местах часть населения превращалась в постоянные военные кадры — местные, территориальные части, организованные в виде военных поселений (*гунь тянь*).

Как бы ни рассматривать действия Чжу Юань-чжана, все же с его именем связано освобождение страны из-под власти чужеземных поработителей; он обуздал крупных феодалов, создал крепкую организацию в деревне, обеспечил страну постоянной военной силой. Это дало стране почти два века мирного существования и превратило минский Китай в одну из наиболее могущественных и процветающих стран мира. Не нужно только забывать, что всем своим возвышением Чжу Юань-чжан был обязан великому народному движению за освобождение своей страны, ведущую силу которого составляли крестьянские «красные войска». В конечном счете, как это бывает в истории всегда, основную роль в этом повороте истории сыграли народные массы.

Чжу Юань-чжан умер в 1398 г. Придворная клика возвела на престол его внука, минуя сыновей. Один из них, Чжу Ди, бывший владельцем князем Яньцзина, т. е. прежней столицы великого хана, в 1403 г. свергнул поставленного императора и занял престол сам. Он не ушел из Яньцзина, а в 1421 г. объявил его «Северной столицей» государства (по-китайски Бэйцзин, или, как у нас принято произносить, Пекин). За прежней столицей Чжу Юань-чжана — Цзиньлином было сохранено наименование «Южной столицы» (по-китайски Наньцзин, или, как у нас принято называть, Нанкин). Годом своего правления Чжу Ди дал наименование «Юнлэ» («вечная радость»). Наступила одна из важнейших эпох истории Минской империи, которую часто так и называют «эрой Юнлэ».

С наименованием «Юнлэ» оказались прочно связанными три вещи: «фарфор Юнлэ», «монеты Юнлэ» и «Большая энциклопедия Юнлэ». «Фарфор Юнлэ» — это знаменитый минский фарфор, покоривший Европу и являющийся драгоценным экспонатом всякого европейского и американского музея. «Монеты Юнлэ» — металлические деньги, широко распространившиеся не только по Китаю, но и по всем соседним странам, превратившиеся в своего рода международные денежные знаки. «Большая энциклопедия Юнлэ» — издание, вряд ли и до сих пор имеющее себе что-либо подобное...

Перечень важнейших разделов дает представление о составе этого словаря-энциклопедии: конфуцианские классики, исторические сочинения, работы философов, публицистов, экономистов, военных теоретиков, географические труды (с включением работ по описанию растений, животных, минералов), сочинения по «Инь-ян», т. е. по метеорологии, астрономии, астрологии, гадательному искусству, сочинения по медицине, работы по «пути монашества», т. е. сочинения по буддизму, и, наконец, сочинения по мастерству и искусству. Над составлением этого словаря-энциклопедии трудились 2169 человек. Работы продолжались пять лет, все издание составило 22 877 книг. Хотя на случай пожара была сделана полная копия этого издания, войны последующего времени погубили большую часть и того и другого экземпляра. Последний удар нанес этому гигантскому памятнику разгром императорского дворца европейскими войсками во время усмирения так называемого Боксерского восстания в 1900 г. ...

С именем Чжу Ди (Чэнцзу) связана полоса огромной внешней ак-

тивности китайской империи, выразившаяся прежде всего в завоеваниях. Чжу Юань-чжан ограничился тем, что изгнал монголов и предпринимал действия против них только тогда, когда обнаруживалось их стремление вернуть прежние завоевания. Цю Фу, полководец Чжу Ди, начинает проникновение в самую степь, на родину монголов — в так называемую Внешнюю Монголию (территорию нынешней Монгольской Народной Республики). Вначале китайцев постигла неудача: в сражении при р. Керулен они были разбиты и откатились обратно. Тогда против монголов была двинута большая армия под командованием самого императора. В битве при р. Онон в 1410 г. монголы были разбиты. Китайские войска прошли далее на запад и в сражении при р. Тула (Тола) нанесли поражение западным монголам — ойратам.

Наступление развернулось и на северо-восток. Чжу Юань-чжан ограничился тем, что помог прокитайской партии в королевстве Корё одолеть сторонников войны с Китаем, т. е. промонгольскую партию, и после этого заключил мир с Кореей, где к власти пришел Ли Сон Ге. Чжу Ди постарался укрепить влияние империи в царстве Чосон (как стало называться Корейское государство, управляемое династией Ли) захватом всех прилегающих к полуострову земель.

Экспансия пошла и на юг, в район нынешних провинций Юньнань и Гуйчжоу. Даже при Суй, Тан и Сун власть империи на эти места, населенные народностями мяо и яо, не распространялась. Монголы первые наложили руку на этот район, и правители Минской империи постарались не упустить такое приобретение. Все эти места были отданы во владение роду Му и полностью включены в состав империи. Особенный подъем эти места переживали с середины минского периода, когда туда хлынуло большое количество китайского населения в связи с открытием богатых месторождений серебра и меди.

Чжу Ди вмешался во внутренние дела Вьетнама, направил туда большую армию, которая и присоединила в 1407 г. к империи Вьетнам вместе с соседними странами — Тьямпой и Лаосом. Вьетнамцы, однако, не примирились с потерей независимости и не раз восставали против китайских властей. Эта борьба обострилась в 20-х годах XV в. и привела в 1428 г. к восстановлению независимости Вьетнама (Да-Вьета).

* * *

Еще в 1403 г. были восстановлены в китайских портах закрытые было при Чжу Юань-чжане таможни, отменены ограничения в постройке судов.

В первый раз в истории Китая были предприняты дальние морские походы — в сторону нынешней Индонезии и Индии. О масштабе первой экспедиции под руководством Чжэн Хэ красноречиво говорят следующие данные: в 1405 г. из гавани Люцзя, что к северо-западу от нынешнего Шанхая, вышел флот из 62 кораблей, на которых находилось более 27 800 человек. На одном корабле, следовательно, помещалось по несколько сот человек — матросов, солдат, купцов и всякого рода мастеров. От берегов Китая флот вдоль побережья Индокитая зашел в одну из гаваней Тьямпы, оттуда мимо Борнео прошел на Яву. После захода в Палембанг на о-ве Суматра флот Малаккским проливом вышел в Индийский океан. Зайдя на Цейлон, он затем достиг конечной цели своего пути: порта Каликут на Малабарском побережье Индии. В те времена это был крупнейший порт — средоточие мировой торговли в районе Индийского океана. В 1407 г. Чжэн Хэ благополучно вернулся на родину.

Состав и масштаб экспедиции свидетельствовали о ее целях: она должна была продемонстрировать военно-политическую и торговую мощь китайской империи в далеких странах и, где это возможно, утвердить ее власть. Такая попытка была сделана на Суматре. На этом острове, особенно в Палембанге, уже тогда было многочисленное китайское население.

Китайские источники изображают дело так, будто бы правитель этого государства Чэн Цзу-и отказался покориться минскому императору, за что и был наказан: взят в плен и увезен в Китай. О том, что это была попытка военного захвата, свидетельствует сообщение, что при «усмирении» Чэн Цзу-и было убито свыше 5 тыс. его приверженцев.

Еще шесть раз после этого ходил Чжэн Хэ в дальние морские походы по тем же путям, постепенно их расширяя. Так, во время третьего похода в 1412—1415 гг., дойдя до Каликута, Чжэн Хэ прошел оттуда дальше на запад — к о-ву Ормуз в Персидском заливе, т. е. к старинному центру торговли между странами Востока и Запада. Часть же его флота прошла вдоль восточного побережья Африки и дошла до г. Мелинди, крупнейшего арабского торгового города в этом районе. На обратном пути китайские корабли зашли в Аден у входа в Красное море.

Таковы были морские экспедиции, по своим масштабам далеко превзошедшие все, что было известно в истории мореплавания до тех пор, не исключая и плаваний таких предприимчивых мореходов, какими были арабы. Для китайцев эти экспедиции означали прежде всего освоение морских торговых путей, важнейших в то время в мире, так как они пролегли в районе наиболее богатых и цивилизованных стран. Но такое освоение имело своим последствием и огромное расширение географического горизонта китайцев.

Конечно, Чэн Хэ, начиная в 1405 г. свое первое плавание в Индию и тем самым открывая для Востока эру великих географических открытий и колониальных захватов, не мог и подозревать, что в 1415 г. португальцы заняли Сеуту на североафриканском берегу, с чего началась такая же эра для Запада. Обе стороны шли к одной цели, их манила к себе одна и та же страна — Индия. В Каликут в 1406 г. пришел с востока китаец Чжэн Хэ, в тот же Каликут явился в 1498 г. португалец Васко да Гама. Заря капиталистической эпохи зачиналась на обоих концах тогдашнего цивилизованного мира.

О процессах, развертывавшихся в Китае в XV в., можно судить по тому, что происходило в это время в деревне. Минское правительство разделило все земли на казенные (*гуань тянь*) и гражданские (*минь тянь*). Казенные земли составляли поместья императоров и членов императорской фамилии, титулованной знати, участки должностных лиц, школьные участки, земли военных поселений, земли, конфискованные у владельцев за провинности, наконец, пастбища. В 1502 г. казенные земли охватывали около $\frac{1}{6}$ общего числа обрабатываемых земель. Правительство стремилось держать под своим контролем помещиков; в то же время эта система приводила к тому, что чиновнический слой, получавший жалованье, не нес налоговой повинности, которую несли члены деревенской общины, в том числе и помещики. Стала расти земельная собственность городских — паразитических, ростовщических слоев. Образовался слой «городских помещиков», т. е. владельцев земли, проживавших в городе и отдававших свои участки в аренду крестьянам. Такое положение способствовало проникновению в деревню торгового капитала. «Деревенские помещики» оказались, таким образом, под двойным давлением —

и политическим, и экономическим, в результате чего в XV в. этот слой помещиков стал экономически слабее городских, значительно усиливших эксплуатацию крестьян-арендаторов.

Началась борьба крестьян-арендаторов, приняв наиболее острые формы там, где процесс расслоения и проникновения в деревню торгового капитала развернулся с наибольшей силой — в районе южного течения Янцзы и в пров. Фуцзянь. Крестьяне прежде всего требовали восстановления «справедливых» мер сыпучих тел, которые в разных местах страны были различны. Помещики пользовались отсутствием их строгого единства и мерили сдаваемый натуральный налог наиболее выгодными для себя способами. Против этого и протестовали крестьяне, считавшие «справедливыми» те меры, которые искони у них применялись. Помимо уплаты аренды зерном помещики требовали, чтобы им доставлялись домашняя птица, свинья, бобы, топливо. Это называлось «дополнительным налогом». Особенно недовольны были крестьяне требованием поставок домашней птицы и свиньями, так как это была главная продукция их хозяйства, с которой они выходили на рынок. Требованием крестьян-арендаторов было и освобождение от подводной повинности — доставки городским помещикам сдаваемого в виде арендной платы зерна.

Вековая борьба китайских крестьян против эксплуататоров приучила их к своеобразным формам объединений. Такими объединениями в данном случае явились общество борьбы за справедливые меры (*доукао хуэй*), объединения для совместных действий нескольких селений (*чжангуан*), наконец, вооруженные отряды (*тяньбин*).

Восстание Дэн Мао-ци, как его называют по имени вождя, разразившееся в 1448 г., было наиболее крупным. Наряду с ним в разных местах южной части пров. Чжэцзян, до самого Гуанчжоу, вспыхивали аналогичные движения меньших масштабов. Крестьяне были усмирены, но добились отмены поставок птиц, свиньями и топливом. Важнее, однако, было то, что эта борьба продемонстрировала силу крестьянского сопротивления, ту силу, которая в дальнейшем привела к укреплению крестьянского держания земли в форме системы «одно поле — два хозяина». Это означало, что на землю устанавливалось как бы двойное право собственности: владельца-помещика и арендатора-крестьянина; участок считался принадлежащим помещику, но тот не имел права отнять его у своего постоянного арендатора.

Движение крестьян-арендаторов указывало и еще на одно важное явление. В период Минской империи широко развивалось товарно-денежное хозяйство, и крестьянство все более втягивалось в него в качестве мелких товарных производителей. В пров. Фуцзянь и в районе нижнего течения р. Янцзы товарное значение имело плодоводство, производство чая, сахара, табака; на рынок стали работать и крестьянские промыслы. До этого крестьяне, как правило, поставляли — в виде налога — лишь сырье, которое затем обрабатывалось в казенных мастерских привлекаемыми в порядке повинности ремесленниками; теперь же стало развиваться и собственное крестьянское производство. Одновременно росло ремесленное производство и в купеческих мануфактурах и, что существенно, с наемными рабочими. Так признаки зари капиталистической эпохи, проявившиеся во внешней торгово-политической и военно-колониальной политике минского правительства, посылавшего в первой половине XV в. в далекие заморские страны одну экспедицию за другой, проявились и внутри страны. Однако значительно явственней этот процесс развернулся в следующем, XVII в.

Особенностями абсолютизма в Китае, расцвет которого относится к XVI в., были сосредоточение в руках династии Мин огромного земельного фонда, рассматриваемого как казенные земли; подчинение крестьян — держателей казенных земель и крестьян-собственников непосредственно управлению государства; наличие государственных предприятий — крупных мануфактур, горных разработок с рабочей силой, работающей на барщинных началах с запрещением ей менять профессию; торгово-политическая экспансия за рубежами страны. Столкновение развивавшихся капиталистических отношений с режимом феодального абсолютизма, усиление феодальной эксплуатации крестьянства привели в первой половине XVII в. к огромному народному восстанию, закончившемуся в 1644 г. падением монархии дома Мин. Успех восстания открыл бы Китаю широкий путь развития капитализма, если бы не предательство феодалов, призвавших на помощь маньчжуров, которые подавили восстание и подчинили своей власти всю страну. Тем самым был задержан дальнейший распад системы абсолютизма, последующая же зависимость от капиталистических государств Европы и Америки еще более затруднила развитие капитализма. Эти условия стали меняться только после свержения в 1911 г. власти императоров-маньчжуров и ликвидации монархии.

КОРЕЯ В XII — XVI вв.

Почти непрекращавшаяся борьба различных групп феодалов, как светских, так и духовных, в конце столетия привела к победе той их группы, во главе которой стоял Чхве Чхунхон. В 1196 г. он низложил короля и поставил на его место послушного себе принца, став тем самым фактическим правителем страны. Он не только сумел удержать эту власть в своих руках до своей смерти (1219 г.), но и передал ее своему сыну Чхве У. Фактическая власть в государстве перешла в руки фамилии Чхве, которая и правила в течение четырех поколений — с 1196 по 1258 г. Представители этой фамилии сами престол не заняли, а предпочли управлять, возводя на трон послушных им принцев царствующей династии. Предлогом для монгольского вторжения на полуостров послужило убийство в 1231 г. монгольского посла по пути из Корё в Монголию. Монголы сочли виновниками этого убийства правителей Корё и направили на полуостров армию под командой Салитая. Его отряды вторглись в страну и подвергли всю ее северную часть опустошению. Чхве У, правивший после своего отца Чхве Чхунхона, вместе со всем двором бежал из столицы и укрылся в сильной крепости на о-ве Канхвадо. Отобразить натиск монголов правители Корё оказались не в силах, и им пришлось откупиться большой данью. Взяв с собой в качестве заложника одного из сыновей короля, монголы ушли, но, однако, не оставили мысли о полном подчинении себе полуострова. В последующие два десятилетия их отряды четыре раза вторгались в Корею. При вторжении в 1252 г. последний правитель из фамилии Чхве был убит, крепость на о-ве Канхвадо разрушена, а наследник престола увезен в Монголию как заложник. Когда король умер, его сын вернулся в свою страну и признал себя вассалом великого хана (1269 г.).

Покорность короля и его ближайшего окружения монголам все же не означала подчинения всей страны. В 1270 г. против монгольских захватчиков и послушного им короля вспыхнуло народное восстание.

Начавшись разрозненными актами сопротивления корейского населе-

ния, с присоединением к нему королевских войск (так называемых трех корпусов) оно приобрело грозный размах. Для усмирения восставших пришлось выступить самим монголам, под натиском которых восставшие отступили на юг и вынуждены были в конце концов перейти на остров Чечжудо — самый крупный у южного побережья Кореи. Укрепившись на этом острове, повстанцы стали оттуда нападать на побережье. Борьба длилась до 1273 г.; только тогда силы повстанцев были разбиты, а остров занят соединенными войсками монголов и послушного им корейского короля.

В течение почти ста лет, с 70-х годов XIII в. по 70-е годы XIV в., Корея находилась под игом монголов. Корейские короли, хотя и официально правили страной, на деле были полностью подчинены монгольским наместникам, которые контролировали все управление. Покорна монголам была и большая часть корейской феодальной знати. Среди нее распространились браки с монголами, через которые в эту среду проникали монгольские обычаи вплоть до одежды. Все свои заботы монгольские наместники направили на превращение полуострова в базу для дальнейших завоеваний. Целью на этот раз была последняя из еще не покоренных стран Восточной Азии — Япония.

Подготовка военной экспедиции состояла в создании запасов продовольствия и фуража, постройке кораблей, проведении стратегических дорог, использовавшихся также для курьерской и почтовой службы. Кроме того, корейцев обучали военному делу и формировали из них вспомогательные отряды. Для выполнения этих мероприятий важнейшие районы Кореи были поставлены под контроль монгольских военачальников, монгольские отряды заняли все сколько-нибудь значительные пункты. Подавление восставших, укрепившихся на о-ве Чечжудо, было необходимо монголам для обеспечения безопасности прохода Корейским и Цусимским проливами к берегам Японии. Когда в 1273 г. с восстанием было покончено, можно было приступить к осуществлению планов завоевания Японии.

В 1274 г. против Японии были направлены крупные силы из 45 тыс. монголов и 15 тыс. корейцев. Они заняли промежуточные острова Цусима и Ики и стали оттуда готовиться к высадке на побережье о-ва Кюсю. Однако разразившаяся буря потопила много кораблей, а успешные добраться до берегов Японии были отражены японцами. Эта неудача показала Хубилаю, что для завоевания Японии нужны были крупные силы. Начались новые приготовления одновременно и в Корею и в Китае. В 1281 г. против Японии были двинуты два флота (один из Кореи, другой из Южного Китая) общей численностью до тысячи судов с более чем стотысячной армией, состоящей из монгольских, корейских и китайских солдат. Обе флотилии должны были соединиться у берегов Кюсю, однако южная запоздала к месту встречи, и японцы смогли справиться с гораздо более слабой восточной. Когда же подошла главная армада, страшной силы тайфун, пронесшийся над Японией, потопил большую часть кораблей монгольского флота, часть же их была рассеяна. Только жалкие остатки этой армады добрались до Китая; около 100 тыс. человек погибли в море и были перебиты японцами.

Однако Хубилая не остановила и вторая неудача. Началась энергичная подготовка к третьему походу: строились новые корабли, заготавлилось оружие, продовольствие. Только осложнения в собственном лагере монголов — мятеж Кайду, а также неудачные действия в Индокитае — заставили Хубилая отказаться от плана завоевания Японии.

С того времени, как обнаружилось общее ослабление монгольской империи, положение в Корее стало меняться: возобновилось движение за освобождение от монгольской зависимости. Корейское крестьянство, жестоко страдавшее от произвола феодалов, монгольского ига и набегов японцев, не прекращало борьбы против монголов.

Особую роль в Корее в XIV в. начала играть многочисленная прослойка мелких и средних феодалов, также страдавших от произвола монголов, от притеснений церкви и промонгольской знати, от междуусобиц в стране, от нападений пиратов на юге и монгольских отрядов на севере. Они стремились к ликвидации монгольского засилья, захвату земель церкви и знати Корё, к установлению сильной власти, способной обеспечить оборону страны и повиновение крестьян. Настроения этой части корейских феодалов характеризуются докладом, поданным королю, с требованием укрепить армию, флот и обеспечить оборону страны, искоренить «буддийское зло», провести перераспределение земли и содействовать развитию просвещения и науки. Такая программа могла объединить большинство населения в борьбе против знати Корё и буддийской церкви, поддерживавших монголов.

Полное сочувствие этой программе выражало городское население Кореи. К XIV в. в связи с развитием ремесла и торговли в Кэгёне и ряде прибрежных городов сложилась торгово-ремесленная прослойка. Она была слишком незначительной и слабой для выступления с самостоятельной программой, но тем более энергично поддерживала требования дворян об обеспечении независимости страны. В 1359 г. была предпринята экспедиция против главной опоры монгольской власти в Корее — монгольских гарнизонов в районе современного города Енхын в провинции Южная Хамгёндо, где находилась ставка монгольских наместников Кореи. Экспедиция закончилась удачно: монгольские силы были частью уничтожены, частью вытеснены. Под влиянием этого успеха король поспешил упразднить внешние знаки подчинения монголам: отменил летосчисление по годам правления монгольских императоров Китая и ликвидировал введенную при монголах номенклатуру должностей.

В успехе экспедиции 1359 г. крупную роль сыграл феодал района, где происходили военные действия, Ли Хванчжо. В награду ему было пожаловано 10 тыс. дворов и он был сделан командующим войсками. Так началось возвышение дома Ли, из которого вышел будущий основатель новой династии — Ли Сонге, сын Ли.

После смерти Ли Хванчжо его пост перешел к Ли Сонге. В это время стране грозили многие опасности: на южное и восточное побережья нападали японские пираты; на северо-востоке поднялись местные племена; со стороны Маньчжурии опустошительные набеги производили «красноголовые», как называли китайские хроники местных чжурчженей. Удачные действия Ли Сонге по защите границ создали ему громкую воинскую славу.

Когда в 1368 г. власть монгольских завоевателей в Китае пала, король Конмин официально отказался от вассальной зависимости великому хану. В это время обострилась внутренняя борьба в верхушке правящего класса. Во вторую половину своего царствования король Конмин подпал под влияние буддийского монаха Синдона, ставшего всемогущим временщиком. Это привело в 1374 г. к дворцовому перевороту, во время которого был убит Синдон, а вслед за ним и король. В результате почти двадцатилетней дальнейшей борьбы клик пала сама династия, когда одержала верх клика, во главе которой стояла семья Лим Иним.

Меж тем опасность со стороны монголов не была полностью устранена: они еще держали в своих руках часть Маньчжурии. Поэтому Лим Иним вынужден был лавировать: с извещением о вступлении на трон нового короля было направлено посольство к минскому двору; одновременно предполагалось послать такое же посольство и к великому хану. Как раз в этот момент в Корею явилось монгольское посольство, целью которого было добиться восстановления влияния монголов в Корее с помощью сохранившихся их сторонников из числа феодальной знати и придворных. Тогда «новая партия», как именовалась группа противников монголов, повела борьбу против «старой партии». Победа «старой партии» усилила Лим Инима, что вызвало борьбу против него в рядах его собственной клики. В результате он был свергнут и сослан. Главная роль в правительстве перешла к главарю заговора — Чхве Ену. Таким образом, как будто дело закончилось победой промонгольской партии. Однако на деле новый временщик и его приверженцы отнюдь не были склонны отдаться под власть монголов, хотя с опасением смотрели на усиление Минской империи. В 1387 г. у самых ворот Кореи, в Ляодуне, появился китайский пограничный гарнизон (*вэй*). Правившая в Корее группа решила выбить оттуда китайцев, и в 1388 г. в Ляодун была направлена пятидесятитысячная армия во главе с Ли Сонге.

Ли Сонге с самого начала протестовал против этого похода, указывая на невозможность борьбы с таким могущественным противником, как Минская империя. Подчиняясь приказу, он выступил, но, дойдя до р. Ялу, повернул обратно. Войска двумя отрядами, один под командованием Ли Сонге, другой — Чо Минсю, быстро дошли до столицы. Клика Чхве Ена была разогнана, сам он подвергся ссылке, а король был низложен. После этого встал вопрос о его преемнике, и тут снова вспыхнула распря, на сей раз между кликами обоих военачальников. Клике Чо Минсю удалось возвести на трон своего кандидата, но сам Чо Минсю оказался неспособным удержать власть: он был быстро оттеснен группой Ли Сонге, тут же низложившей прежнего короля и возведшей на него своего ставленника — Конъяна, последнего короля династии Корё.

Новый король оказался между двух огней: группа Ли Сонге требовала от него беспощадной расправы со «старой партией», король же, будучи представителем династии, связанной исконными узами со старой феодальной знатью, не мог на это решиться. Тогда сторонники Ли Сонге решили ликвидировать династию и провозгласить королем своего главу. Исполнению этого замысла мешала влиятельная группа при дворе, во главе которой стоял Чон Мончжу. Группа молодых офицеров, бывших под командованием Ли Пявона, одного из сыновей Ли Сонге, убила Чон Мончжу. После этого заговорщики заняли дворец, объявили династию низложенной и провозгласили королем Ли Сонге. Так в 1392 г. закончилось продолжавшееся почти 500 лет правление династии Корё и началось правление династии Ли — последней королевской династии в Корее. Через год было изменено название государства: оно стало именоваться «Чосон». С 1396 г. столицей стал город Сеул.

В пестрой картине дворцовых переворотов, возвышений и падений различных временщиков нельзя видеть одну лишь борьбу придворных клик. «Старую партию» и «новую партию» часто рассматривают как промонгольскую и прокитайскую партии. В известной мере это так и было. Но существо переворота раскрывается, если присмотреться к тому, на кого опирались борющиеся группировки. Опорой «старой партии» была старая корейская феодальная знать, т. е. крупные феодалы; «новую пар-

тию» поддерживало служилое дворянство, т. е. мелкие и средние феодалы. Оба эти слоя господствующего класса сталкиваясь обострялись к тому времени неравномерность в распределении между ними имущественных благ.

Историки Кореи располагают документом, относящимся к последним годам правления династии Корё,— проектом аграрной реформы, предложенной королю У крупнейшим экономистом того времени Чо Гуном. Он предлагал отменить феодальную частную собственность на землю и вернуться к системе государственной собственности, которая держалась в Корее даже в первое время правления династии Корё, в X в. В качестве аргумента автор проекта указывал на то, что в руках старой феодальной знати оказалось огромное число земель, а «у тех, кто когда-то участвовал в сотнях сражений и снискал себе славу, нет ни одного му для того, чтобы существовать; нет клочка земли, чтобы можно было воткнуть хотя бы шило, чтобы можно было прокормить родителей, жену, детей...». «Что же будет побуждать их быть верными и преданными, стремиться к военным подвигам, оберегать страну от захвата чужеземцев?» — вопрошал автор. Этот документ разъясняет положение. Дело было в борьбе служилых людей, выходцев из «обездоленного» слоя господствующего класса,— мелких помещиков — против могущественной и богатой феодальной знати. В этом и состояла основа переворота, произведенного «новой партией».

Ли Сонге, сам происходивший из старой знати, был силою вещей поставлен перед необходимостью ради сохранения своей власти пойти на удовлетворение этих требований. Крупные земельные владения феодальной знати были конфискованы и распределены среди среднего и мелкого поместного дворянства. Тем самым новый король получил сильную опору, которая и позволила династии Ли упрочиться.

Разумеется, этими основными интересами определялась и ориентация «старой партии» на монголов, «новой партии» — на Минскую империю. Ориентация на Китай в исторических условиях того времени оказалась способствующей успеху «новой партии», — так как в Минской империи также шел процесс ослабления старой феодальной знати и выдвижение мелкого поместного и служилого дворянства, ставшего опорой абсолютной власти императоров.

Укрепление новых порядков, а вместе с тем и окончательное упрочение на престоле новой династии связаны с правлением третьего короля — Тхэ Чжона, одного из сыновей Ли Сонге. Он пришел к власти путем дворцовых переворотов, после отречения Ли Сонге и его объявленного престолонаследника, после ряда убийств, в результате которых престол в 1401 г. перешел к нему.

Тхэ Чжон с самого начала принимал деятельное участие во всех действиях своего отца и многим способствовал его возвышению. Но в противоположность отцу, бывшему только хорошим полководцем, он обнаружил большие способности политика, добившись мира с Китаем. Удачные действия против японских пиратов не только обеспечили на некоторое время спокойствие на юго-восточных окраинах страны, но также способствовали укреплению его международного авторитета. Корейское государство снова превратилось в крупную силу Восточной Азии.

Такому усилению королевство Чосон было обязано и своим внутренним состоянием. При Тхэ Чжоне был окончательно сформирован аппарат управления: центральные правительственные органы — шесть палат, между которыми распределялись различные отрасли управления; высший

правительственный орган — государственный совет из восьми членов. Страна была поделена на восемь провинций, управляемых губернаторами, назначаемыми королем и только ему подчиненными. Провинции делились на уезды во главе с уездными начальниками.

Для назначения на чиновничью должность надо было иметь ученую степень, которую кандидаты получали, выдержав специальный правительственный экзамен. Ученых степеней было три, каждая из которых давала право на определенный должностной класс. Низшие степени получали на местах, высшую — только в столице. Должностные лица назывались *янбани* (букв. «две группы»). Это слово в дальнейшем стало сословным наименованием служилого дворянства (а в новое время — вежливым обозначением лица, близким к прежнему русскому «господин»). И как чиновники и как помещики *янбани* впоследствии своими бесконечными поборами вызвали самую лютую ненависть к себе со стороны крестьянства. Но на первых порах, когда этот слой господствующего класса только укреплял свое положение, эксплуатация еще не носила такого характера, какой она приобрела в дальнейшем. Упорядочение же системы управления страной и создание организованного административного аппарата в то время способствовали подъему страны.

Продолжением борьбы с земельной феодальной знатью стало запрещение кому бы то ни было, кроме прямых потомков основателя династии, иметь земельные владения. Был нанесен удар и по церковным феодалам: по указу 1401 г. у буддийских монастырей была отнята большая часть их земель.

Из мероприятий, касавшихся крестьянства, важнейшими были упорядочение учета дворов и некоторое уменьшение налогового бремени. Реформы, призванные улучшить положение страны, проводились в течение всего XV века. При короле Сечжоне был произведен общий учет обрабатываемых земель, пересмотрены оценки участков для приведения этих оценок в соответствие с качеством почвы, условиями орошения и т. д.; вместе с этим были введены точные ставки налогового обложения. Такими мерами правительство обеспечивало себе планомерное поступление налогов, но в то же время ставило некоторые преграды произволу чиновников, ведавших налогами. Были введены определенные ставки жалованья чиновникам, что уменьшило возможности расхищения казенных средств. Смягчены были наказания. Так, например, было отменено битье батогами, запрещено заключать в тюрьмы стариков и малолетних.

Принимались меры и к распространению образования, причем заведение этим делом целиком перешло в руки конфуцианцев, т. е. корейцев, воспитанных на китайских классических книгах по философии, общественным вопросам, политике, экономике, истории. При дворе была учреждена «палата мудрейших», где король обсуждал со своими конфуцианскими советниками различные вопросы науки. Большое внимание уделялось астрономии, календарным вычислениям. Были сконструированы новые астрономические приборы. Специальная экспедиция в горы должна была с помощью этих приборов установить положение звезд, в первую очередь Полярной звезды. Появились новые метеорологические инструменты. Один из них, дождемер, полагалось иметь повсюду для измерения количества осадков.

Самым важным событием в культурной жизни корейского народа было изобретение в 1443 г. национальной письменности — фонетического алфавита, получившего наименование *онмун* (простонародное письмо). Для выработки этой письменности при дворе при участии самого

короля был организован особый комитет из лучших языковедов того времени, специалистов по фонетике, хорошо знавших китайское, японское, уйгурское, монгольское, киданьское, чжурчжэньское, тибетское письмо, а также индийский алфавит *деванагари*. Одновременно с изобретением алфавита были разработаны и правила пользования им — знаменитый в культурной истории Кореи документ-инструкция (*хунмин-чжонъым*), изданная в 1446 г. Фонетическая письменность давала возможность записать любого корейского текста. Это было трудно и даже далеко не всегда возможно при пользовании прежним письмом *иду*, т. е. приспособленными для транскрипции корейских слогов китайскими иероглифами. Последствия изобретения были огромны: благодаря ему стала существовать в записанном виде народная литература. Введение *онмуна* происходило при противодействии конфуцианских советников короля, указывавших ему, что «простонародное письмо» помешает распространению образованности, мыслимой этими советниками только в виде сочинений на китайском языке, написанных иероглифическим письмом. Китайский язык все же остался как язык государственных документов и всей политической, экономической и философской литературы.

Из внешнеполитических событий в правление Сечжона заслуживает внимания упорядочение торговых отношений с Японией, для чего были открыты три порта. Посредником в торговле стал князь о-ва Цусима; с ним в 1420 г. был заключен специальный договор, определяющий число японских судов, могущих заходить в корейские порты. Все суда должны были иметь визу этого князя.

Много беспокойства причиняли корейскому населению северо-восточные соседи — чжурчжэни. Борьба с ними велась очень долго. Только в 1449 г. корейскому правительству удалось занять земли чжурчжэней в районе р. Туманган и поставить там шесть охранных гарнизонов. Еще до этого, в 1446 г., были заняты и земли чжурчжэней вдоль верхнего течения р. Ялу. При Сечжоне, седьмом короле династии Ли, столкновения с чжурчжэнями в этом районе снова возобновились. Поскольку чжурчжэни в это время также сильно беспокоили и северо-восточные границы Китая, постольку оба правительства, китайское и корейское, договорились о совместных действиях. Этот факт свидетельствует о силе чжурчжэней, впоследствии — под наименованием маньчжуров — захвативших могущественный Китай и подчинивших своей власти Корею.

При этом короле был проведен целый ряд мероприятий, касавшихся корейской деревни. Было приказано всюду организовать общественные амбары, откуда могло заимствоваться зерно в случае неурожая и голода; поощрялось увеличение поголовья тяглового скота. Были составлены и распространены руководства по уходу за скотом, по шелководству, произведен новый обмер полей.

XV и XVI века были временем относительного экономического и культурного расцвета феодальной Кореи. Важнейшим показателем этого был рост посевных площадей, освоение новых сельскохозяйственных культур и улучшение обработки земли. За тринадцать лет — с 1391 по 1404 г. — посевные площади в Корее расширились с 798 127 до 922 677 кёлей¹². В течение XV и XVI вв. происходило дальнейшее их увеличение. Во второй половине XVI в. посевные площади достигли уже 1698 тыс. кёлей, т. е. выросли более чем в два раза по сравнению с концом XVI в. Особое внимание было уделено постройке новых и восстановлению ста-

¹² Кель — мера площади, урожаем риса с которой составлял около 102 пудов.

рых ирригационных сооружений, поощрению садоводства и разведению шелковичных червей. В XV в. в результате ряда успешных походов против маньчжурских племен были прекращены их пабеги. Это способствовало быстрому заселению обширных северо-западных областей и развитию там земледелия, скотоводства и рыбной ловли.

Значительного подъема достигли ремесло и торговля. Ремесленники и торговцы объединялись по профессиям и видам изготавливаемых товаров в организации, напоминающие европейские цехи и гильдии и получившие право на монопольную выработку и продажу отдельных товаров. О росте торговли в стране свидетельствует возникновение регулярных местных ярмарок. Возникли организации торговцев, занимавшихся перевозкой и доставкой товаров в отдельные районы страны. Увеличилось значение городов как центров ремесленного производства и торговли. Новая столица Кореи, Сеул, превратилась к XVI в. в самый крупный город страны с многочисленным населением, значительную часть которого составляли ремесленники и торговцы.

В XV в. продолжалась борьба против сепаратистских тенденций, носителем которых продолжала выступать буддийская церковь. После кратковременного укрепления ее позиций против нее начались новые гонения. Было закрыто большинство монастырей, а буддийским монахам запрещалось бродить по стране, а также под страхом смертной казни показываться в Сеуле.

Короли уделяли большое внимание укреплению государственного аппарата и борьбе со злоупотреблениями. Сразу после прихода к власти новой династии был издан сборник законов. Несмотря на формальное признание сюзеренитета Китая, фактически Корея пользовалась полной самостоятельностью не только во внутренней, но и во внешней политике и даже оказывала некоторую военную помощь Китаю. В 1482 г., например, корейские войска наголову разбили крупные силы кочевников, напавших на китайскую границу в Южной Маньчжурии. В середине XV в. не раз в Сеул приезжали послы из японских княжеств и с островов. Регулярные торговые отношения поддерживались с князем японского острова Цусима.

XV и XVI века были также временем нового подъема корейской культуры. Как уже упоминалось, в Корею был изобретен подвижной металлический штрифт для печатания книг. По всей вероятности, изобретение было сделано раньше, но к этому году относится указ одного из королей об отливке 100 тыс. медных литер. За 50 последующих лет таких указов было издано одиннадцать, что свидетельствует о большом распространении книгопечатания. Важным событием культурной жизни Кореи было завершение многотомного исторического труда «Тонгук лён гам», подробно излагавшего историю Кореи с древнейших времен до 1392 г.

Однако подъем, наметившийся после изгнания монголов, был относительно непродолжителен. В середине XVI в. все явственнее стали обозначаться признаки кризиса и упадка. Закончив дележ полученных от церкви и знати земель, заполнив свободные должности в центральном и местном аппарате, дворянство решительно усилило эксплуатацию крестьян. Налоги и поборы возросли до крайних пределов, крестьянское хозяйство разорялось. Началась борьба за власть, за право распоряжаться государственным имуществом, не затихавшая ни на один год, а со второй половины XVI в. принявшая особенно ожесточенный характер. Придворные и высшие сановники объединились в два враждующих лагеря, за

которыми закрепились названия по месту происхождения их руководителей: *тонин* — восточные и *соин* — западные. Между обеими группировками не прекращалась ожесточенная борьба. Победа каждой из них сопровождалась полной сменой всех высших и средних чиновников. Дорвавшись до власти, представители одержавшей верх группировки стремились всеми средствами обогатиться. Все пышнее расцветали взяточничество и продажа должностей, утаивание собранных налогов; широко практиковались незаконные дополнительные поборы и налоги.

Крестьянство и городская беднота отвечали господствующему классу сопротивлением. В стране обострялась классовая борьба. В городах и деревнях происходили вооруженные восстания. В 1504 г. восстание вспыхнуло в Сеуле. После жестоких боев оно было подавлено, но напуганная знать сочла целесообразным устранить короля, чтобы успокоить недовольство горожан. Король Чунчжон, вступая в 1506 г. на престол, вынужден был даже обратиться к народу с обещанием покончить со всеми злоупотреблениями и заботиться о процветании народа. Новое возмущение в столице произошло в 1548 г. в правление малолетнего короля, при котором фактическая власть находилась в руках его матери-регентши. «Наша правительница и ее фавориты откармливаются на подати и доходы от земельных налогов. Это привело к разорению все королевство», — гласили появившиеся в Сеуле плакаты. Но и это восстание было подавлено. Крестьянские выступления, постоянно происходившие в различных районах страны, в 1563 г. вылились в большое восстание, начавшееся в Янгдзю и охватившее значительную территорию. Против повстанцев были брошены королевские войска. После ожесточенной борьбы восстание было подавлено.

К середине XVI в. военные силы Кореи оказались ослаблены. Установленная Тхэ Чжоном воинская повинность фактически прекратилась. Широкое распространение получила практика откупа от воинской службы. Местные чиновники за взятки освобождали рекрутов, показывая, однако их имена в списках призванных. Разрыв между списочным и реальным составом войск был чудовищным. В полный упадок пришли некогда мощные прибрежные крепости. На низком уровне стояла и военная техника. В то время как японцы позаимствовали у европейцев огнестрельное оружие, в Корее о нем не имели понятия.

В XVII в. Корее пришлось обороняться от натиска японцев, маньчжуров. Она не раз подвергалась опустошению, столица не раз бывала разграблена. Хотя Корея сумела отстоять самостоятельность, но в результате этих набегов, борьбы дворянских группировок за власть, обнищания крестьянства ее высокоразвитое сельское хозяйство пришло в упадок. Ремесло и торговля, достигшие значительных успехов в XV, XVI, начале XVII в., были подорваны. Корейская культура задержалась в своем развитии и переживала застой. Она вступила в полосу длительного кризиса, который затянулся до XIX—XX вв., когда, превратившись в слабую, отсталую страну, она столкнулась с империалистическими хищниками.

ЯПОНИЯ В XII — XVI вв.

Две формы сложившейся в Японии поместной собственности, описанные выше, породили острую борьбу, в которой на почве захвата земли и крестьян столкнулись между собой феодалы, и все они вместе — с государственной властью в лице номинальных властителей — императо-

ров — и фактических правителей — «канцлеров» из дома Фудзивара, владевших обширными поместьями, охраняемыми силой государства. Этой силе другой лагерь феодалов, главным образом провинциальных, мог противопоставить только силу оружия. Собственные отряды владельцев поместий формировались преимущественно из верхнего слоя крестьянства, так называемых *нануси* (крестьянских старост). Это была хозяйственно наиболее крепкая и самая влиятельная часть крестьян, поскольку в авторитете *нануси* большую роль играла традиция: пост старосты обычно составлял наследственную прерогативу определенных семей.

После победы коалиции во главе с фамилией Минамото в 1223 г. последние попытки сопротивления новому режиму со стороны аристократии и императорского дома были жестоко подавлены. В Киото были введены для постоянного пребывания камакурские гарнизоны.

Господствующий класс составили владельцы поместий, феодалы, владеющие почти всем земельным фондом страны, распоряжавшиеся крестьянством и создавшие собственный административно-политический аппарат. Его наиболее привилегированную часть составили так называемые вассалы *гокэнин*, т. е. феодалы, находившиеся в непосредственном подчинении верховному сюзерену — сёгуну; второй слой составляли феодалы, не являвшиеся непосредственными вассалами сёгуна (*хигокэнин*).

Под управлением этого дворянства находился «простой народ» (*бонгэ*), «люди земли» (*тигэ*). Большинство его составляли крестьяне, жившие в поместьях и обрабатывавшие земли как свои постоянные участки. Они вели хозяйство самостоятельно, но платили владельцам поместий оброк в размере 40—60% урожая. В случае военных столкновений значительная часть этих крестьян входила в отряды своих господ в качестве пехотинцев.

Другую часть «простого народа» составляли ремесленники и торговцы, в те времена еще не вполне отделившиеся друг от друга. С XIII в. они стали объединяться в особые корпорации, носившие название *дза* и существовавшие при монастырях, отдельных феодалах, наконец, при самом правительстве в Камакура. От феодальных сеньоров они получали право монопольного изготовления и продажи какого-либо товара в определенном районе; патроны своей военной силой ограждали их от нападений на дорогах и от конкуренции со стороны «диких» ремесленников и торговцев (*вакиури*). Сеньоры за все это взимали с них натуральную ренту в виде изделий их ремесла; прибегали нередко и к единовременным поборам. Они также вводили определенные ограничения, касавшиеся как численности таких объединений, так и их местонахождения.

Кроме таких ремесленно-торговых корпораций, появились и объединения поставщиков продуктов питания (*кёгонин*). Они получали от монастырей или феодалов, под защиту которых отдавались, монопольное право на какой-либо вид продуктов (например, право на рыбную ловлю, на разведение птицы). Наконец, серьезное значение получили и оптовые торговцы, обычно занимавшиеся по поручению феодалов сбором и доставкой продукции, взимаемой в виде оброка.

Административное деление страны на провинции осталось в XIII в. прежним, только во главе каждой из них были поставлены протекторы (*сюго*) — уполномоченные сёгуна, соединявшие в своих руках одновременно и гражданскую и военную власть. На эту должность назначали обычно наиболее сильных и считавшихся преданными сёгуну феодалов. Центральный правительственный аппарат слагался из трех главных учреждений: главной административной палаты, главной судебной палаты и

воинской палаты — особого органа, ведавшего специально воинским словом.

В результате изменения социально-экономических и политических условий в стране прежние законы, связанные с надельной системой, естественно, оказались устаревшими, и возникла необходимость в создании нового свода законов, который и был издан в 1232 г. (так называемый «Дзээй-сикимоку»).

К сказанному следует добавить только одно: во главе всего управления с 1219 г. стали правители не из дома Минамото, а из дома Ходзэ, находившегося сначала в вассальных отношениях к Минамото, бывшего его ближайшим помощником во время войны, при организации нового управления страной, но затем отстранившего своих сюзеренов от власти. Фамилия Ходзэ правила Японией по 1333 г. с титулом «держателя власти» (сиккэн).

Камакурские правители хорошо знали, что делалось в это время на материке. Они знали, что в 1269 г. Южносунская империя пала и весь Китай захвачен монголами; знали, что в 1273 г. монголы подавили последние попытки сопротивления и на Корейском полуострове, подступив уже к самому порогу Японии. Монголы сами заявили о себе: два раза — в 1268 и 1269 гг. — они посылали в Японию послов с требованием подчиниться верховной власти Великого хана. Оба раза сиккэны Ходзэ на эти послания не дали никакого ответа. Стало ясно, что война неминуема.

Японцы начали усиленно готовиться к обороне. На юго-западной оконечности о-ва Хонсю и северо-западном побережье о-ва Кюсю — местах, отделенных от Корейского полуострова узким Цусимским проливом, — стали возводиться укрепления, так как было ясно, что монголы попытаются высадиться именно здесь. Японские суда, многие из них под видом пиратов, следили за морем, а также и за тем, что делается на полуострове. Поэтому сиккэны Ходзэ были хорошо осведомлены о всех военных приготовлениях монголов.

На участках, где было возможно нападение, сосредоточились дружины местных феодалов; на помощь им были двинуты войска из глубины страны. Было построено много легких, подвижных судов, предназначенных для шалетов на большие суда монголов.

Как было описано выше, в разделе о Корее, первое нападение на Японию состоялось в 1274 г. Монголо-корейские силы легко справились с японцами, укрепившимися на промежуточных островах — Цусима и Ики. Оба правителя этих островов были убиты, а сами острова опустошены. Монгольский флот, в состав которого входили и корейские суда, подступил к о-ву Кюсю у гавани Имацу. Монголы пустили в ход свои огнеметные орудия: началась настоящая бомбардировка побережья с моря, прикрываящая огнем высадку десанта. Защитникам Японии помогли два обстоятельства: гибель в бою монгольского главнокомандующего Лю и тайфун. В результате монголы вынуждены были на время отступить. Удача, однако, внушила японцам такую уверенность в успехе, что Ходзэ Токимунэ, бывший тогда правителем, приказал перебить монгольских послов, явившихся в 1275 г. с требованием отдаться под власть хана Хубилая. Но в 1281 г. против Японии были двинуты сразу две флотилии. Японцы, действовавшие на своих легких судах, успели нанести чувствительные удары слабому восточному флоту до появления главных сил — южного флота. Когда он, хотя и с опозданием, прибыл, начался ожесточенный обстрел побережья из всех метательных и огнеметных орудий того времени. Вряд ли японцам удалось бы справиться с силами Хуби-

лая, если бы опять не разразился тайфун, еще более сильный, чем первый. Большие суда монголов, не умевшие маневрировать, сталкивались; попытки спасти корабли сцепляя их друг с другом цепями приводили только к тому, что один тонущий корабль тянул за собою и другие. Японцы назвали тогда этот спасший их тайфун «божественным ветром» (*камикадзэ*), веря, что он был ниспослан богами их страны. В период недавней тихоокеанской войны этим же именем назвала японская шовинистическая и милитаристская пропаганда летчиков-смертников, обрушившихся на американские корабли вместе со своими самолетами.

Несмотря на вторую неудачу, монголы еще долго держали японский народ в напряжении. До японцев доходили вести, что Хубилай готовит третью экспедицию, поэтому оборонительные приготовления продолжались, требуя больших материальных средств, главным источником которых было крестьянство. Таким образом, монгольская опасность сильно отразилась на положении крестьян, с которых брали большие оброки, чем при обычных условиях. Ухудшилось и положение низшей части феодального дворянства — мелких ленников. Для получения средств к жизни они стали закладывать земли ростовщикам; началась и продажа земли. Тем самым подрывались экономические основы того социального слоя, который был опорой государственной власти. Поэтому правительство Ходзэ вынуждено было запретить продажу дворянских земель купцам. Когда же этот запрет не достиг своей цели, так как обедневшие вассалы прибегали ко всяким формам скрытой продажи, правительство решилось на крайнюю меру: все сделки по купле-продаже, займам и закладам, совершенные этим слоем дворянства, были объявлены лишенными силы. В первый раз в широком масштабе это было сделано в 1297 г. в форме указа, получившего название «Токусэй-ре». С того времени такие аннулирования земельных сделок стали обычной формой борьбы феодалов за сохранение земельных владений.

Другим последствием монгольской опасности стало развитие пиратства. Выше уже упоминалось о частых набегах японских пиратов на побережье Кореи. Постройка во время борьбы с монголами множества судов, их вооружение, привлечение к морской службе населения вызвали расширение района действий японских пиратов, и в XIV в. они появляются уже и у побережья Китая. Начинает развиваться одна из ранних форм внешней торговли — пиратская торговля.

Важным последствием борьбы с монголами было нарушение равновесия между двумя основными частями страны — юго-западом и востоком. Средства, затраченные на оборону юго-западных границ, которым угрожали монголы, экономически усилили местных феодалов, а крупные военные силы, оказавшиеся в их распоряжении, увеличили их военное могущество. Развитие пиратской торговли приводило к обогащению торгово-ремесленного населения юго-западной части страны, входившей в орбиту этой торговли.

В связи с этим более быстрыми шагами стало развиваться в этих местах и ремесло. Восток же страны оставался главным образом сельскохозяйственным, феодалы там были гораздо беднее, ремесло и торговля менее развиты. Жизненный центр страны постепенно стал перемещаться на запад.

Все это способствовало возобновлению борьбы между феодалами юго-запада и востока. В первое время — с начала XIV в. — она выражалась в форме мятежей отдельных феодалов, почему-либо недовольных правителями из дома Ходзэ. Но постепенно в борьбу вовлекались все боль-

шие и большие группы феодалов, и в конце концов разразилась междоусобная война. На юго-западе, поднявшем знамя борьбы против Ходзё, оказались талантливые вожди — Кусуноки Масасигэ и Нитта Ёсисада. Им удалось захватить Киото и привлечь на свою сторону императора Годайго. Однако камакурский лагерь, возглавляемый сиккэнами Ходзё, был все же очень силен. Исход войны решила измена одного из главных военачальников Ходзё — Асикага Такаудзи, открывшего фронт наступающим на Камакура войскам Нитта Ёсисада. В 1333 г. г. Камакура, последний оплот Ходзё, был взят. Перестал существовать и род Ходзё, в течение почти 120 лет господствовавший в Японии.

Власть перешла, однако, не в руки победителей. Асикага Такаудзи, сохранивший в целостности свои войска, быстро двинулся на юго-запад, занял Киото и провозгласил себя сёгуном. Этот акт немедленно столкнул его со всем лагерем юго-западных феодалов. Война возобновилась, но на этот раз оба лагеря для подкрепления своего авторитета обзавелись каждый своим собственным императором: юго-западные феодалы, или южный лагерь, как их обычно называют в исторических памятниках, с Нитта Ёсисада и Кусуноки Масасигэ во главе, имели у себя императора Годайго, бежавшего из Киото при занятии этого города войсками Такаудзи; северо-восточные феодалы, или северный лагерь, как их именуют, с сёгуном Асикага Такаудзи, провозгласили императором одного из оставшихся в Киото принцев. Так началась эпоха, которую японские исторические памятники называли «Периодом двух правительств» — северного и южного (*Намбоку-дзидай*).

Такое положение продолжалось с 1335 по 1392 г. Юго-западные феодалы, потерявшие в войне своих главных вождей — Кусуноки Масасигэ и Нитта Ёсисада, стали обнаруживать склонность к примирению. Эта тенденция крепла по мере того, как заканчивался происходивший в ходе войны передел владений. Борьба затихла сама собой, и в 1393 г. третьему сёгуну из дома Асикага, Ёсимичу, подчинились все феодалы. Южный император при этом отрекся от престола в пользу северного. Так в самом конце XIV в. в Японии установилась новая сёгунская династия — Асикага.

Этим закончился связанный с монгольскими завоеваниями процесс рестройки во всех трех странах Восточной Азии. В Китае в 1369 г. возникла империя Мин, в Корее в 1392 г. — королевство Чосон, в Японии в 1393 г. — сёгунат Асикага. Это означало не только смену правящих домов, но и переход феодализма на новый этап своей истории.

Появление новой сёгунской династии не означало, однако, установления централизованного управления страной. Были восстановлены прежние, созданные еще при первом сёгунате в конце XII в. учреждения: *мандокоро* — орган, ведавший общими вопросами управления и финансами; *мондзюсё* — орган по заведованию земельными и судебными делами; *самурайдокоро* — управление по делам самураев. Но сфера действия этих учреждений ограничивалась лишь территорией, подвластной сёгуну, которую составляли лишь провинции, лежавшие вокруг г. Киото — резиденции новых сёгунов. Вся остальная часть страны находилась в руках местных феодалов; восточная часть о-ва Хонсю, десять провинций области Канто с г. Камакура как центром составляли, в сущности, почти отдельное владение со своими верховными сюзеренами — другой ветвью дома Асикага, со своими органами управления. Эти сюзерены не носили титула сёгуна; они считались только *канрё* («управляющими»), заместителями сёгунов, что не мешало им считаться с сёгунами лишь в той степени, в какой им было выгодно или необходимо. И так же как сила

сёгунов зависела от их отношений с феодалами центральной и западной части страны, от отношений с феодалами востока страны зависела сила наместников Канто. Вряд ли следует добавить, что императоры в Киото вообще никакой самостоятельной роли не играли.

Подобная обстановка не могла принести какой-либо политической стабилизации. Междоусобная борьба феодалов продолжалась и после видимого объединения страны под властью новых сюзеренов. Самим сёгунам приходилось отстаивать свою власть от постоянно появляющихся соперников из числа *сюго* — «протекторов» провинций, превратившихся из представителей сёгунов на местах, кем они были при первом сёгунате, во владетельных князей подконтрольных им территорий. В 1389 г. произошло столкновение с Доги, протектором трех центральных провинций; в 1391 г. — с Ямана, протектором одиннадцати провинций; в 1399 г. — с Оути, протектором шести провинций. Шли столкновения между сёгунами и их наместниками в Канто, между этими наместниками и подчиненными им феодалами.

До середины XV в. такие столкновения заканчивались для сёгунов благоприятно, а на востоке в 1439 г. им удалось даже полностью ликвидировать самостоятельность Канто. Но это не привело к укреплению положения сёгунов. Столкновения продолжались — и внутри самого сёгунского дома, и в среде приближенных феодалов, составлявших опору их власти, — домов Сиба, Хатакэяма и Хосокава, члены которых поочередно занимали закрепленный за этими домами в наследственном порядке пост *киото-канрё* (первого министра сёгунского правительства), и среди феодалов на местах. Высшей точкой в этом процессе стала междоусобная война 1467—1477 гг., вошедшая в историю под наименованием «Смута годов Онин» — по названию годов правления, когда она началась.

Поводом к этой войне послужило соперничество ближайших к сёгуну феодальных домов — Сиба, Хатакэяма, Хосокава и Ямана. Стремясь к укреплению и расширению власти, они хотели иметь на посту сёгуна своего ставленника. Поэтому, когда в 1467 г. встал вопрос о преемнике скончавшегося сёгуна, образовались две группы, имевшие каждая своего кандидата, и вспыхнула вооруженная борьба. В эту борьбу были втянуты другие феодалы, так что Япония распалась на два вооруженных лагеря — восточный с Хосокава во главе и западный во главе с Ямана. Война продолжалась 11 лет. За это время оба главных предводителя умерли, и военные действия стали затухать, пока в 1477 г. совсем не прекратились. Новый вождь западного лагеря — Оути Масахиро вернулся в свои владения. Обе стороны были обессилены столь долгой и опустошительной войной, и потому произошел новый передел владений, и феодалы опять нуждались в какой-то передышке, чтобы закрепиться в них. В этой войне всякие следы центральной власти исчезли: завершился начавшийся еще в XIII в. процесс вступления Японии в полосу феодальной раздробленности. Закрепление этого состояния происходило в обстановке больших изменений в аграрном строе страны. Главное в этих изменениях — распад системы поместий (*сёэн*), какой она сложилась в раннее средневековье.

Напомним, что с X в. в поместьях стали возникать сложные имущественные отношения: был главный владелец (*хонсё, рёка*), были и непосредственные хозяева земли, вынужденные по разным причинам ради сохранения своего земельного владения передавать собственность на него более могущественному феодалу. С образованием в конце XII в. первого сёгуната положение в поместьях еще более осложнилось: феодалы-побе-

дители, воины лагеря Минамото, вступили в эти поместья как *дзито* — своего рода политические комиссары новой власти. Их положение поддерживалось всем режимом централизованного военного управления страной, непосредственно же — властью *сюго*, т. е. военных губернаторов, поставленных в провинциях под сохранявшимися там еще некоторое время прежними гражданскими наместниками. *Дзито* не только контролировали деятельность владельцев поместий, не только собирали военный налог для центрального правительства, но и присваивали часть продукции. Постепенно же они стали превращаться в фактических хозяев поместий, а *сюго* — в их верховных собственников. Так были оттеснены прежние *хонсё* и *рёка*, и на их месте стали *даймё* — так стали называть *сюго*, т. е. крупных феодалов, превратившихся во владетельных князей; бывшие же *дзито*, ставшие на место прежних фактических хозяев поместий, превратились в вассалов-ленников этих *даймё*.

Установившаяся самостоятельность крупных владений одним из последствий имела то, что отдельные районы страны зажили своей самостоятельной жизнью. Это привело к их экономическому подъему.

На первых порах феодалы вынуждены были держаться в известных рамках, позволяющих крестьянам сохранять заинтересованность в эффективности своего труда. Так, в большинстве случаев установилось, что четыре части урожая из десяти шли феодалам, шесть оставались у земледельца. Сохранение заинтересованности и известная свобода хозяйственной инициативы крестьян привели к серьезным успехам сельского хозяйства, выразившимся прежде всего в увеличении числа культур: в XV в. на японских полях выращивалось до ста сортов риса, двенадцать сортов пшеницы, ячменя, проса, четырнадцать сортов бобовых. Благодаря применению водяного колеса улучшилась техника полива, а в связи с этим почти повсеместно крестьяне стали снимать два урожая в год. Широкое распространение получили промысловые культуры хлопчатника, посевы которого до этого практиковались лишь в южной части страны, конопля, масличные растения, лаковые деревья, из которых приготовлялись красители. Путем освоения нови увеличилось число обрабатываемых земель. Это происходило благодаря оседанию на земле значительной части *ронин*ов, т. е. недавних воинов-самураев, в междоусобных расприх согнанных со своих земель и лишившихся своих сенъеров (в те времена *ронинами* называли и вообще всех бездомных и безземельных, в том числе беглых, крестьян).

Все это имело своим следствием рост сельскохозяйственной продукции, способствовало расширению производства и торговли. В то же время на производство и торговлю благотворно влияли увеличение числа потребителей в лице возрастающего населения городов, общий рост потребностей в связи с усложнившейся жизнью и развившейся культурой. Это привело к образованию слоя посредников по сбыту сельскохозяйственной продукции, державших амбары и склады. Часть их, получившая название «цугикура», занялась еще винокурением, превращаясь таким образом в *сакая-цугикура* — ссыпщиков-винокуров. Вследствие же того, что сельскохозяйственная продукция стала в большом количестве поступать на городской рынок, часть *цугикура* стала оптовыми торговцами — *тонъя*, или *тоя*. Все они занимались и ростовщичеством. Со второй половины XIV в. этот слой стал экономически настолько силен, что ощутительно влиял не только на феодалов, но и на правительство сёгуна.

В связи с развитием ремесленного производства резко возросло число корпораций *дза*. Усилилось и разделение труда: как отдельные отрасли

развивались производства строительное, ткацкое, металлическое, оружейное, керамическое, прикладное искусство. *Дза* стали работать не только непосредственно на заказчика, как раньше, но и на рынок, что способствовало росту и учащению периодических рынков — ярмарок — и возникновению постоянных рынков в городах. Ремесло, отделившееся от сельского хозяйства, стало все решительнее отделяться и от торговли. Появились поэтому *дза* — производственные (ремесленные) цехи и *дза* — торговые (купеческие) гильдии. Возникли фирмы, т. е. купеческие дома, принимавшие особые фирменные обозначения, *яго*. Это были главным образом оптовые торговцы солью, строительными материалами, рыбой, рисом, бумагой. По дорогам страны во множестве бродили странствующие торговцы.

Торговля велась на деньги. Главную массу денег составляли медные монеты, ввозимые из Китая, сначала сунской чеканки, затем — минской. Особой популярностью пользовались «монеты Юнлэ». Как упоминалось выше, эти монеты в XV в. были своего рода международной валютой, на которую велась торговля во всей Восточной Азии, в Индокитае и даже странах Южных морей.

Развитие денежного обращения вызвало в Японии усиление добычи меди, серебра и золота. Медь вывозилась в Китай, откуда частично возвращалась обратно в Японию в виде монет. *Даймё*, во владениях которых оказывались рудники, всеми мерами старались увеличить добычу. Благодаря применению улучшенной техники, большей частью заимствованной из Китая, повысилась добыча серебра на рудниках Садо, Ивами, Тамба, золота на рудниках того же о-ва Садо и пров. Тамба. Обладание этими рудниками способствовало усилению феодалных домов Уэсуги, Такэда, Оути, к XVI в. превративших свои владения в крупные самостоятельные княжества.

Большой размах приняла внешняя торговля. Первое место занимали торговые отношения с Китаем, начало которых относится еще к XIII в., когда их вели почти исключительно пираты. В XIV в. японские пираты стали грозой на всем побережье континента — от Ляодуна на северо-западе Корейского полуострова до пров. Фуцзянь у Тайваньского пролива в Китае. Грозой они были для местного населения, которое грабили, а частично и уводили для продажи в рабство, но гораздо больше — для местных властей, в ведении которых находились склады со сданным в виде налога зерном и другой продукцией; эти склады подвергались ограблению в первую очередь. Иным было отношение к пиратам со стороны части китайских и корейских торговцев, входивших с ними в сделки по контрабандной торговле; бывали случаи, что пираты находили хороший прием и у части местного населения, когда оно бывало особенно недовольно поборами и вымогательствами властей; в этих случаях население присоединялось к пиратам, когда те громили местные правительственные учреждения.

Чжу Юань-чжан, первый император минской династии, вынужден был поэтому обратить на набеги японских пиратов серьезное внимание. Помимо усиления охраны побережья правительство Минской империи стало требовать мер по подавлению пиратов и от правителей Японии, где к этому времени также ощутилась необходимость в развитии мирной торговли, тем более что торговля с Китаем приносила огромные барыши. Из Японии в Китай везли медь, серу, мечи, кольчуги, копыя, изделия из лака, ширмы, веера. Цены на эти предметы в Китае были в пять-шесть раз выше цен в Японии. Из Китая вывозили шелк-сырец,

холст, парчу, выделанное железо, фарфор, лекарства, картины, книги. Цены на все это в Японии были в три-четыре раза выше китайских. Одной из самых важных статей вывоза из Китая были деньги, медная монета. Как было указано выше, японские феодалы своих денег не чеканили, а если и пытались это делать, то еще в незначительных размерах и, главное, плохого качества. Размах же торговли все время увеличивался, и для обеспечения ее дальнейшего роста требовалась во все возрастающем количестве денежная масса.

Нажим на правительство со стороны купцов выразился в том, что они заставили сёгунов принять те условия ведения мирной торговли, которые ставило правительство Минской империи: оно согласилось разрешить ввоз японских товаров и вывоз своих только на основе специальных лицензий, выдаваемых в числе, определяемом самим правительством; разрешение торговать сопровождалось политическим требованием признания Японии вассалом китайского императора. Ёсимицу, третий сёгун из дома Асикага, при котором произошло объединение страны, в 1401 г. согласился на эти условия и получил от китайского императора титул «Ниппон-кокуо» — «вана (князя) Японии»; он обязался при этом принять самые строгие меры против пиратов.

Согласиться с требованиями правительства Минской империи побудили сёгуна прежде всего соображения собственной выгоды — как политической, так и экономической. Получение титула «вана Японии» означало в те времена официальное признание правительства сёгуна Китаем; получив же от китайского правительства определенное число лицензий, устанавливающих число судов, отправляемых в Китай, Ёсимицу мог использовать эти лицензии, снабдив суда сам, или предоставить их другим, взимая за это солидный куртаж. Выгоды торговли с Китаем побудили приняться за нее всех тех, кто обладал тогда в Японии капиталами. Это были купцы торговых городов, особенно Хаката и Сакай, богатые монастыри, могущественные феодалы и сам сёгун. Но так как число лицензий было ограничено, между ними развернулась борьба. Особенно ожесточенно она велась между торговыми домами городов Хаката и Сакай. Первые, недовольные тем, что большая часть лицензий попадала в руки купцов г. Сакай, стали действовать с помощью Оути — могущественного феодала юго-западной части о-ва Хонсю. Через своих агентов в Китае они добились того, что в 1468 г. лицензии были переданы не сёгуну, а князю Оути. Однако реализовать эти лицензии князю было трудно, так как для допущения японского корабля в китайский порт нужна была виза — красная печать «вана Японии», т. е. сёгуна. На этой почве развернулась борьба князей Оути с сёгунами Асикага, приведшая в дальнейшем к тому, что князь Оути был признан китайским правительством «королем Японии» и стал полномочным обладателем красной печати и лицензий. Подобные же формы с 1414 г. приняла торговля Японии и с Кореей. Однако с 1443 г. она повелась исключительно через князя о-ва Цусима, которому предоставляли все лицензии. Как в Китае, так и в Корее были определены особые порты для ввоза японских товаров. Главными из них в Китае был Нинбо, в Корее — Пусан.

Причиной, побудившей китайское правительство установить в торговле с Японией, как и другими странами, систему лицензий, было не только стремление держать внешнюю торговлю под своим контролем, но и желание сохранить в своих руках долю приносимых ею барышей. К этому стремились и чиновники, приставленные к торговле. Напомним, что

как за спиной сёгунов, князей и монастырей в Японии скрывались купцы Сакай или Хаката, так и за спиной китайских чиновников фактически действовали китайские купцы.

Развитие торговли с Китаем оказало большое влияние на добывающую промышленность Японии. Феодалы начали разрабатывать те горные богатства, которые оказались в их владениях: золотые и серебряные рудники на о-ве Садо, золото в Суруга, золото и медь в Кай, Синано. Это способствовало усилению некоторых военных домов, их стремлению избавиться от опеки верховного сюзерена — сёгуна. На этой почве начиналось укрупнение феодальных владений, отход целых районов в сферу влияния какого-нибудь феодального дома. Проявлением таких тенденций служат войны, разгоревшиеся в середине XV в. (так называемые войны Онин, 1467—1468 гг.) и знаменующие окончательный переход Японии от мелкого феодального поместья к крупному феодальному княжеству, строящему свое хозяйство не только на эксплуатации крестьян, но и на развитии ремесел, торговли и даже добывающей промышленности. Во главе таких княжеств становились в большинстве случаев потомки тех военных администраторов (*сюго*) отдельных районов, которые были направлены в провинцию во время Камакурского сёгуната и выступали как главы самурайства данной местности.

Переход Японии к феодальной раздробленности сопровождался развитием городов как средоточий производства и торговли. Одни из таких городов вырастали из старых административных центров (Киото, Камакура). Другие, например Удзи-Ямада и вновь ожившая в XIV в. Нара, возникали около крупных монастырей. Третьи развивались в местах удобных гаваней (Сакай, Ямана, Хёго, Оминато, Хаката). Однако для данного времени наиболее типичным стал город — призмковый посад, складывавшийся в результате сселения феодалами значительной части вассалов в округу своего замка и большим числом потребителей привлекавший сюда ремесленников и торговцев. Крупными городами такого типа стали Ямагути — резиденция князей Оуги, Сумпу (Сидзуока) — резиденция князей Имагава.

В XV в. в Японии обострились социальные противоречия. Одним из их проявлений были столкновения ремесленного и купеческого населения городов с феодалами, во владении которых эти города находились. Выше было упомянуто о появлении ростовщиков, оптовых торговцев, винокуров. Пользуясь своей имущественной силой, они заставляли феодалов передавать себе даже должности *дайканов* — управляющих отдельными частями городского хозяйства. Сёгун, а за ним и местные феодалы со своей стороны накладывали на них различные пошлины. Особенно же сильным средством воздействия на *дайкан* были единовременные налоги, которые иногда накладывались по двенадцати раз в год. Это вызывало сопротивление. Так, в 1431 г. рисовые оптовые торговцы в Киото в ответ на новое обложение резко подняли цены на рис. Когда последовало распоряжение правительства сёгуна об установлении предельных цен, торговцы прекратили торговлю, приостановили подвоз. Сёгун приказал схватить и казнить главарей, но его чиновники не рискнули это сделать — не только из боязни возбудить еще большее сопротивление столь влиятельных лиц, но и потому, что сами были в долговой зависимости от них. Пришлось обложение снять.

Борьба ремесленно-купеческого населения с феодалами выражалась в форме захвата у феодалов городского управления. Это удалось сделать в нескольких городах, полнее всего в Сакай, Ямана и Оминато. В них

появились органы купеческого самоуправления, появилась и своя городская стража из наемников-самураев.

Неизмеримо больший размах получила борьба крестьянства. Крестьяне сильно страдали от феодальных междоусобиц, часто опустошавших целые районы и увеличивавших тяжесть поборов, от гнета ростовщиков — упомянутых выше ссыпщиков-винокуров. С другой стороны, в обстановке междоусобицы крестьяне получали временами известную свободу. Так получалось тогда, когда рушился местный владетельный дом и на время крестьяне оказывались предоставленными сами себе. Кроме того, многие из крестьян привлекались в качестве пехотинцев (*асигару*) в отряды феодалов и тем самым приобретали некоторый военный опыт и навыки организации. Все это привело к тому, что в XV в. стали часты вооруженные восстания крестьян.

Первое из крупных выступлений произошло в 1428 г.; толчком к нему послужили недород и последовавший голод, невозможность уплаты налогов и долгов ростовщикам. Вспыхнувшее восстание охватило значительную часть центральных провинций вокруг Киото. Восставшие нападали на ссыпщиков-винокуров, ростовщиков, на оптовых торговцев, громили их дома и склады, забирали обратно заложенные вещи, сжигали долговые расписки. Лишь с большим трудом властям удалось подавить это восстание в районе Киото; в других местах пришлось снять недоимки.

Второе крупное восстание произошло в 1429 г. в пров. Харима. От предыдущего оно отличалось своей направленностью: крестьяне выступили непосредственно против феодалов с весьма радикальным требованием — «не допускать существования в их провинции самураев».

Одно из подобных восстаний, вспыхнувшее в 1478 г. в пров. Ямасиро, отличалось и наибольшей организованностью, и своим характером. Оно произошло как раз в тех местах, где велись главные военные действия во время «Смуты годов Онин». Крестьяне, страдавшие от бесконечных поборов, от сборов с проезжих и с прохожих, бравшихся на заставах, которые всюду ставили феодалы, от поборов феодалов в областях, разоренных войной, создали общий сход. Сход принял решение: войска феодалов изгнать, заставы уничтожить. Началось формирование крестьянской армии. Предводителям обеих враждующих сторон было предъявлено требование — немедленно покинуть пределы провинции. Феодалы, и так уже ослабленные многолетней борьбой, очутившись перед перспективой сражаться еще с крестьянской армией, приняли это требование: войска их были отведены. Случилось нечто небывалое: провинция осталась без феодалов. В 1479 г. состоялся новый сход. На нем крестьяне установили свои законы, выбрали уполномоченных, которые посменно вели дела, определили сборы на общие нужды. Только через несколько лет феодалы могли собраться с силами, чтобы разгромить этот очаг крестьянского самоуправления.

* * *

Еще в XII в. в Японии стали возникать новые направления в буддизме — секты, как их обычно называют. Одни из них, как, например, секта дзэн (кит. чань), перешли в Японию из Китая; другие, как, например, хоккэсю, возникли на японской почве. Основой возникновения новых толков буддизма послужили те перемены, которые произошли в японском обществе в связи с крушением режима старой аристократии

и установлением военно-феодалного режима сёгуната. Борьба между двумя группами господствующего класса захватила и народные массы, среди которых распространились такие секты, как хоккэсю, основанная Нитирэном, резко обличавшим «неправду» феодалных князей. Подобные секты стали впоследствии играть известную роль в крестьянской борьбе против феодалов, особенно секта иккэсю, под знаком которой проходили крестьянские восстания в XV в.

Среди господствующего класса XIV в. особое распространение получила секта дзэн. Выдвигая на первый план практику так называемого созерцания, медитации, она тем самым усиливала в буддизме рационалистическую струю, решительно отстраняя веру в магическое значение религиозных актов и связанную с ними обрядность. Своим же культом воли и самообладания она отвечала требованиям, предъявлявшимся к воспитанию характера воина.

С сектой дзэн связано развитие эстетики, оказавшей огромное влияние на японское искусство, особенно на живопись. Принцип этого искусства — выражение максимального содержания минимумом художественных средств и их предельной внешней простотой; наилучшим же объектом, через который могло быть выражено самое сильное человеческое чувство и сама глубокая мысль, считалась природа. Отсюда развитие живописи с изображением гор и воды, цветов и птиц; человек также мог изображаться на такой картине, но только в общем целом с природой. Это направление складывалось под большим влиянием китайской живописи того времени, почему его и называют китайской школой. Крупнейшим художником этой школы был Сэсю.

Национальную линию в живописи, представленную в XIII в. школой Тоса, продолжал Кано Масанобу, основатель школы Кано, впоследствии ставшей главным направлением японской живописи. В отличие от китайской школы школа Кано культивировала красочность, яркую выразительность, мужественность в рисунке, колорите.

Помимо живописи в XIV—XV вв. в Японии развивались архитектура и парковое искусство. Новое направление в архитектуре, гармонично совместившее в себе старые национальные традиции с элементами китайской архитектуры, проявилось в постройке дворцов, буддийских храмов, жилых домов знати. Замечательными памятниками архитектуры этого времени являются знаменитые Золотой павильон (Кинкакудзи), выстроенный в 1397 г. в Киото сёгуном Ёсимицу, и Серебряный павильон (Гинкакудзи), выстроенный в 1473 г. сёгуном Ёсимаса.

В междоусобной борьбе, которую вели японские феодалы в течение XII—XV вв., сформировался тип японского самурая (*буси*), близкий к типу западноевропейского средневекового рыцаря. Художественное отражение он получил в рыцарском эпосе, возникшем и развивавшемся в эти века и принявшем форму *гунки* — военных эпосов. Наиболее выдающимися из них являются две эпопеи — «Хэйкэ-моногатари» («Повесть о Тайра») и «Тайхэйки» («Повесть о великом мире»). В первой из них, возникшей в конце XII — начале XIII в., рисуется борьба Тайра и Миnamото, приведшая к образованию сёгуната; во второй, созданной в середине XIV в., рассказано о борьбе между восточными и западными феодалами 30—40-х годов XIV в. Обе эпопеи сложились на основе народных устных сказаний, которые странствующие сказители (обычно слепцы) под аккомпанемент домры (*бива*) излагали речитативом перед своими слушателями и в которых повествовалось о событиях, сохранившихся в памяти народа.

XIV—XV века составляют знаменательную полосу в истории и японской литературы и театра: именно тогда в Японии возникли театр и драма, в то время неотделимые друг от друга, так как сценический текст рождался в процессе представления, а сами представления выросли из народных плясок и танцевальных сцен с пением и музыкальным сопровождением. Как представление в целом все это именовалось *но* («действие»), сам текст — *ёкёку*. Сюжетами представлений служили храмовые легенды и предания, героические сказания, романтические истории, бытовые происшествия. Именно последние три вида сюжетов и составляют истинное зерно этих пьес, несмотря на густой налет буддизма, состоящий в навязывании сюжету буддийского тезиса о бренности этого мира и о возможности спасения от зол и преступлений этой жизни лишь с помощью будд и бодисатв. Крупнейшим автором этих пьес и одновременно создателем теории этого искусства был Сэами.

Полностью народный характер сохранили фарсы (*кёгэн*), развившиеся из уличных представлений бродячих комедиантов. Главное в них — изображение смешного, но зачастую с издевкой городских простолюдинов над феодалами и монахами, выставленными одни — как чванные глупцы, другие — как распутники и стяжатели. Постоянный персонаж в этих фарсах — слуга, то хитрец, обманывающий своего господина-феодала, то недалекий паренёк, вечно попадающий впросак.

Большое развитие получила в эти века и поэзия. Новой почвой, на которой она стала развиваться, были *дза* — цехи и гильдии. Члены этих корпораций с увлечением занимались слаганием стихов, устраивали состязания, на которых специальные судьи (*метчики*) давали свои оценки, зависевшие главным образом от соблюдения поэтами установленных правил. Возникло много школ, имевших своих мастеров, как называли наиболее искусных поэтов, и свои правила.

* * *

После убийства Асикага Ёсинори (1441 г.) власть Бакуфу начали колебать те же самые элементы — могущественные воинские дома, которые это Бакуфу создали. Вновь создаются отдельные группировки, настолько мощные, что начинают контролировать и самих Асикага. Источники смут коренятся в самом политическом строе второго сёгуна. Асикага сами создали возможность будущих осложнений установлением двух должностей: наместника, или генерал-губернатора, Канто, так называемого Канто-канрё, и премьер-министра императорского правительства, так называемого Киото-канрё. Положение почти полновластного правителя той области, которая всегда составляла оплот воинской мощи империи, неизбежно толкало кантоских *канрё* на путь сепаратизма. Сепаратизм вождей охотно поддерживался и питался влиятельными домами этой области.

Вторым источником брожения стали киотоские *канрё*, премьер-министры Бакуфу. С 1398 г. этот пост окончательно закрепился за тремя сильными фамилиями: Сиба, Хатакэяма и Хосокава, — которые занимали его в последовательном порядке. Этот порядок обуславливал и борьбу этих трех домов между собой, и внутреннюю борьбу в каждом из них на почве личных честолюбий и экономических выгод, которые такой пост предоставлял. Ко всему этому присоединился, как обычно, упадок самой правящей фамилии, которая утрачивала свой воинственный характер и впадала в изнеженность и роскошь вплоть до расточительно-

сти. Власть дома Асикага начинает близиться к концу под совместным давлением этих факторов, за которыми стоит основная и главнейшая, по существу, причина: военные дома, поддерживавшие киотское правительство, пока были заняты своим упрочением на местах, нуждались в центральной власти; окрепнув, они стихийно стремились к превращению в полных господ своей территории.

Как уже сказано выше, беспорядки, возникшие в годы Онин, разделили империю на две главные группировки — западную и восточную. Но, в сущности, боролись между собою две новые силы, образовавшиеся к тому времени: фамилия Хосокава, одна из трех, занимавших пост *канрё* в Киото, и дом Ямана — могущественных *даймё*, имевших в своем распоряжении большую воинскую силу. Борьба их захватила столицу империи и отличалась чрезвычайно ожесточенным характером. Ослабление обоих домов, смерть вождей и провозглашение сёгуном кандидата группировки Ямана, знаменовавшее собою ее преобладание, и, наконец, внутренняя дезорганизация самих воинских отрядов обеих сторон пока спасали империю от падения. Концом периода упадка можно считать 1507 г., когда пал последний оплот центрального правительства — дом *канрё* Хосокава, а вместе с ним власть Киото. Империя погружается в состояние военной анархии, в условиях которой сёгуны оказываются самыми пассивными.

Промежуток времени между 1507 и 1573 гг. — наиболее смутный и тяжелый период Японской империи. Прежде чем прийти к феодализму, страна должна была пройти через военную анархию, непрерывные гражданские войны всех против всех, через полосу личных диктатур отдельных военачальников. Лишь проделав все это, самурайское сословие завершило свой круг развития в форме феодальной империи Токугава — этой наиболее совершенной и в то же время последней формы его политической организации и социального господства. Вслед за нею наступает черед уже третьего сословия.

Период этот в японской истории носит обычно название «Сэнкоку-дзидай», т. е. период (*дзидай*) сражающихся (*сэн*) областей (*коку*), каковой термин указывает именно на войну всех против всех: не только отдельные области враждовали друг с другом, но и внутри многих из них наблюдались смуты и междоусобия. Это время господства центральных тенденций среди воинского сословия, перемещения движущих сил и передела территорий, давших в итоге к XVII в. типичные феодальные образования. Большое значение для экономики будущих феодальных владений имело то, что выдающиеся дома вроде Такэда в провинции Каи, Уэсуги — в Этиго, Мори — в Тюгоку и другие, создавая такие владения, всячески старались привлечь на свою сторону симпатии народных масс, населявших эти места, и заботились об их экономическом благополучии. Конечно, они руководствовались при этом соображениями личной выгоды, но все же благодаря таким действиям многих *даймё* среди этого бушующего моря образовывались то там, то сям очаги мирного развития и сравнительного благосостояния. Поэтому рассматриваемый период, будучи охарактеризован с трех точек зрения, может казаться совершенно неоднородным по своему содержанию: с точки зрения государственной — это эпоха полной децентрализации и политической анархии, когда единой верховной власти фактически уже не было; с точки зрения социальной — это эпоха повышенной самостоятельности отдельных групп и представителей воинского сословия, создающих свои феодальные владения; с точки зрения народных масс — это время расстрой-

ства жизни и хозяйства в одних местах, но вместе с тем нередко и большого экономического подъема — в других.

Власть центрального правительства почти нигде больше не имела значения и меньше всего могла содействовать успокоению и порядку. Но сами сёгуны постоянно вмешивались в распри военных домов, призывая то один из них, то другой к себе на помощь для усиления собственной власти. В результате они и погибли от руки ими же вызванных сил: последний сёгун Ёсиаки, обязанный своим провозглашением могучему вождю самурайских дружин — Ода Нобунага, был им же свергнут за попытку сопротивления.

Эпоха личных диктатур, наступившая вслед за распадом второй империи и выросшая на почве предыдущих смут и неурядиц, продолжалась, как, впрочем, и всюду, где такой порядок наступал в процессе социальной и политической борьбы, очень короткое время. Она насчитывает менее трех десятков лет. Наиболее общепринятой датой ее начала является год свержения известным героем Ода Нобунага последнего сёгуна Ёсиаки, т. е. 1573 г.; моментом же чаще всего почитаемым за его конец, оказывается год битвы при Сэкигахара (1600 г.), означавший переход власти из рук дома второго диктатора эпохи — Тоётоми Хидэеси в руки Токугава Иэясу, основателя династии сёгунов Токугава, удержавших ее в своих руках до революции Мэйдзи, т. е. до 1867 г. Это была последняя стадия феодализма, время постепенного выхода на политическую и экономическую арену третьего сословия и созревания капитализма.

SUMMARY

The works of the eminent Soviet orientalist, Nikolai Konrad (1891—1970), Member of the U.S.S.R. Academy of Sciences and Lenin Laureate, have earned world-wide recognition. Many of them have been translated into foreign languages. He was the only Soviet scholar to be awarded the Japanese Order of the Rising Sun.

This new edition of his collected works may be divided into two parts. One of these is already well known; it contains the articles previously published under the title «West-East»: «The Slave-Ownng Formation», «The Renaissance Epoch», «The Middle Ages in Historical Science», and «The Substance of History». Formerly they appeared in English and Japanese.

Part of the author's correspondence with the distinguished English scholar, Arnold Toynbee, who wrote to him in January 1967, and received a comprehensive reply in March, 1967, is also included here.

The articles form in themselves an important contribution to the study of such problems as unity in world history, and in the history of mankind, as an indivisible entity.

The idea of the cultural equality of East and West was pursued consistently in all Konrad's writings. He was convinced that in Eastern countries signs of a certain tardiness in reaching the high level of development that prevails in European and American countries was of a temporary nature. The world historical process affirms the general conformity for every country — western and eastern alike. Consequently, the history of peoples — in no matter which areal — may show periods of renascence conditioned by both internal and external circumstances and likewise periods of decline.

Definitely opposed to Europocentrism, N. I. Konrad was no less positive in his rejection of Asiacentrism, which could be fraught with danger in both West and East. «In the West, a kind of Asia-centrism might make its appearance among those orientalists who still consider that all light comes from the Orient, forgetting the great light of the West. As to the Asia — centrists in the East who are imbued with a perfectly natural pride in the thousands of years of their countries' history, and the vast and comprehensive development of culture in them, cease to discern the same progress, on a scale by no means smaller, in other countries — and above all, in Europe. There are no intrinsically progressive peoples, and there are none who are intrinsically backward. All the large civilized nations of East and West have known periods in their history when rapid progressive strides were made, and periods when the pace of progress slackened until perhaps it ceased altogether, resulting in temporary stagnation. No nation has the right to consider itself unique, superior to all others. Every nation should possess a sense of its own dignity and worth, but megaloma-

nia in a nation is as erroneous, dangerous and ridiculous as in an individual». In Konrad's opinion, the conception of the historical process cannot be built upon grounds limited by either Europe or Asia. The very meaning of «West» and «East» is non-historical and therefore «unreliable, not unbiased» for the purpose of scientific analysis. «Europe», «Asia», «Africa» and similar geographical designations cannot serve as a basis for the construction of the historical peculiarity or the historical generality of character in the population of a given territory.

During the present epoch, as the writer points out, the transition to socialism has led to a fuller realization of all that the past of mankind meant, and to a better understanding of the substance of the world historical process.

Konrad developed consistently the materialist Marxist theory of historical progress, described the march of history, and defined significant stages in the development of society as progressive epochs, each giving place to another in accordance with objective changes in productive forces.

At the same time, each people — numerically large or small — has its own individual history which always possesses original, inimitable features of its own. The history of mankind, constructed out of the activities of different peoples with their individual characteristics, is by no means a depersonalized process. The author makes the penetrating remark here that often the meaning of historical events which, it might seem, appertain to the history of one nation alone, becomes fully revealed through the general history of mankind.

He established the existence of various forms of humanism arising out of concrete historical conditions. «Humanism is, in social content, probably the most important of all the great ideas advanced by man in the many millennia of his history. The idea of humanism springs from immense, profoundly-perceived human experience. It is the result of man's having apprehended himself and his social tasks in the process of this experience». It should be noted that for Konrad the idea of humanism was not an abstract concept existing apart from time and space, as may be seen by his remark: «The main source of evil.....is exploitation of man by man and the employment of war as a means for settling conflicts. The struggle to destroy such exploitation, to remove wars from history, is the main content of contemporary humanism». Here, then, is the historical approach to the concept of humanism. At different stages in the development of society it assumed different forms and fulfilled various concrete functions, but the consistent advance of society demands that due importance should be accorded not only to those who struggled for the communistic ideals of today, but also to those earlier forerunners who proclaimed the idea of the value of man.

In his introduction to this volume, Academician E. M. Zhukov writes: «Academician N. I. Konrad may be rightly considered a humanist of our time».

A considerable part of this book consists of hitherto unpublished researches: «The Allotment System in China»; «Essays on the History of East-Asian Countries in the Middle Ages» — these are extremely interesting. The article on «The Allotment System in Japan» first appeared in 1936 in a small edition. Consequently copies of it are now rare, and it has been included.

An erudite theoretical study of the early history of Korea is given in Konrad's review of M. N. Pak's article on «The Social System of Hsilla Society», and new ideas concerning the history of the Mongols in his review of I. Y. Zlatkin's «History of the Djungari Khanate».

A larger work «The Ancient History of Japan» was written by N. I. Konrad in the midthirties. «Essays on the History of East-Asian Countries in the Middle Ages» acquaint his readers with the vast concept that Konrad had in mind. As the manuscript of these was not quite ready for publication, only some of the more finished fragments are included in the supplement. A comparison of this early manuscript with succeeding published works indicates that the author did not consider all his hypotheses adequately grounded. However, many of his ideas afford opportunities for reaching a fuller understanding of development of the author's conception, and of his years of unintermitting labour, bringing the system of views he had elaborated to a more highly-finished stage.

Taken as a whole, these works enable us to form an idea of the scholar's creative laboratory, and of his exacting approach to his work. He refrained from publishing researches that were almost, but not quite, complete. At the same time, it should be pointed out that the ideas he considered fundamental and most mature were published in the form of brief conclusions in text-books, «World History», and «The Larger Soviet Encyclopaedia». These have had their influence upon many research scholars and have contributed to the formation of an integral Marxist conception of world history.

The present publication permits of a fuller appreciation of the massive foundation upon which Academician Konrad's theoretical conclusions were based.

АРХЕОГРАФИЧЕСКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Древняя история Японии.

Курс лекций, прочитанный в 1925—1935 гг. Издан на множительном аппарате в 1936 г. Публикуется впервые.

Надельная система в Японии.

Курс лекций, прочитанный в начале 30-х годов. Первое издание: «Доклады группы востоковедов на сессии АН СССР 20 марта 1935» («Труды института востоковедения», [т.] XVII), М.—Л., 1936.

Надельная система в Китае.

Курс лекций, прочитанный в начале 30-х годов. Издан на множительном аппарате в 1936 г. Публикуется впервые.

Культура Китая второй половины XVII и XVIII в.

Написано в 1958 г., публикуется впервые.

О работе М. Н. Пака «О характере социально-экономических отношений в Силла в период Трех царств».

Рецензия на рукопись статьи М. Н. Пака, опубликованной в журнале «Вопросы истории», 1956, № 7. Написано в конце 1955 — начале 1956 г. Публикуется впервые.

О работе И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства».

Рецензия на рукопись И. Я. Златкина, изданную в 1964 г. [И. Я. Златкин, История Джунгарского ханства (1635—1758), М., 1964]. Написано в начале 1962 г. Публикуется впервые.

Столетие японской революции.

Первое издание: «Народы Азии и Африки», 1968, № 4.

О рабовладельческой формации.

Первое издание: Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1966. Второе издание: Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1972.

Средние века в исторической науке.

Первое издание: «Из истории социально-политических идей. Сборник к 70-летию акад. В. П. Волгина», М., 1955. Второе издание: Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1966. Третье издание: Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1972.

Об эпохе Возрождения.

Первое издание: Н. И. Конрад, Запад [и Восток, М., 1966. Второе издание: «Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы», М., 1967. Третье издание: Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1972.

О барокко.

Написано в 1969 г. Публикуется впервые.

О статье «Просвещение» для «Советской исторической энциклопедии».

Написано в 1966 г. Публикуется впервые.

Диалог историков.

Письмо А. Тойнби — Н. И. Конраду (25 января 1967).

Письмо Н. И. Конрада — А. Тойнби (март 1967).

Первое издание: «Новый мир», 1967, № 7. *Размышления об истории культурного и научного развития человечества.*

Первое издание: «Народы Азии и Африки», 1962, № 5.

О смысле истории.

Первое издание: «Вестник истории мировой культуры», 1961, № 2. Заглавие: «Заметки о смысле истории». Второе издание: Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1966. Третье издание: Н. И. Конрад, Запад и Восток, М., 1972.

Приложение.

Очерки по истории стран Восточной Азии в средние века.

Написано в начале 40-х годов. Публикуется впервые.

УКАЗАТЕЛЬ ИСТОРИЧЕСКИХ И МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН
И ДЕВИЗОВ ПРАВЛЕНИЯ

- Абахай 162
 Аббас I 410, 411
 Абиль-паша 295
 Абэ-но Курахаси-маро 73
 Абэ Хирадо 50
 Августин Аврелий 290—292
 Агуда 162, 393 *
 Ай-ди 115, 123, 124, 159, 381
 Акбар 410, 411
 Акшапада 213, 296
 Александр Македонский 300
 Алексеев В. М. 249, 251, 252
 Алишер Навои 236
 Амагэрасу 15—17, 21, 35, 61
 Амэвака-хико 21
 Амэ-но-минакануси 15
 Амэ-но-торибунэ 21
 Амэ-но-удзумэ 17
 Амэ-но-хибоко 22, 29, 35
 Анахо см. Анко
 Анахуань 348
 Анико 424
 Анкан 46
 Анко 32, 40, 58, 59
 Аннэй 18
 Ань Лу-шань 116, 160, 383, 384, 406
 Аракава-тобэ 17, 18
 Арик-бука 419
 Ариман 310
 Аристотель 213, 244, 260, 269, 309
 Асахара 106
 Асиякага Ёсиаки 460
 Асиякага Ёсимаса 457
 Асиякага Ёсимицу 454, 457
 Асиякага Ёсинори 458
 Асиякага Такаудзи 450
 Атияки 39, 56
 Ати-но оми 31, 40, 56, 63
 Ахиллес 278
 Ахмед 187, 427
 Ахмед ибн Маджид 304
 Бабур 183
 Батур-хунтайджи 183
 Батый 186
 Беньяшири 182
 Бердзенишвили Н. 236
 Бёме Я. 277, 282
 Бидацу 60, 61, 71, 72
 Бин Шэн 390
 Бируни 217
 Бичурин Н. Я. (Иакинф) 178, 181, 423
 Болотников И. И. 295
 Боролина И. В. 237
 Бо Синь-цзянь 248
 Бо Цяюй-и 248
 Боян 419, 420, 422, 424
 Брагинский И. С. 236
 Бруни Л. 247
 Бруно Дж. 194
 Будда, Гаутама (Шакьямуни) 66, 97, 216, 217, 243, 291, 352, 360, 366, 378, 430
 Бурггардт 235, 246, 247
 Бурэцу 51
 Бэкон Фр. 268
 Вавилов Н. И. 194
 Вазари Дж. 239
 Вакакусака 47
 Ваки-Ирацуюко 39
 Ваки-но Киемаро 379
 Ван Ань-ши 248, 254, 393
 Ван Би 260
 Ван Вэй 236, 248
 Ван Гон 396
 Вани 39, 40, 56, 63
 Ван Си-чжи 352
 Ван Сянь-чжи 226, 387
 Ван-хан 415
 Ван Ян-мин 192, 197
 Вань Годзи 425
 Васко да Гама 185, 304, 436
 Ватацуми 19
 Вико Д. 291, 292
 Владимирцов Б. Я. 414
 Волгин В. П. 236
 Вэй Ги-шэн 250
 Вэнь-ван 66
 Вэнь-ди см. Ян Цзянь
 Вэнь Тянь-сян 419, 420
 Галдан 184, 185
 Галлилей Г. 194
 Гао-цэу см. Ли Юань
 Гао-цэун 394
 Гэпроку 190
 Гераклит 212, 213
 Глускина А. Е. 97
 Гоббс Т. 294
 Годайго 450
 Голенищев-Кутузов И. И. 235

Го Цзы-син 430, 431
Гриммельсгаузен Г. Я. К. 277
Гуан У-ди 12, 347
Гуань-ди 343
Гуань Юй см. Гуань-ди
Гу Кай-чжи 352
Гуссейн 427
Гу Хун-жун 392
Гуюк 418
Гу Янь-у 166, 169
Гэндзи 405
Гэвкэй 108
Гэпроку 190

Дайдо 108
Дай Чжэнь 166, 167
Даян-хан 183, 416
Декарт Р. 245, 269
Демокрит 213
Джавахишвили И. 236
Джанашия С. 236
Джэбэ-нойон 417
Дэйкан 104
Дзёмэй 61, 72
Дзимму 22—25, 27, 29—31, 35, 42, 44, 62
Дзинго 81
Дзингу 27, 31, 32, 37, 38, 43, 62, 369—
371

Дэито 13
Дзаами см. Сзаами
Диоклетиап 208
Доги 451
Докё 378
Достоевский Ф. М. 322
Доу Цзянь-дэ 356
Дун Чан 387
Ду Фу 236, 248, 254
Ду Ю 353, 381
Дэн Мао-ци 437

Еврипид 297
Елюй Чуцай 187, 423, 424
Есугей-баатар (багатур) 414

Ёро 80

Жаньсю 405, 406
Жань-цзун 428
Жирмунский В. М. 236
Жуков Е. М. 10

Зая-пандит 184
Зевс 211, 310
Зикерпарт И. 165
Златкин И. Я. 9, 181—187, 461

Ибн Баттута 425, 426
Ибн-Сина (Авиценна) 217
Ибн-эль-Атир 422
Иваи 50
Иваки 41
Ива-но химэ 47
Идзанаги 15, 16, 22
Идзанами 15, 22
Идзахо-вакэ 47

Иида Такэго 76
Икутамаёри-химэ 19, 20
Имимэси 35
Имоко 71
Инамэ 60, 73
Инамэси 35
Инахи 35
Инкё 32, 40, 54, 56, 58, 59
Иннокентий IV 412
Ино Дзякусуй 194
Инуками Митасуки 72
Ин-цзун 183
Иичжон 397
Иоанн 292
Иоанн ХХIII 272
Ирука 61, 72, 73
Исида Байгэн 192
Исикоридомэ 17
Исотакэру 22, 35
Исэ-цу хико 44
Итакэру 35
Ито Дзинсай 192
Ито Дзохэй 42, 43, 49, 50, 63
Итоси-нака 47
Ито Тогай 192
Ицусэ 27
Иэмичу 191

Йомэй 60

Каватама-химэ 17, 18
Кагосака 31, 43
Кайду 439
Кайка 19, 29, 30
Кайюань см. Ли Лун-цзы
Какука 68
Камакура 48
Каматари 73
Камимусуби 15, 17, 18
Кампё 107
Кан Гамчхон 397
Каншипка 227
Кано Масанобу 457
Канси 163, 165, 167
Капица П. Л. 282
Кацураги-но Соцухико 39
Кара Язуджи 295
Карл Великий 276, 326
Карпини П. 186
Кару 58, 73
Кастилионе Дж. 165
Касуга-но Татэкуни Кацутоба 17
Кафка Ф. 280
Кацуми 60
Кацураги Цубура 32, 58, 59, 61
Квангэван 328
Кене Ф. 194
Кеннеди Дж. 272
Кеплер И. 194
Ки 18
Киби-но Таса 41
Киби-цу хико 28
Кидзи-но накимэ 21
Киммэй 59, 60
Ким Юсин 364
Ки-но Омаро 72

- Ки-но Цуну 39
 Кита 62
 Китабатакэ Тикафуса 108
 Клисфен 203
 Когёку 51, 61, 72, 73
 Кого-Темур 431
 Коко 104
 Конмин 440
 Константин, римский император 337
 Конфуций см. Кун-цзы
 Копъян 441
 Коперник Н. 192, 194
 Корелин М. С. 244
 Котоку см. Кару
 Кун 249
 Кун Е 396
 Кун Ин-да 242, 257
 Кун-цзы 5, 65, 66, 211, 217, 239, 240,
 242, 247, 249, 251, 256, 281, 424
 Кун Шан-жэнь 168
 Кусуноки Масасигэ 450
 Кучлук 416
 Кэйко 27, 30, 46, 47, 49, 51
 Кэйтай 43
 Кэнсо 59
- Лао-цзы 5, 281
 Левинтон А. Г. 268
 Левкипп 213
 Лейбниц Г. 194, 269, 272
 Ленин В. И. 199, 263, 297
 Ли Ань-ши 125, 126
 Ли Ао 250
 Ли Бён До 173, 174, 176
 Ли Бо 236, 248, 251, 252, 254
 Лим Иним 440, 441
 Ли Кэ-юн 388
 Ли Лун-цзи 132, 159, 169, 357, 380, 381,
 383
 Ли Панвон 441, 442, 446
 Ли Сон Ге 435, 440—442
 Ли Сон Го 440
 Ли Сяо-бо 125
 Ли Хванчжо 440
 Ли Цзян 422
 Ли Цзы-чэн 190, 226, 266, 295
 Ли Шан-ин 5
 Ли Ши-мин 114, 356, 422
 Ли Ши-чжэнь 169
 Ли Эр (Ли Чжи-ма) 429
 Ли Юань 114, 355, 362
 Ли Юань-хао 393
 Лу Сю-фу 419, 420
 Лу Сянь-шань 392
 Лу Ю 248
 Лю 448
 Люй Бо-гун 243
 Лю Бэй 117, 342, 343
 Людовик XIV 265, 276
 Лю Ми 356
 Лю Цзун-юань 5, 216, 252—254
 Лю Янь 118
- Марк Аврелий Антонин 228
 Маркс К. 3, 4, 204, 262, 280, 282, 294,
 298, 312, 321, 341
- Маруко 20
 Матисс А. 297
 Матори Хэгүри 33
 Мацуока Сидзүо 42, 46—48
 Маэ-но Осихомими 21
 Маюва 59
 Меринг Ф. 321
 Мё Чхон 397
 Мива 20
 Микельбанджело Буанаротти 297
 Минамибути Сёан 73
 Минамото Ёритомо 404
 Минамото Цунэмото 403
 Мин Юй-чжэнь 431
 Митасуки 72
 Мити-но оми 62
 Мишле Ж. 246
 Миядау-химэ 17
 Момояма 279
 Мононобэ Аракаи 59
 Мононобэ Ирофуцу 32
 Мононобэ Мория 33, 60, 63
 Мононобэ Окоси 60
 Монте Корвино де И. 426, 427
 Мори 459
 Морисима 50
 Моритани Кокки 161
 Моси 106
 Мотоори Норинага 193
 Мо-цзы 213, 296
 Мудзүхо-вакэ 47
 Мункэ 418, 419, 421
 Мурасаки-сикибу 405
 Мухули 417
 Мэйва 193
 Мэйдзи 193, 268, 460
 Мэн Хай-ма 429
 Мэн-цзы 5, 192, 211, 240—242, 260,
 281
- Нагарджуна 290—292
 Нагасунэ-хико 27
 Накамура Тэкисай 243, 244
 Нака-но Оэ 64, 73
 Накаси 59
 Накатоми Камако 60
 Накатоми Каматару 73
 Накаэ Тодзэ 192
 Наян-хан 427
 Невский Н. А. 5
 Нигихаяби 27
 Никитина И. Б. 237
 Ниммё 108
 Ниниги 17, 21, 22, 25, 42
 Нинкэн 13, 59
 Нинна 104, 105
 Ниномия Сонтоку 194
 Нинтоку 27, 31—33, 38, 42, 43, 47, 51
 Нитира 72
 Нигирэн 457
 Нитта Ёсисада 450
 Нихо 31
 Нурхаци 162
 Нудубидзе Ш. И. 235, 236
 Ньютон И. 194, 269

- Овидий (Публий Овидий Назон) 260, 309
 Ода Нобунага 460
 Одзин 31, 37, 38, 40, 370
 Одоакр 220
 Окуницуси 16, 17, 21, 22, 27, 28
 Окусака 47, 58
 Омари Кингоро 97
 Оми-но Кэну 41
 Омоиганэ-но ками 21
 Онин 451, 455, 456, 549
 Оно-но Имоко 71
 Опитц М. 277
 Ормуэд 310
 Осикума 31, 43
 Осю Хэйхатиго 192
 Осихомими 35
 Ота Акира 42, 44
 Отото Канамура 59
 Отото Сада-кико 60
 Оути 453—455
 Оути Масахиро 451
 Оуян Сю 5, 216, 248, 253,—255, 391
 Охико 28
 Охирумаути 17
- Пагба 187
 Паевская Е. В. 237
 Пак М. Н. 9, 170—180, 461
 Пегалотти Фр. Б. 428
 Перри 190
 Петрарка Ф. 244, 247, 248, 251, 260
 Пифагор 212, 311
 Платон 244, 260
 Плотин 260
 Позднеева Л. Д. 237
 Покин 363
 Полибий 209, 210, 290, 291
 Поло Марко 425—427
 Поло Матео 427
 Поло Николо 427
 Прометей 211, 310
 Пхун 363
 Пэк Нам Ун 170, 172—174, 176—179
- Рай Сангё 194
 Расян Ж. 297
 Резерфорд Э. 282
 Рейтер Х. 277
 Ритю 32, 40, 58, 59
 Ромул Августул 220
 Рудаки 274
 Руссо Ж.-Ж. 269, 294
 Руставели Ш. 235
- Саади 274
 Сайсо 31
 Салитай 438
 Салютати К. 247
 Самахимэ 17
 Сахохико 29
 Семанов В. И. 236, 237
 Сервий Туллий 203, 206
 Сечжон 443, 444
 Сёму 108, 380
 Сёсин 97
- Сётоку-Тайси 12, 13, 61, 65, 67—69, 71—73, 374, 378
 Сёхай 108
 Сёхо 96
 Сиба 458
 Сиба Датто 59, 60, 63
 Сиба Кокав 192
 Сиби 59
 Синдон 440
 Синсон-о 39
 Синчжон 396
 Сионори 29, 37, 39
 Си-цаун 387
 Сога Инамэ 60
 Сога Ирука 63, 73
 Сога Кураямада Исикавамаро 73
 Сога Мати 32, 59
 Сога-но Исикава 39
 Сога Умако 63
 Сога Эмиси 63
 Солон 203
 Соно-Касиги 37
 Сольго 366
 Спартак 207
 Субудай 214
 Суданн 27—29, 36, 37, 43, 50, 51
 Су Дун-по см. Су Ши
 Суйко 13, 46, 61, 64, 72
 Суйнин 14, 20, 29, 35, 43, 45—47, 49
 Суйоэй 18
 Сулейман II 410, 411
 Сун Ин-син 164, 169
 Сун Ши-лян 132
 Сунь-цзы 422
 Сунь Цюань 342, 343
 Сусаноо 15—17, 20, 21—28, 35, 38, 362
 Сусюн 61, 63, 64, 70, 72, 253
 Су Чжэ 255
 Су Ши 216, 248, 253—255, 343
 Сыкун Ту 251
 Сыма Гуан 391, 393
 Сыма И 343
 Сыма Лан 120, 344
 Сыма Сян-жу 239, 241, 251
 Сыма Цянь 209, 210, 239, 241, 251, 290, 292
 Сыма Янь 18, 115, 116, 120, 326, 343, 354
 Сэами 458
 Сэйва 104
 Сэйму 27, 30, 31, 38, 51
 Сэйнэй 59
 Сэй-сёнагон 405
 Сэки Кова 194
 Сэливджер Дж. Д. 281
 Сэнка 72
 Сэссю 457
 Сюй Гуан-ци 169
 Сюй Да 431
 Сюнь-цзы 211
 Сюо Тун 249, 250, 351
 Сясу-ди 115, 124
- Тайка 47, 51, 57, 64, 71, 73, 74, 76, 77, 85, 107, 375, 376, 378
 Тайра 457
 Тайра Масакадо 108, 402

- Тайра Садамори 403, 404
 Тайси 68
 Тайхэ 125
 Тай-цау см. Чжу Юань-чжан
 Тай-цаун см. Ли Ши-мин
 Так 72
 Такаги см. Такаимусуби
 Такака Сакудзиро 113
 Такаимусуби 15, 21
 Такамуко Гэнри 71, 73
 Такигава Масадзиро 50, 76, 93, 96, 97, 108
 Такусо 31
 Такэда 453, 459
 Такэкоси Есабуру 50, 93
 Такэкунакава-какэ 28
 Такэмикадзуги 16, 17, 21
 Такэноути-но сукунэ 31, 32, 38, 43, 62
 Такэру 369
 Такэханияцу-хико 28
 Тамаёри-химэ 19
 Таманоя 17
 Танива-но тинуси 28
 Тао Цянь (Тао Юань-мин) 351
 Тацит, Корнелий 276
 Темур см. Чан-цаун
 Темучин см. Чингис-хан
 Теодорих Великий, король остготов 261
 Тимур 182, 229, 230
 Тоба Гуй 348
 Тогон-Темур 428, 429, 431
 Тоётама-химэ 12, 20
 Тоётоми Хидэёси 460
 Тойнби А. 270, 273
 Токирихико 18
 Токугава Иэясу 460
 Тосёгу 279
 Тулуй 417
 Тхэ Чжон см. Ли Панвон
 Тэмпé 81, 84, 96, 108, 109
 Тэнкэй 108
 Тюай 27, 31, 37, 38, 43
 Тяньбао см. Ли Лун-цзи
- У см. Юряку**
 У-ван 66
 Угаяфукнаэдэу 19, 35
 Угэдэй (Угедей) 417, 418, 421, 427, 428
 Уда 402
 У-ди см. Сыма Янь
 Умако 60, 61
 Умаядо см. Сётоку-Тайси
 Утида Гиндзо 50, 51, 76, 104—108, 161
 Утченко С. Л. 278
 Учэн-ди 132
 Уэсуги 453, 459
- Фараби** 217
 Фидий 297
 Фильштинский И. М. 236
 Фишман О. Л. 252, 268
 Фома Аквинский 242, 257
 Франциск Ассизский 258
 Фудзивара Есифуса 398
 Фудзивара Каматару 85
 Фудзивара Накамаро 378
- Фудзивара Огурамаро 379
 Фудзивара Сумитомо 402, 403
 Фудзивара Танэцугу 378, 379
 Фукудзавэ 268, 269
 Футамавака-химэ 17
- Хагино Ёсиноки 47, 94
 Хайду-хан 427
 Хаксли Дж. 283, 284
 Хан Гир Эн 178
 Хансё 32, 40, 58
 Хань Линь-эр 430, 431
 Хань Си-цзянь 392
 Хань Шань-тун 430
 Хань Ши-чжун 394
 Хань Юй 216, 217, 239, 241—243, 246—248, 250—254, 260, 386, 391
 Хань Я 5
 Хасамукин 39
 Хата Асамото 379
 Хатакэяма 458
 Хата Симмаро 379
 Хата-но Ясиро 39
 Хаяквэ Дзиро 52
 Хе Чхо 394
 Хёнчжон 397
 Хигасикуни 195
 Хикоходэми (Хоори) 19, 20
 Химико 13, 18, 25, 26, 36
 Хинага-химэ 20
 Хирата Ацутанэ 11
 Хондзё Токимуна 448
 Ходзи 84
 Хой 21
 Хомудзи-вакэ 20
 Ходзё Эйдайро 93, 97
 Хорезми 217
 Хосокава 458, 459
 Хотта Сёсаю 76, 103, 106
 Христос Иисус 309, 318
 Хуан Цзун-си 166
 Хуан Чао 226, 387
 Хуань Куань 340
 Хубилай 187, 229, 418—421, 423, 425, 427, 428, 439, 448, 449
 Ху Вэй 166
 Хулагу 418
 Хуэй Дун 166
 Хэгури-но Дэуку 39
 Хэгури Матори 33
 Хэгури Цуку 32
- Цао Пэй 343, 344
 Цао Цао 120, 208, 342—344
 Цезен 277
 Цзи Чэн 164
 Цзун Ми 255
 Цзэн Сянь-чжи 118
 Цзя Ся-цао 419
 Циглер 277
 Цинь Куай 394
 Циньмао 380
 Цицерон, Марк Туллий 211, 212, 247, 256
 Цуга-но оми 31, 40
 Цуда Сокити 49
 Цукиёми 15, 16

Цунайси 191
Цунуга Арахито см. Соно-Касити
Цураюки 405
Цю Фу 435
Цюй Юань 249, 251
Цянь-лун 163, 166, 167, 185

Чагатай 428
Чалоян В. К. 236
Чантурия В. Д. 236
Чан-цзун 427
Чан Юй-чунь 431
Чжан Хэй-цюй 243, 247
Чжан Цзай см. Чжан Хэй-цюй
Чжан Ши-цзе 419
Чжан Ши-чэн 431
Чжао Куан-минь 388
Чжао Сюй 393
Чжао Цзи 392
Чжоу-гун 66, 249
Чжоу Дунь-и 243, 246, 391, 392
Чжоу Лянь-си см. Чжоу Дунь-и
Чжуан-цзы 251, 281
Чжу Вэнь 387, 388
Чжу Вэнь-гун см. Чжу Си
Чжугэ Лян 343
Чжу Ди 434, 435
Чжун Цан-гун 116
Чжун Чжан-гун 344
Чжу Си 217, 118, 165, 191, 192, 243, 255,
391, 392
Чжу Юань-чжан 430—435, 453
Чжэн Хэ 435, 436
Чингис-хан 187, 229, 394, 398, 412—
419, 421, 423
Чин Хвон 396
Чо Гун 442
Чо Мин Сю 441
Чон Мончжу 441
Чон Чжунбу 397
Чунчжон 446
Чхве Ен 441
Чхве У 438
Чхве Чжунхон 397, 398, 438
Чэн-ди 115, 123, 124, 159, 351, 381
Чэн И 243, 244, 246, 247, 391
Чэн И-чуань 243

Чэн Мин-дао см. Чэн И
Чэн Хао 391
Чэн Цзю-и 436
Чэнь Хэ 436
Чэнь Шоу 117

Шакьямуни см. Будда
Шан Ян 115
Ши Сы-минь 384
Шпенглер О. 270, 271, 273, 292
Штукин А. А. 5
Шунь 66
Шунь-ди см. Тогон Темур
Шуцкий Ю. К. 5
Шэнь Чжоу 297

Ыльчи Мундок 362

Эмиси 61, 72, 73
Эмпедокл 213
Энгельс Ф. 3, 4, 204, 262, 266, 282, 294,
298, 312, 321, 341
Энги 107, 108
Энряку 106, 108
Эсен 183

Юань Чжэнь 248
Юдауки-но кими 31, 40
Юн-чжэн 167
Юряку 27, 32, 33, 40, 43, 48—50, 56, 59,
62, 328, 329, 442
Юэ Фэй 394

Ямагата Дайни 193
Ямана 451, 459
Ямасиро-оэ 61, 72
Ямато-такэру 30, 45, 47, 51
Ян Гуан 71, 141, 142, 353, 355, 362
Ян-ди см. Ян Гуан
Ян Жо-цзюй 166
Ян Сюн 239, 241, 251
Ян Цзянь 120, 141, 142, 351, 362
Янь Ши-гу 242
Яо 66
Ясумаро 15
Ята-но вакаира-цухимэ 47

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (Е. М. Жуков)	1
Древняя история Японии	11
Надельная система Японии	75
Надельная система в Китае	114
Культура Китая второй половины XVII и XVIII в.	162
О работе М. Н. Пака «О характере социально-экономических отношений в Силла в период Трех государств».....	170
О работе И. Я. Златкина «История Джунгарского ханства»	181
Столетие японской революции	188
О рабовладельческой формации	200
Средние века в исторической науке	214
Об эпохе Возрождения	235
О барокко	265
О статье «Просвещение» для «Советской исторической энциклопедии»	268
Диалог историков.....	270
Размышления об истории культурного и научного развития человечества	283
О смысле истории	290

ПРИЛОЖЕНИЯ

Очерки по истории стран Восточной Азии в средние века	325
IV и VII вв. в истории народов восточной Азии	325
из истории средних веков стран восточной Азии	334
Summary	461
Археографические примечания	464
Указатель исторических и мифологических имен и девизов правления	465

Николай Иосифович Конрад
ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ. ИСТОРИЯ

Утверждено к печати
Отделением литературы и языка
Академии наук СССР

Редактор *Ф. Б. Беллюбский*
Редактор издательства *Г. Ф. Дубовикова*
Художник *А. Ф. Серебряков*
Художественный редактор *Ю. П. Трапачев*
Технический редактор *С. Г. Тихомирова*

Сдано в набор 24/XII 1973 г.
Подписано к печати 21/V 1974 г.
Формат 70×100^{1/16}. Бумага типографская № 1.
Усл. печ. л. 38,38. Уч.-изд. л. 40,3.
Тираж 6000. Т-06571. Тип. зак. 3306.
Цена 2 р. 78 к.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10